
E 51/51
1896

Въ Общ. Древнерусск. искусства
при Моск. Публ. музеѣ Янв. 1897

Н. Е. Бранденбургъ.

Старая Ладога.

Рисунки и техническое описаніе академика В. В. Суслова.

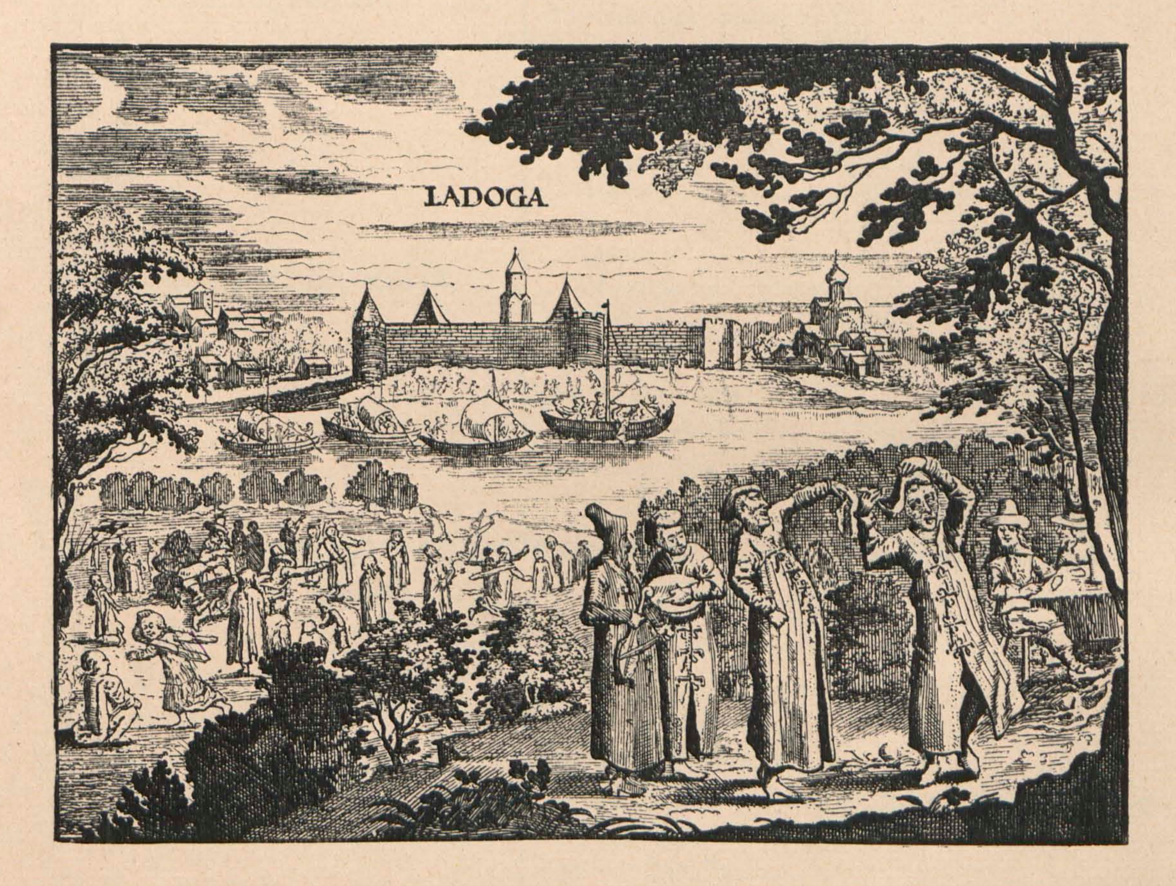
Юбилейное изданіе ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Археологическаго Общества.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая ул., д. № 40.
1896.

Н. Е. Бранденбургъ.

Старая Ладога.

Рисунки и техническое описаніе академика В. В. Суслова.

Юбилейное изданіе ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Археологическаго Общества.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая ул., д. № 40.
1896.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

матеріалъ, съ прибавленіемъ трехъ картъ и многихъ фотографическихъ снимковъ съ городища, сдѣланныхъ въ разное время, приложены къ настоящему изданію.

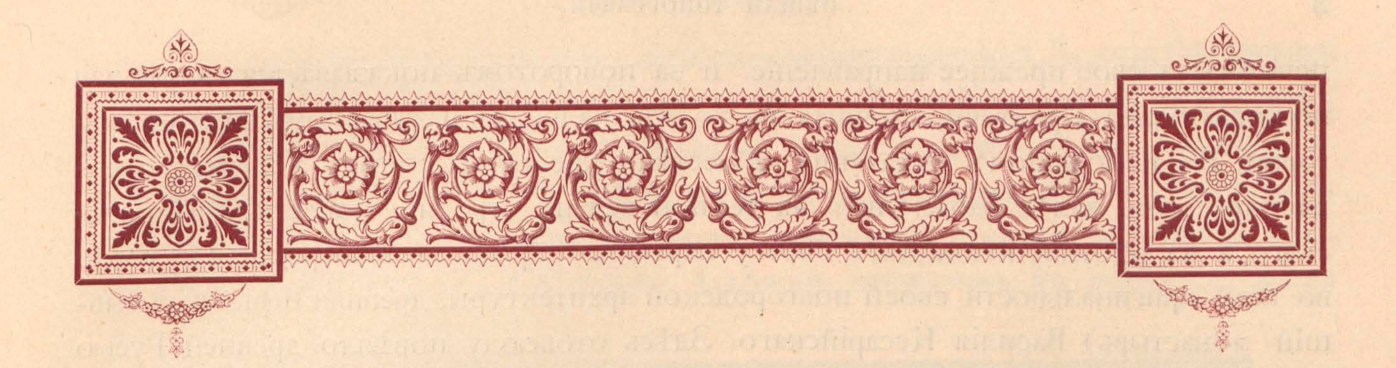
Что касается самаго текста, то таковой раздѣленъ нами на двѣ части: одна посвящена историческому очерку Ладоги, другая археологическому описанію непосредственно городища; мы сочли полезнымъ присоединить къ первой изъ нихъ, кромѣ двухъ топографическихъ картъ, еще составленную нами спеціальную карту земельнаго владѣнія около Ладоги во второй половинѣ XVIII ст., по планамъ Генеральнаго межеванія 1778—79 г., въ виду ея значенія для уясненія разныхъ мѣстностей, пустошей и урочищъ, упоминаемыхъ въ древности (напр. въ Переписной книгѣ Вотской пятины 1500 г.) и большею частью нынѣ уже неизвѣстныхъ, въ приложеніяхъ же помѣщена серія документовъ, касающихся непосредственно Ладоги и преимущественно еще неизданныхъ; кромѣ того въ отдѣльномъ приложеніи читатель найдетъ пояснительныя примѣчанія академика архитектуры В. В. Суслова къ составленнымъ имъ чертежамъ городища съ находящимися въ послѣднемъ церквями.

Н. Бранденбургъ.

Часть I.

Городъ Ладога (Старая).

Общая топографія

Оставивъ за собой Варяжское море и направляясь по лѣтописному пути «изъ Варягъ въ Греки», путникъ встрѣчаетъ скучное и однообразное теченіе Невы, за которымъ вступаетъ въ безбрежную даль Ладожскаго озера, древняго Нево, и по волнамъ послѣдняго достигаетъ устья Волхова. Историческая русская рѣка привѣтствуетъ его здѣсь однимъ изъ древнихъ урочищъ Новгородской земли—Медвѣдкой, занятымъ съ 1704 г. глухимъ уѣзднымъ городомъ Новой Ладогой, но много ранѣе здѣсь-же стоялъ Николаевскій монастырь, носившій названіе Медвѣдскаго или Медвѣдицкаго и существовавшій еще въ XV столѣтіи. Отсюда путь лежитъ по Волхову, но непривѣтливы въ началѣ берега послѣдняго, покрытые дюнными песками съ угрюмыми соснами, занявшими мѣсто когда-то плескавшагося на этихъ пескахъ Ладожскаго озера, отступившаго впослѣдствіи въ свои нынѣшніе предѣлы. Мѣстность понемногу поднимается; вотъ еще урочище, напоминающее о вѣкодавнемъ пребываніи здѣсь того-же озера—нынѣшнее селеніе Ивановскій Островъ, расположенное почти на гребнѣ начинающейся затѣмъ возвышенности, а нѣсколько далѣе и первые слѣды мѣстныхъ доисторическихъ поселеній—два уединенно стоящихъ кургана. За ними рѣка дѣлаетъ короткій, но крутой поворотъ на Западъ, на томъ-же берегу открывается еще цѣпь кургановъ, но давно уже разрушенныхъ, и между ними одинъ огромныхъ размѣровъ, также неизвѣстно кѣмъ разоренный еще въ минувшемъ столѣтіи. Курганъ поражаетъ своей выдающейся величавостью, не имѣя далеко кругомъ себѣ соперниковъ, и при взглядѣ на него невольно приходитъ въ голову поэтическая легенда новгородской лѣтописи о смерти и погребеніи гдѣ-то здѣсь, въ окрестностяхъ, на Волховѣ Олега Вѣщаго. Близь подножія этой огромной насыпи рѣка снова

принимаетъ свое прежнее направленіе и за поворотомъ показывается старинная церковь Іоанна Предтечи, стоящая на холмѣ, издревле называемомъ Малышевой горой. Въ небольшомъ отдаленіи заблестѣли кресты на главахъ Успенскаго монастыря, еще далѣе забѣлѣлись на темной зелени строенія монастыря Никольскаго, а на противуположномъ берегу картинно обрисовалась выросшая на горѣ, во всей оригинальности своей новгородской архитектуры, древняя церковка (бывшій монастырь) Василія Кесарійскаго. Здѣсь отовсюду повѣяло древней Русью и глаза путника невольно ищутъ центра этой дышащей стариною мѣстности,— передъ нимъ Старая Ладога.

Небольшое грязное селеніе верстахъ въ 12 отъ озера, прилѣпившееся на лѣвомъ берегу Волхова между двумя монастырями и замѣчаемое, лишь когда къ нему почти подъѣдешь, вотъ, что нынѣ представляетъ слѣдъ этого бывшаго центра, когда-то составлявшаго конечный пунктъ плаванія варяговъ, извѣстный торговый этапъ средневѣковой Ганзы и пограничную твердыню Новгорода—бывшій здѣсь древній городъ Ладогу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, передъ разочарованнымъ взоромъ путника обрисовывается на берегу и другая картина: передъ нимъ, рядомъ съ убогимъ селеніемъ, гордо воздвигаются, во всей своей величавой красѣ вѣковаго запустѣнія, остатки каменныхъ развалинъ древней крѣпости, хотя изглоданные уже безжалостнымъ временемъ и невѣжествомъ, но до сихъ поръ еще сопротивляющіеся усиліямъ семи столѣтій стереть ихъ съ лица земли. Четыре башни съ зіяющими въ нихъ бойницами, сложенныя изъ огромныхъ валуновъ и соединенныя остатками кое-гдѣ уцѣлѣвшихъ стѣнъ, мѣстами въ нѣсколько саженъ вышиною, окружаютъ пріютившуюся среди нихъ такую-же древнюю церковь св. Георгія и вмѣстѣ съ нею сразу-же переносятъ путника въ далекія времена сѣдой старины, въ эпоху «Господина Великого Новгорода», славные дни котораго такъ хорошо помнятъ эти монументальные обломки давняго прошлаго. Съ особымъ чувствомъ теперь ступаетъ путникъ на эти освященныя историческою древностью мѣста и даже самое убожество современной панорамы селенія нѣсколько смягчается подъ приливомъ новыхъ впечатлѣній. Передъ нимъ устье рѣчки Ладожки, почти перпендикулярно впадающей здѣсь въ Волховъ и раздѣлявшей древній городъ на двѣ половины, но нынѣ селеніе тѣснится только на сѣверной сторонѣ рѣчки, отдѣляющей его отъ развалинъ крѣпости, лежащихъ на южной, и обѣ соединяются перекинутымъ мостомъ, какъ, конечно, было и въ древности; у этого моста, по словамъ мѣстныхъ старожиловъ, когда-то въ старину былъ рынокъ. Не въ дальнемъ разстояніи за нимъ рѣчка развѣтвляется на собственно Ладожку и Заклюку, которыя затѣмъ расходятся въ противуположныя стороны, приблизительно на Сѣверъ и Югъ,

омывая своимъ теченіемъ, по всей вѣроятности, границы прежней Ладоги. Сѣвернымъ своимъ краемъ селеніе почти примыкаетъ къ древнему Успенскому монастырю, ограда котораго когда-то служила мѣстомъ суроваго заточенія Евдокіи Лопухиной, первой супруги Петра Великаго, въ самомъ-же селеніи сохранились только два обломка сѣдой старины—остатки двухъ каменныхъ церквей, стоявшихъ одна на берегу Волхова, другая на берегу Ладожки, открытыхъ въ новѣйшее время

Рис. 1. Староладожская крѣпость въ полсвинѣ XVII вѣка (по Олеарію) [1].

подъ покрывавшими ихъ курганообразными насыпями, но отмѣченныхъ въ народной памяти стоявшими на нихъ ранѣе старыми развалившимися часовенками. Перейдя черезъ мостъ и повернувъ на берегъ Волхова, путникъ приближается къ жемчужинѣ Ладоги—къ величавымъ развалинамъ ея бывшей каменной твердыни, на которую народная легенда перенесла вѣкодавнее преданіе о призвании варяжскихъ князей, наименовавъ твердыню «Рюриковой крѣпостью» и пріурочивъ къ ней мѣстопребываніе этого перваго князя земли русской; но народная легенда не справляется съ лѣтописью и въ данномъ случаѣ является лишь

[1]) Изданіе 1655 г.

поэтическимъ анахронизмомъ, смѣшивающимъ событія, раздѣленныя тремя вѣками (ибо крѣпость воздвигнута въ началѣ XII вѣка) и свидѣтельствующимъ только о томъ историческомъ ореолѣ, которымъ въ глазахъ мѣстнаго населенія окруженъ этотъ монументальный памятникъ глубокой древности. Устланная щебнемъ и свалившимися сверху валунами дорожка, ведетъ путника вдоль грандіозной стѣны въ среднюю башню и внутрь самого городища. Вездѣ кругомъ печать давняго разрушенія: полуразсыпавшіеся своды, каменные массивы, грозящіе ежеминутнымъ паденіемъ, изгрызенные вѣками гребни стѣнъ и башенъ, все это среди общаго безмолвія дышетъ смертью, дышетъ чѣмъ-то давно отжившимъ; впечатлѣніе усугубляется множествомъ могильныхъ крестовъ мѣстнаго Георгіевскаго погоста, занимающихъ внутренность городища, усугубляется жалкимъ видомъ старинной полуразвалившейся, стоящей здѣсь-же деревянной церковки Димитрія Солунскаго, едва держащейся на землѣ, и только маленькій каменный храмъ Св. Георгія, пріютившійся съ вѣкодавнихъ временъ въ стѣнахъ городища, является свѣтлымъ бликомъ на этой унылой картинѣ;—въ немъ уже шесть или семь столѣтій не прерываются молитвы ладожанъ Тому, въ рукахъ Котораго судьбы всего прошедшаго и будущаго!

Миновавъ этотъ храмъ, путникъ приблизится къ южному фасу городища, вѣнчающему крутой спускъ въ глубокую балку, которая сбѣгаетъ въ Волховъ и образуетъ такимъ образомъ родъ огромнаго вала на южной сторонѣ крѣпости, существовавшаго еще до сооруженія послѣдней; среди мѣстнаго населенія балка носитъ названіе «тайника», въ которомъ крылатая народная фантазія создала существованіе скрытыхъ подземныхъ ходовъ и тому подобныя таинственности «Рюриковой крѣпости», совершенно впрочемъ сказочныя. Поднявшись на другой берегъ балки, путникъ вступаетъ на разстилающуюся далѣе возвышенность, омываемую Волховомъ, и передъ глазами открывается своеобразное зрѣлище какого-то стихійнаго разрушенія: вся поверхность, на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ саженъ, изборождена глубокими отвѣсными провалами, на днѣ которыхъ мѣстами виднѣются фрагменты каменныхъ массивовъ, а нѣсколько далѣе въ сторону отъ рѣки, тянется рядъ какихъ-то неправильныхъ насыпей и среди всего этого доживаютъ послѣдніе свои дни остатки развалившейся деревянной часовенки, неизвѣстно чьими руками когда-то сооруженной. Но не стихійныя силы произвели это разрушеніе: съ одной стороны людская нажива нашего практическаго вѣка усмотрѣла себѣ добычу въ нѣдрахъ берега и путемъ глубокихъ подкоповъ съ рѣки изрыла подпочвенный песокъ обширными пещерами, которыя, обвалившись, поглотили еще недавно находившіяся на поверхности развалины древней бывшей здѣсь церкви

Св. Климента, съ другой-же безжалостное время стерло здѣсь-же слѣды когда-то занимавшаго эту площадь другаго укрѣпленія прежней Ладоги, носившаго въ XVII вѣкѣ названіе Деревянного или Земляного города (крѣпости), и оставило на память о немъ только рядъ упомянутыхъ насыпей. По всей вѣроятности, здѣсь-же нужно видѣть и первоначальное мѣстоположеніе древнѣйшей Ладоги, судя по упомянутой церкви XII вѣка, общимъ топографическимъ условіямъ и культурнымъ слѣдамъ, обнаруженнымъ на значительной глубинѣ подъ почвой.

Немного далѣе, на самомъ берегу Волхова живописно расположился Никольскій монастырь, помнящій также времена независимости Великого Новгорода, а западнѣе и южнѣе его, между Волховомъ и теченіемъ Заклюки, раскинулось возвышенное плато, носящее среди мѣстнаго населенія знаменательное названіе «Побѣдища». Другая огромная балка, упирающаяся въ Волховъ, перерѣзываетъ его поперегъ, выводя путника въ близь лежащую деревню Княщино, вдоль же восточнаго, береговаго края урочища тянется длинная цѣпь кургановъ, почти всѣ уже въ прежнее время раззоренные. Съ Побѣдищемъ мѣстное преданіе связываетъ воспоминаніе о какой-то побѣдѣ, одержанной будто-бы здѣсь Александромъ Невскимъ надъ шведами, но подтвержденій для этого въ нашихъ лѣтописяхъ не имѣется. Можно прибавить только, что быть можетъ, преданіе представляетъ смутный отголосокъ какого-нибудь событія другаго времени и что въ XVII в. здѣсь дѣйствительно существовало селеніе, носившее то-же названіе, но ранѣе въ XV ст. (по писц. книгѣ 1500 г.) таковаго не значится, а показана лишь волость «Бобедище» владѣльца Побѣдитцкаго, въ которой между прочимъ находилась деревня «Большой дворъ у Ладоги», по генеральному межеванію 1778 г. отожествленная съ Побѣдищемъ; въ виду этого, быть можетъ, названіе послѣдняго и не имѣетъ историческаго происхожденія. Любопытно, что лѣтъ 20 тому назадъ на этомъ-же Побѣдищѣ былъ найденъ глиняный сосудъ съ древними восточными монетами, между которыми оказались сассанидскія VI и VII столѣтій, фактъ, указывающій въ какія далекія времена здѣсь пролегали пути торговыхъ сношеній.

Кругомъ Ладоги раскинулись старинныя селенія, въ большинствѣ которыхъ путникъ встрѣчается съ большими деревянными крестами, которые покрыты вырѣзанными надписями, указывающими на время ихъ сооруженія усердіемъ разныхъ лицъ, для поклоненія православныхъ христіанъ; почти всѣ они относятся къ XVII столѣтію. Таковы деревни: Зеленая Долина и Неважи, стоящія почти рядомъ, причемъ въ Неважахъ имѣются два креста 1664 и 1626 г.; послѣдній замѣчателенъ еще и по большому рѣзному на немъ изображенію

Николая Чудотворца. Деревня Мѣстовка съ крестомъ 1669 г.; Ахматова Гора (Висѣльникъ тожъ) — передъ которой на дорогѣ стоитъ крестъ 1752 г.; въ вышеупомянутой деревнѣ Княщинѣ (прежняя Заклюка) такихъ же крестовъ три (изъ нихъ два 1666 и 1687 г.) и кромѣ того въ часовнѣ ея бережно хранятся миніатюрныхъ размѣровъ древнія царскія врата; наконецъ на берегу Волхова селеніе Извозъ, вблизи котораго указывается ручей, носящій названіе Кроваваго, вѣроятно свидѣтель какого-нибудь тяжкаго, но теперь уже забытаго жителями событія. Здѣсь за Побѣдищемъ, выше по Волхову, начинается древній Ильинскій погостъ, а еще далѣе верстахъ въ восьми погостъ Михайловскій, близъ котораго селеніе Порогъ, лежащее у начала Волховскихъ пороговъ; послѣдніе состоятъ изъ известковыхъ плитъ и простираются вверхъ по Волхову на 8½ верстъ, приблизительно до устья рѣчки Жубинки, причемъ паденіе воды на этомъ пространствѣ равняется 30 футамъ. Черезъ эти пороги въ эпоху Ганзы совершались, однако, бойкія торговыя сношенія Новгорода съ Готландомъ и нѣмцами, а ранѣе того безъ сомнѣнія пробирались и варяги; древняя Ладога составляла конечный пунктъ этого плаванія и въ ней происходила перегрузка судовъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Новгородъ; она-же представляла, вѣроятно, первый этапъ и на пути изъ Варягъ въ Греки.

Такова въ нѣсколькихъ словахъ общая топографія современной намъ Старой Ладоги, лежащей всего въ 160 верстахъ отъ Петербурга и обратившейся нынѣ въ глухой забытый уголъ, въ который развѣ случайно забредетъ путникъ, хотя драгоцѣнные остатки глубокой старины здѣсь, должны быть близки русскому сердцу и заслуживаютъ полнаго вниманія.

Періодъ легендарный и доисторическій.

Этотъ замѣчательный уголъ интересенъ и тѣмъ, что имѣетъ свою десяти-вѣковую исторію, начало которой переплетается съ легендарными сказаніями скандинавскихъ сагъ и вмѣстѣ съ ними теряется въ невѣдомомъ прошломъ.

Происхожденіе названія.

Самое имя Ладоги встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ не ранѣе второй половины IX вѣка и притомъ лишь въ связи съ легендой о призваніи князей, относимой къ этому времени, т. е. упоминается подъ 862 годомъ; другая лѣтописная же легенда говоритъ о Ладогѣ въ 922 году, пріурочивая къ послѣдней мѣсто погребенія князя Олега, но если обѣ онѣ не составляютъ позднѣйшей вставки, то во всякомъ случаѣ фабулы ихъ дошли до насъ лишь въ текстѣ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», почему фактически названіе Ладоги можно считать извѣстнымъ собственно лишь во времена Нестора; вопросъ же о томъ, встрѣчалъ ли лѣтописецъ имя ея въ первоисточникахъ своей «Повѣсти», по

неимѣнію данныхъ, остается открытымъ. Кромѣ того, Несторъ говоритъ о ней же и при другомъ случаѣ, именно передавая о видѣнныхъ имъ археологическихъ находкахъ (бусахъ) во время своего посѣщенія Ладоги въ 1114 г. [1]), въ виду чего названіе послѣдней дѣйствительно существовало по крайней мѣрѣ въ XI или началѣ XII столѣтія, съ чѣмъ совпадаетъ и относящееся сюда первое несомнительное лѣтописи, передающее подъ 1105 годомъ извѣстіе о походѣ въ ту же Ладогу Новгородцевъ [2]).

Свое значеніе должно имѣть и то обстоятельство, что въ наиболѣе древнемъ спискѣ его лѣтописи Ладожскому озеру присвоивается названіе Нево [3]), въ нѣкоторыхъ же другихъ удерживается первое [4]). Не менѣе любопытенъ вопросъ и о самомъ происхожденіи названія Ладоги, но рѣшить его крайне трудно и мнѣнія объ этомъ весьма различны. Академикъ Шегренъ, въ трудѣ своемъ о финскомъ населеніи С.-Петербургской губерніи [5]), указываетъ корень слова Ладога или Альдога въ финскомъ *Альтоказъ*=волнующій и слѣдовательно ста-

---

[1]) «Пришедшю ми въ Ладогу, повѣдаша ми ладожане, сдѣ яко есть егда будеть туча велика и находятъ дѣти наши глазки стекляныи и малыи и великыи, провертаны, а другыя подлѣ Волховъ беруть, еже выполаскиваеть вода, отъ нихъ же взяхъ боле ста, суть же различни». (Лѣтоп. по Ипат. сп., изд. Арх. Ком., 1871 г.).

[2]) Большой интересъ въ данномъ случаѣ представляетъ извѣстіе Аль-Масуди, арабскаго писателя первой половины X вѣка. Въ сочиненіи своемъ «Золотые луга» онъ упоминаетъ между прочимъ, что Руссы составляютъ многіе народы, раздѣляющіеся на разрозненныя племена; между ними племя, называемое Лудана, есть многочисленнѣйшее. (А. Гаркави: Сказанія мусульм. писателей о славянахъ и руссахъ, 130).

Неизвѣстность значенія названія «Лудана» или «Лузана», принимаемаго за искаженіе переписчика, вызывало весьма разнообразныя толкованія, въ связи съ различными предлагавшимися коньектурами того-же слова, допускаемыми особенностями арабскаго правописанія: одни читали вмѣсто «Лузана»—Лучане, другіе видѣли въ немъ Лензаніевъ и Ленчанъ, третьи Litbuaniens (Литву), четвертые усматривали искаженное Нурмане (норманны). Но наиболѣе любопытная въ данномъ случаѣ, была предложена извѣстнымъ Френомъ, который въ словѣ Лудана видѣлъ Лудагія, равнозначущее съ ладожанами, т. е. новгородцами (ib. 155, 156). Если коньектура эта вѣрна, то извѣстность названія Ладоги, восходитъ такимъ, образомъ по крайней мѣрѣ къ началу X вѣка; любопытно, что въ географіи другаго арабскаго писателя Идриси, упоминается также городъ Луджага въ Руссіи, б. м. равнозначущій Ладогѣ.

Но нельзя умолчать и о томъ, что, по указанію А. Гаркави, въ парижскомъ спискѣ «Золотыхъ луговъ» вмѣсто слова Лудана стоитъ «Кудкана», которое наводитъ его на мысль, что у Аль-Масуди въ дѣйствительности рѣчь идетъ не о Ладогѣ, а о Кіевѣ. (ib. Дополненія къ сказаніямъ, 20. См. также Труды II Археол. съѣзда, протоколы 27 и Труды III Археол. съѣзда, т. I, 345—352).

[3]) «Бѣ путь изъ Варягъ въ Греки... и по Ловоти внити въ Ильмерь озеро великое, изъ него-же озера потечетъ Волховъ и втечетъ въ озеро великое Нево....». (Лѣт. по Лавр. сп., издан. Археог. Ком., 1872 г., 6).

[4]) Такъ въ Воскрес. лѣтописи: «И пришедше славѣне съ Дуная и сѣдше у езера Ладожьского....» (Полн. собр. лѣт. т. VII, 262).

[5]) Über die finnische Bevölkerung des S.-Petersb. Gouvernements.... и пр.

витъ происхожденіе самаго названія въ зависимость отъ наименованія озера, при которомъ лежитъ городъ.

Почти то-же принимаетъ и академикъ Гротъ въ своихъ «Филологическихъ розысканіяхъ», говоря что Ладога есть переиначенное скандинавское Альдога и произошло отъ финскаго Acelto=волна [1]).

Карамзинъ думаетъ, что слово Ладога могло образоваться изъ готскаго Альдейгабургъ (послѣднее, если откинуть слогъ *га*, можетъ значить старый городъ), но болѣе вѣроятнымъ считаетъ, что оно же произошло отъ Ладожскаго озера, которое называлось Альдескъ, Альда, Альдагенъ и даже Альдога.

М. Погодинъ, также обходя филологическую сторону вопроса, ставитъ названіе города въ зависимость отъ рѣчки Ладоги, или Ладожки, протекающей черезъ послѣдній въ Волховъ, и замѣчаетъ на мнѣніе Карамзина, что вопервыхъ выкидывать цѣлый слогъ изъ собственнаго названія нельзя, а во вторыхъ—что самъ источникъ, изъ котораго исторіографъ почерпнулъ свое мнѣніе [2]), предлагаетъ это толкованіе весьма условно и даже съ оттѣнкомъ извѣстнаго недовѣрія [3]).

Такимъ образомъ, почти всѣ эти объясненія производятъ прямо или косвенно наименованіе города Ладогою—отъ Ладожскаго озера; но не говоря уже о бездоказательности подобнаго положенія, одно уже упоминаніе Несторомъ древняго названія того-же озера—Нево [4]) даетъ основательный поводъ усомниться въ правильности сказаннаго заключенія и наводитъ на противоположную мысль, что наоборотъ самое озеро получило свое болѣе новое наименованіе именно отъ города Ладоги.

Болѣе значенія представляютъ соображенія, высказанныя по тому-же предмету П. Бутковымъ, который сближаетъ Ладогу съ словомъ Ладугордъ (Ladugård), означающимъ, по его указанію, въ Швеціи и Финляндіи привиллегированную хозяйственную усадьбу при королевскихъ замкахъ и рыцарскихъ мызахъ. По его мнѣнію Ладога именно и составляла въ началѣ своемъ Рюриковъ Ладугордъ, т. е. животный дворъ [5]).

---

[1]) Д. Иловайскій, не безъ колкости, замѣчаетъ на это, что въ такомъ случаѣ славянскій богъ Ладо тоже заимствованъ у финновъ! (Розысканія о началѣ Руси, 383).

[2]) Географ. словарь Рос. государства, Щекатова, 1801 г.

[3]) Русскій истор. сборникъ 1837 г., т. I: «Пути сообщенія въ древней Россіи», примѣч. къ стр. 17.

[4]) Въ какомъ-то старинномъ спискѣ Псковской лѣтописи, П. Бутковъ нашелъ, что существовало еще названіе Ладожскаго озера, именно—Одло, которое якобы и было превращено иностранцами въ Алда, Алдагенъ и др., присвоиваемое ими городу Ладогѣ и озеру въ актахъ XIII вѣка. (Сынъ Отечества 1836 г., ч. 177: «Объ Альдейгаборгѣ»).

[5]) Тамъ-же. По объясненію Буткова Ладугордъ состоитъ изъ скандинавскихъ словъ:

Оставляя здѣсь самого Рюрика въ сторонѣ, нельзя не обратить вниманіе на замѣчаніе Буткова, что на южномъ побережьѣ Финскаго залива нѣкоторые пункты понынѣ носятъ названіе Ладуги, именно двѣ деревни около современнаго Царскаго Села и одна около Петергофа, т. е. въ раіонѣ бывшей Ингерманландіи; прибавимъ къ этому, что въ 1623 г. существовала пустошь Ладога и въ Гдовскомъ уѣздѣ на р. Черми [1]). По объясненію Буткова, названіе упомянутыхъ пунктовъ ведетъ свое начало отъ временъ шведскаго обладанія Ингерманландіей и происходитъ отъ Ладугордовъ, находившихся при мызѣ Сарисѣ въ Славянскомъ погостѣ, занятой Царскимъ Селомъ [2]), и мызѣ Тюрисѣ въ погостѣ Дудоровскомъ—гдѣ Петергофъ.

Весьма возможно, что мнѣніе Буткова стоитъ ближе къ истинѣ, чѣмъ всѣ прочія, и легко быть можетъ, что дѣйствительно корень названія Ладоги скрывается въ скандинавскомъ Ladugård, который она представляла во времена еще доисторическія, когда Сѣверъ Россіи жилъ въ тѣсной связи съ скандинавами. Объясненіе это тѣмъ болѣе заманчиво, что позволяетъ сдѣлать шагъ еще далѣе, именно связать съ тѣмъ-же корнемъ и самый Альдейгабургъ, отожествляемый многими съ древней Ладогой; является возможнымъ предположеніе, что съ развитіемъ этого первоначальнаго Ладугорда, онъ разросся въ городъ, соотвѣтственно чему и явилась въ его названіи прибавка окончанія ***бургъ***, вмѣстѣ съ незначительной перестановкой двухъ начальныхъ буквъ, т. е. вмѣсто Ладугобургъ составилось Алдугобургъ или Альдейгобургъ, столь извѣстный въ скандинавскихъ сагахъ; позже то-же названіе, быть можетъ, подъ вліяніемъ славянской рѣчи, упростилось въ Ладогу и перешло на самое озеро (прежнее Нево), получившее новое наименованіе Ладожскаго [3]).

Что касается топографическаго опредѣленія Альдейгобурга, то едва-ли могутъ быть серіозныя основанія къ сомнѣнію въ тожествѣ его съ Ладогой, хотя на это и существуютъ извѣстныя возраженія. **Альдейгобургъ**

Одни выставляли, что невскіе пороги должны были препятствовать судоход-

---

ladu=скотъ, или лада=житница, и gård=дворъ, помѣстье. Финны называютъ такія помѣстья lato kartano, въ смыслѣ деревень свободныхъ отъ податей.

[1]) Акты Археогр. Эксп. т. III, № 133.

[2]) Корень названія сближаютъ съ финскимъ Сари—островъ.

[3]) Что встрѣчающееся въ актахъ XIII вѣка названіе Альдагенъ, составляющее иностранную передѣлку Ладоги, относилось именно къ городу, ясно видно изъ договора 1270 г. Новгорода съ Готландомъ, въ которомъ между прочимъ говорится, что если будетъ пойманъ воръ между Кетлингеномъ (Котлиномъ) и Альдагеномъ, то его должно везти въ Альдагенъ и тамъ судить по его пошлинѣ (закону); а если воръ будетъ пойманъ между Альдагеномъ и Новымъ городомъ (Новгородомъ), то его должно судить въ Новгородѣ. Здѣсь очевидно рѣчь идетъ о Ладогѣ городѣ. (И. Андреевскій: Договоръ Новгорода съ Готландомъ).

ству скандинавовъ и находили страннымъ, что если Альдейгобургъ былъ синонимомъ Ладоги, то почему скандинавскія суда останавливались въ послѣдней, а не шли прямо въ Новгородъ (Миллеръ); другимъ невскіе пороги не мѣшали, но мѣстомъ для Альдейгобурга они тѣмъ не менѣе указывали не Ладогу, а нынѣшній Шлиссельбургъ (Байеръ и Шеннигъ); третьи считали, что Альдейгобургъ необходимо долженъ былъ находиться не при озерѣ, а именно у моря и, опять таки ссылаясь на препятствія, представлявшіяся невскими порогами, назначали пунктомъ для Альдейгобурга древній Ругодивъ или Нарву [1]); наконецъ думали найти его-же даже въ нынѣшнемъ Петербургѣ! [2]).

Но всѣ эти попытки не могутъ оправдываться даже необходимостью отыскивать для Альдейгобурга какое либо другое мѣсто, ибо самыя причины, къ тому выставлявшіяся, вовсе не настоятельны. Еще отецъ русской исторической критики, извѣстный Шлецеръ, столь строго относившійся ко всѣмъ ненадежнымъ извѣстіямъ, не только не видѣлъ ничего неправдоподобнаго въ скандинавскихъ сказаніяхъ объ Альдейгобургѣ, передающихъ, что послѣдній, принадлежа норманамъ, стоялъ при озерѣ и имѣлъ извѣстную пристань, откуда сухимъ путемъ отправлялись въ Гольмгардъ (Новгородъ), но находилъ не неосновательной и догадку о томъ, что первый лежалъ на берегу, именно на берегу озера Ладожскаго [3]). Затѣмъ уже Карамзинъ указывалъ Миллеру, что невскіе пороги не представляютъ на дѣлѣ препятствія даже для большихъ и грузныхъ судовъ, а въ Ладогѣ скандинавы останавливались по причинѣ близь лежащаго за ней порога на Волховѣ [4]). Замѣчанія совершенно вѣрныя, къ которымъ можно прибавить, что тѣ-же невскіе пороги въ древности должны были представлять препятствіе для судоходства еще меньшее, нежели нынѣ. Дѣйствительно, имѣются основанія допускать значительное вѣроятіе въ томъ, что прежній уровень Невы былъ выше нынѣшняго, такъ какъ она въ свое время была много шире чѣмъ теперь и имѣла даже видъ пролива въ Финскій заливъ [5]), пролива, быть можетъ,

[1]) Этой идеѣ своей Бутковъ посвятилъ цѣлую особую статью «Объ Альдейгаборгѣ» (Сынъ Отечества 1836 г., ч. 177, стр. 241). Въ ней, путемъ вовсе неубѣдительныхъ доказательствъ, устанавливается сначала, что Альдейгаборгу яко-бы несвойственно быть на Ладожскомъ озерѣ, а затѣмъ весьма насильственными сближеніями и толкованіями опредѣляется («ни мало не колеблясь») новое мѣсто—устье р. Наровы. Доказательства Буткова по этому поводу, могутъ только свидѣтельствовать о непремѣнномъ его желаніи пустить въ ходъ новую догадку на счетъ Альдейгобурга, ибо едва-ли онъ и самъ могъ быть серіозно убѣжденъ въ силѣ и непреложности приведенныхъ имъ аргументовъ.

[2]) См. у Шлецера: Несторъ, ч. I, 274.

[3]) А. Шлецеръ: Несторъ—русскія лѣтописи. Пер. Языкова, ч. I, 273, 274.

[4]) Ист. Госуд. Рос., т. I, прим. 485 (изд. 1818 г.).

[5]) А. Иностранцевъ: Доисторич. человѣкъ Ладожск. озера, 239.

неисчезнувшаго еще совсѣмъ даже около временъ Нестора, который прямо говоритъ, что—«того озера (Нево или Ладожскаго) внидетъ устье въ море Варяжское» [1]), т. е. не называетъ р. Невы, хотя знаетъ Ловать, Волховъ и другія [2]). Если сопоставить съ этимъ, что даже и позже по Невѣ шли оживленныя торговыя сношенія между Новгородомъ, Готландомъ и друг., несмотря на тѣ-же невскіе пороги, то не остается никакого правдоподобія, чтобы послѣдніе могли имѣть какое-либо значеніе для судоходства во время существованія Альдейгобурга.

Нельзя усматривать несоотвѣтствія между Альдейгобургомъ и Ладогой также въ томъ отношеніи, что первый по указаніямъ сагъ стоялъ именно при озерѣ и служилъ извѣстной пристанью, а Ладога лежитъ отъ послѣдняго въ разстояніи около 12 верстъ и расположена на рѣкѣ. Границы озера были нѣкогда совсѣмъ иныя, чѣмъ нынѣ и по имѣющимся свѣдѣніямъ существовалъ періодъ, когда уровень того-же озера стоялъ покрайней мѣрѣ на $7^1/_2$ саж. выше нынѣшняго [3]). Правда, что періодъ этотъ былъ за долго до зари первыхъ временъ историческихъ, но хронологическая продолжительность его неизвѣстна и достаточно гораздо низшаго уровня, чтобы вòды Ладожскаго озера, по сравнительномъ спадѣ своемъ, достигали до ближайшихъ окрестностей нынѣшней Ладоги [4]), находящейся и теперь не вдали отъ послѣдняго. Очень вѣроятно, что на былую близость озера къ Ладогѣ указываетъ и названіе сосѣдняго съ ней селенія «Ивановскій Островъ», лежащаго рядомъ съ ней на Сѣверъ [5]),

---

[1]) Лѣтопись по Лавр. списку, изд. Археогр. Ком., 6.

[2]) Авторъ «Опыта исторіи С.-Петерб. биржи»,—г. Немировъ, указываетъ любопытное извѣстіе въ одной рукописи, въ которомъ говорится, что посланцы древняго Новгорода дошли «до чудскихъ селеній Пулкъ и Дудора (современныя Пулково и Дудергофъ), гдѣ сѣша въ ладіи и поплывоша», изъ чего выводитъ, что устье Невы въ то время достигало еще шириною до означенныхъ пунктовъ (Немировъ, вып. I, 20).

[3]) А. Иностранцевъ Доисторич. человѣкъ Ладожск. озера, 239.

[4]) Извѣстно, что превышеніе Ильменя надъ Финскимъ заливомъ=107 фут., а Ладожскаго=62 фут., изъ чего видно, что разность между озерами Ильменемъ и Ладожскимъ составляетъ всего 45 фут. (по спеціальной нивеллировкѣ истокъ Волхова лежитъ на 48 фут. выше Ладожск. озера), слѣдов. непосредственно сама Ладога, или ближайшія ея окрестности, не имѣютъ значительнаго превышенія надъ послѣднимъ.

[5]) Вообще около Ладожск. озера могутъ быть указаны и другіе пункты, въ названіяхъ которыхъ звучитъ подобный-же смыслъ. Напр. въ окрестностяхъ Ладоги, по писцовой книгѣ 1500 г., значатся селенія—Горка на Острову, Весь въ Островѣ, Островъ, Княжъ Островъ и друг. Тоже самое можно встрѣтить и восточнѣе Волхова: напр. монастырь Введенскій на р. Ояти (притокъ Свири близь впаденія послѣдней въ Ладожск. озеро), верстахъ въ 10 отъ ея устья, нынѣ окруженный болотами, означенъ въ актахъ XVII стол.—«въ острову» (Документы Новгор. Губернск. правленія въ Археогр. Комиссіи: Выпись на церковныя земли Обонежск. пятины 1685 г.) и т. д.

если-же это такъ, то прибрежность Ладоги констатируется уже для временъ историческихъ, ибо самое названіе селенія едва-ли можетъ быть отнесено къ временамъ сравнительно еще болѣе дальнимъ и указываетъ, что раіонъ селенія былъ островомъ сравнительно еще недавно [1]), о чемъ среди мѣстныхъ жителей существовало даже глухое преданіе.

Наконецъ, свое значеніе въ томъ-же отношеніи имѣетъ и самое размѣщеніе древнихъ кургановъ, по рѣкамъ, впадающимъ въ Ладожское озеро (Волховъ, Сясь, Воронега, Свирь и притокъ ея Паша), именно то обстоятельство, что курганы эти нигдѣ не доходятъ непосредственно до озера, а исчезаютъ за нѣсколько верстъ отъ устья тѣхъ-же рѣкъ.

Такимъ образомъ, если съ одной стороны не усматривается достаточныхъ основаній для топографической несовмѣстимости Альдейгобурга съ Ладогой, то съ другой въ пользу тожества ихъ должна логически говорить та-же роль Ладоги, какъ торговаго этапа на Ладожскомъ озерѣ, въ какой представляется и Альдейгобургъ, а въ довершеніе всего обоихъ связываетъ почти полное созвучіе ихъ названій. Въ первой половинѣ XI вѣка имя Альдейгобурга исчезаетъ, около этого-же времени является названіе Ладоги; первый стоялъ у озера, на пути норманновъ въ Новгородскую область, вторая тамъ-же и уже въ началѣ XIII-го упоминается въ формальныхъ торговыхъ договорахъ съ готландцами и друг., подъ именемъ Альдагена, именно какъ этапъ того-же издревле наѣзженнаго торговаго воднаго пути; все это въ совокупности представляетъ такія совпаденія, которыя прямо и естественно ведутъ къ положительному заключенію, что Альдейгобургъ и древняя Ладога суть синонимы. Можно прибавить впрочемъ, что новѣйшіе писатели уже сошли съ пути насильственныхъ догадокъ для опроверженія этого факта и смотрятъ на Ладогу, какъ на преемницу еще болѣе древняго Альдейгобурга.

Вотъ этотъ то Альдейгобургъ, какъ ея предшественникъ, и является введеніемъ къ исторической жизни самой Ладоги, унося начальныя страницы послѣдней въ невѣдомую даль вѣковъ.

Саги.

Скандинавскія саги много говорятъ о Гардарикіи, какъ напр. древнѣйшая изъ нихъ—сага Асмунда Криворукаго [2]), подъ Гардарикіей же скандинавы разу-

---

[1]) Вся мѣстность на Сѣверъ отъ Ивановскаго Острова представляетъ вплоть до озера слегка покатую, совершенно ровную низменность, такъ что въ ясную погоду отсюда хорошо видна Новая Ладога, лежащая на самомъ устьѣ Волхова. Низменность представляется дномъ бывшаго здѣсь озера.

[2]) Временникъ Общ. ист. и древн. 1852 г., кн. 14 (Бѣляевъ: Князь Рюрикъ съ братьями и дружиной, стр. 3).

мѣли новгородскія владѣнія, гдѣ главнымъ городомъ былъ Голмгардъ (Новгородъ). Тѣ-же саги не разъ упоминаютъ о городѣ Альдейгобургѣ, имѣвшемъ даже особыхъ владѣтелей, быть можетъ зависѣвшемъ однако отъ Голмгарда [1]), древнѣйшимъ же изъ этихъ послѣднихъ называютъ нѣкоего Біартрама, который, какъ будетъ пояснено ниже, отдѣляется отъ исторически уже извѣстнаго момента (Бровальскій бой 734 г.) болѣе чѣмъ десятью поколѣніями.

Такимъ образомъ, по сагамъ существованіе Альдейгобурга восходитъ уже къ первымъ вѣкамъ по Р. Х., въ послѣдній же разъ названіе его встрѣчается въ 1046 г., по поводу пребыванія въ немъ зятя великаго князя Ярослава Гаральда, за котораго въ 1045 г. была отдана въ супружество Елизавета, дочь Ярослава отъ брака съ шведской королевной Ингигердой [2])

Этотъ долгій періодъ извѣстности Альдейгобурга въ скандинавскихъ сказаніяхъ, пріобрѣтаетъ въ концѣ своемъ окраску уже вполнѣ историческую, но, конечно, по мѣрѣ удаленія въ глубь вѣковъ извѣстія объ Альдейгобургѣ становятся темнѣе и обращаются въ легенды, которымъ въ ихъ полномъ объемѣ вѣрить трудно; но и отвергать ихъ полностью также нецѣлесообразно, ибо, не смотря на всѣ свои прикрасы, а иногда и искаженія, основа или корень сагъ все-таки можетъ лежать въ дѣйствительности, почему и въ легендахъ, ими передаваемыхъ, можетъ заключаться доля истины.

О послѣднихъ временахъ Альдейгобурга извѣстія сагъ, какъ уже сказано, пріурочиваются къ княженію Ярослава (1019—1054 г.): по поводу вышеупомянутаго брака его съ Ингигердой, передается, что въ Альдейгобургѣ тогда-же водворился и въ теченіе долгаго времени имѣлъ постоянное свое пребываніе, въ качествѣ мѣстнаго правителя, шведскій ярлъ Рогнвальдъ съ сыномъ своимъ Эулифомъ, родственникъ Ингигерды, выѣхавшій вмѣстѣ съ нею изъ Швеціи и женатый на Ингеборгѣ—сестрѣ норвежскаго короля Олофа Триггезона. Преемникомъ Рогнвальда саги называютъ вышеуказаннаго Эулифа и одновременно съ ними упоминаютъ, что въ Альдейгобургѣ-же проживалъ состоявшій на службѣ у Ярослава двоюродный братъ жены Рогнвальда Гаральдъ, впослѣдствіи король норвежскій. Объ этомъ Гаральдѣ передается также, что онъ въ 1034 г. перебрался въ Константинополь, гдѣ десять лѣтъ начальствовалъ дружиной варяговъ, а въ 1045 г., вернувшись оттуда, вступилъ въ бракъ съ дочерью Ярослава Елизаветой и въ слѣдующемъ году, снова прибывъ въ Альдейгобургъ, отправился въ Скандинавію, гдѣ и овладѣлъ норвежской короной. За это же

---

[1]) Тамъ-же, 12.

[2]) Ингигерда—на Руси Ирина, въ монашествѣ Анна, причтенная къ лику святыхъ, скончалась въ 1050 г.; мощи ея почиваютъ въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ.

время, именно въ 1030—1031 г., въ Альдейгобургѣ двукратно имѣлъ пребываніе норвежскій королевичъ Магнусъ, сынъ Олофа Толстаго, приходившійся свойственникомъ Ярославу (мать Магнуса была сестрою Ингигерды) и искавшій покровительства послѣдняго послѣ гибели отца своего, павшаго въ сраженіи съ датчанами; а нѣсколько ранѣе (между 980 и 995 г.) тамъ-же указывается пребываніе и выше упоминавшагося Олофа Триггезона, спасшагося въ молодости своей бѣгствомъ отъ непріятелей и при Владимірѣ проведшаго цѣлый годъ въ Альдейгобургѣ, въ качествѣ начальника пограничнаго отряда войскъ [1]).

Еще за болѣе раннее время, въ одной изъ сагъ [2]) упоминается владѣтелемъ Альдейгобурга нѣкій Эстейнъ, къ которому явились два потерпѣвшихъ крушеніе скандинавскихъ морехода, но личность этого владѣтеля хронологически не выясняется, если только онъ не можетъ быть отожествленъ съ сыномъ погибшаго въ извѣстномъ Бровальскомъ поединкѣ (734 г.) шведскаго короля Гаральда, Эйстеномъ Бели [3]), современникомъ Сигурда Ринга, т. е. отнесенъ быть по этому къ VIII вѣку. Этотъ Сигурдъ Рингъ, умершій въ 750 г., важенъ въ данномъ случаѣ какъ послѣдняя хронологическая дата, дающая хотя-бы слабое указаніе на степень отдаленности той эпохи, къ которой могутъ относиться еще болѣе древнія легендарныя упоминанія сагъ объ Альдейгобургѣ. Въ сагахъ Гервары и Гейдрека [4]) называется прадѣдомъ Сигурда знаменитый Иваръ Видфадмій, а прапрадѣдомъ послѣдняго Ангантиръ, сынъ Гейдрека, мать котораго (или бабка Ангантира), извѣстная своими морскими разбоями, воспитывалась въ Альдейгобургѣ у дѣда своего Біартрама, владѣвшаго послѣднимъ, и такимъ образомъ этотъ періодъ существованія Альдейгобурга уносится за десять поколѣній отъ временъ вышеупомянутаго Сигурда Ринга, жившаго въ VIII вѣкѣ. Въ сагѣ кромѣ того передается, что съ тѣмъ-же Біартрамомъ Альдейгобургскимъ были въ большой дружбѣ 12 сыновей морскаго разбойника Ангрима, погибшихъ въ битвѣ съ Гіальмаромъ на островѣ Самсеѣ, а Ангримъ въ свою очередь былъ мужемъ Ейворы, дочери Свавурламія—внука самого Одена, этого сказочнаго родоначальника скандинавскихъ преданій [5]).

Можно прибавить еще, что по другимъ варіантамъ [6]) дѣдъ упомянутаго Свавурламія—самъ Сигге (прозванный Оденомъ или Божественнымъ) прибылъ

---

[1]) П. Бутковъ: «Объ Альдейгобургѣ» («Сынъ Отечества», 1836 г., ч. 177).

[2]) Именно сагѣ Голфадана Эстейнида; Бѣляевъ: «Князь Рюрикъ съ братьями и дружиной» (Временникъ Общ. ист. и древн., кн. 14).

[3]) Олофъ Далинъ: Исторія шведск. госуд., ч. I, кн. II, 588.

[4]) Бѣляевъ: «Князь Рюрикъ съ братьями и дружиной» (Временникъ Общ. ист. и древн. кн. 14).

[5]) Тамъ-же.

[6]) П. Бутковъ: «О Новгородѣ въ VI вѣкѣ» (Сынъ Отечества 1836 г.).

въ Скандинавію будто-бы въ 379 г. [1]), по паденіи Остготскаго царя Германариха и что смерть Сигурлама (отца Свавурламія), погибшаго по сагамъ въ битвѣ съ великаномъ Таисіемъ, скандинавскія легенды относятъ къ борьбѣ съ гуннами.

Хронологіей сагъ, конечно, руководствоваться трудно, но тѣмъ не менѣе характеръ ихъ содержанія можетъ въ общемъ давать указаніе, съ какими отдаленными періодами нужно считаться въ вопросѣ о существованіи древняго Альдейгобурга.

Лѣтописныя легенды.

Не лишена легендъ о преемницѣ Альдейгобурга—Ладогѣ и наша начальная лѣтопись. Въ нѣкоторыхъ спискахъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», разсказъ о пресловутомъ призваніи варяжскихъ князей связывается съ преданіемъ, что Рюрикъ, по прибытіи своемъ въ 862 г., имѣлъ первоначально пребываніе именно въ Ладогѣ, а не въ Новгородѣ: «И избрашася тріе брата съ роды своими и придоша къ Словѣномъ первѣе и срубиша городъ Ладогу и сѣде старѣйшій въ Ладозѣ Рюрикъ»,—говоритъ лѣтописецъ [2]), безъ сомнѣнія подразумѣвая при этомъ не постройку Ладоги, какъ города, въ новѣйшемъ смыслѣ, а сооруженіе въ ней какой нибудь крѣпостцы-городка, города, въ каковомъ смыслѣ подобный терминъ употреблялся и во времена болѣе позднія [3]). Но легенда эта, имѣвшая полное господство среди русскихъ историковъ въ минувшемъ столѣтіи, подверглась не безъосновательному сомнѣнію во времена послѣдующія, въ виду дѣйствительно подозрительнаго для достовѣрности ея обстоятельства, что въ древнѣйшемъ спискѣ Несторовой лѣтописи (Лаврентьевскомъ), а равно и многихъ другихъ послѣдующихъ, извѣстія о прибытіи Рюрика въ Ладогу нѣтъ, почему оно и принято лишь за болѣе позднюю вставку одного изъ переписчиковъ, передавшаго или слышанное имъ народное преданіе, или даже просто прибавившаго это извѣстіе отъ себя, по какимъ-нибудь личнымъ своимъ побужденіямъ, въ видѣ заполненія пропуска, имѣющагося напр. въ спискѣ Лаврентьевскомъ.

Послѣ замѣчаній въ подобномъ смыслѣ, сдѣланныхъ Калайдовичемъ и Карамзинымъ [4]), говорить болѣе здѣсь объ этомъ нечего, но можетъ возникнуть слѣдующее недоразумѣніе: Списокъ Ипатьевскій, какъ наиболѣе древній изъ

---

[1]) По Далину (Ист. шведск. госуд., ч. I, кн. I) это произошло во II вѣкѣ.

[2]) Лѣтоп. по Ипатс. сп., изд. Археогр. Ком., 11.

[3]) Напр. въ описяхъ Ладоги XVII ст. (см. приложенія) названіе «города» постоянно присвоивается именно самой крѣпости, а не поселенію, называвшемуся посадомъ.

[4]) Калайдовичъ: «О пришествіи Рюрика въ Ладогу» (Записки и труды Общества ист. и древн., 1815 г., ч. I. Карамзинъ: Ист. Госуд. Рос., т. I, примѣч. 278 (изд. 1818 г.), и друг.

числа тѣхъ, въ которыхъ встрѣчается приведенное о Рюрикѣ извѣстіе, пріурочивается къ концу XIV или нач. XV столѣтія, списокъ же Лаврентьевскій, въ которомъ то-же извѣстіе отсутствуетъ, принадлежитъ редакціи 1377 года; въ сущности, разница между обоими весьма малая. Рождается вопросъ—одинъ-ли и тотъ-же текстъ еще болѣе древней рукописи «Повѣсти» служилъ оригиналомъ для обоихъ, или-же нѣтъ? Если могли быть оригиналы разные, то возможно, что и слова Ипатьевскаго списка о Ладогѣ вовсе не представляютъ позднѣйшей вставки, а перенесены цѣликомъ изъ другаго текста; да наконецъ остается неизвѣстнымъ и то, что именно могло стоять на мѣстѣ пропуска въ томъ оригиналѣ, съ котораго сдѣланъ списокъ Лаврентьевскій, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, пока не будутъ разрѣшены вопросы эти, не можетъ быть и безповоротнаго отрицательнаго рѣшенія о пребываніи Рюрика въ Ладогѣ, который потому долженъ оставаться открытымъ, по крайней мѣрѣ въ сферѣ изслѣдованій, не отвергающихъ существованія и самого Рюрика, какъ личности исторической. Для сомнѣній остается конечно широкое поле, но онѣ еще не могутъ вести къ окончательному рѣшенію вопроса.

Другая лѣтописная-же легенда связываетъ Ладогу съ именемъ вѣщаго Олега, перенося мѣсто дѣйствія поэтическаго разсказа о кончинѣ князя въ окрестности послѣдней, вопреки сказаніямъ южно-русскимъ, которыя тотъ-же эпизодъ пріурочиваютъ къ Кіеву:—«Иде Олегъ къ Новугороду и оттуда въ Ладогу», говоритъ подъ 922 г. лѣтописецъ [1],—«друзіи-же сказають, яко идущю ему за море, и уклюну зміа въ ногу и съ того умре; есть могыла его въ Ладозѣ».

Подобныя лѣтописныя легенды, независимо отъ степени своей достовѣрности, во всякомъ случаѣ, могутъ свидѣтельствовать объ извѣстномъ значеніи древней Ладоги въ глазахъ ея современниковъ, почему должны имѣть свою цѣну.

Курганы.

Сохранились до нашихъ дней и живые, такъ сказать, свидѣтели ея доисторическаго прошлаго, именно разбросанные около Ладоги могильные курганы, но, къ сожалѣнію, изъ показанія ихъ почерпается немногое, частью по причинѣ бѣдности культурнаго содержанія этихъ кургановъ, частью же по причинѣ ихъ дурной сохранности, такъ какъ большинство этихъ памятниковъ языческаго періода Ладоги оказались уже въ разное время разоренными. Тѣмъ не менѣе, результаты новѣйшихъ раскопокъ обнаружили [2]), что мѣстное языче-

---

[1]) Новгородская лѣт. по синод. списку, изд. 1886 г.

[2]) См. нашъ трудъ: «Курганы южнаго Приладожья» (Матеріалы по археологіи Россіи, 1895 г. № 18); также «О признакахъ могилъ языческихъ славянъ» (Труды VII Археол. съѣзда въ Ярославлѣ, т. I).

ское населеніе хоронило своихъ покойниковъ двоякимъ способомъ: по обряду трупосожженія и обыкновеннаго погребенія; что курганныя могилы около Ладоги представляютъ въ одной своей части аналогію съ такими-же могилами, разсѣянными восточнѣе Волхова въ южномъ Приладожьѣ (по рѣкамъ Сяси, Пашѣ и друг.), въ другой-же представляютъ рѣзкое различіе, выражающееся какъ въ частностяхъ обряда трупосожженія, такъ и въ своеобразности конструктивнаго устройства самихъ курганныхъ насыпей; что могилы эти очевидно принадлежатъ—однѣ языческому элементу народности финской, другія—языческому населенію происхожденія славянскаго (конечно славянъ ильменскихъ); что время сооруженія кургановъ около Ладоги хотя и не датируется какими-либо опредѣленными нумизматическими находками [1]), но по сравненію съ остальными курганами южнаго Приладожья можетъ съ большою вѣроятностью опредѣляться періодомъ VIII—XI стол., такъ какъ монеты этого времени найдены въ послѣднихъ въ значительномъ количествѣ. Наконецъ, по отношенію къ бытовой обстановкѣ той далекой эпохи, тѣ-же раскопки дали нѣсколько предметовъ, къ сожалѣнію, въ крайне ограниченномъ, какъ выше уже замѣчено, количествѣ и большею частью лишь въ остаткахъ; находки эти представляютъ: а) предметы украшенія (литой бронзовый браслетъ, въ видѣ толстаго разомкнутаго кольца съ заостренными концами, колечко, обрывки бронзовыхъ цѣпочекъ и тонкихъ бронзовыхъ-же спиралей и мелкія бусы, въ томъ числѣ изъ сердолика); б) домашнюю утварь (глиняные горшки, костяной гребень, точильный оселокъ и желѣзные ножи); в) нѣсколько разновидныхъ бронзовыхъ бляшекъ отъ набора съ конской сбруи и съ ними небольшая желѣзная пряжка; г) нѣсколько когтевыхъ фалангъ медвѣдя,—по всей вѣроятности, остатки мѣховой одежды [2]). Въ общемъ объ этихъ немногихъ находкахъ можно замѣтить, что онѣ представляютъ аналогію съ курганной-же культурой остальнаго южнаго Приладожья.

---

[1]) Кромѣ неяснаго извѣстія о нѣсколькихъ монетахъ, найденныхъ въ нач. XVIII стол. въ курганахъ около Ладоги евангелическимъ пасторомъ Толле, переданнаго Гюсеномъ, авторомъ описанія С.-Петербурга 1713 г. (H. G. Exacte relation von Festung und Stadt St.-Petersburg). Здѣсь упоминается, что Толле выкопалъ «Парфянскій пфеннигъ», на которомъ было видно имя Омара (VIII в.?) и нѣсколько «Hohl-Müntzen», изъ которыхъ на одной также были видны буквы. Тѣ и другія были найдены въ погребальныхъ урнахъ. (См. также Извѣстія Археол. Общ. т. VI, вып. IV. Смѣсь: «Ладожскія древности»). Кромѣ того, имѣется указаніе на находку въ Ладогѣ «золотой арабской монеты нач. VIII вѣка», но не въ курганѣ, а при рытьѣ въ новѣйшее время христіанской могилы около древней Георгіевской церкви, въ Староладожск. крѣпости. (В. Прохоровъ: Христіанск. древности и археологія, 1871 г., кн. I, стр. 2); имѣются еще свѣдѣнія о находкахъ близь Старой Ладоги нѣсколькихъ англо-саксонскихъ и куфическихъ монетъ X и XI в. (См. Кеппена: Списокъ рус. памятниковъ, стр. 64 и Изв. Арх. Общ. т. VI, вып. IV, 103).

[2]) Подробности въ указанномъ уже трудѣ: «Курганы южн. Приладожья».

Такимъ образомъ, свидѣтельство доисторическихъ памятниковъ около Ладоги подтверждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ ту смѣшанность древнѣйшаго состава ея обывателей, которая необходимо должна была вытекать изъ общихъ условій движенія тогдашняго ея населенія. Любопытно замѣтить также, что вопросъ о доисторическомъ прошломъ мѣстности, занимаемой Ладогой, не исчерпывается и упомянутыми памятниками курганнаго періода, ибо какъ въ самой Ладогѣ, такъ и въ ближайшихъ ея окрестностяхъ, открыты въ новѣйшее время слѣды населенія еще болѣе глубокой древности, — первобытной эпохи каменнаго вѣка [1]), представляющіе культурные остатки аборигеновъ края, во времена отдаленныя отъ насъ на невѣдомыя тысячелѣтія.

Періодъ историческій.

Территорія.

Достовѣрная исторія застаетъ Ладогу уже однимъ изъ мѣстныхъ центровъ Вотской земли Новгородскаго края, позже получившей наименованіе Вотской пятины [2]), приблизительныя границы которой простирались на Сѣверъ отъ Новгорода между рѣками Лугой и Волховомъ, охватывали оконечность Финскаго залива, все Ладожское озеро и еще большое пространство сѣвернѣе послѣдняго, теченіе же Волхова и восточный берегъ озера отдѣляли ее отъ прилегавшей съ Востока пятины Обонежской, которая простиралась непосредственно до Бѣлаго моря.

Уѣздъ.

Въ свою очередь Вотская земля, или пятина, подраздѣлялась на уѣзды или присуды, существованіе которыхъ восходитъ къ значительной древности, по крайней мѣрѣ несомнѣнно были еще во времена новгородской самостоятельности, такъ какъ напр. въ переписной книгѣ той-же пятины 1500 года говорится о нѣкоторыхъ погостахъ, что таковые—«изъ старины Новгородскаго уѣзда» [3]); кромѣ того и самый терминъ «присудъ», повторяющійся наравнѣ съ уѣздомъ въ XVI и XVII стол., указываетъ на свое, такъ сказать, родовое

---

[1]) А. Иностранцевъ: Доисторич. человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожск. озера. Также см. статью нашу: О слѣдахъ каменнаго вѣка въ южн. Приладожьѣ (Вѣстникъ археологіи и исторіи, изд. Археологич. Инст., 1888 г., вып. VII).

[2]) Приблизительно въ концѣ XV вѣка, какъ можно заключить изъ древнихъ косвенныхъ указаній; во всякомъ случаѣ, отъ 1500 года уже имѣется переписная книга «Вотской пятины», а также извѣстно, что Вел. Кн. Іоаннъ Васильевичъ въ своей духовной (ок. 1504 г.) благословляетъ сына «Великимъ Новгородомъ со всѣми пятью пятинами» (Собр. Госуд. грам. и догов., т. I, стр. 393). Но существуютъ мнѣнія и другія, относящія то-же дѣленіе Новгородскаго края ко времени гораздо болѣе раннему, даже къ XI вѣку, хотя, какъ кажется, не на вполнѣ достаточныхъ основаніяхъ (См. К. Неволина: «О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ», въ Запис. Рус. Геогр. Общ. кн. VIII, 44—54).

[3]) Временникъ общества исторіи и древностей, кн. XI.

происхожденіе, ибо ведетъ начало непосредственно изъ Новгорода. Таковыхъ присудовъ въ Вотской землѣ было нѣсколько и каждый представлялъ извѣстный округъ, тянувшій судомъ и данью къ находившемуся въ немъ административному центру или городу, между прочимъ въ 1500 году значится и уѣздъ Ладожскій, со своимъ центромъ—пригородомъ Ладогой.

Когда именно могло произойти учрежденіе или образованіе Ладожскаго уѣзда, сказать конечно трудно, но судя по общему складу древняго управленія Ладоги и удерживаемому иногда за ея уѣздомъ новгородскому названію присуда, даже въ періодъ московскаго единодержавія (какъ напр. въ 1545 г., въ которомъ упоминается «Рядъ Никольской въ Ладожскомъ присудѣ въ Городенскомъ погостѣ» [1]), можно заключить, что тотъ-же уѣздъ существовалъ задолго и до 1500 года.

Трудно опредѣлить съ точностью и самыя границы его, хотя переписная книга 1500 г. исчисляетъ во всѣхъ подробностяхъ земельный составъ погостовъ, въ него входившихъ, во первыхъ потому, что большинство ею указываемыхъ пунктовъ не поддаются опредѣленію, а во вторыхъ—книга касается только территоріи собственно Вотской пятины, изъ чего нельзя еще выводить, чтобы весь Ладожскій уѣздъ заключался именно лишь въ предѣлахъ послѣдней; напротивъ, какъ будетъ пояснено ниже, имѣется извѣстное вѣроятіе, что онъ быть можетъ въ 1500-же году, какъ и позже, захватывалъ также часть пятины Обонежской, за Волховомъ. Сѣверную границу уѣзда въ исходѣ XV вѣка составлялъ южный берегъ Ладожскаго озера, такъ какъ на послѣднемъ лежали упоминаемыя въ 1500 г. селенія Бѣлобородово (на устьѣ Волхова), Лигово, Лиднево и Кабона; западная черта проходила около рѣчки Лавуи (нынѣ Лава, впадающая въ озеро), такъ какъ именно на послѣдней указаны переписной книгой разные пункты въ той части Лопскаго погоста, которая ею означена принадлежащею Ладожскому уѣзду, въ отличие отъ остальной—уѣзда Орѣховскаго, граничившаго, слѣдовательно, здѣсь-же съ Ладожскимъ [2]); наконецъ, южную оконечность, по крайней мѣрѣ въ 1500 году, составлялъ погостъ Никольской съ Городища, въ которомъ показано селеніе Тигоръ на Волховѣ,—повидимому,

[1]) Акты Археогр. Эксп. т. I, № 205. Точно также въ писцовой книгѣ Обонежской пятины 1583 г. показанъ — «Погостъ Рожественской на Сяси, Ладожской присудъ» (Документы Новгор. Губернск. правленія въ Археогр. Комиссіи: Выпись на церковныя и монастырскія земли 1685 г.).

[2]) Въ XVII ст. границей между означенными уѣздами служила именно р. Лава, какъ видно изъ межевой записи 1649 г., по поводу уступки Орѣховскаго уѣзда Швеціи, причемъ та-же граница продолжалась южнѣе верховья Лавы еще верстъ на 20. (Полн. Собр. Зак., т. I, № 19, стр. 195).

нынѣшнее Тихорицы (верстахъ въ пяти выше устья р. Влои и селенія Городища), и вѣроятно частью Городенскій [1]).

Такимъ образомъ, съ Сѣвера на Югъ уѣздъ простирался приблизительно на 50 верстъ, что же касается его рубежа восточнаго, то нельзя рѣшить, ограничивался-ли онъ въ 1500 г. непосредственно восточными-же предѣлами самой пятины, прилегавшей къ Волхову, или же захватывалъ и часть пятины Обонежской на противуположномъ берегу. Поводъ къ сомнѣнію могутъ давать извѣстія второй половины XVI стол., напр. въ писцовой книгѣ Обонежской пятины 1583 г. указывается—«Погостъ Рожественской на Сяси, Ладожской присудъ» [2]), т. е. къ послѣднему опредѣленно пріурочивается часть территоріи на правой сторонѣ Волхова и такимъ образомъ въ исходѣ XVI вѣка Ладожскій уѣздъ несомнѣнно лежалъ частью и въ Обонежской пятинѣ, доходя до р. Сяси, гдѣ, быть можетъ, соприкасался съ «присудомъ Оятскимъ», упоминаемымъ въ 1585 году [3]), но такъ-ли было и ранѣе—неизвѣстно. Возможно и то, что въ границахъ уѣзда происходили какія-либо измѣненія, подобно тому, какъ въ переписной книгѣ 1500 г. встрѣчаемъ отмѣтку, что погостъ Михайловскій (или часть его въ Вотской пятинѣ) былъ «изъ старины Новгородскаго уѣзда и нынѣ лѣта 7009 придалъ его князь великій къ городу Ладогѣ пятномъ и душегубствомъ» [4]).

Въ виду всего этого, вопросъ о восточной чертѣ Ладожскаго уѣзда остается

---

[1]) См. далѣе о погостахъ.

[2]) К. Неволинъ: О пятинахъ новгородскихъ, 145.

Въ писцовой книгѣ Обонежской пятины 1583 г. также говорится: «Погостъ Ильинской на Волховѣ Ладожской уѣздъ, а церковь стоитъ за Волховомъ въ Вотцкой пятинѣ» (Тамъ-же, прилож. VI, 142), но тотъ-же погостъ въ 1500 г. значится именно въ послѣдней, почему, можно думать, въ переписную книгу 1500 г. б. м. вошла лишь часть Ильинскаго погоста, находившаяся въ пятинѣ Вотской, которую только тогда и описывали.

Въ подобныхъ-же условіяхъ находился, какъ видно, и погостъ Михайловскій. Въ царской грамотѣ 1622 г., игумену Николаевскаго Гостинопольскаго монастыря Павлу, говорится, что послѣдній представилъ грамоту 7007 года, подтвержденную въ 43, 59, 97 и 108 годахъ, въ которой писаны того монастыря села и деревни—«въ нашей отчинѣ въ новгородской землѣ въ Вотской пятинѣ въ Михайловскомъ погостѣ, да въ Тигоцкомъ погостѣ, да въ Обонежской пятинѣ въ Ладожскомъ присудѣ въ Рожественскомъ погостѣ на Сяси, да въ Михайловскомъ погостѣ на Волховѣ...» и т. д. (Документы Новгородской Казенной Палаты въ Археограф. Комиссіи, № 67). Такимъ образомъ, здѣсь Михайловскій погостъ, значившійся по свѣдѣніямъ 1500 г. въ составѣ Ладожскаго уѣзда (Временникъ Общ. ист. и древн., кн. XI), показанъ въ двухъ пятинахъ, т. е. по обѣимъ сторонамъ Волхова (ср. К. Неволина, прилож. VI, 141: «Погостъ Михайловской на Волховѣ, а церковь Михаилъ Архангелъ стоитъ за рѣкою за Волховомъ въ Вотской пятинѣ»).

[3]) Акты Археогр. Эксп. т. I. № 327.

[4]) Временникъ Общ. ист. и древн., кн. XI.

неяснымъ. Любопытно, что позже, въ XVII ст., нерѣдко встрѣчается даже какое-то смѣшеніе въ самыхъ наименованіяхъ уѣздовъ, и ближайшія окрестности Ладоги иногда означаются то въ Новгородскомъ, то въ Ладожскомъ. Напр. въ одной царской грамотѣ 1618 г., Іоанновскому монастырю, говорится: «монастырская ихъ вотчина въ Новгородскомъ уѣздѣ въ Ладогѣ 50 обежъ» [1]), а въ другой 1620 г.—«Пожаловали есмя въ Обонежской пятинѣ въ Ладожскомъ уѣздѣ противъ города Ладоги, Васильевскаго монастыря строителя Сильвестра...» и пр. [2]); въ грамотѣ 1649 г. упоминается, что «билъ намъ челомъ Новгородскаго уѣзду изъ Ладоги Никольскаго монастыря келарь старецъ Іона...» [3]), въ актахъ же 1651—54 г., о сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ, указывается, что сошлыхъ крестьянъ, живущихъ въ Ладогѣ и въ Ладожскомъ уѣздѣ 22 семьи и чтобъ воевода до государева указу выводить ихъ изъ Ладоги и Ладожскаго уѣзду не давалъ [4]), и т. д. Наконецъ, въ документахъ происхожденія неоффиціальнаго, напр. въ челобитной ладожанъ 1649 г., встрѣчается даже такой оборотъ, что—«бьютъ челомъ холопи твои Новгородскаго присуду Ладожскаго уѣзду помѣщики...» и пр. [5]).

Все это въ совокупности вноситъ значительную путаницу въ разграниченіе древняго Ладожскаго присуда, которую не разъясняетъ и другое дѣленіе Новгородскихъ земель на погосты, входившіе въ составъ разныхъ уѣздовъ, частью по той-же трудности точнаго опредѣленія границъ всѣхъ погостовъ, на основаніи даже подробныхъ данныхъ (но для нашего времени уже во многихъ случаяхъ неясныхъ), сообщаемыхъ писцовыми книгами, частью-же въ виду того, что это другое дѣленіе иногда не совпадало съ первымъ, т. е. что одинъ и тотъ-же погостъ лежалъ иногда въ двухъ разныхъ уѣздахъ.

---

[1]) Подтвердительная грамота 1649 г. строителю того-же монастыря Евстратію (Документы Новгор. Казен. Пал. въ Археогр. Комиссіи, № 161).

[2]) Акты Археогр. Эксп. т. III, № 114.

[3]) Грамота Приказа Большаго Дворца новгородск. воеводѣ князю Хилкову (Документы Новгор. Казен. палаты въ Археогр. Комиссіи, № 159).

[4]) Дополн. акт. истор. т. III, № 82. Подобные-же варіанты могутъ быть указаны и позже напр. въ описи Ладоги 1665—67 г. оба уѣзда различаются: въ ней говорится о зарубежныхъ выходцахъ, живущихъ въ бѣгахъ какъ въ Новгородскомъ, такъ и въ Ладожскомъ уѣздахъ (см. прил. XII). Въ подтвердительной грамотѣ 1677 г. строителю старцу Александру, его Васильевскій монастырь (противъ Ладоги) отнесенъ къ Новгородскому уѣзду (Документы Новгор. Казен. Пал. въ Археогр. Комиссіи, № 82), равно какъ и въ 1688 г. въ Вотской пятинѣ на устьѣ Волхова монастырь Никольскій Медвѣдскій (Документы Новгор. Духовн. Консисторіи въ Археогр. Ком.: грамота Митрополита Корнилія), а въ 1686 г. этотъ-же Медвѣдскій монастырь означенъ въ дѣлѣ какъ находящійся—«въ Новгородскомъ уѣздѣ въ Ладожскомъ присудѣ» (Московск. архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ: Дѣла монастырскія № 14) и пр.

[5]) См. прил. V.

Погосты. Какъ извѣстно, погостами въ древнемъ Новгородѣ назывались особые правительственные округа, а также главныя мѣстности такихъ округовъ, т. е. ихъ главныя поселенія, съ церковью, кладбищемъ и пр. [1]). Къ этимъ центрамъ погостовъ тянуло, или отбывало повинности, мѣстное сельское населеніе и здѣсь-же былъ его приходской храмъ. Названіе свое погосты получали иногда лишь по главнымъ своимъ церквамъ, иногда же вмѣстѣ съ тѣмъ и по поселеніямъ, въ которыхъ эти церкви находились, такъ что въ подобныхъ случаяхъ оно получалось двойное; иногда, наконецъ, послѣднее вытекало исключительно лишь изъ однихъ болѣе общихъ условій мѣстоположенія того или другаго погоста, не имѣвшаго ни главнаго селенія, ни церкви, какъ напр. въ Ладожскомъ уѣздѣ—Лопца [2]). Къ числу упомянутыхъ, съ двойнымъ названіемъ (по храму и по городу), относится въ послѣднемъ погостъ, именуемый въ переписной книгѣ 1500 г.—Городенскимъ, а позже въ XVI в.—Пречистенскимъ Городенскимъ, какъ состоявшій при городѣ Ладогѣ, въ которой уже въ 1500 г. существовалъ монастырь «Пречистыя изъ Ладоги» (Успенія Пресвятой Богородицы), бывшій слѣдовательно главнымъ храмомъ погоста; но самая Ладога, въ качествѣ главнаго центра всего уѣзда, къ которому тянули всѣ погосты послѣдняго, повидимому стояла особо, на что, повидимому, указываетъ и переписная книга 1500 г., въ которой обозначеніе «Погостъ Городенской» пріурочено только къ землямъ уѣзднымъ, т. е. не городскимъ [3]), а передъ описаніемъ самаго города значится лишь, что «городъ Ладога въ Вотской пятинѣ на рѣцѣ на Волховѣ» [4]).

По свѣдѣніямъ 1500 г. въ составъ Ладожскаго уѣзда въ Вотской пятинѣ входили слѣдующіе погосты: Городенской (позже Пречистенской-Городенской), Ѳедоровской Песоцкой, Егорьевской Теребужской, Лопца, Ильинской, Михайловской и Никольской съ Городища. Составъ этотъ однако въ разное время подвергался извѣстнымъ измѣненіямъ, по крайней мѣрѣ изъ переписной книги 1500 г. видно, что напр. погостъ Михайловской, а вѣроятно и Никольской съ Городища, прежде принадлежали къ уѣзду Новгородскому, а не къ Ладожскому. Неизвѣстно, причислялись ли около 1500 г. къ Ладогѣ какіе-либо погосты и въ пятинѣ Обонежской (см. выше—объ уѣздѣ), но въ исходѣ XVI вѣка въ послѣдней указываются, въ добавокъ къ перечисленнымъ выше, еще погосты Васильевской на Волховѣ и Рожественской на Сяси [5]), а также упоминаются

---

[1]) К. Неволинъ: О пятинахъ погостахъ новгородск., 85, 91.
[2]) Тамъ-же, 94, 96.
[3]) Временникъ Общ. ист. и древн., кн. XI.
[4]) Новгородск. Писц. книги, т. III.
[5]) К. Неволинъ: О пятинахъ и погостахъ новгор. 114.

въ Обонежской-же пятинѣ погосты Михайловской и Ильинской (вѣроятно зарѣчныя части тѣхъ-же, показанныхъ въ 1500 г.), причемъ обозначено, что церкви этихъ послѣднихъ стоятъ за Волховомъ въ Вотской пятинѣ [1]).

Такимъ образомъ, вопросъ о точномъ числѣ погостовъ въ Ладожскомъ уѣздѣ, остается не яснымъ; сверхъ того въ переписной книгѣ 1500 г. встрѣчается положительное указаніе, что, какъ выше уже указано, Лопца (или погостъ Лопскій) лежала даже въ двухъ уѣздахъ—Ладожскомъ и Орѣховскомъ [2]), обстоятельство, указывающее на возможность и другихъ случаевъ подобнаго-же несовпаденія границъ уѣзда съ составлявшими его погостами.

Ближайшими къ Ладогѣ погостами были Городенской и Ильинской. Сѣверная половина Городенскаго занимала (по даннымъ переписной книги 1500 г.) все прибрежное пространство Ладожскаго озера на Западъ отъ низовьевъ Волхова до устья впадающей въ озеро р. Кабоны, теченіе которой, повидимому, составляло здѣсь часть нижней границы этой половины погоста [3]), что же касается южной половины послѣдняго, то она, охвативъ Ладогу, тянулась затѣмъ клинообразно около Волхова на Югъ, полосою между расположеннымъ непосредственно на Волховѣ погостомъ Ильинскимъ (прилегавшимъ къ Ладогѣ съ Юга) и погостомъ Песоцкимъ, лежавшимъ западнѣе; въ этомъ направленіи южная половина захватывала приблизительно верховья р. Влои [4]) гдѣ сходилась съ погостомъ Михайловскимъ и весьма вѣроятно, судя по даннымъ половины XVII ст. [5]), она отсюда снова поворачивала на Западъ до самой границы Ладожскаго уѣзда (см. стр. 19).

---

[1]) К. Неволинъ: О пятинахъ и погостахъ новгор.: Прилож. VI, 141, 142.

[2]) Временникъ Общ. ист. и древн., кн. XI.

[3]) Предѣлы эти указываются нѣкоторыми (изъ поддающихся нынѣ опредѣленію) пунктами по переписной книгѣ 1500 г.: на сѣверъ отъ Ладоги—Велеша, Подолъ, Семыня и Бѣлобородово (всѣ непосредственно на Волховѣ, а послѣднее на самомъ устьѣ его, гдѣ впослѣдствіи основалась Новая Ладога); на берегу озера—Лигово и Кабона; по нижнему теченію р. Кабоны—Боръ, Вирола, Какула и отсюда черта погоста на Востокъ, приблизительно черезъ селеніе Сюрью къ Ладогѣ (Таб. I и III).

[4]) Приблизительно на южномъ концѣ этой полосы указывается въ 1500 г. селеніе Марьино на р. Влоѣ, т. е. верстахъ въ 25 южнѣе Какулы на р. Кабонѣ. Кромѣ того въ той же полосѣ извѣстны современныя 1500 г. пункты (селенія и позднѣйшія пустоши)—Трусова Большой Дворъ, Кудриково, Песья Паренина, Каменка, Мякинина Ладожица, Озерца, Щелега у Ладоги (Щерега), Горка на Ладозѣ, Большой Дворъ, Заклюка, Замошье, Кизикино, Труфаново Замошье и др. (Таб. I.)

[5]) Въ межевой записи 1649 г. (состоявшейся вслѣдствіе Столбовскаго договора), по поводу разграниченія Орѣшковскаго уѣзда (отходившаго къ Швеціи) отъ Ладожскаго, говорится относительно южной части Городенскаго погоста слѣдующее:

«А межа пошла... отъ устья Лавуи рѣкою Лавуею вверхъ до раздвою рѣки...12 верстъ, лѣвою рукою Лавуею къ Осиновому ключу 13 верстъ... и тутъ скончался Ладожской Тере-

Такимъ образомъ, можно заключать, что Городенскій погостъ въ 1500 г. имѣлъ приблизительно дугообразную площадь, обращенную концами къ Западу и, охватывая собой погосты Песоцкій и Теребужскій, примыкалъ на Югѣ къ Новгородскому уѣзду.

Ильинской погостъ примыкалъ, какъ уже сказано, къ Ладогѣ съ южной стороны; селеніе и церковь во имя св. Иліи находятся понынѣ на лѣвомъ берегу Волхова, всего въ 4 верстахъ выше Ладоги, и означены въ 1500 году—«Деревня у Ильи св. на погостѣ». Въ немъ въ это время упоминаются въ числѣ другихъ селенія Лисичье, Холмъ, Подъ Рябиною (нынѣ Подребенье), Бышево на р. Заклюкѣ, Извозъ и др., изъ коихъ послѣднее лежало на Волховѣ, всего на версту южнѣе Николаевскаго монастыря, или границы Ладожскаго посада въ древности [1]).

Наконецъ сюда-же можетъ быть причисленъ погостъ Васильевскій, хотя и лежавшій въ Обонежской пятинѣ, но расположенный противъ самой Ладоги, отъ которой онъ отдѣлялся только теченіемъ Волхова.

Изъ числа остальныхъ, погосты Ѳедоровской Песоцкой и Егорьевской Теребужской находились въ углу, образуемомъ Городенскимъ, т. е. западнѣе Ладоги, причемъ ближе къ послѣдней лежалъ Песоцкой, въ которомъ, по свѣдѣніямъ 1500 г., числились напр. селенія Селиверстово, Весь, Княжъ-Островъ и др., въ недальнемъ разстояніи отъ города [2]); въ противоположную сторону (на Западъ) онъ простирался приблизительно до сел. Теребушки, находившагося уже въ сосѣднемъ погостѣ Теребужскомъ. Любопытно, что по тѣмъ-же

бужской погостъ, а начался Ладожской же Городенской погостъ. А отъ Осинового клоча грань пошла рѣкою же Лавуею вверхъ мхами топучими до Илухова верховья, гдѣ та Лавуя вышла изъ мховъ 10 верстъ;.. мхами топучими до Неважскаго островка 10 верстъ... и тутъ на островкѣ Городенской погостъ да и Ладожской уѣздъ скончался, а насталъ Новгородскаго уѣзда Солецкой погостъ» и т. д. (Полн. Собр. Зак., т. I, № 19, стр. 195).

[1]) Табл. I. Въ «Экономическихъ примѣчаніяхъ» къ планамъ Генеральнаго межеванія 1778—79 г. (Архивъ С.-Петерб. Губернской чертежной), показано подъ № 428: Село Ильинское съ деревнями Извоза, Виковшины на р. Заклюкѣ, Подребеньемъ, Кукина на р. Заклюкѣ и съ пустошьми, владѣнія Староладожскаго Николаевскаго монастыря; въ сельцѣ церковь деревянная во имя Иліи пророка». Подъ № 429—«Пустошь Бушева, бывшаго владѣнія Староладожск. Ивановскаго монастыря, на правой сторонѣ р. Заклюки».

[2]) Въ «Экономич. примѣчаніяхъ» показано: Подъ № 176—«Ѳеодоровской Песоцкой погостъ съ деревней Кисельной; погостъ деревня на правой сторонѣ р. Песошной, а дачею на лѣвой сторонѣ ручья Олховецкого, да на правой р. Ладожки». На новѣйшихъ картахъ южнаго Приладожья самый погостъ Пески означенъ въ разстояніи около 7 верстъ отъ Ладоги, близь сел. Черновщины.

Подъ № 184—«Деревня Веси (а по мірскому званію Кисельни) селеніемъ на правой сторонѣ р. Песошной». Подъ № 183—«Пустошь Княжъ-Островъ бывшаго Староладожск. Николаевскаго монастыря, на правой сторонѣ р. Песошной.

свѣдѣніямъ въ Песоцкомъ погостѣ значатся селенія Лигово и Лиднево, оба лежащія на берегу Ладожскаго озера, т. е. совершенно отдѣльно въ сторонѣ, причемъ первое изъ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ числилось и въ составѣ погоста Городенскаго [1]). Рядомъ съ нимъ, далѣе на Западъ-же, находился погостъ Теребужской, достигавшій приблизительно рѣки Лавы [2]) и, повидимому, отдѣлявшійся съ сѣверной стороны отъ Городенскаго теченіемъ рѣки Кабоны, а еще далѣе, примыкая къ Лавѣ [3]), занималъ крайнюю западную часть Ладожскаго уѣзда погостъ Лопца, переходившій и въ сосѣдній уѣздъ Орѣховской.

Что касается остальныхъ, то изъ нихъ Михайловской находился южнѣе Ильинскаго, будучи означенъ въ 1500 г. «На порогѣ» (т. е. около Волховскихъ пороговъ, немного ниже которыхъ понынѣ существуетъ селеніе и церковь Михаила-Архангела), причемъ вверхъ по Волхову онъ доходилъ повидимому до нижняго теченія рѣки Влои [4]), а еще южнѣе за нимъ—погостъ Никольской съ Городища, которымъ Ладожскій уѣздъ, вѣроятно, примыкалъ уже къ Новгородскому.

Волость.

Затѣмъ остается упомянуть еще объ одномъ, чисто административномъ дѣленіи уѣздныхъ земель, существовавшемъ въ московскихъ владѣніяхъ еще до Іоанна III, именно на волости (въ тѣсномъ значеніи этого слова), составлявшія отдѣльную часть уѣзда изъ нѣсколькихъ селъ, слободъ и деревень и однозначущія позже со станами [5]). Наименованіе земель волостями встрѣчается и въ новгородскомъ краѣ, напр. въ переписной книгѣ Вотской Пятины 1500 г., но, какъ видно, безъ тѣснаго значенія въ административномъ смыслѣ, означая собственно извѣстный земельный надѣлъ, или чью-либо владѣльческую собственность [6]), въ половинѣ же XVI вѣка слово волость встрѣчается уже и какъ единица

---

[1]) Примѣръ, впрочемъ, не единственный, такъ какъ въ тѣхъ-же свѣдѣніяхъ—«деревня на Лиднѣ у озера Ладожскаго» числится и въ погостѣ Лопцѣ.

[2]) Въ немъ значится (1500 г.), въ болѣе или менѣе близкомъ сосѣдствѣ съ Лавой, нынѣшнія селенія Колосаръ, Рѣчка, Горгола, Теребушка и др. Въ XVII ст. та-же рѣка составляла его западную границу (см. стр. 24).

[3]) Такъ, въ немъ показана въ 1500 г.: «Деревня на Лавуѣ, Лавуя въ Концѣ, Васильево (нынѣ Васильково?) на Лавуѣ, Боръ на Лавуѣ и друг.»

[4]) Въ немъ напр. упоминаются селенія: «Заполекъ, Глажево и Ляховичъ на р. Влоѣ», извѣстныя и понынѣ.

[5]) Н. Бѣляевъ: О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ Государствѣ (Временникъ Общ. ист. и древн., кн. XI, 46, 47).

[6]) Такъ, въ книгѣ встрѣчаются обозначенія: «Въ Ладожскомъ уѣздѣ погостъ Городенской, а въ немъ великого князя волости и деревни оброчныя»;—«въ Городенскомъ же погостѣ великого князя волости за бояры и за дѣтьми боярскими: волость Бобедищо и Вирола»;—«Волостка Григорьевская Ногаткина»;—«Волостка Никольского монастыря изъ Ладоги» и др. (Временникъ Общ. ист. и древн., кн. XI).

административная (независимо отъ дѣленія земель на погосты), каковою въ 1584 г. упоминается документами волость Силосарская [1]), непосредственно прилегавшая къ Ладогѣ. Она сохранила свое наименованіе въ XVII и даже еще въ исходѣ XVIII ст., какъ напр. встрѣчается въ 1628, 1700 и 1778 г. [2]), причемъ по свѣдѣніямъ 1676 г. [3]) въ ней значатся близь Ладоги существующія нынѣ деревни: съ западной стороны Мѣстовка, а съ южной — Княщина (бывшая Заклюка, Каменный мостъ тожъ) и также прежняя пустошь Домани [4]), т. е. Силосарская волость лежала непосредственно кругомъ Ладоги, простираясь къ Западу болѣе чѣмъ на 15 верстъ [5]).

Такимъ образомъ, дѣленіе на волости, какъ административныя единицы, въ свою очередь не совпадало съ предшествовавшимъ, ибо напр. въ данномъ случаѣ волость Силосарская лежала даже въ трехъ погостахъ, именно Пречистенскомъ-Городенскомъ, Ильинскомъ, Ѳедоровскомъ-Песоцкомъ и быть можетъ даже въ Теребужскомъ.

но городъ Ладога.

О первоначальномъ существованіи собственно города Ладоги, историческія свѣдѣнія, какъ выше уже изложено, теряются въ туманѣ легендъ, но каково бы ни было ея отношеніе къ вышеупоминавшимся арабскимъ извѣстіямъ, или къ скандинавскимъ сказаніямъ объ Альдейгобургѣ, тѣмъ не менѣе едва-ли могутъ быть разногласія въ томъ, что на мѣстности нынѣшней Ладоги (Старой) съ незапамятныхъ еще временъ вообще существовалъ заселенный пунктъ, лежавшій на пути торговыхъ сношеній Востока съ Западомъ, слѣды которыхъ, независимо отъ историческихъ свидѣтельствъ, выражаются въ обиліи монетъ тѣхъ-же странъ,

---

[1]) Въ памяти новгородскаго Съѣзжаго двора 1678 г. приводится, что игуменъ Никольскаго монастыря изъ Ладоги (Евѳимій) подалъ челобитную на дворцовыхъ крестьянъ Силосарской волости деревни Глинокъ и слѣдуетъ справка: «А къ выпискѣ изъ писцовыхъ книгъ 7092 (1584) года написано: въ Силосарской волости пустошь Часовня словетъ Монастырекъ...» и т. д. (Документы новгор. Казен. Палаты въ Археогр. Комиссіи, № 362). Названіе «Силосари» встрѣчается и въ переписной книгѣ 1500 г., но въ значеніи не вполнѣ ясномъ (б. м. также въ смыслѣ волости); такъ въ Теребужскомъ погостѣ показано — «Великого князя волостки и деревни оброчныя:... Деревня Коробово на р. Кабонѣ..., дер. Фларево въ Сивосари» и т. д. (Временн. Общ. ист. и древн., кн. XI). Въ выписи 1649 г. изъ той же книги, келарю Староладожс. Никольскаго монастыря Іонѣ, означено: «Великого князя въ дворцовой (волости?) въ (деревнѣ) Монастырѣ въ Силосари въ Марфинской Исаковы...» и пр. (Докум. Новгор. Каз. Пал. въ Арх. Ком., № 160).

[2]) См. Прил. VIII. Также выпись изъ дѣла о пустошахъ Николаевскаго монастыря (Докум. Новгор. Казен. Пал. въ Археогр. Ком., № 687) и «Экономическія примѣчанія» къ планамъ генеральнаго межеванія 1778—79 г. (Архивъ С.-Петерб. губернской чертежной).

[3]) См. примѣч. 7.

[4]) См. табл. I.

[5]) Повидимому, крайними на западѣ пунктами волости были нынѣшнія деревни Голтово, Монастырекъ, Гнилка и Выдрино.

найденныхъ въ языческихъ могилахъ Приладожья вообще, а равно и въ самой Ладогѣ; въ послѣдней извѣстенъ напр. случай находки даже цѣлаго клада монетъ сассанидскихъ, намекающій на ея торговое значеніе, быть можетъ, еще въ VI вѣкѣ по Р. Х. [1]).

Въ силу этого уже въ далекія времена та-же мѣстность, вѣроятно, имѣла своихъ собственниковъ, частью финской народности, частью изъ числа славянскихъ колонизаторовъ съ Ильменя и варяговъ изъ-за моря; но нѣтъ никакихъ данныхъ, что-бы приподнять даже уголокъ непроницаемой завѣсы, скрывающей отъ насъ первоначальную эпоху Ладоги по отношенію къ землевладѣнію, и лишь съ утвержденіемъ христіанства и развитіемъ княжескаго періода, является возможность хотя приблизительно судить о составѣ этого землевладѣнія, но и то не ранѣе эпохи паденія новгородской самостоятельности, такъ какъ древнѣйшія письменныя данныя, сюда относящіяся, дошли до насъ не ранѣе какъ отъ послѣднихъ годовъ XV столѣтія. За періодъ болѣе глубокой древности имѣются только указанія, что часть земельной территоріи Ладоги составляла, по всей вѣроятности, собственность варяговъ, судя по тому, что одна изъ ея улицъ въ древности носила названіе «Варяжской»; что тѣ, или другіе земельные надѣлы должны были принадлежать нѣсколькимъ церквамъ, извѣстнымъ въ Ладогѣ уже въ глубокой древности, какъ напр. церкви св. Климента и св. Георгія, а нѣсколько позже такими-же надѣлами пользовалась готландская церковь св. Николая въ Ладогѣ, нѣмецкій гостиный дворъ и т. д.; можно прибавить наконецъ, что уже въ началѣ XII вѣка часть мѣстности города была занята каменной крѣпостью, а другая посадомъ, о которомъ лѣтопись упоминаетъ уже подъ 1164 годомъ, но этимъ всѣ свѣдѣнія въ данномъ отношеніи и исчерпываются.

Можно думать, что первоначальное ядро ладожской территоріи находилось не тамъ, гдѣ нынѣ лежитъ селеніе Старая Ладога, а нѣсколько южнѣе, за рѣчкой Ладожкой, т. е. на той-же сторонѣ послѣдней, гдѣ нынѣ еще существуетъ каменное городище. Здѣсь мѣстность представляетъ болѣе удобный пунктъ для древняго поселенія, какъ прикрытая съ трехъ сторонъ водою и потому болѣе обезпеченная отъ нападенія; здѣсь-же въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ южной стороны, по берегу Волхова тянется цѣпь кургановъ и существуютъ слѣды вышеупомянутой церкви св. Климента, сооруженной еще въ 1153 г., расположеніе которой указываетъ на населенность прилегающей мѣстности; подъ фрагментами фундамента этого древнѣйшаго въ Ладогѣ храма, были въ послѣднее время обнаружены культурные слои чернозема, заключавшіе въ себѣ

[1]) См. стр. 5 и 17.

обломки костей рыбьихъ и человѣческихъ, остатки древесной щепы и даже бревенъ [1]), ясно свидѣтельствующіе о бывшемъ здѣсь въ глубочайшей древности поселеніи. Наконецъ свое значеніе можетъ имѣть и то обстоятельство, что здѣсь-же узкая прибрежная къ Волхову полоса чернозема (между Николаевскимъ монастыремъ и Ивановской церковью, ниже Ладоги) отличается большей мощностью и что въ черноземѣ этомъ бывали случаи находокъ древностей курганныхъ типовъ [2]), чего на мѣстѣ нынѣшняго селенія Ладоги (т. е. на сторонѣ противуположной, за рѣчкой) не встрѣчалось, или по крайней мѣрѣ совершенно неизвѣстно.

Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что уже въ древнѣйшія времена территорія ладожскаго поселенія распространилась и ниже по Волхову, перейдя на противуположную сторону р. Ладожки. Опредѣлить хотя-бы приблизительно время этого расширенія трудно и можно лишь указать, что первый изъ дошедшихъ до насъ историческихъ, сюда относящихся документовъ, — переписная книга Вотской пятины 1500 г. [3]), застаетъ Ладогу уже въ упоминаемомъ объемѣ, такъ какъ говоритъ о посадѣ на обѣихъ сторонахъ р. Ладожки.

Посадъ. Ко времени составленія этой переписной книги Ладога состояла изъ города (крѣпости—нынѣшняго городища) и упомянутаго посада, лежавшаго вдоль Волхова, между понынѣ существующими монастырями Успенскимъ съ Сѣвера и Николаевскимъ съ Юга, разстояніе между которыми составляетъ приблизительно около одной версты, причемъ нижнее теченіе р. Ладожки (т. е. по впаденіи въ нее р. Заклюки, таб. II.) раздѣляло его на двѣ половины. Но въ то время посадъ занималъ только часть этого протяженія и повидимому между сѣверной чертой его и Успенскимъ монастыремъ оставалось еще довольно много свободнаго пространства, занятаго, какъ видно, мѣстными угодьями разныхъ владѣльцевъ; по крайней мѣрѣ въ той-же переписной книгѣ указывается, что за р. Ладожкой велѣно давать обывателямъ мѣсто подъ дворы, которые отводить по порядку: первый рядъ по берегу Волхова начать отъ Успенскаго монастыря и довести вверхъ до церкви св. Петра, а затѣмъ ставить дворы во второй рядъ позади перваго и довести до Варяжской улицы, причемъ поясняется, что дворы отводить безразлично—«на помѣщиковыхъ мѣстѣхъ и на своеземцовыхъ и на монастырскихъ и на городскихъ людей полянахъ съ ряду» [4]). Равнымъ образомъ

---

[1]) Записки Имп. Рус. археол. общества 1886 г., т. I (Д. Сабанѣевъ: Замѣтка о Климентовской церкви близь Ст. Ладоги).

[2]) Напр. при постройкѣ въ 1885—86 г. новаго дома мѣстнымъ землевладѣльцемъ г. Балкомъ близь городища.

[3]) Новгородскія писцовыя книги, т. III.

[4]) См. прилож. I.

и южная сторона посада около крѣпости, едва-ли доходила до Николаевскаго монастыря, что даетъ возможность замѣтить неодинаковость топографическихъ опредѣленій послѣдняго въ разновременныхъ документахъ: напр. въ переписной книгѣ 1500 г. оба они упоминаются просто «изъ Ладоги», а позже означаются какъ расположенные «на посадѣ». Восточная сторона послѣдняго обмывалась Волховомъ, что же касается границы западной, то изъ свѣдѣній 1500 г. [1]) надо заключить, что въ ширину (или по нижнему теченію Ладожки) посадъ простирался лишь до впаденія въ послѣднюю р. Заклюки, такъ какъ далѣе, въ углу, образуемомъ ихъ сліяніемъ, должна была уже лежать упоминаемая въ тѣхъ-же свѣдѣніяхъ—«Климента святого изъ Ладоги деревня Щелега на посадѣ у города у Ладоги» [2]).

О величинѣ самаго посада въ исходѣ XV вѣка даетъ нѣкоторое понятіе перепись 1500 г., насчитывающая въ немъ «по старому письму» (т. е. ранѣе 1500 г.) 84 двора, а по «новому»—до 116 и такъ какъ каждый городской дворъ, въ смыслѣ тогдашней единицы мѣры, имѣлъ опредѣленную величину [3]), именно 15×10 саженъ, то пространство подъ 116 дворами должно было составлять около 17500 кв. саж.; но цифра эта конечно значительно ниже дѣйствительной величины посада, въ виду напр. хотя-бы того, что въ составѣ послѣдняго свѣдѣнія 1500 г. показываютъ также мѣста монастырскія и церковныя, частью занятыя тяглыми-же дворами, но всѣ ли эти мѣста были сплошь заняты—не видно; кромѣ того, въ посадѣ могли находиться даже пашни и хмѣльники, на что намекаетъ запрещеніе той-же переписи 1500 г., чтобы на вновь отводимыхъ мѣстахъ (см. в.)—«Пашни и хмельниковъ не метати и не пахати безъ дворовъ» [4]); наконецъ неизвѣстенъ и порядокъ размѣщенія самыхъ

---

[1]) Вторая половина переписной книги 1500 г., во Временникѣ Общ. ист. и древн., кн. XI.

[2]) Участокъ этотъ и понынѣ носитъ названіе «Климентовщины». Въ планахъ Генеральнаго межеванія 1778—79 г. (Архивъ С.-Петерб. Губернской чертежной) онъ обозначенъ—«Климентовщина, что прежде была деревня Щерега» (см. табл. I.). Въ прошеніи 1736 г. причта Климентовской церкви (въ Новой Ладогѣ) объясняется также, что къ ихъ церкви «имѣется данная изстари по писцовымъ книгамъ государева жалованная пустошь, что была деревня Щерега на посадѣ у города Ладоги (Старой) надъ рѣчкою Ладожицею» (Изъ документовъ принадлежащихъ Староладожск. мѣщанину Вас. Парфенову).

[3]) Въ древнемъ Новгородѣ пахотныя земли росписывались для платежа податей на обжи, а городскія земли—на дворы, такъ что дворъ долженъ былъ имѣть одно опредѣленное пространство (Временникъ Общ. ист. и древн., кн. XI: И. Бѣляевъ—О поземельномъ владѣніи въ Московск. Государствѣ).

[4]) Въ одномъ изъ позднѣйшихъ документовъ XVIII ст. указывается, что—«По выписи изъ Новгородской Приказной палаты 7077 (1569) года, ладожской посадской земли и сѣнныхъ покосовъ вокругъ Ладоги 45 десятинъ безъ трети» (Изъ документовъ, принадлежащихъ Староладожск. мѣщанину Вас. Парфенову).

дворовъ, т. е. примыкали-ли они вообще непосредственно другъ къ другу, а также могли въ чертѣ посада находиться участки, принадлежавшіе представителямъ другихъ элементовъ населенія и т. д.

Въ XVI вѣкѣ сѣверная граница посада доходила уже до Успенскаго монастыря, по крайней мѣрѣ въ писцовой книгѣ 1569 г. послѣдній показанъ «въ Ладогѣ на посадѣ» [1]), а въ 1582—83 г. такъ-же обозначенъ и монастырь Никольскій, до котораго слѣдовательно достигалъ посадъ со стороны южной [2]), причемъ по свѣдѣніямъ 1546 г. показано нѣсколько увеличившимся и самое число дворовъ его, именно всего 138, но въ числѣ ихъ 32 пустыхъ [3]). Наконецъ, въ XVII вѣкѣ сѣверный конецъ его достигалъ уже монастыря Ивановскаго [4]), а южный по прежнему Никольскаго, такъ какъ въ 1678 и 1646 г. оба они также значатся «на посадѣ» [5]).

Такимъ образомъ, площадь послѣдняго, на основаніи этихъ косвенныхъ указаній, оказывается въ XVI—XVII ст. значительно раздвинувшейся, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ переписныхъ книгахъ половины XVII в. число самыхъ дворовъ сравнительно съ прежнимъ приводится значительно менѣе, именно въ 1646 г. лишь 34 и въ 1678 всего 52 двора [6]), т. е. болѣе чѣмъ на половину сократившимся, сравнительно съ свѣдѣніями 1500 г. Объясненіе подобнаго несоотвѣтствія съ ростомъ площади посада можно усматривать въ томъ, что въ переписныхъ книгахъ упомянутыхъ годовъ перечислены лишь дворы жилые (съ поименнымъ перечнемъ ихъ владѣльцевъ и обитателей) и слѣдовательно опущены дворы пустые, безъ сомнѣнія также существовавшіе (ср. в.), особенно послѣ смутъ начала XVII стол., а кромѣ того подъ площадью посада, вѣроятно, заключались какъ нѣкоторыя угодья, такъ даже и кладбище, слѣды чего

---

[1]) Выпись изъ писцовыхъ книгъ Успенскаго монастыря, 1684 г. (Документы Новгородск. Казенной Палаты въ Археографич. Комиссіи, № 425).

[2]) К. Неволинъ: О пятинахъ и погостахъ новгородск., прил. VI, 142 (Зап. Имп. Географ. общ. 1853 г., кн. VIII).

[3]) Въ разрядномъ и разметномъ спискахъ этого года, о сборѣ ратныхъ людей, исчисляется между прочимъ, что—«въ городѣ Ладогѣ живущихъ тяглыхъ дворовъ и съ поповыми дворы и дьяковы, которые живутъ на тяглой землѣ на черной, 103 дворы; да дворъ намѣстничъ, да тіунской; а церковныхъ нетяглыхъ 1 дворъ поповъ; а пустыхъ дворовъ тяглыхъ 32 двора» (Акты Археогр. Экспед. т. I, № 205).

[4]) Нынѣ приписная церковь Іоанна Предтечи на Волховѣ, лежащая съ 1/2 версты ниже Успенскаго монастыря.

[5]) Московск. арх. Мин. Юст.: Переписныя книги № 8571, л. 47, 48 и № 8559, л. 74.

[6]) Послѣдняя цифра повторяется и въ 1700 г.: въ одной роспискѣ этого времени читаемъ, что взято «у ладожскаго посаду старосты и у всѣхъ посадскихъ людей денегъ съ 52 дворовъ, съ двора по алтыну» (Изъ документовъ, принадлежащихъ Староладожск. мѣщанину Вас. Парфенову).

усматриваются въ позднѣйшихъ указаніяхъ [1]). Наконецъ, возможно предположеніе, что на ладожской территоріи появилось нѣсколько слободъ, въ составъ которыхъ быть можетъ вошли даже нѣкоторыя части самого посада, именно слободъ Ямской, Стрѣлецкой, Пушкарской и Казачьей.

Слободы.

Объ основаніи Ямской слободы имѣется указаніе, что она возникла въ 1591 году. Въ справкѣ Ямской канцеляріи 1745 г. говорится по этому поводу, что—«Въ прошломъ 99 году по государеву, цареву и великого князя Ѳедора Ивановича всея Россіи указу и по приговору бояріна князя Василія Ѳедоровича Шуйского съ товарищи, Степанъ Кузминской да подъячей Одинецъ Ивановъ устроили на Ладожскомъ яму 5 человѣкъ охотниковъ, а земли тѣмъ охотникомъ Ладожского яму отведено подъ Ямскую слободу и на пашню близко города Ладоги посаду... Да въ прошломъ 105 (1597) году на томъ-же Ладожскомъ яму устроено охотниковъ въ прибавокъ помянутымъ пяти человѣкамъ 5 человѣкъ, а земли тѣмъ охотникомъ отведено на пашню подъ Ладогою...» [2]).

Подробный перечень отведенныхъ земель приводится въ той-же справкѣ [3]), болѣе же близкія топографическія указанія выясняются какъ изъ плановъ Генеральнаго межеванія 1778—79 г., такъ и изъ косвенныхъ, имѣющихъ сюда отношеніе, документовъ минувшаго столѣтія [4]). Изъ этихъ указаній можно

---

[1]) Такъ, въ продажной записи 1755 г. указывается съ южной стороны Успенскаго монастыря существованіе «стариннаго церковнаго кладбища» (см. Примѣч. 1). Оно-же показано (въ чертѣ посадской земли) и въ межевыхъ книгахъ 1778 г., причемъ величина его обозначена 1620 кв. саж.

[2]) Изъ документовъ, принадлежащихъ Староладожск. мѣщанину Вас. Парфенову.

[3]) А именно: «Земли отведено (въ 1591 г.) въ Вотской пятинѣ Дмитрея Резанова пустошь Чертова, двѣ обжи пашни въ полѣ 20 четвертей, а въ дву потому-жъ; Озерца Василія Сабурова, обжа, сѣна 20 копенъ; пустошь Сущево Ивана Сабурова, двѣ обжи, пашни въ полѣ 20 четвертей, а въ дву потому-жъ, сѣна 40 копенъ. И всего ладожскимъ охотникомъ отведено подъ дворы и на пашню 5 обежъ, сѣна 100 копенъ».

Въ 1597 г.—«Въ той-же Вотской пятинѣ подъ Ладогою Васильева помѣстья Сабурова, вопче съ прежними охотники, въ Озерцахъ обжа пустошь малая (*Малоя?*—ср. примѣч. 2) обжа, до Ивановскаго помѣстья Сабурова пустошь *Горка Ахматовская*, обжа, да ямскому прикащику Петровскаго помѣстья Родвицково пустошь *Песья Паренина,* обжа, да Михайлова помѣстья Кузминскаго надъ рѣкою надъ Ладожицею пустошь *Трусово-Коерово Амасевшина то-жъ,* пашни 20 четвертей въ полѣ, а въ дву потому-жъ, двѣ обжи.

И всего охотникомъ, которые устроены въ прибавокъ къ прежнимъ, отдѣлено 4 пустоши, пашни въ нихъ 50 четвертей въ полѣ, а въ дву потому-жъ, пять обежъ, сѣна 50 копенъ; да ямскому прикащику обжу, сѣна 30 копенъ.

Да ладожскимъ-же охотникомъ отведено на сѣнные покосы, по конецъ Ладожскаго посаду отъ Новгорода, на р. Волховѣ подъ Никольскимъ монастыремъ пожня сѣна 50 волоковыхъ копенъ; да тѣмъ-же охотникомъ сѣнныхъ покосовъ на Ладожскомъ озерѣ...

Да огородной земли тѣмъ-же охотникомъ отведено въ длину 45 саж., а поперегъ 15 саженъ.

[4]) См. табл. I.

Въ началѣ XVIII ст. земли Ямской слободы были уже пустопорожними, какъ видно

видѣть, что Ямская слобода должна была находиться въ сѣверной половинѣ посада, приблизительно въ близкомъ сосѣдствѣ съ Успенскимъ монастыремъ, съ сѣверной и сѣверо-западной его стороны [1]) и частью кажется даже съ южной [2]), причемъ она, повидимому, примыкала и къ Волхову [3]).

Ямская слобода, или Ладожскій ямъ, упоминаются въ Ладогѣ въ теченіи всего XVII стол. (напр. въ 1688 г.) и, какъ видно изъ предъидущаго, была упразднена лишь въ 1714 году.

вслѣдствіе перевода ямщиковъ на новый пунктъ, послѣ возникновенія города Новой Ладоги (на устьѣ Волхова), покрайней мѣрѣ въ сенатскомъ указѣ 1753 г. приводится справка Вотчинной конторы, въ которой говорится, что «Въ 1714 г. велѣно для поселенія ямщиковъ въ С.-Петербургѣ, на половинѣ до Волхова и на Волховѣ выбрать губернаторамъ лучшихъ и семьянистыхъ и лошадиныхъ людей 216 вытей и поселить тѣхъ ямщиковъ на новопроложенной дорогѣ». Часть этихъ запустѣвшихъ и другихъ земель въ Старой Ладогѣ, была въ 1716 г. отведена въ собственность Василія Римского-Корсакова и его дочери (въ замужествѣ Мельгуновой), взамѣнъ 103 десятинъ, отчужденныхъ отъ него въ Никольскомъ Полисскомъ погостѣ Новгородскаго уѣзда подъ поселеніе ямщиковъ Соснинского яма, и въ половинѣ прошлаго столѣтія послужила поводомъ къ тяжебному дѣлу между Мельгуновыми и посадскими людьми Ст. Ладоги, обвинявшими первыхъ въ захватѣ лишнихъ участковъ. Въ сохранившихся по этому поводу документахъ встрѣчаются существенно важныя для вопроса о мѣстоположеніи Ямской слободы указанія, или разъясненія о первоначально отведенныхъ подъ послѣднюю пустошей (см. примѣч. 2).

[1]) Въ одномъ изъ документовъ XVIII ст., по поводу процесса жителей Ладоги съ Мельгуновыми (см. стр. 31 вын. 4), приводится между прочимъ слѣдующее «Извѣстіе Ладожскаго посаду о посадской землѣ»:

«Въ выписи данной изъ Новгородской бывшей Приказной палаты въ 176 (1668) году, за справою подъячего Данила Омельянова, написано: 7106 (1598) года Іюля въ 19 день по наказу отъ воеводы Данила Ногтева, а по осмотру и по мѣрѣ подъячего Ивана Галактіонова, явилось вышеписанной посадской земли въ разныхъ мѣстахъ, въ томъ числѣ—въ Пречистенскомъ концѣ отъ р. отъ Волхова въ гору возлѣ ямскую пашню, до улицы что въ Ямскую слободу, пашни въ длину 40 саж., а поперегъ 44 сажени. Да за тою улицею отъ ямскіе пашни и что за монастыремъ (Успенскимъ?) до ручья Грубицы позади стрѣлецкихъ огородовъ и до пушкарской земли въ длину 170 саженъ, а поперегъ стрѣлецкихъ огородовъ къ мельницкимъ сопкамъ (курганамъ) 100 саженъ». (Изъ документовъ принадлежащихъ Староладожск. мѣщанину Вас. Парфенову).

Упомянутый ручей Грубица нынѣ протекаетъ черезъ Успенскій монастырь, мельницкія-же сопки—вѣроятно курганы, находящіеся на берегу Волхова ниже Ивановской церкви.

[2]) Такъ въ выписѣ 1726 г. объ отдачѣ Успенскому монастырю нѣсколькихъ строеній и пустыхъ земель, между прочимъ упоминается: «Да близь онаго Успенскаго дѣвичья монастыря, отъ Грубицкаго ручья вверхъ подлѣ рѣки Волхова, по дворъ бывшаго ямщика Пневскаго, огороднаго пустаго мѣста въ длину 54 сажени, а поперечнику въ гору $7^1/_2$ саженъ..., а что показано въ сыску за ручьемъ Грубицею подлѣ полисада къ Ивановскому монастырю и къ прежде бывшей Ямской слободѣ огородное мѣсто..., также что отъ прежде бывшаго Староладожск. ямщика Пневскаго отъ двора его къ городу къ р. Ладожкѣ въ разныхъ мѣстахъ показано солдатскихъ собственныхъ 15 дворовъ, которые обывателемъ проданы..., то велѣно писать въ Кабинетъ» (Изъ старыхъ дѣлъ Успенскаго монастыря).

[3]) По крайней мѣрѣ въ одномъ изъ документовъ 1679 г. упоминается бывшая на оброкѣ за попомъ Успенскаго монастыря тоня—«что на Волховѣ подъ Ладожской Ямской слободой» (Изъ старыхъ дѣлъ Николаевскаго монастыря).

Существованіе слободы Стрѣлецкой выслѣживается также съ XVI вѣка. Въ 1599 году били челомъ ладожскіе отставные стрѣльцы, въ числѣ 70 человѣкъ, что—«по указу отставилъ ихъ отъ стрѣлечества дьякъ Иванъ Карповъ, за худобу и за старость и за увѣчье, а распущати ихъ не велѣно, а велѣно имъ жити въ старыхъ своихъ дворѣхъ въ Стрѣлецкой слободѣ... А они де не промышляютъ ничѣмъ, пашни не пашутъ и не торгуютъ никакими товары, а кормятся Христовымъ именемъ, а служили де они всякія службы лѣтъ по 20 и по 30, а иные по 40 и по 50 и больше, а до отставки служили они безъ жалованья пять лѣтъ и они де одолжали великими долги и платить имъ податей нечѣмъ; и ихъ-бы пожаловати, податей и съ судныхъ дѣлъ пошлинъ правити на нихъ не велѣти» [1]).

Отсюда видно вмѣстѣ съ тѣмъ, что ладожская Стрѣлецкая слобода въ XVI в. состояла исключительно лишь изъ однихъ стрѣлецкихъ дворовъ, не имѣя другихъ земельныхъ надѣловъ. Въ половинѣ XVII стол. былъ, однако, возбужденъ вопросъ относительно ладожскихъ казаковъ, что послѣднимъ «даютъ денежное и хлѣбное жалованье ежегодъ многое и въ томъ казнѣ истеря большая», почему состоялось распоряженіе, чтобы казаковъ вмѣсто жалованья надѣлить землею «въ самыхъ ближнихъ въ подгородныхъ мѣстѣхъ». Въ послѣдовавшемъ по этому поводу указѣ упомянутое распоряженіе было распространено и на ладожскихъ стрѣльцовъ, которыхъ наравнѣ съ казаками было велѣно устроить изъ порозжихъ земель по близости Ладоги [2]).

О мѣстоположеніи Стрѣлецкой слободы и принадлежавшихъ къ ней земельныхъ участковъ прямыхъ свѣдѣній не имѣется и только изъ указаній позднѣйшаго времени можно замѣтить, что она лежала съ западной стороны Успенскаго монастыря, повидимому въ смежности съ слободой Ямской, и примыкала къ рѣчкѣ Ладожкѣ [3]), причемъ въ документахъ упоминается даже до половины XVIII ст., какъ видно напр. изъ одного дѣла 1736 г., что въ

---

[1]) Дополн. акт. историч. т. I, № 150.

[2]) Тамъ-же т. III, № 36.

[3]) Судя напр. по тому, что съ западной стороны того-же монастыря упоминаются «стрѣлецкіе огороды» (см. стр. 32 вын. 1). Вообще на смежность бывшихъ земель ямскихъ, стрѣлецкихъ, солдатскихъ и пушкарскихъ, указывается и въ документахъ прошлаго вѣка, по упомянутому уже выше тяжебному дѣлу Мельгуновыхъ съ обывателями Ладоги. Въ «Записной книгѣ всякихъ крѣпостей, писанныхъ въ Ладогѣ въ Приказной избѣ» 1701 г. занесенъ между прочимъ обмѣнъ двухъ стрѣльцовъ: одинъ уступаетъ «дворъ свой и избу, стоящій подлѣ прогонной улицы противъ креста на горней слободы (sic) на стрѣлецкомъ мѣстѣ» и получаетъ дворъ — «въ Стрѣлецкой слободѣ на берегу Ладожки рѣки» (Дѣла Новоладожск. воеводскаго правленія, въ Московск. арх. Мин. Юстиціи, оп. 8, дѣло № 183).

«Стрѣлецкую слободу» въ Ладогѣ былъ высланъ на житье какой-то разстриженный монахъ изъ ладожскаго же Васильевскаго монастыря [1]).

Слѣды бывшей Пушкарской слободы пріурочиваются также къ XVI вѣку, покрайней мѣрѣ въ 1598 г. встрѣчаемъ упоминаніе о «пушкарской землѣ», притомъ смежной съ угодьями слободъ Ямской и Стрѣлецкой (см. стр. 32, вын. 1), въ переписныхъ же книгахъ 1646 г. она названа уже настоящимъ своимъ именемъ [2]). О мѣстоположеніи Пушкарской слободы извѣстно только, что она должна была находиться также на сѣверной или сѣверо-западной сторонѣ Успенскаго монастыря, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ обѣими вышеупомянутыми слободами, повидимому нѣсколько далѣе за ними.

Что касается наконецъ слободы Казачьей, то выше уже было указано, что въ 1647 г. ладожскіе казаки были взамѣнъ жалованья надѣлены землями (см. стр. 33), почему можно думать, что ранѣе и казаки, подобно стрѣльцамъ, въ Ладогѣ составляли свой особый безземельный поселокъ. Непосредственно названіе Казачьей слободы встрѣчаемъ въ 1663 г. и, какъ видно, она состояла изъ двухъ станицъ, упоминаемыхъ въ 1655 и 1698 г. [3]), причемъ изъ косвенныхъ указаній слѣдуетъ заключить, что она была расположена около южной части посада, по близости Никольскаго монастыря, вѣроятно, даже южнѣе послѣдняго [4]).

---

[1]) Дѣла Новгородск. духовн. консисторіи, въ архивѣ Святѣйш. Синода.

[2]) См. прилож. II.

[3]) См. прилож. IX и Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ 1838 г., ч. 29 (Смѣтная опись Новгородскимъ пригородамъ).

[4]) Въ оброчныхъ книгахъ 1663 г. Казачья слобода означена противъ тони «Подмогилья что на рѣкѣ Волховѣ на Обонежской сторонѣ» и та-же тоня по свѣдѣніямъ 1677 г. указана противъ ладожскаго посада; въ свѣдѣніяхъ 1668 г. она-же (тоня) опредѣляется—«противъ Покрова Пресвятой Богородицы» (Документы Новгор. Казен. палаты въ Археограф. Комиссіи, № 415: Память Новгородск. Приказа о рыбныхъ ловляхъ).

Принадлежность тони Никольскому монастырю и названіе «Подмогилье» пріурочиваютъ ее къ сосѣдству съ тѣмъ-же монастыремъ, рядомъ съ которымъ лежитъ урочище Побѣдище, съ цѣпью разбросанныхъ на немъ кургановъ; отсюда, вѣроятно, и самое названіе тони, находившейся на противуположномъ берегу, что можетъ подтверждаться однимъ изъ документовъ Никольскаго монастыря 1649 г., изъ котораго видно, что послѣднему дѣйствительно принадлежала какая-то тоня «противъ Побѣдища», вѣроятно именно Подмогилье. Прочія тони, упоминаемыя древними документами около Ладоги (какъ-то Липка, Омутница, Бабина и др.), топографически пріурочиваются къ инымъ пунктамъ и сюда не относятся. Къ сожалѣнію, весьма важное въ данномъ случаѣ указаніе на церковь Покрова Пресвятой Богородицы не разрѣшаетъ вопроса, такъ какъ самое мѣстоположеніе ея остается неяснымъ.

На то-же сосѣдство Казачьей слободы съ Никольскимъ монастыремъ можетъ намекать напр. подобная надпись на одной челобитной 1649 г., что «вмѣсто Никольскихъ крестьянъ съ посаду съ Ладоги атаманъ Казачей Стаднековъ по ихъ велѣнью руку приложилъ» и, наконецъ, свое значеніе имѣетъ еще то обстоятельство, что въ вышеупоминавшемся тяжебномъ дѣлѣ

Кромѣ этихъ четырехъ слободъ, сословныхъ или корпоративныхъ, въ документахъ XVII в. встрѣчаются слѣды существованія въ Ладогѣ еще двухъ— Никольской и Подмонастырской. Изъ нихъ первая упоминается въ 1676 г. и современными свѣдѣніями указывается на берегу Волхова, за южной оконечностью посада, между «Землянымъ или Деревяннымъ городомъ» и Никольскимъ монастыремъ [1]), вторая же извѣстна нѣсколько ранѣе, такъ какъ встрѣчается уже въ 1646 г., и лежала на Волховѣ-же подъ Ивановскимъ монастыремъ (нынѣ приписная церковь Іоанна Предтечи), съ южной стороны послѣдняго [2]), или на сѣверной оконечности посада. Подмонастырская слободка была, впрочемъ, очень невелика (въ 1646 г. въ ней значилось всего 8 дворовъ: «пять служнихъ и три бобыльскихъ») и заселена монастырскими служками, почему можно думать, что подобное-же назначеніе имѣла и слобода Никольская, о которой впрочемъ, никакихъ другихъ свѣдѣній не встрѣчается.

Такимъ образомъ, на сѣверной половинѣ посада въ XVI—XVII ст. существовали четыре слободы: Ямская, Стрѣлецкая, Пушкарская и Подмонастырская, а на южной двѣ: Никольская и Казачья, чѣмъ, вѣроятно, и могутъ отчасти объясняться извѣстія, указывающія, какъ уже замѣчено выше, границами посада въ XVII ст. съ Сѣвера монастырь Ивановскій, а съ Юга — Николаевскій, разстояніе между которыми составляетъ около 1½ верстъ.

Въ XVIII вѣкѣ территорія древней Ладоги уже въ значительной своей части дѣлается достояніемъ частной собственности. Въ связи съ переводомъ большинства ея жителей на устье Волхова (1704 г.), гдѣ основалась Новая Ладога, въ которую перешелъ и центръ мѣстнаго управленія изъ Старой Ладоги, а равно и послѣдовавшимъ постепенно затѣмъ упраздненіемъ большинства упомянутыхъ выше слободъ, на территоріи прежней Ладоги получились запустѣлые земельные участки, начавшіе переходить въ собственность частныхъ лицъ. На сѣверной сторонѣ р. Ладожки, какъ уже было сказано ранѣе, часть бывшихъ ямскихъ земель была отведена Римскому-Корсакову уже въ 1716 г., перейдя затѣмъ въ фамилію Мельгуновыхъ, по новому челобитью которыхъ имъ-же въ 1753 г. были отведены еще добавочные участки, смежные съ прежними и обнимавшіе собою пустыя земли пушкарскія, стрѣлецкія,

---

XVIII ст. относительно бывшихъ земель ямскихъ, стрѣлецкихъ, пушкарскихъ и солдатскихъ (какъ лежавшихъ по сѣверную сторону рѣчки Ладожки), казачьихъ земель не упоминается вовсе, изъ чего можно заключить, что послѣднія лежали совсѣмъ въ другомъ раіонѣ.

[1]) См. прилож. XIII.

[2]) Переписная книга монастырскихъ дворовъ въ Вотской пятинѣ, 1646 г. (Московск. арх. Мин. Юст., № 984). Слободка эта извѣстна въ Ладогѣ и понынѣ. См. также табл. I.

солдатскія и даже посадскія [1]). При этомъ, какъ можно заключать изъ современныхъ документовъ, во владѣніи Мельгуновыхъ оказалась такимъ образомъ и бо́льшая половина сѣверной стороны бывшаго Ладожскаго посада; въ 1755 г. часть ея (между Успенскимъ монастыремъ и устьемъ р. Ладожки) была продана Мельгуновыми ладожскимъ обывателямъ [2]), но другая осталась въ ихъ владѣніи, составляя нынѣ усадьбу г. Томиловой (урожденной Мельгуновой, недавно скончавшейся), на берегу Волхова, рядомъ съ Успенскимъ монастыремъ.

Относительно части посада по южную сторону р. Ладожки свѣдѣнія гораздо скуднѣе, но тѣмъ не менѣе изъ плановъ Генеральнаго межеванія также можно видѣть, что въ 1788 г. вся ближайшая площадь, окружающая съ Запада и Юга оба древнихъ городища (т. е. Каменное и земляное,—см. ч. II), въ количествѣ болѣе 16 десятинъ, а слѣдовательно бывшая когда-то подъ посадомъ, находилась уже во владѣніи голландскаго купца Лилара [3]) и только небольшой участокъ (ок. 4¹/₃ дес.), занимаемый непосредственно городищами, значился землей казенной [4]). Позже, кажется по родственнымъ связямъ, земля Лилара перешла къ фамиліи Балкъ, во владѣніи которыхъ остается и понынѣ.

Такимъ образомъ къ концу XVIII вѣка, отъ древней территоріи Ладоги остался лишь участокъ на сѣверной сторонѣ р. Ладожки, ограниченный съ одной стороны Успенскимъ монастыремъ, а съ другихъ теченіемъ Волхова и той-же Ладожки, т. е. участокъ, занимаемый и въ настоящее время селеніемъ Старой Ладогой; южнѣе (за рѣчкой Ладожкой) остался только грандіозный

---

[1]) Изъ документовъ, принадлежащихъ Староладожск. мѣщанину Вас. Парфенову, по тяжебному дѣлу съ Мельгуновыми.

[2]) Такъ, изъ сохранившейся продажной записи этого года видно, что Мельгуновою (дочерью Римского-Корсакова) былъ проданъ участокъ вдоль Волхова, отъ Успенскаго монастыря до р. Ладожки, заключавшій въ себѣ до 11¹/₂ тысячъ кв. саженъ, т. е. значительная часть именно территоріи прежняго ладожскаго посада (см. Примѣч. 1).

[3]) Табл. I.

[4]) Имѣется еще довольно любопытное извѣстіе (любезно указанное намъ академикомъ А. А. Куникомъ): По словамъ Шерера (нѣмецкаго переводчика Несторовой лѣтописи — I. Scherer: Des heiligen Nestors älteste Iahrbücher, Leipzig, 1774 г.) въ его время даже самое городище въ Старой Ладогѣ составляло будто-бы частную собственность. Шереръ говоритъ:— «Мѣсто крѣпости и окрестность, среди которой она находится, составляетъ частное имущество и принадлежитъ достопочтенному русскому помѣщику надворному совѣтнику Сабурову, который хотя-бы могъ воспользоваться развалинами, какъ строительнымъ матеріаломъ, съ большой для себя выгодой, но изъ уваженія и любви къ отечественнымъ древностямъ хранитъ крѣпость неприкосновенно въ прежнемъ видѣ».

Надворный совѣтникъ М. А. Долгово-Сабуровъ дѣйствительно былъ въ то время однимъ изъ ближайшихъ, въ этой сторонѣ Ладоги, землевладѣльцевъ, но, въ виду вышеуказанныхъ офиціальныхъ свѣдѣній 1778 г., извѣстіе Шерера подлежитъ сомнѣнію.

свидѣтель многовѣковаго прошлаго Ладоги—развалины ея «Каменнаго города» (крѣпости).

Можно замѣтить еще, что слѣды той-же древней территоріи какъ-бы обозначаются прибрежной къ Волхову полосой чернозема, мѣстами до 100 саж. шириною, начинающагося приблизительно отъ Никольскаго монастыря и кончающагося у ручья за церковью Іоанна Предтечи, т. е. нѣсколько сѣвернѣе монастыря Успенскаго. Наконецъ прибавимъ, что извѣстная часть той-же территоріи, именно отошедшая, какъ выше указано, въ собственность Мельгуновыхъ, получила во время Генеральнаго межеванія даже новое названіе «Села Успенскаго», которое едва не распространилось и на остатки самаго посада, т. е. едва не стерло такимъ образомъ самаго имени Старой Ладоги, по крайней мѣрѣ въ челобитной жителей послѣдней 1779 г. говорится, что при упомянутомъ межеваніи землемѣръ Шамшевъ требовалъ, чтобы они—«и названіе Староладожскаго посаду перемѣнили-бъ на новое и именовали-бъ оный селомъ Успенскимъ, какого села во всемъ Городенскомъ погостѣ не состоитъ» [1]).

Вмѣстѣ съ изложенными данными о территоріи Ладоги, непосредственно въ земельномъ отношеніи, до насъ дошло нѣсколько свѣдѣній и объ устройствѣ послѣдней какъ города (въ новѣйшемъ смыслѣ), т. е. его подраздѣленіи, улицахъ и общественныхъ сооруженіяхъ.

Концы.

Подобно древнему Новгороду, Ладога также дѣлилась на «концы», какъ видно изъ переписной книги 1500 г. [2]), но дѣленіе это безъ сомнѣнія существовало еще и ранѣе, во времена новгородской самостоятельности. По свѣдѣніямъ 1500 г. концовъ въ Ладогѣ было пять: Климетцкой, Никольской, Спаской, Богородицкой и Семеновской, причемъ названія эти очевидно стоятъ въ связи съ нѣкоторыми церквами и монастырями, находившимися въ самыхъ концахъ, или въ ближайшемъ съ ними сосѣдствѣ. Такимъ образомъ, конецъ Климентовскій безъ сомнѣнія получилъ свое названіе отъ древнѣйшей въ Ладогѣ церкви св. Климента, Никольскій—отъ Николаевскаго монастыря, Спасскій—отъ церкви во имя Спаса, Богородицкой—отъ монастыря во имя Успенія Богородицы и Семеновскій—отъ церкви во имя св. Симеона. Всѣ эти монастыри и храмы упоминаются и въ переписной книгѣ 1500 г., такъ что топографическое ихъ положеніе можетъ указывать и на расположеніе самихъ концовъ Ладоги.

Но, кромѣ того, изъ свѣдѣній 1500 г. почерпается еще указаніе, что концы Климентовскій и Никольскій лежали въ ближайшемъ взаимномъ сосѣдствѣ и

---

[1]) Изъ документовъ, принадлежащихъ Староладожск. мѣщанину В. Парфенову.

[2]) См. прилож. I.

оба находились на южной сторонѣ рѣчки Ладожки. Такъ, въ одномъ мѣстѣ переписной книги встрѣчаемъ выраженіе—«да въ Никольскомъ концѣ у Климента святаго дворъ намѣстничь, да дворъ тіунь», изъ чего слѣдуетъ, что конецъ этотъ прилегалъ, или сосѣдилъ съ Климентовской церковью, о Климетцкомъ же концѣ прямо говорится, какъ о лежащемъ «за рѣкою за Ладогою» и слѣдовательно оба находились въ южной части посада, около «Каменнаго города» (крѣпости).

Болѣе затрудненій представляетъ опредѣленіе трехъ прочихъ концовъ, изъ которыхъ только раіонъ Богородицкого ясно указывается мѣстоположеніемъ нынѣшняго Успенскаго монастыря, т. е. на сѣверной сторонѣ посада, объ остальныхъ же двухъ можно судить лишь въ зависимости отъ церквей, давшихъ имъ свои названія, но нынѣ не существующихъ. Ниже, при обзорѣ древнихъ храмовъ Ладоги, вопроса о топографіи послѣднихъ придется коснуться подробнѣе, здѣсь же достаточно ограничиться указаніемъ, что какъ церковь Спасская, такъ и Симеоновская, должны были находиться по сѣверную сторону р. Ладожки, на берегу Волхова, изъ которыхъ открытыя въ послѣднее время развалины церкви, по всей вѣроятности, Спасской, лежатъ въ серединѣ нынѣшняго селенія Старой Ладоги, а церковь Симеоновскую слѣдуетъ искать нѣсколько ниже по теченію Волхова, не доходя Успенскаго монастыря. Такимъ образомъ, мѣстоположеніе Спасскаго конца болѣе или менѣе можетъ также поддерживаться вещественными доказательствами [1]), но о концѣ Симеоновскомъ приходится лишь догадываться, во всякомъ-же случаѣ, оба они вмѣстѣ съ Богородицкимъ составляли сѣверную часть посада (т. е. по сѣверную сторону р. Ладожки), какъ слѣдуетъ заключать и изъ редакціи переписной книги 1500 года.

Выраженіе послѣдней—«въ Никольскомъ концѣ у Климента святого», какъ уже сказано, даетъ замѣтить, что конецъ этотъ и Климентовскій не лежали одинъ за другимъ, а сходились близъ упомянутой церкви, т. е. были, вѣроятно, расположены полукружіемъ около Каменнаго города (крѣпости), причемъ Никольскій лежалъ восточнѣе къ Волхову, а Климентовскій отъ него западнѣе. Какъ видно, подобное-же расположеніе приблизительно имѣли и три прочихъ на сѣверной сторонѣ, судя по относительно небольшому разстоянію между

---

[1]) О мѣстоположеніи Спасскаго конца, догадка въ томъ-же смыслѣ была сдѣлана академикомъ А. А. Куникомъ еще ранѣе, на основаніи существованія старинной деревянной часовенки, стоявшей на насыпи, покрывавшей упомянутыя выше развалины, существованіе которыхъ въ то время было еще неизвѣстно. На мѣстѣ часовни этой, сгорѣвшей въ пожарѣ 1857 года, г. Куникомъ былъ сооруженъ деревянный крестъ, какъ память о бывшемъ здѣсь Спасскомъ концѣ древней Ладоги.

церквами, по которымъ они именовались, причемъ южнымъ изъ нихъ былъ Спасской, а сѣвернымъ—Богородицкой, повидимому, лежавшій вдоль Волхова. То-же самое было и въ Новгородѣ, концы котораго на Софійской сторонѣ также лежали полукружіемъ [1]) и съ которымъ Ладога вообще представляетъ въ данномъ случаѣ близкую аналогію какъ по числу самыхъ концовъ, такъ и по дѣленію города на двѣ части теченіемъ рѣки, въ одномъ случаѣ Волхова, въ другомъ—Ладожки.

Что касается величины самыхъ концовъ, то судя по числу дворовъ, исчисляемыхъ въ Ладогѣ въ 1500 году, самымъ большимъ долженъ представляться Никольскій, въ которомъ послѣднихъ указано 40, а наименьшими Климентовскій и Спасскій, въ которыхъ дворовъ было всего 10 и 8; выдающееся значеніе повидимому, принадлежало концамъ Никольскому и Богородицкому, такъ какъ въ первомъ помѣщались дворы намѣстничій и тіунской, а во второмъ сосредоточивалась болѣе зажиточная и вліятельная часть посадскаго населенія—всѣ «люди лутчіе и середніе», по переписной книгѣ 1500 года.

Неизвѣстно, до какого времени существовало упомянутое административное дѣленіе города, но во всякомъ случаѣ слѣды его встрѣчаются и во второй половинѣ XVII столѣтія [2]).

Въ свѣдѣніяхъ 1500 г. сохранились названія нѣсколькихъ улицъ древняго Ладожскаго посада, именно Даниславля, Микитина, Ѳедорова и Варяжская, но о первыхъ трехъ указанія не совсѣмъ ясны, такъ какъ о нихъ упоминается лишь въ перечнѣ владѣльцевъ волостей и деревень Городенскаго погоста, а не при переписи самой Ладоги: «Волостка Григорьевская Нагаткина да... съ Даниславли улицы, да Потани Степанова сына Учанникова съ Микитины улицы, да Ивашка Лукина сына Бабкина съ Федоровы улицы» [3]); по всей вѣроятности, однако, названія эти пріурочиваются именно къ самой Ладогѣ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ перечисляемыхъ деревень тѣхъ-же владѣльцевъ (напр. деревня Трусова Нагаткина и Заклюка Бабкина) почти непосредственно граничили съ нею. Что касается улицы Варяжской, то она въ 1500 г. указывается совершенно опредѣленно на сѣверной сторонѣ посада: по поводу отвода новыхъ мѣстъ подъ посадскіе дворы, въ переписной книгѣ говорится, чтобъ мѣста давать — «отъ рѣки отъ Ладоги отъ мельницы отъ Егорьевскіе что за стѣною, да на могильникъ къ Варяжской улицѣ, да прямо къ часовнѣ, да къ Пречистой», т. е. въ раіонѣ между нижней частью р. Ладожки (по сліяніи ея съ Заклюкой) и

Улицы.

[1]) Н. Костомаровъ: Сѣв.-рус. народоправства, т. II, гл. 6.
[2]) См. стр. 32, вын. I.
[3]) Переписная книга Вотской пятины 7008 г. (Временникъ Общ. ист. и древн. кн. XI).

Успенскимъ монастыремъ [1]). Изъ того-же документа можно вывести еще болѣе близкое заключеніе, что улица эта должна была имѣть направленіе перпендикулярное къ Волхову, такъ какъ въ переписной книгѣ указывается, что первый рядъ дворовъ слѣдуетъ начать отъ Успенскаго монастыря «берегомъ (Волхова) по горѣ, а изставятъ тотъ рядъ и велѣти ставить въ другой рядъ позади тѣхъ дворовъ до Варяжской улицы»; отсюда является значительное вѣроятіе, что послѣдняя быть, можетъ быть, совпадала именно съ поперечной улицей, пересѣкающей нынѣшнее селеніе Старую Ладогу съ Востока на Западъ и обращающейся затѣмъ въ дорогу на Лаву и Шельдиху, т. е. выходящую на нынѣшній шлиссельбургскій трактъ и далѣе къ устью Невы [2]).

Если это такъ, то Варяжская улица, повидимому, принадлежала къ Спасскому концу Ладоги; такая-же улица существовала также въ древнемъ Новгородѣ въ концѣ Славенскомъ и судя по ихъ названію можно заключать, что онѣ были обитаемы иноземцами варягами.

Общественныя сооруженія.

Изъ общественныхъ сооруженій въ древней Ладогѣ первое мѣсто занимаютъ сохранившіяся понынѣ монументальныя развалины ея «Каменнаго города» или крѣпости, воздвигнутой еще въ XII вѣкѣ и представлявшей въ свое время неприступную твердыню Великого Новгорода. За этимъ древнѣйшимъ въ Россіи представителемъ зодчества военнаго, описанію котораго посвящается особый отдѣлъ настоящаго труда, слѣдуетъ цѣлый рядъ памятниковъ зодчества церковнаго, часть которыхъ сохранилась до нашихъ дней въ цѣлости или въ видѣ лишь развалинъ, другая же извѣстна лишь изъ современныхъ документальныхъ указаній и нынѣ исчезла уже безслѣдно.

Въ Ладогѣ, въ «городѣ» и на посадѣ, насчитывалось въ разное время до 5 монастырей и 8 церквей, но изъ числа послѣднихъ сравнительно въ цѣлости существуетъ только одна, а отъ трехъ остались болѣе или менѣе замѣтныя развалины, изъ числа же монастырей всѣ, кромѣ одного, существуютъ и понынѣ, хотя половина ихъ уже утратила свое значеніе въ смыслѣ обителей и обратились въ приходскія или даже просто приписныя церкви.

Тѣ и другія извѣстны; вотъ ихъ перечень:

---

[1]) Упоминаемые здѣсь въ частности пункты, къ сожалѣнію, нынѣ уже не могутъ быть указаны на мѣстности. Ни о какомъ «могильникѣ» южнѣе Успенскаго монастыря въ настоящее время неизвѣстно и возможно лишь замѣтить, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ, быть можетъ, о томъ-же «старинномъ церковномъ кладбищѣ», которое было еще извѣстно въ 1755 году (см. примѣч. 1). Равнымъ образомъ остается совершенно темнымъ и упоминаніе о часовнѣ.

[2]) Улица эта упирается въ Волховъ и проходитъ мимо развалинъ древней церкви (вѣроятно во имя Спаса); здѣсь изстари существуетъ перевозъ черезъ Волховъ, а по словамъ ладожскихъ старожиловъ—на берегу стоялъ когда-то «гостиный рядъ».

Церкви.	**Монастыри.**
Климентовская.	Ивановскій.
Симеоновская.	Георгіевскій Застѣнный.
Воскресенская.	Успенскій.
Св. Петра.	Рождественскій.
Двѣ во имя Спаса.	Николаевскій.
Покрова Богородицы.	Васильевскій.
Димитріевская.	

1) **Церковь во имя Св. Климента**, какъ единственный храмъ въ Ладогѣ основаніе котораго точно указано лѣтописью (именно въ XII в.), должна считаться древнѣйшею: Новгородскій архіепископъ Нифонтъ, черезъ три года по прибытіи своемъ изъ Кіева, по словамъ лѣтописи—въ 1153 г. «иде въ Ладогу, и заложи церковь камяну святого Климента» [1]). Изъ соображенія указанія относительно ближайшаго ея мѣстоположенія слѣдуетъ заключить, что она должна была находиться именно на берегу Волхова, немного южнѣе нынѣшняго каменнаго городища; такъ, въ свѣдѣніяхъ 1500 г. она показана у Никольскаго конца Ладоги, а въ 1646 г. — въ Земляномъ городѣ [2]), которые оба находились за рѣчкой Ладожкой, южнѣе ея устья. Слѣды ея еще до послѣдняго времени были замѣтны среди валообразныхъ насыпей, здѣсь лежащихъ и представляющихъ остатки вышеупомянутаго «Землянаго или Деревяннаго города» (см. ч. II и табл. XLVIII), но нынѣ на всемъ этомъ участкѣ рядъ глубокихъ проваловъ, Табл. XLVIII. образовавшихся вслѣдствіе подземныхъ выемокъ песка со стороны Волхова и только въ нѣкоторыхъ изъ этихъ проваловъ можно наблюдать остатки каменныхъ массивовъ отъ бывшей церкви [3]). Кромѣ этого, здѣсь-же существовала старинная развалившаяся часовенка [4]) и въ одномъ изъ упомянутыхъ проваловъ былъ найденъ большой деревянный крестъ, сооруженный въ 1728 г., какъ видно изъ вырѣзанной на немъ надписи. По всей вѣроятности, крестъ этотъ когда-то находился въ той-же часовнѣ и нынѣ хранится въ Димитріевской церкви городища; на немъ между прочимъ означено: «*Поставленъ сей животворящій крестъ Господенъ на церковномъ мѣстѣ священномученика Климента*

---

[1]) Новгородская лѣтоп. по синод. сп. и другія; въ нѣкоторыхъ спискахъ слово «камяну» опущено.

[2]) См. прилож. I и II.

[3]) Записки Имп. Рус. Археол. Общ. 1886 г., т. I (Д. Сабанѣевъ: Замѣтка о древней Климентовской церкви).

[4]) Возобновленная въ 1884 г. Импер. Рус. Археол. Обществомъ.

папы римскаго, по обѣщанію Григорія Федорова сына Кусницева, лѣта 1728 г., Іюня въ 24 день».

О самой церкви свѣдѣній почти не имѣется, но нѣкоторыя данныя позволяютъ заключать, что она состояла изъ верхняго и нижняго помѣщеній [1]) и была первоначально каменною, но впослѣдствіи замѣнена деревянною, съ сохраненіемъ, повидимому, нижней подсводной части въ прежнемъ видѣ. Когда именно и почему произошло это — неизвѣстно, но уже въ переписной книгѣ Ладоги 1646 г. [2]) значится: «Да въ Земляномъ городѣ церковь древяная клѣтцки во имя Климонта папы римского, образа и книги и ризы и колокола строенье приходское». Въ документахъ второй половины XVII ст. она называется соборною и въ ней упоминаются священнослужители: Андрей Өедоровъ (1646 г.), Григорій Өедоровъ (1685—89 гг.) и Климентъ Моисѣевъ съ Аѳанасіемъ Васильевымъ (1696—1700 г.). Извѣстно также, что съ переводомъ большинства обывателей Старой Ладоги на устье Волхова въ Новую Ладогу, туда-же была перенесена и описываемая церковь, о чемъ свидѣтельствуется въ челобитной 1707 г. (упомянутаго священника Аѳанасія Васильева) новгородскому митрополиту Іову, что «въ прошломъ 1703 году по твоему архіерейскому указу и грамотѣ, соборная церковь священномученика Климента перевезена въ Новую Ладогу и поставлена, и мы богомольцы твои перевезлися и живемъ домишками и окладного жалованья намъ неположено..., а которые посадскіе люди были въ Старые Ладоги у нашей церкви были въ приходѣ, и тѣ нынѣ приходятъ въ Новые Ладоги въ Николаевской Медвѣдской монастырь» [3]). Какъ видно, эта старая деревянная церковь просуществовала въ Новой Ладогѣ до 1741 года, когда была замѣнена вновь выстроенною каменной, во имя того-же св. Климента [4]).

2. **Церковь св. Симеона.** Объ основаніи церкви не имѣется никакихъ данныхъ, но существованіе ея въ XV вѣкѣ не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ она нѣсколько разъ указывается въ переписной книгѣ 1500 г.; напр. при исчисленіи нетяглыхъ дворовъ въ Богородицкомъ концѣ Ладоги упоминается «дворъ попъ Микулъ Семеновскій» [5]), а при описи города Орѣшка показана въ Ярвосольскомъ погостѣ — «Семіона святого изъ Ладоги деревня Порѣчье на горкѣ на

---

[1]) Записки Имп. Рус. Археол. Общ. 1886 г., т. I. (Д. Сабанѣевъ: Замѣтка о древней Климентовской церкви).

[2]) См. прилож. II.

[3]) Архивъ Свят. Синода: Дѣла Новгородск. Духовной Консисторіи (безъ нумераціи).

[4]) Историко-стат. свѣдѣнія о С.-Петерб. епархіи, вып. IX, 85.

[5]) См. прилож. I.

р. Назьѣ» [1]). Неизвѣстно также, когда могъ исчезнуть самый храмъ, послѣ котораго не осталось никакихъ слѣдовъ и лишь изъ одной надписи на большомъ старинномъ крестѣ, находящемся въ Староладожскомъ Успенскомъ монастырѣ (табл. L), видно, что церковь не существовала уже въ 1711 г.; но надпись эта, въ которой между прочимъ означено — «*Поставленъ сей святой крестъ Господенъ... во имя церкви святого Симеона Богопріимца, по обѣщанію ладоженина посадскаго человѣка Артемія Григорьева Сяского, лѣта 7219 году Генваря въ ...день*, свидѣтельствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что память о Симеоновской церкви была еще жива въ началѣ XVIII стол. и поэтому исчезновеніе ея едва-ли могло произойти за долго до того-же времени. Можно прибавить впрочемъ, что она уже не упоминается въ переписной книгѣ Ладоги 1646 г. Табл. L.

Относительно мѣстоположенія Симеоновской церкви нѣкоторый свѣтъ бросаютъ свѣдѣнія 1500 года: при указаніи на порядокъ отвода новыхъ мѣстъ подъ посадскіе дворы между рѣчкой Ладожкой и Успенскимъ монастыремъ, въ переписной книгѣ этого года говорится: «А ставити дворы первой рядъ отъ Пречистыя берегомъ по горѣ къ Семену святому и ко Воскресенью и до Петра святого», т. е. Симеоновская церковь упоминается какъ ближайшая къ Успенскому монастырю и стоящая нѣсколько выше послѣдняго, около Волхова. Съ этимъ свидѣтельствомъ совпадаетъ и мѣстное преданіе, указывающее, что вышеупомянутый крестъ нѣкогда стоялъ въ часовенкѣ, находившейся тогда еще снаружи ограды Успенскаго монастыря, на южной сторонѣ послѣдняго [2]), т. е. рядомъ съ нимъ, на холмовидномъ возвышеніи, снесенномъ при построеніи на этомъ мѣстѣ (1862 г.) нынѣшней Крестовоздвиженской церкви того-же монастыря и теперь находящейся уже внутри расположенія послѣдняго.

3. **О церквахъ Воскресенской и св. Петра** извѣстно только изъ выше приведеннаго уже мѣста переписной книги 1500 г., въ которой, сверхъ того, упоминаются на церковныхъ мѣстахъ «Воскресенскіе поземщики въ Семеновскомъ концѣ», т. е. люди, проживавшіе на землѣ, принадлежащей церкви Воскресенія

---

[1]) Временникъ Общ. ист. древн., кн. XI, 463.

[2]) Сторона эта ранѣе не имѣла прямолинейнаго очертанія; ея западный конецъ былъ значительно вынесенъ впередъ, сравнительно съ восточнымъ, такъ что соединеніе обоихъ составляло уголъ, въ которомъ и находилась упомянутая часовня (то и другое можно видѣть на старомъ изображеніи монастыря, (см. н. опис. Успенс. мон. и рис. 3), сдѣланномъ еще до постройки сказанной Крестовоздвиженской церкви). Что касается креста (нынѣ стоящаго у монастырскаго колодца), то имѣется свѣдѣніе, что онъ временно былъ взятъ игуменомъ Никольскаго монастыря архиман. Аполлосомъ (1846—63 г.) и водруженъ на вновь пріобрѣтенномъ имъ участкѣ земли около того же Никольскаго монастыря; въ 80-хъ годахъ крестъ былъ возвращенъ обратно и поставленъ на нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ.

Христова [1]). Такимъ образомъ, является извѣстное вѣроятіе, что быть можетъ непосредственно и послѣдняя находилась въ томъ-же концѣ; во всякомъ случаѣ, какъ Воскресенская церковь, такъ и св. Петра, по свѣдѣніямъ 1500 г., стояли на сѣверной сторонѣ устья Ладожки, близь берега Волхова, и, какъ видно изъ тѣхъ-же данныхъ, первая лежала ближе къ Успенскому монастырю и къ Симеону святому, а церковь св. Петра стояла отъ нихъ далѣе. Въ такомъ порядкѣ исчисляются онѣ въ упомянутыхъ свѣдѣніяхъ, послѣ которыхъ болѣе извѣстій объ обѣихъ уже не встрѣчается.

4. **Двѣ церкви во имя Спаса.** Немногія и разновременныя о нихъ извѣстія даютъ, однако, ясно замѣтить, что церквей во имя Спаса было въ Ладогѣ двѣ: одна болѣе поздняя—во имя Спаса Нерукотвореннаго, другая — во имя Всемилостиваго Спаса происхожденія честнаго и Животворящаго Креста, болѣе древняя.

По свидѣтельству храмозданной грамоты преосвященнаго Іова (1698 г.), прихожане Климентовской церкви въ Ладогѣ били челомъ въ томъ-же 1698 г., что «въ прошломъ-де годѣ Корнилій Митрополитъ далъ изъ приписнаго Ивановскаго монастыря, что въ Ладогѣ, древенную церковь и тое церковь они изъ того Ивановскаго монастыря перевели и поставили близь тое церкви священномученика Климента, а по сіе число не освящена. И чтобъ намъ пожаловать ихъ, приходскихъ людей, благословить тое церковь освятить во имя Нерукотвореннаго образа Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и о томъ дать грамоту и антиминсъ» [2]). Прошеніе это, вызванное повидимому желаніемъ прихожанъ имѣть теплую церковь, было исполнено, и переведенный храмъ освященъ Староладожскаго Николаевскаго монастыря игуменомъ Макаріемъ. Позже, съ перенесеніемъ въ началѣ XVIII в. Климентовской церкви въ Новую Ладогу (см. в.), сюда-же была перенесена и упоминаемая церковь во имя Нерукотвореннаго Спаса [3]), которая просуществовала здѣсь еще 28 лѣтъ, а затѣмъ по причинѣ полной своей ветхости, препятствовавшей даже совершенію богослуженія, была въ 1731 г. замѣнена вновь построенною деревянною-же [4]) и наконецъ въ 1758 г.—каменною.

Такимъ образомъ, можно видѣть, что эта церковь во имя Нерукотвореннаго Спаса должна была находиться по южную сторону рѣчки Ладожки, въ ближай-

---

[1]) Поземщиками назывались не занимавшіеся земледѣліемъ, а жившіе иными промыслами (напр. рыболовствомъ и др.) и платившіе денежный оброкъ землевладѣльцу.

[2]) Историко-стат. свѣдѣнія о С.-Петерб. епархіи, вып. IX, 85. Въ свѣдѣніяхъ объ Ивановскомъ монастырѣ 1628 и 1646 г., о церкви этой однако еще ничего не упоминается.

[3]) Тамъ же.

[4]) Архивъ Свят. Синода: Дѣла Новгор. духовн. консисторіи (безъ нумераціи).

шемъ сосѣдствѣ съ Климентовской, и что она не должна быть смѣшиваема съ другой церковью «Спасской», свидѣтельства о которой восходятъ гораздо ранѣе.

О существованіи послѣдней уже въ XV вѣкѣ даетъ косвенное указаніе та-же переписная книга 1500 г., въ одномъ мѣстѣ которой упоминается «дворъ попъ Оѳонасей Спаской», а въ другомъ перечисляются на церковныхъ мѣстахъ—«Спаскіе поземщыки люди молодые въ Спаскомъ концѣ». Дальнѣйшихъ свѣдѣній болѣе о ней не имѣется, но нѣтъ никакой возможности отожествлять эту Спасскую церковь съ вышеписанной, бывшей въ Ивановскомъ монастырѣ и, повидимому, въ болѣе раннее время даже не существовавшей [1]), въ силу хотя бы того, что самое названіе конца «Спасскимъ» указываетъ на извѣстную самостоятельность церкви, иначе онъ (подобно концамъ Никольскому и Богородицкому) былъ бы конечно наименованъ по названію Ивановскаго монастыря, который существовалъ уже въ XIII вѣкѣ и имѣлъ главный престолъ во имя Іоанна Предтечи. Поэтому слѣды второй церкви «Спасской» должно искать въ другомъ мѣстѣ.

По сѣверную сторону р. Ладожки, въ раіонѣ нынѣшняго селенія Старой Ладоги, почти въ серединѣ его и саженяхъ въ 25 отъ Волхова, съ давнихъ поръ находилась деревянная часовня, стоявшая на курганообразной насыпи и значившаяся, вмѣстѣ съ находившейся при ней «черной кельей съ малыми сѣнцами», по монастырскимъ описямъ половины прошедшаго столѣтія принадлежащею Николаевскому монастырю. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія часовни этой, повидимому, не существовало, или, быть можетъ, она была въ полномъ разрушеніи, по крайней мѣрѣ въ указѣ С.-Петербургской Консисторіи 1813 г. снова говорится о разрѣшеніи построить часовню на этомъ-же мѣстѣ, для постановленія въ ней образа Св. Николая Чудотворца, что и было осуществлено. Затѣмъ извѣстно еще, что въ 1831 г. та-же часовня была передана въ собственность Успенскаго монастыря и просуществовала до большаго пожара, истребившаго Ладогу въ 1857 году, во время котораго сгорѣла также и самая часовня, съ тѣхъ поръ болѣе не возобновлявшаяся [2]). Самое важное въ данномъ случаѣ, что въ упомянутыхъ описяхъ Николаевскаго монастыря 1745 и 1752 г. о ней говорится, что монастырю принадлежитъ «у города Старой Ладоги

---

[1]) По крайней мѣрѣ о ней ничего не упоминается въ монастырскихъ описяхъ нач. XVII ст. (Арх. Амвросій: Ист. Рос. Іерархіи, т. IV, 313).

[2]) На мѣстѣ ея послѣ пожара стоялъ деревянный крестъ, впослѣдствіи упавшій и затѣмъ возобновленный академикомъ А. А. Куникомъ, въ виду его значенія для мѣстоположенія древнихъ храмовъ въ Старой Ладогѣ.

часовня во имя *Животворящаго Креста* [1]), въ которой «Животворящій Крестъ большой (по описи 1752 г.—«съ распятіемъ Господнимъ»), предъ нимъ предстоятъ Пресвятая Богородица и Св. Іоаннъ Богословъ на особыхъ дскахъ» [2]), то есть что существованіе часовни связано съ праздникомъ Всемилостиваго Спаса происхожденія древъ честнаго и животворящаго креста [3]). Принимая во вниманіе, что происхожденіе подобныхъ мѣстныхъ сооруженій, какъ древнія часовни и кресты, столь напр. свойственныя окрестностямъ Старой Ладоги, имѣетъ обыкновенно связь съ тѣми или другими событіями, или исчезнувшими уже памятниками, становится яснымъ, что по всѣмъ вѣроятіямъ упоминаемая часовня является намъ завѣтомъ народной памяти именно о бывшей здѣсь нѣкогда церкви во имя Спаса Всемилостиваго [4]).

Археологическое изслѣдованіе насыпи, на которой стояла самая часовня, произведенное въ 1884—85 г., дѣйствительно обнаружило здѣсь существованіе фундамента и даже частью остатки стѣнъ небольшаго каменнаго храма, имѣвшаго три абсиды, четыре внутреннихъ опорныхъ столба, притворъ и хоры, а въ алтарѣ остатки бывшаго каменнаго престола и полукруглаго сопрестолія съ горнимъ мѣстомъ.

Весь храмъ внутри былъ покрытъ росписной штукатуркой, матеріаломъ же для постройки служилъ длинный тонкій кирпичъ, въ перемежку съ плитою, на извести смѣшанной съ толченымъ кирпичемъ. Кромѣ того, при раскопкѣ развалинъ были найдены разные предметы, какъ-то части большаго бронзоваго паникадила (хоросъ) XV или начала XVI в., серебряная шейная гривна, нѣсколько большихъ очень древней формы серегъ, желѣзные трехножные подсвѣчники

---

[1]) Въ описи 1752 г. поясняется еще: «Часовня подлѣ каменнаго города Старой Ладоги, досчатая, покрыта тесомъ, ветхая». Мѣсто часовни дѣйствительно приходится близь каменнаго городища (противъ сѣвернаго конца его), но отдѣляется отъ послѣдняго р. Ладожкой).

[2]) Документы Николаевскаго монастыря. Упоминаемый крестъ нынѣ находится, если не ошибаемся, въ томъ-же монастырѣ. По указанію описей, въ часовнѣ еще находились: образа Симеона Богопріимца, Іоанна Предтечи, Покрова Пресвятой Богородицы, Николая Чудотворца, Флора и Лавра, образъ Спасителевъ, образъ Знаменія и др. (въ 1752 г. прибавлено: «Да надъ дверьми съ приходу узенькой образъ Спасителевъ съ предстоящими святыми, весьма ветхо»). По устнымъ разсказамъ, въ часовнѣ передъ пожаромъ 1857 г. находился еще большой образъ Спаса, перенесенный въ Успенскій монастырь.

[3]) Какъ извѣстно, установленнаго въ XII вѣкѣ Андреемъ Боголюбскимъ и празднуемаго 1-го Августа (такъ называемый «Спасъ на водѣ»).

[4]) Преданіе о томъ-же было еще живо въ Ладогѣ до пожара 1857 г. Такъ одной изъ ближайшихъ заботъ С.-Петербургскаго Губернскаго Правленія въ упомянутомъ году было объ ускореніи отвода мѣстъ въ Ладогѣ—«какъ для постройки домовъ священнослужителей, такъ и принадлежавшей монастырю часовни, которая по существующему издревле преданію была построена на мѣстѣ существовавшей здѣсь церкви Всемилостиваго Спаса).

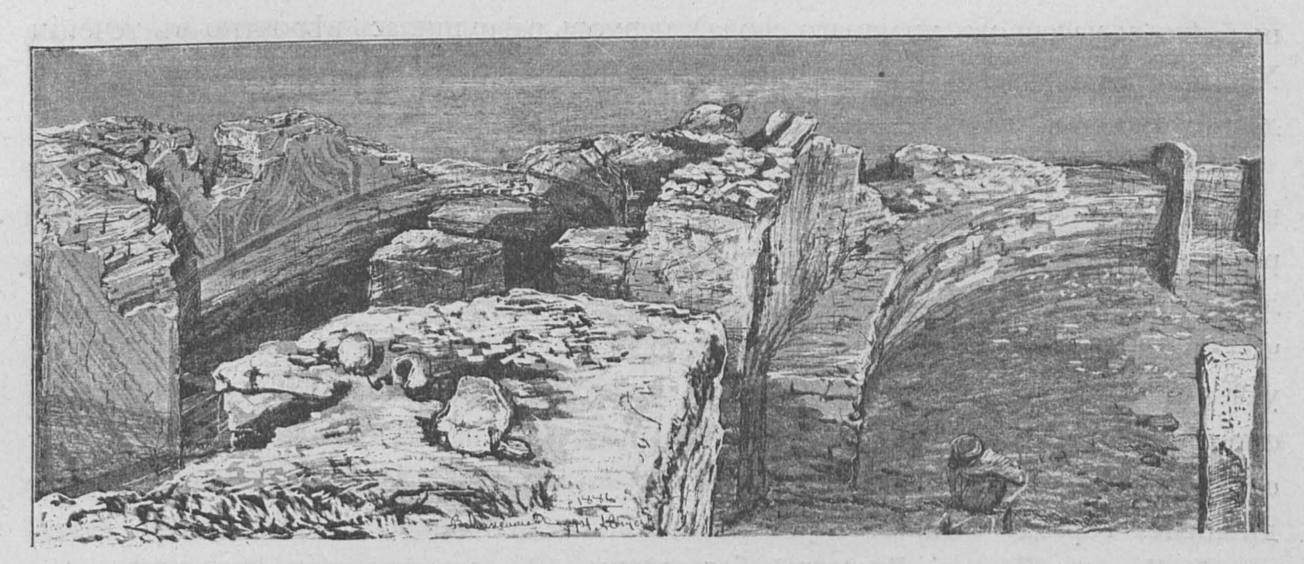

Рис. 2. Видъ развалинъ храма во время раскопки (жертвенникъ и часть средней абсиды).

съ остріями для насадки вощаницъ, обломки самыхъ вощаницъ и проч., а въ притворѣ—серебряная новгородская монета XV столѣтія [1]).

Развалины принадлежатъ несомнѣнно храму глубокой древности: такъ о немъ не встрѣчается никакихъ указаній ни въ переписныхъ книгахъ Ладоги XVII ст., ни въ другихъ документахъ того-же времени; въ насыпи, покрывавшей развалины, были, при раскопкѣ, найдены человѣческіе скелеты, очевидно погребенные въ очень давнее время и по какимъ нибудь исключительнымъ обстоятельствамъ (оба они находились здѣсь какъ-бы случайно, внѣ кладбищенскаго расположенія); характеръ самой постройки, представляющій аналогію съ древнимъ храмомъ Св. Георгія въ каменномъ городищѣ, строительные матеріалы и пріемы, а также древность сдѣланныхъ находокъ,—все свидѣтельствуетъ о давности существованія храма. Еще болѣе важно указаніе на древность постройки даетъ разновременность слоевъ внутренней его штукатурки, нѣкоторые фрагмены которой рѣзко отличаются своей тонкостью, твердостью и полировкой [2]), отъ другихъ болѣе грубыхъ, сравнительно позднихъ, и на нихъ сохранились отрывки вырѣзанныхъ надписей, весьма характерныхъ въ палеографическомъ отношеніи, какъ напр. слѣдующая: «мцѧ номбрѧ въ ҃кв престависѧ Сава днловиць апіхор...»; въ другихъ отрывкахъ нерѣдко повторяется древняя форма «рабо», вмѣсто рабъ и пр. (табл. LXI и LXII).

Судя по положенію находокъ сдѣланныхъ въ средней части развалинъ открытаго храма, лежавшихъ на смазномъ известковомъ полу (подъ грудой

---

[1]) Подробности см. примѣч. 3 и табл. LIX. Табл. LIX.

[2]) Подобная-же штукатурка была замѣчена и подъ древними фресками Георгіевской церкви въ каменномъ городищѣ (см. въ концѣ книги о древнихъ памятникахъ въ послѣднемъ).

щебенки и массивовъ упавшаго свода), церковь разрушилась вѣроятно въ теченіи XVI или не позже начала XVII стол. и притомъ, быть можетъ, даже непредвидѣнно, иначе въ немъ едва-ли могли бы сохраниться тѣ-же находки.

Такимъ образомъ, изъ совокупности существованія здѣсь старинной часовни во имя Животворящаго Креста, съ присутствіемъ погребенныхъ подъ нею развалинъ церкви, древность которой по многимъ соображеніямъ должна восходить къ XIII вѣку, можетъ получаться достаточно основаній для заключенія, что именно къ этому пункту должны пріурочиваться и вышеприведенныя указанія переписной книги 1500 г., т. е. что описанныя развалины представляютъ остатки именно стоявшей здѣсь церкви во имя Спаса Всемилостиваго, независимо отъ другой, болѣе поздней церкви во имя Спаса Нерукотвореннаго, находившейся гораздо южнѣе за р. Ладожкой, около церкви Св. Климента.

5. **Церковь Покрова Пресвятой Богородицы**. О существованіи ея встрѣчается, не совсѣмъ впрочемъ ясное, указаніе въ документахъ второй половины XVII в., именно въ одной памяти изъ Новгородскаго приказа 1683 г., о размѣрѣ оброка и пошлинъ съ рыбныхъ ловель на Волховѣ, въ которой подъ 1668 г. упоминается на Обонежской (правой) сторонѣ Волхова тоня Подмогилье—«противъ Покрова Пресвятой Богородицы» [1]). Тоня эта, по приведеннымъ уже выше соображеніямъ [2]), вѣроятно находилась въ сосѣдствѣ съ Николаевскимъ монастыремъ, но на противуположной сторонѣ Волхова, почему самую церковь, какъ стоявшую противъ тони, слѣдуетъ отыскивать на южной сторонѣ Ладожскаго посада, въ сосѣдствѣ съ тѣмъ-же монастыремъ. Косвенные слѣды существованія храма встрѣчаются и въ другихъ документахъ того-же времени, напр. въ межевыхъ и отводныхъ книгахъ Староладожскаго Ивановскаго монастыря 1688 г. и въ отказной записи Васильевскому монастырю 1689 г. [3]), упоминается (въ числѣ понятыхъ взятыхъ изъ Ладоги)—«покровскій попъ Прокофій Елисѣевъ»; наконецъ можно прибавить, что быть можетъ о той-же церкви говорится и въ переписной книгѣ 1500 г., такъ какъ исчисляя дворы на «церковныхъ мѣстахъ», книга упоминаетъ дворы — «Богородицкихъ поземщыковъ въ Богородцкомъ концѣ», причемъ здѣсь едва-ли можно подразумѣвать поземщиковъ Успенскаго монастыря, ибо церковныя и монастырскія мѣста въ ней видимо различаются и въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не о монастырѣ, а о церкви именно Покрова Богородицы. Если это вѣрно, то послѣдняя, слѣдовательно, существовала уже

---

[1]) Документы Новгородск. Казен. Палаты въ Археограф. Комиссіи, № 415.
[2]) См. стр. 34, вын. 4.
[3]) Документы Новгородск. Духовной Консисторіи, въ Археографической Комиссіи.

въ XV столѣтіи, хотя нельзя не замѣтить, что въ переписной книгѣ Ладоги 1646 г. о ней ничего не упоминается.

6. **Церковь Св. Димитрія Селунскаго**, одна изъ позднѣйшихъ, сооруженная вѣроятно не ранѣе XVII ст., существуетъ понынѣ, но въ перестроенномъ и разрушенномъ видѣ, въ каменномъ городищѣ Ладоги, почему немногія имѣющіяся о ней свѣдѣнія приведены въ описаніи послѣдняго (см. ч. II).

Такимъ образомъ, изъ восьми церквей въ древней Ладогѣ четыре находились въ южной части посада и четыре въ сѣверной, кромѣ еще церкви Георгіевской въ самомъ городищѣ (обращенной уже въ первой половинѣ XV стол. въ монастырь и потому здѣсь опускаемой). Но независимо отъ нихъ, въ послѣднее время найдены еще развалины девятаго храма, лежащія на лѣвомъ берегу р. Ладожки, немного ниже впаденія въ послѣднюю р. Заклюки, и расположенныя близь довольно крутаго обрыва, саженяхъ въ 60 отъ уровня рѣчки. Здѣсь также была курганообразная насыпь, на которой стояла деревянная развалившаяся часовенка, а по изслѣдованіи самой насыпи, состоявшей изъ мусора и щебенки, подъ ней также обнаружились остатки фундамента и стѣнъ небольшой церкви, бывшей построенною изъ кирпича съ плитою, съ тремя абсидами, притворомъ, хорами и четырьмя внутренними столбами; въ алтарной части сохранился каменный престолъ, полукруглое сопрестоліе съ горнимъ мѣстомъ и на полу найдены обломки росписной штукатурки, мѣстами уцѣлѣвшей кое гдѣ и на остаткахъ стѣнъ храма. На нѣкоторыхъ ея фрагментахъ сохранились отрывки вырѣзанныхъ надписей, напр.: «пр. (еставися) (кня) жнѧ ѹ (ль) жна на стго...» и др. [1]).

Такимъ образомъ, развалины эти представляютъ въ общемъ извѣстную аналогію, съ остатками другаго храма, уже описанными выше (см. стр. 47), что можетъ говорить также и за ихъ значительную древность, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ-же имѣютъ и свои особенности, заключающіяся, кромѣ разности въ нѣкоторыхъ деталяхъ, еще и въ томъ, что здѣсь алтарная часть церкви обращена не на Востокъ, а на ЮВ., и притворъ расположенъ у СВ. стѣны, т. е. сбоку, а не противъ алтаря, какъ въ остаткахъ перваго храма. Что-же касается того, во чье имя могла быть сооружена эта вновь открытая церковь, то о ней не сохранилось никакихъ извѣстій, или хотя бы правдоподобныхъ преданій [2]) и, Табл. LX.

[1]) Подробности см. примѣч. 4 и табл. LX.

[2]) Кромѣ ни на чемъ не основанныхъ показаній нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ обывателей, будто бы здѣсь находилась церковь Св. Климента. Но это совершенно невѣрно, ибо послѣдняя, какъ ясно свидѣтельствуется документальными источниками, стояла совсѣмъ не здѣсь, а въ «Земляномъ городѣ», т. е. на другой сторонѣ р. Ладожки, южнѣе нынѣшняго каменнаго городища.

по своему топографическому положенію, она не можетъ быть пріурочена ни къ одной изъ перечисленныхъ выше церквей, указываемыхъ древними документами.

Кромѣ изложенныхъ свѣдѣній о древне-ладожскихъ православныхъ храмахъ, сохранилось еще указаніе на существованіе здѣсь-же и храмовъ иновѣрческихъ, т. е. католическихъ, какъ то было и въ самомъ Новгородѣ. Не говоря уже о сомнительномъ извѣстіи, передаваемомъ древними сагами, что католическая церковь въ Ладогѣ была построена, проживавшими въ послѣдней нѣмецкими купцами, еще въ 1060 г. [1]), сохранились достовѣрныя указанія о томъ-же въ XIII вѣкѣ, именно въ найденномъ въ Любскомъ архивѣ проектѣ торговаго договора Новгорода съ Готландомъ (между 1209—1270 гг.), въ одномъ изъ пунктовъ котораго говорится, что — «церкви св. Петра и св. Николая въ Ладогѣ пользуются, какъ и въ старину, особыми отведенными имъ лугами» [2]). Такимъ образомъ изъ словъ проекта ясно видно, что церковь св. Николая (по всей вѣроятности готландская) была именно въ Ладогѣ, но здѣсь-ли также находилась и первая, или же рѣчь идетъ о церкви св. Петра въ Новгородѣ, — можно думать различно, смотря по тому, относить-ли указаніе на Ладогу къ нимъ обѣимъ, или только непосредственно къ одной церкви св. Николая. Повидимому, правильнѣе принять именно послѣднее, въ виду фактическаго существованія церкви св. Петра въ Новгородѣ [3]), и такъ какъ договоръ заключался непосредственно съ новгородцами, то о ней и упомянуто безъ всякихъ прочихъ объясненій, а о св. Николаѣ прибавлено, что она именно въ Ладогѣ [4]).

---

[1]) И. Андреевскій: Договоръ Новгорода съ Готландомъ, стр. 1.

[2]) Карамзинъ: Ист. госуд. рос., III, примѣч. 244 (изд. 1818 г.).

[3]) Такъ, это видно изъ разныхъ мѣстъ новгородской скры:—«Никто не имѣетъ права выносить изъ церкви Св. Петра сію скру печатями утвержденную, но ее должно списывать для русскихъ и нѣмцевъ»; или въ другомъ мѣстѣ говорится, что скра должна быть ежегодно прочитываема во дворѣ новгородскомъ два раза, и т. д. (И. Андреевскій: Договоръ Новгор. съ Готландомъ, 90, 91). Очевидно, что подлинникъ скры долженъ былъ храниться въ церкви Св. Петра именно въ Новгородѣ.

[4]) Карамзинъ (Ист. госуд. рос., III, 208, изд. 1818 г.) также не считаетъ церковь Св. Петра за ладожскую; по его словамъ—«Готландцы имѣли въ Новгородѣ божницу Св. Олава, нѣмцы храмъ Св. Петра, а въ Ладогѣ Св. Николая, съ кладбищами и лугами». Л. Плошинскій въ своей передачѣ текста того-же проекта договора на русскомъ языкѣ (Городское состояніе русск. народа, стр. 58) придерживается двусмысленнаго образа выраженія самаго проекта. И. Андреевскій (Договоръ Новгорода съ Готл., 29) по тому-же поводу выражается: «Церкви нѣмецкія въ Ладогѣ пользуются...» и пр., слѣдов. пріурочиваетъ обѣ къ Ладогѣ. Къ сожалѣнію, въ самомъ договорѣ, формально заключенномъ въ 1270 году, статья о лугахъ редактирована въ данномъ отношеніи еще темнѣе, ибо просто говорится, что—«луга, которыми нѣмцы или готландцы владѣютъ, должны имъ принадлежать въ собственность тамъ, гдѣ они ихъ объявятъ» (ibid.).

Изъ того-же проекта договора видно, что католическая церковь въ Ладогѣ существовала еще значительно раньше, такъ какъ въ немъ упоминаются старые церковные луга; что-же касается ея мѣстоположенія, то можно думать, что она находилась близь той-же Варяжской улицы, на которую указываетъ переписная книга 1500 г. (см. стр. 39), тамъ, гдѣ долженъ былъ группироваться варяжскій элементъ Ладоги.

Относительно ладожскихъ монастырей можно вообще замѣтить, что о времени основанія большинства ихъ точныхъ данныхъ не сохранилось, кромѣ Іоанновскаго и Георгіевскаго, но и о послѣднемъ лѣтописное свидѣтельство касается собственно основанія монастырскаго общежитія при храмѣ св. Георгія, уже задолго ранѣе существовавшемъ, хотя также неизвѣстно когда построенномъ. Тѣмъ не менѣе, о нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются историческія извѣстія, восходящія къ XV и даже къ началу XIV стол. и въ этомъ отношеніи древнѣйшимъ является именно монастырь Іоанновскій.

1. **Монастырь во имя Іоанна Предтечи**, нынѣ приписная церковь староладожскаго Николаевскаго монастыря, стоящая на лѣвомъ берегу Волхова, въ полуверстѣ ниже монастыря Успенскаго, на возвышенности, извѣстной уже въ XIV вѣкѣ подъ названіемъ «Малышево» (въ 1604 г.—«Малышева гора»). Начало обители связывается съ именемъ новгородскаго архіепископа Климента (1276—1299 г.), на основаніи бывшаго въ этой церкви синодика 1734 г., въ которомъ Климентъ наименованъ однимъ изъ ея создателей [1]), во всякомъ случаѣ, монастырь несомнѣнно существовалъ уже въ началѣ XIV стол., такъ какъ въ Синодальной библіотекѣ хранится памятникъ этого времени—Тріодь, писанная для Іоанновскаго монастыря въ 1311 году [2]). По переписной книгѣ 1500 г. [3]) за нимъ числился земельный надѣлъ: въ Городенскомъ погостѣ по старому письму «Ивана святого изъ Ладоги волостка», состоявшая изъ 14 деревень

---

[1]) Историко-стат. свѣд. о С.-Петерб. епархіи, вып. II, 104; нынѣ синодикъ находится въ библіотекѣ Николаевскаго монастыря: въ немъ послѣ именъ царей, патріарховъ и др., говорится «Блаженныхъ создателей святыя обители сія—преосвященнаго архіепископа Климента новгородскаго, Іоанна и Маріи» (игум. Іоаннъ: Ист.-стат. описаніе староладожск. Николаевскаго монастыря, 1865 г., стр. 37). О Климентѣ упоминается и въ писцовой книгѣ 1583 г., что принадлежавшую обители тоню Ляхово на Волховѣ, монастырь держитъ по грамотѣ данной тѣмъ-же архіепископомъ Климентомъ (Документы Новгор. Казен. Палаты въ Археогр. Комиссіи, № 506: Выпись 1686 г. на земли и угодья Іоанновск. монастыря).

[2]) Извѣстіе объ этомъ, любезно указанное намъ графомъ Н. С. Ланскимъ, находится въ Описаніи рукописей Синод. библіотеки, составлен. архимандритомъ Саввою, гдѣ подъ № 896 (стр. 261) значится писанная уставомъ на пергаментѣ «Тріодь цвѣтная, писана въ 1311 году дьякомъ Сергіемъ въ Ладогу въ монастырь на Малышево».

[3]) Временникъ Общ. ист. и древн., кн. XI.

(въ которыхъ, однако, числилось всего 17 дворовъ) и ½ тони на Волховѣ «противу Любшина омуту» [1]). Въ переписной книгѣ Вотской пятины 1646 г. упоминается—«На посадѣ на Малышевѣ горѣ монастырь Ивана Предтечи, а въ немъ церковь Вознесенье Господне, другой храмъ Ивана Предтечи, древяны клѣтцки, образы и книги и ризы и колокола строенье монастырское» [2]), по другимъ-же свѣдѣніямъ въ немъ въ 1628 г. еще состояло пять монашескихъ келій и забранная тыномъ ограда [3]), а въ 1695 г. игуменомъ сооруженъ уже каменный храмъ во имя Іоанна Предтечи [4]). Наконецъ въ 1763 г. въ монастырѣ показаны каменныя церкви Рождества Іоанна Предтечи и св. мученицы Параскевы, каменная-же колокольня съ пятью колоколами [5]) и деревянныя — ограда и кельи [6]).

Въ 1649 г. Іоанновскому монастырю была вновь пожалована грамота, подтверждавшая прежнія его земельныя права и другія льготы, данныя грамотами 1618 и 1624 гг., какъ-то объ освобожденіи крестьянъ на принадлежавшихъ монастырю 50 обжахъ земли отъ всякихъ денежныхъ и хлѣбныхъ сборовъ, кромѣ ямскихъ и стрѣлецкихъ хлѣбныхъ запасовъ и городоваго или острожнаго дѣла; о правѣ собственнаго монастырскаго суда надъ его крестьянами, кромѣ душегубства и татьбы съ поличнымъ; объ освобожденіи отъ постоя и взиманія подводъ, а также городскаго платежа («Ладошины») съ рыбныхъ ловель; о безпошлинномъ проѣздѣ въ Москву и проч., и та-же грамота еще разъ подтверждена въ 1685 г. [7]). Наконецъ, имѣется извѣстіе, что въ декабрѣ 1685 г. въ Іоанновскомъ монастырѣ состояло братіи съ строителемъ всего лишь три человѣка и что по челобитью монаховъ Зеленецкой обители онъ былъ приписанъ

[1]) Усадьба Любша, принадлежащая В. М. Максимову, существуетъ и по нынѣ, на правомъ берегу Волхова, ниже Ладоги. Тоня «Омутница» показана въ одной грамотѣ Іоанновскому монастырю 1618 г.—подъ сел. Велешею (Документы Новгор. Казен. Палаты въ Археогр. Комиссіи, № 161).

[2]) Моск. арх. Мин. Юстиціи, № 984, л. 185. По свѣдѣніямъ 1569 г. монастырю принадлежала еще церковь Флора и Лавра на р. Кабонѣ (Документы Новгор. Губернск. Правленія въ Археогр. Ком.: Выпись Ивановскому монастырю 1682 г.

[3]) Арх. Амвросій: Исторія рос. іерархіи, т. IV, 313.

[4]) Извѣстія Церковно-археол. общества при Кіевской Духовной академіи, 1883 г. вып. VI, 28.

[5]) Одинъ изъ колоколовъ, существующій и понынѣ, замѣчателенъ по вылитой на немъ надписи: «Лѣта 7112 (1604 г.) къ Вознесенью Господню и Рождеству Іоанна Предтечи на Малышеву гору въ Ладогу слито два колоколы при благовѣрномъ господарѣ царѣ и великомъ князѣ Борисѣ Θеодоровичѣ всея Русіи и его благовѣрной царицѣ великой княгинѣ Маріи и при ихъ благородны чадѣ и царевичѣ Θеодорѣ, царевнѣ Ксеніи и при освященномъ митрополитѣ Исидорѣ великого Новаграда и при настоящемъ игуменѣ Діонисіи».

[6]) Арх. Амвросій: Исторія рос. іерархіи, т. IV, 313.

[7]) Грамота Іоанновскому монастырю 1649 г. (Документы Новгор. Казен. Палаты въ Археогр. Ком., № 161).

къ послѣдней [1]), за которой повидимому и числился до окончательнаго своего упраздненія въ 1764 году [2]).

2. **Георгіевскій Застѣнный,** нынѣ приходская церковь во имя св. Георгія, находящаяся внутри каменнаго городища; храмъ представляетъ одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ церковнаго зодчества въ Россіи, относимый къ XI—XII стол. (табл. L—LV), но уже съ половины XV вѣка обращенный въ монастырь и получившій, въ зависимости отъ своего расположенія внутри каменной крѣпости, названіе «Застѣннаго», или «за стѣною», каковое ему присвоиваетъ уже и переписная книга 1500 года. Немногія сохранившіяся о немъ свѣдѣнія помѣщены въ описаніи самаго городища (см. ч. II). Табл. L—LV.

3. **Монастырь во имя Успенія Богородицы**, существующій по настоящее время, находится на сѣверномъ концѣ нынѣшняго селенія Старой Ладоги, на берегу Волхова, но о времени его возникновенія не сохранилось никакихъ извѣстій [3]). Тѣмъ не менѣе существованіе его уже въ XV вѣкѣ, а вѣроятно даже и ранѣе, не подлежитъ сомнѣнію, какъ въ виду упоминанія о немъ въ переписной книгѣ 1500 г., такъ и того, что по имени его носилъ даже свое названіе одинъ изъ пяти «концовъ» древней Ладоги, еще во времена новгородской самостоятельности, именно конецъ Богородицкой. Въ переписной книгѣ онъ упоминается подъ названіемъ «монастыря Пречистыя изъ Ладоги» [4]), а иногда при топографическихъ указаніяхъ (напр. по случаю отвода новыхъ дворовъ) о немъ говорится еще короче—«къ Пречистой» [5]). Въ писцовой книгѣ 1569 г. показанъ—«въ Ладогѣ на посадѣ монастырь дѣвичь Успенія Пресвятой Богородицы» [6]), въ писцовой же книгѣ Обонежской пятины 1583 г. онъ названъ просто

---

[1]) Грамота Іоанновскому монастырю (тамъ-же №№ 495 и 497).

[2]) Изъ игуменовъ и строителей Іоанновскаго монастыря, въ разныхъ изданіяхъ и документахъ упоминаются слѣдующіе: Въ 1583 г. игуменъ Даніилъ; въ 1604—Діонисій; въ 1624—строитель Варсонофій; въ 1628 игуменъ Іона, въ 1642 и 1646—Пименъ; въ 1649 строитель Евстратій; въ 1651 игуменъ Пименъ, въ 1655—Герасимъ, въ 1668—Феодоритъ, въ 1672—Невфалимъ, въ 1673 и 1674—Ѳеодосій, въ 1674—Феодоритъ, въ 1676 и 1678—Іосифъ; въ 1680, 1682, 1685 и 1692—Антоній; въ 1695—Лаврентій; въ 1697 строитель Ефремъ, въ 1701—Ѳеодосій, въ 1720—Іосифъ Соколовъ и въ 1734—Михаилъ.

[3]) Въ описаніи монастыря, изд. въ 1865 г., высказывается совершенно неосновательное заключеніе о возникновеніи Успенскаго монастыря уже въ половинѣ XII вѣка, что съ достаточной убѣдительностью и опровергнуто въ другомъ описаніи того-же монастыря 1871 г. Заключеніе явилось результатомъ совершенно произвольнаго толкованія лѣтописнаго извѣстія, о построеніи въ 1153 г. другаго Успенскаго монастыря, но не въ Ладогѣ, а близь Новгорода.

[4]) Временникъ Общ. ист. и древн., кн. XI.

[5]) См. прилож. I.

[6]) Выпись Успенскому монастырю 1684 г. (Документы Новгородск. Казенной Палаты въ Археогр. Комиссіи, № 425).

Богородицкимъ [1]), такъ что неточность названій можетъ давать поводъ смѣшивать его съ существовавшей въ Ладогѣ церковью во имя Покрова Богородицы (см. стр. 48).

Монастырь, по переписной книгѣ 1500 г., имѣлъ земельные надѣлы, часть которыхъ (напр. пустошь Горка) находилась въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ древнимъ посадомъ ладожскимъ, а позже нѣкоторые участки лежали даже въ самомъ посадѣ, какъ напр. монастырскіе огороды и амбары, упоминаемые писцовой книгой 1569 г., и двѣ полянки «у городовой земляной стѣны» (т. е. около нынѣшняго Землянаго городища), упоминаемыя въ 1618-мъ [2]). Кромѣ того, монастырь былъ изъ числа ружныхъ, получая «по 70 чети ржи и овса, да по 10 рублевъ денегъ на годъ», какъ то видно изъ одной челобитной 1621 г., въ которой говорится, что—«жаловальную грамоту на монастырскую вотчину, по чему владѣть и денежную и хлѣбную ругу имать, во 125 (1617) году взяли нѣмецкіе люди, въ то время какъ имали Ладогу» [3]), и въ свѣдѣніяхъ 1646 г. монастырь вмѣстѣ съ каменною церковью во имя Успенія Богородицы, съ образами, книгами, ризами и колоколами, значится какъ «строенье государево» [4]). Въ новѣйшее время въ немъ сооруженъ еще каменный храмъ во имя Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста (освященный въ 1862 г.), на мѣстѣ бывшей здѣсь часовни, съ которою связано преданіе о существовавшей на этомъ мѣстѣ въ древности церкви св. Симеона Богопріимца (см. стр. 42); что касается ограды, то первыя извѣстія о ней не восходятъ ранѣе начала XVIII стол., когда при Петрѣ Великомъ монастырь былъ окруженъ деревяннымъ полисадомъ, впослѣдствіи замѣненнымъ деревянной рубленой стѣной, а еще позже (въ текущемъ столѣтіи)—каменною, при чемъ она получила и свое нынѣшнее очертаніе, значительно измѣненное сравнительно съ прежнимъ, главнымъ образомъ съ южной стороны, представлявшей ранѣе того ломанную линію, снаружи которой и находилась вышеупомянутая часовенка.

Въ виду значенія этого послѣдняго обстоятельства для вопроса о мѣстоположеніи древней Симеоновской церкви въ Ладогѣ, помѣщаемъ здѣсь копію съ стараго изображенія Успенскаго монастыря, до построенія въ немъ Крестовоздвиженской церкви и соотвѣтственнаго исправленія линіи ограды на южной сторонѣ его.

---

[1]) Выпись 1685 г. (Документы Новгор. Губернск. Правленія въ Археогр. Ком.)

[2]) См. примѣч. 5 и табл. I.

[3]) Дополненія къ акт. историч., IX, № 94.

[4]) Переписная книга монастырскихъ и церковныхъ дворовъ въ Вотской пятинѣ, 1646 г. (Московск. арх. Мин. Юст., № 984, л. 188).

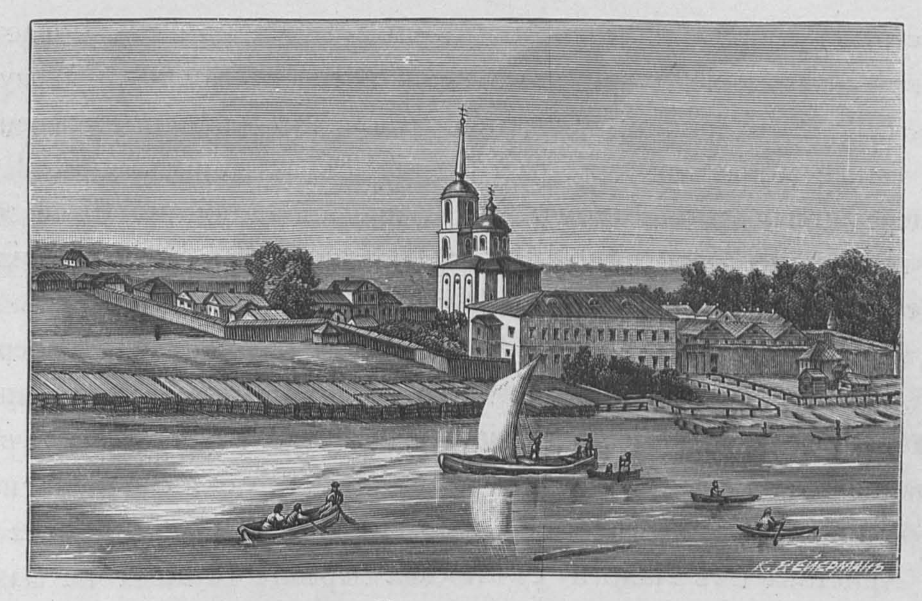

Рис. 3. Видъ прежней ограды Успенскаго монастыря, съ часовенкой при ней.

Въ исторической жизни монастыря бѣдственную эпоху составляетъ начало XVII столѣтія, въ которомъ онъ подвергся полному раззоренію и оставался запустѣлымъ до 1617 года, пока не былъ возстановленъ трудами и заботами строительницы его старицы Акилины. Въ царской грамотѣ 1621 г. новгородскому воеводѣ князю Мезецкому излагается, что—«въ прошломъ 125 (1617) году, какъ намъ нѣмецкіе люди Великій Новгородъ съ пригороды отдали, а они-де (монастырскія сестры) отъ нѣмецкаго разоренья скиталися межъ дворъ и кормилися Христовымъ именемъ, и по нашему указу велѣли имъ въ тотъ монастырь прибѣгати и монастырь строити и сестеръ сбирати и вотчинкою владѣть по прежнему. И она-де старица Акилина каменный храмъ покрыла и Божья милосердія образы и книги и всякое церковное и монастырское строенье устроила, собравъ вклады и сестеръ, и собрала въ тотъ монастырь 23 старицы». Далѣе говорится, что въ виду утраты при раззореніи монастыря прежней жалованной и ружной грамоты, старица Акилина подала въ 1621 г. челобитье о выдачѣ новой, что и повелѣвается исполнить, со включеніемъ земель и угодій пожалованныхъ монастырю также въ 1619 году [1]).

Кромѣ того, въ лѣтописи Успенскаго монастыря еще особо выдаются послѣдніе восемь лѣтъ царствованія Петра Великаго, такъ какъ въ теченіи ихъ эта обитель служила мѣстомъ заточенія инокини Елены, бывшей царицы Евдокіи Ѳедоровны Лопухиной. Время пребыванія ея здѣсь (съ 1718 г. до

[1]) Документы Новгор. Казен. Палаты въ Археогр. Комиссіи, № 57. Также Дополн. къ акт. истор. т. IX, № 94 и Русск. историч. библіотека т. II. № 126.

кончины Петра I) сопровождалось большими стѣсненіями: отъ монастыря были отчислены всѣ приходскіе дворы и въ немъ поселенъ военный караулъ; запрещенъ входъ бывшимъ прихожанамъ, пріостановлено даже постриженіе новыхъ монахинь и самый монастырь для разобщенія съ внѣшнимъ міромъ окруженъ двойнымъ деревяннымъ полисадомъ [1]). По преданію инокиня Елена жила здѣсь въ особой, нынѣ уже разобранной кельѣ, которую она сама обсадила липами, частью существовавшими еще въ 1849 г., [2]) и, какъ говорятъ, въ монастырѣ сохраняется въ частныхъ рукахъ икона Божіей Матери (именуемая Троеручицей)—наслѣдіе отъ узницы, полученное когда-то ея бывшими келейницами [3]).

4. **Монастырь во имя Рождества Христова**, извѣстенъ уже съ XV в., но лишь по упоминанію о немъ въ древнихъ актахъ. Такъ въ переписной книгѣ 1500 г., въ числѣ монастырскихъ деревень Ильинскаго погоста показана «Рождества Христова изъ Ладоги съ посада деревня Бышева на Заклюкѣ» [4]), а въ Никольскомъ концѣ самой Ладоги въ числѣ поземщиковъ на монастырскихъ мѣстахъ — «дворъ попъ Осѣй Рожественской» [5]). Тотъ-же монастырь упоминается въ писцовыхъ книгахъ 1569 и 1583 г.; въ послѣдней указываются въ Никольскомъ погостѣ на Сяси «церковныя земли Рождества Христова что въ Ладогѣ» и въ обѣихъ онъ названъ дѣвичимъ [6]). О мѣстоположеніи монастыря можно догадываться по присвоенному ему нѣкоторыми документами добавочному названію «съ Горицъ» (см. примѣч. 5), т. е. стоявшій на горицахъ [7]), изъ чего слѣдуетъ заключить, что онъ находился въ южной

---

[1]) Староладожскій Успенскій монастырь, 1871 г., стр. 14, 15.

[2]) А. Терещенко: О древностяхъ въ Ст. Ладогѣ (С.-Петерб. Губернск. Вѣдомости 1849 г., № 22).

[3]) Изъ игуменій и строительницъ Успенск. монастыря, упоминаются въ разныхъ матеріалахъ слѣдующія: въ 1617 и 1621 г. строительница Акилина; въ 1628—Марѳа, въ 1638—Параскева; въ 1648 игуменья Анисія; въ 1664 г. строительница Ѳеодора; въ 1669 игуменья Іуліана; между 1650 и 1675 Іулита и Зинаида; въ 1675 и 1677 г. игуменья Мареміана, въ 1678—Параскева; въ 1682 строительница Каптелина, въ 1684—Ѳеодора, въ 1689—Акилина, въ 1693 и 1696—Александра; въ 1703 г. игуменья Іуліана; въ 1727—1739 г. игуменья Сусанна; въ 1740—1749 г. игуменья Александра (Обернибѣсова), въ 1750—1753—Февронія, въ 1754—Марѳа, въ 1761—Евѳимія, въ 1775—Александра (Шубина); въ 1779—1822 игуменья Евпраксія, въ 1822—Поликсенія; въ 1829 — 1854—Февронія (Анфимова); въ 1854 — 1856 г. игуменья Маврикія (Хитрово) и съ 1856 года—Діонисія.

[4]) Временникъ Общ. ист. и древн., кн. XI. (См. также табл. I).

[5]) См. прилож. I.

[6]) Выписи 1685 и 1684 г. на церковныя и монастырскія земли (Документы Новгор. Губернск. Правленія и Казен. Палаты, въ Археогр. Комиссіи).

[7]) Въ Исторіи рос. іерархіи (ч. III, 746, 749) названіе «Горицкій» пріурочивается также староладожскому Успенскому монастырю, но видимо ошибочно, такъ какъ въ имѣющихся документахъ упомянутое наименованіе исключительно присвоивается монастырю Рождественскому.

половинѣ древней Ладоги (т. е. по южную сторону р. Ладожки), гдѣ-то въ сосѣдствѣ съ монастыремъ Николаевскимъ, такъ какъ здѣсь еще при Генеральномъ межеваніи 1778—79 гг. существовали двѣ почти смежныхъ пустоши «Горицы» [1]).

Рождественскій монастырь вѣроятно подвергся раззоренію еще въ началѣ XVII ст. и, окончательно запустѣвъ съ тѣхъ поръ, болѣе не возобновлялся, по крайней мѣрѣ уже съ 1618 г. онъ показывается пустымъ и земли его перешли во владѣніе монастыря Успенскаго (см. прим. 5).

5. **Монастырь во имя святителя Николая Чудотворца**, существующій по настоящее время, расположенъ на лѣвомъ берегу Волхова, въ полуверстѣ выше нынѣшняго селенія Старой Ладоги, или южнѣе каменнаго городища послѣдней. Время основанія обители неизвѣстно, но судя по упоминанію о ней въ житіи св. Николая Качанова [2]), существованіе ея восходитъ уже къ половинѣ XIV ст.; за значительную древность монастыря можетъ говорить и то, что по его имени носилъ названіе «Никольскій конецъ» древней Ладоги, во всякомъ же случаѣ документальныя свидѣтельства о немъ имѣются отъ XV вѣка, ибо «Никольскій монастырь изъ Ладоги» неоднократно упоминается въ переписной книгѣ 1500 г.

Въ XVI вѣкѣ онъ составлялъ южную оконечность ладожскаго посада, примыкая къ Никольской слободѣ, вѣроятно бывшей здѣсь уже и въ то время, по крайней мѣрѣ упоминаемой въ половинѣ XVII ст., но неизвѣстно, впрочемъ, принадлежавшей-ли самому монастырю, или только называвшейся по его имени, земельные же надѣлы послѣдняго находились, какъ видно, въ сторонѣ отъ самаго посада и изъ нихъ ближайшіе лежали южнѣе, въ смежномъ Ильинскомъ погостѣ, какъ напр. упоминаемыя уже въ 1500 г. деревня Извозъ, дер. «Подъ Рябиною» (позднѣйшее Подребенье) и другія [3]) или дер. Кикино на р. Заклюкѣ, упоминаемая въ 1646-мъ, изъ болѣе-же отдаленныхъ — дер. Монастырь въ

---

[1]) См. табл. I.

Игуменомъ староладожскаго Николаевскаго монастыря Аполлосомъ (1846—63 г.) былъ пріобрѣтенъ участокъ земли, находившійся здѣсь по близости на сосѣдней возвышенности; участокъ этотъ весьма близко совпадаетъ съ мѣстоположеніемъ одной изъ упомянутыхъ выше пустошей Горицъ и, быть можетъ, именно здѣсь слѣдуетъ отыскивать мѣсто бывшаго Рождественскаго монастыря. Здѣсь-же нѣсколько лѣтъ тому назадъ была начата разработка плитныхъ залежей (позже остановленная), причемъ, по разсказамъ, были находимы обломки разныхъ предметовъ, какъ бы церковной обстановки, и много человѣческихъ костей.

[2]) Въ житіи упоминается, что еще при жизни послѣдняго получилъ исцѣленіе какой-то пономарь того-же монастыря (Староладожскій Никольскій монастырь, 1862 г., стр. 7).

[3]) Временникъ Общ. ист. и древн., кн. XI. Также переписная книга Вотской пятины 1678 г. (Моск. Арх. Мин. Юст., № 8571, л. 47).

Городенскомъ погостѣ (см. прим. 6) и др. Кромѣ того, Николаевскому монастырю въ 1646 г. принадлежала въ Ильинскомъ-же погостѣ на Волховѣ деревянная церковь во имя Пророка Иліи, съ землею и нѣсколькими дворами [1]).

Непосредственно въ самомъ монастырѣ въ древности находились двѣ церкви: одна изъ нихъ, во имя Николая Чудотворца, вѣроятно существовала еще задолго до времени составленія переписной книги 1500 г., но уже въ свѣдѣніяхъ 1628 г. значится разсыпавшеюся [2]), почему въ документахъ нѣсколько позднѣйшихъ указывается въ монастырѣ только «церковь каменная во имя Ивана Златоуста, образы и книги и ризы и колоколы строенье монастырское» [3]), неизвѣстно, однако, когда построенная и въ 1815 г. также окончательно разобранная по ветхости. Судя по существовавшимъ въ монастырѣ древнимъ антиминсамъ Никольской церкви 1541, 1566, 1575 и 1668 г. [4]), слѣдуетъ заключать, что послѣдняя была возобновлена въ періодъ 1646—1668 г., что же касается нынѣшней церкви Златоустовской, то сооруженіе ея относится уже къ самому новѣйшему времени.

Во время своего существованія Николаевскій монастырь пережилъ двѣ тяжелыхъ эпохи, подвергнувшись раззоренію въ началѣ XVII ст. и полному упадку—во второй половинѣ XVIII. Въ 1622 г. строитель монастыря черный попъ Ѳеодосій билъ челомъ государю, что—«монастырь Николы Чудотворца въ Ладогѣ на посадѣ отъ нѣмецкихъ людей стоитъ разоренъ до основанья, а вотчинки де за тѣмъ монастыремъ въ Вотской да въ Обонежской пятинѣ 48 обежъ съ полуобжею и та де вотчинка по государевѣ грамотѣ дана на оброкъ дьяку Мих. Милославскому, а онъ де попъ Ѳеодосей скитается нынѣ межъ дворъ» [5]). Въ 1649 г. келарь монастыря подалъ вторично челобитье, что во время того-же нѣмецкаго раззоренья монастырь утратилъ свою прежнюю жалованную грамоту на вотчину и на рыбныя ловли, почему просилъ о возвращеніи таковыхъ [6]), вслѣдствіи чего монастырь по обѣимъ чело-

---

[1]) Переписная книга монастырскихъ и церковныхъ дворовъ въ Вотской пятинѣ, 1646 г. (Московск. арх. Мин. Юст., № 184).

[2]) Игуменъ Іоаннъ: Ист.—стат. описаніе Староладожск. Николаевскаго монастыря, 1865.

[3]) Переписная книга монастырскихъ и церковныхъ дворовъ въ Вотской пятинѣ, 1646 г. (Московск. арх. Мин. Юст., № 984, л. 183). Въ документахъ Николаевскаго монастыря существуетъ однако договорная запись 1678 г., о постройкѣ въ монастырѣ каменной церкви Іоанна Златоуста, почему можно думать, что храмъ послѣ 1646 г. перестраивался, быть можетъ, по причинѣ обветшалости.

[4]) Игум. Іоаннъ: Ист.—стат. Опис. Старол. Никол. монастыря, 1865 г.

[5]) Память князя Мезецкаго объ отводѣ пустошей Николаевскому монастырю, 1622 г. (Документы Новгор. Казен. палаты въ Археогр. Комиссіи, № 66).

[6]) Грамота новгор. воеводѣ князю Хилкову, 1649 г. (Документы Новгор. Казен. палаты въ Археогр. ком., № 159).

битнымъ былъ возстановленъ въ своихъ правахъ. Тѣмъ не менѣе, по свѣдѣніямъ 1771 г., Николаевская обитель находилась снова въ самомъ плачевномъ состояніи: Никольская церковь вся растрескалась и частью даже обвалилась, въ Златоустовской упала часть сводовъ и стѣны дали трещины, братскія кельи сгнили и развалились [1]), вслѣдствіе чего въ 1772 г. послѣдовало распоряженіе объ упраздненіи обители и о переводѣ братіи въ Троицкую Зеленецкую пустынь. Однако, въ 1797 г., благодаря просьбамъ ладожскихъ прихожанъ, продолжительное запустѣніе Николаевскаго монастыря наконецъ окончилось и онъ былъ возстановленъ вторично [2]).

Къ числу тѣхъ-же описываемыхъ монастырей можетъ быть еще причисленъ Васильевскій, хотя и расположенный на противуположномъ (правомъ) берегу Волхова, но находящійся въ очень близкомъ сосѣдствѣ съ Ладогой, отъ которой онъ отдѣляется только рѣкою и въ древнихъ документахъ иногда называемый Ладожскимъ.

6. Монастырь во имя св. Василія Кесарійскаго, нынѣ церковь за Волховомъ противъ Ладоги, судя по имѣвшейся въ немъ въ 1555 г. жалованной грамотѣ объ освобожденіи отъ платежа корма ладожскому намѣстнику [3]), существовалъ уже въ началѣ XVI в. и въ писцовой книгѣ 1582—83 г. о немъ значится, что—«стоитъ на царя и великаго князя землѣ, пашни къ церквѣ не дано» [4]). Изъ другой жалованной грамоты 1620 г. [5]) видно, однако, что уже при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ монастырь владѣлъ 15 обжами земли съ деревнями и, въ числѣ ближайшихъ къ Ладогѣ угодій, тремя рыбными тонями: подъ Побѣдищемъ, подъ Извозомъ и противъ самой Ладоги [6]). По свѣдѣніямъ того-же года въ немъ находилась церковь во имя Благовѣщенія Богородицы и другая—Василія Кесарійскаго, причемъ показаны принадлежащими монастырю двѣ сосѣднихъ

---

[1]) Донесеніе преосвящ. Гавріила (Старолад. Николаевскій монастырь, 1862 г.).

[2]) Изъ числа настоятелей монастыря, длинные перечни которыхъ (во многомъ, однако, между собою несогласные) помѣщены въ двухъ изданныхъ описаніяхъ того-же монастыря 1862 и 1865 г., и въ «Спискѣ іерарховъ монастырей» П. Строева, 1877 г., встрѣчаются въ документальныхъ источникахъ слѣдующіе: Въ 1622 г. Строитель Ѳеодосій, въ 1646 игуменъ Ферапонтъ, въ 1649 келарь Іона, въ 1660 и 1661 игуменъ Феодоритъ, въ 1674 и 1678—Евѳимій, въ 1700—Макарій, въ 1701—Варлаамъ, въ 1707 архимандритъ Боголѣпъ, въ 1720 строитель Гавріилъ, въ 1743 строитель Митрофанъ и въ 1770 архимандритъ Веньяминъ.

[3]) Дополн. акт. истор., т. I, № 54.

[4]) К. Неволинъ: О пятинахъ и погостахъ Новгородск. (Зап. Рус. Географ. Общ., кн. VIII, прилож. VI, 143).

[5]) Акты историч. т. III, № 114; также 1624 г.—т. III, № 129 и 1627 г.—т. III, № 146.

[6]) «Побѣдище»—урочище на берегу Волхова, рядомъ съ Николаевскимъ монастыремъ съ южной стороны. Извозъ—селеніе южнѣе того-же монастыря.

деревни Чернавино, Лопино и др., но о Васильевской церкви уже въ то время говорится, что ее раззорили нѣмецкіе люди и храмъ осыпался [1]); впрочемъ, обѣ церкви упоминаются существующими еще въ 1647 г., но въ 1666 послѣдняя окончательно уже развалилась, а церковь Благовѣщенская значится деревянною «на подошвѣ каменной» [2]). Вновь выстроенъ каменный храмъ Василія Кесарійскаго лишь въ 1686 г., на частныя средства, именно Т. И. Бестужевымъ, и тогда-же освященъ по грамотѣ митрополита Корнилія [3]), что же касается деревянной церкви во имя Благовѣщенія, то по нѣкоторымъ указаніямъ она позже (неизвѣстно, впрочемъ, когда) была перевезена на Валаамъ, гдѣ однако подверглась существеннымъ измѣненіямъ.

Монастырь, какъ видно, пережилъ не мало тяжелыхъ для него дней; о Васильевской его церкви уже въ 1582—83 г. говорится, что она стоитъ «безъ пѣнья» [4]), въ 1618 оставшіеся безъ пріюта валаамскіе монахи указывали въ своемъ челобитьѣ, что «тотъ-де Васильевской монастырь стоитъ пустъ» и просили, чтобы—«тѣмъ монастыремъ и вотчиною и рыбными ловлями велѣно-бъ имъ владѣть, какъ владѣлъ того монастыря игуменъ и братья» [5]). Вслѣдствіе этого челобитья въ дозорной книгѣ 1620 г. уже значится, что на томъ монастырѣ келья, а въ ней живутъ старцы и слуги Валаамскаго монастыря строитель Сильвестръ (всего 8 человѣкъ)—«ставятся послѣ войны нѣмецкихъ людей вновь» [6]); тѣмъ не менѣе, положеніе обители было трудное, такъ какъ въ новомъ своемъ челобитьѣ братія указывала, что «въ томъ-де монастырѣ служатъ церковную службу съ

---

[1]) Выпись о вотчинахъ Антонова монастыря, 1620 г. (Документы Новгор. Духовной консисторіи въ Археогр. Комиссіи).

[2]) Въ современномъ (1666 г.) описаніи монастыря о немъ передается: «Въ Васильевскомъ монастырѣ церковь бывала каменная, а нынѣ развалилась до основанья, во имя Василія Кесарейскаго, другая церковь деревянная на подошвѣ каменной, во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, съ трапезою и съ келарскою, да колокольня деревянная на 8 столбахъ, а на ней 6 колоколовъ середнихъ и меньшихъ, да колоколъ у трапезы, двѣ кельи новыхъ, трапеза да хлѣбня на взмостѣ, а промежъ ихъ сѣни новые-жъ, да три кельи старыхъ, двѣ житницы... А кругъ монастыря ограды деревянныя больше половины дѣлана заборомъ въ столбахъ, ветха, а достальное мѣсто изгородью загорожено. Въ томъ-же монастырѣ строитель да три старца, да слугъ и служебниковъ 9 человѣкъ».

(Рус. историч. библіотека, т. V, № 221: Досмотръ зданій и проч. Васильевскаго монастыря, 1666 г.).

[3]) Документы Новгор. Духовн. консисторіи въ Археогр. Комиссіи.

[4]) К. Неволинъ: О пятинахъ и погостахъ Новгор. (Зап. Рус. Геогр. общ., кн. VIII, прилож. VI, 143).

[5]) Акты Археогр. Экспед., т. III, № 96.

[6]) Выпись о вотчинахъ Антонова монастыря, 1620 г. (Документы Новгор. Духовн. консист. въ Археогр. Комиссіи).

лучиною и свѣчь-де и на свѣчи воску покупать имъ нѣчимъ» [1]). Въ такомъ-же незавидномъ положеніи находился Васильевскій монастырь и позже, по крайней мѣрѣ въ 1687 г. о немъ говорится, что «братьи въ томъ монастырѣ всего строитель да два человѣка старцовъ и божественной службы за пустотою по многія времена въ томъ монастырѣ не бываетъ и монастырское строеніе все опустѣло безъ остатку», почему въ томъ-же году послѣдовало распоряженіе о припискѣ его къ Троицкой и Зеленецкой пустыни [2]), при которой онъ и состоялъ до окончательнаго своего въ 1764 г. упраздненія [3]).

Изъ приведеннаго обзора ладожскихъ храмовъ можно видѣть, что въ древней Ладогѣ отражался вообще характеръ всѣхъ сѣверныхъ городовъ тогдашней Руси, изобиловавшихъ множествомъ церквей. Въ ней, на сравнительно небольшой территоріи, насчитывалось вмѣстѣ съ монастырями до 15 православныхъ храмовъ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ два (св. Климента и св. Георгія) восходятъ уже къ первымъ временамъ утвержденія въ новгородскомъ краѣ христіанства. Но безъ сомнѣнія, и эти два храма не могутъ считаться первыми сооруженными въ Ладогѣ, такъ какъ оба были каменные; имъ конечно предшествовали болѣе простыя деревянныя постройки, о которыхъ извѣстія до насъ не дошли и которыхъ должно было быть нѣсколько, въ виду тѣсноты ихъ внутренняго помѣщенія, такъ какъ новгородскія церкви вообще были малыхъ размѣровъ, чѣмъ обусловливалось и ихъ большое количество. Наконецъ можно прибавить, что по нѣкоторымъ указаніямъ каждый новгородскій пригородъ имѣлъ свою главную, или патрональную церковь, считавшуюся покровительницей послѣдняго, и таковою въ Ладогѣ былъ именно храмъ св. великомученика Георгія [4]).

Кромѣ перечисленныхъ сооруженій характера религіознаго, весьма интереснымъ представляется вопросъ о томъ, существовали-ли въ древней Ладогѣ общественныя сооруженія характера торгово-промышленнаго, подобныя тѣмъ, которыя, уже въ весьма раннее время будучи извѣстными въ Новгородѣ подъ названіями готландскаго и нѣмецкаго дворовъ, представляли мѣстныя факторіи

---

[1]) Выправка объ отдачѣ Валаамскаго монастыря деревни Пирозера, 1627 г. (Московск: арх. Мин. Иностр. Дѣлъ: Дѣла Приказныя, св. 23).

[2]) Грамота изъ Патріаршаго розряда митрополиту Корнилію (документы Новгор. Казен. палаты въ Археогр. Ком., № 535).

[3]) Изъ числа прежнихъ настоятелей монастыря извѣстны слѣдующіе: Въ 1555 г. игуменъ Макарій; въ 1617—1629 строитель Сильвестръ, въ 1642—Германъ, въ 1645—Евѳимій; въ 1673 и 1674 игуменъ Адріанъ; въ 1676 строитель Герасимъ, въ 1677—Александръ; въ 1677 и 1678—Сергій, въ 1680—Корнилій, въ 1684 и 1685—Іеремія; въ 1685 и 1686—игуменъ Варлаамъ.

[4]) Н. Костомаровъ: Сѣв.-Рус. народоправства, т. II, гл. IX.

иноземныхъ купцовъ, ведшихъ торговлю съ Новгородомъ. Значеніе Ладоги, какъ пункта, игравшаго роль промежуточной станціи въ этой торговлѣ, или мѣста перегрузки товаровъ для дальнѣйшаго ихъ слѣдованія черезъ Волховскіе пороги, уже одно даетъ поводъ думать, что и въ ней, по всей вѣроятности, должно было существовать нѣчто подобное такой-же факторіи; указаніе на это можетъ выводиться и изъ источниковъ документальныхъ. Такъ въ проектѣ торговаго договора 1209—1270 г. Новгорода съ нѣмецкими городами, между прочимъ говорится, что—«отъ церкви св. Николая до Гостинаго двора и самой улицы, не должно застраивать никакого мѣста» [1]), изъ чего слѣдуетъ, что запрещеніе это относилось именно къ Ладогѣ, такъ какъ въ ней находилась упомянутая церковь (см. стр. 50), а слѣдовательно здѣсь-же долженъ былъ стоять и Гостиный дворъ, упоминаемый въ связи съ послѣднею.

Готландскій и нѣмецкій дворы въ Новгородѣ существовали уже въ XIII вѣкѣ; они-же упоминаются еще въ 1438 и 1439 г. [2]), причемъ въ новгородскихъ скрахъ [3]) встрѣчаются нѣкоторыя указанія объ устройствѣ этихъ дворовъ, какъ жилыхъ и складочныхъ помѣщеній, напр. что дворъ, обнесенный заборомъ, заключалъ въ себѣ нѣсколько домовъ для жилья, съ кухнями и общими столовыми, имѣлъ клѣти и погреба для товаровъ и башню, служившую вмѣстѣ съ тѣмъ арестантской. Всѣ строенія оберегались ночной стражей и спускавшимися съ цѣпей собаками, общее-же управленіе дворомъ ввѣрялось выборнымъ альдерманамъ. Безъ сомнѣнія, нѣчто подобное долженъ былъ представлять и иноземный Гостиный дворъ въ Ладогѣ, что же касается его мѣстоположенія, то изъ цитированнаго выше запрещенія надобно заключить, что онъ стоялъ гдѣ-то по близости готландской церкви св. Николая и улицы, по всей вѣроятности Варяжской (см. стр. 39), т. е. въ сѣверной половинѣ Ладоги. Можно прибавить еще, что въ переписной книгѣ 1500 г. никакого извѣстія о ладожскомъ Гостиномъ дворѣ уже не встрѣчается, обстоятельство, быть можетъ, стоящее въ связи съ отводомъ новыхъ мѣстъ подъ дворы посадскихъ людей въ томъ-же раіонѣ въ 1500 году (см. стр. 39).

Что касается временъ болѣе позднихъ, то здѣсь можетъ быть еще отмѣчено лишь существованіе въ городѣ особаго, состоявшаго изъ лавокъ, торговаго ряда, упоминаніе о которомъ встрѣчается въ 1652 году [4]).

[1]) Карамзинъ: Ист. госуд. рос., III, примѣч. 244 (изд. 1818 г.). Также И. Андреевскій: Договоръ Новгорода съ Готландомъ, 1270 г., стр. 29.

[2]) И. Андреевскій: Договоръ Новгорода 1270 г., стр. 26. Также Hanserecesse 1431—1476 г., ч. II.

[3]) Тамъ-же—прилож. I: Новгородск. скры.

[4]) См. прилож. IV.

Населеніе.

Таковы общія черты древней Ладоги собственно въ территоріальномъ отношеніи. Для вопроса объ ея населеніи въ болѣе раннюю эпоху того-же историческаго ея періода, данныя имѣются лишь самыя общія. Филологическія изысканія новѣйшаго времени показали, что уже въ незапамятныя времена южное приладожье было обитаемо финскимъ племенемъ Вепсами, среди которыхъ позже широкой струей разлилась колонизація славянъ съ Ильменя, а также прибавился еще новый элементъ—варяги нашей начальной лѣтописи; курганныя раскопки обнаружили на низовьяхъ Волхова слѣды какъ этой колонизаціи, такъ и присутствіе языческихъ могилъ финской народности, въ изобиліи разсѣянныхъ въ остальномъ Приладожьѣ на Востокъ отъ Волхова [1]), обнаружили также, что черепа, извлеченные изъ тѣхъ-же могилъ, представляютъ какую-то смѣсь въ краніологическомъ отношеніи, почему все это даетъ право на заключеніе, что въ первоначальную историческую эпоху мѣстное населеніе было весьма смѣшаннымъ и что въ частности то-же самое должно было отразиться на первоначальномъ населеніи самой Ладоги. Тѣмъ не менѣе едва-ли можно сомнѣваться, что по крайней мѣрѣ уже въ началѣ XII вѣка господствующимъ населеніемъ послѣдней были Славяне, судя напр. по тому, что въ Ладогѣ встрѣчаются уже слѣды существованія новгородскихъ порядковъ и народоправства, управленіе посадниками, участіе ладожанъ во внутреннихъ неурядицахъ Новгорода, вѣроятное существованіе мѣстнаго вѣча, прочное положеніе церкви и т. д.

Какіе разряды могло представлять собою древнѣйшее населеніе Ладоги,— вопросъ также очень мало освѣщенный. Новѣйшія изслѣдованія устанавливаютъ вообще [2]), что все населеніе на Руси искони распадалось на свободныхъ и холоповъ; что древнѣйшая Русь не знала сословій, народившихся только въ Московскую эпоху, и лишь слабые зародыши которыхъ усматриваются во времена предшествовавшія; сословныхъ различій не было — всякій изъ свободныхъ могъ избирать любой родъ занятій, и по степени удачи въ своей профессіи выдвигался впередъ изъ остальной среды людей «меньшихъ», какъ человѣкъ «лучшій», а затѣмъ начинаютъ выдѣляться княжескіе служебники—«дружина, или княжьи мужи», въ отличіе отъ «людей» вообще. Въ новгородскомъ населеніи въ составѣ этихъ «людей» замѣчаются также два слоя: люди бо̀льшіе и меньшіе—иначе черные люди, въ зависимости отъ степени своей экономической обезпеченности.

Нѣсколько позже въ Новгородѣ-же различаются уже слѣдующія названія

---

[1]) Н. Бранденбургъ: Курганы южнаго приладожья (Матеріалы по Археологіи Россіи, № 18); его же: О признакахъ могилъ языческихъ славянъ (Труды VII Археол. съѣзда, т. I).

[2]) В. Сергѣевичъ: Русскія юридическія древности, т. I, кн. 2: Населеніе.

населенія [1]): огнищане и гриди, бояре и дѣти боярскія, купцы или гости, житые люди, земцы и собственно черные люди, т. е. смерды и холопи. Изъ нихъ огнищане и гриди посылались въ пригороды въ качествѣ элемента военнаго, бояре были представителями болѣе крупнаго землевладѣнія и дѣти боярскія—болѣе мелкаго (позже помѣщики, обязанные военной службой), купцы или гости—какъ классъ торговый, земцы или своеземцы—часть селянъ собственниковъ и смерды или поземщики—другая, безземельная, т. е. проживавшіе на чужихъ земляхъ, или неимѣвшіе собственной недвижимости, если были обывателями города.

Высшимъ классомъ были бояре, низшимъ—смерды.

Приблизительно таковымъ-же былъ, безъ сомнѣнія, и составъ населенія въ древней Ладогѣ, но прямыя извѣстія, сюда относящіяся, начинаются не ранѣе XV вѣка. Переписная книга 1500 г., исчисляя дворы непосредственно ладожскаго посада «по старому письму», раздѣляетъ мужское населеніе послѣдняго на «людей лутчихъ (или старѣйшихъ, переднихъ, большихъ), середнихъ и молодыхъ» (или меньшихъ, черныхъ людей), а также упоминаетъ еще о «своеземцахъ, поземщыкахъ» и нѣсколькихъ лицахъ духовнаго званія; подраздѣленіе это, какъ уже сказано, выражало собою въ первомъ случаѣ степень зажиточности и вліятельности этихъ «людей», владѣвшихъ тяглыми дворами на посадѣ, а во-второмъ—окрестныхъ землевладѣльцевъ собственниковъ, частью имѣвшихъ дворы и на посадѣ, за которые они по выраженію той-же книги—«съ городчаны въ оброкъ тянутъ-же»; что касается «поземщыковъ», то названіе таковыхъ идетъ отъ платы—«позема», дававшейся ими владѣльцамъ тѣхъ земель, на которыхъ они проживали, не имѣя своей собственной [2]). Къ сожалѣнію переписная окладная книга, по самой цѣли своего назначенія—исчисленія оброка, касается только тяглаго населенія Ладоги, почему въ ней нѣтъ свѣдѣній объ остальныхъ элементахъ послѣдняго, какъ напр. мѣстномъ купечествѣ [3]), или классѣ военно-служиломъ, какъ ближайшемъ защитникѣ Ладоги. Главный контингентъ послѣдняго «боярскіе дѣти» [4]), какъ представители мѣстнаго новгородскаго

---

[1]) Н. Костомаровъ: Сѣв.-русск. народоправства, т. II, гл. VII.

[2]) Слово «поземъ», въ смыслѣ названія мѣстности, извѣстно въ Ладогѣ и въ настоящее время.

[3]) Въ Русѣ, Ладогѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ существовали значительныя торжища и особое мѣстное купечество, хотя и не въ смыслѣ лицъ обладавшихъ какими либо особыми правами, такъ какъ въ Новгородѣ торговля была занятіемъ доступнымъ для всѣхъ (Н. Костомаровъ: Сѣв.-русск. народоправства, т. II, гл. VII и VIII).

[4]) Потомки древнихъ бояръ—болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, какъ первенствовавшаго мѣстнаго сословія, существовавшаго во всѣхъ краяхъ Новгородской земли; были напр. бояре

ополченія, жили на отведенныхъ имъ земельныхъ участкахъ въ окрестностяхъ Ладоги [1]), о чемъ свидѣтельствуетъ та-же переписная книга, въ которой, между прочимъ, показаны—«Въ Городенскомъ погостѣ великого князя волости за бояры и за дѣтьми боярскими и за служилыми людьми въ помѣстьѣ», равно какъ и въ сосѣднемъ погостѣ Ильинскомъ [2]), но извѣстная часть того-же служилаго контингента, вѣроятно, находилась и въ самомъ городѣ. Впрочемъ, постоянное число тѣхъ и другихъ собственно въ городѣ, во всякомъ случаѣ, не могло быть значительнымъ [3]).

Еще позже въ составѣ населенія Ладоги, или вѣрнѣе слободъ ея, встрѣчается классъ ямщиковъ, а въ военно-служиломъ элементѣ обособляются стрѣльцы, казаки и пушкари.

Учрежденіе ямовъ и «ямскихъ охотниковъ», появляющееся вообще въ началѣ XVI стол. (1504 г.), выслѣживается въ Ладогѣ не ранѣе 1591 года, гдѣ

Ладожскіе, Новоторжскіе и др. (Н. Костомаровъ: Сѣв.-русск. народопр., т. II, гл. VII). Слѣды ихъ встрѣчаются и въ переписной книгѣ 1500 г., въ которой напр. упоминаются три «боярщинки», составлявшія волостку въ Теребужскомъ погостѣ въ 10 деревень. (Временникъ Общ. ист. и древн., кн. XI).

[1]) Боярскія дѣти, за право пользованія землею, были обязаны являться на службу вполнѣ вооруженными, съ нѣсколькими вооруженными своими челядинцами.

[2]) Временникъ Общ. ист. и древн., кн. XI.

Въ 1657 г. велѣно было привести въ извѣстность путемъ распросовъ: «кого имянно новгородцовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ помѣстныя и вотчинныя усадьбы отъ тѣхъ-же городовъ (Олонца и Ладоги) неподалеку», по поводу чего были, между прочимъ, доставлены въ Москву въ Приказъ тайныхъ дѣлъ слѣдующія свѣдѣнія:

«Сказки дворянъ Богдана Нелединского да Ильи Колюбакина, которые живутъ близко Ладоги, а подошла же Вотская да Обонежская пятина, а въ тѣхъ пятинахъ усадьбы къ Ладогѣ подошли близко:

Въ Обонежской пятинѣ (т. е. на правомъ берегу Волхова)—Илья Колюбакинъ съ дѣтьми, живетъ отъ Ладоги въ полуверстѣ. Ѳотѣй Есиповъ, да Кичай Безстужевъ съ дѣтьми, да Иванъ Безстужевъ въ верстѣ. Василей Есиповъ въ полуторѣ верстѣ. Василій да Ѳедоръ Обернибесовы въ двухъ верстахъ. Ѳома Неплюевъ да Григорьевы дѣти Уварова въ трехъ верстахъ. Григорей Есиповъ въ четырехъ верстахъ. Василей Бѣлохрѣсной, Любимъ да Елизарей Байдины въ семи верстахъ. Степанъ Есиповъ въ девяти верстахъ. Ѳедоръ Неплюевъ да Ѳедоръ да Ѳома Апрѣлевы въ 15 верстахъ.

Вотскіе пятины (т. е на лѣвомъ берегу Волхова)—Иванъ Романовъ сынъ Кушелевъ въ одной верстѣ. Василей да Тимоѳей Желтухины, Иванъ Уваровъ въ трехъ верстахъ. Петръ Резанцовъ въ семи верстахъ. Вдова Ждановская жена Сабарова (Сабурова?) въ 10 верстахъ. Романъ да Ѳѳонасей Сабуровы въ 13 верстахъ. Вдова Микитина жена Секѣрина въ 13 верстахъ. . . . . (слѣдуетъ подобное-же перечисленіе около Олонца и Тихвина). А больше того дворянъ и дѣтей боярскихъ тамошнихъ помѣщиковъ, которые живутъ близко Ладоги и Тихвина монастыря, распросить некого». (Московск. арх. Мин. Юст.: Столбцы Новгородск. стола, св. 8009).

[3]) Напр. около 1628 г. ихъ показано въ самой Ладогѣ 16 и 17 человѣкъ.

изъ ямщиковъ составилась особая корпоративная слобода (см. стр. 31). Во время смутъ начала XVII ст. корпорація ладожскихъ ямщиковъ, какъ видно, совершенно распалась и была вновь организована не ранѣе 1618 года, въ которомъ встрѣчаются распоряженія, что—«велѣно на тѣхъ ямѣхъ (Крестецкомъ, Вышневолоцкомъ и др.) и въ Ладогѣ устроить охотниковъ, какъ тѣ ямы строили напередъ сего до нѣмецкого разоренья», почему у «устройщика» ихъ Аѳ. Ежевскаго была вытребована роспись — «сколько прибрано охотниковъ и дворовъ поставлено и хлѣба у охотниковъ сѣяно и сколько на которомъ яму охотниковъ и хоромъ поставлено» [1]). Изъ другихъ распоряженій по тому-же поводу усматривается также, что ямщики не были вольны покидать свою профессію по собственному желанію, по крайней мѣрѣ встрѣчаются указанія такого рода, что «которые охотники Хрестецкаго и Ѣдровскаго и Вышневолоцкаго яму разбѣжались и тѣмъ охотникомъ присланы поручныя записи, а велѣно по тѣмъ поручнымъ записямъ тѣхъ бѣглыхъ охотниковъ сыскати поручикомъ, а сыскавъ велѣно жити на ямѣ по прежнему» [2]). Тѣмъ не менѣе, въ 1638 г. между ладожскими ямщиками встрѣчаются уже «отставные охотники», которыхъ по челобитью ихъ сотоварищей велѣно было «перевести жить изъ Ямскіе слободы на посадъ и ямскою землею тѣмъ отставнымъ охотникамъ владѣть не велѣно», но по встрѣчному челобитью послѣднихъ это распоряженіе было отмѣнено, хотя, какъ видно, подъ условіемъ возобновленія участія ихъ въ гоньбѣ по прежнему [3]). Что касается раіона послѣдней, то, какъ показываютъ Загонныя книги 1650—1651 г., на обязанности ладожскихъ ямщиковъ лежалъ гонъ «отъ Ладоги до Новгорода и до свейскаго рубежа до Лавуи рѣки и до Пашского яму», за

---

[1]) Документы Новгор. Губернск. правленія въ Археогр. Комиссіи (Книга разнымъ грамотамъ и пр. съ 135 по 139 годъ, л. 5). Какъ кажется, однако, возобновленіе Ладожскаго яма не было еще окончено и въ 1621 году, потому что въ послѣднемъ писали, что—«со Пшаского яму велѣно охотниковъ перевести въ Ладогу и устроити въ Ладогѣ осьми человѣкъ, или по самую нужду шти человѣкъ. А будутъ новгородскіе охотники учнутъ бити челомъ, что въ Псковъ гоняти далече и Пшаского яму для ихъ легости сводити не велѣно....., а велѣно въ Ладогу изъ новгородскихъ охотниковъ перевести въ тожъ число». (Тамъ же л. 16).

[2]) Документы Новгор. Губернск. Правленія въ Археогр. Ком. (Книга разнымъ грамотамъ и пр. съ 135 по 169 г., л. 5).

[3]) Тамъ-же, л. 103: «И подъ выпискою боярскій приговоръ, велѣно отставнымъ всѣхъ ямовъ охотникомъ жити по прежнему на тѣхъ-же ямѣхъ въ старыхъ своихъ дворѣхъ до государева указу, а ямскою землею велѣно владѣть кто на чемъ жилъ и ямскую гоньбу гонять велѣно со старыми охотники вмѣстѣ, а государево жалованье велѣно имъ имати съ старыми-жъ охотники вмѣстѣ со 147 году, а верстаться имъ велѣно государевымъ жалованьемъ и пашнею и сѣнными покосы противъ ихъ гонныхъ вытей межъ себя самимъ. И по приговоромъ отписка въ Ладогу къ воеводѣ къ Никитѣ Сумарокову, велѣно старымъ и новымъ охотникомъ гоняти вмѣстѣ по прежнему».

что имъ казною уплачивались прогонныя деньги [1]), причемъ обязанность эта, какъ видно, была не изъ легкихъ, такъ какъ уже въ 1638 г. право взиманія ямскихъ подводъ подверглось значительнымъ ограниченіямъ [2]).

Составъ военно-служилаго элемента въ Ладогѣ становится болѣе яснымъ не ранѣе XVI—XVII стол., когда представителями его здѣсь являются сословія стрѣльцовъ и казаковъ, а также упоминаются солдаты, пушкари и воротники.

Начало организаціи постояннаго войска стрѣльцовъ вообще ведется съ XVI вѣка, и такъ какъ въ Ладогѣ уже въ 1599 г. проживали отставные стрѣльцы, насчитывавшіе до 40—50 лѣтъ своей службы, то слѣдовательно они были поселены здѣсь съ самого начала своей организаціи, образовавъ особую корпоративную слободу (см. стр. 33). Относительно поселенія въ Ладогѣ пѣшихъ и конныхъ казаковъ имѣющіяся свѣдѣнія не восходятъ ранѣе начала XVII ст., причемъ казаки эти жили также особою слободою (см. стр. 34), подъ начальствомъ своихъ атамановъ [3]). Точно также въ XVI в. жили и пушкари въ своей Пушкарской слободѣ, хотя число ихъ было весьма ограничено; къ нимъ примыкаютъ воротники, также числившіеся въ древности при нарядѣ (артиллеріи), что же касается солдатъ, то хотя въ старинныхъ документахъ и попадаются указанія на прежніе собственные солдатскіе дворы [4]), но положеніе этого разряда военно-служилыхъ людей въ составѣ ладожскаго населенія имѣло, повидимому, характеръ лишь военно-постойный [5]).

---

[1]) Тамъ-же, л. 20, 235 и др. Ямы эти находились одинъ на р. Пашѣ (Притокъ Свири), другой на р. Лавѣ—впадающей въ Ладожское озеро западнѣе Волхова.

[2]) «Велѣно изъ городовъ воеводамъ всякимъ приказнымъ людемъ писать и отписки ко государю къ Москвѣ присылать съ ненарочными гонцы о невеликихъ дѣлѣхъ, изжидая изъ иныхъ городовъ гонцовъ, а подводъ имъ велѣно давать лѣтомъ по одной подводѣ съ телѣгою, а зимою съ саньми, а для государевыхъ великихъ скорыхъ дѣлъ велѣно давать гонцомъ по подводѣ съ проводникомъ, а зимою по одной-же подводѣ съ саньми; а посадскимъ людемъ и цѣловальникомъ и инымъ никакимъ неслужилымъ людемъ подводъ давать не велѣно, чтобъ государевы казны въ прогонехъ большіе убыли не было, а охотникамъ лишніе ямскіе гоньбы» (Тамъ же, л. 112).

[3]) Таковыми напр. упоминаются въ 1649 г. Стаднековъ, въ 1685 Ростигаевъ и Лосовиковъ, въ 1697 Сноповской и Гостюхинъ.

[4]) Какъ напр. въ 1726 г. (см. стр. 32, вын. 2),

[5]) Такъ въ 1658 г. изъ Приказа тайныхъ дѣлъ былъ командированъ въ Новгородскій и Ладожскій уѣзды (между прочимъ, и въ самую Ладогу) нѣкто Малово, для провѣрки наличности размѣщенныхъ тамъ солдатъ, такъ какъ вѣдомо учинилось, что солдатского строю начальные люди въ Ладогѣ и на Лавуѣ и....., солдатъ которые сбираны съ Новгородского уѣзду и отсыланы къ нимъ начальнымъ людямъ для ученья, отпускаютъ за взятки въ отпускъ на разное время и объ ученьи ихъ не радѣютъ.

Обстоятельство это вызвало весьма суровыя мѣры: Малово велѣно было взять въ Новгородѣ именные списки и свѣрить наличность людей въ указанныхъ пунктахъ, а затѣмъ, если гдѣ окажется недочетъ и обнаружится что люди уволены въ отпускъ, то тѣхъ начальныхъ людей

Участіе военнаго сословія въ общей жизни ладожскаго населенія выражалось двояко: какъ элемента служебнаго и какъ общеобывательскаго. — «Для остереганія, или обереганія города»,—писалъ Кошихинъ въ XVII вѣкѣ [1]),—«въ большихъ городѣхъ устроены стрѣльцы и казаки вѣчнымъ житьемъ, пушкари и защитники и воротники, а въ иныхъ мѣстахъ солдаты, и бываютъ около казны и по городу и у воротъ на сторожѣ и посылаютъ во всякія посылки; а въ иныхъ не въ порубежныхъ городѣхъ для обереганія города устроены только одни пушкари и затинщики»; въ частности для Ладоги можно прибавить, что независимо отъ городской караульной службы [2]), на стрѣльцахъ, казакахъ и пушкаряхъ лежала обязанность содержанія еще отдѣльныхъ небольшихъ постовъ, въ нѣсколькихъ порубежныхъ и заставныхъ пунктахъ, по сосѣдству съ Ладогой [3]). Внѣ этихъ прямыхъ своихъ обязанностей, военное сословіе (исключая развѣ солдатъ) являлось элементомъ, не отличавшимся по роду своихъ занятій отъ прочихъ обывателей; занимались ремеслами, торговали въ лавкахъ, держали мельницы и проч., такъ что представляли вполнѣ классъ промышленниковъ, работавшихъ даже въ ущербъ торговымъ интересамъ настоящихъ посадскихъ людей, которые напр. въ 1652 г. жаловались, что—«у насъ сиротъ твоихъ въ Ладогѣ анбаровъ и лавокъ въ ряду нѣтъ, а сидятъ въ Ладогѣ въ ряду въ лавкахъ и въ анбарахъ по посадамъ и въ Стрѣлецкой слободѣ торгуютъ все стрѣльцы и казаки и пушкари, а мы сироты твои посадскіе людишки отъ того обнищали и одолжали великими долги» [4]).

Весьма любопытенъ въ данномъ случаѣ вопросъ объ общей численности населенія древней Ладоги, но для рѣшенія его за періодъ болѣе отдаленный, не имѣется еще никакихъ данныхъ и существующія извѣстія начи-

---

за ихъ воровство бить кнутомъ на козлѣ и въ проводку безо всякія пощады; затѣмъ розыскавъ отпускныхъ бить ихъ также кнутомъ, но данныя ими взятки возвращать въ двойномъ размѣрѣ, взыскавъ таковыя съ начальныхъ же людей (Дополн. акт. ист., т. IV, № 147).

[1]) О Росссіи въ царствов. Алексѣя Михайловича, гл. VIII.

[2]) Напр. въ 1665—67 г.—«Въ каменномъ городѣ у городовыхъ воротъ и великого государя зелейной и свинцовой казны стоятъ на караулѣ безпрестанно стрѣльцовъ и казаковъ по 6 человѣкъ, да въ деревянномъ городѣ у городовыхъ воротъ по 4 человѣка, а перемѣняются они поденно въ сутки» (см. прилож. XII).

[3]) Такъ въ 1665—67 г. «По указу великого государя стоятъ на заставѣ на нѣмецкомъ рубежѣ въ Лавуйскомъ острожкѣ и по нѣмецкому рубежу отъ Ладоги за 40 верстъ съ заставнымъ головою безпрестанно по 20 человѣкъ, да изъ пушкарей въ Лавуйскомъ острожкѣ у наряду по 2 человѣка, а перемѣняются они въ двѣ недѣли. Да на заставѣ-жъ съ заставнымъ головою на Волховскомъ устьѣ отъ Ладоги за 15 верстъ, да на Сяскомъ устьѣ отъ Ладоги за 20 верстъ изъ тѣхъ-же стрѣльцовъ и изъ казаковъ стоятъ безпрестанно по 5 человѣкъ, а перемѣняются они въ три недѣли» (см. прилож. XII).

[4]) См. прилож. IV.

наются не ранѣе конца XV вѣка. Но и эти извѣстія освѣщаютъ вопросъ лишь приблизительно, такъ какъ касаются единственно тяглаго населенія самаго посада, не сообщая ничего даже о численности военно-служилаго элемента населенія, болѣе ясныя свѣдѣнія о которомъ начинаются только съ XVII стол.

Первое указаніе о размѣрѣ этого тяглаго населенія даетъ переписная окладная книга 1500 г., въ которой «по старому письму»,—слѣдовательно еще до ея составленія, насчитывается всего «лутчихъ людей и середнихъ и молодыхъ и съ поземщики и съ тѣми что на монастырскихъ мѣстѣхъ и на церковныхъ—174 человѣка» мужескаго пола, а по «письму новому» (1500 г.)—значительно менѣе, именно лишь 137 человѣкъ [1]). Любопытно при этомъ, что наиболѣе зажиточная и вліятельная часть исчисленнаго населенія, «люди лутчіе и середніе», въ числѣ 33 человѣкъ, показаны обывателями исключительно Богородицкаго конца посада, тогда какъ «люди молодые» (въ числѣ ихъ поименованы нѣсколько ремесленниковъ) показаны живущими въ разныхъ концахъ.

Сколько могло быть въ Ладогѣ въ этотъ періодъ людей военно-служилыхъ, сказать трудно, но если въ первой половинѣ XVII стол. таковыхъ насчитывалось здѣсь около 200, то едва-ли число ихъ могло быть болѣе и въ упомянутое время, почему на него можно смотрѣть какъ на максимальное. Но и въ такомъ случаѣ цифра населенія самой Ладоги, въ тѣсномъ смыслѣ, въ которой посадскіе и военно-служилые люди составляли, конечно, главную часть въ численномъ отношеніи, представляется въ концѣ XV вѣка довольно скромной, что впрочемъ согласуется, во-первыхъ, съ характеромъ городскаго населенія древнѣйшей Руси, которое вообще не могло быть значительнымъ (особенно въ такихъ пунктахъ какъ новгородскіе пригороды), а во-вторыхъ, весьма вѣроятно, что въ цифрѣ населенія чувствительно должны были отразиться и такія народныя бѣдствія, какъ страшный моръ 1352 г. (Черная смерть), или моровое повѣтріе, опустошавшее Новгородъ и Ладогу въ началѣ XV столѣтія, и др.

Конецъ XVI и начало XVII в. также тяжко отозвались на населеніи Ладоги, по причинѣ непріятельскихъ вторженій и политическихъ смутъ, почти безпрерывно опустошавшихъ край въ теченіи всего этого періода (см. военныя дѣйствія подъ Ладогой) и повидимому доводившихъ послѣднюю временно до полнаго запустѣнія; такъ напр. въ 1614 г. захваченные непріятельскіе плѣнники показывали, что—«русскихъ людей въ Ладогѣ нѣтъ никого» [2]), а въ

---

[1]) См. прилож. I.

[2]) Акты Московск. государства, т. I, стр. 116.

1652 г. посадскіе люди ея писали въ своей челобитной, что—«въ прошлыхъ, государь годѣхъ послѣ нѣмецкого разоренья и мирнаго договору, собралося насъ сиротъ твоихъ посадскихъ тяглыхъ людишекъ съ разныхъ городовъ на твое государево имя въ твою государеву отчину въ городъ Ладогу 49 семей» [1]) и т. д. Вообще съ этихъ поръ число посадскихъ людей въ теченіи всего XVII столѣтія, т. е. почти до конца существованія Ладоги какъ города, значительно уже не повышалось; такъ, въ 1628 г. ихъ показано всего 33 человѣка, а въ 1646-мъ — 68 [2]); въ 1652 г., въ вышеупомянутой челобитной ладожанъ говорится, что—«тѣ старинные посадскіе тяглые люди многіе померли, а иные разбрелися врознь, а насъ бѣдныхъ достальныхъ посадскихъ людишекъ осталося въ тяглѣ всего 23 человѣка по нынѣшней по 160 годъ»; къ 1655 году число ихъ опять достигаетъ 58-ми, въ 1682-мъ показано 60, въ 1692, 1693 и 1697-мъ—49, 41 и 79 и наконецъ въ 1698-мъ—83 человѣка [3]).

Цифры эти могутъ быть, впрочемъ, нѣсколько увеличены еще родней посадскихъ людей, именно ихъ «братьями, дѣтьми и племянниками», упоминаемыми въ подобныхъ-же свѣдѣніяхъ за нѣкоторые годы, но численность таковыхъ прибавляетъ немного; напр. въ 1670 г. посадскихъ людей съ братьями и дѣтьми значится 50 человѣкъ, въ 1678-мъ — тѣхъ-же посадскихъ 60, дѣтей ихъ, братьевъ и племянниковъ—26 [4]), а въ 1682-мъ этой-же родни показано 13 человѣкъ. Наконецъ, къ составу посадскихъ людей должно присоединить еще такъ называвшихся ихъ «подсосѣдниковъ, бобылей и захребетниковъ», число которыхъ съ 1646 по 1698 г. указывается отъ 5—10 человѣкъ.

Любопытно замѣтить вообще, что контингентъ посадскихъ людей въ разные, даже не очень удаленные другъ отъ друга промежутки времени, представляется весьма измѣнчивымъ и по отношенію своего личнаго состава, ибо напр. изъ числа 68 лицъ, исчисленныхъ въ перечнѣ посадскихъ людей 1646 г., повторяются въ подобномъ-же перечнѣ 1678 г. всего лишь около 13 тѣхъ-же самыхъ фамилій [5]).

Что касается населенія слободского, то въ немъ элементъ неслужилый представляется только сословіемъ ямскихъ охотниковъ, заключавшимъ въ себѣ отъ 20—30 человѣкъ: напр. въ 1655 г. ихъ означено 20, въ 1665—67-мъ—27, въ

---

[1]) См. прилож. IV.

[2]) См. прилож. VIII и II.

[3]) См. прилож. IX и XIV; также Моск. арх. Мин. Юст. (Дѣла Моск. стола 1682 г., кн. 126, л. 430) и журналъ Мин. Внутр. дѣлъ 1838 г., ч. 29 (Смѣтная опись Новугороду).

[4]) Московск. арх. Мин. Юст.: Столбцы Новгор. стола, св. 8024. Дополн. актовъ историч. IX, № 306.

[5]) См. прилож. II и III.

1692-мъ—13 и ямщиковъ отставныхъ 17 и въ 1698-мъ—всего съ отставными 28 человѣкъ [1]).

Остается еще упомянуть, что во второй половинѣ XVII столѣтія въ составѣ посадскаго населенія Ладоги появляются еще «зарубежные выходцы», которые какъ видно привлекались даже правительственными поощреніями, ибо напр. въ свѣдѣніяхъ 1668 г. показаны въ Ладогѣ, между прочимъ, и такіе изъ нихъ (числомъ 30)—«которые порядились въ посадъ и взяли государево жалованье, а нынѣ живутъ за монастыри и за помѣщики», или въ 1665—67—«зарубежскіе выходцы (4 семьи), которые рядились въ прошлыхъ во 167 и во 168 годѣхъ и имали великого государя жалованье по рублю денегъ да по четверти ржи на семью и въ Ладогѣ нынѣ не живутъ и дворовъ себѣ не строятъ, а живутъ въ бѣгахъ своимъ самовольствомъ» [2]). Кромѣ таковыхъ, число выходцевъ, дѣйствительно водворившихся въ Ладогѣ, насчитывалось въ 1668 и 1670 г. по 17 человѣкъ, въ 1669—«зарубежскихъ выходцовъ орѣшковцовъ и орѣшковскаго уѣзду, которые живутъ въ посадѣ—23 [3]) и въ 1665—67 годахъ—27 человѣкъ [4]).

Гораздо болѣе существенную по численности и, можно даже сказать, устойчивую часть населенія, представляетъ въ XVII ст. сословіе военно-служилое, состоявшее главнымъ образомъ изъ стрѣльцовъ и казаковъ. Число первыхъ за періодъ съ 1628—1698 г. остается почти неизмѣннымъ, именно 100 человѣкъ, кромѣ ихъ родни «дѣтей, братьевъ и племянниковъ», которыхъ наиболѣе показано въ 1682 г., именно 76 человѣкъ [5]). Почти такова-же и численность казаковъ (отъ 81—124), исключая 1665—68 г., въ теченіи которыхъ ихъ считалось лишь около 50, причемъ наибольшее количество упомянутой выше родни ихъ значится 84 человѣка (1682 г.). Наконецъ, въ исходѣ XVII вѣка (1698 г.) показано еще 100 солдатъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ стрѣльцовъ не значится вовсе [6]).

Что касается пушкарей и воротниковъ, принадлежавшихъ къ тому-же служилому сословію, то число ихъ было весьма невелико: первыхъ за весь періодъ

---

[1]) См. прилож. IX, XII и XIV. Журн. Минист. Внутр. дѣлъ 1838 г., ч. 29 (Смѣтная опись Новугороду и пр.).

[2]) См. прилож. X и XII.

[3]) Моск. арх. Мин. Юст.: Столбцы Новгородск. стола, св. 8024.

[4]) См. прилож. XII.

[5]) См. прилож. VII, VIII, XI, XII и XIV. Также Моск. арх. Мин. Юст.: Дѣла Московск. стола 1682 г., кн. 126, л. 430.

[6]) Журн. Мин. Внутр. дѣлъ 1838 г., ч. 29 (Смѣтная опись Новугороду и Новгородск. пригородамъ).

1628—1698 г. неизмѣнно оставалось по 6 человѣкъ, послѣдніе же показаны только въ нѣкоторыхъ годахъ и всего лишь по двое.

Такимъ образомъ, въ общей сложности военно-служилый элементъ является главной и постоянной частью населенія Ладоги, хотя, какъ исключенія, могутъ быть указаны и примѣры даже полнаго временнаго его отсутствія. Такъ напр. въ свѣдѣніяхъ 1655 г. значится, что ладожскій голова стрѣлецкій и казачій, у котораго 81 человѣкъ казаковъ,—«нынѣ на государевѣ службѣ въ Витебскѣ и съ козаки» [1]), вѣроятно въ связи съ чѣмъ тамъ перечисляются вооруженные люди другихъ не служилыхъ классовъ:—«посадскихъ людей 58 человѣкъ съ самопалы и съ топоры и съ копьи, да Ладожскаго яму охотниковъ 20 человѣкъ съ топоры и съ копьемъ»; въ 1656 г. ладожскій воевода Бухвостовъ доносилъ, что ему велѣно было отдать стольнику Потемкину 100 стрѣльцовъ и 100 казаковъ, послѣдній же забралъ даже посадскихъ людей (вѣроятно вооруженныхъ), новоприбранныхъ изъ стрѣлецкихъ дѣтей 30 стрѣльцовъ и пушкарей, такъ что «въ Ладогѣ служилыхъ и жилецкихъ людей не осталось ни единаго человѣка и карауловъ ни въ одномъ городѣ (т. е. въ каменной и деревянной крѣпостяхъ) нѣтъ и караулить некому, чтобы въ городѣ Ладогѣ отъ свейскихъ людей никакой порухи не учинилось» [2]).

Можно прибавить, что примѣры подобнаго привлеченія неслужилыхъ классовъ населенія въ ряды сословія военнаго встрѣчаются и въ другихъ годахъ; напр. въ 1665—67 показаны въ числѣ посадскихъ людей съ братьями и племянниками «7 человѣкъ съ ружьемъ съ самопалы и съ сабли, 24 человѣка съ самопалы, а 17 человѣкъ съ копьи а иные съ топоры, да Ладожскаго яму охотниковъ 27 человѣкъ съ боемъ съ топоры, да подсосѣдниковъ и бобылей Ладожскаго-же яму 5 человѣкъ съ топоры-же», или въ 1692, 1693 г., когда весь наличный контингентъ посадскихъ людей (49 человѣкъ) перечисленъ съ оружіемъ: одни съ пищалями и саблями, другіе съ бердышами, копьями и топорками [3]).

Примѣрами состава и приблизительной численности населенія Ладоги въ XVII ст. могутъ служить нѣсколько слѣдующихъ выдержекъ изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ современными документами [4]).

---

[1]) См. прилож. IX.

[2]) Московск. арх. Мин. Юст.: Столбцы Новгородск. стола, св. 7857.

[3]) См. прилож. XII и XIV.

[4]) См. прилож. VII—XII и XIV. Также Моск. арх. Мин. Юст.: Дѣла Разрядн., вязка I, № 12, л. 3; Журн. Мин. Внутр. дѣлъ 1838 г., ч. 29 (Смѣтная опись Новугороду и пр.).

	Нѣсколько ранѣе 1628 г.	1628 г.	1655 г.	1665—1667 г.	1668 г.	1669 г.	1670 г.	1692 г.	1693 г.	1697 г.	1698 г.
Боярскихъ дѣтей	17	16	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Стрѣльцовъ	100	100	100	100	100 (б)	100	100	100 (о)	100 (п)	100 (т)	—
Казаковъ	124	105	82	52 (к)	50 (в)	52 (ж)	52	101 (м)	102 (н)	101 (у)	99 (х)
Солдатъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100 (ч)
Пушкарей	6	6	6	6	6	6	6	6 (л)	6 (л)	6	6 (ц)
Воротниковъ	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Посадскихъ людей	40	33	58	48 (и)	37 (а)	46	50 (з)	49	41	79	83
Ямщиковъ	—	—	20	27	24 (г)	26	26	16 (р)	18 (с)	28 (ф)	28 (ш)
Отставныхъ ямщиковъ	—	—	—	—	—	—	—	17	14	—	—
Ямскихъ дѣтей и бобылей	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12
Ямскихъ бобылей и пришлыхъ людей	—	—	—	—	—	—	—	9	8	—	—
Подсосѣдниковъ, бобылей и захребетниковъ	—	—	—	5	6	5	5	—	—	—	—
Бобылей Застѣннаго монастыря	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6
Зарубежныхъ выходцевъ	—	—	—	27	17 (д)	23	17	—	—	—	—
Всего [1])	289	262	266	260	230	258	256	298	289	314	334

Слѣдуетъ однако замѣтить, что общій подсчетъ населенія, выводимый изъ приведенныхъ цифръ, разнится, иногда даже значительно, отъ таковыхъ-же итоговъ, показанныхъ непосредственно въ самыхъ документахъ за тѣ-же годы (исключая свѣдѣній до 1628 г.). Такъ, въ семи годахъ общая численность населенія въ документахъ приведена слѣдующая: въ 1628—336 человѣкъ, въ 1665—67 г.—277, въ 1668 г.—271, въ 1692 г.—383, въ 1693 г.—369, въ 1697 г.—407 и въ 1698 г.—446 (т. е. отъ 17 до 112 человѣкъ болѣе), а въ 1669 г.—162 и въ 1670 г.—156 (т. е. на 100, приблизительно, человѣкъ менѣе).

Но какъ бы то ни было, въ обоихъ случаяхъ итоги населенія собственно самой Ладоги за XVII ст., также не представляются болѣе или менѣе значительными.

Вообще, или по крайней мѣрѣ въ періодъ XV—XVII в., за который имѣются хотя отрывочныя свѣдѣнія въ указываемомъ отношеніи, значеніе Ладоги видимо лежало не въ количествѣ ея постоянныхъ обывателей, а въ роли ея, какъ административнаго центра, къ которому тянуло окрестное насе-

[1]) Кромѣ того: а) 14 дѣтей, братьи и племянниковъ; б) 7 дѣтей и племянниковъ; в) 3 дѣтей; г) 2 дѣтей; д) 6 дѣтей, братьевъ и племянниковъ; ж) 4 дѣтей; з) Съ братьями и дѣтьми; и) Съ дѣтьми, братьями и племянниками; к) 10 дѣтей и племянниковъ; л) 2 дѣтей; м) 38 дѣтей; н) 35 дѣтей; о) 23 дѣтей; п) 24 дѣтей; р) 17 отставныхъ и 14 дѣтей; с) 14 отставныхъ и 12 дѣтей; т) 26 дѣтей; у) 33 дѣтей; ф) Съ отставными; х) 23 дѣтей; ц) 1 сынъ; ч) 74 дѣтей; ш) Съ отставными и ихъ дѣтьми.

леніе. Возможно даже, что къ Ладожскому посаду были приписаны цѣлыя деревни, составлявшія съ нею одно административное цѣлое, подобно тому, какъ это бывало въ посадахъ другихъ городовъ, а также что въ составѣ посадскаго населенія могли быть и пашенные крестьяне [1]), но для сужденія объ этомъ въ частности по отношенію къ Ладогѣ данныхъ никакихъ еще не имѣется.

Управленіе. Какъ въ административномъ центрѣ тянувшей къ нему волости, въ Ладогѣ сосредоточивалось мѣстное управленіе, представляющее три періода: посадниковъ, намѣстниковъ и воеводъ.

Первоначальное управленіе было въ духѣ новгородскихъ порядковъ, существовавшихъ въ самомъ Новгородѣ въ эпоху его самостоятельности, въ которомъ, какъ извѣстно, кромѣ князя, главными административными распорядителями въ военно-финансовомъ отношеніи были посадники, упоминаемые лѣтописями уже съ X столѣтія. Точно также они находились и въ новгородскихъ пригородахъ, въ томъ числѣ и въ Ладогѣ, но здѣсь извѣстія о нихъ встрѣчаются не ранѣе XII вѣка. Первое лѣтописное указаніе, сюда относящееся, связано съ сооруженіемъ въ Ладогѣ каменной крѣпости, когда въ 1114 или 1116 году—«Павелъ посадникъ заложи Ладогу городъ камянъ», причемъ въ нѣкоторыхъ спискахъ показано, что онъ былъ посадникомъ именно въ послѣдней [2]); это-же подтверждаетъ Несторъ и въ другомъ случаѣ, такъ какъ передавая о бытности своей въ Ладогѣ, ссылается на него-же, какъ на свидѣтеля, говоря,—что «сему же ми есть послухъ посадникъ Павелъ ладожскый и вси ладожаны» [3]); о Павлѣ еще извѣстно, что сынъ его Иванко Павловиць посадничалъ въ Новгородѣ и въ 1134 г. былъ убитъ въ сраженіи съ суздальцами [4]). Вторымъ посадникомъ въ Ладогѣ лѣтопись называетъ Рагуила, назначеннаго въ 1132 г., а слѣдующимъ въ 1164 г.—Нежату, бывшаго ранѣе посадникомъ въ Новгородѣ, но смѣненнаго въ 1161-мъ [5]). При Нежатѣ Ладога подверглась нападенію шведовъ, спасаясь отъ которыхъ ладожане заперлись въ своей крѣпости и отсиживались въ ней до прибытія помощи изъ Новгорода [6]). Въ 1228 г. посадникомъ въ Ладогѣ упоминается Володиславъ, по поводу истребленія имъ отряда финскаго племени

---

[1]) В. Сергѣевичъ: Русск. юридич. древности, т. I, 283.

[2]) Новгородск. лѣтопись по Синодальн. сп., 1886 г. Тверская лѣтоп. (Полн. собр. русск. лѣт., т. XV).

[3]) Лѣтопись по Ипат сп., 1871 г., 199.

[4]) Д. Прозоровскій: Розысканія о новгородск. посадникахъ (Вѣстникъ археологіи и исторіи, 1892 г. вып. IX, 102).

[5]) Тверск. лѣтоп. (Полное собр. русск. лѣт., т. XV). Новгородск. I лѣт. (Тамъ же, т. III).

[6]) Новгородск. лѣтоп. по Синод. сп., 1886 г.

Еми, сдѣлавшаго набѣгъ на прибрежья Ладожскаго озера, а передъ 1257—Михаилъ Ѳедоровичъ, назначенный въ этомъ году въ Новгородъ [1]). По случаю такого-же перемѣщенія въ послѣдній, называется въ 1280 г. посадникомъ въ Ладогѣ Семенъ Михайловичъ [2]), считающійся сыномъ вышеупомянутаго [3]) и наконецъ въ 1291 г.—Матѳей Семеновичъ [4]).

Такимъ образомъ, въ Ладогѣ, почти за 200-лѣтній періодъ, извѣстны имена всего лишь семи посадниковъ, и болѣе указаній о нихъ не встрѣчается.

Неизвѣстно были-ли въ числѣ ихъ выборные самими ладожанами, но изъ словъ лѣтописи можно заключить, что нѣкоторые (какъ напр. Рагуилъ и Матѳей) были назначены непосредственно новгородцами; кромѣ того, иниціатива Новгорода въ дѣлѣ назначенія и увольненія посадниковъ видна и въ упомянутыхъ обратныхъ перемѣщеніяхъ посадниковъ изъ Ладоги въ Новгородъ, такъ что, быть можетъ, и всѣ они были назначаемы именно послѣднимъ, какъ главою надъ своими пригородами. Извѣстно напр., что въ половинѣ XIV ст. Псковъ имѣлъ право управляться уже самобытно, что и выражено въ томъ, что Новгородъ не назначалъ туда своихъ посадниковъ, не звалъ къ себѣ на верховный судъ и проч., изъ чего слѣдуетъ, что въ Ладогѣ и другихъ пригородахъ дѣло, должно быть, обстояло иначе [5]).

Любопытенъ вопросъ, существовалъ-ли также въ древней Ладогѣ другой элементъ общиннаго новгородскаго начала — свое самостоятельное народное собраніе, или мірской сходъ—Вѣче?

Прямыхъ указаній на это не имѣется; напротивъ того, одно мѣсто лѣтописи, передающей подъ 1176 г., что—«Новгородци бо изначала и смолняне и кыяне и полочане и вси власти, якоже на думу на вѣча сходятся; на что старѣйшии сдумаютъ, на томъ же пригороди станутъ» [6]), давало поводъ къ заключенію противуположному, что пригороды по всѣмъ дѣламъ, касавшимся общаго устройства, должны были слѣдовать опредѣленію городовъ старѣйшихъ [7]), но мнѣніе это не согласуется съ цѣлымъ рядомъ другихъ указаній косвенныхъ и нѣкоторые изслѣдователи признаютъ несомнѣннымъ существованіе вѣчъ также во всѣхъ городахъ второстепенныхъ (пригородахъ) [8]). Послѣдніе, независимо отъ

[1]) Новг. лѣт. по Синод. сп., 1886 г.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Д. Прозоровскій: Розысканія о новгор. посадникахъ, 110.

[4]) Карамзинъ: Ист. Гос. Рос., т. IV, прим. 182 (изд. 1818 г.).

[5]) Н. Костомаровъ: Сѣв.-русск. народоправства, т. II, гл. 7.

[6]) Лѣтопись по Лаврент. сп., 1872 г., стр. 358.

[7]) Л. Плошинскій: Городское состояніе русск. народа, стр. 8.

[8]) Н. Костомаровъ: Историч. монографіи и изслѣдованія, т. I., 373, 383; его же: Сѣв.-русск. народопр., т II, гл. 7 В. Сергѣевичъ: Русск. юридич. древности, т. II, гл. 1 и 3.

своихъ особыхъ вѣчевыхъ собраній, нерѣдко принимали участіе и въ вѣчахъ старшихъ городовъ, по ихъ приглашенію, какъ было напр. въ 1136 г., когда новгородцы призвали псковичей и ладожанъ для общаго совѣщанія по поводу князя Всеволода. Старшіе города дѣйствительно ставили свои рѣшенія, какъ обязательныя для всѣхъ остальныхъ, но значеніе подобныхъ фактовъ, ясно указанное напр. въ трудѣ проф. В. Сергѣевича [1]), нисколько не доказываетъ, что бывали вѣчевыя собранія лишь въ городахъ старшихъ. Есть примѣры, что пригороды прямо отказывались подчиняться такимъ рѣшеніямъ и дѣйствовали на основаніи своего собственнаго рѣшенія, но это конечно было возможно лишь для тѣхъ изъ нихъ, которые чувствовали себя достаточно сильными, прочіе же должны были покоряться, каковой смыслъ и имѣютъ слова лѣтописца—«что старѣйшіе здумаютъ, на томъ-же пригороды станутъ».

Вообще, по справедливому замѣчанію Н. Костомарова, новгородское народоправленіе не составляло исключительнаго достоянія въ тѣсномъ смыслѣ лишь самого Новгорода;—оно было общимъ для всѣхъ подчиненныхъ послѣднему пригородовъ и даже селъ, въ которыхъ вообще допускалась мѣстная автономія, а народное собраніе составляло главнѣйшую черту новгородскаго общиннаго устройства. Напримѣръ, въ Псковѣ вѣче существовало еще во времена извѣстной его зависимости отъ Новгорода; имѣются также указанія, что жители нѣкоторыхъ городовъ корпоративно приносили свои жалобы главному вѣчу въ Новгородѣ, чѣмъ ясно обусловливаются ихъ предварительныя между собою совѣщанія, путемъ частныхъ народныхъ сходокъ или собраній, такъ что вообще существованіе въ пригородахъ своихъ вѣчъ можетъ считаться внѣ сомнѣнія. Можно прибавить, что народный обычай сбора на вѣче для общаго совѣщанія, существовалъ издревле во всей Руси, какъ напр. въ 1261 г., когда по словамъ лѣтописца происходили «вѣча по всѣмъ городамъ русскимъ» [2]).

Въ виду всего этого, вопросъ о вѣчѣ въ частности по отношенію къ Ладогѣ, долженъ быть также рѣшенъ утвердительно.

Второй періодъ,—управленіе Ладоги намѣстниками, начинается въ концѣ XV столѣтія, когда пораженіе новгородцевъ Іоанномъ III на Шелони (1471 г.) повело къ паденію независимости Новгорода, а вторичный походъ 1477 г. закончился уничтоженіемъ какъ самаго вѣча, такъ и званія посадника. Въ концѣ этого похода, когда Іоаннъ былъ уже подъ Новгородомъ, послѣдній вынужденъ былъ предложить великому князю дань, право держать своихъ намѣстниковъ и въ пригородахъ новгородскихъ, какъ и въ Новгородѣ, лишь бы судъ

[1]) Русск. юридич. древности, т. 2, гл. III:—Вѣчевая жизнь пригородовъ.

[2]) Л. Плошинскій: Городское состояніе русск. народа, 73.

остался по старинѣ, и покорился требованію Іоанна, чтобы въ Новгородѣ вѣчу, колоколу (вѣчевому) и посаднику не быть, взамѣнъ чего Іоанномъ были поставлены четыре намѣстника [1]). Въ 1487 г. Новгородъ, какъ извѣстно, лишился окончательно всякой самостоятельности.

Немедленно послѣ новгородскаго погрома появляются, какъ видно, первые намѣстники и въ Ладогѣ, такъ какъ въ переписной книгѣ послѣдней 1500 г. показаны между прочимъ дворы намѣстника и тіуна, которые находились въ Никольскомъ концѣ, близь церкви св. Климента, т. е. на южной сторонѣ посада (за р. Ладожкой). Тѣ-же дворы упоминаются и въ 1546 г., а позднѣе извѣстны и имена двухъ изъ намѣстниковъ, именно въ 1555 г. Ѳедора Димитріевича Аксакова и въ 1584-мъ—Ѳедора Колычева [2]).

Въ должности намѣстника сосредоточивалась главная власть какъ по отношенію къ городовому управленію, такъ и надъ жителями города съ тянувшей къ послѣднему волостью. При немъ состоялъ тіунъ, какъ ближайшій его замѣститель, должность котораго главнымъ образомъ была судейская, или, вѣрнѣе сказать, исполненіе суда, такъ какъ разбирательство дѣла не входило въ тіунскія обязанности и въ новгородской землѣ производилось особыми судьями передъ намѣстникомъ или тіуномъ, постановлявшимъ приговоръ [3]), но въ сферѣ дѣлъ уголовныхъ въ рукахъ намѣстника находилась часть слѣдственная — сыскъ преступника, заключеніе въ тюрьму, казнь и проч. [4]). Другимъ ближайшимъ помощникомъ намѣстника былъ, дѣйствовавшій его именемъ и властью, дьякъ; его административное вліяніе распространялось даже на сословіе военно-служилое, онъ, напр., разбираетъ степень годности къ службѣ стрѣльцовъ и рѣшаетъ увольненіе ихъ въ отставку, причемъ отъ него-же принимаютъ приказанія такія крупныя въ своей сферѣ дѣйствія лица, какъ осадный голова—начальникъ военныхъ силъ города, облеченный также извѣстными правами въ кругѣ административной дѣятельности. Такъ, въ 1598 г. били челомъ стрѣльцы изъ Ладоги, что «отставилъ ихъ отъ стрѣлечества дьякъ Иванъ Карповъ, за худобу и за старость и за увѣчье, и приказалъ ихъ вѣдати осадному головѣ Ивану Муравьеву, и осадный-де голова ихъ никуды не роспущаетъ и на поруки ихъ даетъ и въ тюрьму сажаетъ и съ судныхъ дѣлъ пошлинъ правитъ» [5]). Наконецъ въ тотъ же періодъ намѣстниковъ упоминаются въ Ладогѣ въ 1500 г. еще должности

---

[1]) Н. Костомаровъ: Сѣв.-русск. народопр., т. I.
[2]) Дополн. актовъ историч., т. I, № 54. Древняя рос. вивліоѳика, т. XIV—Розряды.
[3]) Н. Костомаровъ: Сѣв.-русск. народпр., т. 2, гл. VII.
[4]) И. Андреевскій: О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ.
[5]) Дополн. акт. историч., т. I, № 150.

доводчика и старосты, изъ которыхъ на обязанности перваго лежалъ позывъ въ судъ тяжущихся; старостою былъ Аврамко Василевъ, имѣвшій свой дворъ въ Никольскомъ концѣ города.

Характерною особенностью намѣстническаго управленія было, что содержаніе намѣстника лежало на населеніи волости, въ данномъ случаѣ—ладожской, отъ котораго онъ получалъ обязательный «кормъ» трижды въ годъ (на Рождество, Петровъ день и Пасху), каковой и исчисляется въ переписной книгѣ 1500 г., напр. «Деревня Конецъ у Ладоги на посадѣ (всего съ однимъ обывателемъ), намѣстнича корму съ тое деревни намѣстнику и съ тивуномъ и съ доводчикомъ во весь годъ на три празника 9 денегъ безъ четвертци» [1]) и т. д. По другимъ указаніямъ намѣстники приблизительно получали съ сохи на Рождество еще полоть мяса, 10 хлѣбовъ, бочку овса и возъ сѣна; на Пасху—полоть мяса и 10 хлѣбовъ, на Петровъ день—барана и 8 хлѣбовъ [2]). Можно легко догадываться, какимъ бременемъ «кормы» эти должны были ложиться на населеніе!

Система управленія намѣстниками начала исчезать съ 1555 г., но не повсемѣстно [3]); въ частности для Ладоги они упоминаются въ теченіи всего XVI и въ началѣ XVII стол. Такъ, въ несудимой грамотѣ Николаевскому Медвѣдскому монастырю (на устьѣ Волхова) 1584 г., между прочимъ, говорится, что «наши намѣстники новгородскіе и ладожскіе и ихъ тіуны монастырскихъ слугъ и крестьянъ не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и разбоя съ поличнымъ... а корму даютъ ладожскому намѣстнику на стану по книгамъ старецъ или слуга монастырской, а ладожской намѣстникъ корму брать людей своихъ къ нимъ не посылаетъ» [4]). Равнымъ образомъ тѣ-же намѣстники ладожскій и новгородскій упоминаются и нѣсколько позже, какъ напр. въ подтвердительной 1605 г. грамотѣ Тихвинскому Успенскому монастырю [5]).

Весьма любопытную характеристику намѣстниковъ даютъ слова дополнительнаго къ Судебнику указа 1556 г., что — «намѣстники и волостели, изо многихъ лѣтъ презрѣвъ страхъ Божій и государскіе уставы, много злокозненныхъ дѣлъ на нихъ (городахъ и волостяхъ) учиниша и не быша имъ пастыри и учители, но сотворишась гонители и разорители» [6]).

---

[1]) Временникъ общ. ист. и древн., кн. XI.
[2]) И. Андреевскій: О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ.
[3]) Тамъ же.
[4]) Дополн. акт. историч., т. I, № 130.
[5]) Акты историч., т. II, № 60.
[6]) Л. Плошинскій: городское состояніе русск. народа, 94.

Третьимъ и послѣднимъ періодомъ, обнимающимъ все XVII столѣтіе, составляетъ въ Ладогѣ управленіе воеводъ, замѣнившихъ прежнихъ намѣстниковъ, причемъ этихъ воеводъ иногда бывало въ городахъ по два, какъ напр. и въ Ладогѣ въ 1618, 1641, 1645 и 1649 гг.; въ подобныхъ случаяхъ одинъ управлялъ военной частью, другой гражданской.

Своеобразностью воеводской системы была кратковременность управленія или службы воеводъ, продолжавшейся всего два или три года, причемъ и самыя назначенія на воеводство нерѣдко мотивировались въ смыслѣ наградъ за боевыя заслуги. Такъ въ 1665 г. Семенъ Колюбакинъ, прося о своемъ назначеніи, билъ челомъ, что «въ прошломъ государь во 172 году вышелъ я холопъ твой изъ полону изъ Польши и пожалованъ за рану и за полонное терпѣнье — велѣно мнѣ быть на твоей государевой службѣ въ Ладогѣ на Терентьево мѣсто Елагина (воевода въ Ладогѣ-же) и ему государь Терентью срокъ доходитъ, а мнѣ, холопу твоему, чтобъ быть на его мѣстѣ наказъ не данъ»; въ справкѣ Розряда по поводу этого-же указывается, что Елагинъ отпущенъ на воеводство въ 1663 г., а Колюбакина велѣно назначить—«какъ Терентью дойдутъ два года» [1]). Другой кандидатъ, Симонъ Желтухинъ, просилъ въ 1671 г., чтобы ему быть воеводой въ Ладогѣ, такъ какъ онъ служилъ многія лѣта въ польской и литовской землѣ и въ нѣмецкихъ городѣхъ, терпѣлъ многія нужи и на бояхъ вездѣ былъ и при взятіи Бреста раненъ въ голову, въ справкѣ же показано, что тогдашній ладожскій воевода—жилецъ Иванъ Панафидинъ отпущенъ на воеводство за службу и раны въ 1669 г., а непосредственно въ челобитной этого-же Панафидина говорилось, что онъ просилъ воеводства—«за службу и смерть его отца, а также и его (собственную) службишку» [2]). Вообще, какъ эти мотивы назначеній за раны, такъ и связанныя съ ними указанія на двухлѣтніе сроки самого воеводства, повторяются въ цѣломъ рядѣ современныхъ указовъ, такъ что эти новые правители перемѣнялись въ городахъ безпрестанно. Поэтому и въ Ладогѣ за періодъ 1617—1701 г. извѣстны имена слѣдующихъ 32 воеводъ:

Въ 1618 г. (Іюль)—Вас. Өед. Неплюевъ и Вас. Ив. Змѣевъ.

Въ 1628 г. (Апр.)—Князь Вас. Петровичъ Крапоткинъ.

Въ 1628 г. (Іюль)—Вас. Өед. Неплюевъ.

Въ 1631 г. (Іюнь)—онъ-же.

Въ 1635 — 38 г. — Григорій Негановскій (воевода?).

Въ 1638—39 г.—Никита Сумароковъ.

Въ 1641 г.—Онъ-же и Ив. Степ. Тучковъ.

Въ 1642 г.—Ив. Степ. Тучковъ.

Въ 1644 г. (Мартъ)—Князь Богданъ Путятинъ.

Въ 1645 г.—Онъ-же и Вас. Оничковъ.

Въ 1646 г. (Январь) и 1647-мъ—Вас. Мих. Оничковъ.

[1]) Моск. арх. Мин. Юст.: Столбцы Новгор. стола. св. 8024.

[2]) Тамъ-же.

Въ 1649 г.—Яковъ Лопухинъ и Надежа Кулибакинъ.
Въ 1650 г.—Надежа Кулибакинъ.
Въ 1651—54 г.—Тихонъ Зыковъ.
Въ 1656 г.—Никита Бухвостовъ.
Въ 1660 г.—Пав. Мартьяновъ.
Въ 1660 г.—Ѳед. Бекетовъ.
Въ 1663 — 65 г. — Терентій Прок. Елагинъ.
Въ 1665 г. (Янв.)—1667 г. Семенъ Никитичъ Колюбакинъ.
Въ 1667 г. (Іюнь) — 1670 г. — Аѳ. Матв. Арцыбашевъ.
Въ 1669 г. (Іюнь) и 1671 г. Иванъ Григ. Панафидинъ.
Въ 1671 г. (Февр.)—Симонъ Вас. Желтухинъ.
Въ 1673 г.—Родіонъ Кокошкинъ.
Въ 1679 г.—Дорофей Лихачевъ.
Въ 1686 г.—Дим. Игн. Полибинъ.
Въ 1687 г. (Янв.)—Пав. Андр. Неплюевъ.
Въ 1689 г. (Сент.)—Ив. Никитичъ Бужаниновъ.
Въ 1692 г. Ив. Тих. Бестужевъ.
Въ 1693 г.—Дан. Григ. Бачмановъ.
Въ 1697 г.—Сем. Мих. Лисицкой.
Въ 1698 г.—Ѳед. Ром. Камынинъ.
Между 1682 и 1696 гг.—Степанъ Осиповичъ Полтевъ.
Въ 1701 г.—Ив. Дан. Чириковъ.

Управленіе воеводъ было весьма разносторонне,—они вѣдали какъ государево (ратное) дѣло, такъ и земское; ихъ администраціи вообще подлежали нѣкоторыя духовныя дѣла, дѣла иностранныя, военныя, помѣстныя, судебныя, полицейскія и финансовыя, но такое поле дѣйствій предоставлялось въ частности не всѣмъ воеводамъ, по крайней мѣрѣ судя по содержанію нѣкоторыхъ дававшихся имъ наказовъ, касавшихся только извѣстныхъ сторонъ будущей дѣятельности того или другаго воеводы [1]).

Такъ въ наказѣ 1671 г., данномъ ладожскому воеводѣ Желтухину, предписывалось:

Пріѣхавъ въ Ладогу принять городовые ключи, нарядъ (пушки), зелье, разные пушечные и хлѣбные запасы, письменныя дѣла, денежную казну и списки военно-служилыхъ и прочихъ людей.

По городу держать караулы и сторожи; оберегать чтобы городу и всякимъ городовымъ крѣпостямъ и наряду и зелейной и свинцовой казнѣ ни отъ кого порухи не было.

Въ управныхъ дѣлахъ судить по челобитнымъ и сыски всякими сыскивать и по сыску управу дѣлать безволокитно.

Пошлины съ судныхъ дѣлъ имать съ рубля по гривнѣ, да пересуду и праваго десятка по 7 алтынъ 2 деньги съ суда, а спорныхъ судныхъ дѣлъ не вершить и отсылать для вершенья въ Новгородъ.

О всякихъ государевыхъ дѣлахъ и о вѣстяхъ писать въ Новгородъ-же, а мимо къ Москвѣ не писать, для того что Ладога новгородской пригородъ.

Въ Ладогѣ жить неоплошно и во всемъ государеву дѣлу искать прибыли.

---

[1]) Б. Чичеринъ: Областныя учрежденія Россіи въ XVII в., 105.

Беречь накрѣпко, чтобы въ Ладогѣ на посадѣ и въ слободахъ и въ уѣздѣ воровства, корчемъ, зерни, табаку и непотребства ни у кого не было, въ противномъ случаѣ воровство унимать, корчемное питье отбирать и сдавать въ кабакъ, а на корчемникахъ и на питухѣхъ имать заповѣди и чинить наказанье, отписывая о томъ въ Новгородъ.

Беречь накрѣпко и учинить заказъ всѣмъ, чтобы лѣтомъ въ жаркіе дни избъ и мыленъ не топили и вечеромъ поздно съ огнемъ не сидѣли и не ходили, а для печенья хлѣбовъ и варки пищи подѣлать земляныя печи въ огородахъ и на удаленныхъ отъ хоромъ мѣстахъ.

На случай пожара велѣть въ городѣ на анбарахъ, въ рядахъ и по всѣмъ хоромамъ во дворахъ держать кади съ водою и съ вѣниками.

Посадскимъ и всякимъ людямъ никакихъ обидъ и притѣсненій ради корысти не дѣлать; служилыхъ и посадскихъ и всякихъ жилецкихъ людей отъ проѣзжихъ отъ всякихъ людей оберегать, чтобъ обидъ и продажъ и никакихъ налогъ ни отъ кого не было; проѣзжихъ торговыхъ и всякихъ людей въ Ладогѣ не задерживать [1]).

Такого-же содержанія и другіе наказы ладожскимъ воеводамъ, почти дословно повторяющіе другъ друга [2]), но иногда яснѣе оттѣняющіе уголовную юрисдикцію воеводы, или заключающіе въ себѣ нѣкоторыя изъятія изъ сферы его управленія, какъ напр. одинъ изъ наиболѣе раннихъ наказовъ ладожскому воеводѣ Неплюеву (1628 г.), въ которомъ говорится, что—«которые люди учнутъ воровать, бить и грабить, и ему воровъ велѣти имати и про всякое воровство сыскивати накрѣпко и наказанье надъ тѣми воры чинити, смотря по винѣ, а монастырей, которые въ Ладогѣ, ни въ чемъ не вѣдати и въ доходные ему дѣла ни въ какія не вступаться» [3]).

Въ качествѣ присутственнаго мѣста воеводскаго управленія, въ документахъ касающихся Ладоги упоминается, за болѣе раннее время (1646—1678 г.), Съѣзжая изба [4]), а нѣсколько позднѣе (1665—1701 г.)—Приказная изба, представлявшія однако лишь разныя названія одного и того-же учрежденія, или бывшія синонимами, какъ по составу, такъ и по дѣлопроизводству; напр. въ Съѣзжей избѣ въ 1646 г. воевода точно также разбираетъ дѣло о спорной землѣ между ладожскими стрѣльцами и казаками [5]), какъ впослѣдствіи вершитъ судъ въ

---

[1]) См. прилож. VI.

[2]) Напр. 1662 г. воеводѣ Елагину, 1667 г.—Арцыбашеву, 1669 г.—Панафидину и др. (Московск. арх. Мин. Юст.: Столбцы Новгор. стола, № 8024).

[3]) Тамъ-же, св. 7760.

[4]) Дополн. акт. историч., т. III, № 36. Также Прилож. IV и IX.

[5]) Документы Новгор. Казен. палаты въ Археограф. Комис., № 143.

Приказной; въ той и другой упоминаются подъячіе и пр. Въ Избѣ хранилась государева городская печать, денежная казна и все дѣлопроизводство, руководителемъ котораго былъ дьякъ, какъ ближайшій помощникъ воеводы; кромѣ него личный, составъ избы состоялъ изъ подъячихъ, приставовъ или недѣльщиковъ, разсыльщиковъ и сторожей, причемъ число подъячихъ было вообще различно [1]) и напр., въ частности, въ Ладогѣ (въ періодъ 1665—1701 г.) ихъ упоминается лишь по одному, за исключеніемъ 1698 г., въ которомъ таковыхъ показано два [2]); что касается дьяковъ, то можно догадываться объ одномъ Семенѣ Углетцкомъ, именемъ котораго скрѣплена по листамъ опись Ладоги 1665—67 г., вообще-же о нихъ въ документахъ умалчивается.

Въ какихъ отношеніяхъ къ администраціи стояли еще такъ называвшіеся площадные дьяки и подъячіе, сказать трудно, но въ послѣдніе годы XVII ст. они упоминаются въ Ладогѣ нѣсколько разъ. Напр. въ 1698 г. такихъ дьяковъ въ ней показано пять, а въ 1697 г. «площадныхъ дьячка» четыре [3]). Въ 1696 г. площаднымъ подъячимъ былъ Самсоновъ и производилъ досмотръ о ржи, свезенной съ земель Ивановскаго монастыря [4]), слѣдовательно функція его здѣсь носитъ характеръ оффиціальный, а отъ 1700 г. сохранилась заемная росписка сторожа Приказной избы ладожскому старостѣ, въ которой сказано, что «писалъ площадной подъячій Никитка Воробьевъ» [5]), т. е. здѣсь онъ играетъ роль какъ-бы публичнаго писца. Быть можетъ даже, что приказные подъячіе совмѣщали въ себѣ иногда и званіе площадныхъ, по крайней мѣрѣ въ документахъ 1699 и 1701 г., повидимому, одно и то-же лицо Иванъ Козловъ, показано въ Ладогѣ однажды подъячимъ Приказной избы, а въ другомъ случаѣ подъячимъ площаднымъ.

Наконецъ, при Приказной-же избѣ упоминается еще должность бирюча (публичнаго глашатая), каковымъ въ 1687 г. былъ въ Ладогѣ посадской человѣкъ Ждановъ.

Извѣстное участіе въ воеводскомъ управленіи было отведено и системѣ выборной, такъ какъ нѣкоторыя отрасли финансовой дѣятельности воеводъ

---

[1]) И. Андреевскій: О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ. Б. Чичеринъ: Областныя учрежденія Россіи въ XVII в.

[2]) По имѣющимся документамъ, подъячими въ Ладогѣ были: въ 1636 г. Иванъ Панфиловъ, въ 1670 г. — Вас. Кармалѣевъ, въ 1665—67 гг. — Федотъ Зелепинъ, въ 1678 г. — Богданъ Толкачевъ, въ 1689—92 гг. Ив. Алексѣевъ, въ 1693 г. Андр. Григорьевъ, въ 1694—1701 гг.— Андр. Недорѣзовъ и въ 1701 г.—Ив. Козловъ.

[3]) Журн. Мин. Внутрен. Дѣлъ 1838 г., ч. 29 (Опись Новугороду и пр.); также см. Прилож. XIV.

[4]) Документы Новгор. Казен. палаты въ Археогр. Комис., № 652.

[5]) Изъ документовъ принадлежащ. Староладожск.: мѣщанину В. Парфенову.

находились въ вѣдѣніи особыхъ выборныхъ (подъ наблюденіемъ воеводы) лицъ, стоявшихъ во главѣ сбора таможенныхъ и питейныхъ пошлинъ.

Таможенное управленіе обыкновенно соединялось съ управленіемъ питейныхъ сборовъ [1]), какъ дѣйствительно было во второй половинѣ XVII в. и въ Ладогѣ, но ранѣе тѣ-же управленія существовали тутъ, повидимому, отдѣльно и состояли въ завѣдываніи одно у головы таможеннаго сбора, другое — у головы кабацкаго сбора. Такими лицами упоминаются въ Ладогѣ въ 1641 г. Тим. Обросимовъ и Ив. Голубинъ, на которыхъ жаловался игуменъ Тихвинскаго монастыря, что «ѣхали монастырскіе крестьяне за рубежъ въ нѣмецкіе городы къ Орѣшку для торговли Ладожскимъ озеромъ, за 20 верстъ отъ Ладоги, а тотъ де Тимошка съ Ивашкомъ были въ Ладогѣ въ головахъ у таможеннаго и кабацкаго сбору и умысля для своей бездѣльной корысти...» и т. д. [2]). Позже однако встрѣчаются прямыя указанія на совмѣщеніе этихъ должностей и въ Ладогѣ. Головы эти утверждались въ Новгородѣ: какъ напр. въ 1694 г. Ив. Замятнинъ писалъ, что «по грамотѣ изъ приказу большіе казны и по наказной памяти князя Прозоровскаго (воевода въ Новгородѣ) велѣно ему быть въ Ладогѣ и на Пашѣ [3]) и на порогѣ [4]), у таможеннаго сбору и на приписныхъ кружечныхъ дворѣхъ у питейной прибыли, въ нынѣшнемъ 202 году головою» [5]). Подъ надзоромъ этихъ головъ находились таможни, или таможенные дворы, и дворы кружечные, которыхъ иногда въ уѣздѣ было по нѣсколько [6]), причемъ въ Ладогѣ таможня существовала, повидимому, уже въ 1610 г., такъ какъ въ челобитной игумена Коневскаго монастыря испрашивается (по случаю уступки Корельскаго уѣзда шведамъ), чтобы при переѣздѣ монастырской братіи въ Новгородъ—«съ ихъ животовъ и съ хлѣба и съ судовъ въ Ладогѣ и на ладожскомъ порогѣ явки и пошлинъ имать не велѣть» [7]). О томъ-же сборѣ пошлинъ въ Ладогѣ, упоминается и въ 1629 г., въ виду уклоненія торговыхъ людей отъ ихъ уплаты, что «пріѣзжаютъ изъ нѣмецкихъ городовъ изъ Ивана-города, изъ Ямы, изъ Копорья, изъ

---

[1]) Б. Чичеринъ: Областн. учрежд. Россіи въ XVII в.

[2]) Акты Археогр. Экспед., т. III, № 312.

[3]) Притокъ р. Свири.

[4]) Вѣроятно Волховскомъ, южнѣе Ладоги.

[5]) Документы Новгород. Духовн. Консисторіи въ Археогр. Комиссіи. Память Духова монастыря архим. Никодиму, 1694 г.

[6]) Въ 1684 г. напр. показано: «Въ Великомъ Новгородѣ въ государевой казнѣ въ Приказной палатѣ таможенныхъ и кабацкихъ денегъ, которыя взяты у ладожскаго и пашскаго и порожскаго у головъ съ цѣловальники, 800 рублевъ» (Дополн. акт. историч., т. XI, № 16).

[7]) Русская историч. библіотека, т. II, № 104.

Орѣшка, изъ Корѣлы, торговые русскіе и нѣмецкіе люди и торгуютъ ѣздя по деревнямъ безпошлинно, а въ Новгородѣ и въ Ладогѣ и въ Порховѣ для пошлинъ не являются» [1]), а въ 1670 г. и позже встрѣчается прямо и самое названіе «Ладожской таможни» [2]), какъ напр. въ 1694 г., когда въ Новгородъ послѣдовало донесеніе, что старцы Софійскаго дома купили на Ладожскомъ озерѣ рыбу—«а на покупку тое рыбы денегъ въ ладожской таможнѣ не явили и, купя тое рыбу, провезли судномъ мимо Ладоги, не явя-же и пошлинъ не платя, а довелось съ тое покупные рыбы уѣздные пошлины взять съ рубля по 10 денегъ» [3]). Въ 1670 г. упоминается въ Ладогѣ и кружечный дворъ, головой котораго показанъ Вавилко Гагринъ.

Любопытной стороной этихъ учрежденій является отдача ихъ на откупъ, по нѣкоторымъ указаніямъ, тѣмъ-же головамъ и притомъ на откупъ даже обязательный [4]), что напр. было въ 1670 г. въ Ладогѣ. Такъ въ переписной книгѣ 176—178 г. великого государя грамотамъ и пр. [5]) упоминается «челобитная и выписка о отдачѣ на откупъ ладожскіе таможни и кабака новгородцу Золотареву», а также въ связи съ этимъ челобитная послѣдняго и память ладожскому воеводѣ «о переписке и оцѣнкѣ таможеннаго и кружечнаго двора кабацкихъ заводовъ», причемъ довольно характерно, что въ случаѣ откупныхъ недоборовъ отвѣтчиками за нихъ являлись посадскіе люди, какъ видно напр. изъ одной сохранившейся росписки 1679 г. [6]), о пріемѣ денегъ, добранныхъ съ посадскихъ людей Ладоги, за голову пашскаго кабака и таможни.

Что касается отношеній воеводы къ упомянутымъ выборнымъ чинамъ, то ему принадлежало право финансоваго контроля надъ ними, какъ видно изъ одной памяти ладожскаго воеводы Камынина (1698 г.), въ которой онъ даетъ приказаніе ладожскому старостѣ Минину и посадскимъ людямъ выбрать изъ себя нѣсколькихъ довѣренныхъ, чтобы сдѣлать учетъ головы и цѣловальниковъ пашского кружечнаго двора, по продажѣ вина, пива и меда [7]).

Изъ другихъ служебныхъ чиновъ въ Ладогѣ, за періодъ воеводскаго

---

[1]) Акты Археогр. Экспед., т. III, № 180.

[2]) Документы Новгород. Губернск. правленія въ Археограф. Комиссіи: Переписная книга 176—178 гг. великого государя грамотамъ и приходнымъ и расходнымъ книгамъ и столпомъ большого приходу».

[3]) Документы Новгор. Духовн. Консисторіи въ Археогр. Комиссіи: Память Духова монастыря архим. Никодиму, 1694 г.

[4]) Б. Чичеринъ: Областн. учрежд. Россіи въ XVII в., 403, 404.

[5]) Документы Новгородск. Губернск. Правленія въ Археогр. Комиссіи.

[6]) Изъ документовъ принадл. Староладожск. мѣщанину В. Парфенову.

[7]) Также.

управленія, встрѣчаются еще городничіе у казны, съ ихъ цѣловальниками, и старосты; такимъ городничимъ первый разъ упоминается въ 1676 г. Матвѣй Быковъ, причемъ, какъ видно изъ современнаго документа [1]), на рукахъ его состояли разные запасы боевые и кормовые, какъ-то—сложенныя въ анбары пищали, государева зелейная казна (порохъ, свинецъ, фитиль), сухари, соль и проч., что же касается старостъ, то они носили названіе посадскихъ и, слѣдовательно, въ Ладогѣ выбирались по одному на посадъ [2]).

Воеводское управленіе представляется въ весьма темныхъ краскахъ, ничѣмъ не лучшимъ предшествовавшаго намѣстническаго. Уже самая система кратковременныхъ сроковъ воеводства, притомъ въ смыслѣ извѣстной награды, указываетъ на извлекавшіяся воеводами матеріальныя выгоды изъ своего положенія, хотя этимъ правителямъ и полагалось извѣстное денежное отъ казны содержаніе, но весьма ограниченное. Англичанинъ Флетчеръ, бывшій въ Россіи въ исходѣ XVI в., передаетъ, что воеводы въ городахъ получаютъ отъ 30—100 руб. въ годъ, почему прибѣгаютъ къ притѣсненіямъ населенія, чтобы успѣть нажиться въ теченіи своего воеводства, чѣмъ и возбуждаютъ противъ себя величайшую ненависть въ народѣ. Дѣйствительно, злоупотребленія, лихоимство и насилія, крайне разнообразныя и развитыя въ высшей степени, широко практиковались въ воеводскомъ управленіи и существовали повсюду, несмотря на всѣ запрещенія [3]), такъ что въ словахъ Флетчера нельзя видѣть преувеличенія; напр. въ царской грамотѣ 1620 г. указывается вообще, что—«въ городахъ воеводы и приказные люди наши всякія дѣла дѣлаютъ не по нашему указу, и монастырямъ и служилымъ и посадскимъ и уѣзднымъ и проѣзжимъ всякимъ людемъ чинятъ насильства и убытки и продажи великія и посулы и поминки и кормы емлютъ многіе» [4]). Не составляло, конечно, исключенія въ этомъ отношеніи и управленіе воеводъ въ Ладогѣ, въ которомъ равнымъ образомъ практиковались всевозможныя вымогательства, указывавшіяся напр. въ грамотѣ изъ Приказа Большаго дворца воеводѣ Неплюеву (1687 г.), по поводу притѣсненія имъ крестьянъ Ивановскаго монастыря, что «нынѣ ты для своей бездѣльной корысти и многихъ взятковъ, того Ивановскаго монастыря въ вотчины посылаешь стрѣльцовъ и пушкарей, и крестьянъ и бобылей волочишь и убытчишь

---

[1]) См. прилож. XIII.

[2]) Таковыми упоминаются: Въ 1649 г. Артемій Нѣмковъ, въ 1652—Ив. Полянской, въ 1695 Артемій Охряевъ, въ 1698 Ефимъ Мининъ и въ 1700 Вас. Анфимовъ.

[3]) См. Б. Чичерина: Областн. учрежд. Россіи въ XVII в., 310—317.

[4]) Акты Археогр. экспед., т. III, № 115.

напрасно и отъ того твоего разоренья крестьяне и бобыли бредутъ врознь» [1]). Обычность этихъ темныхъ сторонъ воеводскаго управленія сквозитъ и въ самыхъ наказахъ ладожскимъ воеводамъ: въ этихъ наказахъ, при назначеніи воеводъ прибавлялось, что «ладожскимъ служилымъ и посадскимъ и уѣзднымъ и проѣзжимъ всякимъ людямъ, для своей корысти обидъ и иныхъ никакихъ налогъ не дѣлать и напрасно на нихъ не наметываться», подъ угрозой быть за то въ великой опалѣ.

Къ этимъ общимъ чертамъ мѣстнаго ладожскаго управленія можно еще прибавить, что оно во многомъ стояло въ зависимости отъ административныхъ распоряженій, непосредственно исходившихъ изъ самого Новгорода, по крайней мѣрѣ въ періодъ управленія воеводъ и намѣстниковъ, примѣровъ чему сохранилось довольно. Такъ, когда въ 1598 г. ладожскіе стрѣльцы били челомъ о своемъ тяжеломъ положеніи, то изъ Москвы присылается грамота на имя новгородскаго воеводы князя Ногтева съ товарищи, въ которой предписывается освободить стрѣльцовъ отъ податей и пошлинъ и велѣно, чтобы—«въ Ладогу къ приказнымъ людемъ описали-жъ и прочетъ сю нашу грамоту и списавъ съ нее противень оставили у себя, а сю нашу грамоту отдали естя ладожскимъ стрѣльцамъ»; въ этомъ-же указѣ говорится также, что упомянутыя подати взимали сборщики «пріѣзжая отъ васъ изъ Великого Новгорода». Въ 1555 г. въ грамотѣ новгородскимъ дьякамъ предписывается возвратить неправильно доправленныя ими деньги (намѣстничій кормъ) игумену Васильевскаго монастыря въ Ладогѣ и въ нѣкоторыхъ челобитныхъ ладожскихъ монастырей указывается позже, что «въ прошлыхъ годѣхъ ихъ братію и слугъ и вотчинныхъ крестьянъ и бобылей судомъ и росправою вѣдали въ Великомъ Новгородѣ преосвященный митрополитъ, а великихъ государей всякія подати за вотчинныхъ крестьянъ и бобылей платили въ Великомъ Новгородѣ въ Приказной полатѣ», причемъ имѣются случаи спеціальнаго назначенія особыхъ лицъ для взысканія податныхъ недоборовъ, какъ напр. въ 1677 г., когда изъ Новгорода былъ посланъ боярскій сынъ Шульгинъ, доправить на игуменахъ нѣкоторыхъ ладожскихъ монастырей доимочныя полоняничныя деньги [2]). Въ подобныхъ примѣрахъ сквозитъ какая-то неясность финансовыхъ отношеній между Новгородомъ и его пригородомъ, или неясность финансовой дѣятельности намѣстниковъ, а позже воеводъ, но то-же замѣтно и въ сферѣ прочихъ отношеній тѣсно администра-

---

[1]) Акты историч., т. V, № 146.

[2]) Документы Новгор. Губернск. правленія въ Археогр. Ком. (Также Доп. акт. историч., т. I, № 150). Дополн. акт. историч. т. I, № 54. Грамота Приказа Большого дворца 1687 г. (Акты историч., т. V, № 146). Документы Новгор. Духовн. Консисторіи въ Археогр. Комиссіи.

тивныхъ. Имѣются указанія, что Ладога находилась въ завѣдываніи московскаго приказа «Новгородской Четверти» [1]), а Новгородъ былъ промежуточной инстанціей, черезъ которую шли указы или распоряженія въ Ладогу и изъ послѣдней присылались донесенія; такъ напр. въ указѣ 1610 г. новгородскимъ воеводамъ, о невзиманіи пошлинъ съ имущества монаховъ Коневскаго монастыря, говорится—«и какъ къ вамъ сія наша грамота придетъ и вы бы изъ Великого Новгорода въ Ладогу къ воеводамъ отписали...» и пр. [2]). Встрѣчается цѣлый рядъ памятей изъ Новгорода въ Ладогу, по разнымъ предметамъ: напр. въ 1649 г., грамотою изъ Приказа Большого дворца новгородскому воеводѣ князю Хилкову, предписывается объ отводѣ угодьевъ Николаевскому ладожскому монастырю, а въ 1651-мъ по памяти изъ новгородской Съѣзжей избы дѣлается отводъ земли ладожскому-же Ивановскому монастырю; въ 1687 г. грамотою изъ Помѣстнаго приказа къ новгородскому воеводѣ Шереметеву, предписывается о взиманіи податей съ крестьянъ того-же Ивановскаго монастыря, а въ 1694-мъ, по памяти изъ Новгорода отъ воеводы князя Прозоровскаго, производится отводъ земли Зеленецкому монастырю, донесеніе о чемъ требуется прислать въ Новгородъ и подать въ Приказной палатѣ и т. д., въ нѣкоторыхъ же воеводскихъ наказахъ встрѣчается даже запрещеніе, чтобы мимо Новгорода къ Москвѣ не писать—«для того, что Ладога новгородскій пригородъ». Но изъ самаго факта подобныхъ запрещеній можно заключить, что требуемый порядокъ сношеній, вѣроятно, нерѣдко подвергался нарушеніямъ, точно также какъ встрѣчаются случаи, что и изъ центральныхъ органовъ писали прямо въ Ладогу, минуя Новгородъ, какъ напр. въ 1687 г., когда Приказъ Большого дворца непосредственно даетъ предписаніе ладожскому воеводѣ Неплюеву, относительно крестьянъ Ивановскаго монастыря [3]).

Все это подтверждаетъ и относительно управленія въ Ладогѣ ту запутанность, которая вообще характеризуетъ порядокъ отношеній и подчиненія областныхъ властей между собою и къ такимъ центральнымъ учрежденіямъ, какъ московскіе Приказы XVII столѣтія [4]).

Все вышеизложенное о территоріи, населеніи и управленіи Ладоги, даетъ приблизительное понятіе о главнѣйшихъ формахъ ея административной, или внѣшней жизни, какъ города, но сохранилось нѣсколько фактовъ, могущихъ **Внутренній бытъ.**

---

[1]) См. прилож. IV.

[2]) Русская Историч. библіотека, т. II, № 104.

[3]) Документы Новгор. Казен. палаты въ Археогр. Ком., № 159, № 168, № 541. Документы Новгор. Губернск. Правленія (тамъ же). Акты историч., т. V, № 146.

[4]) См. у Чичерина: Областн. учрежд. Россіи въ XVII ст., 262, 267.

хотя слабо освѣтить и внутреннюю сторону той-же жизни, насколько она могла отразиться въ отношеніи церкви, промышленности, гражданскаго быта и въ разныхъ выдающихся событіяхъ такого общественнаго значенія, какъ народныя бѣдствія, военныя разоренія и проч.

Весьма любопытенъ вопросъ о томъ, когда приблизительно могла была быть просвѣщена Ладога христіанствомъ, такъ какъ извѣстно, что въ концѣ X вѣка первый митрополитъ русскій Михаилъ на пути въ Новгородъ вездѣ встрѣчался съ населеніемъ, утопавшимъ еще во мракѣ язычества, и хотя имъ были насаждены здѣсь первыя сѣмена истинной вѣры, но онѣ даже въ самомъ Новгородѣ оставались почти безплодными. На сѣверъ, въ глубину новгородскаго края, этимъ зачаткамъ христіанства проникнуть было еще труднѣе и въ немъ язычество господствовало съ полной силой въ теченіи всего XI столѣтія, о чемъ свидѣтельствуетъ множество языческихъ курганныхъ могилъ этого времени, разсѣянныхъ въ южномъ приладожьѣ и датированныхъ находками въ нихъ монетъ преимущественно XI вѣка [1]). Приблизительно то-же самое было, конечно, и въ самой Ладогѣ, около которой также находятся упомянутыя могилы, но можно думать, что по крайней мѣрѣ къ началу XII вѣка, непосредственно въ ней язычество уже пало и явилась потребность въ сооруженіи каменныхъ христіанскихъ храмовъ, каковыми и были двѣ древнѣйшихъ ладожскихъ церкви—Св. Георгія, быть можетъ относящаяся къ XII стол. [2]), и Св. Климента—время построенія которой извѣстно вполнѣ точно, именно указывается лѣтописью подъ 1153 годомъ. Постройка этихъ храмовъ, какъ сооруженій относительно монументальныхъ, даетъ въ свою очередь поводъ повторить здѣсь высказанное уже заключеніе (см. стр. 61)—что въ Ладогѣ, вѣроятно, уже ранѣе ихъ существовали какія нибудь молитвенные дома, или хотя малыя деревянныя церковки, свидѣтели первыхъ зачатковъ насажденнаго въ ней христіанства, которое потому можно считать болѣе или менѣе утвердившимся здѣсь по крайней мѣрѣ въ концѣ XI стол. Позже въ Ладогѣ встрѣчается уже значительное, для ея ограниченной территоріи, число церквей и монастырей, каковыхъ напр. въ XIV вѣкѣ въ ней насчитывается до десяти, въ виду чего надобно думать также, что собственно въ ней христіанство достигло полнаго разцвѣта уже въ очень раннее время. Изъ области религіоз-

---

[1]) Н. Бранденбургъ: Курганы южнаго приладожья (Матеріалы по археологіи Россіи, № 18).

[2]) Въ статьѣ А. Терещенко «О древностяхъ въ Старой Ладогѣ» (С.-Петерб. Губернск. вѣдомости 1849 г., № 22) передается преданіе, что будто бы на мѣстѣ Георгіевской церкви стояло прежде языческое капище, но преданіе это едва ли имѣетъ за собой какое либо основаніе и конечно относится къ числу тѣхъ же легендъ, которыми вообще изукрашена Ладога.

наго быта Ладоги, одинъ фактъ нашелъ себѣ мѣсто даже въ лѣтописи, въ которой подъ 1554 г. занесено любопытное извѣстіе о чудѣ, совершившемся надъ слѣпой ладожанкой во время богослуженія: «Мѣсяца іюня въ 2 на Духовъ день на заутреніи, Духъ Святый простилъ окомъ женушку, а та жена изъ Ладоги отъ Троицы съ посаду» [1]).

Что касается болѣе глухихъ мѣстностей новгородскаго края и даже волости Ладожской, то въ нихъ борьба христіанства съ язычествомъ продолжалась очень долго, о чемъ могутъ напр. свидѣтельствовать находки монетъ XIII в. въ языческихъ могилахъ Вотской пятины [2]), а изъ источниковъ письменныхъ извѣстно даже, что борьба эта не окончилась еще и въ началѣ XVI столѣтія. Такъ, въ 1534 г. новгородскій владыка Макарій писалъ къ Іоанну про «прелесть кумирскую», что въ Вотской пятинѣ, въ Чуди, въ Ижерѣ, около Ивангорода, Копорья, Ладоги и др.—«прельщаеми человѣци отъ невидимаго врага діавола, а обычая держахуся отъ древнихъ прародителей», что въ Чуди и въ Ижерѣ и въ Корѣлѣ и во многихъ мѣстахъ скверныя мольбища идольскія удержались даже до его, Макарія, владычества и—«суть-же скверныя мольбища ихъ лѣсъ и каменіе и рѣки и блата, горы и холмы, солнце и мѣсяцъ, просто всей твари поклоняхуся яко Богу и жертву приношаху кровную бѣсомъ и проста человѣка у себя держаху и почитаху яко священника, еже нарицаху арбуемъ».

Результатомъ посланія Макарія было возложеніе на инока Илію порученія — «искоренять прелести кумирскія и скверныя мольбища и которые не крещены, просвѣщати святымъ крещеніемъ» [3]).

По отношенію къ промышленной сторонѣ быта Ладоги сохранились немногія указанія, свидѣтельствующія, что послѣдняя уже изстари имѣла свое выдающееся значеніе въ нѣкоторыхъ видахъ натуральной промышленности древней Руси, именно въ пчеловодствѣ и промыслѣ рыбномъ.

Рыболовство практиковалось на Руси съ незапамятныхъ временъ и въ широкихъ размѣрахъ, причемъ часть рыбныхъ угодьевъ была въ распоряженіи князей и духовныхъ учрежденій, которые или пользовались ими сами, или собирали извѣстный оброкъ съ своихъ ловлей, другою-же пользовались частныя лица, такъ какъ тотъ-же промыселъ былъ распространенъ и въ народѣ. Такъ было и въ новгородской области, въ которой уже въ XII вѣкѣ занимались рыбной ловлей на Волховѣ, Бѣлоозерѣ, Ловати и др., причемъ имѣются указанія, что вообще въ тогдашнихъ рѣкахъ и озерахъ рыба водилась во

---

[1]) Полн. собр. русск. лѣтоп., т. III (Новгородск. II лѣтопись).

[2]) Курганныя раскопки Л. Ивановскаго, въ Имп. Археолог. Комиссіи.

[3]) Полн. собр. русск. лѣтоп., т. V, прибавленія, 73.

множествѣ: напр. въ житіи Антонія Римлянина передается, что рыболовы по совѣту послѣдняго—«ввергоша мрежи своя въ Волховъ и извлекоша на брегъ множество великихъ рыбъ, едва не проторжеся мрежа»; или въ лѣтописи подъ 1353 г., что «Новгородскіе людіе рыбы руками имаше у брега, сколько кому надобѣ» [1]). Подобнымъ-же обиліемъ рыбы должна была отличаться и древняя Ладога, на что указываетъ цѣлый рядъ договоровъ Новгорода съ князьями, въ которыхъ излагаются извѣстныя ограниченія послѣднихъ, относительно права посылать своихъ ѣзовниковъ и осетрниковъ (т. е. рыбныхъ ловцевъ) въ Ладогу. Такъ, уже въ половинѣ XIII в. новгородцы договаривались съ великимъ княземъ Тверскимъ Ярославомъ, что «осетрьнику твоему ѣздити въ Ладогу по отца твоего грамотѣ», а позже то-же самое повторяется и въ договорахъ съ потомками его — великими князьями Михаиломъ Ярославичемъ и Александромъ Михаиловичемъ [2]), или въ XV вѣкѣ (1434 — 1471 г.) съ великими князьями Василіемъ Васильевичемъ и Іоанномъ Васильевичемъ; въ этихъ грамотахъ также указывается, что «въ Ладогу слати осетреники по старымъ грамотамъ» [3]). Еще позже имѣется извѣстіе, что въ XVI в. ладожскіе рыболовы были обложены оброчной рыбой на государя: «Идетъ съ Ладожскаго озера на государевъ обиходъ оброчные поледные ладожскіе рыбы 640 сиговъ, 640 ладогъ, 640 сыртей, а иного году больши, а иного менши, какъ въ которомъ году государь укажетъ. А ловятъ ту оброчную рыбу рыбные ловцы города Ладоги и Ладожского присуду, да съ рядковъ на Ладожскомъ озерѣ и въ рѣки въ Волховѣ по тонямъ» [4]). Наконецъ о томъ-же обиліи рыбы свидѣтельствуетъ самое число рыбныхъ тоней, которыхъ какъ въ Ладогѣ, такъ и на смежномъ съ нею теченіи Волхова, насчитывается въ древнихъ документахъ до 14. Изъ нихъ наиболѣе точно извѣстны лишь слѣдующія: а) Тоня Зимняя Подмогилицы, или Подмогилье, упоминаемая уже въ переписной книгѣ 1500 г. и находившаяся, по свѣдѣніямъ 1663 г., на Обонежской сторонѣ (т. е. на правомъ берегу Волхова), противъ Казачьей слободы, а 1677 г. — противъ ладожскаго посада и церкви Покрова Пресвятой Богородицы, т. е., по всей вѣроятности, противъ нынѣшняго урочища Побѣдища, или немного выше сел. Лопина (на правомъ берегу), гдѣ на обѣихъ сторонахъ Волхова находятся могильныя насыпи, отъ которыхъ и самая тоня могла получить

---

[1]) Н. Аристовъ: Промышленность древней Руси.

[2]) Собраніе Госуд. грамотъ и догов., т. I, №№ 2, 3, 6, 7, 8 и 15.

[3]) Акты историч. т. I, № 258. Акты археогр. эксп. т. I, №№ 57 и 91.

[4]) Грамота ладожскимъ рыбнымъ сборщикамъ и ловцамъ, 1585 г. (Акты археогр. эксп., т. I, № 327).

свое названіе; б) Тоня «противъ Любшина омуту», какъ она названа въ 1500-мъ же году, или по свѣдѣніямъ 1618—49 г. «Омутница» подъ деревнею Велешею, принадлежавшая Ивановскому монастырю, и слѣдов. находившаяся въ разстояніи около двухъ верстъ (по прямой линіи) ниже Ладоги, гдѣ и понынѣ на лѣвомъ берегу находится селеніе Велеша, а на правомъ усадьба Любша; в) Тоня Бабина, принадлежавшая Васильевскому монастырю и въ 1666 г. показанная въ 3-хъ верстахъ ниже послѣдняго, подъ пустошью Бабинымъ; г) Тоня Липка, Успенскаго монастыря, по свѣдѣніямъ 1619 г. указываемая на правомъ берегу Волхова, противъ монастыря Ивановскаго [1]). Что касается сортовъ рыбъ, ловившихся въ Волховѣ, то въ документахъ XVI и XVII в. упоминаются: осетръ, сигъ, сырть, судакъ, лещъ, щука, ладога и снѣтки.

Можно прибавить, что рыболовнымъ промысломъ занимаются и до сихъ поръ многіе изъ жителей Ладоги [2]), но нынѣ Волховъ уже не кишитъ, какъ въ старину, рыбою и уловъ сдѣлался весьма скуднымъ.

Относительно пчеловодства извѣстно вообще, что оно составляло отрасль промышленности древней Руси еще во времена язычества [3]) и напр. торговля воскомъ процвѣтала въ Новгородѣ уже съ раннихъ поръ, а варка меда была одною изъ важнѣйшихъ статей княжескихъ доходовъ, такъ какъ съ приготовленія его шелъ оброкъ въ казну князя [4]); кромѣ того, самый медъ, какъ напитокъ, имѣлъ издревле широкое распространеніе. Въ частности для Ладоги, о томъ-же свидѣтельствуютъ выше упоминавшіеся договоры новгород-

---

[1]) Прочія тони упоминаются еще слѣдующія:

Въ 1500 г.—Въ Обонежской пятинѣ (слѣдов. на прав. бер. Волхова) полъ-тони Скуделнича.

Въ 1618—49 г.—На Троицкомъ плесѣ подъ Ляховскимъ боромъ тоня Ляхово, принадлежавшая Ивановскому монастырю.

Въ 1666 г. рыбныя ловли Васильевскаго монастыря: Полъ-тони Зимней подъ Побѣдищемъ (выше Ладоги); полъ-тони Зимней подъ Извозомъ (также); тоня съ «зачепомъ», противъ Васильевскаго монастыря, подъ городомъ Ладогою; на Стачевѣ (?) мѣсто зимнее; тоня подъ боромъ, въ 7 верстахъ ниже того же монастыря.

Въ 1677 г.—на Вотской сторонѣ (на лѣв. бер. Волхова) тоня Семыня, вѣроятно Васильевскаго монастыря.

Въ 1678 г.—На Обонежской сторонѣ (т. е. на правомъ берегу) подлѣ села Мыслова тоня Луговая.

[2]) Весьма любопытенъ современный способъ ловли сиговъ на Волховскомъ порогѣ (южнѣе Ладоги), гдѣ рыбаки высматриваютъ ихъ и подхватываютъ небольшими сачками, стоя въ кожаныхъ одеждахъ среди стремнины.

[3]) Извѣстны даже два случая находки кусковъ пчелинаго воска, въ курганныхъ могилахъ этого періода въ южномъ Приладожьѣ восточнѣе Волхова (Н. Бранденбургъ: Курганы южнаго Приладожья).

[4]) Н. Аристовъ: Промышленность древней Руси.

цевъ XIII, XIV и XV стол., въ которыхъ, рядомъ съ рыболовствомъ, обставляется извѣстными условіями и право князя относительно посылки своихъ медоваровъ, какъ напр. въ 1270 году:—«А въ Ладогу княже слати осетрникъ и медовара по грамотѣ отца своего Ярослава» [1]).

Что касается самыхъ способовъ пчеловодства, то, безъ сомнѣнія, и въ Ладогѣ, какъ въ прочихъ мѣстахъ, оно въ древнѣйшія времена было простымъ бортничествомъ, т. е. пользованіемъ дикими пчелами въ бортяхъ (природныхъ, или искусственно выдолбленныхъ дуплахъ); путешественникъ Кампензе даже еще въ 1523 г. сообщалъ, что Московія очень богата медомъ, который пчелы кладутъ на деревья, безъ всякаго присмотра; объ искусственномъ разведеніи пчелъ въ пасѣкахъ, или пчельникахъ, извѣстія начинаются вообще не ранѣе XIV столѣтія.

Наконецъ, еще одинъ видъ промышленныхъ занятій древнихъ ладожанъ было лоцманство на Волховѣ, по проводкѣ торговыхъ судовъ отъ Ладоги въ Новгородъ и обратно. Сношенія Новгорода съ нѣмецкими купцами извѣстны уже съ XI вѣка и одинъ изъ путей иностранной торговли пролегалъ издревле по Балтійскому морю, Невѣ, Ладожскому озеру и Волхову, а въ XIII в. уже извѣстны и письменные договоры Новгорода съ нѣмецкими городами, въ которыхъ между прочимъ встрѣчаются постановленія, касающіяся порядка плаванія по этому пути. Такъ въ договорѣ 1270 г. [2]) упоминается о наймѣ лоцмановъ для сопровожденія судовъ въ двухъ раіонахъ: по Невѣ и по Волхову отъ Алдагена (Ладоги) до Новгорода, а кромѣ того въ особой статьѣ еще прибавлено о лоцманахъ торговыхъ, которыхъ нѣмцы и голштинцы должны были требовать по прибытіи къ Волховскому порогу; отсюда ясно, что конечнымъ пунктомъ первой половины пути должна была быть именно Ладога, въ которой происходила остановка судовъ, перегрузка товаровъ на другія, для дальнѣйшаго слѣдованія вверхъ или внизъ по рѣкѣ, и вообще временное пребываніе иноземныхъ купцовъ, что доказывается, какъ существованіемъ здѣсь ихъ факторіи съ католическою церковью (см. стр. 50), такъ и одною изъ статей вышеупомянутаго договора, въ которой опредѣляется, что если во время пути будетъ пойманъ воръ между Котлиномъ и Ладогой, то его должно везти для суда именно въ послѣднюю, а если между Ладогой и Новгородомъ — то въ Новгородъ. Очевидно, что при такой роли Ладоги, въ ней-же долженъ былъ производиться и самый наемъ лоцмановъ, какъ въ центральномъ, лежащемъ по сосѣдству съ порогами пунктѣ, отстоявшемъ отъ

[1]) Собраніе Госуд. грамотъ и догов. т. I, № 3.
[2]) И. Андреевскій: О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ.

послѣднихъ всего на приблизителъно 10 верстъ, причемъ лоцманá эти, по нѣкоторымъ извѣстіямъ [1]), были организованы въ артели, съ особыми старостами во главѣ каждой.

Къ этимъ свѣдѣніямъ о торгово-промышленной сторонѣ внутренняго быта Ладоги можно еще прибавить, что въ ней уже въ XVI ст. извѣстно существованіе двухъ ярмарокъ, происходившихъ въ Августѣ и Сентябрѣ мѣсяцахъ: въ писцовой книгѣ 1569 г. указывается, что «въ Ладогѣ-же на посадѣ анбары, а торгуютъ въ нихъ въ годъ по два праздника, на Успенье Пречистыя Богородицы (15 Авг.) да на Рождество Пречистыя Богородицы (8 Сент.), пріѣзжіе посадскіе люди» [2]).

О другихъ сторонахъ быта представляется возможнымъ судить по отдѣльнымъ фактамъ выдающихся событій, отмѣченныхъ лѣтописью въ смыслѣ общественныхъ бѣдствій, время отъ времени постигавшихъ новгородскую область и въ частности Ладогу, рядъ которыхъ выслѣживается съ самыхъ отдаленныхъ временъ и которыя повторяясь почти періодически каждое столѣтіе, конечно должны были тяжко отражаться на внутреннемъ бытѣ населенія. Древнѣйшее свѣдѣніе, сюда относящееся, восходитъ къ концу X вѣка, когда по скандинавскимъ извѣстіямъ былъ взятъ, раззоренъ и сожженъ городъ Альдейгобургъ (Ладога) нарвежскимъ ярломъ Эрикомъ Гоканзономъ [3]). Въ XII вѣкѣ она двукратно была опустошена пожарами: первый разъ въ 1164 г., когда по словамъ лѣтописи—«придоша свье подъ Ладугу и пожгоша ладожане хоромы своя, а сами затворишася во градѣ съ посадникомъ съ Нежатою» [4]), т. е. городъ былъ зажженъ самими жителями, искавшими спасенія отъ шведовъ за стѣнами крѣпости, а второй спустя всего 30 лѣтъ, когда почти одновременно выгорѣли также Новгородъ и Руса; изъ лѣтописи видно, что это вторичное несчастіе постигло Ладогу, вѣроятно, ранней весной 1194 г., такъ какъ лѣтопись передаетъ, что «зажжеся пожаръ въ Новгородѣ въ недѣлю на всѣхъ святыхъ (въ первую недѣлю послѣ Троицына дня), томъ-же лѣтѣ и Ладога погорѣ переди (прежде) Новагорода» [5]). Въ первой половинѣ XIII в. самъ Новгородъ и новгородскій край были дважды поражены страшнымъ голодомъ, именно въ 1215 г., когда въ Вотской пятинѣ (въ которой лежала и Ладога) почти все населеніе вымерло или разбѣжалось, и въ 1230 г., унесшемъ также множество

---

[1]) Н. Костомаровъ: Сѣв.—рус. народопр., т. II, гл. 8.

[2]) Документы Новгор. Казен. палаты въ Археогр. Комис., № 425.

[3]) П. Бутковъ: О Альдейгаборгѣ (Сынъ Отечество, 1836 г.).

[4]) Новгород. лѣт. по Синод. списку.

[5]) Тамъ-же.

жертвъ по той-же причинѣ [1]). Еще болѣе роковымъ было XIV столѣтіе, ознаменовавшееся рядомъ новыхъ бѣдствій: въ первой половинѣ его Ладога въ теченіи 24 лѣтъ была два раза выжжена шведами: одинъ разъ въ 1313 г., въ то время когда сами ладожане участвовали въ походѣ [2]), причемъ по нѣкоторымъ указаніямъ городъ былъ разграбленъ и часть населенія уведена въ полонъ [3]), другой разъ въ 1338 г., во время войны новгородцевъ съ шведами изъ за Кареліи—«нѣмцѣ пригонивше Ладогу пожгоша посадъ, нь города (крѣпости) не взяша» [4]); не успѣло населеніе оправиться отъ этихъ двукратныхъ погромовъ, какъ осенью 1352 г. Ладогу посѣтилъ бичъ Божій «Черная смерть», опустошавшая уже съ 1346 г. восточныя и южныя страны, затѣмъ перебравшаяся въ Европу и черезъ три года обнаружившаяся въ Скандинавіи, а наконецъ и во всей Россіи, въ томъ числѣ въ Новгородѣ и Ладогѣ. О заразѣ этой лѣтопись упоминаетъ очень коротко:—«той-же осени (1352 г.) бысть моръ силенъ въ Новегородѣ и въ Ладозѣ» [5]), но съ какою силою она вообще свирѣпствовала, можно судить по тому, что напр. въ Псковѣ отъ нея уцѣлѣла едва одна треть жителей. Еще болѣе въ ужасныхъ размѣрахъ та-же зараза повторилась и въ началѣ XV столѣтія, когда въ одномъ Новгородѣ отъ нея въ теченіи полугода погибло до 8000 народа [6]); по словамъ лѣтописца, она свирѣпствовала лѣто и зиму 1417 года—«Бѣ моръ страшенъ въ Новгородѣ на людѣхъ и въ Ладозѣ и Псковѣ и во Тфери и по властемъ и по погостамъ» [7]), причемъ число ежедневно погибавшихъ было такъ велико, что ихъ не успѣвали предавать погребенію:—«умножишася умершихъ въ градѣхъ и селѣхъ, тѣмъ-же едва успѣваху живіи мертвыхъ опрятывати, на всякъ день умираху толко, яко не успѣваху погребати ихъ»,—передаетъ лѣтопись и даже сообщаетъ самые симптомы ужасной заразы—«прежде яко рогатиною ударитъ и явится желѣзá, или начнетъ кровію харкати и потомъ дрожь иметъ и огнь рожьжетъ по всѣмъ суставомъ»!

Но едва-ли даже этими двумя эпидеміями могутъ ограничиваться бѣдствія Ладоги въ томъ-же отношеніи, такъ какъ имѣются указанія, что моровыя

---

[1]) Н. Костомаровъ: Сѣв. рус. народопр., т. II, гл. 7.

[2]) Новгор. лѣтоп. по Синод. списку.

[3]) Полн. собр. рус. лѣт., т. X, 178 (Никоновск. лѣтоп.).

[4]) Новгор. лѣтоп. по Синод. списку.

[5]) Полн. собр. рус. лѣтоп., т. IV, 62.

[6]) Карамзинъ: Ист. Гос. Рос., т. V, 215 (изд. 1818 г.).

[7]) Новгород. лѣтоп. по Синод. списку. По III Новгор. лѣтописи (Полн. собр., т. III), бѣдствіе это случилось въ 1418 г.

болѣзни посѣщали Новгородъ еще въ 1390 и 1423—24 г. [1]) и хотя неизвѣстно, спускались-ли тогда эпидеміи по Волхову, но при тѣсной связи Новгорода съ Ладогой весьма вѣроятнымъ является, что зараза поражала и послѣднюю. Подобное-же значеніе можетъ имѣть извѣстіе и о голодѣ, вмѣстѣ съ эпидеміей свирѣпствовавшемъ въ Новгородѣ въ томъ-же 1423 г. и, вѣроятно, также отозвавшемся въ Ладогѣ.

О выдающихся событіяхъ въ Ладогѣ за XVI вѣкъ ничего неизвѣстно, но едва-ли и онъ миновалъ благополучно, ибо имѣются указанія, что въ 1582 или 1583 г. ближайшія окрестности Ладоги пострадали отъ шведовъ. По этой причинѣ напр. не могло быть закончено составленіе писцовой книги 1582 г., именно части Новгородскаго, Орѣховскаго и Ладожскаго уѣздовъ, потому что въ нихъ—«писцы не дописали для войны нѣмецкихъ людей 13 погостовъ, какъ стояли подъ Орѣшкомъ и подъ Ладогою нѣмецкіе люди» [2]), а вѣроятно на тѣ-же разбои въ областяхъ Заонежской, на Ладогѣ и Двинѣ жаловались русскіе послы шведамъ и во время съѣзда 1586 г. на р. Плюсѣ [3]).

Одну изъ самыхъ тяжкихъ годинъ, пережитыхъ Ладогой, составляетъ эпоха смутъ начала XVII ст., въ водоворотѣ которыхъ она съ ближайшими своими окрестностями снова подверглась разгрому и опустошеніямъ. Ниже, при обозрѣніи военныхъ дѣйствій подъ Ладогой, событія эти изложены въ подробностяхъ, здѣсь же можно остановиться на фактахъ, рисующихъ то ея состояніе, которое явилось результатомъ этого бѣдственнаго для всей Россіи періода. Кругомъ Ладоги, начиная съ Никольскаго Медвѣдскаго монастыря (на устьѣ Волхова) и до Гостинопольскаго Николаевскаго (на Волховѣ, въ 20 верстахъ выше Ладоги), царствовало полное разореніе, о размѣрѣ и характерѣ котораго можно составить понятіе изъ современныхъ документовъ. Напр. въ грамотѣ 1620 г., данной игумену Медвѣдскаго монастыря Кириллу, передается, между прочимъ, что—«Въ прошломъ (?) году ладожскій воевода... [4])

---

[1]) Н. Костомаровъ: Сѣв.-рус. народопр., т. II, гл. 7.

[2]) Временникъ Общества ист. и древн., кн. XI, 48. Въ выписи изъ писцовыхъ книгъ, на земли ладожскаго Ивановскаго монастыря, 1686 г., также повторяется, что «въ писцовыхъ книгахъ 7090 года того Иванского монастыря вотчинныя земли писаны не сполна, за войною отъ нѣмецкихъ людей» (Документы Новгор. Казен. палаты въ Археогр. Ком., № 506).

[3]) Карамзинъ: Ист. Госуд. Рос., т. X, 107 (итд. 1818 г.).

[4]) Грамота эта оказалась въ Новоладожской городской управѣ, но, къ сожалѣнію, въ новѣйшемъ спискѣ, весьма неисправномъ, съ пропусками и искаженіями нѣкоторыхъ словъ, очевидно не разобранныхъ переписчикомъ. Въ ней имя упомянутаго «воеводы» (непріятельскаго) прописано «Андрекинберъ», по всей вѣроятности представляющее искаженіе имени того изъ шведскихъ начальниковъ, который въ русскихъ донесеніяхъ 1615 г. названъ «Кобринымъ» и

того Никольскаго монастыря бывшаго игумена Ѳеодорита и служителей монастырскихъ пыталъ всякими разными пытками и покинули въ тюрьму замертва, а въ монастырь прислали многихъ нѣмецкихъ людей и монастырь разорили, образы и колокола и свѣчи и паникадила и всякую монастырскую казну, лошадей и коровъ и хлѣбъ монастырской въ житницахъ въ монастырѣ и по селамъ весь пограбили и по полямъ сѣяной хлѣбъ и у крестьянъ пожавъ, смолотивъ свезли въ Ладогу, и старцевъ и слугъ и крестьянъ многихъ побили до смерти и монастырь и монастырскіе гумна все выжгли и церкви каменныя разломали и ихъ разорили до основанія». Равнымъ образомъ былъ разоренъ и монастырь Гостинопольскій, въ которомъ—«церковь живоначальныя Троицы да 20 келій сожгли нѣмецкіе люди» [1]), а также и Васильевскій противъ Ладоги, о которомъ валаамскіе старцы писали въ 1618 году, что онъ—«стоитъ пустъ, игумена и братьи въ немъ нѣтъ, лишь-де живутъ три служки» [2]); упоминаемый Васильевскій монастырь былъ въ такой крайности, что когда въ 1620 г. онъ началъ «ставиться послѣ войны нѣмецкихъ людей вновь», то до 1627 г. богослуженіе въ немъ совершалось при освѣщеніи дранью и братія, скорбя о томъ, приносила жалобы, что «у нихъ-де въ церкви Божіи, служачи съ лучиною, образы закоптѣли» [3]).

Не лучше была участь обителей, находившихся и въ самой Ладогѣ. Въ 1621 г. старица Акилина съ сестрами, заботясь о возстановленіи благосостоянія Успенскаго дѣвичьяго монастыря, заявляла въ своей челобитной, что «онѣ отъ нѣмецкого разоренья скитались между дворовъ и кормились Христовымъ именемъ и ихъ прежнюю жалованную грамоту и всякую монастырскую казну поимали и сестеръ побили нѣмецкіе люди, въ тѣ поры какъ имали Ладогу». Ревнитель другаго монастыря (Николаевскаго) черный попъ Ѳеодосій, въ своемъ челобитѣ 1622 г. о возвращеніи монастырской вотчины, указывалъ, что—«онъ-де попъ Ѳеодосій, постриженникъ монастыря, скитается до нынѣ межъ дворовъ, а государево-де богомолье монастырь Николы Чудотворца, что въ Ладогѣ на посадѣ, отъ нѣмецкихъ людей стоитъ разоренъ до основанія» [4]). Наконецъ, о Георгіевскомъ Застѣнномъ монастырѣ (внутри Ладожской крѣпости)

дѣйствительно былъ въ Ладогѣ въ описываемое время (см. ниже—военныя дѣйствія подъ Ладогой).

[1]) Докум. Новг. Каз. Пал. въ Археогр. Ком., № 174.

[2]) Акты Археогр. Эксп.; т. III, № 96.

[3]) Документы Новгор. Духовной Консист. въ Археогр. Ком., № 52. Документы Новгор. Казен. палаты, № 92 (Тамъ-же).

[4]) Документы Новгор. Казен. палаты въ Археогр. Ком. №№ 57 и 66.

извѣстно, что, въ виду постигшаго его разоренія, онъ былъ снова освященъ лишь въ 1618 году.

Такимъ образомъ, кругомъ и на самой Ладогѣ всюду лежала печать насилія и грабежа непріятеля, подъ власть котораго она дважды попадала на продолжительное время, начиная съ 1610 г., до окончательнаго умиренія края Столбовскимъ миромъ (1617 г.), послѣ котораго начало только вновь собираться разбѣжавшееся населеніе и понемногу стали изглаживаться слѣды этого бѣдственнаго для нея періода.

Наконецъ послѣднимъ несчастіемъ, посѣтившимъ Ладогу за время ея существованія, какъ города, былъ новый пожаръ, испепелившій ее въ ночь на 24 Апрѣля 1702 г., извѣстіе о чемъ занесено въ старинный синодикъ ладожскаго Успенскаго монастыря, сдѣлавшагося также жертвой огня при этомъ случаѣ.

Изъ совокупности всѣхъ этихъ бѣдствій, періодически обрушивавшихся на Ладогу, въ составѣ которыхъ лѣтописями насчитывается 5 опустошительныхъ пожаровъ, 2 моровыхъ эпидеміи, 2 голода и не менѣе шести непріятельскихъ нашествій, едва-ли можетъ слагаться выгодное представленіе относительно условій внутренняго ея быта, тѣмъ болѣе, что сохранилось нѣсколько указаній и объ обременительномъ положеніи населенія отъ тягостей характера тѣсно административнаго. Уже въ самыхъ системахъ намѣстническаго и воеводскаго управленія въ XVI и XVII столѣтіяхъ, заключался источникъ многихъ темныхъ сторонъ современнаго имъ гражданскаго быта, но на послѣднія есть указанія и самостоятельныя, т. е. независимыя отъ сопряженныхъ съ этимъ управленіемъ злоупотребленій. Къ сожалѣнію, указанія эти въ данномъ случаѣ довольно скудны и имѣются только за время сравнительно позднее, но безъ сомнѣнія они представляютъ лишь отрывки изъ цѣлой цѣпи фактовъ, сюда относящихся.

Такъ въ 1649 г. населеніе Ладожскаго уѣзда и посадскіе люди Ладоги жаловались, что «въ Великомъ Новгородѣ городовое дѣло дѣлаемъ и всякіе подати платимъ вмѣстѣ съ пятинами и на нѣмецкомъ рубежѣ на Лавци рѣки (на р. Лавѣ) крестьянишка и посадскіе людишка безпрестанно стоятъ съ подводами подъ послы и подъ посланники и подъ гонцы и для всякихъ государевыхъ дѣлъ и мосты мостимъ отъ нѣмецкаго рубежа и до Ладоги по дорогѣ» [1]). Далѣе—имѣются жалобы на обремененія населенія ладожскаго двойнымъ тягломъ: въ Новгородъ и въ Ладогу;—въ одномъ указѣ 1674 г. говорится, что въ 1671 г. Ладожскаго уѣзда помѣщики, дворяне и дѣти

[1]) См. прилож. V.

боярскіе били челомъ великому государю, что «отъ того-де лишняго тягла крестьяне и бобыли ихъ оскудали и многіе разбрелися врознь и пожаловать-бы ихъ велѣть крестьяномъ и бобылямъ ихъ всякіе наши великого государя подати платить въ Новгородъ съ иными новгородскими крестьяны вмѣстѣ, а лишняго тягла города Ладоги и Лавуйскаго острожка [1]) тянуть и въ Ладогѣ ихъ вѣдать не велѣть», и что просьба была уважена — «велѣно противъ ихъ челобитья новгородцовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые испомѣщены около города Ладоги, въ податѣхъ быть къ тому городу (Новгороду), а въ Ладогѣ податьми быть не велѣть» [2]); за то все бремя прежняго двойнаго тягла легло на прочее населеніе и, напр. относительно крестьянъ монастырскихъ, въ томъ-же указѣ приводится, что въ 1674 г. вновь били челомъ ладожскіе игумены Ѳеодоритъ и Евѳимій (Ивановскаго и Николаевскаго монастырей), ссылаясь на упомянутое освобожденіе, что съ тѣхъ поръ—«со 179 года воеводы правятъ на ихъ монастырскихъ крестьянѣхъ за весь Ладожской уѣздъ, а прежде сего дворцовые и помѣщицкіе крестьяне Ладожского уѣзду платили въ городѣ Ладогѣ всякое тягло и въ городовую подѣлку и во всякіе расходы и въ хоромное строенье и въ биричи и въ заплечные мастеры и Приказные избы и въ теремные сторожи и въ воротники и въ цѣловальники и въ перевощики, съ ихъ крестьяны вмѣстѣ. И нынѣ-де то все тягло въ городѣ Ладогѣ платятъ ихъ монастыря крестьяне съ дву монастырей за весь Ладожской уѣздъ и въ Великій Новгородъ съ уѣздными людьми всякіе подати платятъ-же и отъ того двойного тягла и неоплатного правежу крестьяне-де ихъ въ конецъ разорились и врознь разбрелись». Поэтому монастырская братія просила, чтобы ихъ крестьянамъ также платить тягло въ Новгородѣ, а не въ Ладогѣ, или велѣть дворцовымъ и помѣщичьимъ крестьянамъ Ладожскаго уѣзда платить всякія подати по прежнему съ ними вмѣстѣ, вслѣдствіе чего прежнее рѣшеніе относительно крестьянъ дворцовыхъ и помѣщичьихъ, тѣмъ-же указомъ 1674 г., распространено и на монастырскихъ: «всякіе подати и поборы и въ городовое строенье сбирать въ Великомъ Новгородѣ, а въ Ладогу имъ никакихъ податей и поборовъ платить не велѣть. А буде въ Ладогѣ прилучится какое городовое строенье и иныя какія починки небольшія, безъ которыхъ быть не мочно, о томъ о всемъ изъ Ладоги воеводамъ писать въ Великій Новгородъ и на такія городовые строенья и на починки и на иные расходы деньги посылать изъ Великого Новгорода изъ новгородскихъ доходовъ».

---

[1]) Пограничный пунктъ на р. Лавѣ, верстахъ въ 35 западнѣе Ладоги.

[2]) Указъ 1674 г., безъ начала (изъ документовъ Староладожск. Николаевск. монастыря).

Но, какъ видно, и при этихъ условіяхъ, повинности все таки оставались обременительными, судя напр. по челобитью Никодима, игумена Зеленецкаго монастыря, который въ 1688 г., ходатайствуя, чтобы крестьянъ приписныхъ къ послѣднему Ивановскаго и Васильевскаго монастырей въ Ладогѣ, судомъ и управою вѣдать въ Новгородѣ, писалъ, что—«тѣхъ-де монастырей за крестьянъ и за бобылей стрѣлецкой хлѣбъ и иные всякіе подати платятъ они изъ монастырской своей казны въ Великомъ Новгородѣ и подъ пословъ и подъ всякую великихъ государей казну за тѣхъ крестьянъ подводы ставятъ съ иными новгородскими монастыри вмѣстѣ и сверхъ тѣхъ подводъ ямскія и полоничныя деньги платятъ по вся годы и мостовое и городовое дѣло въ Великомъ Новгородѣ по розвытку строятъ; а изъ Великого Новгорода и изъ Ладоги присылаютъ для всякихъ и челобитческихъ дѣлъ посыльныхъ всякихъ чиновъ людей и тѣ-де посыльщики пріѣзжая тѣхъ монастырей въ вотчины у крестьянъ и у бобылей емлютъ подводы и кормы силно, и отъ того-де насильства крестьяне и бобыли ихъ многіе разбрелись и достальные оставя домишки свои бредутъ врознь» [1]). Слѣдствіемъ челобитья было повелѣніе, чтобы монастырскихъ людей вѣдать въ Новгородѣ, а въ Ладогѣ и въ уѣздѣ ихъ не убытчить, не волочить безъ указу подводъ и кормовъ лишнихъ отнюдь не имать.

Собственно посадскіе люди Ладоги, жаловались на свои тягости еще въ 1652 г., причемъ любопытно, что они уже въ то время указывали на непричастность къ ихъ тяглу тѣхъ-же дворцовыхъ, помѣщичьихъ и монастырскихъ крестьянъ, о которыхъ шла рѣчь выше, изъ чего можно заключить, что вышеупомянутые указы 1674 и 1688 г. вѣроятно были уже повторительными. Посадскіе люди писали, что сначала, послѣ нѣмецкаго разоренья (т. е. послѣ Столбовскаго мира), они «всякіе подати и тягла городовые и посадскіе отпуски и въ подводы и въ цѣловальники и къ Съѣзжей избѣ и къ тюрьмѣ въ сторожи и въ полача и въ бирюча и черезъ рѣку Волховъ въ перевозчика, все тянули вмѣстѣ съ ладожскими уѣздными людьми и дворцовыми и помѣщицкими и съ монастырскими крестьяны въ седьмую выть, а какъ пріѣзжаютъ въ Ладогу государевы послы и посланники и въ прошломъ во 159 году были межевые судьи и подводы ставили все мы и стояли у насъ въ посадѣ многое время и дрова и лучину у насъ держали, а того Ладожского уѣзду дворцовые и помѣщицкіе и монастырскіе крестьяне тѣхъ подводъ и становъ и ни въ чемъ намъ не помогаютъ, чинятся сильны, только во всякихъ городовыхъ расходѣхъ и въ подводѣхъ погибаемъ одни мы посадскіе людишка; а нынѣ

[1]) Грамота новгородскому воеводѣ князю Прозоровскому, 1688 г. (Документы Новгор. Казен. палаты въ Археогр. Комиссіи, № 554).

Ладожского уѣзду дворцовые и помѣщицкіе и монастырскіе крестьяне въ томъ во всемъ городовомъ тяглѣ и въ податяхъ въ Ладогѣ не судимы и ни въ чемъ съ нами не считаются». Далѣе прибавлено, что въ 1648 г. они-же били челомъ на тѣхъ крестьянъ о томъ-же тяглѣ, податяхъ и подводахъ, и что по поводу этого имъ дана изъ Новгородской Четверти счетная грамота, чтобы крестьянамъ съ ними во всемъ считаться и во всякіе государевы доходы тянуть» [1]).

Кромѣ указанныхъ условій, на экономическую сторону быта извѣстнымъ гнетомъ должны были ложиться и разныя повинности по сооруженію или ремонтамъ городскихъ укрѣпленій, по нарядамъ для перевозки военныхъ грузовъ, по отправленію военной службы и т. д. Напр. въ 1649 году, по случаю ремонта ладожской крѣпости, все населеніе уѣзда, равно какъ и посадскіе люди самой Ладоги, прося объ облегченіи ихъ въ этомъ дѣла указывали, что въ ней обѣ крѣпости (каменную и деревянную) ремонтировали изстари всѣмъ Новгородскимъ присудомъ и иными многими городами, уѣздами и погостами, а въ 1646 г. крупный ремонтъ былъ, по распоряженію воеводы, произведенъ исключительно силами одного «малаго и раззореннаго» уѣзда Ладожскаго, въ виду чего многіе изъ посадскихъ людей и крестьянъ ушли за рубежъ, да и остальные бредутъ розно [2]). Въ книгахъ Ямского стола, между 1657 — 1661 г. записано распоряженіе, чтобы «около Ладоги и въ Обонежской пятинѣ у сошныхъ людей переписать, сколько у кого лошадей, и тѣхъ лошадей посылать въ подводы подъ нарядъ и подъ всякіе пушечные и хлѣбные запасы въ острожекъ на Лавую для походу за рубежъ» [3]). Въ 1655, 1672, 1692 и 1693 годахъ все невоенное населеніе Ладоги показано вооруженнымъ [4]), и т. д.

Наконецъ, болѣе мелкими штрихами въ картинѣ внутренняго быта, могутъ также служить разныя указанія на раздоры между обывателями Ладоги, какъ напр. упоминаемые въ челобитьѣ братіи Васильевскаго монастыря 1642 г., что «дворяне и дѣти боярскіе и подъячіе и ладожскіе стрѣльцы и казаки имъ старцамъ и служакамъ ихъ чинятъ шкоту и продажу, и животину ихъ монастырскую бьютъ и хвосты сѣкутъ и гривы стригутъ и отъ того они въ конецъ погибли» [5]), или какъ въ жалобѣ Зеленецкаго игумена Никодима 1688 г., что

---

[1]) См. прилож. IV.

[2]) См. прилож. V.

[3]) Книга разнымъ грамотамъ и проч. съ 135 по 169 г., л. 303 (Документы Новгород. Губернск. правленія въ Археограф. Комиссіи).

[4]) См. прилож. IX, XII и XIV.

[5]) Грамота объ отдачѣ Васильевскому монастырю пустоши Макаровщины (Документы Новгор. Казенной палаты въ Археогр. Ком., № 126).

приписныхъ Ивановскаго и Васильевскаго ладожскихъ монастырей «всякаго чину люди живутъ въ городѣ Ладогѣ съ подъячими и съ иными приказными людьми смежно и межъ ими бываютъ ссоры, и мстя тѣ ссоры, подъячіе и иныхъ чиновъ приказные люди въ челобитческихъ дѣлѣхъ тѣхъ монастырей всякихъ чиновъ людемъ и крестьяномъ и бобылямъ чинятъ волокиты и убытки великіе» [1]). Рядъ подобныхъ мелочей, въ общемъ вопросѣ о внутреннемъ бытѣ, безъ сомнѣнія, долженъ имѣть свое значеніе, ибо можетъ давать извѣстный оттѣнокъ теченію современной имъ общественной жизни.

Военныя дѣйствія подъ Ладогой.

Въ качествѣ пограничнаго пункта, Ладогѣ уже съ самыхъ раннихъ временъ неоднократно приходилось видѣть непріятеля какъ въ своихъ окрестностяхъ, такъ непосредственно и самой выносить всю тяжесть подобныхъ нашествій. Выше уже упоминалось извѣстіе о разореніи Ладоги норвежцами еще въ X стол., а затѣмъ имѣется указаніе на вторженіе шведовъ въ Ладожскую область въ 1144 г., не коснувшееся, впрочемъ, непосредственно самого города [2]). Древнѣйшее извѣстіе, по нашимъ лѣтописямъ, о непріятельскомъ нападеніи на самую Ладогу относится къ 1164 г., т. е. спустя около 50 лѣтъ послѣ возведенія въ послѣдней каменной крѣпости; въ Маѣ мѣсяцѣ шведы на 55 шнекахъ явились испытать силу недавно сооруженной твердыни, но ладожане въ виду нападенія сами зажгли свои жилища и заперлись въ послѣдней, пославъ въ Новгородъ гонца съ извѣстіемъ. Въ Субботу (23 Мая, какъ надо заключить изъ словъ лѣтописи) [3]) непріятель подступилъ къ Ладогѣ, но вѣроятно неудачно попытавшись овладѣть ею открытою силою, или быть можетъ провѣдавъ о приближеніи выручки изъ Новгорода, столь-же быстро отступилъ въ Ладожское озеро и скрылся въ устьѣ рѣчки Воронаи [4]), гдѣ Мая 28-го былъ настигнутъ княземъ

---

[1]) Тамъ-же, № 554.

[2]) Карамзинъ: Ист. Госуд. Рос., т. II, 198 (изд. 1818 г.).

[3]) Новгород. лѣтопись по Синод. сп., 145: «Придоша свье подъ Ладугу и пожгоша ладожане хоромы своя, а сами затворишася въ градѣ съ посадникомъ съ Нежатою, а по князя послаша и по новгородци. Они-же приступиша подъ городъ въ Суботу и не успѣша ничтоже къ граду, нъ большю рану воспріяща и отступиши въ рѣку Воронай. Пятый-же день приспѣ князь Святославъ съ новгородци и съ посадникомъ съ Захаріей и наворотиша на ня мѣсяца Мая въ 28, на св. Елалія въ четвьркъ въ часъ 5 дни и побѣдиша я Божіею помощью, овы исѣкошa, а иныя изимаша, пришли бо бяху въ полушестадьсятъ шнекъ, изьмаша 43 шнекъ, а мала ихъ убѣжаша и ти ѣзвьни».

Тверская лѣтопись (Полн. собр. рус. лѣт., т. XV, 236), вопреки прочимъ, датируетъ сраженіе 20-мъ Мая.

[4]) Быть можетъ нынѣшняя р. Воронега, впадающая въ Ладожское озеро восточнѣе Сяси. Здѣсь недалеко отъ устья (близь дер. Шахновой) существуетъ большое курганное кладбище, но происхожденіе его едва-ли имѣетъ связь съ описаннымъ сообщеніемъ, такъ какъ судя по раскопкамъ нѣкоторыхъ изъ этихъ кургановъ, они представляютъ бытовыя могилы языческаго періода.

Святославомъ Ростиславичемъ съ посадникомъ Захаріей и потерпѣлъ полное пораженіе.

Слѣдующее насильственное занятіе Ладоги произошло спустя болѣе ста лѣтъ, когда она неожиданно была захвачена дружиною князя Довмонта псковскаго, что случилось 1 Января 1281 г., во время усобицъ между великимъ княземъ Димитріемъ Александровичемъ и братомъ его Андреемъ. Подробностей объ этомъ набѣгѣ не имѣется, такъ какъ лѣтопись упоминаетъ лишь, что «того-же дни (Января 1) изгони Домонтъ Ладогу»[1]), но ближайшимъ толчкомъ къ нему послужили—съ одной стороны захватъ княземъ Димитріемъ и зятемъ его Довмонтомъ Копорья, а съ другой — новгородцами семьи того-же Димитрія, въ виду чего Довмонтъ и ворвался въ Ладогу, изъ которой вывезъ казну своего тестя «и задроша и ладоского» (?), какъ прибавлено въ лѣтописи.

Въ первой половинѣ XIV вѣка Ладога дважды подверглась непріятельскому нападенію. Въ 1313 г. шведы, быть можетъ, воспользовавшись отсутствіемъ ладожанъ, бывшихъ въ какомъ-то походѣ, разграбили и сожгли городъ, уведя съ собой много полона[2]); въ другой разъ въ 1338 г. тѣ-же шведы, поддерживая измѣну и безпорядки, начавшіеся между русскими корелами, снова успѣли неожиданно напасть на Ладогу и, хотя опять выжгли посадъ, но по словамъ лѣтописи самую крѣпость взять не могли[3]).

Затѣмъ до исхода XVI вѣка, извѣстій о какихъ-либо военныхъ дѣйствіяхъ подъ Ладогой не встрѣчается, но въ концѣ царствованія Іоанна Грознаго послѣдняя, вѣроятно, опять видѣла подъ своими стѣнами стараго исконнаго непріятеля. Во время нашествія поляковъ, когда войска Стефана Баторія осадили Псковъ, шведы подъ предводительствомъ Понтуса Делагарди вооруженною рукою заняли Нарву, Ямбургъ и Копорье, побывали подъ Орѣшкомъ, а летучіе ихъ отряды достигли до Волхова и въ 1582 г. опустошили ближайшія окрестности Ладоги; подробностей объ этомъ до насъ не дошло, но извѣстно напр., что тогда былъ разоренъ Николаевскій Медвѣдскій монастырь, находившійся при устьѣ Волхова, т. е. всего верстахъ въ 12 отъ Ладоги, такъ какъ во вновь данной жалованной грамотѣ 1584 года, игумену монастыря Іосифу съ братіею, говорится, что — «въ прошломъ 90 (1582) году приходили подъ

[1]) Полн. собр. рус. лѣтоп., т. III, 64.

[2]) Въ Новгород. лѣтописи объ этомъ упоминается очень кратко: — «Выѣха посадникъ Ладожьскый съ ладожаны на войну и по грѣхомъ нашимъ изъѣхаша нѣмци Ладогу и пожгоша», въ Никоновской-же (т. X, 178) прибавлено—«и нѣмцы пришедше Ладогу взяша и сожгоша и люди въ полонъ повѣдоша и со многимъ богатствомъ возвратишася въ своязи».

[3]) Новгор. лѣт. по Синод. списку, 334: «Воеваша нѣмцѣ съ корелою много по Обонижью, послѣ-же и Ладогу пожгоша, пригонивше, посадъ, нь города не взяша».

Орѣшокъ нѣмецкіе люди воевати и ихъ деи монастырь вывоевали и старцовъ и слугъ присѣкли, а иныхъ въ полонъ поимали» [1]). Въ другой челобитной игумена Медвѣдскаго монастыря Ѳеодорита 1588 г., упоминаемое раззореніе отнесено къ 1583 году и говорится, что «въ прошломъ 91 году приходили подъ Ладогу нѣмецкіе воинскіе люди и тотъ-де монастырь воевали и монастырская де ихъ вотчина отъ нѣмецкой войны стала пуста и прокормиться нечѣмъ» [2]); можно прибавить, что извѣстіе о томъ-же, хотя и менѣе опредѣленное, встрѣчается также въ писцовой книгѣ Обонежской пятины 1583 г. [3]), въ которой про Введенской погостъ на р. Ояти [4]) показано—«нынѣ монастырь Веденской въ острову, а въ немъ церковь Богоявленіе Господне, да мѣсто церковное, что была церковь Веденье Пречистые, да мѣсто церковное, что была церковь Петра и Павла, а церкви пожгли нѣмецкіе люди».

Наконецъ сохранилось еще указаніе, что тѣ-же шведы воевали въ южномъ Приладожьѣ и въ началѣ Сентября 1592 г., почему легко быть можетъ, что появлялись тогда-же и около самой Ладоги. Такъ, въ переписной книгѣ Софійскихъ вотчинъ 1592 года читаемъ: «Въ нынѣшнемъ въ сотомъ году на Рождество Пречистые день, приходили на Сермаксу нѣмецкіе люди войною и тое церковь (во имя Вознесенія Господня и великомученицы Параскевы) и крестьянскіе и бобыльскіе дворы пожгли» [5]).

Начало XVII вѣка,—бѣдственная година самозванцевъ и междуцарствія, составляетъ не менѣе тяжкую эпоху и въ военныхъ лѣтописяхъ самой Ладоги, снова подвергнувшейся тяжести иноземнаго нашествія, несмотря на свою отдаленность отъ театра роковыхъ событій того времени. Договоръ съ Швеціей, заключенный въ виду безвыходнаго положенія царемъ Василіемъ, для полученія вооруженной помощи противъ поляковъ и скопищъ втораго самозванца, имѣлъ

---

[1]) Дополн. акт. историч., т. I, № 130. Вѣроятно въ связи съ этими военными дѣйствіями находится и фактъ находки, при раскопкахъ въ Староладожск. городищѣ, шведской монеты 1573 г. (См. ч. II).

[2]) Акты историч., т. IV, № 44. Любопытно, что указаніе на тотъ же годъ приводится и въ грамотѣ 1663 г. Савво-Стороженскому монастырю, въ которой упоминается—«Рядокъ на устьѣ Волховскомъ, а въ немъ 19 дворовъ крестьянскихъ пусты, хоромы пожгли и крестьянъ побили нѣмецкіе люди въ 91 (1588) году». (Документы Московск. архива Минист. Юстиціи, № 8450).

[3]) Выпись на церковныя земли Обонежской пятины Заонежской половины, 1685 г. (Документы Новгор. Губернск. правленія въ Археогр. Ком.).

[4]) Верстахъ въ 60 отъ Ладоги. Рѣка Оять впадаетъ въ Свирь недалеко отъ Ладожскаго озера.

[5]) Документы Новгор. Духовн. Конс. въ Археогр. Комиссіи. Сермакса— въ XVI ст. митрополичье дворцовое село, нынѣ же селеніе на р. Свири, у впаденія въ послѣднюю р. Ояти, верстахъ въ 60 отъ Ладоги.

результатомъ прибытіе въ 1609 г. 4,000 отряда подъ предводительствомъ Якова Делагарди, который явился въ качествѣ союзника князя Михаила Скопина-Шуйскаго въ Новгородъ и отсюда оба открыли военныя дѣйствія, направленныя прежде всего къ освобожденію самой Москвы отъ сподвижниковъ Тушинскаго вора. Ходъ дальнѣйшихъ событій извѣстенъ: 2 Марта 1610 г. союзники совершили уже торжественный въѣздъ въ Москву, но къ несчастію, здѣсь нашелъ преждевременную кончину самъ князь Скопинъ, а со смертью его послѣдовалъ новый переломъ въ теченіи дѣлъ, имѣвшій пагубныя послѣдствія и для остававшейся до сихъ поръ внѣ театра военныхъ дѣйствій—Ладоги.

Ближайшимъ толчкомъ, обрушившимъ на послѣднюю непріятельское нападеніе, послужило несчастное Клушинское пораженіе (24 іюня 1610 г.), неожиданно нанесенное гетманомъ Жолкевскимъ войскамъ, двигавшимся съ княземъ Димитріемъ Шуйскимъ и Делагарди изъ Можайска къ Цареву-Займищу. Здѣсь застигнутые врасплохъ русскіе и шведы были разсѣяны, самъ Шуйскій бѣжалъ, а Делагарди съ остатками своего отряда, вынужденный дать Жолкевскому слово не служить болѣе царю Василію, былъ отпущенъ и двинулся обратно къ Новгороду, оставаясь все таки въ душѣ прежнимъ противникомъ поляковъ.

Послѣдовавшія затѣмъ событія—низведеніе Шуйскаго съ престола, правленіе Боярской думы и избраніе въ Москвѣ на царство королевича Владислава, породившія вновь разныя партіи, не замедлили отозваться и на сѣверныхъ окраинахъ Россіи, такъ какъ дали поводъ Делагарди начать тамъ непріязненныя дѣйствія, въ качествѣ противника польской партіи, результатомъ чего явилось занятіе бывшими союзниками Кексгольма и Ладоги, а нѣсколько позже и самаго Новгорода.

Объ этомъ эпизодѣ исторической жизни Ладоги сохранилось довольно много подробностей и имѣются даже мемуары одного изъ современниковъ, участвовавшаго въ походѣ Делагарди. Войска послѣдняго, кромѣ шведовъ, состояли еще изъ значительнаго процента разныхъ наемныхъ авантюристовъ—французовъ, нѣмцевъ, англичанъ и другихъ, въ числѣ которыхъ отрядомъ французовъ командовалъ нѣкто Петръ Делавиль, лично проведшій болѣе полугода въ Ладогѣ и составившій въ 1611 г. свои записки о тогдашнихъ событіяхъ въ Россіи [1]). Съ другой стороны, о томъ-же Делавилѣ и военныхъ съ нимъ

---

[1]) Записки эти, любезно указанныя намъ многоуважаемымъ академикомъ А. А. Куникомъ, носятъ слѣдующее названіе: «Discours sommaire de ce qui est arrivé en Moscovie depuis de Ivan Wassiliwich empereur, jusques à Vasili Ivanovitz Soushy, par Pierre de Laville, sieur de Dombasle, 1611» и напечатаны въ парижскомъ изданіи 1834 г. т. I—«La chronique de Nestor par Louis Paris», стр. 404.

столкновеніяхъ въ Ладогѣ, неоднократно упоминается и въ нашихъ отечественныхъ документахъ того времени, подтверждающихъ правдивость его сообщенія, почему сличеніе обоихъ источниковъ представляетъ значительный интересъ въ данномъ случаѣ.

Въ той части своего разсказа, которая касается упоминаемаго эпизода, Делавиль передаетъ, что послѣ Клушинской битвы (24 іюня) они отступили къ Новгороду, имѣя всего отъ 200—300 коней, но тамъ къ нимъ присоединились еще три роты или отряда французовъ, вновь прибывшихъ уже по низведеніи Шуйскаго съ престола, и Делавиль съ ними отправился подъ Ладогу, а Делагарди, усилившись пограничными шведскими войсками, осадилъ Кексгольмъ.

Когда именно произошло занятіе французами самой Ладоги, точныхъ указаній не имѣется, но, принимая во вниманіе, что 6 іюля Делавиль лежалъ еще больной въ окрестностяхъ Можайска [1]), что отступленіе къ Новгороду должно было потребовать около мѣсяца и что занятіе крѣпости (ладожской) по словамъ его продолжалось семь мѣсяцевъ, а между тѣмъ въ концѣ Февраля 1611 г. Делавиль былъ уже за Орѣшкомъ, упоминаемое нападеніе должно было произойти около половины августа 1610 года [2]). Относительно самаго занятія ладожской крѣпости Делавиль упоминаетъ лишь въ двухъ словахъ, что она была взята помощью взрыва, за неимѣніемъ петарды, причемъ не невозможно, что онъ прибѣгнулъ еще къ какой нибудь военной хитрости, такъ какъ въ польскихъ источникахъ встрѣчается какъ-бы намекъ на это, именно глухо передается, что Делавиль обманулъ русскихъ и завладѣлъ Ладогой [3]). Какъ-бы то ни было, но, засѣвъ въ послѣдней, онъ продержался въ ней цѣлыхъ семь мѣсяцевъ, стараясь увѣрить въ Новгородѣ, что занялъ Ладогу въ интересахъ русскаго царя (Шуйскаго), противъ котораго возстали его-же подданные, и что онъ будетъ защищать ее отъ непріятеля, какъ вѣрный слуга отечества русскихъ. Однако, въ Новгородѣ начали сразу же принимать мѣры, чтобы выжить непрошенныхъ защитниковъ и еще до принесенія присяги Владиславу отправили подъ Ладогу князя Мещерскаго съ войсками, но экспедиція эта кончилась ничѣмъ, такъ какъ войско отъ нужды и безкормицы разбрелось само собою [4]). Затѣмъ

---

[1]) Русская историч. библіотека, т. I, стр. 618—630.

[2]) Точно также и бояринъ Салтыковъ, приведшій Новгородъ къ присягѣ Владиславу 12 Октября, доносилъ Сигизмунду III, что—«Ладогу, государь, взяли нѣмцы до меня» (Собр. гос. грам. и догов., т. II, № 209). Салтыковъ, какъ извѣстно, пріѣхалъ даже значительно ранѣе, но жители долго не впускали его въ городъ и вели предварительно переговоры.

[3]) Русская историч. библіотека, т. I, стр. 684—686.

[4]) Салтыковъ писалъ къ польскому королю изъ Новгорода: «Да посланъ былъ подъ Ладогу, до моего пріѣзду въ Новгородъ, князь Иванъ Мещерской съ ратными людьми, и

по прибытіи въ Новгородъ Салтыкова и принесеніи упомянутой присяги жителями, Делавилю прислали сказать, что русскіе уже имѣютъ избраннаго всей страной царя Владислава, что по общему соглашенію Шуйскій низложенъ и что-бъ Делавиль сдалъ крѣпость, иначе они придутъ выгонять его русскими и польскими пушками; послѣдній однако отказался исполнить требованіе, повторяя снова о своей готовности защищать крѣпость отъ поляковъ и обѣщая сражаться всегда для пользы русскихъ, какъ онъ дѣлалъ и прежде [1]), почему для освобожденія Ладоги пришлось снова снаряжать военную экспедицію изъ Новгорода.

Делавиль разсказываетъ, что для изгнанія его сдѣлано со стороны русскихъ нѣсколько попытокъ, окончившихся однако полной неудачей, и хотя въ нашихъ отечественныхъ источникахъ передается только объ одной, болѣе поздней, подъ предводительствомъ князя Григорія Волконскаго, но нѣтъ никакихъ причинъ не вѣрить словамъ Делавиля, а также его разсказамъ о предшествовавшихъ диверсіяхъ, о которыхъ онъ говоритъ съ нѣкоторыми подробностями. Делавиль сообщаетъ, что его хотѣли сначала выжить голодомъ, лишивъ возможности добывать продовольствіе въ окрестностяхъ Ладоги, для чего отрядъ русскихъ силою въ 700—800 человѣкъ расположился гдѣ-то въ двухъ верстахъ (полъ льё) отъ крѣпости за рѣкой [2]), съ цѣлью препятствовать фуражировкамъ французовъ, но что онъ, посадивъ въ двѣ лодки 30 пѣхотинцевъ, взявъ съ собой пушку и 50 кавалеристовъ, сдѣлалъ вылазку и заставилъ русскихъ не только уйти, но и сжечь свой лагерь. Подобный успѣхъ, достигнутый такимъ ничтожнымъ отрядомъ, можетъ показаться нѣсколько неправдоподобнымъ, но надо взять во вниманіе и боевыя качества обоихъ противниковъ, такъ какъ Делавилю приходилось драться очевидно съ толпой свѣже набранныхъ вооруженныхъ мужиковъ (даточныхъ людей), не болѣе [3]). Быть можетъ объ этомъ-же эпизодѣ упоми-

---

ратные государь люди, которые были съ нимъ, отъ него съ бѣдности поразошлись...» (Собр. госуд. грамотъ и догов., т. II, № 209).

[1]) Discours sommaire... и пр.

Въ донесеніи Салтыкова Сигизмунду (отъ 17 Ноября) говорится: «А къ нѣмецкимъ государь людямъ въ Ладогу, язъ отъ себя писалъ-же, чтобъ они со всѣми нѣмецкими людьми, которые нынѣ въ Ладогѣ, прежнія свои правды, которую за нихъ всѣхъ далъ гетману Желтковскому подъ острожкомъ и Царевѣ-Займищѣ Яковъ Пунтусовъ (т. е. обѣщаніе Делагарди Жолкевскому, послѣ Клушинскаго пораженія, не служить Шуйскому), не нарушивали, изъ Ладоги вышли всѣ вонъ и вашей государской земли не воевали и не пустошили; а будетъ изъ Ладоги вскорѣ не выйдутъ и язъ имъ молчати не буду и что надъ ними отъ вашихъ государевыхъ ратныхъ людей учинится и то имъ будетъ отъ себя отъ ихъ непослушанья и неправды». (Собр. госуд. грам. и догов., т. II, № 209).

[2]) По всей вѣроятности за р. Ладожкой.

[3]) Такъ напр. игуменъ Тихвинскаго монастыря Іосифъ, около этого же времени писалъ Салтыкову въ Новгородъ, что—«велѣно съ Тихвина монастыря съ вотчины собрать даточныхъ

нается и въ челобитной 1610 г. Тихвинскаго монастыря, въ которой говорится: «А подъ Ладогу государь послано нашихъ ратныхъ людей 20 человѣкъ съ Успеньева дня Пречистыя Богородицы и по ся мѣста, а на первомъ дѣлѣ подъ Ладогой нѣмецкіе люди служекъ нашихъ побили, а иныхъ въ полонъ поимали» [1]).

О второй попыткѣ къ освобожденію крѣпости Делавиль передаетъ, что она была предпринята отрядомъ русскихъ въ 500 человѣкъ, состоявшимъ изъ пѣхоты и конницы, причемъ начальникомъ называетъ князя Ивана Можайскаго (Mageasque). По его словамъ, отрядъ нападающихъ расположился подъ крѣпостью въ разстояніи пушечнаго выстрѣла, но Делавиль на другой-же день атаковалъ его съ сотней всадниковъ и артиллеріей и, совершенно разбивъ, освободился снова отъ осады. Когда именно произошло это событіе, опредѣлить въ точности трудно, но если указаніе Делавиля, что передъ слѣдующей, третьей экспедиціей противъ него (въ половинѣ Января) Салтыковъ имѣлъ время обратиться въ Москву за помощью, вѣрно, то въ такомъ случаѣ послѣ второй экспедиціи долженъ былъ пройти болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени и слѣдовательно описанное столкновеніе должно было произойти поздней осенью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что о фактѣ присылки подмоги изъ Москвы, въ донесеніяхъ Салтыкова не упоминается ничего и напр. въ отпискѣ своей королю Сигизмунду отъ 17 Ноября, онъ просто сообщаетъ, что—«я, холопъ вашъ, пріѣхавъ въ Великій Новгородъ, поговоря съ бояры послалъ подъ Ладогу на нѣмецкихъ людей воеводу князя Григорія Волконскаго, со многими ратными людьми и съ нарядомъ и велѣлъ, государь, ему надъ нѣмецкими людьми промышлять, сколько Богъ помочи подастъ» [2]).

Эта новая экспедиція, по словамъ Делавиля, состояла уже изъ 2000 человѣкъ, подъ начальствомъ князя Григорія Константиновича, который по прибытіи сюда расположился въ трехъ льё (ок. $12^1/_2$ верстъ) отъ крѣпости, что совершенно согласуется и съ нашими отечественными извѣстіями, указывающими мѣстомъ стоянки Волконскаго Медвѣдскій монастырь, т. е. устье Волхова (гдѣ нынѣ Новая Ладога), приблизительно въ томъ-же разстояніи. Волконскій сначала расположился было въ острожкѣ на Гостиномъ полѣ [3]), верстахъ въ 8 выше

людей подъ Ладогу съ выти по четыре человѣка, со всѣмъ ратнымъ боемъ» (Акты Археогр. экспед., т. II, № 168).

[1]) Акты Археогр. экспед., т. II, № 168.

[2]) Собр. госуд. грам. и догов., т. II, № 209.

[3]) Нынѣ такъ называемая Гостинопольская пристань, или село Гостинополье на Волховѣ, выше Старой Ладоги и села Михайловскаго.

крѣпости, но по распоряженію Салтыкова, имѣвшаго, вѣроятно, въ виду стѣснить Делавиля съ двухъ сторонъ и воспрепятствовать полученію подкрѣпленій, перешелъ къ Медвѣдскому монастырю, а упомянутый острожекъ послали занять голову Солового-Протасьева и обоимъ приказали по взаимному соглашенію дѣйствовать противъ французовъ [1]).

Избалованный легкими предшествовавшими побѣдами, Делавиль не сталъ выжидать появленія непріятеля подъ стѣнами самой крѣпости, а предпринялъ рекогносцировку, для чего и отправилъ противъ Волконскаго отрядъ подъ начальствомъ своего брата Якова Делавиля, объ исходѣ-же предпріятія разсказываетъ, что внезапное появленіе рекогносцировочнаго отряда въ расположеніи русскихъ, произвело между послѣдними панику, вслѣдствіе которой большинство ихъ разбѣжалось и Яковъ Делавиль съ 60 всадниками ворвался въ самый станъ непріятеля; но здѣсь зарвавшихся французовъ постигла катастрофа: они были въ свою очередь атакованы подоспѣвшимъ отрядомъ русскихъ, разбиты и захвачены въ плѣнъ, такъ какъ, прибавляетъ Делавиль,—непріятель состоялъ почти изъ 2000 человѣкъ. Объ остальныхъ участникахъ рекогносцировки онъ не передаетъ болѣе ничего, но замѣчаетъ, что послѣ упомянутой потери у него осталось лишь около 60 человѣкъ [2]), большею частью даже безоружныхъ, хотя здѣсь автора можно заподозрить въ умышленномъ сокрытіи или уменьшеніи своихъ силъ, съ которыми, какъ онъ сообщаетъ далѣе, имъ были выдержаны еще два или три враждебныхъ покушенія со стороны русскихъ!

По нашимъ отечественнымъ источникамъ, дѣло это произошло уже въ глухую зиму 1611 года и представляется болѣе серіознымъ. Въ отпискѣ московской Боярской думы Сигизмунду, приводится донесеніе о томъ-же Салтыкова изъ Новгорода, въ которомъ онъ, на основаніи извѣстій отъ Волконскаго отъ 17 Января, излагаетъ, что—«Генваря въ 15 день въ вечеру приходили на него (Волконскаго) изъ Ладоги нѣмецкіе люди воеводка Яковъ Делавилъ съ товарищи, безвѣстно, и хотѣли своимъ воровскимъ умысломъ украдомъ поискъ учинити; и воевода-де князь Григорій Волконской и головы съ нѣмецкими

[1]) Въ донесеніи Салтыкова Боярской думѣ въ Москву, объ этомъ говорится: «А къ воеводѣ ко князю Григорію Волконскому и къ головамъ, которые посланы подъ Ладогу, къ Исинею Мусаитову и къ Тимофею Шарову отъ себя писалъ, а велѣлъ-де имъ со всѣми людьми идти и стоять въ Медвѣдскомъ монастырѣ, близко Ладоги; а на Гостино поле въ острожокъ, гдѣ стоялъ воевода князь Григорій Волконской, послалъ отъ себя голову Солового-Протасьева съ дѣтьми боярскими и съ сотники и съ стрѣльцы и съ казаки астраханскими и иныхъ понизовыхъ городовъ, и велѣлъ-де имъ стояти въ острожкѣ и сославшись съ воеводою со князь Григорьемъ Волконскимъ, надъ нѣмецкими людьми, которые сидятъ въ Ладогѣ промышляти, сколько милосердый Богъ помочи подастъ» (Акты историч., т. II, № 316).

[2]) «Il me resta trente maistres dans la ville et trente valets, la plupart san armes».

людьми бились и нѣмецкихъ людей побили всѣхъ на голову и топтали ихъ на 15 верстахъ, и воеводку Якова Делавила и ротмистровъ и поручиковъ и прапорщиковъ и трубачевъ и иныхъ нѣмецкихъ людей взяли въ полонъ 64 человѣка» [1]). Такимъ образомъ, здѣсь въ общихъ чертахъ хотя и подтверждается показаніе французскаго источника, но въ то-же время свидѣтельствуется о бѣгствѣ непріятеля и преслѣдованіи его до самой Ладоги, что уже не вяжется съ остальнымъ.

Какъ-бы то ни было, но ближайшимъ послѣдствіемъ неудавшейся вылазки, былъ переходъ войскъ Волконскаго непосредственно подъ самую Ладогу, причемъ сюда-же прибылъ изъ Новгорода и Салтыковъ [2]); послѣдній мотивировалъ свое прибытіе, во первыхъ, опасеніемъ, какъ бы къ Делавилю не явилась выручка со стороны—«хочетъ-де онъ Иванъ учинить съ воеводой, который сидитъ въ Ладогѣ, договоръ вскорѣ, для того, чтобъ къ тѣмъ нѣмецкимъ людямъ въ Ладогу не пришли прибыльные люди», а во вторыхъ—полученными отъ Волконскаго и плѣнныхъ французовъ указаніями о возможности соглашенія съ Делавилемъ насчетъ капитуляціи послѣдняго. Дѣйствительно, Волконскій сообщалъ, будто-бы Делавиль, безпокоясь объ участи своего брата и нѣкоторыхъ болѣе выдававшихся плѣнниковъ [3]), заявилъ, что—«только-де братъ его Яковъ и ротмистры живы и онъ ихъ самъ увидитъ, и онъ-де изъ Ладоги выйдетъ и Ладогу очиститъ», а плѣнники предлагали съ своей стороны послать одного изъ нихъ къ осажденнымъ, обѣщая уговорить Делавиля на то-же, но послѣдній въ своихъ запискахъ передаетъ иначе, именно что наоборотъ Салтыковъ самъ предлагалъ ему возвратить плѣнныхъ, подъ условіемъ сдачи крѣпости, угрожая въ противномъ случаѣ предать ихъ смерти, и что онъ (Делавиль) не согласился на это, считая удержаніе укрѣпленія долгомъ своей чести, а предлагалъ съ своей стороны выкупъ за плѣнниковъ, на что, въ свою очередь, не

---

[1]) Акты историч. т. II, № 316.

[2]) Въ донесеніи его Боярской думѣ отъ 25 Января, сообщается, что онъ—«со всѣми людьми и съ нарядомъ пошелъ подъ Ладогу наспѣхъ и учнетъ надъ нѣмецкими людьми промышляти» (Тамъ же).

[3]) Всѣ они были немедленно отправлены въ Новгородъ къ Салтыкову, но какъ видно изъ донесенія, участь ихъ была различна: 21 человѣкъ умерли въ острожкѣ и на дорогѣ отъ ранъ; изъ достигшихъ Новгорода Салтыковъ отобралъ 10 человѣкъ «шляхтичей французскіе, цесарскіе и англійскіе земли» и отправилъ ихъ въ Москву;—«воеводку Якова (Делавиля) да ротмистровъ, всего 15 человѣкъ лучшихъ людей» онъ же оставилъ при себѣ, а остальныхъ затѣмъ 18 человѣкъ вкинули въ Новгородѣ въ тюрьму. Извѣстно еще, что изъ десяти плѣнниковъ, пересланныхъ въ Москву, шестеро попали также въ тюремное заключеніе, а четверыхъ «французской земли шляхтичей Синера Октона, Гаврила Сабантѣева, Андруса Болвозина и Дюря Верженя», нашли нужнымъ отправить къ польскому королю. (Акты историч., т. II, № 316).

соглашались русскіе. Онъ разсказываетъ даже,—что Салтыковъ, видя упорство осажденныхъ, прибѣгнулъ къ хитрости и сдѣлалъ видъ, что собирается казнить брата Делавиля, для чего передъ глазами французовъ, сидѣвшихъ въ крѣпости, были дѣйствительно умерщвлены какихъ-то два плѣнника, но когда и этимъ не достигъ ничего, то открылъ канонаду по крѣпости и произвелъ въ ней пожаръ, который французамъ удалось, однако, погасить. Происшествіе это, прибавляетъ Делавиль, произвело настолько удручающее впечатлѣніе на осажденныхъ, что четверо изъ нихъ перелѣзли черезъ стѣны и передались непріятелю.

Какъ бы то ни было, но положеніе французовъ въ Ладогѣ наконецъ должно было стать критическимъ, въ виду ихъ малочисленности и тѣснаго обложенія значительными силами русскихъ; запертые въ самой крѣпости въ суровое зимнее время, они, безъ сомнѣнія, выносили тяжкія лишенія, что безъ помощи извнѣ не могло долго продолжаться. Но опасенія Салтыкова насчетъ возможности выручки осажденныхъ были напрасны, да и самъ Делавиль потерялъ наконецъ всякую надежду на обѣщанную подмогу отъ Делагарди, вслѣдствіе чего, хотя и успѣлъ, по словамъ его, отразить еще два или три приступа со стороны русскихъ, но въ концѣ концовъ вынужденъ былъ капитулировать и на почетныхъ условіяхъ сдался Салтыкову. Французамъ былъ предоставленъ свободный выходъ изъ крѣпости, при звукахъ трубъ, со знаменемъ, оружіемъ и багажемъ, имъ возвратили бывшихъ у Салтыкова плѣнныхъ, равно какъ и брата Делавиля, и подъ конвоемъ князя Ивана Можайскаго (?Magasse) выпроводили за шведскую границу, гдѣ бывшіе непріятели разстались, по словамъ Делавиля, не только друзьями, но французы получили даже приглашеніе составить новый отрядъ и прибыть опять на службу въ Россію.

Такимъ образомъ окончилось это ладожское сидѣнье, продолжавшееся, по свидѣтельству Делавиля, цѣлыхъ семь мѣсяцевъ, т. е. до второй половины Февраля 1611 г. [1]), такъ какъ по имѣющимся свѣдѣніямъ въ концѣ этого мѣсяца Делавиль былъ уже на Ковголѣ за Орѣшкомъ, гдѣ встрѣтился съ Делагарди и затѣмъ направился далѣе къ Выборгу [2]).

---

[1]) При раскопкахъ, производившихся въ староладожск. городищѣ, были сдѣланы разныя вещественныя находки (см. ч. II), часть которыхъ, какъ напр. экземпляры желѣзныхъ привязныхъ шпоръ и пр., вѣроятно представляютъ слѣды именно этого долговременнаго занятія крѣпости непріятелемъ. Весьма быть можетъ также, что въ городищѣ существуютъ даже и нѣсколько могилъ тѣхъ-же авантюристовъ, такъ какъ напр. намъ доводилось слышать отъ одной интелигентной старушки монахини Успенскаго дѣвичьяго монастыря въ Ладогѣ, что въ давнее время она лично видѣла въ крѣпости древнюю заросшую надгробную плиту съ иностранной надписью и высѣченными рыцарскими арматурами. Къ сожалѣнію однако, плиты этой найти намъ не удалось, да и указать, хотя бы приблизительно, ея мѣсто никто не могъ.

[2]) Акты Археогр. экспед., т. II, № 184.

Но не прошло и полгода, какъ Ладога снова сдѣлалась достояніемъ непріятеля, въ лицѣ того-же Делагарди, явившагося послѣ взятія имъ Кексгольма на берега Волхова и направлявшагося къ Новгороду въ видахъ поддержки кандидатуры на русскій престолъ шведскаго королевича Карла-Филиппа. Въ это время Ладога, занятая уже русскимъ гарнизономъ изъ 200 стрѣльцовъ, была снова обложена шведами, о чемъ стрѣльцы били челомъ въ іюлѣ 1611 г., что—«сидятъ-де они въ Ладогѣ отъ нѣмецкихъ людей въ осадѣ и на караулѣхъ живутъ безпрестанно, днемъ и ночью, и нужда-де имъ въ корму въ Ладогѣ великая» [1]), а Делагарди расположился подъ самымъ Новгородомъ и велъ съ послѣднимъ переговоры. Подробностей объ этой осадѣ Ладоги не имѣется, но извѣстно только, что послѣ того, какъ самому Делагарди удалось вооруженной рукой овладѣть Новгородомъ (15 Іюля) и заключить съ нимъ договоръ объ избраніи на русское царство шведскаго королевича, сдалась на тѣхъ-же условіяхъ и Ладога [2]).

Этимъ исчерпываются свѣдѣнія о военныхъ событіяхъ смутнаго времени въ Россіи въ началѣ XVII стол., свидѣтелями которыхъ были древнія стѣны староладожской крѣпости, событіяхъ, закончившихся для Новгородской области не ранѣе Столбовскаго мира въ 1617 году. Какъ видно изъ современныхъ шведскихъ документовъ, Ладога все это время, послѣ своей сдачи, была занята непріятельскимъ гарнизономъ, причемъ имѣется свѣдѣніе, что начальникомъ крѣпости до 1613 г. былъ шведскій полковникъ Гансъ Рехенбергъ, а въ концѣ 1616-го въ ней повидимому имѣлъ пребываніе и самъ Делагарди [3]). Изъ

---

[1]) Акты историч., т. II, № 331.

[2]) По всей вѣроятности, именно объ этомъ случаѣ упоминается въ одной челобитной братіи Валаамскаго монастыря: «Въ прошломъ 119 году велѣно того Валаамского монастыря старцомъ и слугамъ ѣхать, для Корельскія городовыя отдачи, въ Ладогу, и они-де пріѣхали со всею монастырскою казною и стали у Николы (въ Никольскомъ монастырѣ) на посадѣ; и пришли-де въ Ладогу французскіе нѣмцы и Ладогу взяли и у нихъ-де монастырскую казну поимали, а многихъ старцовъ побили, а они-де остальные старцы и слуги съ достальною монастырскою казною ушли на Тихвину» (Акты Археогр. экспед., т. III, № 96).

[3]) Такъ, въ письмахъ послѣдняго, хранящихся въ Стокгольмскомъ военномъ архивѣ и любезно сообщенныхъ намъ капитаномъ шведскаго генеральнаго штаба Петрелли, встрѣчаются слѣдующія сюда относящіяся указанія:

Въ Мартѣ 1613 г. (подъ № 28) Делагарди пишетъ рейхсканцлеру Акселю Оксенштирнѣ, что было бы полезно воспользоваться службой полковника Ганса Рехенберга, который по разнымъ причинамъ хотя и не могъ представить денежнаго отчета за время своего управленія крѣпостью Ладогой, но былъ честный и храбрый солдатъ.

Въ письмѣ отъ 1 Авг. 1613 г. (№ 144) Делагарди сообщаетъ, что онъ уже нѣсколько времени тому назадъ послалъ въ Нотебургъ и Ладогу большія пушки, которыя тамъ нужны и что необходимо охранять дороги отъ казаковъ, которые скрытно подстерегаютъ шведовъ.

Въ Февралѣ и Маѣ 1616 (№№ 40 и 51) онъ же проситъ Оксенштирну о снабженіи

русскихъ документовъ извѣстно также, что еще въ 1615 г. въ Новгородѣ и Ладогѣ съ окрестностями хозяйничали шведы, подъ предводительствомъ Эверта Горна, занимавшаго своими отрядами разные пункты, между прочимъ и около Ладоги [1]). Напр. въ февралѣ 1615 г., когда уже обнаружилось открытое недовольство и возмущеніе населенія противъ шведовъ, Ладога служила сборнымъ пунктомъ для послѣднихъ, о чемъ сообщали въ Бѣлозерскъ, что—«велѣлъ деи Ивенгоръ (Эвертъ Горнъ) нѣмецкому воеводѣ Самойлу Кобрину собирати всѣхъ нѣмецъ въ Ладогу, которые ходили въ Обонежской пятинѣ и на Масельгѣ, а собрався съ тѣми нѣмцы велѣлъ имъ идти къ Тихвинѣ-жъ, и нынѣ-де нѣмецкіе люди сошлись въ Ладогу» [2]). Съ другой стороны, противъ шведовъ начали открываться и активныя наступательныя дѣйствія, въ связи съ задачами московскаго правительства, имѣвшаго уже новоизбраннаго царя Михаила; русскіе отряды стояли на Мстѣ и Ловати, воевода и князь Волконскій сообщалъ въ половинѣ Февраля, что онъ изъ Бѣлозерскаго уѣзда двинулся на государеву службу подъ Тихвинъ, Ладогу и Орѣшекъ, со всѣми атаманы и казаки, и назначилъ сборный пунктъ у Рождества Христова на Пашѣ [3]), и т. д.

Какъ отозвался весь этотъ періодъ смутъ XVII ст. на положеніи Ладоги, о томъ уже говорено выше, но, повидимому, это была уже послѣдняя скорбная страница въ ея военной лѣтописи, такъ какъ затѣмъ всякія извѣстія о какихъ либо военныхъ дѣйствіяхъ около Ладоги уже прекращаются.

Политическая жизнь Ладоги.

Доисторическое прошлое Ладоги не отдѣляется никакимъ, болѣе или менѣе ясно обозначеннымъ рубежемъ отъ того періода, съ котораго она появляется на страницахъ исторіи, или другими словами—обѣ эпохи сливаются слишкомъ незамѣтно, чтобы было возможно намѣтить гдѣ кончается одна и начинается другая, гдѣ кончаются легенды и гдѣ начинается исторія достовѣрная. Поэтому трудно назначить съ точностью и тотъ періодъ, которымъ открывается ея поли-

---

провіантомъ ладожскаго гарнизона, опасаясь чтобы, въ виду претерпѣваемой солдатами крайней нужды, не вспыхнулъ бунтъ между ними.

Наконецъ въ письмахъ изъ Ладоги, отъ 9 Сент. и 20 Дек. того-же года (№№ 53 и 54) Делагарди проситъ объ уплатѣ нѣкоторымъ купцамъ по ихъ счетамъ и о возвращеніи ему затраченныхъ на это денегъ.

[1]) Такъ въ Декабрѣ 1614 г. изъ Тихвина писали въ Бѣлозерскъ: «Стоятъ-де на Волховѣ отъ Ладоги за 10 верстъ нѣмецкихъ людей 500 человѣкъ, да пришло-де отъ Иваня города и отъ Ямы и отъ Копорьи нѣмецкихъ людей 1500 и стали въ Масельгскомъ погостѣ, да на Лунгачѣ стоитъ нѣмецкихъ людей прежнихъ съ 500 человѣкъ, а съ Рождества Христова однолично идти всѣмъ нѣмецкимъ людямъ къ Тихвинѣ на осадъ» (Дополн. акт. историч., т. II, № 30).

[2]) Акты археогр. экспед. т. III, № 62.

[3]) Акты Археогр. экспед., т. III, № 63. Рѣка Паша впадаетъ въ Свирь, протекая восточнѣе Сяси.

тическая жизнь. Извѣстно напр., что въ IX вѣкѣ въ сѣверно-русскомъ краѣ хозяйничали скандинавы, подъ властью которыхъ находился и самый Новгородъ, платившій имъ ежегодную дань еще въ X стол., и хотя въ XI-мъ эта зависимость прекратилась, но въ частности Ладога осталась въ ихъ рукахъ, подпавъ подъ управленіе шведскаго ярла Рогнвальда, какъ о томъ уже упоминалось при обозрѣніи доисторическаго періода ея существованія. По нѣкоторымъ указаніямъ, это было въ 1019 году [1]), Рогнвальдъ же умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, почему, вѣроятно, и Ладога находилась въ шведскомъ владѣніи довольно продолжительное время, но когда именно она была опять возвращена Новгороду, остается неизвѣстнымъ. Изъ лѣтописныхъ извѣстій можно, однако, заключить, что XII вѣкъ засталъ ее уже новгородскимъ пригородомъ, въ виду напр. того, что она послужила исходнымъ пунктомъ похода новгородскаго князя Мстислава на Чудь въ 1105 г. [2]), а также въ виду того, что къ этому времени относится и фактъ постройки каменной крѣпости въ Ладогѣ, какъ новой порубежной твердыни Новгородской области.

Такимъ образомъ, приблизительно лишь съ этихъ поръ можетъ начинаться и достовѣрная жизнь Ладоги въ политическомъ отношеніи, тѣсно связанная съ внутренней и внѣшней политической жизнью самаго Новгорода. Какъ пригородъ послѣдняго, Ладога зависѣла отъ его рѣшеній въ весьма разнообразныхъ отношеніяхъ, любопытные примѣры чего встрѣчаются уже съ XIII вѣка; въ однихъ случаяхъ рѣшенія совпадали съ ея интересами, въ другихъ-же послѣдними жертвуютъ въ видахъ болѣе общихъ политическихъ цѣлей. Такъ имѣется цѣлый рядъ договоровъ Новгорода съ великими князьями, ограничивающихъ права ихъ на посѣщеніе Ладоги для звѣриной ловли, изъ которыхъ древнѣйшій относится къ 1265 г. и предоставляетъ великому князю Ярославу тверскому въѣзжать на охоту въ Ладогу лишь черезъ два года въ третій:—«На семъ ти княже крестъ цѣловати.... въ Ладогу ѣхать на третіе лѣто» [3]); то-же самое повторяется и въ другихъ договорахъ XIII, XIV и XV стол., даже въ 1471 г. съ великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ, т. е. наканунѣ паденія самаго Новгорода [4]), а въ относящейся къ этому-же времени договорной грамотѣ послѣдняго съ польскимъ королемъ Казимиромъ, оговариваются напр. условія

---

[1]) М. Погодинъ: Древн. русск. исторія, т. I, 302.

[2]) М. Погодинъ: Древн. русск. исторія, т. I, 306. Лѣтопись упоминаетъ объ этомъ въ двухъ словахъ: «въ томъ же лѣтѣ идоша въ Ладогу (новгородцы) на войну» (Новгор. лѣтоп. по синод. списку). Въ нѣкоторыхъ другихъ спискахъ тотъ же походъ отнесенъ къ 1108 году.

[3]) Собр. госуд. грам. и договоровъ, т. I, № 2.

[4]) Тамъ же: №№ 3, 6, 7, 8, 15 и 20. Акты историч. т. I, № 258. Акты археогр. экспед., т. I, №№ 57 и 91.

сбора денегъ за проѣзжей судъ: «Въ Водской землѣ имати за проѣзжей судъ черезъ годъ тридцать рублевъ, а въ Ладогѣ ти пятнадцать рублевъ» [1]). Извѣстны также другія ограниченія относительно оброчнаго сбора и ловли рыбы, медоваренія и пр. (см. стр. 90 и 92). Иной характеръ напротивъ носятъ такіе факты, какъ отдача тѣмъ-же новгородцамъ «въ отчину и дѣдину» нѣкоторыхъ городовъ «въ кормленіе» литовскимъ князьямъ, въ число каковыхъ надѣловъ попадала нѣсколько разъ и Ладога и мотивами къ чему служили виды новгородцевъ на поддержку со стороны Литвы, при своихъ несогласіяхъ съ Москвою. Такъ произошло впервые въ XIV столѣтіи, когда, по словамъ лѣтописи, въ 1333 г. — «вложи Богъ въ сердце князю литовскому Наримонту (сыну Гедимина) поклониться св. Софіи и послаша новгородци по него и пріѣха въ Новгородъ мѣсяца Октября и цѣловаша крестъ къ Великому Новуграду и даша ему Ладогу и Орѣховый и Корельскую землю и половину Копорьи, въ отчину и въ дѣдину и его дѣтемъ» [2]). Отдавая въ кормленіе и управленіе эти окраины князю литовскому, Новгородъ имѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду и огражденіе своихъ границъ отъ покушеній со стороны шведовъ, такъ какъ удѣльный князь, пользуясь извѣстными доходами съ своего надѣла, обязанъ былъ и защищать его, но верховнымъ собственникомъ и властителемъ послѣдняго все таки оставался самъ Новгородъ. Неизвѣстно долго-ли пробыла Ладога во владѣніи Наримунта, но вѣроятно въ теченіи того-же XIV столѣтія былъ перерывъ въ ея зависимости отъ литовскаго князя, такъ какъ когда, спустя 50 лѣтъ послѣ вызова Наримунта, новгородцы снова обратили свои упованія на Литву и пригласили къ себѣ на тѣхъ-же основаніяхъ сына Наримунтова, Патрикія, то въ данномъ послѣднему надѣлѣ Ладога уже не упоминается, а только Орѣховъ, Кексгольмъ и половина Копорья. Непредвидѣнныя обстоятельства, впрочемъ, снова измѣнили положеніе Ладоги, такъ какъ среди подвластнаго Патрикію населенія вспыхнуло общее недовольство на его управленіе, повлекшее за собой рѣшеніе новгородцевъ дать ему другой надѣлъ: подъ 1384 г. въ лѣтописи отмѣчено: «Пріѣхоша городцане орѣховци и корельскыи съ жалобою къ Новугороду на Патрикія на князя; отъяша у князя тѣ городы, а даша ему Русу и Ладогу» [3]). Спустя два года такая-же отдача повторилась еще разъ, такъ какъ по окончательномъ изгнаніи Патрикія, новгородцы вызвали изъ Литвы-же третьяго князя Лугвенія Ольгердовича, который, въ свою очередь, получилъ въ пользованіе тѣ-же Русу и Ладогу;

[1]) Акты Археогр. экспед., т. I, № 87.

[2]) Новгородск. лѣтоп. по синод. списку.

[3]) Тамъ же.

произошло это, по однимъ указаніямъ, въ 1386 г. [1]), по другимъ-же нѣсколько позже [2]), но повидимому, подчиненіе Ладоги и этому владѣльцу не было особенно продолжительнымъ, такъ какъ когда смоленскій князь Юрій Святославичъ лишился своего удѣла и прибылъ въ Новгородъ, то лѣтопись упоминаетъ, что «новгородци пріяша его въ честь и даша ему 13 городовъ и цѣлова крестъ къ Новугороду въ животъ и смерть» [3]), а въ числѣ этихъ городовъ показаны опять Руса и Ладога, независѣвшіе уже слѣдовательно отъ князя Лугвенія. Событіе это пріурочивается къ 1404 году, но любопытно, что въ Воскресенской лѣтописи еще подъ 1412 г. прибавляется, что—«того-же лѣта князь Семенъ Лугвень съѣде изъ Новгорода (въ Литву) и намѣстники свои съ пригородовъ свѣде» [4]).

Съ паденіемъ независимости Новгорода порядки эти исчезаютъ и Іоаннъ, великій князь московскій, въ своей духовной 1504 г., равно какъ и позже царь Иванъ Грозный, благословляютъ своихъ преемниковъ вотчиной великимъ княженьемъ Новгородскимъ со всѣми пятью пятинами, городомъ Ладогою и другими [5]).

По причинѣ своей тѣсной связи съ Новгородомъ, Ладога оказывалась въ близкомъ соприкосновеніи со многими внутренними политическими событіями въ послѣднемъ уже съ весьма ранняго времени, древнѣйшій примѣръ чего извѣстенъ еще въ первой половинѣ XII вѣка. Въ 1132 г. въ Новгородѣ былъ княземъ Всеволодъ Мстиславовичъ, по словамъ лѣтописи, цѣловавшій крестъ новгородцамъ—«яко хоцю у васъ умерети», т. е. поклявшійся никогда съ ними не разставаться, а между тѣмъ, получивъ въ томъ-же году отъ дяди своего, великого князя Ярополка Переяславль, перебрался въ послѣдній, чѣмъ и вызвалъ величайшее негодованіе въ новгородцахъ. Потерявъ въ скорости затѣмъ Переяславль, Всеволодъ вернулся-было въ Новгородъ, но здѣсь тогда произошло возстаніе, въ которомъ приняли участіе и прибывшіе сюда псковичи съ ладожанами: «И бысть встань велика въ людехъ и придоша пльсковици и ладожане Новугороду», передаетъ лѣтопись,—«и выгониша князя Всеволода изъ города» [6]).

---

[1]) Карамзинъ: Ист. Госуд. рос., т. V, 97 (изд. 1818 г.).

[2]) По Воскресенской лѣтоп. въ 1388 г.—«Князь Лугвень присла послы своя въ Новгородъ Великій, хотя быть у нихъ въ Новѣгородѣ и сѣсти на городкѣхъ чѣмъ владѣлъ Наримонтъ» (Полн. собр. русск. лѣт., т. VIII).

[3]) Новгородск. IV лѣтопись (Полн. собр. русск. лѣтоп., т. IV).

[4]) Полн. собр. русск. лѣтоп., т. VIII.

[5]) Собр. госуд. грам. и договор., т. I, № 144. Дополн. актовъ историч. т. I, № 222.

[6]) Полн. собр. русск. лѣтоп., т. III, (Новгородск. I лѣт.). Также Лѣтописецъ новгородск. 1017—1352 г. (изд. 1819 г.).

Дѣло, впрочемъ, на этотъ разъ окончилось для Всеволода благополучно, такъ какъ новгородцы скоро вернули его снова къ себѣ, но спустя четыре года они-же затѣяли освободиться отъ него окончательно, почему пригласили опять прибыть ладожанъ и псковичей, на общемъ вѣчѣ съ которыми и порѣшили низложить князя—«призваша пльсковичи и ладожаны и сдумаша яко изгонити князя своего Всеволода», говоритъ лѣтопись,—«и всадиша и въ епископль дворъ мѣсяца Мая въ 28 и сѣде два мѣсяца и пустиша изъ города Іюля въ 15» [1]).

Въ примѣрахъ этихъ выразились любопытные факты соучастія пригородовъ Новгорода въ вѣчевыхъ собраніяхъ послѣдняго, а также и извѣстное значеніе самой Ладоги, такъ какъ подобныя приглашенія посылались только пригородамъ важнѣйшимъ [2]), но бывали случаи и вооруженнаго участія ладожанъ въ новгородскихъ междуусобицахъ. Такъ, въ 1270 г. новгородцы подняли мятежъ противъ великого князя Ярослава и заставили его удалиться въ Русу, откуда онъ сталъ грозить имъ оружіемъ, въ виду упорства въ отказѣ признать его своимъ княземъ; тогда, по словамъ лѣтописи—«совокупися въ Новгородъ вся волость новгородская—пльсковичи, ладожане, корела, ижеры, вожане и идоша въ Голино и стояша недѣлю на бродѣ, а Ярославль полкъ объ ону сторону» [3]), т. е. обѣ враждующихъ стороны встрѣтились съ оружіемъ въ рукахъ на половинѣ пути между Новгородомъ и Русой, гдѣ и готовилось произойти столкновеніе, отвращенное только вмѣшательствомъ митрополита и закончившееся примиреніемъ князя съ новгородцами. Подобный-же случай извѣстенъ и въ 1315 или 1316 г., при столкновеніи новгородцевъ съ великимъ княземъ Михаиломъ владимірскимъ, когда опять—«сойдеся вся волость новгородская—пльсковичи, ладожане...» и др., для защиты Новгорода [4]), которому грозила опасность отъ войскъ Михаиловыхъ. Вообще Ладога видимо вторила тону политическихъ событій въ Новгородѣ, такъ что, когда напр. въ 1254 г. Ярославъ тверской успѣлъ привлечь на свою сторону новгородцевъ, стараясь попасть къ нимъ на княженіе, то прибылъ зимой послѣ Крещенія съ своими боярами въ Ладогу, гдѣ по словамъ лѣтописи «ладожане почтиша и достойною честью» [5]). Въ подобномъ-же освѣщеніи представляется и любопытный фактъ ссылки новгородскаго князя Святослава Ростиславича въ Ладогу въ 1160 г., наиболѣе подробно разсказанный въ Ипатьевской лѣтописи, но относимый ею къ

---

[1]) Новгор. лѣтоп. по синод. списку.
[2]) В. Сергѣевичъ: Русскія юридич. древности, т. II, гл. III.
[3]) Новгор. лѣтоп. по синод. списку.
[4]) Тамъ же.
[5]) Полн. собр. русск. лѣтоп., т. I, 202.

1161 году: «Вѣче створиша новгородци на Святослава... сѣдящу бо князю на городищи у св. Благовѣщенья и се пойде множьство народа людій и емше князя запроша въ истопкѣ, а княгиню послаша въ монастырь, а дружину его исковаша, и потомъ послаша князя въ Ладогу, приставивше сторожѣ многы къ нему», въ Густинской же лѣтописи прибавлено, что «яша самого Святослава и оковавше послаша на заточеніе въ Ладогу» [1]). Впрочемъ, заключеніе послѣдняго продолжалось недолго, такъ какъ въ томъ-же 1161 г. онъ успѣлъ бѣжать изъ Ладоги—«избави Богъ отъ узъ Святослава Ростиславича» и ушелъ, по однимъ извѣстіямъ, въ Кіевъ, по другимъ—въ Смоленскъ. Зимой 1327 г. Ладога еще разъ видѣла въ своихъ стѣнахъ двухъ князей Константина и Василія Михайловичей, братьевъ Александра тверского, но на этотъ разъ просто искавшихъ въ ней пріюта отъ мести татаръ, разгромившихъ Тверь, такъ какъ при этомъ случаѣ «только Новгородъ ублюде Богъ», говоритъ лѣтопись [2]).

Весьма любопытенъ вопросъ, какую долю участія проявила Ладога въ событіяхъ конца XV вѣка, повѣдшихъ къ окончательному паденію независимости Новгорода и подчиненію его Москвою, но, къ сожалѣнію, объ этомъ не имѣется никакихъ свѣдѣній и только сохранилось извѣстіе, что въ числѣ новгородскихъ депутатовъ, сопровождавшихъ владыку Ѳеофила при поѣздкѣ въ Москву для переговоровъ (Дек. 1478 г.), было пять человѣкъ черныхъ людей, по одному отъ каждаго конца города, и между ними отъ Неровскаго какой-то «Аврамъ ладоженинъ» [3]).

Какъ волость Великого Новгорода, Ладога съ тянувшей къ ней территоріей давала извѣстный контингентъ военной силы въ общій составъ новгородскаго ополченія, составляя особый отдѣлъ или «полкъ» послѣдняго, подобно тому, какъ и другіе пригороды участвовали такимъ образомъ въ оборонительныхъ и наступательныхъ военныхъ дѣйствіяхъ новгородцевъ, при столкновеніяхъ ихъ съ внѣшними врагами; но въ цѣломъ рядѣ относящихся сюда событій, отмѣченныхъ лѣтописью за три столѣтія (XII—XIV в.), имѣется нѣсколько и такихъ примѣровъ, въ которыхъ выражается самостоятельная инициатива Ладоги въ вооруженной борьбѣ съ непріятелемъ, т. е. случаевъ, въ которыхъ ладожане по своему почину дѣйствовали исключительно лишь собственными силами. Такъ было дважды при набѣгахъ на новгородскую землю финскаго племени Еми въ XII и XIII столѣтіяхъ: первый разъ въ 1142 г., когда, по

---

[1]) Лѣтопись по Ипат. списку, изд. Археогр. Ком.; Полн. собр. русск. лѣтоп., т. II, 307; также Новгор. лѣтоп. по синод. сп. и др.

[2]) Новгор. лѣтоп. по синод. списку.

[3]) Полн. собр. русск. лѣтоп., т. VI, 214; также т. VIII (Воскрес. лѣт.).

краткому извѣстію лѣтописи, дѣло окончилось поголовнымъ избіеніемъ ладожанами вторгнувшагося въ новгородскіе предѣлы непріятеля—«Въ то-же лѣто приходиша Емь и воеваша область новгородскую; избиша я ладожане 400 и не пустиша ни мужь» [1]), а второй въ 1228 г., когда та-же Емь, но въ гораздо большемъ количествѣ (около 2000 человѣкъ) прибывъ въ лодкахъ Ладожскимъ озеромъ, опустошила окрестности Олонца; получивъ вѣсть объ этомъ, ладожскій посадникъ Володиславъ, не ожидая прибытія новгородцевъ, посадилъ отрядъ ладожанъ на суда и погнался за непріятелемъ, успѣвшимъ захватить уже много плѣнныхъ. Въ происшедшемъ затѣмъ сраженіи Емь понесла настолько полное пораженіе, что стала просить пощады, но встрѣтивъ отказъ побросала свои лодки и, безжалостно перерѣзавъ плѣнниковъ, кинулась искать спасенія въ окрестныхъ лѣсахъ, въ которыхъ и была почти совершенно истреблена корелами и ижерянами [2]). Изъ за этой-же Еми ладожанамъ приходилось вступать въ схватки и съ болѣе сильнымъ непріятелемъ—шведами, стремившимися утвердить надъ нею свое господство и даже производившими насилія надъ обонежскими купцами новгородцами, по поводу чего въ 1283 г. лѣтопись снова упоминаетъ въ нѣсколькихъ словахъ о военныхъ дѣйствіяхъ собственно однихъ ладожанъ, сразившихся съ шведами гдѣ-то на Невѣ:—«взъѣздиша нѣмци ратью въ озеро Ладоское, избиша обонискыхъ купецъ, идоша ладожане въ Неву и бишася съ ними» [3]).

Но независимо отъ случаевъ самостоятельныхъ дѣйствій, «ладожане» въ смыслѣ отдѣльной части общаго новгородскаго ополченія, упоминаются въ цѣломъ рядѣ новгородскихъ походовъ того-же періода (XII—XIV в.), совмѣстно съ военной силой прочихъ волостей Новгорода. Первое извѣстіе объ этомъ встрѣчается подъ 1135 г. и связано съ несчастнымъ исходомъ похода новгородцевъ на Ростовъ и Суздаль, подъ предводительствомъ того-же князя Всеволода, котораго они вмѣстѣ съ ладожанами прогнали съ княженія въ слѣдующемъ году, поставивъ ему, между прочимъ, въ вину, что онъ раньше всѣхъ бѣжалъ съ поля сраженія съ упомянутыми ростовцами. По Воскресенской лѣтописи это было зимой 1135 г. и въ битвѣ происшедшей на Ждановой горѣ, новгородцы понесли тяжкія потери: «Иде Всеволодъ Мстиславичъ на Суждаль и на Ростовъ съ новгородци и псковичи и ладожаны и всею областію новгородскою, и срѣтоша ихъ суздальцы и ростовци на Жданѣ горѣ и бысть имъ брань крѣпка зѣло и одолѣша ростовци и избиша множество много

[1]) Новгор. лѣтоп. по синод. списку.

[2]) Тамъ же и др.

[3]) Тамъ же.

новгородець и убиша же ту посадника Иванка и иныхъ мужей добрыхъ много погибе» [1]). Въ 1198 г. ладожане, въ составѣ новгородской рати, ходили противъ полочанъ, но походъ окончился благополучнымъ примиреніемъ безъ кровопролитія, а въ 1207—на Оку, причемъ участвовали во взятіи Пронска и занятіи Рязани и отпущены «съ честью» княземъ Всеволодомъ домой; по поводу этого въ Воскресенской лѣтописи находится еще любопытная прибавка, что послѣдній «отпусти новгородци и псковичи и новоторжци и ладожане съ честью во свояси и дастъ имъ уставы старыхъ князей, егоже хотяху новгородци» [2]).

Спустя 30 лѣтъ ладожанамъ пришлось сряду два года совершать походы къ прибрежьямъ Финскаго залива: одинъ разъ для отраженія шведовъ, другой—противъ ливонскихъ рыцарей, пытавшихся утвердиться въ Копорьѣ, причемъ первый походъ закончился полной побѣдой Александра Невскаго около рѣчки Ижоры, 15 Іюля 1240 г. Объ этомъ дѣлѣ извѣстно, что шведская флотилія подъ предводительствомъ Биргера, прибывъ въ Неву, расположилась около устья Ижоры, намѣреваясь пройти затѣмъ въ Волховъ и захватить Ладогу, а въ случаѣ возможности даже и Новгородъ, но когда вѣсть о томъ достигла послѣдняго, то новгородцы и ладожане, предводимые княземъ Александромъ, немедленно двинулись на непріятеля и послѣ кровопролитнаго боя нанесли шведамъ полное пораженіе: «И ту бысть великая сѣча свѣемъ», прибавляетъ лѣтопись,—«и накладше корабля два вятшихъ мужей, преже себѣ пустиша къ морю, а прокъ ихъ (прочихъ убитыхъ) ископавша яму вметаша въ ню безъ числа и въ ту нощь не дожавше свѣта посрамлени отыдоша» [3]). Что касается похода на Копорье въ 1241 г., то онъ былъ вызванъ непріязненными дѣйствіями ливонскихъ рыцарей, которые, задумавъ сбирать дань съ финскаго племени Води, населявшаго часть новгородской области, прибыли въ Копорье и, построивъ здѣсь свою крѣпость, грабили даже купцовъ русскихъ; результатомъ похода было взятіе Копорья и плѣненіе всего бывшаго тамъ непріятельскаго гарнизона [4]).

Особенно памятнымъ и славнымъ событіемъ для новгородцевъ съ псковичами и ладожанами, ознаменовался 1268 г., въ которомъ произошла знаменитая битва ихъ съ тѣми-же ливонскими рыцарями подъ Раковоромъ, или нынѣшнимъ Везенбергомъ. Стремясь завладѣть этимъ пунктомъ, соединенныя силы

---

[1]) Полн. собр. русск. лѣтоп., т. VII.

[2]) Новгор. лѣтоп. по синод. сп.; также Полн. собр. лѣтоп., т. VII, 115.

[3]) Новгор. лѣтоп. по синод. сп. и др.

[4]) Тамъ же.

новгородцевъ зимой упомянутаго года подступили подъ Раковоръ, но еще не дойдя до него, встрѣтились на р. Кеголѣ [1]) съ нѣмцами, явившимися на защиту послѣдняго, и тутъ «бысть страшно побоище, яко не видали ни отци, ни дѣди», говоритъ лѣтопись, побоище, въ которомъ пало до 5000 новгородцевъ и 1350 нѣмцевъ [2]), потери дѣйствительно огромныя для того времени; по словамъ лѣтописи—«ту сторися зло велико, убиша посадника Михаила и много добрыхъ бояръ, а иныхъ черныхъ людей безъ числа, а пльсковичъ такоже и ладожанъ» [3]). Главной причиной такихъ тяжкихъ потерь была особая фаланга, или строй закованныхъ въ желѣзо рыцарей, именуемая въ лѣтописяхъ желѣзной свиньею—«мнози убо новгородцы отъ желѣзныя свиньи избіени быша и многи псковичи и ладожане» [4]), но въ концѣ концовъ нѣмцы понесли пораженіе и были преслѣдуемы на протяженіи цѣлыхъ семи верстъ, почти до самаго Раковора, послѣ чего побѣдители простоявъ еще три дня «на костяхъ», вернулись назадъ, привезя съ собой тѣла наиболѣе именитыхъ своихъ сподвижниковъ.

Дальнѣйшія внѣшнія военныя событія въ концѣ XIII и нач. XIV стол., происходили на почвѣ соперничества и столкновеній Новгорода съ шведами, такъ какъ подъ 1284 г. лѣтописью отмѣченъ походъ новгородцевъ съ ладожанами, подъ предводительствомъ посадника Симеона, къ устью Невы, гдѣ они, выждавъ въ Сентябрѣ возвращенья съ своей ратью шведскаго воеводы Трунды, забравшагося въ Карелію для сбора дани, сдѣлали на него успѣшное нападеніе и, перебивъ многихъ шведовъ, обратили остальныхъ въ бѣгство [5]), весною же 1301 г. ладожане, въ составѣ войскъ великого князя Андрея Александровича, снова совершили походъ туда-же, для овладѣнія вновь построенной шведами на Невѣ крѣпостью. Послѣдняя находилась рядомъ съ нынѣшнимъ Петербургомъ, именно на устьѣ впадающей въ Неву р. Охты (въ 7 верст. отъ города) и названа шведами Ландскроною, или «Вѣнцомъ земли» по нашимъ лѣтописямъ, но не была занята достаточно сильнымъ гарнизономъ, что и повлекло ея быстрое паденіе, послѣ кратковременной осады новгородцами, послѣдовавшее 18 Мая: «Градъ взятъ бысть, овыхъ избиша, а градъ запалиша и разгребоша», кратко передаетъ лѣтопись, прибавляя—«а князю Андрею умножи Господи много лѣтъ съ своими мужи съ новгородци и съ ладожаны» [6]). Затѣмъ имѣется

[1]) По Никоновской лѣтоп.—р. Кигорѣ.
[2]) Карамзинъ. Ист. госуд. рос., т. IV.
[3]) Новгор. лѣт. по синод. списку.
[4]) Полн. собр. русск. лѣтоп., т. X (Никоновск. лѣт.).
[5]) Новгор. лѣтоп. по синод. списку.
[6]) Новгор. лѣтоп. по синод. списку.

еще отрывочное извѣстіе о какомъ-то походѣ послѣднихъ въ 1313 г., о чемъ лѣтопись упоминаетъ лишь вскользь, что «выѣха посадникъ ладожскый съ ладожане въ войну» [1]). Походъ этотъ памятенъ для Ладоги тѣмъ, что въ отсутствіе ихъ она была сожжена шведами. Упоминается объ умерщвленіи зимою 1337 или 1338 года въ Кареліи ладожскихъ купцовъ—«побиша новгородцовъ много и ладожанъ гостей» [2]), повлекшемъ за собой новое столкновеніе Новгорода съ шведами и новое сожженіе Ладоги и, наконецъ, передается указаніе, что въ 1348 г. Ладога была сборнымъ пунктомъ для всего новгородскаго ополченія, собравшагося идти противъ шведскаго короля Магнуса, который въ порывѣ своего поборничества католицизму вторгнулся съ оружіемъ въ рукахъ, для вразумленія новгородской области къ принятію латинства.

Этимъ исчерпываются лѣтописныя извѣстія объ участіи Ладоги во внѣшнихъ военныхъ событіяхъ Новгорода, за періодъ его самостоятельности. Съ подчиненіемъ скипетру Іоанна III, Новгородъ съ своею волостью, въ обширномъ смыслѣ, какъ область Московскаго государства, и въ частности Ладога, вступаютъ уже непосредственно въ сферу политической жизни послѣдняго и сливаются съ его исторіей, которая дѣлается для нихъ общею. Съ этихъ поръ прекращаются и всякія отдѣльныя извѣстія объ участіи собственно ладожанъ во внѣшнихъ войнахъ Московскаго государства, хотя безъ сомнѣнія извѣстный контингентъ новгородцевъ и ладожанъ долженъ былъ въ нихъ участвовать. Только событія начала XVII вѣка поставили Ладогу временно въ особыя политическія условія: извѣстно, что 11 Іюля 1611 года новгородцы заключили договоръ съ Делагарди, о призваніи на царство шведскаго королевича Карла-Филиппа и обѣщали, что какъ Новгородъ, такъ и другіе города, къ новгородскому княжеству принадлежащіе, въ томъ числѣ и Ладога, будутъ пребывать въ вѣрности къ нему [3]), послѣ чего въ скорости Делагарди удалось захватить самый Новгородъ, а равно и Ладогу, которые затѣмъ присягнули на подданство королевичу; въ челобитной новгородскаго митрополита Исидора королю Густаву-Адольфу (1614 г.) говорится объ этомъ, что «какъ королевича Карлуса Филиппа на Ноугородское государство отпустили (Апр. 1612 г.) и то крестное цѣлованіе свершилося, а въ городѣхъ, государь, въ Орѣшкѣ, въ Ладогѣ въ Ивангородѣ и во всѣхъ городѣхъ крестъ цѣловали на его пресвѣтлѣйшества имя» [4]). Нѣкоторыя подробности событій смутнаго періода, по отношенію въ

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же.
[3]) Собр. госуд. грам. и догов., т. II, № 264.
[4]) Дополн. акт. историч., т. II, № 21.

частности къ Ладогѣ, уже изложены выше при описаніи военныхъ дѣйствій (см. стр. 101—111), здѣсь же можно прибавить, что съ тѣхъ поръ по 1617 г., т. е. до заключенія Столбовскаго мира, она оставалась подъ властью шведовъ, пока наконецъ, по словамъ лѣтописи—«нѣмцы съ государемъ помирилися и отдаша городы Новгородъ и Порховъ и Ладогу» [1]).

Дальнѣйшій періодъ существованія послѣдней не представляетъ уже ничего выдающагося въ политическомъ отношеніи, да и близился конецъ самой жизни Ладоги какъ города, ибо въ началѣ XVIII столѣтія по указу Петра Великаго, большинство ея жителей было переведено на устье Волхова, гдѣ въ видахъ проведенія Ладожскаго канала и большихъ удобствъ для судоходства, была основана Новая Ладога, въ которую перешло и административное значеніе Ладоги прежней, получившей съ этихъ поръ названіе Старой. Когда именно это совершилось, въ точности неизвѣстно (самаго указа не имѣется), почему, быть можетъ, упомянутый переводъ жителей состоялся вслѣдствіе словеснаго повелѣнія Петра I, какъ о томъ дѣйствительно и говорится въ нѣкоторыхъ бумагахъ прошлаго столѣтія, но во всякомъ случаѣ онъ относится къ 1703 или 1704 году. Такъ, въ одной копіи сенатскаго указа 1754 г. упоминается о бывшихъ староладожскихъ посадскихъ людяхъ, «которые по Высочайшему устному указу 1704 года переведены на житье въ Новую Ладогу» [2]), но имѣется и другое извѣстіе, почти современное, въ которомъ тотъ-же переводъ пріуроченъ къ 1703 году: въ прошеніи 1707 г. причта Климентовскаго собора въ Новой Ладогѣ митрополиту Іову, приводится, что «въ прошломъ 1703 году переведены изъ Старые Ладоги въ Новую на Волховское устье посадскіе и служивые и всякихъ чиновъ жители, и по твоему архіерейскому указу соборная церковь священномученика Климента перевезена-жъ въ Новую Ладогу» [3]). Такимъ образомъ, документальныя свѣдѣнія оказываются несогласными, однако, въ виду большей оффиціальности перваго, остается признать его и за болѣе правильное, почему концомъ существованія Ладоги какъ города долженъ быть отмѣченъ именно 1704 годъ.

---

[1]) Полн. собр. русск. лѣтоп., т. IV.

[2]) Изъ документовъ принадлежащихъ староладожск. мѣщанину В. Парфенову.

[3]) Архивъ Свят. Синода: Дѣла Новгор. духовн. консисторіи (безъ нумераціи).

Таково прошлое Ладоги, насколько оно воскрешается имѣющимися матеріалами. Нынѣ она представляетъ забытый уголъ, лишь простое селеніе, въ которомъ только однѣ величавыя развалины ея древняго каменнаго городица, съ пріютившимся въ немъ маленькимъ, почти современнымъ городищу, храмомъ Св. Георгія, молчаливо свидѣтельствуютъ объ историческомъ ея прошломъ, о многихъ вѣкахъ, надъ ней пронесшихся, и напоминаютъ случайному путнику о тѣхъ дальнихъ временахъ, за которыми уже теряется документальная исторія нашего отечества.

Примѣчанія къ I части.

Примѣчаніе 1.

Въ продажной записи 1755 г. приводятся топографическія подробности, что проданные Мельгуновою крѣпостные дворы и огородныя мѣста находятся въ слѣдующихъ урочищахъ:

«По лѣвую сторону р. Ладожки, отъ колѣна гдѣ оная рѣка въ послѣдней поворотилась налѣво теченіемъ въ р. Волховъ [1]), а отъ онаго колѣна до устья 66 саженъ, гдѣ въ Волховъ пала р. Ладожка, а отъ устья внизъ по Волхову по лѣвую сторону до земли Успенскаго монастыря мѣрою 84 сажени, а подлѣ той монастырской земли поворотя налѣво, прямо въ гору подлѣ стариннаго церковнаго кладбища (оставя его на лѣвой рукѣ), 60 саженъ и дошедъ до дороги поворотясь по оной направо, къ полуденнымъ воротамъ изъ ограды Успенского монастыря, мѣрою 20 саж. и не дошедъ до тѣхъ оградныхъ воротъ за 12 саж. поворотя прямымъ угломъ налѣво по дорогѣ до столба 30 саж., а отъ ограды въ 12-ти-жъ саженяхъ поворотясь налѣво отъ онаго столба прямымъ угломъ и черезъ поле къ построенной моей (Мельгуновой) мельницѣ черезъ Петербургскую (sic, Новгородскую?) дорогу мѣрою 160 саж.; и на томъ мѣстѣ на полѣ, учиня прямой уголъ поворотясь налѣво къ старинному церковному кладбищу и дошедъ до того кладбища, а оставя оное на лѣвой рукѣ, къ мосту, лежащему черезъ р. Ладожку по объявленной Новгородской (sic) дорогѣ черезъ ту дорогу мимо показаннаго мосту внизъ по р. Ладожкѣ до вышеписаннаго перваго урочища отъ послѣдняго угла мѣрою 115 саженъ.

А отъ показаннаго перваго столба, который учиненъ отступя отъ ограды Успенского монастыря 12 саж., черезъ поле до послѣдняго столба, который учиненъ отъ помянутаго столба въ 160 саженяхъ, а отъ того столба до показаннаго-жъ церковнаго кладбища, а отъ кладбища до р. Ладожки, по правую сторону моя (Мельгуновой) земля, а по лѣвую сторону имъ посадскимъ проданныя мною дворовыя мѣста, въ которыхъ 11463 кв. саж., за выключеніемъ дорогъ.

И сверхъ означеннаго числа оставляю за собой отъ показанной моей земли и принадлежащей къ мельницѣ, внизъ по р. Ладожкѣ отъ мосту черезъ оную лежащаго, до устья павшаго въ р. Волховъ и отъ устья внизъ по Волхову до земли Успенского монастыря, берега отъ воды въ гору на 5 саж., а въ прочихъ мѣстахъ оные остаются въ моихъ дачахъ; да лежащее на показанной Новгородской дорогѣ направо, шедъ отъ Успенского монастыря длиною 20, поперегъ 18, а квадратныхъ 360 саженъ, да дворовыя-жъ и огородныя мѣста позади ихъ дворовъ, на которыхъ живутъ Успенского монастыря попъ, діаконъ, дьячекъ и пономарь, а въ нихъ мѣрою

[1]) Т. е. послѣдній поворотъ р. Ладожки.

1600 кв. саж. А взяла я (Мельгунова) у нихъ посадскихъ людей за вышеписанныя продольныя усадебныя мѣста денегъ 1,000 рублей и вольно имъ посадскимъ людямъ на означенныхъ мѣстахъ какое похотятъ строеніе строить, сады и огороды разводить»...

(Изъ документовъ, принадлежащихъ Староладожск. мѣщанину В. Парфенову).

Примѣчаніе 2.

Такъ въ показаніи повѣреннаго Мельгуновыхъ 1745 г. читаемъ, что за довѣрителями его состоятъ слѣдующія «отмежеванныя въ селѣ Успенскомъ (что прежде была дер. Чертова) земли:

Пустошь Чертова (пашенной земли 6 дес. 40 кв. саж.), да къ той пустоши отъ дороги, которая лежитъ въ полѣ, прямо черезъ прогонную улицу межъ посадскою и Успенского дѣвичья монастыря землею, полянка ($1^1/_2$ дес. 2 кв. саж.).

Пустошь Сущево ($7^1/_2$ дес. 15 кв. саж.).

Пустошь Озерца ($5^1/_2$ дес. 3 кв. саж.).

Пустошь Горка Ахматовская (3 дес. 2 кв. саж.)

Пустошь Песья Паренина.

Пустошь Трусово-Коярова-Амаселщина тожъ, которая по мірскому званію называется Макинкинымъ.

Пустошь Малоя, по мірскому званію Индриково.

Да къ тѣмъ пустошамъ отказано сѣннаго покосу, по конецъ Ладожскаго посаду отъ Новагорода на р. Волховѣ подъ Никольскимъ монастыремъ $1^1/_4$ десятины; подъ горою Ахматовской Горки до большой дороги (на Лаву?) 1 дес., да отъ той-же большой дороги вверхъ по р. Ладожкѣ межъ пустошей Озерицъ и Песьей Паренины 5 дес., пустошью Песьей Паренины до Хмѣлеваго ручья земли М. Желтухина до пустоши Горки 2 дес.; да Ладожскомъ озерѣ... Итого въ вышеписанныхъ ямскихъ пустошахъ пашенной земли и прочихъ угодій отказано 73 дес. 53 кв. саж.; да по сенатскому указу 1753 г., изъ оставшихъ бывшихъ въ той Старой Ладогѣ владѣнія посадскихъ. стрѣлецкихъ, пушкарскихъ и солдатскихъ людей земли и прочихъ угодій 29 дес. 53 кв. сажени».

(Изъ документовъ, принадлежащихъ Староладожск. мѣщанину В. Парфенову).

Примѣчаніе 3. Таб. LIX.

Какъ видно на чертежахъ храма (Табл. LIX), восточный фасадъ его состоялъ изъ трехъ абсидъ, изъ которыхъ средняя, наибольшая, заключала въ себѣ алтарь; въ послѣднемъ на мѣстѣ престола сохранились четыре вертикально врытыхъ тонкихъ столба изъ мѣстной плиты, а въ вершинѣ абсиды горнее мѣсто, въ видѣ каменнаго сѣдалища, отдѣленное по бокамъ вертикально вставленными плитами; по сторонамъ горняго мѣста расположено сопрестоліе, въ видѣ полукруглаго каменнаго рундука, выведеннаго по окружности абсиды. Въ другой абсидѣ (сѣверной), имѣется по серединѣ четыреугольный каменный жертвенникъ, съ подножіемъ передъ нимъ изъ большой квадратной плиты, а за жертвенникомъ еще родъ невысокаго плитянаго помоста и въ сѣв.-западн. углу абсиды на полу отгороженный изъ двухъ на ребрѣ плитъ-же—родъ низкаго четыреугольнаго ящика, закрывавшагося сверху также плитою, обломокъ которой на немъ найденъ. Наконецъ третья абсида (южная) представляла вѣроятно діаконникъ, или предъалтаріе, кругомъ котораго находился родъ каменнаго плитянаго приступка и остатки отгораживавшей діаконникъ отъ церкви стѣнки.

Внутри храма сохранились нижнія части четырехъ толстыхъ квадратныхъ столбовъ, поддерживавшихъ куполъ церкви, а въ толщѣ западной стѣны (на двухъ противуположныхъ концахъ ея) слѣды ступенчатыхъ всходовъ на хоры. Съ той-же западной стороны сохранился фундаментъ бывшаго здѣсь, вымощеннаго плитами притвора съ главнымъ входомъ, другіе же два входа находились еще въ сѣверной и южной стѣнахъ храма; вдоль этихъ-же стѣнъ, внутри послѣдняго, были расположены еще два каменныхъ рундука, служившіе для отдохновенія прихожанъ. Размѣры храма весьма небольшіе, что же касается вышины, то судя по остаткамъ единственнаго уцѣлѣвшаго окна въ сѣверной абсидѣ, расположеннаго довольно низко, надобно заключить, что и вышина была очень не велика, ибо въ древнихъ церквахъ окна прорубались обыкновенно въ верхнихъ частяхъ стѣнъ.

Внутренность храма была вся покрыта росписной штукатуркой, большею частью, къ сожалѣнію, обвалившейся; штукатурка не вездѣ однообразна: въ однѣхъ мѣстахъ болѣе грубая и толстая, въ другихъ тонкая, твердая и блестящая, такъ что видимо она разновременно возобновлялась, о чемъ свидѣтельствуютъ также разные отпечатки шестиконечныхъ и четырехконечныхъ крестовъ на ея фрагментахъ, на частяхъ же болѣе древнихъ имѣются отпечатки кирпичныхъ клеймъ (въ видѣ четырехконечнаго креста), видимаго кое гдѣ и на обнаженной стѣнной кладкѣ. Живопись, украшавшая внутренность храма, весьма грубая и состоитъ изъ разноцвѣтныхъ орнаментовъ, обведенныхъ красными прямоугольными полями, которыя примыкаютъ другъ къ другу; рисунокъ орнаментовъ во всѣхъ поляхъ разный. Такою-же живописью покрыты и внутренніе столбы храма, а надъ сопрестоліемъ въ средней абсидѣ сохранились еще слѣды бывшихъ здѣсь изображеній св. угодниковъ, совершенно почти стершіяся. На многихъ фрагментахъ обвалившейся штукатурки, а мѣстами на уцѣлѣвшей еще на стѣнахъ, остатки иногда нацарапанныхъ, иногда болѣе старательно выдѣланныхъ, изображеній разной формы крестовъ, между которыми встрѣчаются грубые наброски человѣческихъ фигуръ, а въ одномъ мѣстѣ даже изображеніе повидимому бѣса, въ видѣ какого-то хвостатаго звѣря на заднихъ лапахъ. На тѣхъ-же фрагментахъ, преимущественно со столбовъ храма, уцѣлѣли также остатки надписей, частью также лишь просто нацарапанныхъ, частью вырѣзанныхъ, но къ сожалѣнію лишь въ безсвязныхъ отрывкахъ, съ содержаніемъ, или чисто религіознымъ (молитвы), или поминальнымъ, о времени кончины того или другаго лица, вѣроятно, изъ числа древнихъ ладожскихъ обывателей, причемъ обыкновенно упоминается лишь мѣсяцъ и день его кончины, безъ означенія года (Табл. LXI и LXII). Такъ на одномъ обломкѣ ясно читается: «мцѧ номбрѧ въ кв престависѧ сава днловиць апіхор...», на другомъ видны остатки надписи:—(помяни ду)шю вас(илія?), и т. д. Почеркъ также весьма различенъ: однѣ надписи вырѣзаны глубокими, крупными буквами, другія мелкими и едва замѣтны; однѣ очевидно весьма древнія, другія много позднѣе. Къ числу древнѣйшихъ можно напр. отнести первую, въ которой замѣтна большая аналогія съ одной изъ подобныхъ-же надписей, бывшихъ въ Георгіевской церкви ладожскаго городища, которую спеціалисты относятъ къ XIII столѣтію [1]).

При расчисткѣ средней части храма, заваленной щебенкой и массивами упавшаго свода, найдено на смазномъ известковомъ полу древнее бронзовое паникадило [2]), судя по положенію,

[1]) Надпись слѣдующая: «Мсца Августа день преставися ра(бъ) Божи Петро Домажировицъ...» (Арх. Амвросій: Ист. рос. Іерархіи, IV, 138).

[2]) Нынѣ находится въ Историч. музеѣ въ Москвѣ.

вѣроятно упавшее вмѣстѣ со сводомъ, но сохранившееся сравнительно хорошо. Оно состоитъ изъ прорѣзнаго полушара, обведеннаго широкимъ горизонтальнымъ кружевомъ, на которомъ укрѣплены фигурныя бронзовыя остроконечія для насадки вощаницъ и крючки для колѣнчатыхъ бронзовыхъ цѣпей, которыми паникадило прицѣплялось къ большому прорѣзному кресту. Заслуживаетъ вниманія, что несмотря на древность паникадила (не позже XV или нач. XVI в.), оно уже во время разрушенія храма было настолько ветхо, что нуждалось въ починкѣ, современные слѣды которой на немъ ясно усматриваются. По близости найдены въ мусорѣ еще два желѣзныхъ треножныхъ подсвѣчника, также съ остріями для насадки вощаницъ и довольно много разной величины обломковъ послѣднихъ.

На томъ-же полу, нѣсколько въ сторонѣ отъ паникадила, оказалось нѣсколько серебряныхъ вещей: шейная гривна, въ видѣ большаго проволочнаго кольца, спирально обвитаго вызолоченной серебряной лентой; нѣсколько большихъ древнихъ серегъ, состоящихъ изъ согнутой проволоки съ нанизками изъ дутыхъ вызолоченныхъ шариковъ; нѣсколько пирамидальныхъ золоченыхъ бляшекъ отъ набора и небольшой кумофаренный вѣнчикъ отъ образа. Кромѣ того въ храмѣ найдена серебряная монета «Великого Новгорода», XV вѣка. (Табл. LXIII и LXIV).

Нѣкоторыя изъ этихъ вещей должны быть по своему характеру отнесены къ еще болѣе древнему періоду, вѣроятно къ XII вѣку, такъ такъ напр. гривна и серьги сближаются съ курганными типами, и могли попасть сюда вслѣдствіе донынѣ сохранившагося обычая жертвовать къ иконамъ разные старинные предметы украшеній, вышедшіе изъ употребленія, почему надобно думать, что упомянутыя вещи, вѣроятно, находились при образахъ церкви до ея разрушенія [1]).

Примѣчаніе 4. Таб. LX.

Юго-восточная сторона храма состоитъ изъ трехъ абсидъ (Табл. LX), изъ которыхъ въ средней сохранился оштукатуренный кирпичный, съ квадратной плитой на верху, престолъ и за нимъ въ вершинѣ абсиды горнее мѣсто, отдѣленное на абсидномъ рундукѣ двумя вертикально установленными плитами. Въ лѣвой абсидѣ отдѣленіе для жертвенника, отгороженное кирпичной стѣнкой, въ правой—ризница или діаконникъ, отдѣленный стѣнкой изъ плитъ. Посреди сѣв.-западн. стѣны выходъ изъ храма, а на двухъ оконечностяхъ ея-же входы на хоры, изъ которыхъ въ одномъ уцѣлѣло нѣсколько каменныхъ ступеней отъ бывшей лѣстницы. Въ серединѣ юго-западн. стѣны другой выходъ и снаружи стѣны, вдоль ея довольно большая площадь, сплошь выстланная огромными плитами, вѣроятно надгробными, такъ какъ хотя на нихъ ничего не означено, но подъ ними были найдены погребенныя человѣческія кости. Внутри храма, вдоль сѣв.-восточн. и юго-западн. стѣнъ, два невысокихъ каменныхъ рундука, для отдохновенія прихожанъ, и по серединѣ четыре столба для поддержки купола. На сѣв.-восточ. сторонѣ остатки бывшаго притвора, вымощеннаго плитами, подъ которыми также были найдены погребенные человѣческіе скелеты, въ остальной-же части храма полъ покрытъ крѣпкой известковой смазкой. Мѣстами на остаткахъ стѣнъ и на обломкахъ отпавшей штукатурки слѣды орнаментальной живописи, почти вездѣ красныхъ колеровъ, на средней-же абсидѣ замѣтны слѣды бывшихъ изображеній св. угодниковъ, равно какъ и на нѣкоторыхъ фрагментахъ штукатурки, очевидно бывшей на сводѣ, наконецъ на внутреннихъ столбахъ храма сохранилось нѣсколько вырѣзанныхъ и нацарапанныхъ надписей, частью молитвеннаго, частью поминальнаго содержанія, но неполныхъ

[1]) Нынѣ онѣ хранятся въ Историч. музеѣ въ Москвѣ.

и безъ означенія годовыхъ датъ, напр. «(мѣ)сца... преставис(я) княгнѧ матрен(а)...», или—«... пр(ставися) (кня)жнѧ у(ль)ѧна на стго...», а нѣкоторыя и просто безъимянныя—«мца сентѧбрь д пр(е)стависѧ рабъ» (имени не означено) и др.

Изъ вещественныхъ находокъ при раскопкѣ храма ничего замѣчательнаго не открыто: въ отдѣленіи жертвенника найдено лишь нѣсколько грубыхъ горшечныхъ черепковъ и остатки углей, а въ діаконникѣ небольшой обломокъ неизвѣстнаго предмета изъ бронзы и нѣсколько кусковъ послѣдней въ полурасплавленномъ видѣ.

Примѣчаніе 5.

Въ выписи на земли и угодья, данной строительницѣ Успенского монастыря Ѳеодорѣ, 1684 г., между прочимъ, говорится:

«А въ писцовыхъ книгахъ 7077 (1569) г. написано: Въ Ладогѣ на посадѣ монастырь дѣвичъ Успеніе Пресвятой Богородицы, подъ монастыремъ въ огородѣ пашни $^1/_4$ десятины; да въ Ладогѣ-жъ на посадѣ анбары на монастырской земли (числомъ три), да анбары Успенского монастыря (числомъ 12), а торгуютъ въ нихъ пріѣзжіе въ годъ на два праздника на Успенье Пречистыя Богородицы да на Рождество Пречистыя Богородицы, посадскіе люди, а даютъ въ монастырь на темьянъ по два алтына съ анбара. Да въ Городенскомъ погостѣ деревня Горка надъ рѣкою надъ Ладожицею..., деревня Падиногина надъ рѣкою надъ Ладожицею..., деревня Чернешина надъ рѣкою надъ Ладожицею.

А въ даточныхъ книгахъ Вотскіе пятины 126 (1618) г. написано: Дано Успенского дѣвичья монастыря изъ Ладоги строительницы старицы Акилины, пустаго Рождественскаго дѣвича монастыря изъ Ладоги съ Горицъ въ Вотской пятинѣ въ Ильинскомъ погостѣ на Волховѣ деревня Бышево на Заклюкѣ, деревня Мересали вопче съ Никольскимъ монастыремъ изъ Ладоги..., да въ дву полянкахъ что у городовой земляной стѣны, а въ нихъ пашни полчетверти съ третникомъ.

Да въ жаловальной грамоты великого государя Михаила Ѳеодоровича 129 (1621) г., какову подала Успенского дѣвича монастыря игуменья Ульянія..., дано имъ Рождественского монастыря изъ Горицъ въ вотчинѣ полосмы выше, да оброчная рыбная ловля въ тонѣ Липкѣ три четверти на р. Волховѣ, противъ Иванского монастыря тоня Липка..., да вотчина Успенья дѣвича монастыря въ Городенскомъ погостѣ въ ладожскомъ пустошь Горка на Ладожкѣ $1^1/_2$ обжи, пустошь Мякин(кина) на Ладожицы $1^1/_2$ обжи, пустошь Кадышева..., всего 96 четвертей съ осьминою».

(Документы Новгор. Казенной Пал. въ Археограф. Комисіи, № 425).

Примѣчаніе 6.

Въ Отводной и Межевой книгѣ 1661 г., по поводу размежеванія деревни Монастырь, приводятся слѣдующія, не лишенныя своего мѣстнаго значенія, подробности:

«Лѣта 7169 Октября въ 23 день, подьячей Ос. Протопоповъ въ Вотской пятинѣ въ Пречистенскомъ Городенскомъ погостѣ въ пустоши Силосари въ деревнѣ Монастырѣ [1]) двѣ обжи земли по писцовымъ книгамъ Вотской пятины письма Д. В. Китаева да М. Губы Моклокова 7008 г. и по сказкѣ обчей, отвелъ по старымъ межамъ Никольского монастыря игумену Ѳеодориту съ братіею ихъ монастырскую пашню и сѣнные покосы, которая вопчѣ пополамъ и попо-

[1]) По всей вѣроятности верстахъ въ 20 западнѣе Ладоги, около р. Кабоны.

лосно съ государевою съ дворцовою землею пустоши Монастыря отъ Богдановы земли Нелединского отъ пашни и отъ сѣнокоса и всякіе признаки учинилъ:

Въ Пречистенскомъ Городенскомъ погостѣ въ Силосарской волости деревня Монастырь [1]) государева дворцовая, да Никольскаго монастыря что въ Ладогѣ обчая. А межа той государевой дворцовой и Никольской обчей пополосной земли деревни Монастыря пашни и сѣннымъ покосамъ, отъ Богдановы Нелединского отъ пашни и отъ сѣнокосу, старая валовая отъ деревни Монастыря къ полудни подлѣ дороги стоитъ крестъ, у того креста могильнягъ и каменье могильное вросло въ землю, а на могильнягѣ признакъ сосна да ель. И отъ того креста и отъ могильнягу на Востокъ до колѣна межа старая валовая, съ обѣихъ сторонъ вышиною въ колѣно, а по межи каменье вросло въ землю, а въ колѣнѣ на межи каменная сопочка; отъ той сопочки къ Сѣверу до другаго колѣна межа валовая-жъ, по межѣ каменье вросло въ землю, а въ томъ колѣнѣ на межи камень да рябина, да ель безъ верха; отъ той отъ ели подъ зимней Востокъ валовою-жъ большою старою межею на ель, да отъ той ели межою-жъ на тополь, а на тополѣ высѣченъ крестъ; а отъ того тополя большою-жъ валовою старою межею на Востокъ-же по конецъ пашенные большіе межи камень да три березы, да отъ тѣхъ березъ и отъ каменя на полдень на тополь по конецъ сѣнного покосу сверху отъ того тополя подлѣ изгороды въ черной лѣсъ до мховъ.

Отъ креста и до мховъ по межѣ и по признакамъ по правой сторонѣ пашня и сѣнные покосы Богдана Нелединского, а по лѣвую сторону земля, пашня и сѣнные покосы Никольская да государева дворцовая деревни Монастыря смежная полосная покопенная пополамъ».

(Документы Новгор. Губернск. Правл. въ Археограф. Комисіи).

Примѣчаніе 7.

Въ спискѣ съ писцовой книги 7182, 7183 и 7184 г. дворцовыхъ деревень, пустошей и дворовъ:

(Извлеченіе): «... Въ Вотской-же пятинѣ государевы дворцовыя деревни и пустоши въ Силосарской волости деревня что была пустошь Наволокъ. Деревня что была пустошь Заклюка на рѣчкѣ на Заключкѣ, а Каменной Мостъ тожъ, а въ волости зовутъ Княщина; а межа той деревнѣ Заклюкѣ ѣдучи отъ Ладоги прогонною старинною улицею къ Никольской мельницѣ направе земля государева деревни Заклюки, а налѣвѣ земля помѣщицкая деревни Побѣдища Аѳ. Арцыбашева, а отъ мельницы въ гору по старой изгородѣ гдѣ нынѣ стоитъ налеве земля монастырская, а направе земля дворцовая деревни Заклюки лѣсомъ и до болота; а по другую сторону отъ деревни Заклюки къ помѣшицкой пустоши Заклюкѣ-жъ Быковыхъ отъ рѣчки Заклюки налѣво по старой межѣ пока прежъ сего и нынѣ владѣютъ отъ рѣчки въ гору и до болота, а черезъ рѣчку Заклюку направо къ прогонной городовой улицѣ по середнюю дорогу, а что у помѣщиковъ старинная межа разорана была поперегъ больши сажени и на межѣ вереснягъ и ель ссѣчена.

Деревня что была пустошь Замошье на рѣчкѣ на Мѣстовкѣ; а межа той деревни вышелъ ручей Меньшой изъ болота черезъ дорогу мимо Долгую Ниву и обшелъ кругомъ поля дворцовой земли и палъ на дорогѣ въ рѣчку Мѣстовку, а та рѣка течетъ мимо ихъ деревни и пала

[1]) По писцовой книгѣ 1584 г.—«Въ Силосарской волости пустошь Часовня слыветъ Монастырекъ, вобче съ Никольскимъ монастыремъ изъ Ладоги» (Память 1678 г.—Документы Новгор. Казен. Пал. въ Археогр. Ком., № 362. Также писц. книга 1676 г. въ Москов. Архивѣ Мин. Юст. № 763, л. 3—44).

въ Ладожку рѣку, и по тому ручью налѣво земля государева той деревни Замошья, а направо помѣщицкая, а отъ дороги налѣво внизъ-же земля государева и сѣнной покосъ той-же деревни, а направе земля помѣщицкая; а по другую сторону межъ деревень Замошья и Мѣстовки ручей-же вышелъ изъ болота и палъ въ тужъ рѣчку Мѣстовку.

Деревня что была пустошь Месткина, а въ волости зовутъ Мѣстовка на рѣчкѣ на Мѣстовкѣ, а межа той деревнѣ Мѣстовкѣ писана съ деревнею Замостьемъ выше сего, а по другую сторону межа по дорогу большую, которая лежитъ изъ Ладоги въ Теребушку.

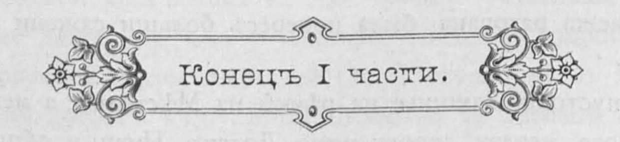
Деревня что была пустошь Глинка Большая, да другая-жъ Глинка-жъ Меньша. Деревня что была пустошь Выдрино. Деревня что была пустошь Островъ Большой да Островецъ Меньшой Цеплино тожъ; а межа той деревнѣ Острову Большому а Меньшой тожъ межъ помѣщицкой земли деревни Кипы изшедъ лѣсовую пашенную землю черезъ ручей на камень большой, и отъ того каменя изшедъ лѣсовую-жъ пашню до другова ручья до болота и черезъ болота мостомъ большою дорогою, которою ѣздятъ отъ Ладоги на Лавую и за свейской рубежъ, и на томъ ручью на правой сторонѣ поставленъ вновь столбъ дубовой, а отъ того столбу на Чистой Мохъ, а отъ Чистаго Мху до р. Кабоны...

Деревня что была пустошь Часовня Монастырь тожъ. Деревня Кротово. Деревня что была пустошь Голтова. Деревня что была пустошь Пали. Деревня что была пустошь Нурміева. Деревня что была пустошь Вланевская. Деревня Кустъ, а межа той деревнѣ съ помѣщицкой землей Сабурова..., а межъ той сосны и куста на межѣ-жъ старинной колодезь, а у того колодезя часовня. Деревня что была пустошь Черная, Райкоча на Черной Горкѣ тожъ. Деревня что была пустошь Лавнея. Деревня что была пустошь Черная а Ушовая тожъ.

Да въ прошломъ во 183 году отписано на великого государя во Дворецъ въ Силосарской волости пустошь Домани, которою владѣли изъ Ладоги Успенского дѣвичья монастыря игуменья съ сестрами безъ крѣпостей».

(Московс. архивъ Мин. Юст.: Списокъ съ Переписной книги, № 763, л. 3—44).

Въ Экономическихъ примѣчаніяхъ къ планамъ Генеральнаго межеванія 1778—79 г., подъ № 19: «Силосарской волости деревни Нурма, Поля, Голпише, Кресова, Гнилка, Выдрина, Чаплина, Кустъ, Раиноги, Лавня, Черная—на суходолѣ и по обѣ стороны большой столбовой Шлиссельбургской дороги, а дачею по обѣ стороны рѣчекъ Винной, Каголки, Чижешны, Елены, Кобанки, Каревы и вершины рѣки Кабоны, ручьевъ Черновскаго и безъимянныхъ, при озерахъ Велецкомъ, Райковскомъ и безъимянныхъ и по обѣ стороны означенной большой дороги». (Архивъ С.-Петерб. Губернской чертежной).

Часть II.

СТАРОЛАДОЖСКОЕ ГОРОДИЩЕ

(„Рюрикова Крѣпость“).

Вмѣсто предисловія.

Вѣкодавнія развалины каменнаго городища въ Старой Ладогѣ принадлежатъ безспорно къ числу любопытнѣйшихъ памятниковъ военнаго зодчества въ древней Руси. Воздвигнутая въ началѣ XII вѣка, новгородская твердыня эта, если и не занимаетъ перваго мѣста въ хронологическомъ спискѣ древнѣйшихъ русскихъ крѣпостей [1]), тѣмъ не менѣе имѣетъ первенствующее значеніе какъ памятникъ, который сохранился до нашихъ дней почти въ первоначальномъ своемъ видѣ, безъ болѣе или менѣе капитальныхъ измѣненій первоначальной своей конструкціи; онъ дошелъ до насъ пострадавшимъ въ сущности лишь отъ тяжести семи вѣковъ, надъ нимъ тяготѣющихъ.

Подобное явленіе, столь рѣдкое въ наше время, легко впрочемъ объясняется какъ величавымъ, можно сказать, циклопическимъ характеромъ этого сооруженія и своеобразностью его устройства, такъ и топографическими условіями его расположенія. Простота конструкціи крѣпости, построенной въ эпоху, еще задолго предшествовавшую появленію огнестрѣльнаго оружія и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе отстававшей отъ движенія впередъ военнаго искусства, дѣлали самую крѣпость все болѣе и болѣе несоотвѣтственной развивавшимся требованіямъ послѣдняго, а между тѣмъ устройство въ ней соотвѣтственныхъ приспособленій, или измѣненій въ самомъ начертаніи крѣпости, представляло большія техническія затрудненія, быть можетъ для тогдашняго искусства даже непреодолимыя, въ силу чего она и продолжала сохранять свой первоначальный типъ почти въ неприкосновенности, низойдя въ послѣднія времена до значенія лишь простой каменной ограды. Въ подобномъ взглядѣ на упадавшее значеніе крѣпости можно повидимому искать объясненія тому, что она уже въ XVII ст. находилась въ самомъ жалкомъ видѣ, въ ней оставались неисправленными такія существенныя поврежденія, какъ разрушеніе башенныхъ крышъ, половъ въ башенныхъ этажахъ и проч.; съ тѣмъ-же въ связи находится быть можетъ и появленіе рядомъ съ древней каменной твердыней еще другой крѣпости деревянной, получившей названіе «Деревяннаго Города». Въ силу всего этого старая постройка продолжала сохранять свой прежній видъ,—детали ея разрушались и исчезали, но типъ и главныя конструктивныя данныя оставались безъ измѣненія.

Наконецъ неприкосновенности этого древняго памятника должно было много способствовать и топографическое его положеніе. Утративъ въ послѣднія времена значеніе пограничнаго

[1]) Старѣйшими по времени могутъ считаться существовавшія каменныя стѣны въ мѣст. Бѣлогородкѣ Кіев. губ. (990 г.), въ Юрьевѣ (1030) и въ Кіевѣ (1037 г.).

пункта и очутившись въ глухомъ забытомъ углу при упраздненіи Ладоги какъ города при Петрѣ Великомъ, Староладожская крѣпость окончательно обратилась въ заброшенныя развалины, къ которымъ не прикасалась ничья рука съ цѣлью ихъ для чего либо утилизировать. Въ то время какъ напр. древнія новгородскія стѣны приспособлялись въ позднѣйшія времена къ военнымъ цѣлямъ, мѣстность Старой Ладоги оставалась въ сторонѣ отъ всякихъ военныхъ соображеній и такимъ образомъ развалины Староладожской крѣпости сохранились до нашихъ дней безъ всякихъ измѣненій, насколько пощадила ихъ рука всесокрушающаго времени.

Отсюда можно видѣть все важное значеніе этого памятника въ археологическомъ отношеніи, какъ древнѣйшаго, неискаженнаго позднѣйшими передѣлками въ теченіи болѣе чѣмъ семи столѣтій представителя новгородскаго военнаго зодчества.

Какъ бытовой историческій памятникъ, Староладожское городище уже съ давнихъ временъ представляло глубокій интересъ для нашего народнаго самопознанія, окутавшаго эти развалины фантастическими преданіями и легендами, проникнувшими затѣмъ въ литературу, даже историческую, отъ чего научное значеніе городища не выиграло, конечно, ничего. Мѣстное преданіе безъ всякаго основанія пріурочило происхожденіе городища къ легендѣ о Рюрикѣ и издавна окрестило развалины названіемъ «Рюриковой крѣпости», подъ каковымъ онѣ слывутъ и понынѣ; оно-же создало цѣлый циклъ поэтическихъ вымысловъ о существованіи въ «Рюриковой крѣпости» таинственныхъ подземныхъ ходовъ, разныхъ тайниковъ и подземелій, которыя, будто, вели изъ внутренности крѣпости къ различнымъ окрестнымъ пунктамъ. Тоже самое не замедлило войти въ составъ крайне поверхностныхъ описаній городища, разновременно появлявшихся въ печати до послѣдняго времени. Такъ, еще въ прошломъ столѣтіи нѣмецкій переводчикъ Несторовой лѣтописи—Шереръ [1]) необинуясь описалъ наше городище, какъ бывшее жилище самого Рюрика. По словамъ Шерера «Его (Рюрика) дворецъ, или лучше сказать зàмокъ, существуетъ донынѣ и составляетъ рѣдкость, которая заслуживала бы въ Россіи бо̀льшаго вниманія. Зàмокъ этотъ въ древнемъ готическомъ стилѣ, съ четырьмя башнями, сооруженъ изъ дикаго, нетесаннаго, сложеннаго на цементѣ камня».

Любопытно, что такое неосновательное указаніе, повидимому впервые пущено въ ходъ именно издателемъ русской лѣтописи, въ древнѣйшихъ спискахъ которой находится и категорическое опроверженіе тому-же вымыслу.

Подобныя-же фантазіи повторялись при удобномъ случаѣ и другими, иногда условно съ оговорками, иногда прямо какъ фактъ положительной достовѣрности. Напр. даже митрополитъ Евгеній, слѣдуя Татищеву, повторилъ, что въ Старой Ладогѣ и донынѣ еще видны развалины его (Рюрика) зàмка [2]), а за нимъ и въ изданіяхъ оффиціальныхъ встрѣчаемъ извѣстія такого рода, что Староладожская крѣпость была, если вѣрить преданію—Рюриковымъ замкомъ [3]), или что—«въ посадѣ Старой Ладогѣ развалины древней крѣпости св. Георгія относятъ ко временамъ Рюрика» [4]); въ одномъ изъ таковыхъ-же изданій [5]) перейдены даже всѣ границы баснословія

---

[1]) I. Scherer: «Des heiligen Nestors älteste Iarbücher», Leipzig, 1774.

[2]) Разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода, 10.

[3]) Матеріалы для статистики Рос. имперіи, изд. Мин. Вн. Дѣлъ, 1839 г.

[4]) Извѣстія Рус. Археол. Общ. 1861 г., т. III, 297. Здѣсь авторъ даетъ развалинамъ даже собственное ихъ названіе «Крѣпости св. Георгія»!

[5]) Историко-стат. свѣд. о С.-Петерб. епархіи 1871 г., вып. 2, стр. 81.

въ этомъ отношеніи: здѣсь читаемъ напр. не только вымыселъ, что—«Онъ же (Рюрикъ), а по другимъ свидѣтельствамъ (?) Олегъ, построилъ (въ Ладогѣ) изъ булыжнаго камня и лещадной плиты крѣпость, доселѣ существующую и извѣстную подъ именемъ Олеговой» (!?), но и опроверженіе самаго свидѣтельства лѣтописи, опредѣляющей время постройки крѣпости 1116 годомъ [1]). Далѣе идти уже некуда. Конечно послѣ этого отъ печати болѣе легкаго, поверхностнаго содержанія нечего и требовать какой-либо исторической вѣрности [2]).

Нарожденію самого преданія среди темнаго мѣстнаго населенія удивляться конечно нечего и оно можетъ свидѣтельствовать только объ извѣстномъ значеніи и интересѣ даннаго памятника для народнаго самопознанія, но приводить подобныя баснословія въ литературѣ, въ виду существованія документальныхъ свидѣтельствъ, таковыя опровергающихъ, по меньшей степени странно!

Еще болѣе вымысловъ о Староладожской крѣпости сложилось среди мѣстнаго населенія относительно разныхъ конструктивныхъ ея особенностей; народное воображеніе создало въ ней существованіе таинственныхъ подземныхъ сооруженій, скрытыхъ ходовъ, подземелій и тому подобныя легенды, упорно циркулирующія среди мѣстнаго населенія и понынѣ, несмотря на то, что произведенныя въ городищѣ археологическія изслѣдованія вполнѣ обнаружили ихъ несостоятельность. Но здѣсь поэтическій вымыселъ имѣлъ хотя какое нибудь основаніе и создался такъ сказать отчасти на реальной почвѣ, ибо внѣшнее состояніе городища до его изслѣдованія доставляло къ тому извѣстные поводы. Фактическое существованіе многихъ сводчатыхъ оборонительныхъ приспособленій, входовъ и помѣщеній въ заваленныхъ снаружи и внутри стѣнахъ и башняхъ крѣпости, существованіе нѣсколькихъ, тогда еще неизвѣстнаго назначенія, узкихъ каменныхъ спусковъ или лѣстницъ, едва изъ подъ заваловъ виднѣвшихся и таинственно куда-то внизъ исчезавшихъ, зіявшія кое-гдѣ мѣстами загадочныя отдушины, все это заросшее землей, заваленное щебнемъ, лишенное свѣта и ненаходившее себѣ простѣйшихъ объясненій, должно было питать народное воображеніе, незамедлившее поэтому опоэтизировать развалины разными таинственными разсказами. Создались легенды о могилѣ Рюрика, о мрачныхъ казематахъ съ цѣпями на стѣнахъ, о желѣзныхъ дверяхъ, преграждавшихъ подземные проходы, о сокровенныхъ сводчатыхъ ходахъ проведенныхъ изъ городища подъ Волховомъ на другой берегъ и т. д. Нашлись и смѣльчаки, пытавшіеся проникнуть въ эти таинственныя ходы и хотя конечно видѣвшіе только то, или небольшую часть того, что обнаружено произведенными нынѣ изслѣдованіями, но безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ субъективныхъ впечатлѣній, выносившіе фантастическіе разсказы о видѣнномъ; такимъ образомъ, эти любители таинственнаго давали новую пищу стоустой молвѣ, съ теченіемъ времени еще болѣе искажавшейся.

И здѣсь можно повторить вышесказанное, что легенды, какъ вполнѣ отвлеченныя созданія народнаго воображенія, могутъ имѣть значеніе лишь какъ характеристика извѣстнаго отношенія мѣстнаго населенія къ тому памятнику, къ которому онѣ пріурочиваются; въ этомъ смыслѣ онѣ вполнѣ безвредны и имѣютъ лишь свой поэтическій оттѣнокъ, но другое дѣло, если онѣ проникаютъ въ литературу и возводятся на степень фактической достовѣрности.

---

[1]) Пріемъ автора слѣдующій: «Лѣтописецъ считаетъ временемъ основанія крѣпости 1116 годъ, но большинство древнихъ свидѣтельствъ (?) и устныя преданія искони живущія въ Ладогѣ и называющія крѣпость то Рюриковой, то Олеговой, побуждаютъ (!) относить основаніе ея ко временамъ первыхъ русскихъ князей».

[2]) Какъ напр. въ «Нивѣ» (1870 г. № 30), гдѣ при описаніи городища между прочимъ прямо заявляется, что «зàмокъ этотъ служилъ мѣстопребываніемъ Рюрика въ 862 году»!

Съ этой точки зрѣнія не важны, напримѣръ, бездоказательные разсказы темнаго Староладожскаго люда, голословно повторяющаго небылицы, слышанныя имъ отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ [1]), но мы не можемъ игнорировать показаній людей интеллигентныхъ, передающихъ въ литературѣ наблюденія и факты, изъ источниковъ болѣе достовѣрныхъ, факты, прямо свидѣтедьствующіе въ пользу якобы правдивости народныхъ фантазій.

Къ числу таковыхъ должны быть отнесены напр. два свидѣтельства, хотя и раздѣленныя почти полустолѣтнимъ промежуткомъ времени, но оба носящія болѣе или менѣе характеръ фактической достовѣрности.

По первому изъ нихъ—въ 1811 году нѣкто генералъ-маіоръ Герардъ произвелъ слѣдующую экскурсію въ развалинахъ: черезъ одно изъ выходившихъ наружу отверстій онъ проникъ «на каменную лѣстницу, которая привела его въ пространную четыреугольную комнату, изъ коей опять по лѣстницѣ онъ спустился въ другую, подобную первой. Отсюда простирались *подземные ходы* на большое пространство, но онъ не могъ продолжать своихъ изысканій—чрезвычайно густой и сырой воздухъ препятствовалъ дыханію и множество нетопырей совершенно преграждали ему путь [2])».

Другой разсказъ, отличающійся большими романическими подробностями, хотя появился въ печати сравнительно недавно, но относится къ 50-мъ годамъ и заключаетъ позднѣйшій пересказъ, слышаннаго тогда авторомъ, повѣтствованія о похожденіяхъ цѣлой экспедиціи изъ трехъ лицъ, рискнувшихъ проникнуть въ пресловутыя таинства «Рюриковой крѣпости». Участниками экспедиціи были: не безъизвѣстный въ литературѣ А. Башуцкій, отецъ Антоній Бочковъ (впослѣдствіи игуменъ Черменецкаго монастыря) и ладожскій старожилъ діаконъ Савва Бѣляевъ, о похожденіяхъ которыхъ авторъ разсказа передаетъ слѣдующее [3]): «Подъ юговосточною угловою башнею замка уцѣлѣла до сихъ поръ низкая ветхая дверь по направленію къ рѣкѣ съ желѣзнымъ засовомъ и цѣпью на замкѣ, черезъ которую упомянутыя лица, получивъ ключъ отъ двери отъ священника Георгіевской церкви и запасшись фонаремъ, лопатами и ломомъ, отправились на осмотръ любопытнаго прохода. Скоро путникамъ пришлось съ опасностью

---

[1]) Напр. одинъ изъ такихъ разсказовъ переданъ покойнымъ В. Прохоровымъ (Христіанск. древности и археологія 1871 г., кн. 1). Онъ заключаетъ въ себѣ показаніе (1851 г.) нѣкоего мѣщанина Ананьева 60-ти лѣтъ, который еще въ дѣтствѣ своемъ сопровождалъ отца, при попыткѣ послѣдняго проникнуть въ какой-то тайникъ Староладожской крѣпости. Ананьевъ разсказывалъ, что съ юго-западной стороны и угловой башни видно и нынѣ отверстіе въ подземный корридоръ, въ который они входили. Ходъ этотъ, какъ онъ полагаетъ, ведетъ къ Волхову, вдоль южной крѣпостной стѣны, и хотя Ананьевъ не помнитъ сколько они прошли, но будто-бы достигли желѣзныхъ воротъ запертыхъ на замокъ; весь ходъ до воротъ со ступенями внизъ, ширина корридора менѣе сажени и вышина болѣе человѣческаго роста; стѣны и сводъ плитяные. Тутъ было много летучихъ мышей, которыя бросаясь задѣвали ихъ по лицу крыльями. Тогда была молва, что ходъ этотъ идетъ и подъ Волховомъ, а выходъ его у бѣлаго креста близь мызы Загвозья, верстахъ въ 8 отъ крѣпости, но самъ Ананьевъ этого не знаетъ.

Тотъ-же Ананьевъ передавалъ о существованіи ходовъ и въ другихъ башняхъ (юго-восточн. и сѣверной), но самъ онъ въ нихъ не лазилъ.

Съ своей стороны мы можемъ добавить, что упоминаемый ходъ есть, по всей вѣроятности, обнаруженная при изслѣдованіи городища каменная лѣстница, устроенная въ толщѣ стѣны юго-западной башни и служившая для сообщенія съ нижнимъ этажемъ послѣдней. На лѣстницу эту можно было попасть внизу башни черезъ тайникъ (см. ниже описаніе Климентовской башни), а на верху или извнѣ — черезъ свѣтовое окно, или извнутри черезъ выходъ изъ лѣстницы въ среднiй этажъ башни. Многое въ разсказѣ, передававшемся по воспоминаніямъ дѣтства, конечно, уже прикрашено, или создано воображеніемъ, но отвергать въ основаніи самый фактъ повода не имѣется и для объясненія его нѣтъ надобности въ существованіи какихъ-либо еще особыхъ таинственныхъ ходовъ въ крѣпости.

[2]) «Соревнователь» 1821 г., т. 14, стр. 30.

[3]) «Гражданинъ» 1884 г., № 23: «Думы на развалинахъ тысячелѣтняго города».

пробираться въ полумракѣ, между рыхлыми отъ сырости и нависшими каменными сводами подводной галлереи; стѣны послѣдней были покрыты густой массой блѣднозеленой плесени, въ которую уходили руки, не встрѣчая ничего твердáго для опоры. Воздухъ становился удушливымъ, надъ головами стоялъ гулъ отъ перекатывавшихся волнъ; кругомъ раздавалось шлепанье отъ движенія отвратительныхъ гадинъ, все это угнетало мозгъ до того, что терялось соображеніе и вязнувшія въ грязной тинѣ ноги отказывались служить. Наконецъ отъ спертости атмосферы погасъ огонь въ фонарѣ и спички не загорались... Смѣлые искатели приключеній едва, едва, гдѣ сгибаясь, гдѣ ползкомъ, выбрались изъ мрачныхъ и душныхъ переходовъ подземелья, черезъ ту-же дверь, и оказалось, что они протомились въ немъ около часа и, насколько можно предположить по странствованію ихъ въ извилинахъ хода, они заключили, что прошли только нѣсколько саженъ отъ крѣпости, удовлетворясь однимъ этимъ опытомъ и выведя изъ него дѣйствительность существованія древняго сообщенія крѣпости, черезъ прорытый подъ водою ходъ».

Разсказъ отличается весьма реальными подробностями, но къ сожалѣнію какъ онъ, такъ и ему предшествовавшій, не составляютъ изложенія личныхъ впечатлѣній и наблюденій самихъ изслѣдователей, а оба поредаются по крайней мѣрѣ уже изъ вторыхъ рукъ и писаны много лѣтъ спустя послѣ совершеніи упомянутыхъ экскурсій; послѣдній изъ нихъ, кромѣ того, очевидно не лишенъ (судя напр. по его стилю) поэтическихъ украшеній автора, писавшаго къ тому-же по старымъ тридцатилѣтнимъ воспоминаніямъ!

Но относясь до извѣстной степени скептически къ нѣкоторымъ подробностямъ приведенныхъ фактовъ [1]), мы не считаемъ себя вправѣ отвергать послѣдніе въ самомъ ихъ основаніи, въ виду того, что при иномъ освѣщеніи ихъ, для достовѣрности упомянутыхъ экскурсій нѣтъ необходимости допускать существованія тайныхъ подземныхъ ходовъ въ крѣпости, и все что было видѣно въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ, согласуется съ обнаруженною раскопками дѣйствительностью.

Такъ, по поводу «подземныхъ ходовъ», упоминаемыхъ Герардомъ въ 1811 году, замѣтимъ, что за таковые имъ были приняты, конечно, глубокія сводчатыя амбразуры и проходы въ юго-западной башнѣ, которыя въ то время должны были быть достаточно завалившимися, чтобы ввести въ заблужденіе относительно дѣйствительнаго ихъ назначенія. Къ тому-же мы не знаемъ и степени точности редакціи самаго описанія этой экскурсіи, изданнаго спустя десять лѣтъ по ея совершеніи.

Экспедицію Башуцкаго объяснить нѣсколько труднѣе. Нѣтъ основанія отвергать вполнѣ правдивость разсказа о ней, ибо во всякомъ случаѣ свѣдѣнія эти переданы лицемъ заслуживающимъ довѣрія, но въ то-же время несомнѣненъ и фактъ, что лѣстница, по которой спускались участники экспедиціи, не имѣетъ другаго выхода, какъ только во внутренность нижняго этажа юго-вост. башни. Думаемъ, что противурѣчія эти можно согласить тѣмъ, что тогда въ грунтѣ завала, заполнявшаго башню, могла на подошвѣ за лѣстницей образоваться какая нибудь случайная пустота [2]), сквозь которую Башуцкій съ своими спутниками пробрались до ближайшей башенной

[1]) Такъ существованіе запертой замкомъ двери можно допустить развѣ условно, т. е. что если дверь тогда и была, то устроенная развѣ въ новѣйшее время; думаемъ, что скорѣе это просто выдумка. Мы впервые лично ознакомились съ городищемъ еще въ 1862 г. и осматривая ту же лѣстницу рѣшительно даже слѣдовъ чего либо на дверь похожаго не видѣли. Ничего подобнаго не встрѣчено и при полномъ изслѣдованіи городища въ послѣднее время.

[2]) Во время новѣйшихъ раскопокъ, въ нижнемъ этажѣ у выхода лѣстницы встрѣчены были обломки гнилыхъ досокъ, что можетъ подкрѣплять подобное предположеніе.

амбразуры въ стѣнахъ нижняго этажа; амбразура эта, оказавшаяся при изслѣдованіи не вполнѣ засыпанною, а завалившеюся лишь отчасти и преимущественно на своихъ оконечностяхъ, притомъ-же имѣвшею значительную длину (въ зависимости отъ толщины башенной стѣны), безъ сомнѣнія и была принята за ходъ подъ Волховъ, тѣмъ болѣе, что эти амбразуры здѣсь выходятъ непосредственно на рѣку и, попавъ сюда, экскурсанты могли даже дѣйствительно слышать плескъ волнъ, омывающихъ подножіе башни. Остальное, конечно, дополнило воображеніе.

Во всякомъ случаѣ всѣ эти легенды фактически опровергаются полнымъ изслѣдованіемъ городища, не обнаружившимъ въ послѣднемъ ни малѣйшихъ слѣдовъ какихъ либо скрытыхъ приспособленій. Тѣмъ не менѣе, существованіе тайниковъ не разъ указывалось даже въ серіозной литературѣ, какъ нѣчто положительно достовѣрное. Напримѣръ, даже Н. Костомаровъ, говоря о Староладожской крѣпости, прямо утверждаетъ: «Въ стѣнѣ были слѣланы потайные ходы, идущіе внизъ подъ землею. Неизвѣстно, на какое пространство тянутся эти подземелья и въ какихъ направленіяхъ; народное преданіе ведетъ ихъ подъ Волховъ [1])». То-же самое повторяетъ покойный В. Прохоровъ [2]), безусловно заявившій по поводу переданныхъ имъ-же легендъ, что—«одно только вѣрно вполнѣ: дѣйствительно есть тайники, есть туда и входы, но въ настоящее время завалены»! Наконецъ, одинаковыя басни, но еще съ большими подробностями и безъ всякихъ оговорокъ встрѣчаемъ на страницахъ одного ученаго журнала [3]), гдѣ въ довольно подробной статьѣ о «Рюриковой крѣпости» между прочимъ передается, что—«въ угловыхъ башняхъ крѣпости находятся входы въ подземные тайники или тоннели, которые вели къ Волхову и рѣчкѣ Ладожкѣ и сдѣланы были, безъ сомнѣнія, съ военной цѣлью на случай осады».

Не мудрено, что при подобной постановкѣ фактовъ убѣжденіе о тайнахъ Староладожскаго городища настолько окрѣпло, что его не въ состояніи разрушить даже дѣйствительность [4]), представленная произведенными въ городищѣ раскопками, въ силу чего мѣстные обыватели и до сихъ поръ продолжаютъ по прежнему повторять старыя басни о пресловутыхъ тайникахъ «Рюриковой крѣпости [5])».

Надо надѣяться, что хотя-бы съ появленіемъ настоящаго труда дѣйствительное значеніе и интересъ Староладожскаго городища будутъ оцѣнены надлежащимъ образомъ, и что вышеуказаннымъ повѣствованіямъ послѣ этого отведется подобающее мѣсто въ области чистѣйшей фантазіи.

---

[1]) «Сѣверно-русскія народоправства», т. II.

[2]) «Христіанскія древности и археологія» 1871 г., кн. 1.

[3]) «Древняя и Новая Россія», 1876 г., № 1.

[4]) Такъ напр. въ статьѣ И. Тюменева «По пути изъ Варягъ въ Греки», помѣщенной въ Историческомъ Вѣстникѣ, за Апрѣль 1893 г., слѣдовательно уже по окончаніи раскопокъ, производившихся въ Староладожскомъ городищѣ, снова повторяются старыя розсказни о тайникахъ послѣдняго и говорится въ заключеніе, что—«теперь входъ въ эти тайники заваленъ каменьями и мусоромъ и доступъ къ нимъ почти невозможенъ»! (стр. 151). Но если авторъ писалъ свою статью дѣйствительно около 1893 года и обозрѣвалъ на мѣстѣ развалины, послѣ изслѣдованій, производившихся здѣсь въ 1884—85 г., то совершенно непонятно, какіе завалы могли препятствовать ему для доступа въ мнимые «тайники» крѣпости, такъ какъ всѣ конструктивныя подробности послѣдней тогда были уже вполнѣ выяснены и доступы къ нимъ, послѣ ихъ очистки при тѣхъ же работахъ, оставались и остаются совершенно свободными!

[5]) Еще иллюстраціей къ этому можетъ служить напр. слѣдующее: мѣстные жители называютъ между прочимъ «тайникомъ» пространство вдоль южнаго фаса городища (гдѣ нынѣ проходитъ дорога къ Волхову) и утверждаютъ здѣсь скрытое существованіе какого то подземнаго хода. Но названіе это (какъ будетъ пояснено ниже въ своемъ мѣстѣ) есть не болѣе, какъ отголосокъ далекой старины и совершенно не правильно въ придаваемомъ ему значеніи.

Обращаясь затѣмъ къ фактическому описанію городища, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ матеріалахъ, которые находились въ нашемъ распоряженіи, дополнительно къ даннымъ, добытымъ непосредственно раскопками городища, и къ чертежамъ, исполненнымъ по порученію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества академикомъ В. В. Сусловымъ.

А. Матеріалы графическіе.

1. Видъ Староладожской крѣпости со стороны Волхова, 1634—36 г., помѣщенный въ путешествіи Олеарія и воспроизведенный выше (см. стр. 3, рис. 1).

Матеріаломъ этимъ, хотя и представляющимъ древнѣйшее изъ имѣющихся изображеній Ладоги, слѣдуетъ, однако, пользоваться съ большою осторожностью; онъ не освѣщенъ никакимъ пояснительнымъ текстомъ и самый рисунокъ въ деталяхъ, повидимому, даже не вполнѣ точенъ, такъ какъ не согласуется съ показаніями нашихъ древнихъ письменныхъ документовъ близкаго къ тому-же времени (второй половины XVII вѣка); напр. по свидѣтельству послѣднихъ, сѣверная башня городища была круглою, у Олеарія же она представлена четыреугольною; такою-же (судя по шатровой крышѣ) изображена у него и юго-западная, между тѣмъ, какъ она равнымъ образомъ въ документахъ показывается круглою-же.

2. Довольно большой акварельный рисунокъ городища съ юго-западной стороны, второй половины XVII стол., въ Эрмитажной библіотекѣ [1]), исполненный вѣроятно по поводу путешествія Екатерины II. Изображеніе очевидно разсчитано лишь на художественный эффектъ, безъ всякихъ научныхъ цѣлей и, страдая капитальными искаженіями, не имѣетъ никакого археологическаго значенія. Достаточно указать, что художникъ не стѣснился напр. даже прибавить на западномъ фасѣ городища еще лишнюю, никогда не существовавшую здѣсь башню! Рисунокъ очевидно исполненъ не на мѣстѣ, а позже, на основаніи ошибочно и кое какъ составленнаго наброска.

3. Нѣсколько акварельныхъ рисунковъ въ довольно большую величину, а также планы и разрѣзы городища, составленные во время археологическаго путешествія сенатора Бороздина (въ сопровожденіи г. Ермолаева, архитектора Максютина и рисовальщика Иванова) въ 1809—1810 г.; хранятся въ Императорской Публичной бибіотекѣ [2]).

На планахъ и разрѣзахъ представлены только нынѣшніе верхніе этажи башенъ [3]), причемъ самые планы видимо составлены безъ точныхъ обмѣровъ и частью даже лишь по соображенію, вѣроятно въ зависимости отъ степени доступности самихъ развалинъ, уже въ то время бывшихъ полузаваленными. Вслѣдствіе этого, въ чертежахъ замѣчаются существенныя невѣрности и болѣе значенія имѣютъ рисунки, изъ которыхъ можно почерпнуть нѣсколько полезныхъ указаній о внѣшнемъ состояніи городища и нѣкоторыхъ его деталей, въ началѣ текущаго столѣтія.

4. Планъ и нѣсколько разрѣзовъ городища, составленные въ 1852 г. инженеромъ Погожевымъ и хранящіеся въ библіотекѣ Староладожскаго Николаевскаго монастыря. Чертежи эти однако, очевидно, характера схематическаго и, не представляя научнаго значенія, служатъ лишь иллюстраціей къ пояснительному при нихъ тексту, или запискѣ, составленной, какъ видно, по поводу вопроса о предохраненіи городища отъ дальнѣйшаго разрушенія. Что касается самого текста, то изъ него не только нельзя извлечь никакихъ полезныхъ указаній, но даже могутъ быть сдѣланы

---

[1]) Любезно сообщенный намъ академикомъ А. А. Куникомъ.

[2]) Подробный перечень Бороздинскаго собранія рисунковъ, см. въ Трудахъ I Археологич. съѣзда, 1871 г.

[3]) Кромѣ проѣздной средней башни, въ которой изображенъ этажъ нижній.

заключенія совершенно ложныя. Здѣсь напр. говорится, что Староладожская крѣпость имѣетъ видъ прямоугольника.—Объясняется отсутствіе какой-то башни на четвертомъ (сѣверо-восточномъ) углу!.. и пр., хотя достаточно бросить одинъ взглядъ на крѣпость, чтобы убѣдиться, что въ дѣйствительности планъ городища имѣетъ форму треугольника, или вѣрнѣе утюгообразную, слѣдовательно о четвертомъ углѣ не можетъ быть и рѣчи.

5. Планъ и нѣсколько видовъ городища, изданные въ 1871 г. покойнымъ В. Прохоровымъ [1]), съ небольшимъ пояснительнымъ при нихъ текстомъ. Часть изданія посвящена, впрочемъ, изображенію древней церкви Св. Георгія, находящейся въ крѣпости, другая же, касающаяся непосредственно городища, представляетъ внѣшность послѣдняго съ нѣсколькихъ сторонъ и нѣкоторыя детали одной изъ башенъ, но плановъ послѣднихъ нѣтъ. Сравнительно съ перечисленными уже выше, рисунки г. Прохорова являются лучшими, такъ какъ исполнены довольно тщательно и добросовѣстно, но тѣмъ не менѣе, самостоятельнымъ научнымъ матеріаломъ служить и они не могутъ, сохраняя за собой лишь извѣстное вспомогательное значеніе, какъ довольно вѣрной художественной копіи съ внѣшняго вида развалинъ. Что касается текста, то собственно для городища онъ въ техническомъ отношеніи не прибавляетъ къ рисункамъ ничего, ибо содержитъ въ себѣ лишь нѣсколько отрывочныхъ фактовъ изъ исторіи Ладоги и повтореніе пресловутыхъ легендъ о подземельяхъ «Рюриковой крѣпости».

6. Къ этой-же серіи графическихъ матеріаловъ могутъ быть еще отнесены чертежи верхней части одной изъ башенъ крѣпости, помѣщенные въ трудахъ г.г. Ласковскаго и Савельева [2]), а также можно прибавить, что изображенія городища неоднократно появлялись и на страницахъ разныхъ періодическихъ изданій, какъ напр. въ Нивѣ (1870 г. № 30 и 1883 г. № 39), Древней и Новой Россіи (1876 г. № 1) и Историческомъ Вѣстникѣ (1893 г., т. LII), въ которыхъ помѣщены плохіе, впрочемъ, рисунки городища, мало что даже объясняющіе въ иллюстрируемомъ ими текстѣ. Что касается послѣдняго, то онъ по отношенію непосредственно къ развалинамъ крѣпости вездѣ изобилуетъ разными баснями и не представляетъ ни новизны, ни значенія [3]).

7. Наконецъ, остается сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ новѣйшемъ матеріалѣ, видимо претендующемъ на извѣстное научное значеніе и носящемъ слѣдующее названіе: «Староладожская крѣпость въ чертежахъ и фотографіяхъ, съ приложеніемъ реставраціи крѣпости до и послѣ 1500 года».

Трудъ этотъ, сохраняющійся въ библіотекѣ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, очевидно потребовалъ не мало времени; онъ заключается въ объемистомъ атласѣ съ

---

[1]) Христіанскія древности и археологія, кн. 1.

[2]) Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи.

[3]) Такъ напр. въ Древней и Новой Россіи передается, между прочимъ, что — «Извнѣ крѣпость укрѣплена была перекопами, рвами и насыпнымъ валомъ, слѣды которыхъ еще замѣтны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ»! Въ С.-Петербургскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (1849 г. № 22) встрѣчаемъ такое описаніе: «Внутри стѣнъ (крѣпости) были бойницы и помѣщенія для стражи, съ подземными ходами. Остатки стѣны, тянущейся болѣе чѣмъ на полуверсту, перерѣзываются насыпями. По правому берегу рѣки идетъ другой рядъ насыпей, пересѣкаемыхъ валами. Крѣпость была обведена каналами, соединявшимися съ Ладожкой. За каналами разбросаны новые ряды насыпей и между ними были прорыты другіе каналы»!! Въ Памятной книжкѣ С.-Петербургск. губерніи (1868 г., отд. II, 20) читаемъ о городищѣ: «Башенъ было четыре; снаружи онѣ имѣли четыре угла, а внутри круглыя. Ровъ, окружавшій замокъ, нынѣ засыпанъ пескомъ, нанесеннымъ волнами Волхова и заваленъ каменьями. Кромѣ того, замокъ обнесенъ былъ валомъ, котораго слѣды и до сихъ поръ видны»!

краткой пояснительной запиской и составленъ авторомъ на основаніи работъ по изслѣдованію городища, произведенныхъ въ 1884 г. Обществомъ.

Атласъ состоитъ а) изъ рисунковъ и фотографій городища въ его современномъ состояніи и б) изъ рисунковъ, изображающихъ реставрацію крѣпости до и послѣ 1500 года.

Первая часть, какъ фактическая, слѣдовательно въ данномъ случаѣ важнѣйшая, носитъ характеръ набросковъ, исполненныхъ въ мелкомъ масштабѣ, но не чертежей, правильно составленныхъ, точно воспроизводящихъ всѣ детали своего оригинала; масштабъ мелкій, общій для плановъ и разрѣзовъ, мало пригодный для точнаго пользованія; многихъ размѣровъ въ набросками совершенно не видно, другіе на планахъ и разрѣзахъ между собою разнятся, третьи явно ошибочны; нѣкоторыя сохранившіяся детали городища пропущены, другія-же нанесены произвольно, и т. д.; серьезнаго отношенія къ задачѣ здѣсь не видно и болѣе интереса представляетъ въ томъ-же атласѣ серія малыхъ фотографическихъ снимковъ съ разныхъ деталей городища, которая частью въ видѣ политипажей и вошла въ составъ нынѣ издаваемаго описанія Ладоги.

Подобный же характеръ носитъ и другая половина атласа. Уже самое дѣленіе реставраціи на періоды до и послѣ 1500 года не имѣетъ никакого научнаго основанія, да и не соотвѣтствуетъ фактическому состоянію крѣпости въ тѣ-же періоды, ибо напр. съ 1500 года въ рисункахъ показывается несуществующею цѣлая башня на восточномъ фасѣ, тогда какъ въ дѣйствительности послѣдняя разобрана лишь въ 1672 г. Затѣмъ бросается въ глаза незамысловатость рѣшенія авторомъ разныхъ сомнительныхъ вопросовъ реставраціи первоначальнаго вида крѣпости; напр. южная половина восточнаго фаса послѣдней изображена имъ въ видѣ какого-то исходящаго угла, — начертаніе совершенно здѣсь неумѣстное въ фортификаціонномъ смыслѣ и невызываемое никакой исключительной конфигураціей мѣстности; у стѣны на южномъ фасѣ, около юго-западной башни показаны какія-то казематированныя помѣщенія, долженствующія изображать каменныя монашескія кельи, на что въ дѣйствительности не имѣется даже никакого намека; у въѣздной башни расположенъ отводной острогъ, о которомъ въ ту пору рѣшительно ничего неизвѣстно, и т. д., и т. д.

Что касается пояснительной къ атласу записки, то она также соотвѣтствуетъ атласу. Въ ней между прочимъ исчисляется рядъ якобы источниковъ и пособій, служившихъ автору, какъ-то: Олеарій, Бороздинъ, Погожевъ, Віоле-Ледюкъ и др., добрая половина которыхъ въ сущности безплодна для реставраціи, но за то русскія лѣтописи авторомъ игнорированы совершенно, а между тѣмъ изъ нихъ онъ могъ узнать хотя бы то, что «Рюрикова крѣпость» чинилась уже въ половинѣ XV стол. и слѣдов. для вышеупомянутыхъ періодовъ, до и послѣ 1500 года, нѣтъ никакого историческаго основанія.

Б. Документы архивные.

1. Матеріалы Московскаго Архива Министерства Юстиціи. Ближайшее и самое важное значеніе непосредственно для Староладожскаго городища, представляютъ здѣсь дѣла Разрядныя [1]), а именно: а) Росписные списки и Смѣтныя книги, б) Годовыя смѣтныя книги, в) Десятни и г) Дѣла разныхъ городовъ. Документы, въ нихъ заключающіеся, по отношенію собственно къ Ладогѣ, представляютъ частью отписки о служилыхъ людяхъ и вооруженіи послѣдней, частью-

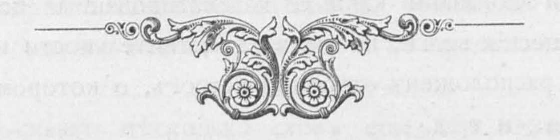
[1]) Н. Оглоблинъ: «Обозрѣніе ист.-географ. матеріаловъ въ книгахъ Разряднаго приказа» (Опис. документ. Московск. Архива Мин. Юст., т. IV).

же описи состоянія ея города (крѣпости), но за періодъ не ранѣе XVII столѣтія; количество ихъ, къ сожалѣнію, весьма ограниченно, содержаніе же въ большинствѣ имѣетъ много общаго, такъ что число тѣхъ, въ которыхъ заключаются болѣе или менѣе значительные варіанты, сводится еще къ меньшему. Старѣйшій изъ извѣстныхъ 1628 года, позднѣйшій 1697-го; наиболѣе важные по подробностямъ принадлежатъ 1676—1697 г.

Документы эти имѣютъ первостепенное значеніе, какъ источникъ, заключающій драгоцѣнныя въ настоящемъ случаѣ указанія о различныхъ, нынѣ уже не существующихъ частяхъ городища, вмѣстѣ съ нѣкоторыми подробностями и прежняго устройства его.

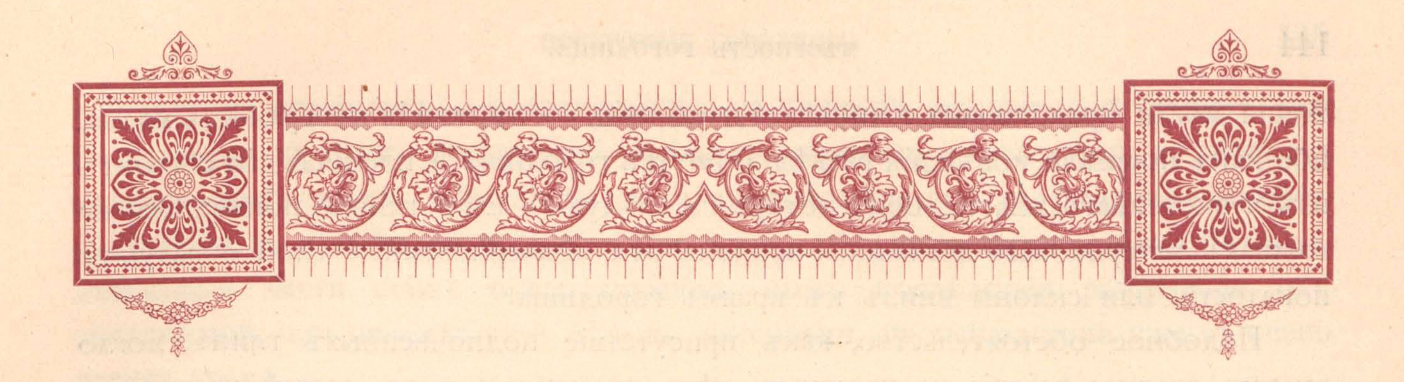
2. «Переписная роспись Ладоги», принадлежавшая покойному П. Муханову, новѣйшій списокъ которой былъ намъ любезно сообщенъ академикомъ А. А. Куникомъ. Время составленія Росписи неизвѣстно, но по всѣмъ вѣроятіямъ ее слѣдуетъ отнести къ 1665—1667 году [1]); она весьма важна по своимъ подробностямъ, но въ то-же время нерѣдко грѣшитъ [2]) относительно приводимыхъ въ текстѣ ея цифровыхъ данныхъ по детальнымъ размѣрамъ городища, сравнительно съ другими имѣющимися документальными свѣдѣніями о томъ-же.

3. Наконецъ сюда-же относятся двѣ описи городища, уже изданныя: одна 1655 года, напечатанная Н. Поповымъ въ Актахъ Московскаго государства (т. II, № 777), другая 1698 года— П. Бутковымъ въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1838 года, ч. 29, по подлиннику графа Ѳ. Толстого. Болѣе важною изъ нихъ является первая, какъ древнѣйшая.

[1]) Роспись составлена при Семенѣ Колюбакинѣ, о которомъ извѣстно, что онъ былъ воеводой въ Ладогѣ въ указанное время (см. ч. I: Управленіе). Кромѣ того въ документѣ значится еще въ цѣлости одна изъ башенъ городища, которая въ 1672 г. была уже разобрана, какъ угрожавшая близкимъ и неминуемымъ паденіемъ.

[2]) По крайней мѣрѣ въ томъ спискѣ, которымъ мы пользовались.

Мѣстность городища.

ѣстность, занимаемая каменнымъ городищемъ, представляетъ небольшой возвышенный, слегка покатый къ сѣверу мысъ, образуемый впаденіемъ рѣчки Ладожки въ Волховъ, съ лѣвой стороны послѣдняго. Извилистое вообще теченіе Ладожки имѣетъ близь своего впаденія почти перпендикулярное направленіе къ Волхову, но недоходя саженъ 40 до послѣдняго, круто поворачиваетъ на сѣверъ и такимъ образомъ составляетъ острый уголъ, или мысъ длиною около 60 саж. Съ южной стороны своей (отступя отъ вершины ок. 75 саж.) онъ отдѣляется большой поперечной къ Волхову лощиной или балкой, такъ что площадь мыса почти со всѣхъ сторонъ представляется изолированною и только въ юго-западной своей части незамѣтно сливается съ прилегающей мѣстностью.

Являясь такимъ образомъ пунктомъ выгоднымъ въ фортификаціонномъ отношеніи для занятія его болѣе или менѣе сильнымъ укрѣпленіемъ, упомянутый мысъ представлялъ извѣстныя удобства для того-же и по своимъ грунтовымъ условіямъ, ибо подножіе его составлялъ плотный унгулитовый песчаникъ, могшій служить естественнымъ фундаментомъ для громаднаго массива каменныхъ башенъ крѣпости[1]), но вмѣстѣ съ тѣмъ слабую сторону для соору-

[1]) По имѣющимся спеціальнымъ наблюденіямъ, общій характеръ геологическаго строенія нижней половины долины Волхова выражается господствомъ силлурійскихъ известняковъ, смѣняющихъ здѣсь формацію девонскую, которая занимаетъ верхнюю половину его теченія. Близь Старой Ладоги пласты силлурійскаго известняка исчезаютъ и подъ наносами прямо является унгулитовый песчаникъ, толщи котораго тянутся непрерывно почти до Ладожскаго озера. Нѣсколько ниже Ладоги, на лѣвомъ берегу Волхова наблюдается естественный разрѣзъ

женія могли представлять глинистыя наслоенія, составлявшія поверхность холма, ибо какъ показали новѣйшія развѣдки внутри городища [1]), площадь его состоитъ изъ черноземнаго пласта, подъ которымъ слѣдуютъ слои глины, покоящіеся на толщахъ материковаго песчаника, причемъ эти подчерноземные слои образуютъ покатости, или склоны внизъ къ краямъ городища.

Подобное обстоятельство, какъ присутствіе подпочвенныхъ глинъ, могло оказать вредное вліяніе на прочность тѣхъ промежуточныхъ частей постройки,

---

мѣстныхъ породъ, въ которомъ на упомянутомъ песчаникѣ видны наслоенія глины, причемъ порядокъ напластованій слѣдующій: а) черноземъ, б) наносный песокъ съ валунами и обломками силурійскаго известняка, в) пластъ глины, г) слой плитнаго песчаника, д) пластъ глины, е) слой песчаника. (Еремѣевъ: «Геогностическія замѣтки по берегамъ Волхова»—Горн. Журн. 1855 г., ч. 1).

[1]) При производившемся въ 1884—1855 г. изслѣдованіи городища, внутреннее пространство послѣдняго для развѣдки грунта было пересѣчено (въ сѣверной половинѣ близь бывшей Тайничной башни) широкой (въ 4 арш.) поперечной траншеей, до 4$^1/_2$ арш. глубиною, причемъ выяснилось, что верхній черноземный (перемѣшанный съ плитовой щебенкой) пластъ идетъ на 1$^1/_2$ аршина и покрываетъ собою слой крѣпкой сѣрозеленоватой глины, толщиною около $^1/_2$ аршина. Затѣмъ слѣдуетъ аршинной толщины пластъ, состоящій въ верхней половинѣ изъ красноватой песчанистой глины, переходящей ниже въ глинистый песокъ, съ обломками силлурійскаго известняка и галькой, и наконецъ еще ниже идетъ болѣе чистый и твердый красноватый песокъ съ гальками и валунами, однородный съ обнаруженнымъ и на днѣ сѣверной башни того-же городища.

Относительно направленія указанныхъ пластовъ обнаружилось, что лежащіе подъ черноземомъ слои принимаютъ въ восточномъ концѣ траншеи наклонное къ уровню Волхова положеніе, т. е. образуютъ какъ-бы скатъ къ руслу рѣки. Обстоятельство это, быть можетъ, слѣдуетъ поставить въ связь и съ фактомъ окончательнаго разрушенія выходящей на Волховъ стороны городища.

Подобное-же паденіе подчерноземныхъ слоевъ должно быть установлено и въ другомъ направленіи, именно въ южной половинѣ городища—на югъ, на основаніи слѣдующихъ соображеній: хотя въ этой южной половинѣ городища не представилось возможности провести развѣдочную траншею (по нахожденію здѣсь христіанскаго кладбища), но изъ всѣхъ случаевъ рытья здѣсь глубокихъ могилъ извѣстно, что глины никогда встрѣчаемо не было, слѣдов. послѣдняя на кладбищѣ пролегаетъ значительно глубже, сравнительно съ серединой городища, или иначе говоря, слой ея имѣетъ паденіе также и въ эту сторону. То-же самое можно наблюдать еще яснѣе и внѣ городища, на другомъ берегу р. Ладожки. Здѣсь, въ колѣнѣ послѣдней, близь моста, снятъ на довольно большомъ протяженіи верхній пластъ грунта, причемъ на боковыхъ обрѣзахъ (профиляхъ) усматривается то-же довольно крутое паденіе подчерноземнаго слоя глины, по направленію къ берегу Ладожки, т. е. на югъ, и затѣмъ на противуположномъ берегу ея онъ болѣе не выслѣживается, или покрайней мѣрѣ пролегаетъ настолько глубоко подъ толщей чернозема, что при прокапываніи послѣдняго (во время возводившихся здѣсь построекъ) болѣе чѣмъ на три аршина, глины обнаруживаемо не было.

Наконецъ подобный-же скатъ, или паденіе слоя глины, но на сѣверъ, можетъ быть указано и въ сѣверномъ концѣ городища, гдѣ при проводкѣ небольшой траншеи у находящейся здѣсь башни, пластъ чернозема оказался также сравнительно толще (въ 2 аршина), т. е. слой глины пролегалъ здѣсь уже на полъ аршина глубже, сравнительно съ уровнемъ его въ серединной траншеѣ городища.

которыя не покоились непосредственно на толщахъ основнаго песчаника, что повидимому не было достаточно оцѣнено древними строителями крѣпости и можетъ нынѣ давать объясненіе тому неравномѣрному разрушенію, которое замѣчается въ послѣдней въ настоящее время, ибо, какъ будетъ ниже указано, нѣкоторыя части стѣнъ обнаруживаютъ нынѣ послѣдствія разрушенія отъ опалзываній, или перемѣщеній цѣлыми массивами, происшедшими уже въ очень давнее время.

Построеніе городища.

Какъ-бы то ни было, но описанный мысъ послужилъ, какъ уже сказано, пунктомъ, на которомъ въ XII вѣкѣ воздвиглась порубежная каменная твердыня, составившая крѣпкій для своего времени оплотъ Великого Новгорода. Событие это одними лѣтописными сводами относится къ 1114-му, другими—къ 1116 г., но, безъ сомнѣнія, ни тотъ, ни другой, не могутъ быть принимаемы въ тѣсномъ смыслѣ за періодъ, въ теченіи котораго произошло все сооруженіе крѣпости: на такую гигантскую постройку долженъ былъ потребоваться не одинъ, не два года времени, а быть можетъ цѣлое десятилѣтіе. Поэтому, хронологическое свидѣтельство лѣтописи должно быть понимаемо, какъ указаніе года основанія крѣпости или года окончанія ея постройки, придерживаясь же буквальнаго смысла лѣтописи, должно скорѣе остановиться на первомъ предположеніи, потому что лѣтопись именно говоритъ—«Томъ-же лѣтѣ Павлъ посадникъ Ладожьскій *заложи* Ладогу городъ камянъ» [1]); это выраженіе повторяется во всѣхъ спискахъ. Отсюда-же узнаёмъ и имя главнаго строителя, или основателя крѣпости,—Павла посадника, по однимъ указаніямъ Новгородскаго, по другимъ—Ладожскаго, но вѣрнѣе однако послѣднее, такъ какъ Несторъ въ этомъ смыслѣ упоминаетъ о немъ и по другому поводу, при своемъ личномъ посѣщеніи Ладоги [2]). Въ Ипатьевскомъ спискѣ, кромѣ того, читаемъ варіантъ о заложеніи Ладоги «каменіемъ на приспѣ» [3]), надъ чѣмъ также нельзя не остановиться. Подъ терминомъ «приспа» мы должны понимать нѣчто въ родѣ искусственной насыпи, ибо въ таковомъ смыслѣ онъ ясно употребленъ напр. въ лѣтописномъ-же свидѣтельствѣ объ осадѣ Владиміромъ Корсуня: Владиміръ взявъ послѣдній—«постави церковь на горѣ, еже ссыпаша среди града крадуще приспу» [4]), слѣдовательно выходитъ,

---

[1]) Новгородск. лѣтопись по Синод. списку, изд. 1886 г.

[2]) «Сему же ми есть послухъ посадникъ Павелъ Ладожскый и вси Ладожаны» (Лѣтоп. по Ипат. сп., изд. 1871 г., 199).

[3]) Тамъ-же.

[4]) Полн. собр. лѣтоп. (Воскресенск. лѣт.). Тамъ-же видно, что упомянутая приспа образовалась слѣдующимъ образомъ: Владиміръ осадивъ Корсунь «повелѣ приступати ко граду и прьсть

что и ладожская крѣпость была воздвигнута какъ-бы на искусственномъ возвышеніи, чего однако допустить никакъ нельзя, въ виду данныхъ, добытыхъ въ городищѣ раскопками [1]). Объясненіе выраженія лѣтописи можетъ почерпаться однако изъ своеобразной формы мѣстности, занятой городищемъ, именно въ видѣ плоскаго изолированнаго холма, которая до построенія городища могла представляться насыпью искусственнаго происхожденія.

Итакъ, въ 1114 или 1116 году, въ княженіе новгородскаго князя Мстислава, послѣдовало основаніе каменнаго города (крѣпости) Ладоги, остатки котораго и понынѣ возбуждаютъ удивленіе своимъ циклопическимъ характеромъ. При составленіи плана постройки, строители видимо руководились исключительно конфигураціей занятой мѣстности, ибо очертанія городища вполнѣ совпадаютъ съ контуромъ занятаго подъ постройку мыса, почему и самая крѣпость получила своеобразную форму гигантскаго утюга, обращеннаго острымъ концомъ внизъ по теченію Волхова. Кругомъ этого мыса были возведены пять большихъ каменныхъ башенъ, изъ коихъ три были расположены по угламъ и двѣ на серединѣ длинныхъ боковыхъ фасовъ, отлогости же мыса на восточной и западной сторонахъ, между башнями, были срѣзаны и контрфорсированы каменными стѣнами, кромѣ стороны нижней, гдѣ огромный отдѣлявшій ее обрывъ (лощина) былъ усиленъ лишь землянымъ валомъ по гребню его и на валѣ выведена также каменная стѣна, сравнительно, однако, меньшихъ размѣровъ. Грандіозныя
Табл. IV. остатки всего этого можно видѣть и по настоящее время (табл. IV), исключая только одной башни на серединѣ восточнаго фаса, которая уже исчезла окончательно, будучи по необходимости разобрана еще во второй половинѣ XVII столѣтія.

Матеріаломъ для сооруженія крѣпости послужили крупные необдѣланные

сыпати; корсуняне-же подкопавъ стѣну градную и крадуще сыплемую прьсть и ношаху къ себѣ во градъ, сыплюще посреди града».

Въ подобномъ-же смыслѣ передается напр. подъ 1386 г.—«Поставиша новгородци острогъ, по спу хоромы» (Полн. собр. лѣт., т. VIII, 50).

[1]) Вся внутренняя площадь городища представляетъ культурные остатки только въ предѣлахъ верхняго черноземнаго слоя и соприкасающейся съ нимъ поверхности глины, ниже-же слѣдуетъ грунтъ материковый, нетронутый людьми, въ который не углублялись даже встрѣченныя здѣсь старыя могилы; въ раіонѣ траншеи оказалось шесть гробовъ, которые всѣ лежали въ верхней поверхности глины, т. е. всего на глубинѣ, недостигавшей двухъ аршинъ. Культурный слой не разъ очевидно былъ перекопанъ, ибо кромѣ остатковъ костей животныхъ въ немъ попадались перемѣшанными предметы весьма разныхъ эпохъ, напр. привѣсный оселокъ и черепки глиняной посуды съ древнимъ волнообразнымъ орнаментомъ, встрѣчаемымъ на горшкахъ курганнаго періода, а вмѣстѣ съ ними предметы несомнѣнно новѣйшіе — свинцовая пуля, сундучный замокъ и т. под. Выдающихся въ какомъ либо отношеніи находокъ здѣсь сдѣлано не было.

валуны, изъ которыхъ и сложена вся громада послѣдней, причемъ нѣкоторые изъ нихъ оказывались такихъ значительныхъ размѣровъ (болѣе аршина въ поперечникѣ), что освободиться отъ нихъ вовремя раскопокъ можно было не иначе, какъ разбивая на части. Изъ этого можно составить себѣ понятіе, сколько усилій и энергіи потребовало сооруженіе подобной твердыни, какое огромное количество матеріала нужно было доставить и сколько тяжкаго труда было затрачено на втаскиваніе этихъ каменныхъ глыбъ при кладкѣ стѣнъ и башенъ крѣпости! Другимъ матеріаломъ послужила мѣстная плита, которою изобилуютъ берега Волхова и которая главнымъ образомъ была употреблена на облицовку всей постройки и выводъ сводовъ; мѣстами та-же плита встрѣчается въ видѣ прокладокъ въ валунномъ массивѣ башенъ, или стѣнъ крѣпости, вѣроятно для болѣе прочной связи сооруженія; то же назначеніе надобно видѣть и въ присутствіи въ стѣнной кладкѣ дубовыхъ бревенъ, замѣчаемыхъ нынѣ въ разныхъ частяхъ развалинъ; наконецъ кое-гдѣ встрѣчается и кирпичная кладка, преимущественно на внутреннихъ частяхъ постройки. Связующимъ цементомъ служилъ известковый растворъ весьма высокаго качества, которымъ въ изобиліи залита вся кладка и который по твердости своей нынѣ мало уступаетъ камню: и въ настоящее время можно видѣть въ полуразрушенныхъ стѣнахъ крѣпости почти висящіе на воздухѣ валуны, которые удерживаются на своемъ мѣстѣ, единственно благодаря прочности скрѣпляющаго ихъ раствора.

Ремонты.

Въ зависимости частью отъ нѣкоторыхъ конструктивныхъ пріемовъ постройки, каковые будутъ указаны при дальнѣйшемъ описаніи городища, частью же отъ вліянія условій климатическихъ, но сооруженная твердыня уже съ очень давняго времени начала клониться къ упадку. Весьма вѣроятно, что извѣстное вліяніе въ этомъ отношеніи оказали и историческія событія, ибо изъ лѣтописей извѣстно, что въ XII, XIII и XIV столѣтіяхъ Ладога была не разъ выжигаема непріятелемъ (послѣдній разъ въ 1338 г.), причемъ военныя дѣйствія могли существенно отразиться на состояніи крѣпости. Быть можетъ, наконецъ, извѣстный упадокъ ея могъ явиться и результатомъ недостаточнаго своевременнаго попеченія о поддержкѣ постройки въ исправности, напр. въ виду возведенія новгородцами другой каменной же твердыни, далеко впереди Ладоги,—Орѣшка [1]), но какъ бы то ни было, а начало процесса разрушенія Ладожской крѣпости выслѣживается уже съ XV столѣтія, такъ какъ ко временамъ архіепископа

[1]) Построеніе здѣсь каменной крѣпости относится къ 1352 г. (Полн. собр. лѣтоп. III, 227), деревянная же была возведена въ 1323 году.

Евѳимія поврежденія въ ней оказались уже настолько существенными, что онъ нашелъ нужнымъ произвести ремонтъ ея, и ремонтъ, вѣроятно, не малый, ибо упоминаніе о немъ занесено даже на столбцы лѣтописи. Послѣдняя подъ **1446** г. передаетъ, что при обращеніи существующей и понынѣ въ Ладожскомъ городищѣ древней церкви св. Георгія въ монастырь, архіепископъ Евѳимій—«Въ городкѣ въ Ладогѣ стѣну каменную понови и церковь св. Георгія понови, идѣже отпало, и покры ю чешуею и бысть крестьяномъ прибѣжище [1])». При этомъ нельзя не обратить вниманія, что лѣтописное указаніе касается именно обновленія крѣпостныхъ стѣнъ, составлявшихъ, какъ будетъ пояснено въ своемъ мѣстѣ, слабѣйшую часть всей постройки.

Затѣмъ слѣдующія извѣстія о какихъ либо строительныхъ работахъ въ крѣпости, встрѣчаются не ранѣе XVII столѣтія, если не останавливаться на неопредѣленномъ указаніи **1584** г., что въ Ладогѣ велѣно быть намѣстникомъ Ѳ. Колычеву, а В. Головину тамъ же—«у городоваго дѣла [2])», ибо это послѣднее выраженіе, быть можетъ, имѣетъ смыслъ общаго завѣдыванія городомъ въ военномъ отношеніи. Изъ документовъ XVII вѣка видно, что въ **1649** году населеніе Ладожскаго уѣзда, по поводу новаго наряда на строительныя работы, коллективно било челомъ объ облегченіи этой повинности, причемъ упоминается вскользь о прошлыхъ давнихъ ремонтахъ крѣпости:—«А прежъ сего государь, изстари дѣлали тотъ городъ Ладогу всѣмъ новгородскимъ присудомъ и иными многими городами» [3]). Въ чемъ заключались эти прежніе ремонты, въ документѣ также умалчивается, но за то изъ него же видно, что къ **1646** году стѣны крѣпости пришли уже настолько въ плохое положеніе, что частью совершенно разрушились:—«И въ прошломъ государь во **154** (**1646**) году», говорится въ челобитной,—«прислана съ Москвы твоя государева грамота въ Ладогу къ воеводѣ Василью Оничкову, а велѣно въ каменномъ городѣ починить нужныхъ мѣстъ, и онъ Василій велѣлъ Ладожскимъ уѣздомъ по каменному городу зарубить деревянную стѣну и мы государь по каменному городу поставили деревянную стѣну». Въ **1647** году изъ Москвы изъ Новгородской Четверти былъ даже спеціально командированъ въ Ладогу каменныхъ дѣлъ подмастерье Ромашко Невѣровъ, для составленія смѣты общаго ремонта крѣпости; имъ было сдѣлано подробное исчисленіе «во что то городовое дѣло станетъ и въ колько мѣсяцевъ и сколькими людьми мочно дѣлать и надобно всякихъ запасовъ

---

[1]) Полное собр. лѣтоп., IV, 123. По другимъ спискамъ ремонтъ производился въ 1445 году.
[2]) Древняя россійская вивліоѳика, т. XIV: Розряды.
[3]) См. Приложеніе V.

и камня и песку и извести и лѣсу и тесу и гвоздья и мастеровъ [1])». Но смѣта осталась, какъ видно, неосуществленною; вѣроятно, въ связи съ этимъ проектомъ капитальнаго исправленія крѣпости, 1647 г., и послѣдовало въ 1649-мъ распоряженіе, ограничившееся полумѣрою: ладожскому воеводѣ Надежѣ Кулюбакину предписывалось—«Въ каменномъ городѣ башни мостить и крыть и плохія мѣста починивать и въ башняхъ подшвы и бои вычистить Ладожскимъ уѣздомъ [2])». Какъ видно, однако, это распоряженіе осталось лишь на бумагѣ, или было сдѣлано очень немного, ибо въ 1655 г. изъ Ладоги доносили, что «тѣ оба городы (каменный и деревянный) и по се время не подѣланы и достальныя башни и каменныя прясла безъ кровлей нынѣ безъ остатку валятся, а мимо Ладоги ѣздятъ нѣмецкіе посланники и гонцы и городовое нестроенье видятъ [3])».

Состояніе крѣпости во второй половинѣ XVII вѣка ухудшалось съ каждымъ годомъ. Въ 1668 г. ладожскій воевода Арцыбашевъ писалъ, что одна изъ проѣздныхъ башенъ стоитъ безъ кровли и что какъ она, такъ и три другихъ, отъ дождя во многихъ мѣстахъ осыпались, а сверхъ того о пятой башнѣ указывалъ, что послѣдняя—«отъ городовые стѣны до подошвы вся отсѣла и только тое башни не починить и воды въ каменномъ городѣ не будетъ [4])». Въ 1669 г. онъ же снова доносилъ, что «въ осадное время въ томъ колодезѣ (подъ упоминаемой башней) воды не будетъ, потому что тайникъ осыпался, а иного колодезя въ каменномъ городѣ нѣтъ и того города стѣна во многихъ мѣстахъ осыпалась». Но наиболѣе полную картину состоянія Ладожской крѣпости въ это время, встрѣчаемъ въ донесеніи воеводы Кулубакина 1665—1667 г. [5]), изъ котораго въ общихъ чертахъ получается слѣдующее: ни на одной башнѣ крышъ уже не было и всѣ сверху начинали обваливаться, а пятая изъ нихъ, отдѣлившись отъ стѣны, накренилась къ Волхову и угрожала неминуемымъ паденіемъ. Стѣны были также безъ покрытій и сохранились еще почти полностью только въ двухъ мѣстахъ, именно на части сѣверной половины западнаго фаса и на части фаса восточнаго, но и онѣ уже въ это время осыпались; кромѣ того въ значительной степени оставалась еще сохранившеюся стѣна;

---

[1]) См. Приложеніе IX.

[2]) См. Приложеніе V. Вѣроятно въ связи съ тѣмъ же находится заявленіе новгородскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, что крестьяне ихъ—«дѣлали въ прошлыхъ годѣхъ (до 1675 г.) на Софѣйской и на Торговой сторонахъ два города, а третей во многихъ мѣстахъ починивали, да пригородъ Ладогу, и то городовое строенье учинилось имъ во многія тысячи» («Акты историческіе», т. V, № 38).

[3]) См. Приложеніе IX.

[4]) См. Приложеніе X.

[5]) См. Приложеніе XII.

составлявшая южную половину западнаго фаса, на которой только исчезли зубцы, замѣненные деревянными тарасами [1]), по всему же остальному протяженію ограды тянулись уже мѣстами деревянныя постройки изъ тарасовъ-же, взамѣнъ обвалившейся каменной кладки, мѣстами же вновь возведенныя цѣликомъ «деревянныя рубленыя стѣны» (южный фасъ и южная половина фаса восточнаго). Но и всѣ эти пристройки, во время составленія описи, были уже гнилыми и развалились, хотя по крайней мѣрѣ значительная часть ихъ была возведена сравнительно въ недавнее время, т. е., какъ указано выше, всего около 25 лѣтъ назадъ.

Въ 1672 году на восточномъ фасѣ исчезла уже средняя башня, которую пришлось разобрать «по нижній сводъ», и замѣнена рубленой стѣной, а затѣмъ къ 1676 году провалились всѣ полы въ остальныхъ башняхъ и засыпался самый колодезь въ бывшемъ тайникѣ, такъ что донесеніе этого года [2]), повторяя уже изложенное состояніе крѣпости, говоритъ что — «тотъ каменный городъ весь стоитъ безъ кровли и безъ починки многіе лѣта и въ башняхъ мосты отъ мокроты отъ дождю и отъ снѣгу всѣ огнили и провалились, а нарядъ пушки стоятъ въ башенныхъ окнахъ на каменной стѣнѣ».

Въ 1685 г. бои въ стѣнахъ ограды, а также потайной выходъ изъ юго-западной башни, были уже совершенно завалены; обрушились стѣны лѣстницы, ведшей къ колодцу подъ разобранной башней и сохранившаяся еще нижняя часть послѣдней, съ покрывавшимъ ее сводомъ, стала также валиться въ Волховъ; держались еще попрежнему три четверти стѣнъ на западномъ фасѣ и сѣверная половина восточнаго, но къ 1692 году рухнули и эти, за исключеніемъ устоявшей до нашихъ дней южной половины западнаго фаса, какъ-бы пощаженной неумолимымъ временемъ на память потомству. На всемъ лежала уже печать полнаго разрушенія и Ладожское городище, какъ видно, было къ концу XVII вѣка уже вполнѣ предоставлено своей судьбѣ, безъ всякаго попе-

---

[1]) Лазковскій — Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи: Стѣны рубленыя тарасами состояли изъ двухъ вѣнчатыхъ стѣнъ, расположенныхъ паралельно между собою на толщину ограды. Онѣ соединялись подъ прямымъ угломъ другими поперечными стѣнами, образуя глубокія клѣтки, которыя наполнялись землей и камнями. Участокъ деревянной ограды между двумя поперечными стѣнами и составлялъ собственно тарасу, протяженіе котораго въ длину измѣнялось вообще между 3 — 4 саженями, если же оно было приблизительно на половину менѣе, то назывался полутарасою. Позже устройство это измѣняется: при усиленіи ограды Полоцка (XVI в.) употреблены тарасы изъ трехъ продольныхъ стѣнъ; въ оградѣ Коротояка 1648 г. поперечныя стѣны сходились углами, образуя треугольныя клѣтки.

Въ 1684 г. въ г. Опочкѣ: «обрублено къ валу по обѣ стороны городоваго мосту 68 саженъ тарасами въ вышину 7 вѣнцовъ». (Дополн. акт. историч., т. XII, № 3).

[2]) См. прилож. XIII.

ченія о немъ со стороны правительства [1]), ибо и въ послѣднемъ имѣющемся донесеніи 1698 г. читаемъ о немъ то-же самое, что — «тотъ городъ, башни и прясла всѣ стоятъ безъ кровли и безъ починки многіе годы и на башняхъ кровлей и въ башняхъ мостовъ нѣтъ; отъ дождя и снѣга все сгнило безъ остатку и провалилось и нарядъ пушки стоятъ въ башенныхъ окнахъ съ великою нуждою»!

При описаніи городища, къ которому мы теперь приступаемъ, будемъ держаться слѣдующаго порядка:

а) Современный намъ внѣшній и внутренній видъ городища въ томъ состояніи, въ какомъ его застало начало предпринятаго изслѣдованія (1884 г.).

б) Указанія о немъ изъ древнихъ документовъ (не восходящихъ впрочемъ ранѣе XVII стол.), а также и изъ позднѣйшихъ изображеній городища.

в) Факты, обнаруженные произведенными въ послѣднемъ раскопками.

г) Результаты, вытекающіе изъ сопоставленія вышеприведенныхъ данныхъ, относительно возможной на основаніи ихъ реставраціи первоначальнаго вида крѣпости.

По поводу послѣдняго необходимо однако замѣтить, что реставрація эта иногда представляетъ почти неразрѣшимыя затрудненія, если отрѣшиться отъ произвольныхъ заключеній, и потому въ разныхъ случаяхъ она можетъ быть произведена лишь съ извѣстнымъ вѣроятіемъ. Причиной тому, между прочимъ, является нерѣдкая сбивчивость и неясность относящихся сюда древнихъ документальныхъ указаній и даже ихъ противорѣчія, не дающія точныхъ данныхъ,

---

[1]) Сохранилось еще указаніе, но весьма, впрочемъ, глухое, о предполагавшемся быть можетъ ремонтѣ крѣпости въ 1685 г., такъ какъ въ одной челобитной Николаевскаго Медвѣдскаго монастыря (гдѣ нынѣ Новая Ладога) говорится:—«Въ прошломъ 193 (1685) году по великого государя указу велѣно городъ Ладогу каменное и деревянное строеніе вновь починить» (Московс. Архивъ Мин. Иностр. дѣлъ: Дѣла Монастырскія 1686 г. № 14). Но изъ содержанія челобитной надо заключить, что произведенныя работы (по крайней мѣрѣ средствами Медвѣдскаго монастыря) касались лишь такъ называвшагося «Деревяннаго города», т. е. укрѣпленія сосѣдняго съ каменнымъ городищемъ. Въ челобитной именно говорится, что — «Медвѣдскаго монастыря крестьянъ городоваго деревяннаго строенія въ Ладогѣ башня, до 20 саженъ стѣны, да зелейнаго погреба часть», т. е. рѣчь идетъ видимо лишь о «Деревянномъ городѣ»; было-ли что сдѣлано и въ каменномъ, въ документѣ умалчивается.

на которыхъ можно было-бы безошибочно основаться. Такъ напр., въ существенномъ вопросѣ о первоначальной вышинѣ башенъ городища хотя и имѣются цифровыя данныя XVII стол., но онѣ могутъ быть принимаемы лишь условно; неизвѣстно напр., до какого именно уровня считана тогда вышина построекъ: основаніе послѣднихъ безъ сомнѣнія и тогда уже было до извѣстной степени замаскировано наростомъ почвы и осыпями, почему становится неяснымъ—представляютъ-ли сообщаемыя цифры именно размѣры до черты фундамента, или же вышину постройки только надъ уровнемъ почвы? Въ послѣднемъ случаѣ сообщаемыми данными можно пользоваться лишь съ крайней осторожностью и, хотя онѣ не должны представлять крупной разницы отъ настоящихъ размѣровъ, но въ связи съ другими недочетами документальныхъ указаній могутъ имѣть рѣшающее значеніе для реставраціи. Сверхъ того встрѣчаются даже явныя несообразности, при сравненіи съ обнаруженной раскопками дѣйствительностью, встрѣчаются случаи условности въ самой терминологіи, и т. д., что хотя и можетъ отчасти быть устранено критическимъ отношеніемъ къ документамъ, но тѣмъ не менѣе нерѣдко порождаетъ и значительныя затрудненія.

Описаніе городища.

Какъ уже сказано выше, западный фасъ городища, обращенный къ нынѣшнему селенію Старой Ладогѣ, омывается въ сѣверной своей половинѣ устьемъ рѣчки Ладожки (см. табл. IV), которая почти перпендикулярно подходитъ къ серединѣ его и затѣмъ круто поворачиваетъ въ сторону, впадая затѣмъ въ Волховъ. Здѣсь-же, у поворота стоитъ въ видѣ прямоугольнаго выступа въѣздная въ городище башня, въ южномъ фасѣ которой находится устроенная въ 1849 г. вновь кирпичная въѣздная арка съ деревянными воротами.

Табл. IV.

Воротная башня.

Табл. IX.

а) *Современное состояніе* (1884 г.) (табл. IX).

Подошва западной стѣны съ наружной стороны уходитъ въ щебенчатую осыпь, выше которой видны два отверстія бойницъ нижняго этажа; въ верхней части стѣны два большихъ сквозныхъ полукруглыхъ пролета отъ амбразуръ верхняго этажа, до половины заросшихъ травою и кустами, и затѣмъ гребень стѣны весьма уже тонкій, угловыя части котораго находятся сравнительно въ большемъ разрушеніи. Сѣверная сторона башни выше половины закрыта щебенчатой осыпью, надъ которой видѣнъ также большой полукруглый пролетъ, подобный и соотвѣтственный вышеупомянутымъ, южной-же стѣны башни надъ кирпичной аркой уже не существуетъ. Поверхность западной стѣны въ нижней своей половинѣ сохранилась довольно хорошо и въ разныхъ мѣстахъ на ней уцѣлѣли остатки первоначальной плитяной облицовки, равно какъ сохранились

даже и оба наружныхъ угла, облицованныхъ такою-же тесаною плитою, но верхняя половина стѣны въ толщину уже сильно разрушилась, такъ что идетъ покатостью, дѣлаясь къ гребню все болѣе и болѣе тонкой.

Со стороны двора городища (см. рис. 4), обращенная сюда восточная стѣна башни имѣетъ почти ту-же вышину и почти сливается съ примыкающими къ ней съ Сѣвера и Юга осыпями крѣпостной ограды, не образуя большого выступа изъ ихъ общей линіи; стѣна съ этой стороны пострадала также сравнительно мало, ибо поверхность ея представляется отвѣсною и въ нижней ея поло-

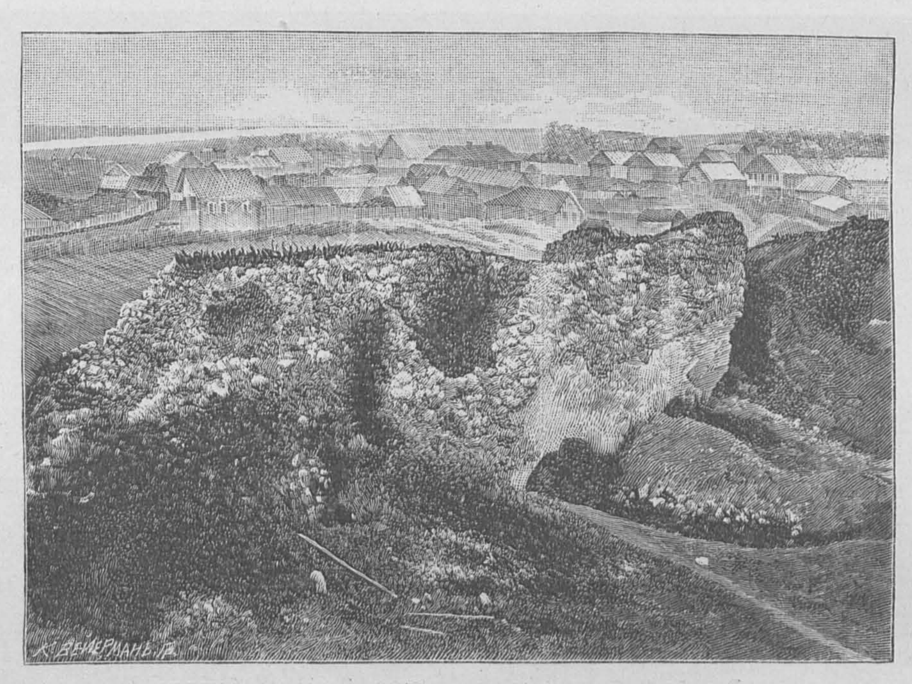

Рис. 4. Видъ Воротной башни со стороны двора.

винѣ въ разныхъ мѣстахъ сохранились еще остатки бывшей плитяной облицовки, углы же пострадали болѣе, такъ какъ верхняя часть южнаго и нижняя сѣвернаго, въ особенности первый,—уже разрушились. Ближе къ южному углу находится другая проѣздная арка, а къ сѣверному — видно сводчатое отверстіе, прикрываемое снаружи осыпью и ведущее въ небольшую внутри стѣны камеру, заваленную щебнемъ; еще сѣвернѣе и нѣсколько выше отверстія находится четыреугольное окно.

Состояніе внутренности башни, черезъ которую производится сообщеніе съ крѣпостью и понынѣ, таково: самая внутренность башни свободна отъ завала, но западная и сѣверная стѣны на половину своей высоты маскируются крутыми осыпями, занимающими значительную часть помѣщенія. Поверхность стѣнъ находится

въ сильномъ разрушеніи и притомъ весьма неравномѣрномъ, особенно на восточной сторонѣ, гдѣ части, пострадавшія менѣе, представляются почти висящими, ничѣмъ не поддерживаемыми, по причинѣ бо́льшаго снизу разрушенія; въ одномъ мѣстѣ на восточной стѣнѣ (надъ аркой) уцѣлѣлъ еще кусокъ плитяной облицовки, на остальной же поверхности вездѣ видны обнаженные, грозящіе паденіемъ валуны. Самыя верхнія части стѣнъ разрушены наиболѣе, такъ что гребень представляетъ уже ширину весьма незначительную, по которой лишь мѣстами можно едва пробраться. Въ верхней части западной стѣны два сквозныхъ

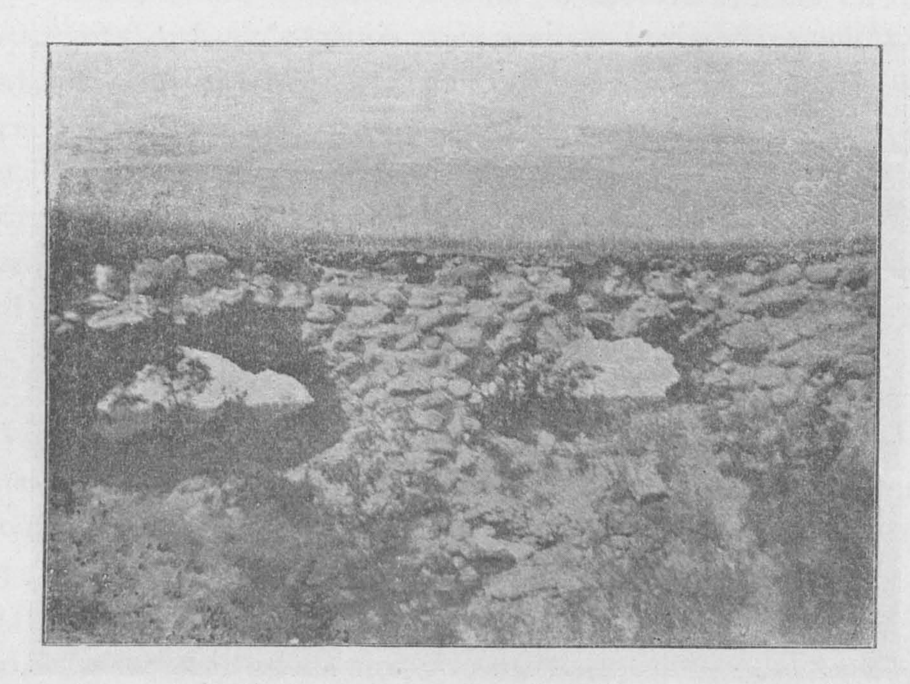

Рис. 5. Амбразуры верхняго этажа Воротной башни.

полукруглыхъ пролета, уже упоминавшихся выше (см. рис. 5), и рядомъ съ въѣздной аркой внизу еще, почти совершенно заваленное щебнемъ, сводчатое полукруглое отверстіе, составляющее входъ въ амбразуру нижняго этажа, бойница которой была видима и снаружи. Въ верхней части сѣверной стѣны также сквозной полукруглый пролетъ и нѣсколько въ сторонѣ ниже его неправильное горизонтальное въ массивѣ стѣны отверстіе, за которымъ внизъ слѣдуютъ остатки каменной, заваленной щебнемъ лѣстницы. Наконецъ по сторонамъ древней проѣздной арки въ восточной стѣнѣ, видны два массивныхъ, вдѣланныхъ въ кладку желѣзныхъ устоя или крюка, для навѣски бывшихъ воротъ. Что касается подошвы или пола, то таковой состоитъ изъ каменистой земляной осыпи, слегка покатой къ выходу изъ башни въ наружу и очевидно позднѣй-

шаго происхожденія, такъ какъ уровень его сравнительно съ амбразурами нижняго этажа нынѣ уже значительно выше надлежащаго.

б) *Указанія прежнихъ временъ.*

Изъ сравненія нынѣшняго состоянія башни, съ рисунками ея, снятыми Бороздинымъ въ 1809 г., видно, что съ того времени башня, хотя и не уменьшилась замѣтно въ вышину, но много пострадала относительно сохранности своихъ боковыхъ поверхностей. Такъ въ 1809 г. внутренняя (въ восточной стѣнѣ) проѣздная арка была значительно выше, чѣмъ нынѣ (см. рис. 6), т. е. что

Рис. 6. Видъ внутренней проѣздной арки Воротной башни въ 1809 г., съ восточной стороны.

уровень почвы у ея основанія съ тѣхъ поръ значительно повысился; что самая поверхность этой стѣны со стороны двора городища, а равно бока и сводъ арки, сохраняли еще сплошь плитяную облицовку; что въ амбразурахъ верхняго этажа въ то время существовали еще замыкавшія ихъ снаружи каменныя стѣнки, съ небольшими прямоугольными отверстіями, замѣнившими первоначальныя бойницы, а слѣдовательно и верхняя часть западной стѣны снаружи была еще въ сравнительно хорошемъ состояніи; наконецъ — что въ то время была еще цѣла несуществующая нынѣ часть южной стѣны башни надъ наружной въѣздной аркой (кирпичной), а слѣдовательно была цѣла еще и древняя первоначальная въѣздная арка, надъ которой у Бороздина показана четвертая амбразура верхняго этажа, т. е. деталь важная въ конструктивномъ отношеніи, нынѣ несуществующая.

Изъ древнихъ письменныхъ источниковъ видно, что описанная башня въ 1628 г. носила названіе *Воротной* [1]), конечно, въ зависимости отъ своей конструкціи и назначенія для проѣзда. Объ ея устройствѣ передается слѣдующее:

Опись 1655 г. [2]):

«Каменная четвероугольная башня Воротная стоитъ безъ кровли и отъ мокроты та башня сверху поосыпалась во многихъ мѣстѣхъ; да подъ тою-жъ башней стоитъ въ полаткѣ государева зелейная казна и пушечныя ядра и свинецъ. И та полатка гораздо мала и государевѣ казнѣ стоять въ той полаткѣ тѣсно и отъ мокроты каплетъ..... А мѣрою та Воротная башня и съ стѣною въ длину и поперегъ по 8 саженъ, стѣна толщиною въ 2 сажени, вверхъ отъ подшвы та башня 7 саженъ».

Опись 1665—1667 г. [3]):

«Башня каменная Воротняя четвероугольная, въ длину и поперегъ по 8 саженъ, въ верхѣ съ потшвы и съ загородные стороны 7 саженъ; толстина башнѣ въ верхнихъ и въ середнихъ и въ подошвенныхъ боехъ противъ Климентовской проходной башни; а стоитъ та башня безъ кровли и отъ дожжу и отъ снѣгу и отъ мокроты сверху во многихъ мѣстахъ посыпалось. Да на той-же башни въ верхнихъ боехъ пищаль...... Да въ той-же башни въ нижнемъ бою городовые проѣзжіе ворота.... Да подъ тою-же Воротнею башнею въ полаткѣ стоитъ великого государя зелейная свинцовая казна. А стоитъ та Воротняя башня безъ кровли и отъ дожжу каплетъ и государевѣ зелейной казнѣ [4]) чинится отъ того великая поруха».

Опись 1676 г. [5]):

«А та башня мѣрою въ ширину 8 саженъ, въ вышину 7 саженъ 2 чети и сверху та башня по верхніе бои безъ кровли сыплетца. А тотъ каменный городъ весь стоитъ безъ кровли и безъ починки многія лѣта и въ башняхъ мосты отъ дождю и отъ снѣгу всѣ огнили и провалились, а нарядъ пушки стоятъ въ башенныхъ окнахъ на каменной стѣны».

---

[1]) См. прилож. VIII.
[2]) См. прилож. IX.
[3]) См. прилож. XII.
[4]) Въ упомянутой выше полаткѣ.
[5]) См. прилож. XIII.

Опись 1677 г. [1]):

«И запускная решетка сверху у приходной каменной башни огнила-жъ вся».

Опись 1865 г. [2]):

«А та башня мѣрою отъ подошвы вверхъ 7 саженъ 2 чети, поперегъ 8 саженъ и сверху та башня и до подошвы отъ мокроты каменье сыплется врознь. И у тое Воротней башни запускная решетка сверху и та решетка огнила и отъ башни отвалилась».

Описи 1692—1697 г. [3]):

«А на той башнѣ въ верхнемъ бою пищаль..., да въ нижнемъ бою двѣ пищали....»

Примѣчанія: 1) Сравненіе размѣровъ толщины стѣнъ Воротной башни съ Климентовской (оп. 1665—1667 г.) вѣроятно только приблизительное, ибо въ лучше сохранившихся частяхъ обѣихъ башенъ (нижніе этажи) эти размѣры значительно разнятся.

2). Въ свѣдѣніяхъ 1692 — 1697 г. упоминаются лишь два боя, что даетъ поводъ заключать о третьемъ какъ уже пришедшемъ въ разрушеніе и что въ данномъ случаѣ подъ «верхнимъ» боемъ слѣдуетъ подразумѣвать средній.

в) *Факты, обнаруженные раскопками.*

Исключительное положеніе Воротной башни, какъ служащей понынѣ входомъ въ городище съ его приходской церковью и кладбищемъ, не дозволяло произвести въ ней всѣхъ надлежащихъ работъ, какъ напр. полную раскопку внутренности башни, подошва которой нынѣ покрайней мѣрѣ на 1 аршинъ закрыта новѣйшими наносами, или наростомъ почвы, въ виду чего пришлось ограничиться работами лишь въ надземныхъ частяхъ башни.

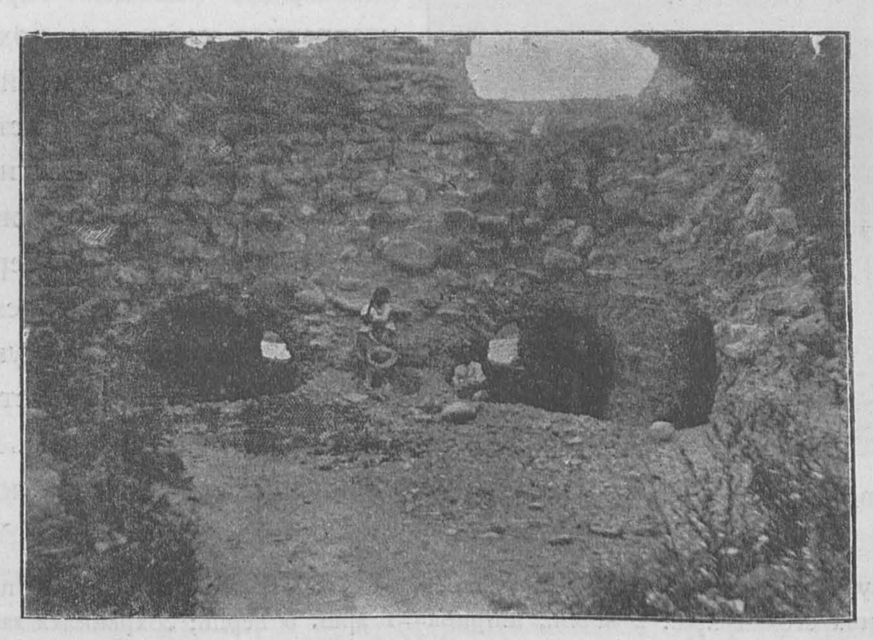

Рис. 7. Нижнія амбразуры Воротной башни съ внутренней стороны.

---

[1]) См. прилож. XIII.
[2]) См. прилож. XIV.
[3]) Тамъ-же.

По удаленіи значительной осыпи, маскировавшей западную и сѣверную стѣны внутри башни, въ нижней части послѣднихъ обнаружились три сводчатыхъ амбразуры (двѣ въ западной и одна въ сѣверной стѣнѣ) нижняго этажа, заваленныя до верху мусоромъ и щебнемъ (см. рис. 7), причемъ подошва ихъ приходилась около аршина ниже нынѣшняго уровня почвы въ башнѣ. Внутренность амбразуръ сохранилась хорошо и вся покрыта плитяной облицовкой; своды выведены тоже изъ плитъ, а полы вымощены крупными валунами. Амбразуры изнутри открыты, а извнѣ замыкаются бойницами, причемъ наружныя отверстія послѣднихъ оказались уже въ разрушенномъ видѣ [1]); что касается трехъ соотвѣтственныхъ амбразуръ верхняго этажа, то отъ нихъ уцѣлѣли лишь остатки съ внутренней стороны.

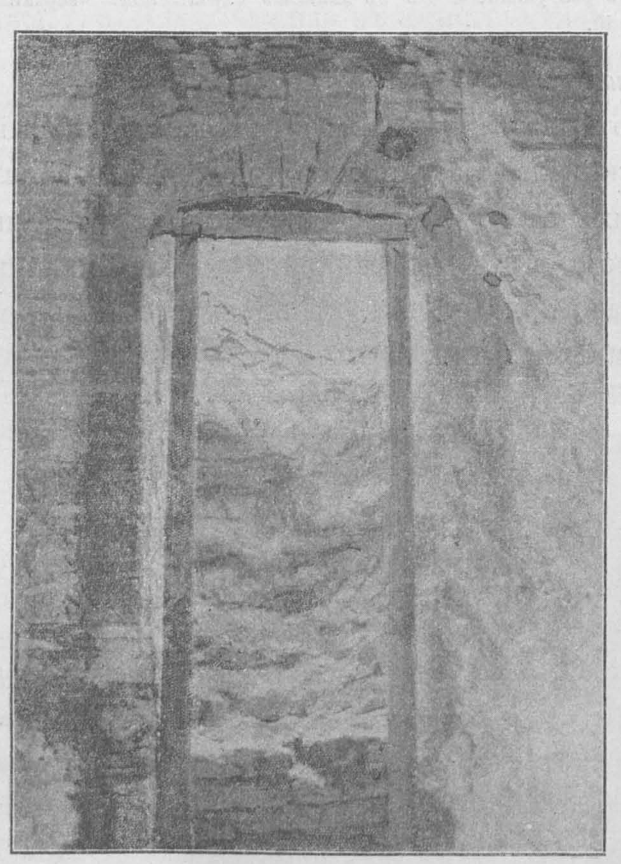

Рис. 8. Входъ на лѣстницу изъ полатки.

Затѣмъ представилась возможность еще изслѣдовать устроенную внутри восточной стѣны башни камеру (полатку), входъ въ которую находился стороны двора городища. По удаленіи наполнявшаго камеру и заваливавшаго ее снаружи щебня, открылось почти квадратное сводчатое помѣщеніе, или родъ кладовой, имѣвшей небольшой (ниже человѣческаго роста), довольно узкій входъ съ крѣпостнаго двора и свѣтовое окно съ этой же стороны, а въ южной стѣнѣ камеры оказался входъ на начинавшуюся непосредственно за нимъ узкую каменную лѣстницу (см. рис. 8), ступени которой круто поднимались въ массивѣ стѣны, ведя въ слѣдующій этажъ;

[1]) Амбразура сѣвернаго фаса: внутреннее отверстіе бойницы цѣло; по произведеннымъ обмѣрамъ вышина его=1 арш. 2 верш., ширина=1 арш. 5 верш.; сохранился также внутренній откосъ лѣвой щеки, длина котораго 1 арш. 8½ верш.; наружныя щеки разрушены.

Амбразуры западнаго фаса: Сѣверная—внутреннее отверстіе бойницы цѣло, вышина и ширина его=1 арш. 4½ верш.; наружныя щеки разрушены, внутреннія почти въ цѣлости. Южная—внутреннее отверстіе бойницы почти цѣло, вышина его=1 арш. 1 верш., ширина 1 арш. 6½ верш.; наружныя щеки разрушены.

лѣстница имѣла въ длину около сажени и заканчивалась отверстіемъ, о которомъ уже говорилось выше, при описаніи современнаго состоянія башни (см. рис. 9). Очевидно такимъ образомъ, что она представляла остатокъ внутренняго сообщенія кладовой со вторымъ этажемъ постройки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и единственный выходъ внизъ изъ послѣдняго; остается еще прибавить, что въ верхней части продольныхъ стѣнъ камеры сохранились углубленія или гнѣзда отъ вставныхъ балокъ, на которыхъ, по всей вѣроятности, нѣкогда были устроены полати.

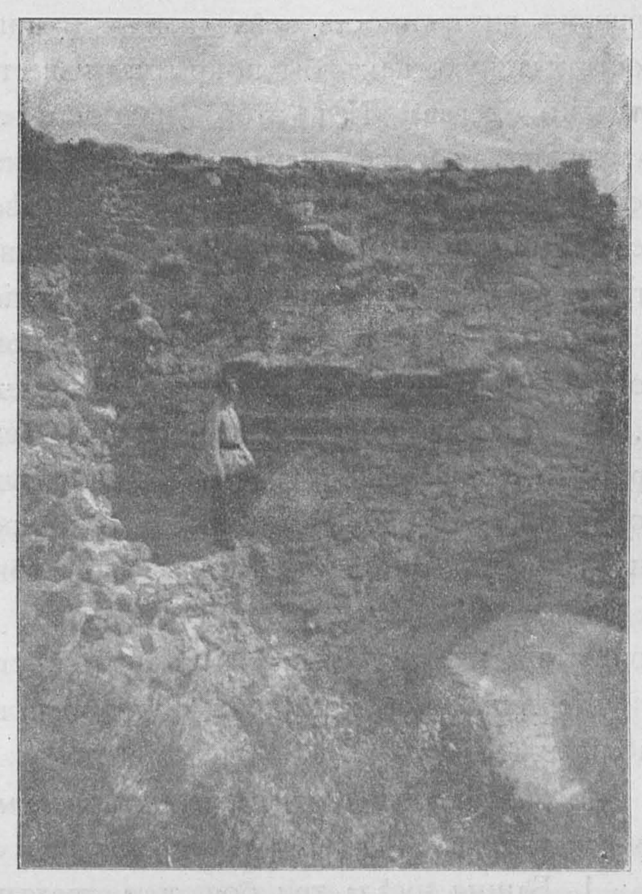

Рис. 9. Выходъ той же лѣстницы во 2-мъ этажѣ.

Снаружи башни, для опредѣленія уровня ея фундамента, была произведена раскопка осыпи, причемъ оказалось, что чистая плитяная облицовка башенной стѣны простирается отъ нижняго края амбразурныхъ бойницъ на $8^1/_4$ аршинъ, гдѣ уже начинается бутовая булыжная кладка фундамента; нужно, однако, замѣтить, что ближайшіе къ фундаменту ряды лицевыхъ плитъ (на протяженіи $^1/_2$ арш.) сложены изъ плитъ отесанныхъ очень грубо, или даже безъ всякой отески и образуютъ, притомъ, какъ-бы выступъ изъ общей плоскости стѣны, почему можно думать, что и эта кладка составляетъ часть фундамента, не выступавшая первоначально изъ уровня почвы, т. е. что преведенная цифра ($8^1/_4$ арш.) можетъ быть убавлена до $7^3/_4$ арш.

Наконецъ остается еще упомянуть, что близь подошвы той-же западной стѣны (т. е. нынѣшней ея осыпи) были обнаружены три круглыхъ (діам. около 4 верш.) отверстія, представлявшихся на первый взглядъ довольно загадочными. Онѣ находились въ двухъ аршинахъ подъ устьями бойницъ нижняго этажа, въ лѣвой половинѣ стѣны, и будучи расположены въ 4—5 арш. другъ отъ друга, уходили перпендикулярно къ стѣнѣ въ глубину кладки, представляя собою родъ трубчатыхъ отдушинъ. По расчисткѣ ихъ оказалось, что въ разстояніи аршина отъ поверхности стѣны, онѣ пересѣкались четвертой отдушиной, проходившей горизонтально, непосредственно поверхъ ихъ вдоль стѣны,

причемъ внутренность всѣхъ этихъ цилиндрообразныхъ каналовъ имѣла поверхность гладкую, какъ бы покрытую известковой обмазкой, съ незначительными слѣдами дерева. Изъ этого надобно заключить, что эти отдушины представляютъ неболѣе, какъ слѣды заложенныхъ здѣсь, но совершенно уже истлѣвшихъ бревенъ, быть можетъ лѣсовъ при постройкѣ крѣпости, хотя безъ сомнѣнія мѣстная молва приписывала въ прежнія времена этимъ отверстіямъ какое-нибудь таинственное значеніе.

Дополнительно къ вышеизложенному можно еще прибавить, что при новыхъ повѣрочныхъ работахъ, произведенныхъ спустя 9 лѣтъ академикомъ В. В. Сусловымъ, при составленіи издаваемыхъ нынѣ чертежей Староладожской крѣпости, ему удалось въ 1893 г. обнаружить еще нѣсколько конструктивныхъ подронобстей Воротной башни, какъ то древнюю вымощенную валунами подошву внутренности башни, найденную на глубинѣ около 1½ арш. ниже нынѣшней, и слѣды запиравшагося дверью выхода съ верха башни на стѣну сосѣдняго, примыкавшаго съ Сѣвера участка крѣпостной ограды [1]).

Таблицы XXIV—XXIX. Чертежи Воротной башни въ ея нынѣшнемъ положеніи помѣщены на таблицахъ XXIV—XXIX.

г) *Данныя для реставраціи, почерпаемыя изъ прежнихъ указаній, дополнительно къ результатамъ, добытымъ раскопками, и общіе заключительные выводы.*

1. Башня имѣла три боя, т. е. трехъярусную оборону (оп. 1665—67 г.).

2. Въ южной стѣнѣ башни, во второмъ этажѣ (надъ наружной въѣздной аркой), была также амбразура, существовавшая еще въ 1809 г. (Бороздинъ).

3. Этажи башни раздѣлялись деревянными мостами (полами).

4. Башня была покрыта деревянной крышей и запиралась снаружи опускной решеткой.

Относительно вопроса о первоначальной вышинѣ башни и что̀ могла представлять несуществующая нынѣ верхняя часть ея, приблизительныя указанія объ этомъ почерпаются изъ сопоставленія вышины сохранившихся по настоящее время остатковъ башни, съ указаніями о томъ же документовъ XVII столѣтія. Изъ чертежей башни можно видѣть, что внутренняя вышина ея отъ помоста амбразуръ нижняго этажа [2]) до сохранившагося верхняго гребня, имѣетъ не

---

[1]) См. пояснительную къ чертежамъ записку В. В. Суслова, въ особомъ приложеніи.

[2]) При изслѣдованіи остальныхъ башенъ городища, внутренняя подошва ихъ вездѣ оказалась на одномъ, или почти одномъ, уровнѣ съ помостами нижнихъ амбразуръ, что, слѣдовательно, можетъ быть примѣнено и къ башнѣ Воротной.

менѣе 4 саженъ [1]), наружная же, по произведеннымъ измѣреніямъ, составляетъ нынѣ также не менѣе 6 саж. 3/4 арш. [2]). Такимъ образомъ, сопоставляя эту послѣднюю цифру съ показаніями документовъ 1655 и 1665—1676 гг. (когда, судя по нимъ, башня была еще почти въ цѣлости,—по крайней мѣрѣ въ ней упоминаются всѣ три «боя») [3]), показаніями опредѣляющими вышину башни (снаружи) отъ 7 до 7 саж. съ полуаршиномъ, выходитъ, что послѣдняя въ настоящее время утратила отъ своей первоначальной вышины всего около 1 сажени ($2^3/_4$ арш.), считая до низшей точки сохранившагося ея гребня [4]), а въ другихъ мѣстахъ даже и того менѣе.

Если бы основанія для этого (именно показанія документовъ) могли считаться непреложными, то въ виду указанной ограниченности пространства (въ вышину) для верхняго «боя», или яруса башни ничего бы не оставалось принять, какъ то, что онъ былъ не въ видѣ закрытаго этажа, а состоялъ просто изъ площадки, обнесенной зубцами [5]), но съ этимъ не могутъ быть согласованы нѣкоторыя дальнѣйшія (какъ увидимъ ниже) указанія тѣхъ-же документовъ XVII столѣтія, почему надо думать, что приводимая послѣдними цифра вышины должна быть значительно увеличена и искать объясненіе въ томъ, что при промѣрахъ 1655 и 1665—1676 гг. вѣроятнѣе имѣлось въ виду не указаніе высоты башни именно до черты фундамента, а лишь до почвы или осыпи, уже тогда маскировавшей основаніе самой башни, что конечно можетъ составлять замѣтную разницу.

Для второй половины вопроса о той же исчезнувшей части Воротной башни, т. е. именно что̀ могъ представлять ея «верхній бой», упоминаемый въ 1665—67 г., существенное указаніе даетъ опись 1676 г., въ которой читаемъ:

---

[1]) Т. е. отъ подошвы нижней амбразуры до свода верхней 3 саж. 2 арш.+наименьшая высота уцѣлѣвшаго гребня около 1 арш.; всего 4 саж.

[2]) См. стр. 159, гдѣ разстояніе отъ бойницы (нижней) до фундамента исчислено въ $7^3/_4$ арш.; отнимая отсюда стулъ бойницы (или превышеніе ея нижняго края надъ поломъ амбразуры), т. е. около 1 арш., получаемъ, что отъ помоста нижней амбразуры до черты фундамента снаружи $6^3/_4$ арш., или всего до гребня башни $6^3/_4$ арш.+4 саж.=6 саж. 3/4 арш.

[3]) Верхній, средній и подошвенный (см. приложеніе XII).

[4]) Т. е. надъ верхними амбразурами западнаго фаса; но мѣстами гребень нѣсколько выше.

[5]) Что подъ «верхнимъ боемъ» понимались иногда и зубцы, вѣнчавшіе башню, можно видѣть напр. изъ описи Смоленска 1609 г., въ которой между прочимъ читаемъ: «Въ верхнемъ бою въ зубцахъ двѣ пищали полуторныя . . . . ; въ верхнемъ бою въ зубцахъ пищаль девятипядная . . . . , и т. д. (Акты историческіе, т. II, № 259). Аналогію съ тѣмъ же можно встрѣтить и въ описи Ладоги 1665—67 г.: указывая плохое состояніе одного участка крѣпостной ограды, опись упоминаетъ о зубцахъ на ней и въ то же время говоритъ, что нижніе бои въ стѣнѣ уже засыпались, т. е. такимъ образомъ подъ зубцами подразумѣваетъ какъ бы бои верхніе.

«сверху та башня по верхніе бои безъ кровли сыплется», откуда должно слѣдовать, что рѣчь идетъ не о зубцахъ (выше которыхъ уже не могло быть никакой кладки и слѣдовательно осыпаться было нечему), а объ извѣстномъ массивѣ стѣны надъ амбразурами верхняго этажа; косвенно то-же самое подтверждается и описью 1665—67 г., проводящей аналогію (хотя и не вполнѣ основательную) между толщиной стѣнъ Воротной башни въ верхнихъ, среднихъ и подошвенныхъ бояхъ, съ башней Климентовской (юго-западной), которая (какъ увидимъ ниже) имѣла трехъярусную оборону закрытую. Нѣкоторое возраженіе можетъ однако усматриваться въ свѣдѣніяхъ 1697 г., которыя, говоря о Воротной башнѣ, упоминаютъ лишь о двухъ бояхъ—верхнемъ и нижнемъ [1]), но это свидѣтельство должно быть принимаемо условно: во-первыхъ потому, что въ 1697 г. третій бой могъ быть уже разрушенъ до такой степени, что имъ нельзя было и пользоваться для вооруженія [2]) и слѣдов. наименованіе верхняго боя могло быть перенесено на средній, а во-вторыхъ, потому, что то-же самое можно указать и въ описи 1665—1667 г., которая, упомянувъ въ началѣ о трехъ бояхъ Воротной башни, нѣсколько далѣе затѣмъ говоритъ уже лишь о двухъ (также верхнемъ и нижнемъ).

Такимъ образомъ, все это заставляетъ остановиться на заключеніи, что по всѣмъ вѣроятіямъ Воротная башня имѣла три закрытыхъ этажа. Послѣдніе должны были раздѣляться полами, или помостами, очевидно деревянными, какъ то видно наприм. изъ описи 1676 г., передающей, что «въ башняхъ мосты отъ мокроты, отъ дождю и отъ снѣгу всѣ сгнили и провалились». Въ среднемъ этажѣ фактически было четыре амбразуры съ бойницами, — двѣ въ западной стѣнѣ и по одной въ сѣверной и южной, сколько-же ихъ именно было въ верхнемъ — неизвѣстно (весьма быть можетъ, что также четыре, какъ и въ среднемъ); что касается нижняго этажа, то здѣсь амбразуръ было лишь три, такъ какъ низъ южной стѣны былъ занятъ въѣздными воротами. Этажи (покрайней мѣрѣ, нижній и средній, а по всей вѣроятности, и верхній) сообщались узкой, устроенной въ массивѣ стѣны каменной лѣстницей, которая начиналась изъ особой камеры (полатки), въ нижнемъ ярусѣ имѣвшей выходъ на крѣпостной дворъ, а кромѣ того, какъ обнаружено раскопками, повидимому существовалъ проходъ изъ верхняго этажа (въ СВ. углу) на примыкавшую съ сѣвера къ башнѣ стѣну.

---

[1]) См. прилож. XIV.

[2]) Уже въ 1677 году (см. прилож. XIII) деревянные полы во всѣхъ башняхъ провалились, такъ что къ артиллерійскому вооруженію, стоявшему въ башенныхъ амбразурахъ, нельзя было и подойти.

Табл. IX и X.

По документамъ XVII вѣка упомянутая камера (полатка) служила кладовой и въ ней помѣщалась «Великого государя зелейная и свинцовая казна», но первоначальное назначенiе ея было, вѣроятно, иное, ибо трудно допустить идею устройства такой кладовой, которая была проходною, ибо помимо нея другаго выхода внизъ изъ втораго этажа башни не было [1]). По всей вѣроятности здѣсь первоначально былъ родъ караулки съ полатями, обращенной въ кладовую лишь впослѣдствiе, когда, быть можетъ, не было уже и надобности проходить черезъ нее въ верхнiя помѣщенiя башни, по причинѣ ветхости послѣднихъ.

Что касается размѣровъ стѣнъ въ толщину, то хотя опись 1665 — 1667 г. и приравниваетъ ихъ къ размѣрамъ сосѣдней Климентовской башни (юго-западной), но въ дѣйствительности онѣ не сходны, покрайней мѣрѣ въ хорошо сохранившихся нижнихъ этажахъ, почему упомянутое сравненiе должно приниматься лишь относительно.

Наконецъ о внѣшности башни можно еще прибавить, что поверхность ея, внутри и снаружи, была покрыта плитяной облицовкой, а внутренность амбразуръ, кромѣ того, вѣроятно, еще и выштукатурена, покрайней мѣрѣ, остатки такой штукатурки были обнаружены въ другой сосѣдней башнѣ (сѣверной). Проѣзды башни, наружный и внутреннiй, запирались массивными воротами, причемъ къ первому проѣзду была приспособлена еще опускная решетка; наконецъ, по свѣдѣнiямъ 1697 года, на Воротной башнѣ висѣлъ вѣстовой или «всполошный» колоколъ (вѣсомъ 50 фн.), упоминаемый и въ 1655 г., но тогда находившiйся на сосѣдней съ башнею оградѣ, съ южной стороны.

Участокъ ограды между Воротной и сѣверной (Стрѣлочной) башнями.

Табл. IV.

Отъ Воротной башни къ сѣверу, до слѣдующей, находящейся на стрѣлкѣ мыса, тянутся остатки бывшей здѣсь каменной ограды западнаго фаса, сохранившейся лишь въ той своей части, которая примыкаетъ къ упомянутой Воротной башнѣ, такъ какъ въ остальной она представляетъ уже полное разрушенiе (табл. IV).

---

[1]) По свѣдѣнiямъ 1665 — 1667 г. эта маленькая полатка должна была быть такъ набита, что и пройти было негдѣ. Здѣсь было сложено: «Зелья ручного 40 пудъ, да пушечного 90 пудъ съ четвертью, наголо безъ дерева; 3 свиньи свинцу, а въ нихъ по вѣсу 26 пудъ, да въ трехъ кусахъ свинцу-жъ 10 пудъ, да сѣченого свинцу въ пулькахъ 2 пуда. Фитилю 9 пудъ, 3 знамени киндячныхъ, 102 мушкета съ жаграми, да порченыхъ 27 мушкетовъ, 30 топориковъ и бердышевъ. А стоитъ та Воротная башня безъ кровли и отъ дожжу каплетъ и государевѣ зелейной казнѣ чинится отъ того великая поруха».

а) *Современное состоянiе* (1884 г.).

Наружный видъ остатковъ ограды представляетъ здѣсь въ сѣверной своей половинѣ родъ вала, или огромной крутой осыпи, заросшей до подошвы городища травой и кустами (табл. IX и X), южная же половина ограды нѣсколько выше и сохранила видъ стѣны, выдающейся изъ маскирующей ея нижнюю часть также значительной осыпи. Со стороны внутренняго двора городища остатки ограды также представляютъ почти сплошную осыпь $1^1/_2$—2 саж. вышиною, изъ подъ которой кое-гдѣ видны обнаженiя стѣны и въ одномъ мѣстѣ (въ южной половинѣ) сводчатое отверстiе заваленнаго входа въ амбразуру. Что касается гребня, то въ южной половинѣ ограды онъ мѣстами имѣетъ еще до 2 арш. толщины, въ сѣверной же нынѣ едва уже проходимъ.

Табл. IX и X.

б) *Указанiя прежнихъ временъ.*

На изображенiяхъ городища 1809 года (Бороздина), общiй характеръ состоянiя этого участка ограды одинаковъ съ нынѣшнимъ, равно какъ и относительная вышина разныхъ частей послѣдней, на приложенномъ же къ изображенiямъ планѣ показаны въ стѣнѣ три амбразуры, хотя видимо схематически, такъ какъ ниже увидимъ, что отъ двухъ изъ нихъ оставались только незначительные остатки уже во второй половинѣ XVII столѣтiя.

Въ древнихъ документахъ мы находимъ слѣдующiя, сюда относящiяся указанiя:

Опись 1655 г. [1]):

«Отъ тое Воротной башни до наугольной Стрѣлочной каменной башни каменной стѣны прясло подлѣ рѣки Ладожки, въ длину по стѣнѣ 28 саженъ, вверхъ стѣна отъ подшвы къ зубцамъ 4 сажени, толщина стѣнъ 3 сажени безъ чети. И того прясла отъ Стрѣлочной башни въ длину на 20 саженъ половина толщины той каменной стѣны съ загородной стороны обвалилась въ рѣку въ Ладожку до подшвы, и которое цѣлое мѣсто того прясла 8 саженъ, и та стѣна стоитъ безъ кровли и отъ мокроты сыплется розно».

Опись 1665—1667 г. [2]):

«Отъ той Воротной башни до Стрѣлочной каменной башни прясло каменные стѣны возлѣ рѣки Ладожки, въ длину 28 саженъ съ полусаженью. И той каменной стѣны отъ Воротней башни 15 саженъ съ полусаженью цѣло, только стоитъ непокрыто и отъ мокроты каменье сыплется розно. Вышина стѣнъ съ загородные стороны 3 сажени съ третью сажени, толстина стѣнъ и съ зубцами 3 саженъ, а безъ зубцовъ въ 2 сажени, а зубцы вышиною и толстиною по сажени.

Да того-же прясла къ Стрѣлочной башнѣ 13 саженъ каменные стѣны съ загородной стороны обвалилось за городъ по валу и въ рѣку Ладожку, а обвалилось той стѣны и съ зубцами толстины на 2 сажени съ третью сажени, а осталось цѣлые стѣны того-жъ прясла

[1]) См. прилож. IX.
[2]) См. прилож. XII.

всего толстиною на сажень съ третью, и надъ тѣмъ обрушеннымъ мѣстомъ поставлены были деревянные тарасы и тѣ огнили безъ остатку; а стоитъ то прясло все безъ кровли».

Опись 1676 г. [1]):

«И отъ тое башни (Воротной) прясло каменное до Стрѣлочной каменной башни въ длину 29 саженъ, въ вышину 4 сажени съ четвертью и съ зубцами, въ ширину 2 сажени 2 аршина; да того-жъ прясла половина обвалилась въ рѣку Ладожку въ длину 13 саженъ и съ зубцами и вмѣсто зубцовъ на томъ пряслѣ поставлены были деревянные тарасы и тѣ огнили; а то прясло съ приходу съ лица отъ нѣмецкаго рубежа.

Въ прочихъ спискахъ размѣры приводятся тѣ-же, что и въ 1676 г., причемъ добавляется:

Въ 1677 г., что—«отъ мокроты то прясло сыплется и валится врознь».

Въ 1685 г., что—«нижніе бои въ томъ пряслѣ каменьемъ засыпало».

Въ 1692 г., что—«городовая стѣна сверху и до подошвы вся разсыпалась въ рѣку Ладожку».

в) *Факты, обнаруженные раскопками.*

Произведенными здѣсь работами выяснилось слѣдующее:

При окапываніи въ нѣсколькихъ мѣстахъ внутренней поверхности остатковъ стѣны, въ ея сѣверной (болѣе разрушенной) половинѣ были обнаружены слѣды двухъ, прежде существовавшихъ здѣсь амбразуръ. Отъ первой изъ нихъ (сѣверной), имѣвшей въ ширину около 3 аршинъ и находившейся въ разстояніи 1½ сажени отъ соединенія стѣны съ слѣдующей, сѣверной (Стрѣлочной) башней, уцѣлѣли только боковыя ея щеки (ок. 2 арш. вышиною), безъ всякихъ остатковъ покрывавшаго ихъ свода, промежутокъ же между щеками оказался заложеннымъ (на всю глубину амбразуры) внизу обломками плитъ, а выше заваленъ щебнемъ и каменьями, причемъ обломки плитъ хотя и расположены правильно, въ видѣ кладки, но сложены на сухо (безъ цемента). Непосредственно подъ амбразурой, отдѣляясь отъ нее лишь однимъ рядомъ плитъ стѣнной кладки начинался фундаментъ (толщиною въ 1 аршинъ), состоявшій изъ сложенныхъ на извести валуновъ, за которыми слѣдовалъ уже грунтовой черноземъ (глубиною ок. 1½ арш.), а еще ниже материковая зеленоватая глина. Что касается прилегающихъ къ амбразурѣ остатковъ стѣны, то они оказались покрытыми плитяною, отвѣсно выведенною облицовкою.

Такимъ образомъ, сторона стѣны, обращенная внутрь городища, была выведена лишь отъ поверхности послѣдняго, покоясь на фундаментѣ аршинной толщины, верхній край котораго соотвѣтствовалъ тому-же уровню, на которомъ находился и входъ въ сосѣднюю (Стрѣлочную) башню.

Отъ второй изъ упомянутыхъ амбразуръ, находившейся въ 6 саженяхъ южнѣе вышеописанной, сохранились также нѣкоторые остатки, причемъ съ лѣвой (южной) ея стороны уцѣлѣла небольшая, боковая часть покрывавшаго

[1]) См. прилож. XIII.

ее свода, а внутренность была также на половину заложена плитами (безъ цемента) и сверху завалена щебнемъ съ каменьями; прочія конструктивныя условія оказались тѣ-же. Дальнѣйшее окапываніе стѣны къ Югу, на протяженіи около 4 саженъ, не обнаружило болѣе ничего; поверхность стѣны представляла тотъ-же видъ, имѣя отвѣсную плитяную облицовку въ нижней своей части и обнаженную, утонявшуюся къ гребню, кладку изъ валуновъ — въ верхней. Отсюда начинается уже другая, южная часть ограды, сохранившаяся, какъ уже сказано выше, сравнительно въ лучшемъ положеніи.

Въ южной половинѣ стѣны, какъ уже замѣчено, видна была часть входа въ третью амбразуру. По раскопкѣ завалившаго ее щебня, амбразура эта оказалась сравнительно въ цѣлости, такъ какъ въ ней разрушилась лишь часть лѣвой стороны (при входѣ), сводъ-же и правая щека сохранились вполнѣ, равно какъ и толща стѣны (ок. 3 арш.) надъ амбразурою. Глубина послѣдней составляла 6 арш. 6 верш., вышина 3 аршина, что-же касается ширины, то таковая отъ 4 аршинной при входѣ, уменьшалась къ устью вдвое, т. е. амбразура къ концу на половину съуживалась. Устье ея замыкалось поперечной стѣнкой выведенной изъ плитъ, съ неправильнымъ отверстіемъ въ серединѣ отъ бывшей бойницы; полъ вымощенъ булыгами, у входа-же находился плитяной приступокъ, въ 1/2 аршина вышиною [1]). (Табл. XXIX). Табл. XXIX.

При производствѣ развѣдочныхъ работъ съ внѣшней стороны ограды, представлявшей въ сѣверной своей части огромную, въ видѣ крутаго вала осыпь, неожиданно оказалось, что верхній щебенчатый слой послѣдней простирался вглубь не болѣе какъ на аршинъ, а ниже его находился родъ каменной коры изъ плитъ и валуновъ, связанныхъ известковымъ растворомъ. Для выясненія этого обстоятельства, верхній слой осыпи былъ снятъ (близь упомянутой выше амбразуры) до самой подошвы, причемъ подъ нимъ вездѣ оказалась каменная кладка, шедшая скатомъ къ подошвѣ осыпи, соотвѣтственно наружной покатости послѣдней. Кладка эта состояла изъ обильно залитыхъ известью слоевъ плитъ, рядѣлявшихся слоями валуновъ, причемъ первые имѣли весьма харак-

[1]) При очисткѣ пола отъ покрывавшаго его черноземнаго слоя, въ послѣднемъ было найдено довольно много различныхъ предметовъ, какъ-то: ручной мельничный жерновъ (въ видѣ тонкаго каменнаго сегмента, въ 10 вер. діам., съ отверстіемъ въ центрѣ), желѣзная оправа отъ заступа, обломокъ копья, цѣпь съ крюкомъ, желѣзный ковшъ, 3 ножа, таганъ, кирка, ключъ, большой дверной замокъ, конская подкова, сапожная подковка, родъ костянаго свистка, черепки глиняной посуды (нѣкоторые съ поливой, другіе же грубые — съ древней орнаментаціей, свойственной курганному періоду), обломки желѣза, гвозди, много костей животныхъ, осетровая шелуха и кости, угли и 5 чугунныхъ ядеръ. Подобный характеръ находокъ можетъ указывать, что въ этой амбразурѣ находились въ свое время болѣе или менѣе постоянные обитатели, даже здѣсь жившіе и готовившіе себѣ пищу

терное положеніе, именно: въ самомъ верху осыпи они сохраняли свое нормальное горизонтальное положеніе, а ниже по скату принимали уже наклонное: плиты лежали подъ угломъ—передней частью вверхъ, въ самомъ же низу онѣ стояли уже почти вертикально (какъ-бы опрокинувшись на ребро). Ясно, что подобное измѣненіе первоначальнаго ихъ положенія могло получиться лишь въ томъ случаѣ, если-бы отвѣсная стѣна подалась нижнею частью впередъ и въ то-же время осѣвъ верхнею внизъ, опрокинулась нѣсколько назадъ, иными словами—произошло-бы оползаніе ея по наклоненной плоскости.

Нѣчто подобное, хотя и не столь характерно, оказалось и на южной части ограды; здѣсь также подъ верхнимъ слоемъ осыпи, маскировавшей низъ стѣны, встрѣченъ родъ каменнаго ската изъ обвалившейся кладки, причемъ плиты въ верхней части имѣли надлежащее горизонтальное положеніе, а въ нижней шли наклонно по отлогости ската, такъ что въ общемъ также получалось впечатлѣніе какъ-бы отъ оплыва или сдвига фрагментовъ стѣнной кладки, хотя и въ меньшихъ сравнительно размѣрахъ.

Изъ сопоставленія этихъ данныхъ съ приведеннымъ выше текстомъ описей 1655 и 1665—1667 г. можно видѣть, что указываемое оползаніе стѣнъ дѣйствительно имѣло мѣсто въ данномъ случаѣ, такъ какъ документы прямо говорятъ, что около половины или двухъ третей толщины стѣны (въ сѣверной половинѣ) снаружи была уже въ тѣ времена обвалившеюся, а на мѣстѣ оставалась только остальная часть ея. Въ томъ-же смыслѣ надо понимать и указаніе 1676 г. объ обвалѣ «половины» той-же стѣны въ Ладожку, такъ что вышеописанный каменный скатъ долженъ имѣть именно объясненное происхожденіе.

Подобное обстоятельство могло легко вытекать изъ конструктивныхъ пріемовъ при возведеніи стѣнъ городища (какъ будетъ пояснено въ дальнѣйшемъ описаніи послѣдняго), которые въ связи съ присутствіемъ глинъ въ подпочвѣ (см. стр. 144) могли вызвать упоминаемое явленіе, т. е. что стѣна раскололась вдоль и наружная часть ея отдѣлившись, оползла впередъ, образовавъ такимъ образомъ тотъ каменный скатъ, который нынѣ и представляется въ видѣ огромнаго, заросшаго зеленью вала.

Надо думать, однако, что описанное разрушеніе въ сѣверной и южной частяхъ ограды произошло не одновременно. Изъ показанія описи 1665—1667 г., что въ ея время деревянные тарасы, поставленные на мѣстѣ упомянутаго обвала (въ сѣверной части ограды), были уже совершенно развалившимися — «огнили безъ остатку», слѣдуетъ, что они были выстроены значительно ранѣе (хотя опись 1665 г. о нихъ и умалчиваетъ), покрайней мѣрѣ напр. въ 1646 г., когда, какъ извѣстно изъ другихъ свѣдѣній, въ Ладогѣ велѣно было—«по каменному

городу зарубить деревянную стѣну», но вѣроятнѣе, что постановка тарасовъ произошла еще того ранѣе, т. е., что самый обвалъ въ сѣверной сторонѣ могъ имѣть мѣсто даже въ началѣ XVII столѣтія.

Что касается времени закладки плитами двухъ сѣверныхъ амбразуръ той-же ограды, то вѣроятно это сдѣлано было по окончательномъ разрушеніи здѣсь стѣны, о которой въ 1692 г. говорится, что она уже вся разсыпалась сверху до подошвы, слѣдовательно и закладка плитами можетъ быть отнесена къ концу XVII вѣка; ранѣе же, когда внутренняя часть стѣны еще оставалась необвалившеюся и была дополнена поставленными впереди ея тарасами, остатки упоминаемыхъ амбразуръ должны были служить входомъ въ примыкавшіе къ нимъ соотвѣтственныя амбразуры тарасовъ, которыя конечно были продѣланы въ послѣднихъ, для возстановленія существовавшихъ ранѣе «нижнихъ боевъ» стѣны [1]).

Наконецъ, относительно южной половины ограды, о которой въ 1655 и 1665—67 г. свидѣтельствуется наоборотъ, что она въ то время стояла еще въ цѣлости (на ней существовали тогда даже зубцы), то надо думать, что значительное разрушеніе ея [2]) послѣдовало именно вскорѣ послѣ упомянутаго времени, потому что въ противномъ случаѣ сохранившаяся въ этой части стѣны амбразура не была бы исправлена приспособленіемъ поперечной стѣнки съ бойницею [3]), такъ какъ позднѣе (1704 г.) крѣпость и сама Ладога утратили окончательно всякое военное и административное значеніе и, слѣдовательно, ни о какихъ починкахъ крѣпости заботиться было уже нечего. На указываемое время разрушенія могутъ намекать и свѣдѣнія 1685 г., въ которыхъ говорится, что «нижніе бои (т. е. амбразуры) въ томъ пряслѣ каменьемъ засыпало».

---

[1]) О тарасахъ, ихъ конструкціи и устройствѣ въ нихъ же «боевъ», читаемъ въ любопытной описи Олонца 1649 г.: «А рубленъ городъ въ тарасы въ четвероугольные, до нижнихъ боевъ рубленъ въ двѣ стѣны, а между стѣнъ пущено три чети аршина, насыпанъ землею для защиты пушечной и пищальной стрѣльбы; а тарасы рублены по городу въ сажень, а въ городъ 2 саженъ безъ четверти, а въ тарасѣхъ просѣчены бои пищальные, а въ тарасы изъ города двери просѣчены для вмѣстки осадныхъ людей, а къ тарасамъ изъ города ставлены столбы для связи и кровли городовой, на тѣхъ столбахъ кровля укрѣплена; а между тарасовъ стѣны по 2 сажени, просѣчены между тарасовъ по два боя нижнихъ». (Дополненія актовъ историческихъ, т. III, стр. 228—230).

[2]) Изъ сравненія нынѣшней толщины стѣны въ сохранившейся амбразурѣ (южной), съ толщиною той-же стѣны по документамъ XVII вѣка, выходитъ, что здѣсь ограда потеряла отъ 2—3 аршинъ кладки съ наружной стороны и, очевидно, въ очень уже давнее время, такъ какъ нынѣшнее присутствіе въ амбразурѣ поперечной стѣнки съ бойницею показываетъ, что упомянутое разрушеніе должно было произойти еще до приспособленія этой стѣнки.

[3]) Приспособленіе очевидно устроенное уже по разрушеніи части стѣны съ наружной стороны, потому что вся длина этой амбразуры нынѣ съ небольшимъ 2 сажени, тогда какъ при цѣлой стѣнѣ она должна была быть болѣе 8 аршинъ.

г) *Данныя для реставраціи, почерпаемыя изъ прежнихъ указаній, дополнительно къ результатамъ, добытымъ раскопками, и общіе заключительные выводы.*

1) Стѣна была съ зубцами, 2) имѣла двухъярусную оборону и 3) была покрыта деревянной кровлей (Оп. 1655 и 1665—67 гг.).

Примѣчаніе. Упоминаніе описей, что половина этой стѣны—«обвалилась за городъ по валу», могутъ давать поводъ заключить, что у нижней части ограды существовала прикрывавшая ее искусственная насыпь (валъ). Но существованіе подобной насыпи исключается мѣстонахожденіемъ нижней амбразуры въ Воротной башнѣ, именно въ сѣверной сторонѣ послѣдней (сюда обращенной), такъ какъ насыпь замаскировала бы совершенно эту амбразуру и лишила бы ограду фланговой обороны; поэтому подъ упомянутымъ «валомъ» должна быть разумѣема осыпь происхожденія естественнаго.

Разрушенное состояніе описаннаго участка ограды и видимая условность нѣкоторыхъ цифровыхъ данныхъ, передаваемыхъ древними документами, представляютъ для полнаго возстановленія ограды извѣстныя затрудненія, ибо хотя протяженіе ея точно опредѣляется сохранившимися остатками двухъ башенъ (Воротной и сѣверной-Стрѣлочной), но относительно вышины ея точныхъ данныхъ не имѣется.

Наружные размѣры стѣны опредѣляются описью 1665—67 г. въ $3^1/_3$ сажени, всѣми же прочими свѣдѣніями въ 4—$4^1/_4$ сажени, причемъ въ послѣднихъ поясняется, что вышина считана съ зубцами. Но подобныя данныя приняты быть не могутъ, и вотъ почему:

Не говоря уже о показаніи 1665—67 г., которое даетъ почти одинаковыя цифры какъ для вышины, такъ и для толщины той же стѣны и стоитъ отдѣльно отъ прочихъ, нельзя остановиться и на цифрѣ прочихъ документовъ ($4^1/_4$ сажени), по несоотвѣтствію ея какъ съ вышиной самого городища (т. е. внутренняго двора), такъ и съ размѣрами сосѣдней части ограды (между башнями Воротной и юго-западной Климентовской), съ вышиной которой еще и нынѣ почти равняются нѣкоторыя, лучше сохранившіяся части описываемаго участка. Несоотвѣтствіе это можетъ находить себѣ объясненіе въ томъ, что вѣроятно подошва стѣны была закрыта осыпью уже во время составленія документовъ, почему и цифры послѣднихъ получились менѣе надлежащихъ. По измѣренію той же стѣны со стороны двора городища рядомъ съ ея южной амбразурой (т. е. въ пунктѣ лучше сохранившемся), оказалось, что считая отъ подошвы амбразуры, или уровня крѣпостнаго двора, до гребня, она здѣсь имѣетъ 2 сажени [1]), такъ что если даже принять этотъ нынѣшній гребень за близкій къ первоначальному и прибавить сюда еще сажень на зубцы, то получимъ, что полная вышина стѣны изнутри была не менѣе 3 саженъ, но

---

[1]) Въ томъ числѣ почти 1 сажень кладки выше амбразуры.

въ дѣйствительности она должна была быть болѣе (такъ какъ извѣстная часть ея конечно уже исчезла) и достигала вѣроятно около 4 саженъ [1]). Что же касается вышины наружной, то въ виду упомянутой сомнительности относящихся сюда документальныхъ показаній и неимѣнія данныхъ фактическихъ, трудно сказать что нибудь опредѣленное, но конечно она была (также какъ и въ южной половинѣ ограды западнаго фаса) не менѣе 5 саженъ. Толщина ограды («съ зубцами»,—слѣдовательно верхняя) въ 1655 и 1665—67 гг. показано 3 сажени безъ чети и 3 сажени, въ прочихъ же свѣдѣніяхъ говорится болѣе глухо, что таковая имѣетъ 2²/₃ саж., т. е. одинаковая какъ и въ южной половидѣ западнаго фаса. Болѣе правильною представляется послѣдняя цифра, такъ какъ она соотвѣтствуетъ и результатамъ измѣреній лучше сохранившихся нижнихъ частей въ сосѣднемъ участкѣ (южномъ), гдѣ нижняя толщина оказалась въ 9¼ аршинъ. Отвѣсныя остатки плитяной облицовки внутренней поверхности стѣны указываютъ, что съ этой стороны стѣна была выведена вертикально, а нѣкоторую отлогость имѣла лишь наружная поверхность.

Наконецъ относительно конструктивныхъ пріемовъ постройки можно замѣтить, что, безъ сомнѣнія, здѣсь былъ примѣненъ такой-же пріемъ, какъ и обнаруженный на упомянутомъ сосѣднемъ участкѣ, т. е. что подошвы или основанія стѣны (внутри и снаружи) находились на разныхъ высотахъ.

Въ общемъ, стѣна представляла прямолинейное начертаніе, съ небольшимъ изгибомъ въ сѣверной части—къ угловой сѣверной (Стрѣлочной) башнѣ, и возвышалась надъ поверхностью городища до 4 саженъ. Боковыя поверхности ея были облицованы плитой, а гребень снаружи вѣнчался рядомъ зубцовъ (вышиною и толщиною въ 1 сажень) и былъ покрытъ деревянной кровлей. Зубцы составляли верхній бой, для нижняго же служили прорѣзанныя въ стѣнѣ амбразуры съ бойницами и, такимъ образомъ, ограда получала двухъярусную фронтальную оборону, причемъ могла фланкироваться сѣвернымъ фасомъ Воротной башни.

Наконецъ, можно еще прибавить, что сѣверная половина ограды въ XVII столѣтіи была уже деревянною, устроенною изъ тарасовъ (деревянныхъ, набитыхъ землею срубовъ), которыми была замѣнена отпавшая часть каменной кладки и которые въ концѣ того-же столѣтія находились въ свою очередь въ полномъ разрушеніи.

---

[1]) Судя по результатамъ наблюденій надъ остатками ограды въ южной половинѣ того же западнаго фаса (т. е. между башнями Воротной и юго-западной Климентовской), гдѣ измѣреніе внутренней вышины сохранившихся остатковъ стѣны (близь Воротной башни) дало болѣе 8 аршинъ.

На оконечности мыса, занимаемаго городищемъ, при сліяніи Ладожки съ Волховомъ, расположена сѣверная башня крѣпости (таблица IV), имѣвшая особо важное значеніе, такъ какъ она защищала доступъ водою внутрь города; этимъ, конечно, объусловливается и большая, сравнительно съ прочими, величина ея, а равно и большее число устроенныхъ въ ней для обороны приспособленій (амбразуръ). **Стрѣлочная башня.** Табл. IV.

а) *Современное состояніе (1884 г.).*

Внѣшній видъ башни въ настоящее время представляетъ полную развалину, вышиною до 4½ саж. (таблица X и XI), которою замыкаются сходящіеся здѣсь восточный и западный фасы крѣпости. Подошва башни маскируется щебенчатой, весьма значительныхъ размѣровъ осыпью, а наружная поверхность сплошь представляетъ обнаженную кладку изъ крупныхъ, почти висящихъ на воздухѣ валуновъ, среди которыхъ видны четыре большихъ неправильныхъ отверстія отъ бывшихъ амбразуръ средняго этажа. Наружная форма развалины даетъ впечатлѣніе слегка конической и нѣсколько возвышается надъ прилегающими участками смежныхъ фасовъ крѣпости. Табл. X и XI.

Съ внутренней стороны городища башня представляется лишь въ видѣ слегка закругленнаго вала, до 2 саж. вышиною, взойдя на который, видна внутренность самой башни на подобіе мелкой котловины, сплошь загроможденной щебнемъ и огромными валунами. Котловину окаймляютъ остатки стѣнъ, маскируемые осыпями, въ которыхъ видны верхнія части четырехъ сводчатыхъ амбразуръ; гребень стѣны уже настолько тонокъ, что проходимъ лишь на нѣсколько аршинъ вправо и влѣво, далѣе же кругомъ башни уже недоступенъ. Въ общемъ картина полнаго разрушенія.

б) *Указанія прежнихъ временъ.*

На изображеніяхъ городища 1809 г. (Бороздинъ) можно замѣтить, что въ то время еще существовалъ незаваленный крытый входъ въ башню со двора городища и надъ нимъ значительный массивъ стѣнной кладки, а на приложенномъ къ изображеніямъ планѣ второго этажа показаны четыре амбразуры съ бойницами, входъ на внутреннюю въ массивѣ башенной стѣны лѣстницу и общее очертаніе башни съ наружной и внутренней сторонъ, на уровнѣ того же этажа.

Изъ древнихъ письменныхъ источниковъ видно, что башня эта въ 1628 году носила названіе *Стрѣлочной*, безъ сомнѣнія отъ положенія ея на стрѣлкѣ, образуемой здѣсь сліяніемъ Ладожки съ Волховомъ. Общія указанія о конструкціи передаются слѣдующія:

Опись 1655 г. [1]):

«Башня каменная наугольная круглая Стрѣлочная, въ длину и поперегъ 8 саженъ; вверхъ отъ подшвы та башня 7 саженъ, кровля на той башнѣ огнила и сверху отъ мокроты та башня осыпается».

Опись 1665—67 г. [2]):

«Башня глухая Стрѣлочная каменная круглая, межъ рѣкъ Волхова и Ладожки. Вышина башни съ подошвы вверхъ полшесты сажени, въ длину и поперегъ та башня во всѣ стороны по полдесяты сажени. Въ окнахъ толстина въ сажень, да отъ оконъ быки по сажени; и всего въ верхнемъ бою въ окнахъ и въ быкахъ толстина башни 2 сажени, а въ середнемъ бою 3 сажени, а въ нижнемъ бою 4 сажени. А стоитъ та башня безъ кровли и во многихъ мѣстахъ поосыпалось».

Опись 1676 г. [3]):

«Башня каменная Стрѣлочная круглая, въ ширину 9 саженъ безъ четверти, въ вышину 6 саженъ съ полусаженью, и сверху та башня безъ кровли сыплется по верхніе бои».

Въ прочихъ спискахъ 1685—98 г. размѣры показаны тѣ же, что и въ 1676 г., незначительные же варіанты заключаются въ слѣдующемъ:

Опись 1685 г. [4]):

«И та башня сверху до подошвы отъ мокроты каменье сыплется врознь».

Опись 1697 г. [5]):

«И та башня безъ кровли, сыплется и валится врознь и мосты огнили и провалились» [6]).

в) *Факты, обнаруженные раскопками.*

Изслѣдованіе башни было начато раскопками со стороны ея, обращенной внутрь городища (южной), откуда, судя по свѣдѣніямъ 1809 г., долженъ былъ существовать входъ въ самую башню. По удаленіи съ этой стороны покрывавшей ее осыпи [7]), представлявшей, какъ уже сказано, родъ закругленнаго вала, обнаружилась прямая отвѣсная стѣна, вышиною 5 аршинъ и въ ней обазначился пролетъ (4 арш. шириной) упомянутаго входа, сплошь заваленный щебнемъ и каменьями, но однако настолько еще хорошо сохранившійся, что въ одномъ изъ наружныхъ угловъ его уцѣлѣлъ желѣзный крюкъ, или устой, для навѣски воротъ, которыми должна была запираться башня. По расчисткѣ пролета онъ

---

[1]) См. Приложеніе IX.

[2]) См. Приложеніе XII.

[3]) См. Приложеніе XIII.

[4]) См. Приложеніе XIV.

[5]) Тамъ же.

[6]) Послѣднее обстоятельство указывается впрочемъ и болѣе ранними документами но обовсемъ городищѣ вообще.

[7]) При очисткѣ попадались разные предметы, какъ-то: обломки желѣза, часть подковы и пружиннаго замка, пружинное раздвижное кольцо, ножъ съ черенкомъ, обломокъ серпа, сапожная подковка и т. под. предметы позднѣйшаго происхожденія.

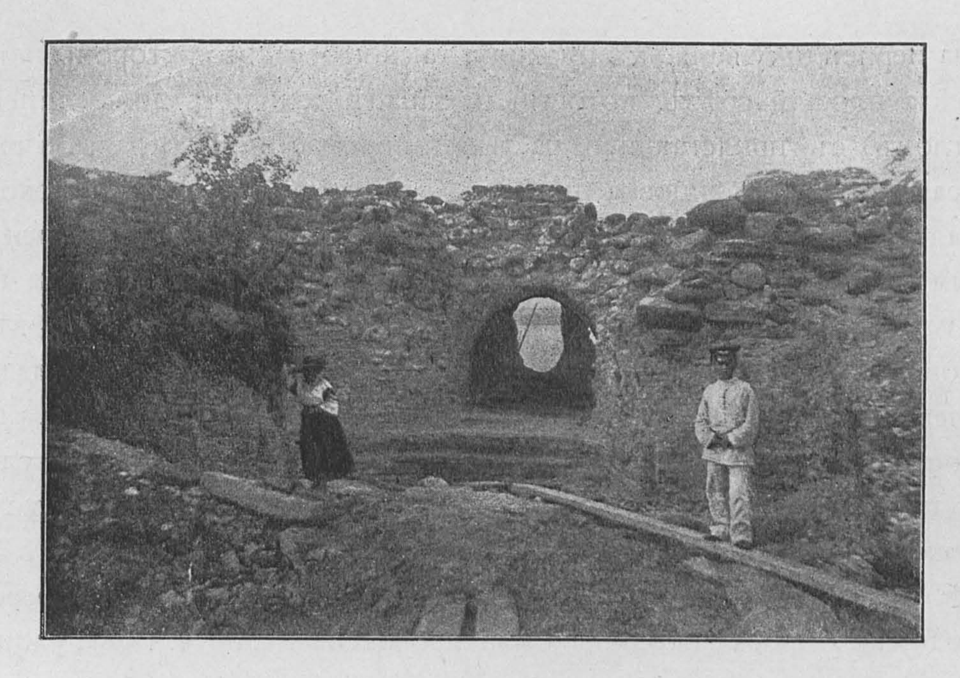

Рис. 10 Входъ въ Стрѣлочную башню со стороны двора.

представилъ прямой входъ въ послѣднюю, подошва котораго находилась на одномъ уровнѣ съ поверхностью городища (см. табл. XII) и была вымощена булыгами и плитами, бока же сохранили также облицовку плитою; сверху проходъ оказался открытымъ, но по сторонамъ его можно еще замѣтить слѣды бывшаго свода, нынѣ совсѣмъ уже исчезнувшаго. Лицевая (южная) сторона Таблица XII.

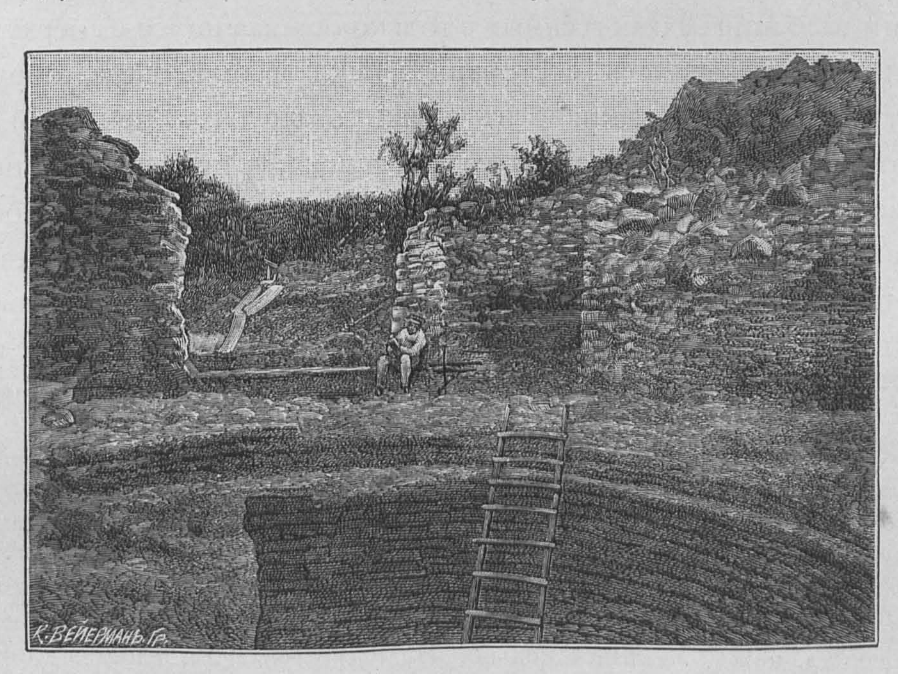

Рис. 11 Тотъ-же входъ со стороны внутренности башни.

стѣны была перпендикулярна къ проходу, такъ что съ этой стороны поверхность башни имѣла плоскій срѣзъ, который на западѣ доходилъ до соединенія (подъ тупымъ угломъ) съ прилегающей частью вышеописанной ограды, причемъ на немъ сохранилась и облицовка плитою, на востокъ же отъ прохода срѣзъ выслѣживался лишь на протяженіи 4 саженъ и далѣе заканчивался какъ-бы поперечнымъ обломомъ башеннаго или стѣннаго массива, имѣвшимъ перпендикулярное къ срѣзу направленіе (съ юга на сѣверъ) и состоявшимъ въ верхней своей половинѣ изъ обнаженной валунной кладки, а въ нижней изъ песку и щебня. Очевидно, что здѣсь оказались слѣды разрушенія, или отрыва прилегающей съ Востока къ башнѣ части ограды [1]) въ зависимости отъ сдвига или оползанія послѣдней, вѣроятно вслѣдствіе тѣхъ-же грунтовыхъ условій, на которыя уже указывалось выше (см. стр. 167).

Кромѣ указанныхъ работъ, съ этой-же стороны башни непосредственно передъ входомъ со двора городища была проведена траншея, обнаружившая, что здѣсь башенный фундаментъ или массивъ простирается вглубь всего лишь на три аршина, причемъ грунтъ траншеи состоялъ сначала (на два аршина) изъ чернозема, перемѣшаннаго съ разными культурными остатками [2]), а ниже слѣдовала уже материковая бѣловатая вязкая глина, не содержавшая въ себѣ ничего.

Раскопки внутри башни представляли, независимо отъ своего большаго объема, значительные неудобства и затрудненія, по причинѣ крайне невыгодныхъ условій работы въ тѣсномъ пространствѣ и необходимости пользоваться при углубленіи въ башню единственнымъ только остававшимся на верху выходомъ. Верхняя часть завала оказалась состоявшею исключительно изъ обрушившихся валуновъ отъ стѣнной кладки, безъ всякихъ другихъ примѣсей, изъ чего можно заключить, что онъ образовался во времена, сравнительно лишь недавнія, и простиралась въ глубину на 4 аршина, т. е. занимала внутренность башни почти до края амбразуръ нижняго этажа. По очисткѣ верхняго яруса башни до уровня подошвы входа, планъ этой части оказался въ южной половинѣ прямоугольнымъ, въ сѣверной-же полукруглымъ; южная часть представляла вымощенную валунами площадку, на одномъ уровнѣ съ подошвой примыкавшаго

---

[1]) Въ связи съ этимъ конечно находится и перемѣщеніе, или выпученіе оконечности той-же ограды восточнаго фаса у нижняго этажа башни (см. далѣе).

[2]) Въ немъ кромѣ обломковъ костей животныхъ, были найдены нѣсколько предметовъ разновременнаго происхожденія: грубые (безъ поливы) глиняные черепки, изъ коихъ на одномъ характерный орнаментъ курганнаго періода (волнообразный), часть конской подковы древняго образца (въ видѣ двулистника, подъ переднюю часть копыта), желѣзный вбивной въ стѣну свѣтецъ, подсвѣчникъ, ножъ, желѣзное кольцо, нѣсколько гвоздей и плоская глиняная бляшка съ отверстіемъ.

къ ней входа, въ сѣверной же завалъ продолжался вглубь, принявъ полукруглое очертаніе, соотвѣтственно наружному виду башни. Въ стѣнахъ этого этажа, сохранившихся въ вышину отъ 6—7 аршинъ, устроены четыре амбразуры, изъ которыхъ одна въ западномъ фасѣ той-же площадки, а три прочихъ въ полукруглой части башни; устья амбразуръ замыкаются поперечными, сильно разрушенными стѣнками, въ которыхъ частью сохранились неправильныя отверстія отъ бывшихъ бойницъ, подошвы вымощены булыгами и своды выведены изъ

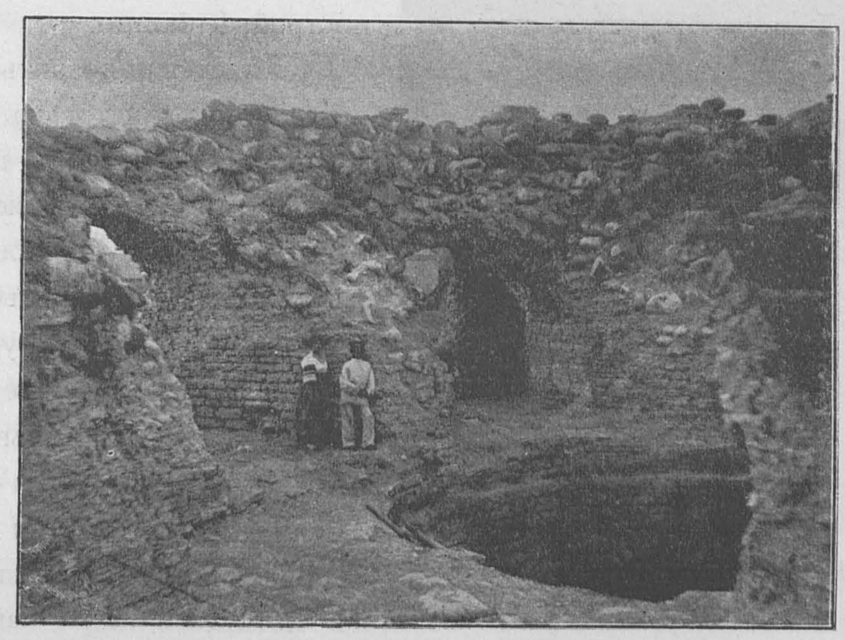

Рис. 12 Западныя амбразуры верхняго этажа Стрѣлочной башни.

плитъ. У основанія правой (восточной) стѣны, ограничивающей ту-же площадку, во всю ея длину небольшой (въ 1/2 арш. вышиною), сложенный изъ плитъ на извести приступокъ, за которымъ слѣдуетъ узкій прямоугольный входъ [1]), на устроенную въ массивѣ стѣны каменную лѣстницу, служившую для сообщенія этажей башни между собою, а за входомъ направо вверхъ и налѣво внизъ—марши самой лѣстницы. Изъ нихъ первый имѣетъ 8 ступеней и затѣмъ, поворотивъ подъ прямымъ угломъ на западъ, выводитъ (семью ступенями) на поверхность разрушеннаго гребня башни, причемъ вся эта часть лѣстницы сверху уже открыта и только въ одномъ мѣстѣ сохранился небольшой остатокъ бывшаго надъ ней свода. Наконецъ, при расчисткѣ того-же входа, обнаружено, подъ находившимся

[1]) На наружныхъ краяхъ входнаго пролета имѣется угловой уступъ, какъ видно для навѣски дверей.

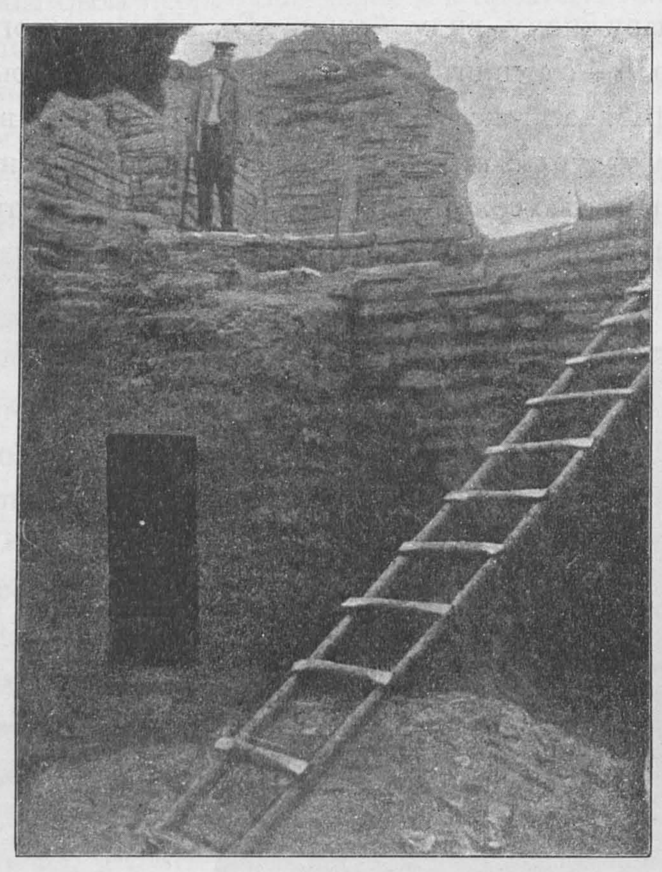

Рис. 13 Входъ и выходъ лѣстницы въ стѣнѣ Стрѣлочной башни.

передъ нимъ приступкомъ, круглое отверстіе (ок. 3 верш. діам.), уходившее вглубь въ горизонтальномъ направленіи и пересѣкавшееся поперегъ (т. е. вдоль приступка) другимъ такимъ-же, представлявшими, какъ видно, слѣды лежавшихъ здѣсь деревянныхъ балясинъ отъ лѣсовъ при постройкѣ башни.

Остается прибавить, что на всей нижней половинѣ стѣнъ этого этажа, сохранились остатки покрывавшей его плитяной облицовки.

При раскопкѣ нижняго этажа незамедлило обозначиться, что планъ его представляетъ круговой отрѣзокъ (нѣсколько болѣе полуокружности), съ прямоугольнымъ выступомъ у восточнаго угла (см. рис. 11). Грунтъ завала башни продолжалъ состоять изъ обвалившихся камней, къ которымъ ниже начали примѣшиваться обломки плитъ съ известковой щебенкой. На глубинѣ около сажени показались верхніе края нижнихъ сводчатыхъ амбразуръ и отсюда вмѣсто каменьевъ пошелъ сырой черный слой, чрезвычайно вязкій, въ разныхъ мѣстахъ котораго попадались отдѣльныя, большею частью ломаныя, кости животныхъ (между прочимъ два черепа собаки и коровы) и немного обломковъ плитъ. Около $^1/_2$ арш. глубже, характеръ этого чернаго слоя началъ замѣтно измѣняться, въ немъ снова появилась значительная примѣсь плитяного и известковаго щебня, при дальнѣйшемъ же углубленіи онъ перешелъ уже вполнѣ въ известковощебенчатый, рѣзко отличавшійся и составомъ и цвѣтомъ отъ выше надъ нимъ лежавшаго. За нимъ опять послѣдовалъ новый слой вязкой черной земли [1]), простиравшійся до подошвы нижнихъ амбразуръ, далѣе еще прослоекъ щебенки (на уровнѣ

[1]) Въ немъ также были встрѣчаемы отдѣльные черепки горшковъ и обломки костей животныхъ, а кромѣ того найдены: обломки желѣза, острое желѣзное долото, хорошо сохранившееся, подковный гвоздь, обломокъ косы, два звена желѣзной цѣпи, пряжка и маленькій сосудъ изъ глины съ поливой, украшенный волнообразными дорожками.

подошвы послѣднихъ) съ примѣсью гнилого дерева и затѣмъ цѣлый слой (толщиною около 1/2 арш.) остатковъ такого-же дерева [1]), ниже котораго лежала уже подошва башни изъ материковаго грунта (песокъ съ галькой). При углубленіи въ послѣдній траншеею вдоль южной и западной стѣнъ оказалось, что далѣе кладка прекращается, но что сѣверная половина башни подбутована постепенно утолщающимся слоемъ булыгъ, вѣроятно въ зависимости отъ мѣстной покатости материковаго песчаника къ Сѣверу.

Одновременно съ тѣмъ-же очистились четыре амбразуры нижняго этажа, находившіяся почти на самомъ уровнѣ внутренней подошвы башни (на 1/2 арш. выше) и открылся выходъ внутренней лѣстницы, расположенный въ каменномъ уступѣ въ восточномъ углу башни (см. рис. 13). Двѣ среднихъ (сѣверныхъ) амбразуры находятся почти рядомъ и направлены по теченію Волхова, двѣ остальныхъ—на Востокъ и на Западъ; всѣ сохранились очень хорошо, но бойницы въ нихъ уже нѣсколько пострадали, въ особенности снаружи, кромѣ впрочемъ одной (восточной), которая еще совершенно въ цѣлости [2]); тыловыя детали ихъ однако большею частью еще въ довольно хорошемъ состояніи [3]). Стѣны и своды амбразуръ облицованы плитою, на которой во многихъ мѣстахъ сохранились остатки покрывавшей ихъ штукатурки, подошва же вымощена крупными булыгами и покрыта тѣмъ-же вязкимъ чернымъ слоемъ (въ 3/4 арш. толщиною), который на соотвѣтствующемъ уровнѣ былъ уже встрѣченъ внутри башни [4]); Кромѣ того, на сводахъ амбразуръ оказались въ изобиліи известковые натеки (мѣстами даже въ видѣ длинныхъ тонкихъ сталактитовъ), отъ просачиванія воды сквозь стѣнную кладку.

Что касается до упомянутаго выхода въ каменномъ уступѣ, то непосредственно за нимъ слѣдовала лѣстница, ведшая двумя колѣнами въ средній

---

[1]) Въ немъ найдены: желѣзная дверная петля, обломки стеклянной посуды, немного ломаныхъ костей животныхъ и большая бронзовая обложка неизвѣстнаго назначенія, украшенная сквозными дырочками.

[2]) Размѣры ея: Вышина тыловаго отверстія 1 арш. 4 вер., ширина 1 арш. 7 вер.; наклонъ щекъ одинаковый, причемъ длина щеки 1 арш. 7 вер.; вышина средняго пролета 1 арш., ширина 5 вер. Вся облицована плитою.

[3]) Такъ въ сѣв.-восточной бойницѣ вышина тыловаго отверстія 1 арш. 3 вер., ширина 1 ар. 7 1/2 вер., но средній пролетъ и наружныя части уже повреждены. Бойница сѣв.-западная повреждена вся. Бойница западная: вышина тыловаго отверстія 1 ар. 2 1/4 вер., ширина 1 ар. 9 вер.; длина щеки 1 ар. 7 вер., наклонъ щекъ одинаковый.

[4]) Къ оконечностямъ амбразуры слой этотъ значительно утолщался, такъ что съ одной стороны онъ видимо представлялъ наплывъ изъ башни; въ немъ также попадались культурные остатки— обломки желѣза и костей животныхъ, между прочимъ на каменномъ полу въ сѣверныхъ амбразурахъ были найдены грубая глиняная свистулька и желѣзный наконечникъ стрѣлы.

этажъ башни (первый маршъ въ 9 ступеней по направленію на Востокъ, второй въ 4 ступени—на Югъ); лѣстница шириною около аршина, вся устроена изъ плитъ и сохранилась хорошо, кромѣ нѣсколькихъ разрушившихся ступеней нижняго марша. Соотвѣтственно слоямъ завала башни, нижняя часть лѣстницы была заполнена вязкимъ чернымъ грунтомъ, остальная же сплошь до верха завалена щебнемъ, причемъ въ срединѣ былъ найденъ черепъ и нѣсколько костей лошади, вмѣстѣ съ желѣзной, старинной формы подковой.

Въ общемъ раскопка Стрѣлочной башни обнаружила, что вопреки казавшемуся на первый взглядъ полному разрушенію башни, она въ значительной своей части сохранилась очень хорошо, такъ что многія детали уцѣлѣли полностью, еще со временъ ея первоначальнаго построенія.

Внѣ башни, раскопки были ограничены проведеніемъ сквозь ея большую наружную осыпь четырехъ глубокихъ траншей, на встрѣчу бойницамъ нижняго этажа, причемъ у восточной амбразуры, расположенной близь соединенія башни съ береговымъ (по Волхову) участкомъ прилегавшей ограды, обнаружено довольно любопытное обстоятельство: траншея, проведенная здѣсь отъ рѣки, перпендикулярно къ фасаду башни, недоходя послѣдней за нѣсколько шаговъ встрѣтила каменную кладку, которая крутымъ закругленіемъ направлялась къ устью упомянутой амбразуры. Низъ кладки значительно болѣе подался впередъ, нежели верхъ, такъ что поверхность ея шла покатостью, причемъ на 5 аршинъ въ вышину на ней сохранилась плитяная облицовка, далѣе же верхъ стѣны не выслѣживался, исчезая въ береговомъ обрывѣ городища. Въ такомъ видѣ кладка загибалась до самой башни и упиралась въ поверхность послѣдней непосредственно у амбразуры бойницы, нижняя же, наиболѣе выпученная часть той-же кладки значительно переходила за отверстіе бойницы (см. рис. 14), и такимъ образомъ, до половины закрывала послѣднюю (см. также таблицу XV).

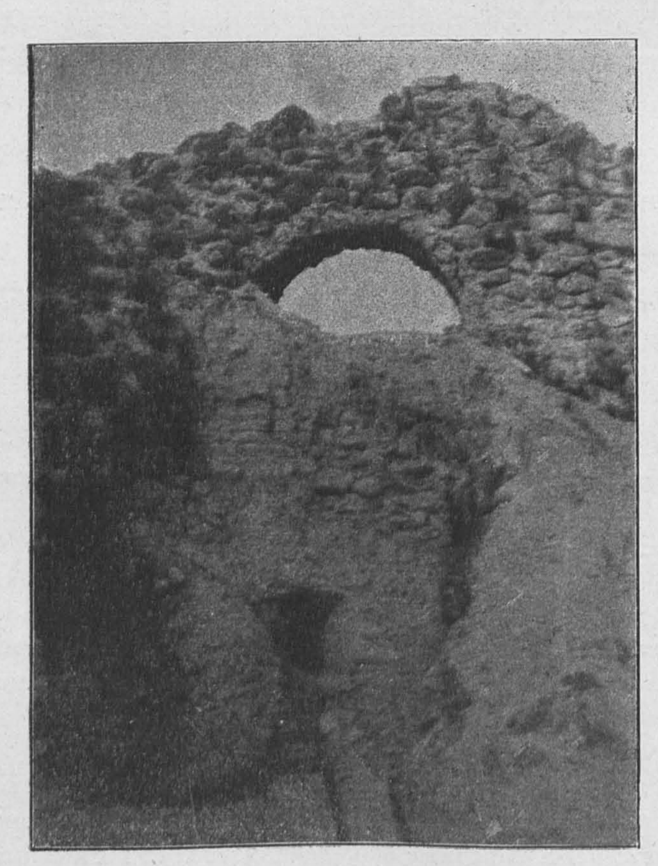

Рис. 14. Выпученность стѣны ограды у восточной амбразуры башни.

Табл. XV.

Въ мѣстѣ упора стѣны въ башню замѣтны двѣ длинныя вертикальныя трещины.

Подобное относительное положеніе ограды очевидно немыслимо какъ нормальное и потому должно было явиться результатомъ какого-то смѣщенія участка ея, прилегающаго къ башнѣ, что должно быть поставлено въ связь съ указаннымъ уже выше фактомъ исчезновенія каменной кладки башенной стѣны со стороны двора городища (см. стр. 174), пріурочивающагося сюда-же. По всей вѣроятности, прилегавшая къ башнѣ часть ограды отдѣлилась (ср. вышеупом. трещины) и сдвинувшись съ первоначальнаго мѣста отъ оползанія, приняла свое нынѣшнее ненормальное положеніе, причиною же подобнаго явленія могли служить тѣ-же конструктивныя и мѣстныя грунтовыя условія, на которыя уже приходилось указывать ранѣе.

Общіе результаты раскопокъ въ Стрѣлочной башнѣ и обнаруженныя конструктивныя данныя представлены на чертежахъ (Табл. XXX—XXXIII). Табл. XXX--XXXIII.

г) *Данныя для реставраціи, почерпаемыя изъ прежнихъ указаній, дополнительно къ результатамъ, добытымъ раскопками, и общіе заключительные выводы:*

1. Башня была круглая, имѣла три боя (трехъярусную оборону) и была покрыта деревянною крышею (Оп. 1665—67 г.).

2. Этажи башни раздѣлялись деревянными мостами (Оп. 1697 г.).

Въ общихъ чертахъ все вышеизложенное даетъ возможность возстановить конструкцію Стрѣлочной башни довольно близко, хотя относительно точнаго опредѣленія ея прежней вышины, въ документальныхъ указаніяхъ встрѣчаются значительныя разногласія.

Такъ, въ описи 1655 г. вышина башни означена въ 7 саженъ; въ 1665 г. башня со всѣми тремя боями показана лишь въ 5½ саж. и во всѣхъ прочихъ— 6½ саж.; принимая однако во вниманіе, что редакція 1655 г. представляетъ башню почти въ цѣлости (она упоминаетъ только огнившую крышу и, видимо, лишь еще начинающееся сверху осыпаніе кладки), необходимо остановиться и на размѣрахъ, приводимыхъ этой описью, т. е. что башня первоначально имѣла въ вышину именно 7 саженъ.

Такимъ образомъ, отъ нея въ настоящее время исчезла болѣе чѣмъ третья часть.

Башня была несомнѣнно трехъ-этажною, что вытекаетъ изъ свѣдѣній 1676 г., передающихъ, что она осыпается «по верхніе бои», изъ указаній 1665—67 г. на размѣры толщины стѣнъ во всѣхъ трехъ этажахъ ея и изъ остатковъ

лѣстницы, ведущей изъ средняго яруса въ верхній; при этомъ изъ разсчета вышины башни [1]) получается, что на всѣ три этажа ея требовалось около 6 саженъ; седьмая сажень, показанная въ описи могла приходиться на вѣнчавшія башню зубцы. Снаружи она имѣла круглую форму [2]), вѣроятно цилиндрическую (покрайней мѣрѣ судя по внѣшнему виду башни юго-восточной, или Роскатной, на которой эта форма выражается ясно) и была покрыта конической крышей. Въ каждомъ изъ этажей, кромѣ верхняго, было по 4 амбразуры съ бойницами [3]), самые же этажи раздѣлялись деревянными полами и сообщались между собой посредствомъ узкой лѣстницы, устроенной въ стѣнѣ башни и имѣвшей выходы во всѣ три яруса послѣдней. Входъ въ башню былъ черезъ средній этажъ и здѣсь она запиралась воротами [4]), что же касается толщины стѣнъ, то по свѣдѣніямъ 1665—67 г. таковая въ нижнемъ этажѣ равнялась 4 саженямъ, въ среднемъ—3-мъ и въ верхнемъ 2 саж. Прочія подробности частью уже пояснены выше и показаны на прилагаемыхъ чертежахъ.

Восточный фасъ. От Стрѣлочной башни вдоль самаго берега Волхова, на протяженіи около 60 саженъ, тянутся къ Югу остатки, или вѣрнѣе слѣды восточнаго фаса крѣпости, примыкающіе на противуположномъ концѣ къ юго-восточной башнѣ городища (Табл. IV).

Табл. IV.

а) *Современное состояніе (1884 г.).*

Весь фасъ нынѣ находится въ состояніи окончательнаго разрушенія, такъ что остатки бывшей здѣсь каменной ограды выслѣживаются лишь по наружной отлогости береговъ обрыва городища и только мѣстами (въ сѣверной половинѣ)

---

[1]) Нынѣшнее превышеніе гребня надъ внутренней подошвой башни=4 саж. $^1/_2$ арш.; полагая верхнюю (уже не существующую) амбразуру вышиною, какъ и другія, въ 3 аршина и притомъ непосредственно лежавшею на нынѣ сохранившемся гребнѣ, а надъ нею еще сажень сплошной стѣнной кладки (указаніе на что можно почерпнуть изъ другихъ мѣстъ описи 1665—67 г., упоминающей, что напр. юго-западная, или Климентовская башня городища осыпалась «на сажень по верхній бой»), получаемъ, что всего для трехъ этажей могло требоваться $18^1/_2$ арш Наружная вышина башни не должна многимъ розниться отъ приведенной цифры, въ виду условій мѣстоположенія самой башни.

[2]) На рисункѣ у Олеарія (см. стр. 3) башня изображена увѣнчанною зубцами, но безъ крыши и почему-то четыреугольною, хотя во всѣхъ источникахъ XVII вѣка она показывается круглою.

[3]) Сколько именно ихъ было въ верхнемъ, рѣшить трудно, но конечно не менѣе четырехъ, а вѣроятно даже пять.

[4]) Весьма возможно, что въ верхній этажъ было еще сообщеніе со стѣнъ прилегавшей ограды, подобно тому какъ въ башняхъ Роскатной и Климентовской.

еще выдаются надъ уровнемъ поверхности послѣдняго, представляя здѣсь родъ небольшаго неправильнаго вала (Табл. XIII). Въ разныхъ мѣстахъ по отлогости того-же обрыва, изъ подъ поросшей дерномъ и древесной растительностью осыпи, видны обнаженія стѣнной кладки, въ которой кое-гдѣ чернѣются небольшія отдушины, или отверстія, подобныя уже встрѣчавшимся въ массивахъ Воротной и Стрѣлочной башенъ и одного, конечно, съ ними происхожденія; близь середины фаса послѣдній прерывается большой, глубокой сѣдловиной, вдающейся вглубь городища, по сторонамъ которой съ берега видны наиболѣе сохранившіяся части обнаженной каменной кладки, состоящей изъ плитняка и валуновъ, сложенныхъ на извести. Въ общемъ все это представляетъ, какъ уже Табл. XIII.

Рис. 15. Видъ городища со стороны Волхова, въ 1809 г.

сказано, картину полнаго и очень давняго разрушенія, совершенно уничтожившаго описываемую сторону городища.

Почти въ такомъ-же состояніи находился упоминаемый фасъ и въ 1809 г., судя по современному рисунку Бороздина, на которомъ не видно лишь отлогаго спуска къ рѣкѣ, устроеннаго позже на южной половинѣ фаса, вдоль по остаткамъ идущей здѣсь стѣнной кладки, для удобнѣйшаго сообщенія внутренности городища съ рѣкою.

б) *Указанія прежнихъ временъ.*

Въ документахъ XVII вѣка дошли весьма важныя свѣдѣнія, относительно сооруженій, существовавшихъ на восточномъ фасѣ, свѣдѣнія тѣмъ болѣе цѣнныя, что послѣдняго можно сказать нынѣ не существуетъ.

Такъ, изъ нихъ усматривается, что близь середины его на Волховѣ стояла давно уже исчезнувшая башня, которая въ 1628 г. носила названіе *Тайничнаго роската*, а въ 1655-мъ—*Тайничной башни*. Въ документахъ читаемъ о ней:

Опись 1628 [1]):

«На Тайничномъ роскатѣ отъ Волхова пищаль полковая . . . . . ».

Опись 1655 г. [2]):

«Башня Тайничная каменная, отъ подшвы вверхъ 4 сажени, въ длину 5 саженъ съ полусаженью, толщина 2 сажени; и та башня стоитъ безъ кровли и вся до подошвы отъ каменной стѣны отсѣла больше сажени и отвисла. И только тое башни вскорѣ не разобрать и вновь не устроить, и та Тайничная башня вскорѣ вся безъ остатку до подшвы обвалится въ рѣку Волховъ, и колодезь въ той Тайничной башнѣ обрушится и вода каменьемъ и известью и пескомъ засыплется. А колодезь подъ той башней съ водою, а вода въ тотъ тайникъ и въ колодезь проведена была трубами изъ рѣки Волхова, и тѣ трубы не почищены и нынѣ засыпались и воды въ томъ Тайничномъ колодезѣ нѣтъ. А надъ тѣмъ колодеземъ въ той башнѣ своды каменные, а около того колодезя мостъ намощенъ плитою. И отъ того колодезя въ каменный городъ въ палатку выведенъ тайникъ противъ стѣны, въ длину въ 3 сажени, а стѣны и своды и лѣстница у того тайника каменныя, а полатка, въ которую тотъ тайникъ проведенъ, въ длину 4 сажени, поперегъ въ сажень, вверхъ полдвѣ сажени, а стѣна толщиною полсажени. А надъ тою полаткою были рубленые тарасы деревянные и покрыта была полатка тесомъ и дерномъ, и та кровля вся безъ остатку обвалилась и тайникъ и полатка отъ мокроты сыплется розно и вода въ колодезѣ землею засыпалась. А опричъ того тайника воды въ каменномъ городѣ нигдѣ нѣтъ».

Опись 1665—1667 г. [3]):

«Тайничная круглая каменная глухая башня, отъ рѣки отъ Волхова вверхъ 3 сажени, въ длину и поперегъ по 5 саженъ; и та башня вся до подошвы отъ каменные стѣны осѣла сверху на $1^1/_2$ сажени, а у подошвы на $^1/_2$ сажени, а стоитъ безъ кровли и отъ дожжу и отъ снѣгу отъ мокроты съ обѣ стороны сыплется розно. А подъ тою башнею тайникъ, а въ немъ колодезь съ водою и сверху надъ колодеземъ своды каменные; а въ тотъ тайникъ изъ каменнаго города входъ полаткою и лѣстница каменная, и только той башнѣ до подошвы не разобрать и вновь вскорѣ не сдѣлать и та башня вся безъ остатку до подошвы обвалится въ рѣку Волховъ и вода въ томъ тайникѣ въ колодезѣ каменьемъ засыплется и въ осадное время въ Ладогѣ въ каменномъ городѣ воды не будетъ, потому что иного колодезя и воды въ каменномъ городѣ опрочѣ тайничного колодезя нѣтъ».

Опись 1676 г. [4]):

«Тайничная каменная башня въ ширину 6 саженъ, и та башня по указу великого государя розобрана сверху по нижней сводъ, для того что начала валиться и сыпаться въ рѣку Волховъ. А то полое мѣсто зарублено вновь деревянною стѣною и та стѣна въ вышину пять саженъ съ

---

[1]) См. Приложеніе VIII.
[2]) См. Приложеніе IX.
[3]) См. Приложеніе XII.
[4]) См. Приложеніе XIII.

полъ сажени. Да подъ той башней колодезь, а вода проведена съ рѣки Волхова, и тотъ колодезь землею и каменьемъ засыпало, только надобно вычистить, въ нужное время въ городѣ водою будетъ скудно».

Опись 1685 г. [1]):

«А подъ ту башню къ колодезю выкладено было по обѣ стороны стѣна каменная и та стѣна тожъ обвалилась и окна каменьемъ и землею засыпало и заросли и подошва у тое башни отсѣла и валится въ рѣку Волховъ».

Опись 1692 г. [2]):

«И та башня въ прошломъ въ 180 году по нижней сводъ разобрана».

Опись 1697 г. [3]):

«И осталой нижній сводъ тое башни сыплется и валится въ рѣку Волховъ».

Кромѣ того, въ тѣхъ-же источникахъ приводятся нѣсколько данныхъ и объ участкахъ крѣпостной ограды, примыкавшихъ съ обѣихъ сторонъ къ Тайничной башнѣ, а именно:

1. О сѣверномъ (т. е. до Стрѣлочной башни).

Опись 1655 г.:

«Отъ той Стрѣлочной башни до Тайничной каменной башни подлѣ рѣки Волхова, прясло каменной стѣны, въ длину по стѣнѣ 23 сажени, вверхъ стѣна отъ подшвы и съ зубцами 5¹/₄ саженъ; и та стѣна осыпалась во всю стѣну на ¹/₂ сажени; а стоитъ та стѣна безъ кровли, а нынѣ то достальное каменной стѣны прясло сыплется розно и валится въ рѣку Волховъ».

Опись 1655—1667 г.:

«Прясло каменные стѣны, стоитъ непокрыто безъ кровли, въ длину по стѣнѣ 18 саженъ, вышина стѣнѣ отъ рѣки отъ Волхова полчетверты сажени, толстина въ сажень съ четвертью; а подошвенные бои у тое стѣнѣ землею засыпались заросли, и то прясло все обвисло въ рѣку въ Волховъ, а отъ мокроты каменье сыплется розно на обѣ стороны».

Въ свѣдѣніяхъ 1676 г. и послѣдующихъ, упомянутые размѣры показываются опять нѣсколько иначе, а именно: длина стѣны 23¹/₂ саж., толщина 1¹/₂ саж. и вышина 5¹/₂ саж., причемъ относительно послѣдней въ 1677 и 1685 г. поясняется, что таковая считана — «и съ зубцами», о состояніи же ограды приводятся слѣдующія свѣдѣнія:

Въ 1677 г.:

«И то прясло отъ мокроты безъ кровли сыплется въ рѣку Волховъ и въ городъ».

Въ 1685 г.:

«И то прясло отъ мокроты и до подошвы половина стѣны осыпается въ рѣку Волховъ и въ городъ и верхніе бои землею и каменьемъ засыпало и заросли».

---

[1]) См. прилож. XIV.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Тамъ-же.

Въ 1692 г.:

«И то прясло отвалилось въ рѣку Волховъ и въ городъ и верхнiй бой камнемъ и землею засыпало и заросло травою и то полое мѣсто зарублено было тарасами и тѣ тарасы огнили и обвалились въ рѣку Волховъ».

2. Объ южномъ (т. е. до башни юго-восточной, Роскатной):

Опись 1655 г.:

«Отъ тое Тайничной башни до большого каменного роскату, подлѣ рѣки Волхова, по валу прясло деревянное, рубленыя стѣны въ длину 28 саженъ, и та деревянная стѣна стоитъ безъ кровли. А прежъ сего по тому мѣсту была каменная стѣна, и та каменная стѣна вся до подошвы обвалилась въ рѣку въ Волховъ безъ остатку, а каменная подшва у той стѣны цѣла, а съ подшвы вверхъ та каменная стѣна была вышиною и съ зубцами 5¼ саженъ, а поперегъ тое стѣны была толщина полдвѣ сажени».

Опись 1665—1667 г.:

«Городовые деревянные рубленые стѣны съ тарасы прясло, въ длину 29 саженъ, а та деревянная стѣна стоитъ безъ кровли и огнила и развалилась, а прежъ сего по тому мѣсту была каменная стѣна и та стѣна вся обвалилась въ рѣку Волховъ безъ остатку».

Опись 1676 г.:

«Прясло подлѣ рѣки Волхова въ длину 38 саженъ съ полусаженью, а на томъ пряслѣ бывала каменная стѣна и та стѣна въ прошлыхъ годѣхъ обвалилась въ рѣку Волховъ безъ остатку, а въ то мѣсто поставлена была деревянная рубленая стѣна и вся огнила и развалилась».

Въ свѣдѣнiяхъ послѣдующихъ годовъ длина стѣны и проч. повторяются тѣ-же, что и въ 1676-мъ.

в) *Факты, обнаруженные раскопками.*

Состоянiе полнаго разрушенiя, представляемое нынѣ восточнымъ фасомъ, давало мало надеждъ на открытiе здѣсь раскопками какихъ-либо новыхъ, дополнительныхъ къ вышеизложенному подробностей, почему принимая во вниманiе значительное превышенiе поверхности городища надъ уровнемъ рѣки, оставалось попытаться лишь открыть въ глубинѣ материка его какiе-либо остатки вышеупомянутаго подземнаго сооруженiя — «тайника», быть можетъ, еще тамъ сохранившiеся. Съ этой цѣлью раскопки были начаты непосредственно на мѣстѣ бывшей Тайничной башни, гдѣ, какъ уже сказано, находилась большая сѣдловина, покато спускавшаяся къ Волхову. Вскорѣ по начатiи работъ, среди этой сѣдловины былъ обнаруженъ незначительный остатокъ каменной сводчатой перемычки, при окапыванiи которой оказались по бокамъ двѣ каменныхъ параллельныхъ стѣны, шедшихъ по направленiю къ рѣкѣ, а между ними (на три аршина глубже) ступени каменной лѣстницы, спускавшейся туда-же. Очевидно, что здѣсь были найдены остатки именно того тайника, который велъ къ колодцу подъ башней. При дальнѣйшемъ производствѣ раскопокъ на Востокъ и

Западъ отъ перемычки, открылась и вся лѣстница, имѣвшая въ ширину 4 аршина и составлявшая одинъ маршъ въ 21 ступень, на протяженіи 4 саженъ (табл. XIV). Табл. XIV.

Лѣстница сохранилась хорошо до самаго низа, но боковыя стѣны въ нижней половинѣ ея совершенно уже разрушились, такъ что здѣсь вмѣсто нихъ остались лишь груды щебня и мусора. У нижняго конца лѣстницы (на два аршина впереди его) былъ открытъ врытый въ материкъ древній дубовый срубъ, состоявшій изъ 8 вѣнцовъ и имѣвшій два аршина въ поперечникѣ. Срубъ оказался заваленнымъ колодцемъ (въ два аршина глубиною), дно котораго состояло изъ крѣпкаго бѣлаго песчаника, причемъ верхній уровень колодца находился на 1½ арш. ниже конца лѣстницы, такъ что между ними былъ

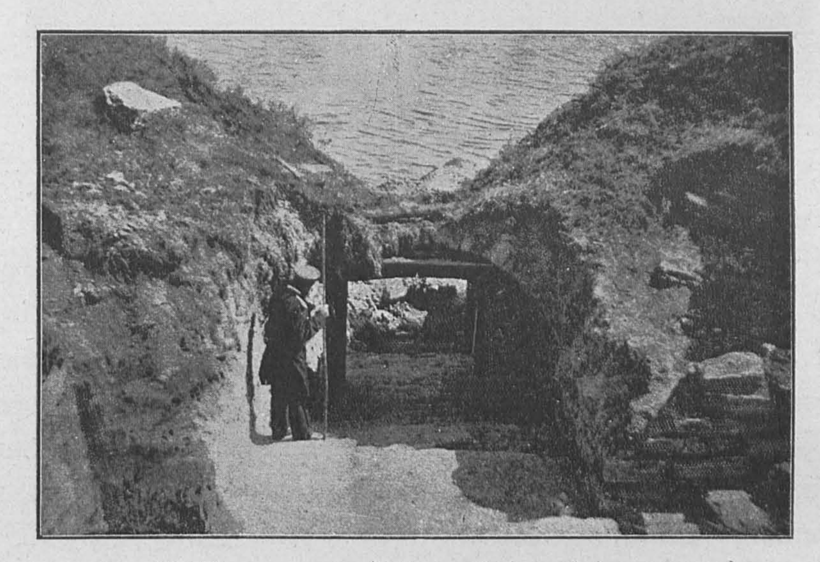

Рис. 16. Лѣстница подъ Тайничной башней (видъ сверху).

устроенъ еще приступокъ изъ валуновъ. По раскопкѣ верхняго конца лѣстницы, онъ оказался выходящимъ на небольшую прямоугольную, вымощенную плитами площадку, находившуюся около двухъ аршинъ ниже поверхности городища и обнесенную остатками стѣнъ, сложенныхъ изъ плитъ на извести, въ южной же сторонѣ площадки находилась еще небольшая (въ 8 ступеней) каменная лѣстница, выводившая на поверхность городища (см. рис. 17).

Такимъ образомъ, въ общемъ обнаружился весь планъ бывшаго здѣсь тайника (табл. XXXIV и XXXV), причемъ открытая вначалѣ каменная перемычка (въ верхней части главной лѣстницы) очевидно представляла незначительный остатокъ покрывавшаго весь спускъ «нижняго свода» башни, по который послѣдняя была разобрана въ 1672 году, а площадка—остатки упоминаемой въ древнихъ описяхъ «полатки», служившей входомъ въ самый тайникъ. Остается Табл. XXXIV и XXXV.

Рис. 17. Выходная лѣстница изъ полатки—у Тайничной башни.

прибавить еще, что около указаннаго колодца (южнѣе его), среди огромной груды щебня, составляющаго отлогость самой сѣдловины, удалось найти остатки кладки башенной подошвы, въ видѣ прямаго, двухъаршиннаго, облицованнаго плитою выступа, перпендикулярно выдававшагося изъ сосѣдней ограды; остатки послѣдней здѣсь еще сохранились въ нижнихъ частяхъ своихъ, такъ что можно различить наружную облицованную ея поверхность, ниже которой въ грунтѣ берега лежитъ, неглубоко впрочемъ, бутовая кладка (безъ облицовки)—какъ-бы небольшой фундаментъ. Такимъ образомъ, упомянутый выступъ представляетъ слѣдъ исчезнувшей башни, имѣвшей, по показанію документовъ, закругленное очертаніе (см. табл. XXXIV).

Что касается непосредственно остатковъ самой ограды, то на восточномъ фасѣ представилась возможность сдѣлать въ одномъ мѣстѣ не безъинтересное наблюденіе надъ внутренностью стѣнной кладки. Близь Стрѣлочной башни, почти въ самой подошвѣ ограды находилось небольшое (около фута) неправильное отверстіе, изъ котораго замѣтно тянуло холоднымъ воздухомъ, такъ что могло даже рождаться предположеніе, не скрывается-ли въ глубинѣ за отверстіемъ какой-либо пустоты. Въ виду этого кругомъ отверстія было выломано изъ кладки нѣсколько валуновъ и, такъ какъ за ними оказалась лишь земля, перемѣшанная съ щебнемъ и каменьями, явилась возможность углубиться и далѣе, почти на цѣлую сажень; при этомъ обнаружилось, что внутри подошва стѣнной кладки шла наклонно вверхъ, такъ что надъ выбранной пустотой получился какъ-бы родъ наклоннаго къ низу каменнаго потолка, или ската, круто спускающагося къ наружному краю подошвы и состоявшаго изъ

крупныхъ камней, связанныхъ известью. Очевидно, такимъ образомъ, что и на восточномъ фасѣ стѣна представляла лишь родъ каменной коры, скошенной сзади соотвѣтственно прикрываемому ею земляному откосу и постепенно поэтому къ низу утонявшейся, т. е. что и здѣсь приложенъ строителями тотъ-же прiемъ, на который было указываемо ранѣе, при описанiи западнаго фаса городища.

При описанныхъ работахъ по открытiю тайника, было также сдѣлано нѣсколько находокъ, относящихся впрочемъ къ разнымъ эпохамъ; такъ, между прочимъ, найденъ зубъ медвѣдя съ начатой въ немъ сверлиной и небольшой каменный дискъ съ отверстiемъ въ центрѣ, т. е. предметы, могущiе быть относимыми еще къ доисторической эпохѣ той-же мѣстности, но въ томъ-же завалѣ оказалась и мѣдная полушка 1735 г.; на днѣ упомянутаго выше колодца найдена древняя желѣзная коса, очевидно попавшая туда не позже XVII столѣтiя, когда онъ не былъ еще засыпанъ, и проч. [1]).

Къ вышеизложенному о восточномъ фасѣ можно прибавить, что при новыхъ повѣрочныхъ работахъ 1893 года, для снятiя чертежей городища [2]), были обнаружены въ развалинахъ стѣны на сѣверномъ ея участкѣ (т. е. между Тайничной и Стрѣлочной башнями) еще слѣды или остатки шести амбразуръ, а въ участкѣ южномъ (близь юго-восточной Роскатной башни) того-же фаса при обнаженiи стѣны открыты слѣды какого-то прохода со двора крѣпости и ступенчатаго всхода снаружи стѣны (со стороны Волхова) (Табл. XV), остающiеся совершенно загадочными въ конструктивномъ отношенiи, если только не допустить въ нихъ какихъ либо приспособленiй позднѣйшаго времени (напр. схода къ рѣкѣ и т. под.). Табл. XV.

г) Данныя для реставрацiи, почерпаемыя изъ прежнихъ указанiй, дополнительно къ результатамъ, добытымъ раскопками, и общiе заключительные выводы.

Относительно башни:

1. На башнѣ существовалъ роскатъ (оп. 1628 и 1655 г.).

2. Башня была круглая и имѣла кровлю (оп. 1665—67 г.).

3. Подъ башнею былъ тайникъ къ колодцу, покрытому каменнымъ сводомъ (оп. 1655 г. и др.).

---

[1]) Большинство вещей не представляетъ археологическаго интереса (обломки неизвѣстныхъ желѣзныхъ предметовъ, слюдяныя фонарныя оконца, костяной гребень и т. под.), нѣкоторое же вниманiе обращаетъ часть большой желѣзной привязной шпоры, вѣроятно современной занятiю крѣпости иноземцами во время смутъ начала XVII стол., и особый типъ желѣзной заклепки, встрѣчавшiйся неоднократно при раскопкахъ кургановъ въ южномъ Приладожьѣ.

[2]) См. пояснительную къ чертежамъ записку В. В. Суслова, въ особомъ приложенiи; еще нѣкоторыя подробности, обнаруженныя этими работами, помѣщены согласно запискѣ на табл. XXXV и XXXVI. Табл. XXXV и XXXVI.

4. Входъ въ тайникъ былъ изъ особой каменной пристройки съ тыла башни (оп. 1655 и 1665—67 г.).

Относительно прилегавшихъ участковъ ограды:

5. Стѣны были съ зубцами (оп. 1655, 1677 и 1685 г.).

6. Въ стѣнахъ были подошвенные бои (амбразуры съ бойницами) (оп. 1665—67 г.); въ свѣдѣніяхъ 1685—1692 г. бои названы «верхними».

7. Стѣны были покрыты кровлями.

Несмотря на всю важность вышеизложенныхъ данныхъ, первоначальное возстановленіе восточнаго фаса встрѣчаетъ все таки болѣе или менѣе значительныя затрудненія, такъ какъ въ конструктивномъ отношеніи оно остается не яснымъ.

Прежде всего необходимо остановиться на сравнительно древнѣйшемъ названіи самой башни, именуемой еще въ 1628 г. «Тайничнымъ роскатомъ», что можетъ наводить на нѣкоторыя соображенія.

Названіе башни «Тайничною» объусловливалось, какъ можно видѣть изъ вышеизложеннаго, существованіемъ въ ней скрытаго хода (тайника) къ водяному резервуару, или колодцу, для снабженія гарнизона крѣпости водою (въ случаѣ обложенія непріятелемъ), что не представляетъ ничего исключительнаго, такъ какъ подобный конструктивный пріемъ былъ въ нашемъ военномъ зодчествѣ общеупотребительнымъ [1]), что же касается названія башни «роскатомъ», то таковое неизбѣжно приводитъ къ заключенію о существованіи на верху ея приспособленія для открытой обороны,—площадки, обнесенной парапетомъ или зубцами, позже примѣненной для установки огнестрѣльныхъ орудій, т. е. обращенной въ роскатъ.

Подъ «роскатомъ» у насъ въ древности собственно разумѣлось особое возвышенное мѣсто, для открытой установки пушекъ [2]), т. е. нѣчто въ родѣ

[1]) Такъ въ 1485 г.—«Заложена бысть на Москвѣ на рѣкѣ стрѣлница, а подъ стрѣлницею выведенъ тайникъ, а поставилъ ее Онтонъ Фрязинъ». Въ 1488-мъ—«Заложи Онтонъ Фрязинъ стрѣлницу вверхъ по Москвѣ, гдѣ стояла Свиблова стрѣлница, а подъ нею вывелъ тайникъ» (Полн. собр. лѣтоп., т. VIII, 216 217). Въ описи Брянска 1684 г.—«Башня Тайничная четвероугольная..., а подъ тою башнею сдѣланъ былъ тайникъ, проведенъ былъ къ колодцю...» (Дополн. акт. ист., т. XI, № 81).

[2]) Такъ въ 1688 г. въ Москвѣ, около Спасскихъ воротъ въ Китаѣ городѣ, велѣно было—«Построить роскатъ и на томъ роскатѣ поставить двѣ пушки, а подъ тѣмъ роскатомъ сдѣлать погребы и лавки, а дѣлать роскатъ въ каменныхъ припасѣхъ» (Акты истор., т. V, № 158); вѣроятно о томъ-же читается и въ 1695 г.:—«Въ Китаѣ—городѣ у Лобнаго мѣста на роскатѣ пушка Царева (Царь пушка), ядро каменное вѣсомъ 52 фунта..., вѣсу въ ней 2400 пудовъ; пушка Павлинъ, ядро каменное вѣсомъ 15 пудовъ..., вѣсу въ ней 1020 пудовъ» (Приходорасходная книга Пушечнаго двора 1695 г., рукопись Историческаго Артил. Музея въ С.-Петербургѣ). Объ укрѣпленіяхъ Кіева 1677 г. говорится (при описи вала): «Отъ того мѣста

крѣпостнаго валганга, или батареи нашего времени, для стрѣльбы черезъ банкъ, и такъ какъ подобные роскаты устраивались не только въ разныхъ мѣстахъ на протяженіи крѣпостной ограды [1]), но и на самыхъ башняхъ [2]), то и въ данномъ случаѣ названіе Тайничной башни «Тайничнымъ роскатомъ» получаетъ надлежащее объясненіе, подобно тому (какъ увидимъ далѣе) и юго-восточная башня городища (Роскатная) носила названіе «Большого роската».

Этимъ обстоятельствомъ, въ связи съ вѣроятными размѣрами башни въ вышину, объусловливается, что Тайничная башня должна была быть одноэтажною, т. е. что въ ней надъ тайникомъ существовалъ еще только одинъ закрытый ярусъ. Соображенія, приводящія къ этому заключаются въ слѣдующемъ:

Описи 1655 и 1665—67 г., какъ самыя важныя въ данномъ случаѣ, ибо составлены въ то время, когда башня еще существовала, передаютъ, что вышина послѣдней была по одной 4 сажени, по другой—всего 3, а въ опредѣленіи прилегавшаго къ ней сѣвернаго участка ограды расходятся еще болѣе: въ 1655 г. таковая означена $5^1/_4$, а въ 1665—67 г. лишь $3^1/_2$ сажени, т. е. въ обоихъ случаяхъ выходитъ, что башня была ниже сосѣднихъ съ нею крѣпостныхъ стѣнъ! Кромѣ того оказывается, что при подобныхъ размѣрахъ ея, она едва командовала надъ превышеніемъ самаго городища, или другими словами—надъ горизонтомъ внутренности послѣдняго [3]); допустить то или другое нѣтъ никакого вѣроятія [4]). Принимая во вниманіе, что опись 1665—67 г. вообще нерѣдко грѣшитъ въ своихъ цифровыхъ данныхъ, нельзя остановиться и на приводимыхъ ею размѣрахъ, но трудно принять также и цифру, сообщаемую въ 1655 г. (4 сажени); исходя

роскатъ кругомъ 15 саженъ, а на роскатѣ старые деревянные рубленые обламы розвалились и вмѣсто тѣхъ деревянныхъ обламовъ доведется быть земляному бою» (Дополн. акт. историч., т. VII, № 28).

[1]) Такъ въ Новгородѣ въ 1649 г.—«Пищаль полуторная стояла на деревянномъ роскатѣ, а нынѣ перенесена въ Покровскую башню». Въ Кіевѣ въ 1677 г. (см. в.)—«А отъ того роскату до Вылазныхъ воротъ въ длину 31 саженъ..., а отъ того мѣста въ длину 12 саженъ до Уголнаго роскату...; кругомъ того роскату 11 саженъ стоячей тынъ гнилъ». Въ Псковѣ въ 1683 г.— «По городу и по воротамъ и по башнямъ и въ роскатѣхъ наряду: на Егорьевскихъ воротахъ на роскатѣ пищаль Волконетъ, да двѣ пищали мѣдныя полковыя...; да на большомъ роскатѣ межъ Васильевскихъ и Плоскихъ воротъ пищаль...» (Дополн. акт. ист., т. III, № 53; т. VII, № 28; т. X, № 96).

[2]) Напр. въ Тулѣ въ 1676 г.: «Башня Ивановская, а на верху тое башни роскатъ рубленой, а на роскатѣ пищаль мѣдная, вѣсу 148 пудовъ» (Дополн. акт. истор., т. IX, № 13).

[3]) Напр. на западномъ фасѣ (см. Воротную башню) это превышеніе составляетъ не менѣе 7 аршинъ, что видно изъ промѣровъ башни отъ подошвы ея нижнихъ амбразуръ, до начала фундамента.

[4]) Ничего подобнаго нельзя замѣтить и на рисункѣ у Олеарія.

изъ того положенія, что верхъ башни вѣнчался роскатомъ, должно съ большимъ вѣроятіемъ допустить, что она, по меньшей мѣрѣ, имѣла такую-же вышину, какъ и прилегавшія къ ней стѣны ограды, что можетъ находить подтвержденіе и въ размѣрахъ сосѣдней юго-восточной башни Роскатной (также вѣнчавшейся роскатомъ), о которой въ современныхъ документахъ говорится еще, что она съ сосѣднимъ валомъ южнаго фаса—«наровно». Эта вышина стѣнъ ограды около Тайничной башни была, по имѣющимся указаніямъ, отъ $5^1/_4$—$5^1/_2$ саженъ [1]), слѣдов. менѣе того-же не могла быть и самая башня [2]), но возможно, что послѣдняя равнялась аналогичной съ нею башнѣ Роскатной, т. е. имѣла въ вышину до 6 саж., не считая еще зубцовъ, ее вѣнчавшихъ.

Какъ бы то ни было, но и при вышинѣ въ 6 саженъ командованіе башни надъ дворомъ равнялось едва 3 саженямъ, а такъ какъ входъ въ тайникъ находился почти на уровнѣ двора, то надъ этимъ входомъ едва-ли могло оставаться еще мѣсто для двухъ закрытыхъ ярусовъ, почему башню слѣдуетъ возстановить какъ одноэтажную.

По свѣдѣніямъ 1665 — 1667 года размѣры ея-же по фасаду и въ глубину были одинаковы — «въ длину и поперегъ по 5 саженъ», въ 1655-же длина показана $5^1/_2$, а въ 1676-мъ—«ширина» 6 саженъ; послѣднія двѣ цифры обозначаютъ, слѣдовательно, въ соотвѣтственные имъ годы и глубину башни. Ихъ-же надобно признать и за болѣе вѣроятныя, т. е. что поперечникъ башни во всѣ стороны былъ отъ $5^1/_2$— 6 саж., такъ какъ иначе изъ разсчета длины всего тайника съ колодцемъ получается, что при поперечникѣ въ 5 саженъ толщина наружной стѣны, ограждавшей колодезь со стороны Волхова, была-бы всего около одного аршина [3]).

Мѣстоположеніе башни опредѣляется совершенно точно, на основаніи найденныхъ, уже слѣдовъ ея основанія съ южной стороны колодца, причемъ

---

[1]) Кромѣ свѣдѣній 1665—67 г., опредѣляющихъ ту-же вышину всего въ $3^1/_2$ сажени,— цифра болѣе чѣмъ сомнительная.

[2]) Такъ напр. въ свѣдѣніяхъ 1676 г. говорится, что по сломкѣ башни оставшееся пустое мѣсто было заполнено деревянною стѣною, вышиною въ $5^1/_2$ саженъ.

[3]) Наружный (западный) край упоминавшейся выше перемычки (см. описаніе раскопокъ на восточномъ фасѣ) видимо находится у начала бывшей здѣсь башенной стѣны, гдѣ къ послѣдней примыкала входная въ тайникъ «полатка», и представляетъ начало свода, покрывавшаго ниже всю лѣстницу, такъ какъ у этого края ясно оканчивается и пята свода. Разстояніе отсюда (т. е. отъ тыла башни) до начала колодца, составляетъ немного менѣе 12 аршинъ по горизонту (4,1 саж. измѣряя по наклону спуска), прибавляя къ чему ширину колодца (т. е. 2 арш.) получается всего до 14 аршинъ; отсюда изъ 5 саженъ остается для стѣнки лишь около 1 аршина. При поперечникѣ же башни $5^1/_2$ — 6 саж., таковая получается отъ $2^1/_2$ — 4 арш., что конечно болѣе вѣроятно.

изъ современныхъ документовъ извѣстно, что она имѣла закругленную форму. Опись 1655 года упоминаетъ еще о «толщинѣ» башни, которая равнялась 2 саженямъ, что должно понимать какъ указаніе на величину выступа самой башни изъ прилегавшихъ стѣнъ ограды, а такъ какъ послѣднія имѣли здѣсь около 1½ саж., то слѣдовательно тылъ башни представлялъ также выступъ и съ внутренней стороны ограды, т. е. не совпадалъ съ линіей смежныхъ стѣнъ ея.

Башня, какъ уже сказано, имѣла (кромѣ тайника), по всей вѣроятности, еще одинъ закрытый этажъ, расположенный на уровнѣ, или немного выше, внутренняго двора городища, и, безъ сомнѣнія, приспособленный для обороны изъ устроенныхъ въ немъ амбразуръ, число которыхъ должно было быть не менѣе трехъ (во всѣ три стороны), верхъ же самой башни вѣнчался, подобно сосѣдней Роскатной, зубцами въ сажень вышиною, окружавшими роскатъ, или площадку на ея вершинѣ и, такимъ образомъ, получалась двухъярусная оборона. Что касается входовъ въ башню, то таковыхъ, по всей вѣроятности, было два: одинъ сквозь пристроенную къ тылу ея каменную полатку велъ въ тайникъ съ колодцемъ, другой же, какъ и во всѣхъ прочихъ башняхъ городища, долженъ былъ со двора послѣдняго вести прямо въ закрытый второй этажъ (верхній) и слѣдовательно могъ быть расположенъ надъ упомянутой полаткой, въ связи съ чѣмъ, быть можетъ находилось и самое устройство послѣдней. Что-же касается входа на самый роскатъ, или на вершину башни, то возможно, что онъ былъ прямо съ прилегавшихъ смежныхъ участковъ стѣнъ ограды, подобно тому, какъ и на слѣдующей башнѣ, юго-восточной («Большомъ роскатѣ»), могла также существовать и внутренняя каменная лѣстница.

Остается замѣтить еще о той-же полаткѣ, что она по свѣдѣніямъ 1655 г. имѣла въ вышину 1½ сажени, была покрыта тесомъ и дерномъ и что на ней еще были помѣщены деревянные тарасы, назначеніе которыхъ въ данномъ случаѣ остается совершенно неяснымъ; кромѣ того, полатка была углублена въ грунтъ городища и ступенчатый спускъ въ нее былъ не съ тыла, а съ боку, что представляетъ нѣкоторыя особенности, быть можетъ, обусловливавшіяся частью указаннымъ расположеніемъ входа въ средній этажъ башни, частью же, вѣроятно, необходимостью сохранить извѣстный опредѣленный уклонъ спуска (лѣстницы) къ колодцу въ башнѣ, для выигрыша помѣщенія внутри послѣдней въ вышину и облегченія выноса воды, въ виду чего выходной пролетъ тайника оказывался отчасти ниже уровня двора городища.

Наконецъ можно прибавить, что верхъ башни, вѣроятно, былъ покрытъ конической деревянной крышей, какъ о томъ можно заключать изъ имѣю-

щихся свѣдѣній [1]), и что самая башня существовала до 1672 г., въ которомъ ее пришлось разобрать почти до основанія, такъ какъ она стала угрожать неминуемымъ паденіемъ. Относительно прилегавшихъ къ башнѣ съ сѣвера и юга крѣпостныхъ стѣнъ извѣстно, что южный участокъ не существовалъ уже въ 1655 г. и былъ замѣненъ деревянными срубами, сѣверный же хотя, въ то время и былъ уже близокъ къ окончательному разрушенію, но еще держался и, повидимому, развалился около 1685 года, по крайней мѣрѣ въ 1665—1667 еще приводятся размѣры толщины находившейся здѣсь стѣны и существовали (вѣроятно остатки) зубцы на ней; въ 1692 году, впрочемъ, показана уже исчезнувшею не только стѣна, но и замѣнявшіе ее деревянные тарасы. Немногія данныя, сохранившіяся объ этомъ сѣверномъ участкѣ, позволяютъ составить понятіе и объ южномъ, о которомъ не имѣется никакихъ свѣдѣній, такъ какъ конструкція обоихъ, вѣроятно, была довольно схожею.

Не останавливаясь особо на разницѣ въ показаніяхъ документовъ, относительно общей длины обоихъ участковъ [2]), какъ обстоятельствѣ второстепенномъ, въ виду существованія остатковъ двухъ башенъ, ограничивающихъ весь восточный фасъ [3]) и слѣдов. точно опредѣляющихъ его протяженіе, необходимо обратить вниманіе на упоминаніе тѣми-же документами — въ одномъ случаѣ «боевъ подошвенныхъ» (опись 1665—1667 г.), въ другомъ—«боевъ верхнихъ» (опись 1685 г. и др.), изъ чего можетъ какъ будто слѣдовать, что стѣна имѣла два ряда амбразуръ [4]). Но придерживаться буквальнаго смысла этихъ выраженій было-бы ошибочно, такъ какъ настоящее ихъ значеніе затемнѣно условностью употребленія обоихъ названій; въ одномъ случаѣ бои (амбразуры) называются подошвенными, очевидно, по отношенію ихъ къ внутренней сторонѣ стѣны, или къ уровню двора городища, на горизонтѣ котораго они находились и, слѣдовательно изнутри крѣпости они казались лежащими у подошвы возвышавшейся надъ дворомъ стѣны [5]), когда послѣдняя была еще сравнительно въ цѣлости (1665—1667 г.); въ другомъ случаѣ они-же называются верхними, очевидно по

[1]) На рисункѣ у Олеарія башня изображена безъ крыши, но какъ уже замѣчено, рисунокъ этотъ не во всемъ вѣренъ и носитъ болѣе характеръ схематическій.

[2]) Такъ, по свѣдѣніямъ 1665—1667 г. общая длина обоихъ показана 18+29=47 саженъ, по другимъ же 23½+38½=62 сажени; принимая, что въ послѣднюю цифру входитъ и протяженіе разобранной въ 1672 г. Тайничной башни (т. е. 6 саж.), выходитъ все-таки разность въ показаніяхъ документовъ на 9 саженъ!

[3]) Т. е. Стрѣлочной и юго-восточной Роскатной.

[4]) Принимать здѣсь за «верхній бой» зубцы, вѣнчавшіе стѣну, нельзя, по общему смыслу относящихся сюда документальныхъ извѣстій, ибо при разрушеніи стѣны зубцы конечно должны были обвалиться первыми, а не только лишь засориваться и засыпаться землею.

[5]) Какъ можно видѣть и понынѣ на западномъ фасѣ.

положенію своему съ лицевой стороны стѣны (со стороны Волхова), спускавшейся здѣсь гораздо ниже горизонта двора и слѣдовательно извнѣ крѣпости казались лежавшими высоко въ стѣнѣ, тѣмъ болѣе, что верхняя часть послѣдней въ то время потерпѣла уже сильное разрушеніе (1685 — 1692 г.). Не могло быть двухъ ярусовъ амбразуръ и въ силу самыхъ размѣровъ стѣны въ вышину, которая (см. ниже) опредѣляется въ 5½ саженъ [1]); не найдено никакихъ слѣдовъ нижнихъ амбразуръ и при изслѣдованіи восточнаго фаса; наконецъ, не существовало двухъ ярусовъ тѣхъ-же амбразуръ и на фасѣ западномъ, даже сравнительно болѣе доступномъ для непріятеля, хотя и тамъ упоминаются также «бои нижніе».

Такимъ образомъ, указанное несогласіе документовъ находитъ себѣ достаточное объясненіе.

Вышина стѣны отъ рѣки, во всѣхъ свѣдѣніяхъ показана 5¼—5½ саж. [2]), кромѣ описи 1665 — 1667 г., которая даетъ ей всего 3½ сажени, т. е. цифру не вѣроятную, по сравненію съ превышеніемъ самого берега, или уровнемъ внутренняго двора городища, почему должна быть принята первая; она будетъ согласоваться и съ указаніями 1676 г., передающими, что оставшееся въ серединѣ восточнаго фаса пустое мѣсто (послѣ сломки Тайничной башни) было забрано деревянною стѣною въ вышину на тѣ-же 5½ саженъ.

Толщина стѣны показывается документами около 4½ аршинъ, слѣдовательно, значительно менѣе, чѣмъ на западномъ фасѣ (что впрочемъ можетъ объясняться ея большею обезпеченностью со стороны Волхова), къ низу же, т. е. къ самой подошвѣ городища, стѣна изнутри была скошена, представляя родъ каменной, утоняющейся къ низу облицовки береговаго обрыва городища, опирающейся на небольшой фундаментъ. Поверхность стѣны была покрыта плитою, гребень же вѣнчался рядомъ каменныхъ зубцовъ (толщиною и вышиною въ сажень) и въ массивѣ ея (на уровнѣ горизонта внутренняго двора городища, были прорѣзаны нѣсколько амбразуръ, съ входами изъ крѣпостнаго двора. Число амбразуръ на южномъ участкѣ не извѣстно, но, по аналогіи со стѣною западнаго фаса, ихъ вѣроятно и здѣсь было три; что касается сѣвернаго участка, то раскопками открыто здѣсь двойное число амбразуръ, т. е. шесть, быть можетъ, въ видахъ усиленія обороны входа въ устье р. Ладожки. Начертаніе самой

---

[1]) По меньшей мѣрѣ 3 сажени приходятся на нижнюю часть (ниже горизонта двора городища), самая конструкція которой (см. стр. 186) исключаетъ возможность устройства амбразуръ; затѣмъ изъ остающейся вышины должны были занимать 2 сажени зубцы и существовавшій рядъ амбразуръ, почему для второй линіи послѣднихъ мѣста уже не достаетъ.

[2]) Считая таковую съ зубцами, согласно свѣдѣніямъ 1655, 1677 и 1685 годовъ.

стѣны (въ концѣ, примыкавшемъ къ сѣверной, Стрѣлочной башнѣ) представляло нѣкоторую кривизну, или небольшое закругленіе, симметричное съ таковымъ-же на сѣверной оконечности западнаго фаса и соотвѣтственно конфигураціи самаго мыса; наконецъ стѣна была покрыта по верху кровлею, имѣла двухъярусную фронтальную оборону (изъ амбразуръ и изъ-за зубцовъ) и могла фланкироваться изъ Тайничной башни.

Все сказанное примѣняется и къ участку южному, но послѣдній долженъ былъ имѣть начертаніе полигональное (прямолинейное), подобно тому, какъ то-же видно и на западномъ фасѣ.

Роскатная башня. Юго-восточный уголъ городища, находящійся непосредственно у Волхова, занятъ четвертой башней, составлявшей другую оконечность восточнаго фаса крѣпости (табл. IV), причемъ подошва башни лежитъ у самой воды.

Табл. IV.

а) *Современное состояніе (1884 г.).*

Современое состояніе башни снаружи довольно характерно, по неравномѣрности ея разрушенія, такъ какъ послѣднее, въ силу какихъ-то особыхъ условій, мало коснулось ея лицевой поверхности, на восточной (обращенной къ рѣкѣ) сторонѣ. Такимъ образомъ, башня, хотя уже лишилась своей верхней части, но тѣмъ не менѣе значительно сохранила свою внѣшность, тогда какъ напр. описанная выше Стрѣлочная, а равно и нижеслѣдующая (юго-западная) представляютъ лишь обнаженный, утратившій первоначальную форму остовъ, или оголенную внутреннюю кладку.

Табл. XVI и XVII.

Съ внѣшней стороны (восточной) остатки башни представляютъ и понынѣ правильное цилиндрообразное сооруженіе (табл. XVI и XVII), около 5 саж. вышиною, имѣющее два яруса и почти до самаго верха сохранившее свою наружную облицовку; южная сторона пострадала болѣе, значительная же часть сѣверной маскируется прилегающей осыпью бывшей стѣны восточнаго фаса ограды. На поверхности башни видны въ верхней ея части отверстія трехъ, а въ нижней— двухъ бойницъ, обращенныхъ въ разныя стороны и частью сохранившихся еще въ сравнительной цѣлости (кромѣ верхней южной), причемъ за отверстіями бойницъ нижняго яруса можно разсмотрѣть сводчатыя камеры, сплошь заплывшія изнутри землей и каменьями. Однако и на той-же лучше сохранившейся (восточной) сторонѣ ясно видны нѣсколькихъ вертикальныхъ, разной величины трещинъ, и въ числѣ ихъ три длинныхъ (до верхнихъ амбразуръ), изъ которыхъ средняя (надъ нижней восточной амбразурой) наиболѣе замѣтна.

Табл. XVIII.

Со стороны крѣпостнаго двора (табл. XVIII) стѣны башни открыты только въ сѣверной части, гдѣ онѣ имѣютъ около 2 саженъ превышенія надъ поверх-

ностью крѣпостнаго двора, остальная же часть тыла постройки маскируется осыпью и валомъ южнаго фасада городища. Черезъ ту-же осыпь можно изнутри крѣпости пройти и въ самую башню, которая заполнена землянымъ заваломъ, достигающимъ въ сѣверной сторонѣ до самаго ея гребня, а въ остальныхъ лишь до подошвы амбразуръ верхняго яруса; амбразуръ этихъ здѣсь три, но южная находится уже въ полномъ разрушеніи, представляя лишь незначительные остатки, въ видѣ неправильнаго полукруглаго пролета, съ едва держащейся надъ нимъ перемычкой бывшаго свода; остальныя двѣ амбразуры находятся сравнительно въ цѣлости и съ внѣшней стороны замкнуты выведенными въ нихъ поперечными каменными стѣнками съ бойницами. На западъ отъ южной амбразуры, почти съ ней рядомъ, видно темное четыреугольное отверстіе, наполовину заплывшее землей и щебнемъ и углубляющееся косвенно внизъ въ массивъ стѣны. Что касается гребня башни, то по немъ можно пройти лишь тамъ, гдѣ прилегаютъ земляныя осыпи (вообще лишь по сторонѣ обращенной внутрь городища), въ прочихъ же мѣстахъ, по причинѣ сильнаго и неравномѣрнаго разрушенія, гребень уже недоступенъ.

б) *Указанія прежнихъ временъ.*

На изображеніяхъ городища 1809 г. (Бороздинъ), можно замѣтить, что съ того времени наружный видъ башни измѣнился мало, на планѣ же верхняго этажа показаны три амбразуры съ бойницами, входъ въ башню со двора городища и внутренняя (въ стѣнѣ башни) ведущая внизъ лѣстница, намѣченная, впрочемъ, видимо лишь схематически [1]).

Изъ древнихъ источниковъ видно, что башня носила въ 1628 г. названіе *Большого роската*, встрѣчающееся и въ 1655-мъ; позже она именуется *Роскатной башней*, что, какъ будетъ показано ниже, имѣетъ свои причины. Въ документахъ того времени значится:

Опись 1628 г. [2]):

«На болшомъ роскатѣ пищаль полуторная.... На той-же башни другая пищаль полуторная-жъ....».

Опись 1655 г. [3]):

«Башня каменная роскатная [4]) наугольная круглая, подлѣ рѣки Волхова, межъ городовъ каменного и земляного; вышина башни вверхъ подшвы до зубцовъ 6 саженъ, въ длину и поперегъ по 8 саженъ, толщина стѣны 2 сажени. А на верху тое Роскатной башни нынѣ вмѣсто

---

[1]) Напр. повороты ея показаны совершенно невѣрно, конечно вслѣдствіе того, что башня и лѣстница въ то время были завалены.

[2]) Прилож. VIII.

[3]) Прилож. IX.

[4]) Ранѣе въ той-же описи она дважды названа «Большимъ каменнымъ роскатомъ».

зубцовъ стоятъ деревянные тарасы и тѣ тарасы огнили и развалились безъ остатку; вверхъ тѣ тарасы въ сажень; а стоитъ та Роскатная башня безъ кровли и отъ мокроты сыплется и валится розно».

Опись 1665—1667 г. [1]):

«Башня глухая каменная Роскатная круглая, вышиною въ полшесты сажени, вдоль и поперегъ во всѣ стороны по полдевяты сажени; толстина съ окнами въ верхнемъ бою въ 2 сажени, въ среднемъ бою въ 3 сажени, въ нижнемъ бою 4 сажени; а стоитъ та башня безъ кровли и отъ дожжу и отъ снѣгу отъ мокроты съ обоихъ сторонъ осыпалась на сажень по верхнiй бой».

Отъ тое Роскатной башни до Климентовской башни... земляной валъ съ Роскатною башнею наровно».

Опись 1676 г. [2]):

«Башня.... надъ рѣкою Волховомъ, въ ширину 8 саженъ съ полусаженью, въ вышину 6 саженъ безъ полуаршина; и та башня сверху сыплется».

Опись 1685 г. [3]):

«....И та башня отъ мокроты сверху до подошвы каменье сыплется и валится врознь».

Опись 1692 г. [4]):

«....Мѣрою вверхъ отъ подошвы 6 саженъ, поперегъ въ ширину 8 саженъ безъ полуаршина; на башнѣ кровли и мостовъ нѣтъ и та башня отъ мокроты сыплется вся врознь».

Примѣчанія: 1. Размѣры толщины стѣнъ башни, по свѣдѣніямъ 1665—1667 г., не соотвѣтствуютъ видимымъ нынѣ на сохранившихся частяхъ ея-же.

2. Свидѣтельства 1685 — 1692 г. о степени разрушенія башни не согласуются съ степенью ея сохранности даже по настоящее время и могутъ указывать вообще на извѣстную шаблонность самой редакціи описей.

в) *Факты, обнаруженные раскопками.*

Къ изслѣдованію башни было приступлено съ внутренней ея стороны, что представляло работу весьма трудную, такъ какъ для удаленія завала и каменьевъ можно было воспользоваться только одной южной амбразурой (уже полуразрушенной) верхняго этажа, причемъ нѣкоторые изъ обвалившихся камней оказывались такъ велики, что освободиться отъ нихъ можно было только разбиваніемъ ихъ на части спеціально призванными для того каменьщиками.

По снимкѣ верхнихъ слоевъ завала не замедлило оказаться, что въ западной сторонѣ башни долженъ существовать сохранившимся выходъ внутрь городища (наравнѣ съ горизонтомъ двора послѣдняго), но совершенно замаскированный валообразной осыпью, черезъ которую даже переходила протоптанная тропинка; въ этой осыпи (внутри башни) обнаружилась еще уцѣлѣвшая перемычка свода, а затѣмъ по раскопкѣ былъ открытъ и весь выходъ, прорѣзывавшій стѣну башни на СЗ. и вымощенный булыгами, причемъ у надворныхъ угловъ его

---

[1]) Прилож. XII.

[2]) Прилож. XIII.

[3]) Прилож. XIV.

[4]) Тамъ-же.

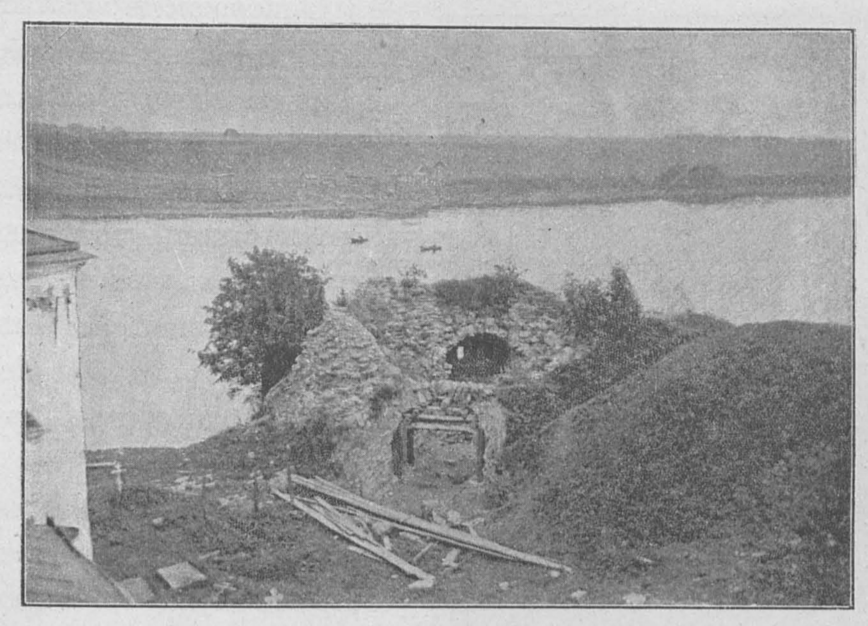

Рис. 18. Входъ въ Роскатную башню со стороны двора.

сохранились два желѣзныхъ крюка или устоя, для навѣски воротъ, запиравшихъ башню. Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось, что въ верхнемъ этажѣ послѣдней находились три полукруглыхъ сводчатыхъ амбразуры (соотвѣтственно виднѣвшимся снаружи бойницамъ), изъ которыхъ двѣ сохранились очень хорошо [1]), а отъ третьей (южной) уцѣлѣли только остатки. Обѣ упомянутыхъ амбразуры устроены исключительно изъ плиты и вымощены булыгами. Что касается состоянія стѣнъ башни, то поверхность ея представляетъ почти вездѣ уже обнаруженные камни внутренней кладки, кое гдѣ прикрытые растительностью, такъ что напр. въ ЮВ. сторонѣ видны задѣланныя въ кладку продольныя бревна.

---

[1]) Приводимъ здѣсь нѣкоторыя конструктивныя подробности, въ виду хорошей сохранности самихъ бойницъ.

Сѣверная: Вышина тыловаго отверстія 1 ар. 6 вер., ширина 1$^1/_2$ ар.; наклонъ внутреннихъ щекъ разный (лѣвая почти перпендикулярна къ поперечной стѣнѣ амбразуры, правая же сильно скошена, причемъ длина первой 1$^1/_4$ ар., длина второй 1 ар. 13 вер.). Вышина наружнаго отверстія равна тыловой, ширина же 1 ар. 9$^1/_2$ вер.; наклонъ наружныхъ щекъ также разный (лѣвая направлена вдоль восточнаго фаса городища, правая—на Волховъ, причемъ длина первой 2 ар. 3 вер., второй—1$^3/_4$ ар.). Ширина средняго пролета бойницы 6 вер., вышина же 1 ар. 1$^1/_2$ вер. (пролетъ въ верхней своей части перекрытъ еще плитою, что дѣлаетъ его ниже общей вышины бойницы). Наконецъ длина директрисы 3 ар. 5$^1/_2$ вер. Вся облицовка бойницы изъ плитъ.

Восточная: Вышина тыловаго отверстія 1 ар. 8$^1/_2$ вер., ширина 1 ар. 7$^1/_4$ вер.; длина щекъ 1 ар. 7 вер. Вышина наружнаго отверстія равна тыловой, ширина же 1 ар. 7$^1/_2$ вер.; длина щекъ 1 ар. 14 вер. Наклонъ щекъ наружныхъ и внутреннихъ одинаковый. Ширина средняго пролета 6$^1/_2$ вер., вышина 1 ар. 1 вер. (пролетъ также перекрытъ плитою, какъ и въ сѣверной). Длина директрисы 3 ар. 2 вер.; вышина стула бойницы 1 ар. Облицовка вся изъ плитъ.

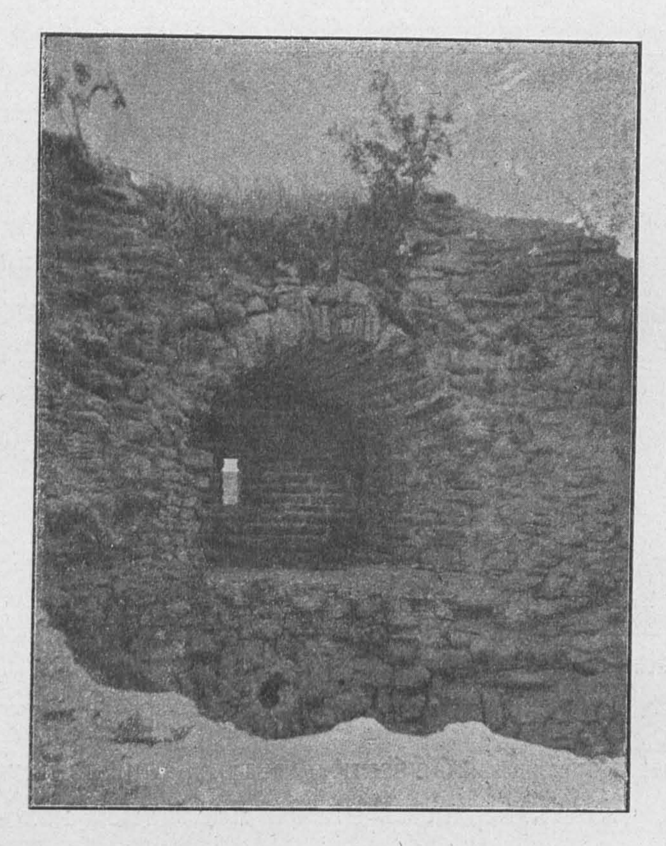

Рис. 19. Восточная амбразура верхняго этажа.

Одновременно съ тѣмъ-же шло и разслѣдованіе таинственнаго отверстія рядомъ съ южной амбразурой, очевидно представлявшаго начало узкой, спускавшейся куда-то внизъ лѣстницы, такъ какъ на верху оказались заплывшія мусоромъ каменныя ступени. Это была та самая лѣстница, существованіе которой служило одной изъ причинъ для пресловутыхъ мѣстныхъ легендъ о таинственныхъ подземельяхъ «Рюриковой крѣпости» и по которой было совершено уже описанное нисхожденіе А. Башуцкаго въ мнимые тайники Староладожской крѣпости (см. стр. 136). Для воображенія здѣсь дѣйствительно пищи было довольно, ибо даже и при настоящихъ раскопкахъ получалась обстановка съ романическимъ колоритомъ: глазамъ представлялся вѣявшій мракомъ и сыростью ступенчатый спускъ, въ которомъ едва можно было повернуться одному человѣку, вынужденному работать на колѣняхъ, при тускломъ свѣтѣ масляной лампочки; едва освѣщаемыя, покрытыя вѣковой плѣсенью стѣны, съ нависшимъ сводчатымъ потолкомъ, уходили куда-то внизъ, куда уже не проникалъ лучъ дневнаго свѣта, неизвѣстность ожиданія и проч., все это невольно производило особое впечатлѣніе и настраивало воображеніе....; но скоро вся таинственность назначенія спуска не замедлила разсѣяться. По очисткѣ перваго марша лѣстницы, имѣвшаго направленіе прямо въ глубь стѣны (на югъ), за седьмой ступенькой оказалась площадка, съ которой слѣдующій маршъ повелъ уже на востокъ, а затѣмъ спустившись еще пятью ступенями, лѣстница опять повернула назадъ, по направленію или въ сторону верхняго входа (т. е. на сѣверъ) и здѣсь послѣдній маршъ ея (также въ семь ступеней) уперся внизу уже въ сплошной завалъ. Стало яснымъ, что она снова вышла во внутренность башни, и дѣйствительно, отсюда уже можно было разслышать гулъ производившихся на верху работъ, когда же была сдѣлана попытка проникнуть далѣе въ завалъ, то сверху внезапно произошелъ обвалъ и открылся дневной свѣтъ. Такимъ образомъ,

назначеніе лѣстницы опредѣлилось, какъ сообщеніе средняго этажа башни съ нижнимъ, причемъ никакихъ слѣдовъ дверей, о которыхъ ходило столько разсказовъ среди мѣстныхъ жителей, нигдѣ не оказалось.

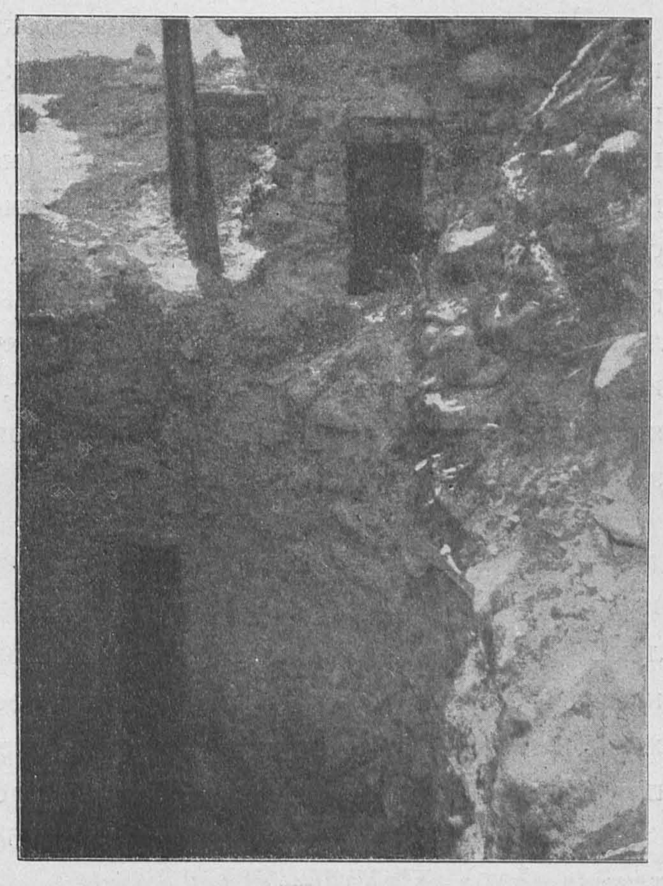

Рис. 20. Входъ и выходъ соединительной лѣстницы.

Дальнѣйшія раскопки въ башнѣ открыли весьма хорошо сохранившійся нижній этажъ ея, одинаковаго плана съ верхнимъ и отличавшійся отъ послѣдняго только отсутствіемъ наружнаго сообщенія и нѣсколько инымъ расположеніемъ башенныхъ амбразуръ, причемъ на внутренности башни сохранилась плитяная облицовка, а дно было заравнено къ одной сторонѣ кладкой изъ каменьевъ на извести, такъ какъ крѣпкій материковый песчаникъ подошвы представлялъ скатъ къ руслу Волхова. По очисткѣ всей внутренности башни, въ южной сторонѣ ея открылся выходъ, или нижній пролетъ упоминавшейся лѣстницы, нижній край котораго былъ аршина на полтора выше дна башни, а въ сѣв.-восточн. сторонѣ обнаружилась третья амбразура, устье которой извнѣ маскировалось осыпью и потому не было видно. Благодаря этой осыпи, прикрывавшей низъ сѣверной стороны башенной стѣны, послѣдняя здѣсь снаружи сохранилась почти въ полной неприкосновенности [1]); уцѣлѣлъ даже полукруглый каменный карнизъ, опоясывавшій верхъ нѣсколько наклоннаго цоколя башни, которымъ, конечно, была обведена кругомъ вся послѣдняя.

---

[1]) Нѣкоторыя подробности конструкціи бойницъ нижняго этажа слѣдующія.

Сѣверная: Вышина тыловаго отверстія $1^1/_2$ ар., ширина 1 ар. 7 вер.; наклонъ щекъ разный (правая скошена болѣе) и длина ихъ: правой — 1 ар. $7^1/_2$ вер., лѣвой — 1 ар. 2 вер. Вышина наружнаго отверстія=тыловой, ширина-же 1 ар. $8^1/_2$ вер.; длина правой щеки 1 ар. $11^3/_4$ вер.; лѣвой = 2 ар. $1^3/_4$ вер. Ширина средняго пролета бойницы $5^1/_2$ вер., вышина 1 ар. $1^1/_2$ вер. (пролетъ перекрытъ въ верхней своей части еще камнемъ, что дѣлаетъ его ниже общей вышины бойницы). Длина директрисы 3 ар. $3^1/_2$ вер. Облицовка бойницы вся изъ плитъ.

Что касается вещественныхъ находокъ, сдѣланныхъ здѣсь во время раскопокъ, то таковыя были крайне скудны. Въ верхнихъ слояхъ завала башни попадались мелкіе фрагменты древнихъ фресокъ, не имѣющихъ впрочемъ отношенія къ самой башнѣ [1]), а глубже (на уровнѣ подошвы верхняго этажа) найдено нѣсколько малозначущихъ предметовъ, какъ-то: скоба, или ручка отъ сундука, родъ длиннаго желѣзнаго шила, сапожная подковка, желѣзная пряжка, родъ большаго костянаго шила, горшечные черепки, ножъ, обломки желѣза и длинная мѣдная трубка неизвѣстнаго назначенія; при раскопкѣ же нижняго этажа найдены: желѣзный крюкъ (повидимому, для подвѣски котла), два чугунныхъ ядра и въ одной изъ амбразуръ — человѣческій черепъ, очевидно, впрочемъ, заброшенный сюда извнѣ башни [2]).

При новыхъ повѣрочныхъ работахъ 1893 г., для снятія чертежей городища [3]), были обнаружены на заплывшемъ осыпью гребнѣ башни остатки, или подошвы четырехъ амбразуръ третьяго ея этажа (Таб. XIX) и пролетъ, представляющій, быть можетъ, выходъ на прилегающую стѣну восточнаго фаса ограды крѣпости, а внутри самой башни открыты остатки каменной соединительной лѣстницы, ведшей изъ средняго этажа въ верхній, совершенно скрывавшіеся ранѣе подъ слоемъ затянувшей ихъ почвы и растительности.

Табл. XIX.

Результаты изслѣдованія Роскатной башни показаны на прилагаемыхъ чертежахъ (табл. XXXVII—XL).

Табл. XXXVII—XL.

г) *Данныя для реставраціи, почерпаемыя изъ прежнихъ указаній, дополнительно къ результатамъ, добытымъ раскопками, и общіе заключительные выводы.*

1. На башнѣ, вѣроятно, существовалъ роскатъ (опись 1628 г.).

Восточная: Сохранилась хуже и пролетъ поврежденъ. Вышина тыловаго отверстія 1 ар. 6½ вер., ширина 1 ар. 4 вер.; длина правой щеки 1 ар. 3½ вер., наклонъ щекъ одинаковый. Ширина наружнаго отверстія 1 ар. 8¾ вер., вышина=тыловой. Длина директрисы 2 ар. 5¾ вер. Облицовка бойницы вся изъ плитъ.

Южная бойница значительно уже повреждена.

[1]) Они принадлежали стѣнамъ древняго Георгіевскаго собора, находящагося здѣсь рядомъ, внутри городища, и представили собою новое печальное воспоминаніе о судьбѣ, постигшей эту драгоцѣнную живопись XII—XIII вѣка; какъ извѣстно, Георгіевскія фрески значительной частью были когда-то варварски отбиты отъ стѣнъ и въ качествѣ мусора свалены въ стоявшую рядомъ съ соборомъ Роскатную башню, откуда были растасканы мѣстными жителями. Покойный В. А. Прохоровъ безъуспѣшно старался составить что либо цѣлое изъ обломковъ этой росписной штукатурки, еще существовавшихъ въ его время.

[2]) Кромѣ того, при раскопкѣ наружной осыпи у сѣверной стороны башни, были также сдѣланы крайне разновременныя находки: каменное орудіе и головка обдѣланнаго бедра (б. м. человѣческаго) — представители культуры доисторическаго періода, а вмѣстѣ съ тѣмъ найдены и предметы позднѣйшихъ временъ: бѣловатая буса, пряжка, три желѣзныхъ кольца, сапожная подковка и довольно большой желѣзный ключъ.

[3]) См. пояснительную къ чертежамъ записку В. В. Суслова, въ особомъ приложеніи.

2. Башня была съ зубцами (оп. 1655 г.).

3. Башня имѣла четырехъярусную оборону, т.-е. три закрытыхъ этажа и роскатъ.

4. На бащнѣ была кровля; этажи раздѣлялись деревянными мостами (опись 1655 и 1692 г.).

Названія всѣхъ башенъ Староладожскаго городища, какъ можно было уже замѣтить выше, не носятъ характера случайныхъ, а вытекали изъ тѣхъ или другихъ условій, присущихъ каждой изъ нихъ въ отдѣльности, напр., въ зависимости или отъ мѣстоположенія, или отъ назначенія, или наконецъ отъ извѣстныхъ конструктивныхъ особенностей, въ виду чего и наименованіе описываемой башни «Роскатною» также должно имѣть свою прямую причину. Отвѣтъ на послѣднее даютъ свѣдѣнія 1628 г., въ которыхъ она называется «Большимъ роскатомъ», т.-е. что на ней, какъ и на описанной уже башнѣ Тайничной, долженъ былъ находиться роскатъ (см. стр. 188), предположеніе же о томъ, что послѣдній могъ быть устроенъ гдѣ нибудь непосредственно на оградѣ крѣпости, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ упоминаемой башней, въ зависимости отъ чего получилось и самое ея названіе, было-бы совершенно произвольнымъ, такъ какъ въ древнихъ описяхъ городища нѣтъ на то ни малѣйшаго указанія, да и тѣ-же описи (напр. 1628 и 1655 г.) отожествляютъ «Большой роскатъ» именно съ башней, употребляя оба наименованія, какъ синонимы. Наконецъ, и самое устройство роската на вершинѣ башни не составляетъ, какъ уже выше замѣчено (см. стр. 189), ничего исключительнаго. Въ данномъ случаѣ роскатъ этотъ былъ окруженъ рядомъ каменныхъ зубцовъ, на существованіе которыхъ указываетъ опись 1655 г. (но уже въ этомъ году замѣненные деревянными тарасами), входъ же на него могъ быть непосредственно со стѣнъ примыкавшей къ башнѣ ограды.

О первоначальной вышинѣ башни показанія документовъ довольно согласны такъ какъ въ большинствѣ опредѣляютъ ее равною 6 саженямъ, за исключеніемъ свѣдѣній 1665—67 г., по которымъ она была лишь $5^1/_2$ саж. (очевидно до зубцовъ), причемъ въ описи 1655 г., во время которой верхній этажъ былъ еще въ цѣлости [1]), указывается, что вышина тогда считана именно до зубцовъ и, слѣдовательно, полный размѣръ башни составлялъ 7 саженъ, каковая цифра должна быть принята за настоящую. Нынѣ отъ башни цѣлы еще два этажа и

---

[1]) Такъ какъ вмѣсто зубцовъ упоминаются еще замѣнявшіе ихъ тарасы.

сохранилась нижняя часть третьяго, занимающіе въ вышину до 5 саженъ [1]), изъ чего видно, что, по сравненію съ своими первоначальными размѣрами, башня (кромѣ зубцовъ) уменьшилась приблизительно лишь на 1 сажень; нынѣ она почти не превышаетъ гребня вала примыкающаго къ ней южнаго фаса крѣпости (таб. XVIII—XX) и въ такомъ-же соотношеніи къ этому валу она была въ 1665—67 г., слѣдовательно съ тѣхъ поръ вышина башни измѣнилась мало.

Табл. XVIII и XX.

Въ общемъ внутреннее устройство послѣдней представляется проще всѣхъ остальныхъ, такъ какъ она имѣла видъ неправильнаго овала, одинаковаго во всѣхъ трехъ этажахъ начертанія; нижній и средній имѣли по три амбразуры, изъ которыхъ сѣверныя (направленныя по теченію Волхова) доставляли восточному фасу крѣпости фланговую двухъ-ярусную оборону, что же касается верхняго этажа, то въ немъ было четыре амбразуры.

Этажи раздѣлялись деревянными мостами и всѣ три сообщались посредствомъ внутренней (въ массивѣ стѣны) лѣстницы, а изъ средняго былъ, кромѣ того, широкій сводчатый выходъ на внутренній крѣпостной дворъ, гдѣ башня запиралась воротами. Верхъ ея вѣнчался зубцами въ сажень вышиною и на немъ находился роскатъ, вѣроятно покрытый деревянной конической крышей. Что касается наружнаго вида башни, то она была круглою или цилиндрическою, имѣла близь подошвы низкій наклонный цоколь, обведенный каменнымъ карнизомъ и вся была облицована плитою.

Южный фасъ.

Южный фасъ городища, на одномъ концѣ котораго расположена вышеописанная Роскатная башня, а на другомъ — Климентовская, имѣетъ направленіе перпендикулярное къ Волхову, или съ Востока на Западъ (табл. IV).

Табл. IV.

а) *Современное состояніе* (1884 г.).

Смотря на фасъ извнѣ крѣпости (съ южной стороны), онъ представляется громаднымъ крутымъ валомъ, около 5 саж. отвѣсной вышины, причемъ гребень его находится почти на одномъ уровнѣ съ верхушками упомянутыхъ выше башенъ (табл. XX), но въ сущности скатъ этотъ въ значительной своей части есть лишь отлогость лощины или балки, перерѣзывающей мысъ, на которомъ стоитъ городище, такъ какъ лишь верхняя часть (около трети) всего ската составляетъ искусственный, до 6 арш. вышиною, земляной валъ, вѣнчающій верхній край балки и составляетъ съ послѣднимъ снаружи одну общую, зарос-

Табл. XX.

[1]) По произведенному измѣренію, нынѣ превышеніе гребня Роскатной башни на восточной ея сторонѣ, надъ низшей точкой, имѣющейся у подошвы ея осыпи (вообще незначительной) составляетъ 4 саж. $2^{3}/_{4}$ арш.; разрушеніе гребня въ разныхъ точкахъ неодинаково.

шую сплошь дерномъ отлогость, причемъ на гребнѣ того-же вала замѣтно въ разныхъ мѣстахъ присутствіе въ насыпи плитъ и камней. Южнѣе, за лощиной снова идетъ возвышенное плато, на которомъ еще въ XVII столѣтіи существовала деревянная крѣпость, такъ называвшійся «Деревянный городъ», подошва же лощины представляетъ слегка покатый спускъ, упирающійся въ Волховъ у основанія Роскатной башни.

Вся эта ложбина, или спускъ, извѣстна мѣстнымъ старожиламъ подъ названіемъ «тайника», но названіе это хотя и есть отголосокъ давнихъ временъ, безотчетно сохраненный народной памятью, тѣмъ не менѣе для объясненія его нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ предположеніямъ о нахожденіи здѣсь какихъ-либо скрытыхъ подземныхъ ходовъ или помѣщеній, къ чему такъ склонна мѣстная молва [1]); происхожденія этого названія очевидно основывается на существованіи въ сосѣдней юго-западной (Климентовской) башнѣ небольшаго секретнаго выхода наружу, единственнаго во всемъ городищѣ, кромѣ главныхъ проѣздныхъ воротъ въ башнѣ Воротной. Въ описи 1698 г. этотъ выходъ прямо названъ «проходнымъ тайникомъ» и, такимъ образомъ подобное названіе перешло на всю прилегающую лощину, утративъ свое первоначальное значеніе, нынѣ никому уже неизвѣстное, но за то послужившее поводомъ къ появленію

---

[1]) Для образчика передадимъ хотя слѣдующее:

Еще въ 60-хъ годахъ, при первомъ нашемъ посѣщеніи Старой Ладоги, довелось слышать, что нѣсколько лѣтъ ранѣе однимъ изъ крестьянъ въ раіонѣ «тайника» былъ обнаруженъ въ землѣ сводъ, при устройствѣ здѣсь известково-обжигательной печи, причемъ сводъ этотъ былъ рабочими проломанъ и подъ нимъ оказалась глубокая пустота (по другой версіи подъ сводомъ были даже найдены какія-то кости); о находкѣ дали знать мѣстному священнику, который, недолго думая, запретилъ тревожить кости и велѣлъ снова все засыпать. Случай этотъ могъ имѣть мѣсто въ 1844 г., когда по имѣющимся письменнымъ указаніямъ дѣйствительно велась переписка съ мѣстнымъ благочиннымъ, по поводу произвольнаго устройства гдѣ-то за крѣпостнымъ валомъ (въ 20 саж. отъ Георгіевской церкви) подобной печи, причемъ въ 1845 г. священникъ упомянутой церкви Ѳедоровъ доносилъ, что печь уже срыта и мѣсто, гдѣ она стояла заровнено; изъ переписки-же видно, что печей этихъ было устроено три, вблизи другъ отъ друга, и что мѣсто ихъ расположенія находилось именно за южнымъ фасомъ городища (т. е. въ описанной уже лощинѣ). Позже намъ лично удалось видѣть одного изъ крестьянъ, устраивавшихъ сказанныя печи и якобы видѣвшихъ открытый сводъ, но старикъ (по фамиліи Уткинъ) оказался уже совершенно глухимъ и толкомъ добиться отъ него чего-либо было нельзя; тѣмъ не менѣе, для провѣрки его смутныхъ показаній, была произведена повѣрочная раскопка, посредствомъ длинной траншеи, но подозрительнаго не обнаружено ничего. Еще позже (въ 1884 г.), во время изслѣдованія городища, на работы прибрелъ столѣтній старецъ, мѣстный житель Ремневъ (нынѣ уже умершій) и объявилъ, что ему «нѣтъ смерти, пока онъ не укажетъ мѣста гдѣ копалъ» (по поводу тѣхъ-же печей и свода); точно указать, однако, и онъ не могъ, а лишь приблизительно опредѣлялъ мѣсто—противъ Георгіевской церкви, у южнаго ската лощины, близь Волхова. Произведенныя здѣсь раскопки обнаружили только дѣйствительно слѣды бывшей печи (остатки плитъ, изъ которыхъ она была сложена), болѣе же, конечно, ничего.

цѣлаго ряда неосновательныхъ розсказней, которыя можно услышать и въ настоящее время [1]).

Наконецъ на южномъ фасѣ глазамъ представляются еще остатки двухъ перпендикулярныхъ къ нему валовъ, расположенныхъ по его оконечностямъ. Одинъ изъ нихъ (восточный) находился близь берега Волхова, именно у западной стороны Роскатной башни, но отъ него сохранилась лишь небольшая часть (вѣрнѣе даже остались только слѣды его, въ видѣ выступа, выдающагося изъ общей отлогости южнаго фаса), что-же касается другаго (западнаго), то таковой тянется нѣсколько на юго-западъ, на протяженіи около 12 саженъ, и представляя насыпь (вышиною отъ $1^1/_2$—2 саж.), упирающуюся въ стоящую здѣсь Климентовскую, башню проходитъ такимъ образомъ поперегъ всей вышеупомянутой лощины, преграждая доступъ въ послѣднюю.

б) *Указанія прежнихъ временъ.*

Въ дополненіе къ нынѣшнему состоянію южнаго фаса, изъ древнихъ документовъ почерпаются еще слѣдующія указанія:

Опись 1655 г. [2]):

«А около деревяннаго города, отъ рѣки Волхова до рѣчки Ладожки ровъ, а около того рву надолобъ и честику нѣтъ и ровъ во многихъ мѣстѣхъ осыпался.

Отъ большого каменного роскату къ рѣкѣ Ладожкѣ до Климентовской проходной башни, межъ городовъ каменного и деревянного по валу деревянной стѣны прясло въ длину 19 саженъ съ четью сажени, и та деревянная стѣна стоитъ безъ кровли и впредь непрочна; а прежъ сего то прясло было каменное и обрушилось безъ остатку до подшвы».

Опись 1665—1667 г. [3]):

Отъ тое Роскатной башни, до Климентовской проходной башни, межъ городовъ каменного и деревянного земляной валъ съ Роскатной башней наровно, вышиной полушестыхъ саженъ, а къ тому валу прясло городовые деревянные рубленые стѣны стоитъ безъ кровли и огнило, въ длину 18 саженъ.

Да промежъ каменного и деревянного городовъ.... (пропускъ: ровъ) въ глубину двѣ сажени и та ровъ оплыла во многихъ мѣстѣхъ».

---

[1]) Трудно удивляться упорности или живучести разныхъ басенъ среди темнаго люда, если даже въ послѣднее время одинъ изъ интеллигентныхъ обозрѣвателей городища, усмотрѣвъ въ той-же лощинѣ (приблизительно близь упомянутой уже ранѣе печи) нѣсколько торчавшихъ изъ земли камней, не усомнился письменно заявить въ одномъ изъ ученыхъ обществъ, что онъ открылъ—«едва замѣтные но драгоцѣнные слѣды каменной кладки, по расчисткѣ которыхъ вполнѣ увѣренъ, что обнаружится сводъ»! Къ сожалѣнію и здѣсь остается повторить то-же, что и выше, т. е. что вызвавшіе такую наивную увѣренность «драгоцѣнные слѣды кладки», были просто валявшіяся плиты (вѣр. отъ подобной-же печи), подъ которыми не оказалось рѣшительно ничего, что-бы могло хотя немного оправдать столь поспѣшное заключеніе автора упоминаемаго сообщенія.

[2]) См. Прилож. IX.

[3]) См. Прилож. XII.

Опись 1676 г. [1]):

«....И по тому валу бывала каменная стѣна, а нынѣ стоятъ рубленые деревянные тарасы и тѣ тарасы всѣ огнили и валятся врознь; а въ длину то прясло 19 саженъ съ полусаженью».

Опись 1692 г. [2]):

«....И тѣ тарасы всѣ сгнили и развалились безъ остатку».

Въ прочихъ документахъ повторяются указанія 1676 г. и новаго болѣе нѣтъ.

Примѣчаніе. Упоминаніе о рвѣ между каменнымъ и деревяннымъ городомъ пріурочивается именно къ каменному единственно описью 1665 — 1667 г., во всѣхъ-же прочихъ оно отнесено къ описанію города деревяннаго (т. е. крѣпости деревянной, лежавшей рядомъ южнѣе).

Что касается остатковъ вышеупоминавшихся земляныхъ валовъ на оконечностяхъ южнаго фаса, то о нихъ имѣются слѣдующія указанія:

О восточномъ, близъ Волхова.

1665—1667 г.:

«Отъ той Бережной башни (въ Деревянномъ городѣ).... до каменного города до Роскатной каменной башни, подлѣ рѣки Волхова, по земляному валу городовые деревянные рубленые простые стѣны прясло...»

1676 г.:

«И отъ тое башни до Роскатной каменной башни прясло подлѣ рѣки Волхова въ длину и съ отводными быки 73 сажени съ полусаженью, въ вышину 2 сажени безъ четверти, въ ширину 1 сажень съ аршиномъ».

1692 г.:

«И отъ тое башни.... по земляному-жъ валу городовые стѣны подлѣ рѣки Волхова 73 сажени съ полусаженью, въ вышину стѣна 2 сажени съ аршиномъ».

О западномъ.

1665—1667 г.:

«Отъ каменнаго города отъ Климентовской каменной проходной башни, съ приходу съ лица, по валу деревянные рубленые крытые стѣны съ тарасы, до деревянной Воротней (въ Деревянномъ городѣ) башни 12 саженъ».

1676 г.:

«Отъ каменной Климентовской проходной башни до Воротней деревянной башни прясло въ длину 13 саженъ, въ вышину полдвѣ сажени, въ ширину сажень съ аршиномъ».

в) *Факты, обнаруженные раскопками.*

Работы на южномъ фасѣ, произведенныя, впрочемъ, въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, имѣли лишь развѣдочный характеръ, частью для провѣрки изложенныхъ уже документальныхъ указаній, частью-же вызванныя разными заявленіями мѣстныхъ обывателей, о бывшемъ якобы здѣсь въ давнее время случайномъ открытіи подземнаго свода. По поводу послѣдняго обстоятельства, въ лощинѣ, упомянутой выше при описаніи южнаго фаса, были проведены

[1]) См. Прилож. XIII.

[2]) См. Прилож. XIV.

нѣсколько траншей, но, какъ уже объяснено (см. стр. 203, 204), никакихъ слѣдовъ существованія скрытыхъ подземныхъ сообщеній здѣсь не обнаружено. Затѣмъ, для уясненія конструкціи поперечнаго къ южному фасу вала (западнаго), послѣдній былъ пересѣченъ сквозной траншеей, но при этомъ выяснилось только, что валъ представляетъ лишь простую земляную насыпь, безъ всякихъ дополнительныхъ сооруженій (напр. каменной стѣнной кладки, или чего либо подобнаго) и, наконецъ, въ одномъ пунктѣ была произведена раскопка внутренней стороны верхняго вала, вѣнчавшаго отлогость южнаго фаса, причемъ, согласно указаніямъ древнихъ описей городища, въ немъ дѣйствительно обнаружены остатки каменной стѣны, тянувшейся нѣкогда по этому-же валу, между Роскатной и юго-западной Климентовскими башнями [1]).

г) *Данныя для реставраціи, почерпаемыя изъ прежнихъ указаній, дополнительно къ результатамъ добытымъ раскопками, и общіе заключительные выводы.*

1. Къ восточной оконечности фаса (у Волхова) примыкалъ земляной валъ, тянувшійся черезъ лощину и далѣе вдоль берега.

2. Фасъ вѣнчался каменной стѣной.

3. Вдоль фаса, внизу по лощинѣ, проходилъ ровъ.

Несмотря на существенность всѣхъ приведенныхъ выше указаній, въ разрѣшеніи вопроса о первоначальной конструкціи южнаго фаса могутъ возникать нѣкоторыя сомнѣнія, именно въ отношеніи степени древности какъ обоихъ поперечныхъ къ фасу валовъ (нижняго и верхняго), такъ и находившагося вдоль его рва.

Оба упомянутыхъ вала пересѣкали поперегъ лежащую здѣсь лощину: одинъ внизу, близь самаго Волхова, другой на верху—у западной оконечности того-же фаса. Мотивы сооруженія ихъ могли имѣть мѣсто какъ въ эпоху болѣе раннюю, такъ и въ болѣе позднюю: они могли имѣть цѣлью не только преградить доступъ непріятелю въ ту-же лощину, но и укрыть послѣднюю отъ его взоровъ, что прямо вытекаетъ напр. изъ расположенія тайнаго выхода («тайника»), устроеннаго въ сосѣдней юго-западной (Климентовской) башнѣ и прикрываемаго извнѣ однимъ изъ этихъ валовъ, такъ какъ иначе подобный тайникъ, будучи открытымъ снаружи, не соотвѣтствовалъ-бы своему назначенію. Но въ то-же время сооруженіе упоминаемыхъ валовъ могло являться цѣлесообразнымъ лишь при условіи, чтобы и противуположная сторона лощины была недоступна для непріятеля,

---

[1]) Еще нѣкоторыя подробности повѣрочныхъ работъ 1893 г. для снятія чертежей, см. въ пояснительной къ послѣднимъ запискѣ В. В. Суслова въ отдѣльномъ приложеніи и на табл. XLI.

Табл. XLI.

безъ чего послѣдняя оставалась-бы открытою съ юга, иначе говоря — чтобы противуположная сторона была занята другимъ укрѣпленіемъ и, такимъ образомъ, оба вала связывали-бы съ нимъ каменную крѣпость. Въ XVII вѣкѣ условію этому удовлетворяло расположеніе на упомянутой сторонѣ деревянной крѣпости [1]), существованіе которой извѣстно фактически, въ эпоху же построенія каменной ту-же роль могло играть земляное городище, которое, по всей вѣроятности, существовало тамъ еще ранѣе. Такимъ образомъ, отъ достовѣрности этого послѣдняго предположенія, можетъ зависѣть въ извѣстной степени и рѣшеніе самого вопроса о времени сооруженія упоминаемыхъ валовъ.

Второй вопросъ—о степени древности рва [2]), трудно разрѣшить въ пользу его одновременности съ первоначальной постройкой каменной крѣпости, или принадлежности къ ея первоначальной конструкціи, такъ какъ устройство его здѣсь едва-ли можетъ имѣть достаточное основаніе. Гораздо вѣроятнѣе видѣть въ немъ лишь продолженіе того-же рва, которымъ былъ дѣйствительно окруженъ сосѣдній «Деревянный городъ» (крѣпость). Во всѣхъ имѣющихся описяхъ, упоминанія про ровъ пріурочиваются именно къ описанію этого «Деревяннаго города» и о немъ умалчивается въ городѣ каменномъ; всѣ онѣ повторяютъ одно и то-же—«А около того города (деревяннаго) ровъ и та ровъ осыпалась и заросла» и единственно опись 1665—1667 г. составляетъ исключеніе, повторяя про ровъ дважды, т. е. въ обоихъ случаяхъ; но и она выражается довольно неопредѣленно, говоря одинъ разъ о рвѣ «промежъ каменнаго и деревяннаго городовъ», а другой про ровъ—«около деревяннаго города» [3]). Изъ этого можно заключить, что составители описей смотрѣли на упоминаемый ровъ вообще какъ на принадлежность именно сосѣдней крѣпости, деревянной, т. е. получается косвенное указаніе на его болѣе позднее происхожденіе.

Существенное свѣдѣніе о немъ-же сообщается въ 1655 году, именно, что ровъ этотъ былъ проведенъ отъ Волхова до р. Ладожки, но и здѣсь также онъ пріуроченъ къ Деревянному городу.

Несомнѣнно древнею, хотя и исчезнувшею уже нынѣ деталью южнаго фаса, остается существованіе по гребню его каменной стѣны, бытность которой въ

[1]) Ея крайняя въѣздная башня стояла у конца западнаго вала, который такимъ образомъ соединялъ деревянную крѣпость съ каменной; что касается вала восточнаго, то онъ составлялъ непрерывное продолженіе ограды, которою былъ защищенъ обращенный къ Волхову фасъ деревянной крѣпости.

[2]) Нынѣ совершенно уже исчезнувшаго.

[3]) Глубина ихъ описью 1665—1667 года хотя и показывается разная, но, во-первыхъ, это можетъ объясняться причинами совершенно случайными, а, во-вторыхъ, — въ ней-же нерѣдко встрѣчаются ошибки въ цифрахъ даже еще болѣе существенныя, почему упоминаемое обстоятельство не можетъ имѣть особаго значенія.

прежнія времена указывается какъ описями XVII ст., такъ и обнаруженными слѣдами ея при изслѣдованіи городища. О размѣрахъ самой стѣны не сохранилось, впрочемъ, никакихъ извѣстій, но надобно думать, что она не превышала вышины сосѣдней Роскатной башни, съ вершиною которой (занятой роскатомъ) она, быть можетъ, имѣла даже прямое сообщеніе. Остается прибавить, что уже въ XVII ст. на мѣстѣ этой исчезнувшей стѣны тянулся по валу рядъ деревянныхъ тарасовъ, но и они къ концу того-же столѣтія уже совершенно разрушились.

Климентовская башня.
Табл. IV.

На противуположномъ отъ Волхова концѣ южнаго фаса, расположена юго-западная башня городища (табл. IV), занимавшая пунктъ, не менѣе важный, чѣмъ сѣверная (Стрѣлочная), ибо ею прикрывался ближайшій и непосредственный доступъ къ крѣпости съ сухопутной (западной) стороны, совершенно открытой, подобно тому, какъ башня сѣверная имѣла важное значеніе обороны доступа изъ Волхова въ Ладожку водою. Въ зависимости отъ подобной общности и важности положенія обѣихъ башенъ, вѣроятно, находится и то обстоятельство, что даже въ самомъ устройствѣ ихъ оказалось извѣстное сходство, относительно какъ плана, такъ и внѣшней конструкціи.

а) *Современное состояніе (1884 г.).*

Внѣшній видъ башни представляетъ полное разрушеніе. Подходя къ ней извнѣ городища, передъ глазами является громадная развалина полукруглой постройки (выш. до 5 саж.), поверхность которой состоитъ изъ обнаженныхъ висящихъ валуновъ стѣнной кладки, ежеминутно грозящихъ паденіемъ (табл. XXI); мѣстами между каменьями видна прокладка изъ плитъ, основаніе же постройки маскируется щебенчатой осыпью. На двухъ разныхъ высотахъ видны въ четырехъ мѣстахъ темныя отверстія бойницъ, а съ юго-вост. стороны къ подошвѣ башни примыкаетъ сравнительно низкій земляной валъ, о которомъ уже сказано выше, при описаніи южнаго фаса. Непосредственно за этимъ валомъ, близь подошвы башни видно еще сводчатое полукруглое отверстіе, почти закрытое осыпью и ведущее въ какую-то крытую сводомъ камеру, почти до верха заваленную щебнемъ, такъ что проникнуть въ нее можно только ползкомъ. Со стороны внутренняго двора городища, башня возвышается всего около 2 саженъ и представляетъ лишь заросшую дерномъ осыпь, такой-же вышины, какъ прилегающій валъ южнаго фаса; гребень ея настолько уже осыпался, что доступенъ для прохода лишь въ сѣверной своей сторонѣ, на протяженіи нѣсколькихъ аршинъ отъ того-же вала. Внутренность башни почти до верха заполнена землянымъ заваломъ, образовавшимъ поросшую мѣстами деревьями котловину, у краевъ

Табл. XXI.

которой видны верхушки двухъ засыпанныхъ сводчатыхъ амбразуръ (табл. XXII), выше же завала слѣдуетъ уже обнаженная кладка внутренней поверхности башни, но въ состоянiи полнаго разрушенiя. Табл. XXII.

б) *Указанiя прежнихъ временъ.*

Изображенiя городища 1809 года (Бороздинъ) даютъ замѣтить, что въ то время башня извнѣ находилась почти въ томъ-же состоянiи, что и нынѣ; замѣтна только бо̀льшая сохранность гребня ея, который былъ выше прилегающаго къ нему вала южнаго фаса. Что касается внутренности башни, то на планахъ, приложенныхъ къ тѣмъ-же изображенiямъ, начертанiе втораго этажа носитъ видимо характеръ схематическiй, такъ какъ оно страдаетъ существенными графическими невѣрностями и вообще отличается отъ дѣйствительности, выясненной раскопками. Тѣмъ не менѣе, планы указываютъ, что составителю было извѣстно существованiе амбразуръ, выхода изъ башни на крѣпостной дворъ и внутренней въ массивѣ стѣны ея лѣстницы, получить же правильное, или болѣе точное понятiе о планѣ постройки, препятствовали, конечно, завалы, загромождавшiе и тогда башню почти до верха.

Изъ документовъ XVII в. видно, что башнѣ этой уже въ 1628 году было присвоено названiе *Климецкой*, т. е. *Климентовской*, безъ сомнѣнiя по причинѣ ея близкаго сосѣдства съ древней церковью св. Климента, находившейся саженяхъ въ 40 южнѣе ея, на другой сторонѣ лощины или балки, ихъ раздѣлявшей. Въ документахъ о башнѣ передается:

Опись 1628 г. [1]):

«На Климецкой на проходной башни пищаль поменши полуторной мѣдная».

Опись 1655 г. [2]):

«Климентовская проходная каменная башня, отъ подошвы вверхъ 7 саженъ, въ длину и поперегъ по $8^1/_2$ саж. и съ стѣною, стѣна толщиною 2 сажени. И та башня съ обѣихъ сторонъ пообвалилася 2 сажени по верхнiе бои; а кровли на той башнѣ нѣтъ, огнила и обвалилась безъ остатку и отъ мокроты отъ дождя и отъ снѣгу сыплется каменье и достальное розно».

Опись 1665—67 г. [3]):

«Башня каменная, круглая Климентовская, проходная отъ приходу съ лица; а проходъ въ той башни изъ верхняго боя каменною лѣстницей въ середней и въ нижнiй бои и отъ того подошевнаго бою проходные небольшiе ворота въ деревянной городъ. А та башня стоитъ безъ кровли и отъ дожжу и отъ снѣгу сверху та башня осыпалася съ обѣ стороны по верхней бой на сажень. Вышина башнѣ съ военные стороны 6 саженъ съ третью сажени, въ длину и поперегъ во всѣ стороны по 8 саженъ, съ третью сажени; толщина стѣнъ въ верхнихъ

---

[1]) См. Приложенiе VIII

[2]) См. Приложенiе IX.

[3]) См. Приложенiе XII.

бояхъ въ окнахъ по сажени, да около оконъ въ быки по сажени, въ середнемъ бою толстина башнѣ и съ окнами трехъ сажень, а въ нижнемъ бою 4 саженъ».

Опись 1676 г. [1]):

«А та башня мѣрою въ ширину девяти саженъ безъ четверти, отъ подошвы вверхъ 7 саж. 2 аршина и сверху та башня по верхніе бои безъ кровли сыплется».

Опись 1685 г. [2]):

«Да въ той башни проходъ былъ въ земляной городъ, тайникъ и тотъ засыпался каменьемъ и проходу нѣтъ».

Опись 1692 г. [3]):

«И та башня отъ мокроты сверху до подошвы вся сыплется, кровли на башни нѣтъ и мосты всѣ сгнили.... и тайникъ и нижній бой засыпался и проходу въ тайникъ нѣтъ».

Относительно размѣровъ башни во всѣхъ спискахъ съ 1676—1698 г. цифры приводятся одинаковыя.

в) *Факты, обнаруженные раскопками.*

Къ раскопкамъ въ Климентовской башнѣ было приступлено одновременно внутри и снаружи. По мѣрѣ удаленія наполнявшаго верхній этажъ ея завала начало обнаруживаться, что внутреннее очертаніе башни имѣетъ форму не круглую, а цилиндро-призматическую, близко напоминающую планъ уже описанной Стрѣлочной башни, причемъ ниже и самыя стѣны оказались настолько еще въ цѣлости, что сохранили свою наружную плитяную облицовку. Далѣе обнаружилось, что въ верхнемъ этажѣ имѣются четыре полукруглыхъ амбразуры, изъ коихъ три въ западной половинѣ обращены въ разныхъ направленіяхъ въ поле, а четвертая—по направленію приблизительно вдоль южнаго фаса городища. Своды амбразуръ выведены изъ плитъ, съ такою-же облицовкою стѣнъ, а полы или подошвы вымощены булыгами, устья же амбразуръ забраны плитяными стѣнками, съ устроенными въ нихъ бойницами [4]). Изъ числа этихъ

---

[1]) См. Приложеніе XIII.

[2]) См. Приложеніе XIV.

[3]) См. Приложеніе XIV.

[4]) Всѣ бойницы болѣе или менѣе уже разрушены, такъ что нѣсколько лучше сохранилась лишь одна западная, по крайней мѣрѣ уцѣлѣло ея тыловое отверстіе, вышиною 1 арш. 2 вер. и шир. 1 арш. $7^1/_2$ вер.

Въ техническомъ отношеніи не безъинтересно отмѣтить здѣсь замѣченное въ кладкѣ амбразуръ и бойницъ присутствіе мѣстами кирпича, иногда отдѣльными штуками, иногда-же цѣлыми правильными рядами, а именно:

Въ амбразурѣ восточной: близь разрушеннаго праваго (верхняго) угла тыловаго отверстія бойницы—остатки кирпичной кладки (три кирпича).

Въ юго-западной: горизонтальный рядъ кирпичей (очень тонкихъ) въ сохранившейся части внутренней лѣвой щеки бойницы и примыкающей къ ней поперечной стѣнкѣ амбразуры. Въ правой щекѣ бойницы—два такихъ-же ряда кирпичей.

Въ западной: нѣсколько отдѣльныхъ кирпичей въ кладкѣ правой стѣны амбразуры, близь устья послѣдней.

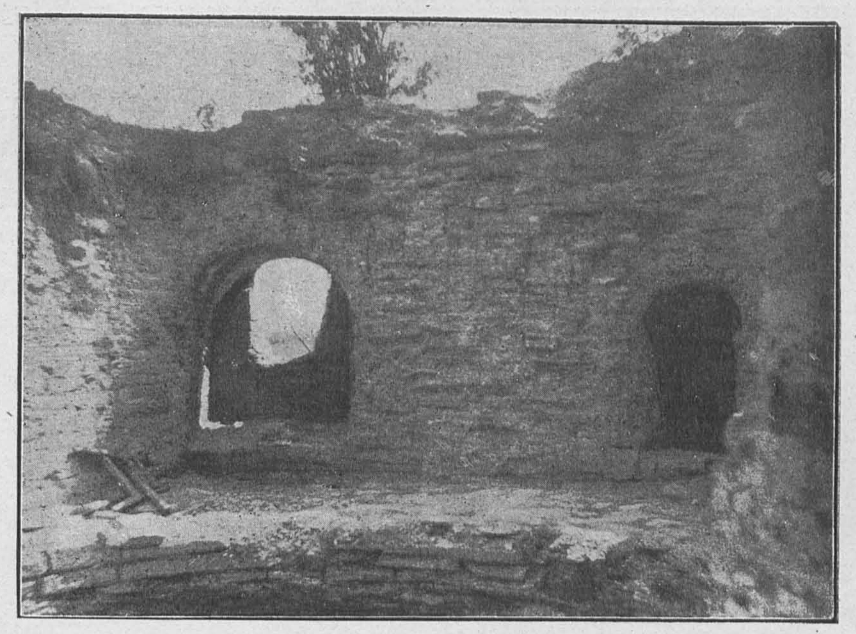

Рис. 21. Верхній этажъ Климентовской башни, съ внутренней стороны.

амбразуръ размѣры трехъ оказались одинаковыми, четвертая же гораздо короче, причемъ южнѣе ея открылся по близости еще прямоугольный пролетъ или проходъ, видимо выводившій на совершенно заваленную щебнемъ внутреннюю, въ стѣнѣ башни, каменную лѣстницу. По очисткѣ пролета за нимъ оказалась маленькая площадка, освѣщенная небольшимъ, совершенно разрушеннымъ, наружнымъ окномъ, прорѣзаннымъ въ массивѣ башни, съ площадки же одна вѣтвь лѣстницы направлялась внутри башенной стѣны наверхъ и выводила на гребень развалинъ послѣдней, другая же (см. ниже) спускалась куда-то внизъ, постепенно заворачивая въ сторону, соотвѣтственно закругленію самой башни. Наконецъ, въ сѣверной сторонѣ башни обнаружился и выходъ внутрь крѣпости, совершенно до тѣхъ поръ маскировавшійся съ обоихъ концовъ земляными осыпями, который, по окончательной очисткѣ, представилъ видъ сводчатой, довольно широкой и слегка искривленной каменной галлереи, съ вымощеннымъ булыгами поломъ и приступкомъ на половинѣ длины послѣдняго (Табл. XXIII). Табл. XXIII. Весь выходъ облицованъ плитою, конецъ же его приходился на уровнѣ горизонта внутренняго двора, гдѣ башня запиралась воротами, для навѣски которыхъ сохранился даже вдѣланный въ кладку массивный желѣзный крюкъ, или устой [1]).

[1]) По открытіи изнутри башни этого выхода, на потолкѣ и подошвѣ незаваленной середины его оказалось изобиліе крупныхъ сталактитовъ и сталагмитовъ, какъ результатъ просачиванія воды сквозь массивъ кладки надъ выходомъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ были до вершка

При дальнѣйшемъ углубленіи раскопки обнаружилась уже подошва верхняго этажа, имѣвшая квадратно-полукруглое очертаніе, причемъ задняя (юго-восточная) половина ея представляла сплошную, вымощенную булыгами площадку, а въ полукруглой передней (сѣв.-западн.) обозначился верхній край цилиндрической внутренности нижняго этажа (см. рис. 21). Отсюда уже совершенно измѣнился и самый характеръ завала башни, до сихъ поръ состоявшаго изъ земли и упавшихъ со стѣнъ каменьевъ, а глубже представившаго уже черный вязкій грунтъ, въ которомъ послѣднихъ попадалось уже очень мало, что можетъ указывать на давность его образованія, когда башня была еще сравнительно въ лучшемъ положеніи

Работы, производившіяся, между тѣмъ, снаружи послѣдней, обнаружили, что виднѣвшееся близь подошвы башни (съ южн. стороны) сводчатое полукруглое отверстіе представляло родъ слуховаго или наблюдательнаго окна, ниже котораго находился небольшой входной пролетъ и за нимъ, какъ уже сказано, сводчатая камера; по мѣрѣ очистки послѣдней отъ заполнявшаго ее щебня, выяснилось, что она составляла проходъ, направлявшійся внутрь башни, причемъ передняя (большая) часть его была значительно выше задней, такъ что покрывавшіе ихъ своды соединялись большимъ уступомъ. Одновременно съ этимъ въ восточной стѣнѣ прохода (въ его передней части) обнаружился еще узкій входъ, сплошь заваленный слежавшимся щебнемъ и неизвѣстно куда ведшій, но назначеніе его не замедлило открыться, такъ какъ при первыхъ-же ударахъ ломомъ въ наполнявшій его завалъ, изъ упоминаемаго входа неожиданно рухнула цѣлая масса щебня и мусора, образовавшая своего рода каменный каскадъ, который въ теченіи нѣсколькихъ минутъ стремился откуда-то сверху и затѣмъ открылось, что это была очень узкая, устроенная въ толщѣ стѣны каменная лѣстница, въ верхнемъ концѣ которой показался дневной свѣтъ;—лѣстница вывела во второй этажъ башни.

Дальнѣйшая расчистка упомянутой нижней камеры привела къ сплошному грунтовому завалу, при углубленіи въ который начали происходить опасные обвалы сверху, такъ какъ сводъ надъ камерой уже окончился, почему стало

толщиною и придавали весьма оригинальный видъ этому темному, еще закрытому съ противуположнаго конца проходу, производившему впечатлѣніе какъ-бы подземелья. Упоминаемъ объ этомъ обстоятельствѣ, чтобы еще разъ указать на ту легковѣрность, съ которою мѣстными жителями принимаются разные вздорные слухи о мнимыхъ таинственностяхъ Староладожскаго городища: рабочіе, никогда не видѣвшіе ранѣе подобныхъ известковыхъ образованій, назвали упомянутые сталагмиты «статуями», и вотъ въ Ладогѣ тогда-же не замедлилъ распространиться слухъ объ открытіи подземелья съ языческими идолами! Очень можетъ быть, что разсказы объ этомъ циркулируютъ и понынѣ, да вѣроятно еще и съ немалыми прикрасами.

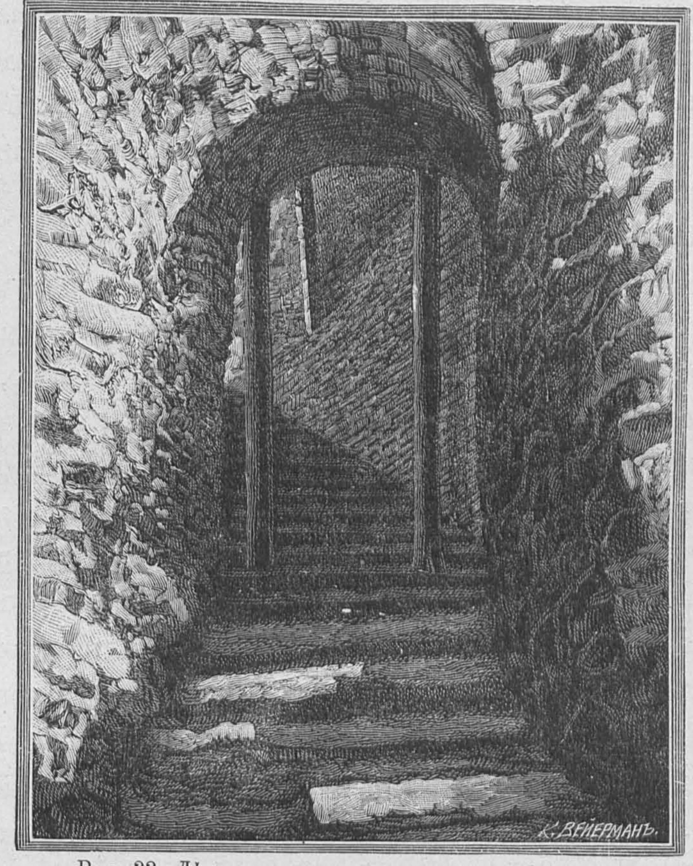

Рис. 22. Лѣстница изъ прохода во второй этажъ.

яснымъ, что проходъ достигъ уже внутренности башни; очевидно, что онъ представлялъ тотъ «тайникъ», о которомъ упоминалось въ описяхъ XVII ст.; при раскопкахъ выяснились слѣдующія конструктивныя подробности: съ лицевой стороны устье тайника и сводъ надъ нимъ плитяные, съ прибавкою мѣстами кирпича, часть же стѣны надъ устьемъ (входомъ), въ которомъ устроено слуховое окно — вся изъ кирпича. Въ началѣ тайника широкій (въ 1 аршинъ) каменный порогъ, снаружи котораго еще такой-же приступокъ, у края же входа (съ западн. стороны) два вдѣланныхъ въ кладку желѣзныхъ крюка, или устоя для навѣски дверей. Своды вообще выведены изъ плитъ, но стѣны прохода плитяныя только въ своей нижней половинѣ [1]), въ верхней же сложены изъ кирпича; кирпичною-же оказалась и стѣна надъ сводомъ [2]) въ болѣе низкой части прохода, по крайней мѣрѣ съ наружной своей (къ выходу) стороны, весь же полъ вымощенъ крупными булыгами. Въ боковыхъ стѣнахъ болѣе высокой части прохода, въ концѣ и въ началѣ по два квадратныхъ гнѣзда, по всей вѣроятности, для вставки концовъ балокъ, расположенныя ниже упомянутаго слуховаго окна, а у самаго начала прохода, съ обѣихъ сторонъ еще два подобныхъ-же углубленія, изъ которыхъ одно (въ западной стѣнѣ) весьма глубокое, видимо служившее для помѣщенія выдвижнаго бруса, которымъ могли изнутри запираться двери. Что касается внутренней лѣстницы, то она сохранилась гораздо хуже, съ значительными трещинами въ сводахъ [3]) и поврежденіями ступеней, такъ что сообщеніе по ней является небезопаснымъ и затруднительнымъ. Нижній, нѣсколько искривленный маршъ ея состоялъ изъ 15 высокихъ плитяныхъ ступеней, мѣстами поддѣланныхъ кирпи-

---

[1]) Въ нѣсколькихъ мѣстахъ однако и здѣсь видны отдѣльные кирпичи.
[2]) Самый сводъ выведенъ изъ плитъ.
[3]) Мѣстами въ сводахъ видны отдѣльные кирпичи.

чемъ, и выводилъ въ средній этажъ, на площадку, освѣщенную небольшимъ наружнымъ окномъ, съ которой былъ проходъ внутрь башни, за площадкой же лѣстница вторымъ маршемъ (въ 12 ступеней) поднималась еще выше и оканчивалась отверстіемъ въ гребнѣ развалинъ башни. Стѣны лѣстницы въ нижней ея половинѣ кирпичныя, въ верхней же изъ плиты и на половинѣ подъема кирпичная перемычка (см. рис. 22).

Раскопка нижняго этажа башни обнаружила, какъ уже сказано, цилиндрическую его форму, причемъ завалъ здѣсь представлялъ какъ-бы плотно слежавшуюся горѣлую землю, сырую и вязкую, въ которой мѣстами попадался и мелкій уголь, въ самой же подошвѣ подъ заваломъ встрѣченъ еще прослоекъ щебенки съ известкой, достигавшій въ разныхъ мѣстахъ толщины отъ $^1/_4$ до 1 аршина. Амбразуръ въ нижнемъ этажѣ оказалось три (двѣ въ западной сторонѣ и одна въ юго-восточной), мѣсто четвертой же занималъ вышеупомянутый тайникъ, приходившійся какъ—разъ на уровнѣ внутренней подошвы башни. Конструкція амбразуръ въ общемъ одинаковая съ верхними, исключая западной, въ лѣвой сторонѣ которой близь устья прорѣзана еще вторая, косая бойница; однако, въ составѣ строительнаго матеріала любопытно отмѣтить присутствіе кирпича, который и здѣсь замѣчается во многихъ мѣстахъ кладки, представляя быть можетъ, слѣды позднѣйшихъ починокъ [1]).

По окончательной очисткѣ нижняго этажа, въ подошвѣ башни обнаружилось еще цилиндрическое помѣщеніе, въ родѣ круглаго подполья, расположеннаго эксцентрически относительно внутренности самой башни и представлявшаго видъ широкаго каменнаго колодца въ валунной кладкѣ; дномъ подполья служилъ крѣпкій материковый песчаникъ, въ наполнявшемъ же его завалѣ найдены два вертикально стоявшихъ дубовыхъ бревна, длиною въ 2 и 3 аршина, но болѣе не оказалось ничего.

---

[1]) Нѣкоторыя, сюда относящіяся подробности заключаются въ слѣдующемъ:

Западная амбразура: въ нижней половинѣ боковыхъ стѣнъ ряды кирпичей; низъ и верхъ поперечной стѣнки (замыкающей устье амбразуры) — изъ плитъ, а бока изъ кирпича. Тыловое отверстіе бойницы цѣло (вышина его 1 арш. 1 вер., ширина 1 арш. $8^3/_4$ вер.), остальная часть разрушена, причемъ боковыя внутреннія щеки кирпичныя-же. Боковыя щеки другой бойницы (косой) въ той-же амбразурѣ также кирпичныя, а низъ и верхъ изъ плитъ.

Сѣверо-западн. амбразура: нижняя половина боковыхъ стѣнъ, въ передней (къ устью) части, сплошь изъ кирпича, бойница почти разрушена; въ стулѣ ея, щекахъ и надъ верхомъ — ряды кирпичей.

Юго-восточная: въ нижней части правой стѣны амбразуры—ряды кирпичей. Бойница разрушена, по остаткамъ щёкъ видѣнъ кирпичъ; вставки изъ него-же замѣтны и въ поперечной стѣнкѣ, надъ бойницею.

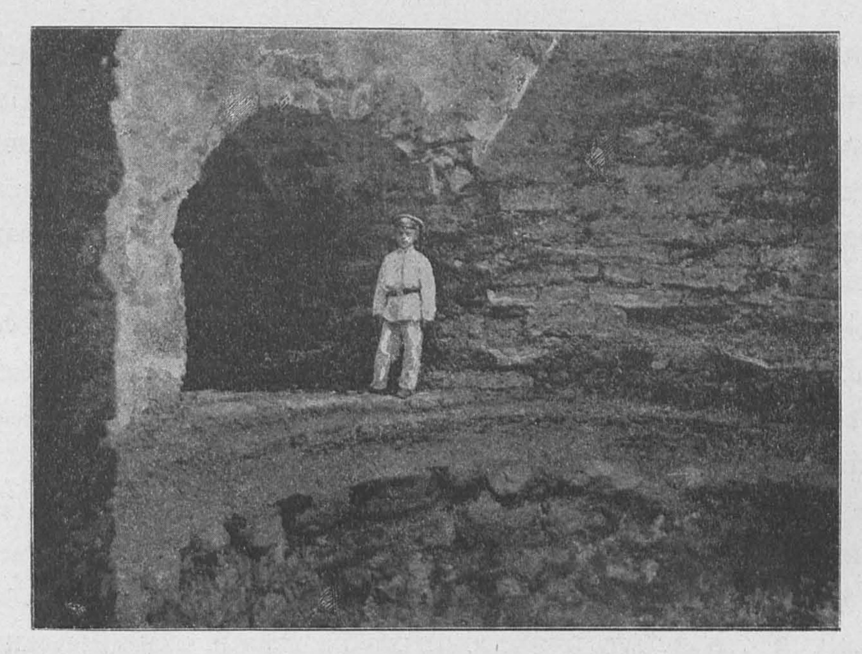

Рис. 23. Подполье и западная амбразура нижняго этажа Климентовской башни.

Наконецъ, остается упомянуть, что для опредѣленія вышины нынѣшнихъ развалинъ башни, снаружи послѣдней (съ сѣв.-западн. стороны) было произведено обнаженіе фундамента (посредствомъ перпендикулярной къ основанію башни траншеи) и отъ начала послѣдняго измѣрено отвѣсное превышеніе гребня башни, оказавшееся = 5 саж. 15 вер. [1]); измѣреніе башни здѣсь-же, но съ внутренней стороны, именно отъ гребня до уровня подошвы нижнихъ амбразуръ, дало около 4 саж. 1¾ ар.

Этимъ изслѣдованіе Климентовской башни было окончено, что же касается вещественныхъ находокъ, сдѣланныхъ во время работъ, то и здѣсь таковыя были крайне скудны, заключаясь лишь въ нѣсколькихъ малозначущихъ предметахъ [2]). Наконецъ должно прибавить, что при повѣрочныхъ работахъ 1893 г., для снятія новыхъ чертежей городища [3]), были обнаружены на покрытомъ

---

[1]) Превышеніе лежащей здѣсь-же сѣв.-западн. бойницы нижняго этажа (считая отъ ея верхняго края) надъ фундаментомъ, составляетъ 3 ар. 10 вер.; послѣдній соотвѣтствуетъ уровню проходящей здѣсь дороги.

[2]) А именно: а) Въ подошвѣ выхода изъ средняго этажа на крѣпостной дворъ найдены обломки желѣза и часть слюдянаго оконца отъ фонаря; б) Въ подошвѣ нижняго этажа башнни— два желѣзныхъ наконечника стрѣлъ, костяной обломокъ въ видѣ трубчатаго ножеваго черенка и другой какъ-бы отъ костяной ложки, два черепка (стекляный и глиняный) и нѣсколько обломковъ желѣза; в) Въ амбразурахъ около тайника—въ одной сапожная подковка, часть ножа, два обломка желѣза и мѣдная шведская монета 1573 г., въ другой—конскій черепъ, вѣроятно еще въ давніе времена сюда извнѣ случайно попавшій.

[3]) См. пояснительную къ чертежамъ записку В. В. Суслова, въ отдѣльномъ приложеніи.

осыпью гребнѣ башни слѣды существованія семи сквозныхъ пролетовъ, изъ которыхъ пять несомнѣнно отъ бывшихъ амбразуръ, шестой, быть можетъ, также, а седьмой видимо служилъ для сообщенія съ примыкавшей съ запада

Табл. XIX. стѣною ограды (табл. XIX).

Общіе результаты изслѣдованія Климентовской башни показаны на прила-

Табл. XLII—XLVI. гаемыхъ чертежахъ (табл. XLII—XLVI).

г) *Данныя для реставраціи, почерпаемыя изъ прежнихъ указаній, дополнительно къ результатамъ, добытымъ раскопками, и общіе заключительные выводы.*

1. Башня была круглая, имѣла три боя, т. е. трехъярусную оборону и была покрыта деревянной крышей.

2. Этажи башни раздѣлялись деревянными мостами.

Изъ совокупности всѣхъ приведенныхъ свѣдѣній, общій планъ постройки Климентовской башни хотя и выясняется довольно хорошо, однако, въ вопросѣ о ея первоначальной вышинѣ, встрѣчаются неясности, въ виду разногласія документальныхъ указаній. Такъ, въ описи 1655 года внѣшняя вышина башни показана 7 саженъ, въ свѣдѣніяхъ 1665—1667 г.—6⅓ саж., въ остальныхъ — 7 саж. 2 арш.; но указаніе 1665 — 1667 г. не представляется вѣроятнымъ [1]) и притомъ оно стоитъ одиночно, почему болѣе вѣроятными слѣдуетъ признать тѣ, по которымъ башня имѣла отъ 7 — 7⅔ сажени. Сравнивая эту цифру съ нынѣшней наружной вышиной развалинъ (5⅓ саж.), получается, что башня утратила отъ своей первоначальной вышины около одной трети, т. е. величину вполнѣ достаточную для устройства того третьяго закрытаго этажа, о которомъ свидѣтельствуется въ описи 1665—1667 г. и который, какъ обнаружено раскопками, начинался на уровнѣ нынѣшняго гребня развалинъ.

Общая конструкція Климентовской башни представляетъ извѣстную аналогію съ башней Стрѣлочной, которой она, однако, уступаетъ въ размѣрахъ своего внутренняго помѣщенія и отличается еще тѣмъ, что была «проходною», т. е. имѣла выходъ внаружу крѣпости. Въ башнѣ было три закрытыхъ этажа, сообщавшихся внутренней, въ массивѣ стѣны, лѣстницей, и выходъ изъ средняго этажа на крѣпостной дворъ, гдѣ она запиралась воротами. Этажи раздѣлялись деревянными полами (мостами), причемъ въ нижнемъ былъ устроенъ еще малый

---

[1]) Напр., принявъ въ разсчетъ нынѣшнюю вышину развалинъ башни (5⅓ саж. до фундамента), выходитъ, что въ настоящее время она уменьшилась всего на сажень, или, что столько-же занималъ ея третій, нынѣ не существующій этажъ (считая начало его отъ сохранившагося гребня), чего, конечно, недостаточно.

выходъ (тайникъ), прикрытый извнѣ перпендикулярнымъ къ башнѣ землянымъ валомъ. Сохранившіяся детали этого тайника обнаруживаютъ нѣкоторыя подробности его устройства: въ своей передней (лицевой) части, сравнительно бо́льшей, онъ былъ двухъяруснымъ, причемъ верхнее помѣщеніе, отдѣлявшееся отъ нижняго, какъ видно, лишь простымъ деревяннымъ помостомъ, или поломъ, служило чѣмъ-то въ родѣ караулки надъ входными дверями и освѣщалось наружнымъ слуховымъ окномъ. Расположеніе гнѣздъ для укрѣпленія опорныхъ поперечныхъ брусьевъ, на которыхъ былъ настланъ упомянутый помостъ, указываетъ, что сообщеніе снизу съ караулкой должно было производиться по какой-то лѣсенкѣ, черезъ люкъ въ томъ-же помостѣ, такъ какъ гнѣзда для концовъ балокъ лежатъ въ началѣ и концѣ послѣдняго и слѣдов. помостъ представлялъ сплошной потолокъ надъ всей этой половиной тайника. Присутствіе кирпичной кладки въ верхнихъ частяхъ стѣнъ послѣдняго и кругомъ слуховаго окна могутъ давать поводъ думать, не устроено-ли это верхнее помѣщеніе и самое окно лишь во времена болѣе позднія, въ виду чего первоначальный тайникъ могъ быть просто въ видѣ низкаго (въ 3 арш.) сквознаго коридора, или порлета, изъ внутренности башни. Длина тайника (12 аршинъ) даетъ наглядное понятіе о капитальности стѣнъ нижняго этажа, толщина которыхъ здѣсь (согласно свѣдѣніямъ 1665—1667 г.) равнялась 4 саженямъ, выше же она значительно уменьшалась (въ среднемъ—3 и въ верхнемъ 2 сажени), что-же касается плана самихъ этажей, то начертаніе нижняго и средняго представляетъ существенное различіе. Снаружи башня была круглою, облицована плитою и имѣла, вѣроятно, форму цилиндрическую, судя, покрайней мѣрѣ, по башнѣ Роскатной, хорошо сохранившаяся мѣстами поверхность которой ясно представляетъ эту-же форму, причемъ разница въ толщинѣ стѣнъ разныхъ этажей Климентовской башни, могла получиться насчетъ расширенія внутренняго пространства послѣднихъ. Что касается вопроса о томъ, могла-ли башня вѣнчаться еще зубцами, то, въ виду разнорѣчія документальныхъ показаній о вышинѣ самой башни, положительно рѣшить его трудно [1]). Наконецъ, можно прибавить, что верхъ башни былъ покрытъ деревянной конической крышей.

Участокъ ограды между Климентовской и Воротной башнями.

Южная половина западнаго фаса составляла часть всей ограды, наиболѣе доступную для непріятеля, такъ какъ она была совершенно открытою съ сухаго пути, вслѣдствіе уклона рѣчки Ладожки, дѣлающей здѣсь крутой поворотъ въ

[1]) Напр. если башня имѣла $7^2/_3$ сажени, то при нѣкоторомъ, сравнительномъ уменьшеніи высоты третьяго этажа, могло остаться мѣсто и для зубцовъ.

Табл. IV. сторону на западъ (табл. IV). Здѣсь-же пролегаетъ, какъ пролегалъ и въ древности, непосредственный путь сообщенія крѣпости съ самой Ладогой, черезъ проѣздную Воротную башню, такъ что вообще упоминаемый участокъ долженъ былъ обращать на себя особое вниманіе строителей, покрайней мѣрѣ, относительно степени прочности самой постройки. Въ зависимости-ли отъ этого, или по другимъ причинамъ, но здѣсь каменная ограда дѣйствительно наиболѣе сохранилась и до нашихъ дней, несмотря на свою семивѣковую давность, и производитъ до сихъ поръ грандіозное впечатлѣніе величавостью своихъ развалинъ.

а) *Современное состояніе (1884 г.).*

Подходя со стороны Ладоги къ городищу, глазамъ представляется огромная, слегка покатая къ основанію стѣна, вышиною до 4 саженъ, наружная поверхность которой, изъѣденная вѣками, состоитъ изъ обнаженныхъ валуновъ внутренней кладки, ежеминутно грозящихъ паденіемъ и дѣйствительно ежегодно
Табл. IX. весною обваливающихся (табл. IX). Подошва ея маскируется осыпью и вдоль стѣны пролегаетъ дорога, съ небольшимъ отлогимъ подъемомъ къ Воротной башнѣ, на поверхности же стѣны въ трехъ мѣстахъ зіяютъ черныя отверстія разрушенныхъ и заваленныхъ изнутри бойницъ.

Со стороны двора городища тотъ-же участокъ представляетъ почти сплошную, поросшую травой осыпь, вышиною около 1½ сажени, по которой можно подняться на самый гребень стѣны, но послѣдній уже настолько утонился отъ разрушенія поверхностей стѣны, что мѣстами нынѣ едва проходимъ.

б) *Указанія прежнихъ временъ.*

На изображеніяхъ городища 1809 г. (Бороздинъ) внѣшній видъ того-же участка представляется почти одинаковымъ съ нынѣшнимъ (покрайней мѣрѣ, относительно вышины), причемъ на планахъ показаны въ стѣнѣ три амбразуры, въ документахъ же XVII в. сообщаются слѣдующія указанія:

Опись 1655 г. [1]):

«Отъ тое Климентовской башни до Воротной каменной башни прясло каменной стѣны, въ длину по стѣнѣ 18½ саженъ, вышина стѣны съ подшвы до зубцовъ 4½ саженъ, въ толщину стѣна въ 3 сажени безъ чети; а нынѣ по тому пряслу вмѣсто зубцовъ стоятъ тарасы деревянные; а то прясло стоитъ отъ приходу съ лица, безъ кровли и во многихъ мѣстѣхъ то прясло отъ мокроты сыплется розно».

Опись 1665—1667 г. [2]):

---

[1]) См. Прилож. IX

[2]) См. Прилож. XII.

«Отъ тое башни (Климентовской) до Воротной каменной башни прясло каменныя стѣны съ приходу-жъ съ лица, въ длину по стѣнѣ 18 саженъ съ полусаженью; толстина стѣнъ 3 сажени [1]); вышиною то прясло съ загородные стороны 4 сажени, а внутри города та стѣна вышиною въ $1^1/_2$ сажени. А стоитъ та стѣна безъ кровли и отъ мокроты сыплется розно. Да на томъ-же пряслѣ вмѣсто зубцовъ стоятъ деревянные тарасы и тѣ непокрыты и огнили».

Опись 1676 г. [2]):

«....Прясло каменное въ длину до Воротной каменной башни 18 саженъ съ полусаженью, въ ширину 2 сажени 2 аршина, въ вышину отъ подшвы 4 сажени 2 четверти; а вмѣсто зубцовъ на томъ пряслѣ поставлены были деревянные тарасы и тѣ огнили».

Въ остальныхъ спискахъ размѣры приводятся тѣ-же, что и въ 1676 г., съ добавленіемъ, — что «на томъ пряслѣ были поставлены деревянные рубленые тарасы и тѣ огнили и развалились и та стѣна отъ мокроты каменье сыплется врознь и нижніе бои каменьемъ и землею засыпало и заросло».

в) Факты, обнаруженные раскопками.

Произведенныя на этомъ участкѣ работы были направлены къ изслѣдованію устройства оборонительныхъ приспособленій, присутствіе которыхъ указывалось тремя отверстіями бойницъ на наружной поверхности стѣны, и къ возможному выясненію конструкціи послѣдней въ строительномъ отношеніи. По освобожденіи бойницъ отъ заполнявшихъ ихъ заваловъ, за ними оказались въ стѣнѣ, какъ и на сѣверномъ участкѣ того-же фаса, три сквозныхъ сводчатыхъ амбразуры, съ выходами на внутренній дворъ городища (Табл. XXIII), но бывшихъ съ этой стороны совершенно замаскированными осыпями стѣны и наростомъ почвы. Двѣ изъ нихъ (средняя и южная) находились на одной высотѣ, сѣверная же расположена значительно

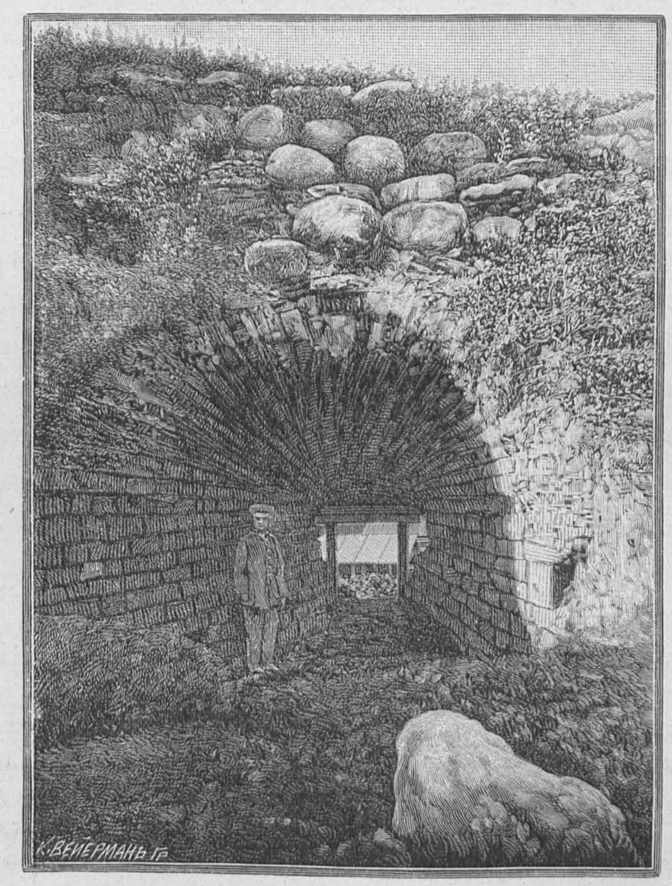

Рис. 24. Южная амбразура ограды съ внутренней стороны.

---

[1]) Верхняя, что надо заключать изъ показанія той-же описи относительно другаго участка западнаго фаса, гдѣ поясняется, что толщина считана «съ зубцами».

[2]) См. Прилож. XIII.

ниже прочихъ [1]), вѣроятно для достиженія болѣе удобнаго обстрѣла, или фланговой обороны воротъ, находившихся рядомъ съ ней въ въѣздной (Воротной) башнѣ. Своды и щеки амбразуръ плитяныя, нѣкогда покрытыя штукатуркой, полошвы же вымощены булыгами, на которыхъ лежалъ черный культурный слой (толщиной до полуаршина), давшій разныя находки предметовъ какъ житейскаго обихода, такъ и военнаго снаряженіе [2]), очевидно попавшихъ сюда еще въ то время, когда самыя амбразуры не были завалены, т. е. согласно показанію описей—не позже конца XVII столѣтія.

Табл. XLVII. Результаты изслѣдованія всѣхъ трехъ амбразуръ показаны на чертежахъ (Табл. XLVII).

При очисткѣ средней амбразуры обнаружилось обстоятельство, на первый взглядъ довольно любопытное, именно, что въ каменной подошвѣ ея оказались двѣ круглыхъ (ок. фута діам.), лежавшихъ почти рядомъ отдушины, уходившія куда-то наклонно внизъ въ кладку и притомъ настолько глубоко, что въ нихъ можно было вложить довольно длинную жердь. Для выясненія цѣли этихъ загадочныхъ отверстій, съ наружной стороны стѣны была произведена въ соотвѣственномъ направленіи раскопка стѣнной осыпи и разобрана на протяженіи ок. 3 арш. каменная кладка, причемъ оказалось, что подъ осыпью у подошвы стѣны сохранилась еще часть плитяной облицовки послѣдней, а ниже шла уже кладка фундамента изъ булыгъ (безъ облицовки), выведенная на глубину около аршина, подъ которымъ находился уже темный сырой песокъ. Нѣсколько выше основанія стѣны, въ плитяной ея облицовкѣ обнаружились четыре круглыхъ отверстія, лежавшихъ на одномъ уровнѣ на аршинъ другъ отъ друга, которыя оказались устьями четырехъ паралельныхъ цилиндрическихъ каналовъ, расположенныхъ поперегъ стѣны и глубоко въ нее уходившихъ, насколько это можно

---

[1]) Вершина свода ея находится надъ фундаментомъ (съ наружной стороны стѣны) въ 6 арш. 6 вершкахъ, слѣдов. подошва превышаетъ фундаментъ всего приблизительно на $3^1/_2$ арш.

[2]) Предметы находокъ были слѣдующіе: обломки посуды, дверныя или сундучныя оковки, нѣсколько ножей, ножницы, обрывокъ цѣпи, обломокъ сабли, чугунное ядро, привязная шпора, конская подковка (формы двулистника, подъ переднюю часть копыта), мѣдный наконечникъ какъ-бы отъ ноженъ, обломокъ бронзоваго украшенія или обложки съ остатками надписи, желѣзный крюкъ, наконечникъ повидимому костыля, костяной черенокъ и разные обломки желѣза.

Изъ остатковъ посуды представляетъ археологическій интересъ часть довольно большой, цилиндро-полушарной чаши, украшенной синей поливой и нѣсколькими гербами, подъ которыми кругомъ чаши идетъ нѣмецкая надпись; послѣдняя, къ сожалѣнію, не поддается чтенію, такъ какъ состоитъ бальшею частью изъ сокращеній и начальныхъ буквъ словъ и ктому-же отъ чаши сохранилась лишь одна половина (см. таб. LXIV); на одномъ отдѣльномъ ея фрагментѣ означенъ годъ 1596, такъ что сопоставляя ее съ находкой въ Климентовской башнѣ шведской монеты 1573 г. (см. стр. 215), можно заключить, что въ нихъ мы встрѣчаемся съ слѣдами военнаго занятія Ладоги иноземцами въ концѣ XVI и нач. XVII столѣтія.

Таб. XLIV

было выслѣдить [1]). Каналы эти пересѣкались тремя другими, проходившими вдоль стѣны, непосредственно надъ первыми, и лежавшими также на разстояніи около аршина другъ отъ друга, причемъ наружный находился почти у самой поверхности стѣнной облицовки (всего на $^1/_2$ арш.), въ длину-же они тянулись въ обѣ стороны за предѣлы разобранной кладки. Наконецъ, въ самой глубинѣ послѣдней, непосредственно за третьимъ продольнымъ каналомъ, у праваго края, открылась и разгадка тѣхъ отдушинъ, о которыхъ упоминалось выше и которыя могли еще разъ давать поводъ къ разнымъ предположеніямъ о мнимыхъ таинственностяхъ «Рюриковой крѣпости»: въ кладкѣ стѣны обнаружился еще одинъ каналъ, но вертикальный и видимо долженствовавшій (судя по его направленію) имѣть сообщеніе съ одной изъ сказанныхъ отдушинъ въ амбразурѣ, что дѣйствительно и подтвердилось, когда въ проломѣ начали жечь солому, а въ амбразурѣ въ отдушину лить воду; въ обоихъ случаяхъ дымъ и вода проходили вверхъ и внизъ по вертикальному каналу и, такимъ образомъ, сдѣлалось яснымъ, что всѣ эти цилиндрическія пустоты въ стѣнной кладкѣ представляли частью слѣды лѣсовъ, бывшихъ во время постройки, частью же слѣды заложенныхъ въ кладку бревенъ, быть можетъ для большей прочности всего сооруженія, подобно тому, какъ то-же было замѣчено и въ нѣкоторыхъ изъ башенъ [2]).

Для дальнѣйшаго уясненія характера постройки стѣны были произведены развѣдочныя раскопки съ обѣихъ сторонъ ея, близь въѣздныхъ воротъ средней (Воротной) башни, а именно: съ внутренней стороны была окопана часть стѣны, непосредственно примыкающая съ юга къ находящейся здѣсь (около башни) амбразурѣ (сѣверной), причемъ оказалось, что подъ осыпью стѣна сохранила еще свою плитяную облицовку; послѣдняя, выведенная совершенно отвѣсно, начиналась внизу отъ уровня подошвы упомянутой амбразуры и сохранилась вверхъ до высоты потолка, или свода ея, т. е. на протяженіи около 3 арш., ниже же непосредственно слѣдовалъ уже фундаментъ, соотвѣтствовавшій такимъ образомъ уровню подошвы той-же амбразуры и выступавшій на 1 аршинъ отъ

---

[1]) Изъ нихъ крайній былъ свободенъ лишь на сажень, а далѣе въ немъ находилось дерево (дубъ); другой, длиною $4^1/_2$ арш., упирался концомъ въ кладку стѣны, а остальные два уходили еще далѣе, за предѣлы пролома, и въ одномъ изъ нихъ также открыты слѣды сгнившаго дерева. Внутренность всѣхъ довольно правильная, покрытая видимо остатками известковой обмазки.

[2]) Вышеупомянутая разборка кладки вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружила, что внутренность послѣдней въ сильной степени подвергается разрушительному дѣйствію сырости, такъ какъ въ массивѣ стѣны вездѣ замѣтны известковые протеки, вслѣдствіе просачиванія дождевыхъ водъ, а мѣстами видны даже образованія сталактитовъ. По окончаніи работъ разобранное мѣсто было снова задѣлано, причемъ на память будущему были замурованы въ кладку нѣсколько предметовъ, именно: бутылка съ сѣменами овса и ржи, серебряная монета, мѣдная пластинка съ наколотымъ на ней изображеніемъ городища, и глинянная статуетка—издѣліе кустарей Новгородской губерніи.

поверхности стѣны. Самый фундаментъ состоитъ изъ трехъ рядовъ булыжной кладки и углубляется также всего на аршинъ, далѣе же подъ нимъ идетъ черноватый грунтъ.

Не безъинтересно отмѣтить еще, что при окапываніи той-же стѣны въ $2^1/_2$ арш. южнѣе упомянутой амбразуры былъ обнаруженъ край какъ-бы бывшаго здѣсь обвала или пролома, начинавшагося внизу отъ черты фундамента и ясно выслѣживавшагося вверхъ приблизительно до границы сохранившейся облицовки, причемъ въ верхней своей части онъ оказался забраннымъ плитяной кладкой, сложенной на сухо (безъ цемента). Проломъ этотъ, или обвалъ, какъ видно, не былъ однако сквознымъ, потому что извнѣ, на наружной поверхности стѣны никакихъ слѣдовъ его незамѣтно.

Измѣреніе стѣны здѣсь, отъ черты фундамента до гребня, дало $2^2/_3$ сажени отвѣсной вышины.

Раскопка съ наружной стороны стѣны была произведена соотвѣтственно вышеописанной. Здѣсь, подъ осыпью, выше современнаго уровня проходящей у стѣны дороги въ городище, оказался сохранившимся также небольшой остатокъ лицевой поверхности стѣны (всего лишь два ряда тесаныхъ плитъ), но облицовка эта углублялась отвѣсно еще на $^3/_4$ арш. ниже уровня дороги, такъ что послѣдній слѣдовательно въ настоящее время уже возвысился, сравнительно съ первоначальнымъ [1]); надобно замѣтить однако, что эта нижняя часть облицовки состоитъ изъ плитъ какъ бы совсѣмъ неотесанныхъ, почему можетъ являться нѣкоторое сомнѣніе, въ принадлежности ихъ къ надземной кладкѣ и въ древности.

Ниже упомянутой облицовки также обнаруженъ фундаментъ изъ четырехъ рядовъ булыжной кладки, углубляющійся нѣсколько болѣе одного аршина, далѣе же слѣдуетъ уже грунтъ (черная земля).

Что касается размѣровъ стѣны здѣсь, то отвѣсная вышина ея снаружи, отъ черты фундамента до гребня, оказалась 11 ар. 5 вер., т. е. снаружи стѣна спускается ниже поверхности городища лишь на $3^1/_4$ аршина, толщина же стѣны въ ея нижнихъ частяхъ (между сохранившимися съ обѣихъ сторонъ облицовками) найдена равною $9^1/_4$ аршинамъ.

г) Данныя для реставраціи, почерпаемыя изъ прежнихъ указаній, дополнительно къ результатамъ добытымъ раскопками, и общіе заключительные выводы.

---

[1]) Немного ближе къ въѣзднымъ воротамъ (именно подъ самымъ устьемъ амбразуры), это превышеніе составляетъ уже цѣлый аршинъ, такъ какъ дорога идетъ отлогимъ подъемомъ. Равнымъ образомъ и внутри стоящей здѣсь рядомъ башни (Воротной), каменная подошва нижнихъ амбразуръ приходится значительно ниже современнаго уровня внутренней подошвы башни.

1. Стѣна была съ зубцами, имѣла двухъярусную оборону и была покрыта деревянной кровлей (Описи 1655 и 1665- 67 г.).

2. Снаружи стѣны, вдоль ея, быть можетъ, и въ древнѣйшее время существовалъ «отводный острогъ (полисадъ) съ решеткой» 1665—67 г.).

Сравнительная цѣлость остатковъ описаннаго участка ограды, даетъ возможность весьма близко возстановить первоначальный его видъ. Протяженіе участка точно опредѣляется существующими понынѣ развалинами башенъ на его оконечностяхъ (Климентовской и Воротной), наружная же вышина опредѣляется древними документами довольно согласно въ 12—12½ аршинъ и такъ какъ въ эту цифру не входили позднѣйшія деревянныя надстройки (тарасы) [1]), которыми уже въ 1655 г. замѣнены были вѣнчавшіе стѣну каменные зубцы [2]), то изъ сравненія съ современной намъ вышиной послѣдней (11 ар. 5 вер.) получается, что стѣна съ того времени уменьшилась всего лишь на аршинъ, т. е. что процессъ ея разрушенія шелъ главнымъ образомъ на счетъ боковыхъ поверхностей, распадавшихся довольно равномѣрно. Поэтому, зная изъ тѣхъ-же документовъ, что высота зубцовъ была 3 аршина, можно видѣть, что снаружи вся стѣна первоначально достигала около 5 саженъ [3]), съ внутреней же стороны, или съ поверхности городища, та-же вышина при этихъ условіяхъ составляла около 4 саженъ.

Толщина ограды (по верху) показывается всѣми документами въ 8 арш., а въ свѣдѣніяхъ 1655 и 1665—67 г.—9 арш., почему изъ сравненія съ произведенными измѣреніями ея-же въ нижнихъ, хорошо сохранившихся частяхъ у начала фундаментовъ (9¼ арш.) получается разница весьма незначительная, или другими словами—что боковыя поверхности стѣны были бы почти отвѣсныя. Можно даже думать, что незначительную покатость имѣла собственно лишь одна наружная отлогость ея, такъ какъ выше было уже указано, что обнаруженная раскопками плитяная облицовка внутренней поверхности стѣны оказалась выведенною совершенно отвѣсно.

Въ связи съ тѣмъ-же вопросомъ о толщинѣ описываемой ограды, нельзя не указать и на то обстоятельство, что южная изъ имѣющихся здѣсь амбра-

---

[1]) См. опись 1655 г.; равнымъ образомъ въ описяхъ 1685 г. и послѣдующихъ приводится та-же вышина 12½ арш., хотя тарасы на стѣнѣ показываются уже развалившимися.

[2]) Или немного болѣе, если мѣры XVII в. считаны отъ поверхности земли, а не отъ фундамента.

[3]) По крайней мѣрѣ близь Воротной башни.

зуръ оказалась значительно длиннѣе двухъ остальныхъ, изъ чего можно заключить, что поперечные размѣры стѣны были, повидимому, неодинаковы, именно, что въ южномъ своемъ концѣ она была нѣсколько толще, нежели въ сѣверномъ (у Воротной башни), быть можетъ въ зависимости отъ самого плана постройки и расположенія упомянутой башни.

Относительно способа сооруженія стѣны, раскопками, какъ уже сказано, выяснилось, что подошвы ея отлогостей находятся и здѣсь на разныхъ уровняхъ: наружная отлогость спускается до подошвы городища, внутренняя оканчивается на поверхности послѣдняго, или на уровнѣ крѣпостнаго двора, соотвѣтственно съ чѣмъ и фундаментъ подъ стѣною расположенъ съ наружной стороны значительно ниже, чѣмъ съ внутренней.

Въ общемъ, стѣна представляла полигональную ограду до 5 саж. вышиною, облицованную плитою и увѣнчанную рядомъ зубцовъ (толщиною и вышиною въ одну сажень); она имѣла двухъярусную оборону (изъ трехъ амбразуръ и изъ за зубцовъ), причемъ могла фланкироваться изъ расположенныхъ на ея оконечностяхъ башенъ и была покрыта деревянной кровлей, но къ 1655 году гребень стѣны уже лишился вѣнчавшихъ его зубцовъ, которые были замѣнены деревянными тарасами.

Въ документахъ XVII в. указывается еще на существованіе у той-же стѣны «отводнаго острога», о которомъ опись 1655 г. поясняетъ, что онъ назначался для «военнаго обереганья»; по свѣдѣніямъ 1665—1667 года острогъ имѣлъ въ длину 15 саженъ, въ болѣе-же позднихъ спискахъ о немъ говорится какъ уже о развалившемся, но сообщаются еще нѣкоторыя подробности, напр. въ 1685 г.: «Да отъ тое проходной каменной башни (Воротной) съ приходу съ лица отъ воротъ былъ стоячій острогъ отводной и у того острогу были решетки запорныя и тотъ острогъ и решетки огнили и развалились до остатку и припору къ городовымъ воротамъ нѣтъ». Острогъ этотъ, т. е. родъ полисада изъ заостренныхъ, вертикально поставленныхъ бревенъ, судя по его протяженію (15 саж.) и по выраженію описи объ его направленіи — «съ прихода съ лица» [1]), шелъ параллельно или вдоль стѣны, на нѣкоторомъ отъ нея разстояніи и замыкался въ концѣ решеткой, причемъ, по всей вѣроятности, снаружи былъ прикрытъ земляной присыпью [2]).

---

[1]) Точно также описи выражаются и о направленіи всего западнаго фаса, расположеннаго «съ прихода съ лица», причемъ въ 1692 г. еще поясняется—«отъ нѣмецкого свейского рубежа».

[2]) Напр. въ описи Суздаля 1676 г.: «А около городу острогу нѣтъ, острожная осыпь въ прошлыхъ годѣхъ испорчена на селитерное вареніе» (Дополн. акт. истор., т. IX, № 9).

Что касается того, существовалъ-ли онъ при первоначальномъ построеніи крѣпости, или же былъ устроенъ лишь впослѣдствіи, рѣшить за неимѣніемъ данныхъ нельзя.

Общее обозрѣніе крѣпости.

Изъ вышеизложеннаго детальнаго обозрѣнія развалинъ Староладожскаго городища, складывается общій видъ этой грандіозной постройки въ тотъ отдаленный періодъ, когда она была еще въ полной цѣлости. Передъ нами рисуется пятибашенная каменная твердыня, нѣсколько напоминающая характеръ древнихъ итальянскихъ укрѣпленій, съ ихъ башнями по угламъ и по серединѣ длинныхъ фасовъ, но, получившая примѣнительно къ конфигураціи занятаго ею пункта, форму вытянутаго треугольника. Изъ числа башенъ три угловыхъ круглыя, обнесены низкимъ, слегка наклоннымъ цоколемъ и отдѣлявшимъ послѣдній небольшимъ полукруглымъ карнизомъ, а изъ остальныхъ двухъ боковыхъ: одна (западная)—четыреугольная, а другая (восточная)—въ видѣ закругленнаго спереди прямоугольника. Башни соединялись каменными, увѣнчанными рядомъ зубцовъ стѣнами и все сооруженіе облицовано было тесаной плитой и покрыто деревянными крышами. Рядъ бойницъ съ сводчатыми за ними амбразурами, расположенныхъ въ одну линію на протяженіи стѣнъ ограды и цѣлая система таковыхъ-же устроенныхъ въ различныхъ этажахъ всѣхъ пяти башенъ, а также линія стѣнныхъ зубцовъ, составляли всѣ приспособленія крѣпости для пассивной обороны метательнымъ оружіемъ. Наружное сообщеніе производилось черезъ проѣздныя ворота въ боковой западной башнѣ и малый потайной выходъ—въ башнѣ юго-западной, а для обезпеченія гарнизона водою былъ устроенъ подъ другой боковой башней (на Волховѣ) колодезь, совершенно скрытый отъ непріятеля.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ планъ и конструкція всей постройки въ ея первоначальномъ видѣ, сооруженіе которой, по всей вѣроятности, не обошлось безъ участія иностранныхъ мастеровъ господствовавшей тогда на западѣ Романской школы, занесшихъ изъ Новгорода и Пскова вліяніе Романскаго стиля даже въ Ростово-Суздальскую область, какъ напр. это усматривается въ памятникахъ XII в. церковнаго зодчества послѣдней [1]). Быть можетъ даже, что и самая постройка производилась тѣми странствующими артелями вольныхъ камень-

[1]) Гр. А. Уваровъ: «Взглядъ на архитектуру XII в. въ Суздальскомъ княжествѣ» (труды I Археологич. съѣзда).

щиковъ, которыя существовали тогда на западѣ [1]), такъ какъ новгородцы издревле славились лишь плотничествомъ и едва-ли имъ было по силамъ справиться однимъ съ такой задачей въ спеціальной области каменнаго дѣла, какой являлось возведеніе ладожской крѣпости. Можно при этомъ указать и на ту аналогію, которая существуетъ между способами постройки напр. тѣхъ-же древнихъ храмовъ Ростово-Суздальской области и ладожскаго городища, стѣны которыхъ одинаково сложены изъ залитыхъ известью валуновъ, съ облицовкой изъ тесанаго камня и заложенными внутрь дубовыми связями [2]); такимъ образомъ строительные пріемы въ обоихъ случаяхъ употреблены тѣ-же самые.

Какъ бы то ни было, но останавливаясь съ удивленіемъ передъ огромной массой труда и матеріала, затраченныхъ на возведеніе этой неприступной для своего времени твердыни, нельзя однако не замѣтить, что капитальность всего сооруженія не выдержана во всѣхъ его частяхъ въ одинаковой степени и что строителями недостаточно оцѣнены были мѣстныя грунтовыя условія, о чемъ могутъ свидѣтельствовать такіе факты, какъ уже указывавшаяся выше своеобразная конструкція стѣнъ ограды, не имѣвшихъ подъ собою надежнаго основанія, характеръ разрушенія ихъ въ разныхъ мѣстахъ на западномъ и восточномъ фасахъ (опалзываніе и смѣщеніе массивовъ кладки), паденіе средней восточной башни и обнаруженное раскопками въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отсутствіе твердаго материка подъ слабыми фундаментами стѣнъ, вмѣсто котораго оказывались еще почвенные слои. Что касается башенъ, за исключеніемъ средней восточной (уже несуществующей), то колосальные остатки ихъ, сохранившіеся до нашихъ дней, въ особенности башенъ Стрѣлочной и Климентовской, свидѣтельствуютъ о незыблемой прочности этихъ гигантскихъ сооруженій, на которую, повидимому, и были обращены главнѣйшія заботы строителей, стремившихся сдѣлать эти твердыни несокрушимыми противъ всякихъ покушеній тогдашней поліорцетики.

Наконецъ относительно названій самыхъ башенъ остается замѣтить, что считать ихъ современными построенію городища основаній не имѣется. Названіе «Климентовской» башни очевидно находится въ связи съ лежавшимъ южнѣе ея храмомъ во имя св. Климента, но онъ сооруженъ лишь въ 1153 году, т. е. спустя приблизительно 40 лѣтъ послѣ основанія крѣпости. Равнымъ образомъ названіе «Роскатной» башни едва-ли могло явиться ранѣе конца XIV ст. (если еще не позже), т. е. лишь въ связи съ введеніемъ огнестрѣльныхъ орудій, которыми обусловилось и появленіе самыхъ «роскатовъ», какъ мѣста для

---

[1]) Артлебенъ: «По вопросу объ архитектурѣ XII в. въ Суздальскомъ княжествѣ» (тамъ-же).
[2]) П. Полевой: Очерки рус. исторіи въ памятникахъ быта, II, 195.

помѣщенія тѣхъ-же орудій, да и самая башня въ 1628 году именуется еще «Большимъ роскатомъ», точно также, какъ Тайничная—«Тайничнымъ роскатомъ». Названія «Воротной» и «Стрѣлочной», безъ сомнѣнія, также несовременны, потому что въ нихъ звучитъ терминологія позднѣйшая; во всякомъ случаѣ, однако, всѣ эти наименованія встрѣчаются уже установившимися не позже половины XVII столѣтія.

Городъ Деревянный.

Въ тѣсной связи съ каменнымъ городомъ (крѣпостью) находился еще въ Ладогѣ-же *Городъ деревянный*, существованіе котораго рядомъ съ первымъ выслѣживается документально уже въ первой половинѣ XVII вѣка и который составлялъ съ каменнымъ какъ-бы одну общую систему [1]). О слѣдахъ этихъ деревянныхъ укрѣпленій приходилось упоминать уже выше [2]): они лежатъ южнѣе каменнаго городища, непосредственно за отдѣляющей здѣсь послѣднее большой лощиной или балкой, впадающей въ Волховъ (табл. XLVIII и XLIX), и представляютъ нынѣ цѣпь неправильныхъ холмовидныхъ насыпей, окаймляющихъ съ юга и запада берегъ Волхова.

Табл. XLVIII и XLIX.

Рис. 25. Остатки Деревяннаго города съ юго-западн. стороны.

[1]) Подобное совмѣстное существованіе каменныхъ и деревянныхъ укрѣпленій встрѣчается и въ другихъ городахъ, напр. въ Тулѣ и Новгородѣ (Доп. акт. истор. т. IX, №№ 13 и 83).

[2]) См. стр. 5 и 203.

Пространство между Волховомъ и этими насыпями представляетъ площадь, изборожденную глубокими провалами, образовавшимися отъ подземныхъ выемокъ песка, причемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ наблюдаются остатки каменныхъ массивовъ отъ нѣкогда стоявшей здѣсь древней церкви св. Климента [1]). Въ болѣе глубокой древности здѣсь, вѣроятно, существовало земляное городище, а въ XVII в. являются уже упомянутыя укрѣпленія, именуемыя въ документахъ «Деревяннымъ городомъ», а иногда — «Землянымъ», причемъ въ послѣднемъ названіи какъ-бы звучитъ воспоминаніи именно о томъ-же городищѣ (земляномъ) [2]).

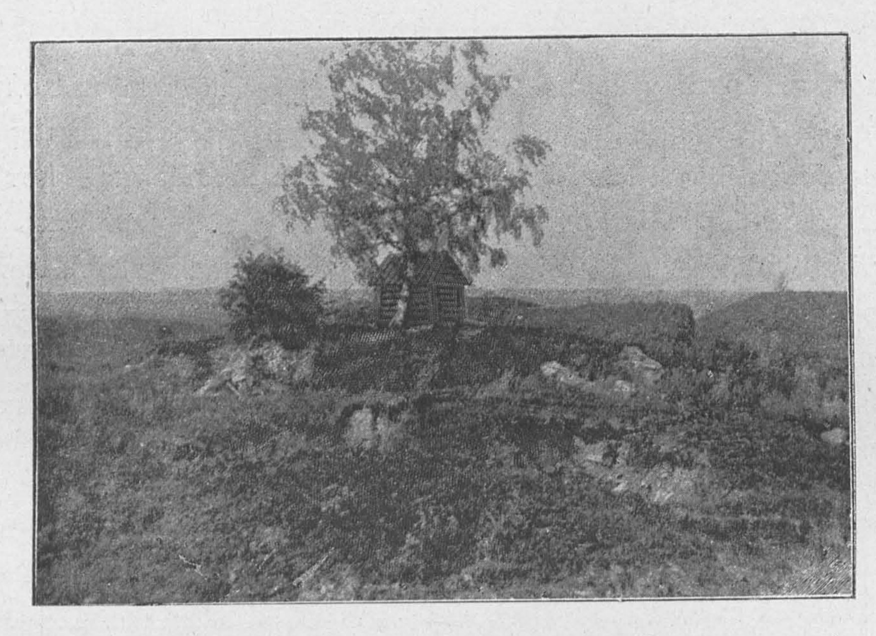

Рис. 26. Мѣсто, гдѣ стояла церковь св. Климента, въ Земляномъ городѣ.

Когда именно эти, сравнительно новѣйшія, укрѣпленія были возведены, точнаго извѣстія не имѣется, но надо думать, что не ранѣе XVII столѣтія; въ свѣдѣніяхъ 1628 г. о нихъ совершенно не упоминается (см. приложенія), но въ въ 1655-мъ говорится, что «Въ Ладогѣ другой городъ деревянный, поставленъ былъ по земляному валу, подлѣ каменного города» и притомъ показывается уже какъ огнившій и развалившійся. Въ переписныхъ книгахъ Ладоги 1646 г.

---

[1]) См. стр. 41.

[2]) Въ выписи изъ писцовыхъ книгъ, данной Успенскому дѣвичью монастырю въ Ладогѣ, въ 1684 г. (Документы Новгор. казенной палаты въ Археогр. комиссіи, № 425), между прочимъ, упоминается, что въ даточныхъ книгахъ 1618 г. показаны отданными ему-же (изъ числа угодій запустѣвшаго Рождественскаго монастыря въ Ладогѣ-же) двѣ полянки — «что у городовой земляной стѣны», въ чемъ быть можетъ также скрывается указаніе на остатки вала прежняго землянаго городища.

значится также два города — «каменный и земляной», но болѣе опредѣленное указаніе читается въ челобитной ладожанъ 1649 года [1]), въ которой между прочимъ говорится, что—«въ нынѣшнемъ 157 году велѣно въ Ладогѣ городъ дѣлать деревянной», т. е. какъ-бы указывается на время основанія послѣдняго; однако, въ виду дальнѣйшихъ мотивовъ, развиваемыхъ въ той-же челобитной, нельзя остановиться и на упомянутомъ годѣ, ибо далѣе прибавляется—«а подѣлывали, государь, въ Ладогѣ каменный городъ и деревянный не однимъ Ладожскимъ уѣздомъ и воеводы писали о томъ къ тебѣ государю и смѣтныя городовыя росписи посылали въ Новгородскую Четверть», т. е. указывается, слѣдовательно, на прошлое время.

Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ указаній можно только заключить, что новыя деревянныя укрѣпленія, быть можетъ, возведены были въ періодъ между 1628 и 1649 г.

Вновь построенный «Деревянный городъ», судя по сообщаемымъ документами измѣреніямъ [2]), имѣлъ приблизительно видъ неправильнаго четыреугольника, восточный фасъ котораго (около 75 саж.) тянулся вдоль берега Волхова, переходилъ черезъ упоминавшуюся уже лощину или балку и упирался въ каменную Роскатную башню стараго городища. Съ сѣверной стороны, обращенной къ послѣднему, ограды онъ не имѣлъ, а отдѣлялся рвомъ, которымъ былъ окруженъ съ трехъ остальныхъ сторонъ, укрѣпленія же его состояли изъ землянаго вала, съ деревянной рубленой стѣной (вышиною вмѣстѣ съ валомъ до 3 саж.), находившагося на восточномъ, южномъ и западномъ фасахъ, и трехъ деревянныхъ-же башенъ, изъ которыхъ одна, въѣздная, стояла всего въ 13 саженяхъ отъ Климентовской башни каменнаго городища [3]), а двѣ прочихъ были расположены на юго-западномъ и юго-восточномъ углахъ города; въ проѣздной башнѣ находились ворота съ калиткой, снаружи которыхъ, на протяженіи 15 саженъ, шелъ стоячій острогъ съ запорной рѣшеткой. Въ описи 1665—67 г., башни носятъ слѣдующія названія: ближайшая къ каменному городищу именуется Воротною, юго-западная—Наугольною и юго-восточная — Бережною (на берегу Волхова); вышина ихъ была отъ 3—4 саженъ, по плану-же начертанія всѣ были

---

[1]) См. Прилож. V.

[2]) Впрочемъ не вполнѣ согласнымъ между собою. Въ особенности отдѣльно отъ прочихъ стоятъ указанія 1665 — 67 г., но такъ какъ прочія рознятся менѣе, то вѣрнѣе придерживаться послѣднихъ.

[3]) Мѣстоположеніе этой въѣздной башни можетъ опредѣляться весьма точно: по указаніямъ документовъ она, какъ уже сказано, находилась въ 13 саж. отъ Климентовской башни, съ которой соединялась валомъ; послѣдній уцѣлѣлъ и понынѣ (см. стр. 204) и имѣетъ почти ту-же длину, слѣдов. въѣздная башня стояла какъ разъ у его оконечности.

шестиугольными [1]); кромѣ того, на протяженіи ограды были въ нѣсколькихъ мѣстахъ устроены «быки» [2]), т. е. болѣе или менѣе значительные, обнесенные рубленой-же стѣной выступы наружу, а нѣкоторые и внутрь ограды (для открытаго помѣщенія огнестрѣльныхъ орудій) [3]), каковыхъ на западномъ фасѣ было два, а на южномъ и восточномъ—по одному, при ширинѣ каждаго быка (т. е. по протяженію ограды) отъ 11—24 саженъ и длинѣ (поперегъ ограды) отъ 4—12 саженъ. Наконецъ въ деревянномъ-же городѣ былъ устроенъ также особый скрытый «подлазъ» или «тайникъ къ Волхову», съ колодцемъ, въ который посредствомъ трубы была проведена вода изъ рѣки, а у юго-западной Наугольной башни внутри города находился еще прудъ, быть можетъ, питавшій водою наружный ровъ крѣпости.

Что касается продолжительности существованія Деревяннаго города, то онъ уже въ 1655 г. находился въ полномъ упадкѣ: «И тотъ деревянный городъ, башни и деревянныя городовыя прясла и отводные быки и у воротъ острогъ и решетка, все огнило и развалилось безъ остатку» [4]). Повидимому однако, онъ послѣ того былъ возобновленъ, или по крайней мѣрѣ капитально исправленъ, ибо въ свѣдѣніяхъ 1665—67 г. о немъ-же читается, что — «тотъ деревянный городъ весь въ цѣлѣ и покрытъ, опрочѣ одной Наугольной» (башни), но спустя всего четыре года положеніе крѣпости снова значительно уже ухудшилось: стоячій острогъ у Воротной башни подгнилъ и развалился, колодезь засыпался и мостъ надъ нимъ обвалился, да и весь городъ по словамъ донесенія 1676 г.— «во многихъ мѣстахъ стоитъ безъ кровли и отъ мокроты гніетъ и валится врознь». Къ 1685 году начали грозить паденіемъ нѣкоторыя части стѣнъ, что вынудило наконецъ произвести небольшой ремонтъ ихъ, именно въ 1686 г., когда былъ починенъ и вновь покрытъ крышами западный фасъ ограды, но и то не весь [5]), все-же прочее осталось въ прежнемъ видѣ, судя по извѣстію 1692 г., передающему, что—«на томъ деревянномъ городѣ и на башняхъ и по

---

[1]) По крайней мѣрѣ, по свидѣтельству описи 1665—67 г., въ другихъ же, хотя онѣ показаны круглыми, но очевидно лишь приблизительно, ибо при постройкѣ изъ деревянныхъ вѣнцовъ, башни должны быть многогранными.

[2]) Или «выводы», какъ они названы въ описи 1668 г.

[3]) Въ чемъ состояла разница между быками и роскатами въ нашей древней терминологіи, неизвѣстно, назначеніе же тѣхъ и другихъ одинаковое. Въ каменныхъ постройкахъ, напр. башняхъ, слово быки употреблялось въ смыслѣ контрфорсовъ.

[4]) См. прилож. IX.

[5]) См. прилож. XIV и Опись 1698 г. въ Журн. Мин. внутр. дѣлъ 1838 г., ч. 29. Повидимому объ этомъ именно ремонтѣ и упоминается въ челобитной Николаевскаго Медвѣдскаго монастыря 1686 г. (см. стр. 151), но въ послѣдней прибавлено еще и о починкѣ одной изъ башенъ и пороховаго погреба, о чемъ въ воеводскихъ донесеніяхъ однако не оговаривается.

городу мостовъ нѣтъ и отъ мокроты все гніетъ и валится». Наконецъ, въ 1697 г. говорится, что, вдобавокъ къ прежнему разрушенію, начали валиться самыя башни, напр. Наугольная (юго-западн.), которая «подгнила и шатнулась за городъ и городовая стѣна отъ тое башни отстала и валится врознь, тайникъ и колодезь все огнило безъ остатку, ровъ осыпалась и заросла, прудъ и трубы (для спусканія воды въ ровъ) огнили и заросли и вода стоитъ въ городѣ»!

Вооруженіе.

Упомянутое сооруженіе новыхъ деревянныхъ укрѣпленій можетъ объясняться все болѣе и болѣе обнаруживавшимся упадкомъ старой (каменной) крѣпости, затруднительностью капитальнаго ея ремонта, а также и тѣснотою ея расположенія, къ концу-же XVII стол. какъ та, такъ и другая видимо были уже заброшены. Тѣмъ не менѣе, за обѣими до послѣдняго времени продолжало все-таки удерживаться какъ-бы извѣстное военное значеніе, потому что въ нихъ продолжало состоять артиллерійское вооруженіе, хранились нѣкоторые запасы, находился постоянный гарнизонъ и содержались караулы при въѣздахъ. Такъ, по свѣдѣніямъ 1628 г. въ каменной крѣпости числилось на вооруженіи 27 орудій (пищалей и тюфяковъ), отъ 1/4 — 5 1/2 фн. калибра [1]) и къ нимъ припасовъ — 20 пуд. пороха и 1160 ядеръ, артиллерійскихъ же чиновъ было всего шесть пушкарей и два воротника. Приблизительно то-же самое находимъ и позднѣе, несмотря на сказанную пристройку новой деревянной крѣпости: напр., въ 1668 г. общее число орудій въ обѣихъ показано 26, а въ 1669-мъ— 30, равно какъ и въ послѣдующіе, въ теченіи которыхъ наличность артиллеріи колеблется между тѣми-же цифрами, такъ что съ расширеніемъ крѣпости составъ ея вооруженія не увеличился. Всѣ орудія размѣщались по башнямъ, въ деревянной же крѣпости маленькими затинными пищалями были воо-

[1]) Онѣ были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: На Воротной башнѣ—18 пищалей (въ томъ числѣ 16 мелкихъ затинныхъ) и 2 тюфяка; на Стрѣлочной—2, на Тайничной—1, на Роскатной и Климентовской по 2 пищали и 1 тюфяку.

Въ 1655 г. въ каменной крѣпости: на Воротной башнѣ 2 пищали и въ воротахъ тюфякъ мѣдный — 1; на Стрѣлочной — пищалей 19 (въ томъ числѣ 16 малыхъ затинныхъ) и тюфякъ желѣзный—1; на Климентовской башнѣ пищаль 1 и на стѣнѣ между Воротной и Климентовской башнями пищалей 2 и тюфякъ 1. Ко всѣмъ орудіямъ исчислено 1330 ядеръ.

Въ 1665—67 г. въ обѣихъ крѣпостяхъ: Въ каменной — на Климентовской башнѣ 2, на Воротной—3, на Стрѣлочной—3 и на Роскатной—1. Въ деревянной — на Воротной и Наугольной башняхъ по 1 и кромѣ того на башняхъ-же и быкахъ 15 пищалей затинныхъ.

ружены и быки, устроенные въ нѣсколькихъ мѣстахъ по ея оградѣ. Но значительную часть и этого скромнаго вооруженія, скоро пришлось убрать въ кладовыя, такъ какъ съ упадкомъ исправности крѣпости, для многихъ орудій уже не находилось мѣста; напр. въ свѣдѣніяхъ 1676 г., по башнямъ ихъ исчислялось только 11 (9 въ каменной крѣпости и 2 въ деревянной), остальныя же 18 (въ томъ числѣ 15 пищалей затинныхъ) показаны лежащими — «въ амбарѣ у цѣловальника, для того что поставить на городовой стѣнѣ и въ башняхъ негдѣ». То-же самое встрѣчается и въ свѣдѣніяхъ 1685 г., по донесенію же 1692 г въ каменной крѣпости ихъ стояло всего 7, а въ деревянной лишь 1 —въ воротахъ; въ сущности, и эти немногія были для обороны совершенно безполезны, по состоянію какъ самой крѣпости, такъ и матеріальной части ея артиллеріи, ибо напр. въ 1655 г. упоминаются такія орудія, у которыхъ «станки и колеса огнили безъ остатку» и указывается, что «наряду (пушкамъ) безъ станковъ и безъ колесъ въ осадное время быть отнюдь не мочно», или въ донесеніи 1692 г., что—«пушки стоятъ въ башенныхъ окнахъ съ великой нуждою и подъ тѣми пушками станки и колеса сгнили и въ нужное время къ тѣмъ пушкамъ придтить будетъ немочно, что мостовъ въ башняхъ нѣтъ»!

Что касается гарнизона крѣпости, то какъ въ 1628 г., такъ и въ концѣ XVII стол., въ немъ числилось около 200 стрѣльцовъ и казаковъ, съ разными при нихъ начальными людьми [1]), причемъ на обязанности его-же лежало содержаніе перемѣнныхъ карауловъ еще въ трехъ сосѣднихъ съ Ладогою пунктахъ, именно— верстахъ въ 40 (на нѣмецкомъ рубежѣ) въ Лавуйскомъ острожкѣ [2]) и на двухъ заставахъ при Волховскомъ и Сяскомъ устьяхъ (верстахъ въ 15—20 отъ Ладоги), въ которыхъ постоянно находились съ заставными головами небольшія команды отъ 10—20 человѣкъ стрѣльцовъ и казаковъ (въ Лавуйскомъ острожкѣ даже съ пушками), смѣнявшіяся черезъ каждыя двѣ, три недѣли изъ Ладоги-же.

---

[1]) См. ч. I—Населеніе.

[2]) Т. е. на рѣкѣ Лавѣ, впадающей въ Ладожское озеро западнѣе Волхова. Въ свѣдѣніяхъ 1662 г. о немъ говорится: «Указалъ великій государь послать межевыхъ судей... межъ Ладоги и острожка на усть рѣки Лавуи у Ладожскаго озера, гдѣ та рѣка въ Ладожское озеро впала»... (Документы Новгородск. Губернск. Правленія въ Археогр. Комиссіи: Книга великого государя грамотамъ, 170—173 г,—«Столпъ межевой 170 г.»).

Древніе памятники въ городищѣ.

Въ заключеніе описанія Староладожскаго городища, остается еще сказать нѣсколько словъ о двухъ древнихъ памятникахъ, ютящихся и понынѣ среди его развалинъ, именно о двухъ храмахъ во имя св. великомучениковъ Георгія и Димитрія.

Табл. L—LV.

Первый изъ нихъ — каменная церковь во имя св. Георгія (Табл. L—LV) представляетъ драгоцѣнный историческій памятникъ, быть можетъ, существовавшій еще до построенія самой крѣпости, такъ какъ названіе храма ставятъ въ связь съ именемъ Ярослава I (въ крещеніи Георгій), княжившаго въ Новгородѣ, по мнѣнію же другихъ постройка его относится къ XII вѣку, т. е. признается современной городищу и пріурочивается къ княженію въ Новгородѣ Мстислава Владиміровича [1]). Во всякомъ случаѣ, глубокая древность церкви не подлежитъ сомнѣнію, что доказывается планомъ и способами ея постройки, открытыми въ ней фресками и нѣсколькими дошедшими до насъ (нынѣ уже несуществующими) надписями, изъ числа находившихся когда-то на первоначальной обмазкѣ стѣнъ [2]). Та-же древность храма подтверждается и свидѣтельствами историческими, ибо изъ лѣтописи извѣстно, что въ 1446 г. Архіепископъ Евѳимій—«заложи монастырь св. Георгія въ городкѣ въ Ладогѣ и церковь св. Георгія понови и подписа, идѣже отпало и покры ю чешюею и бысть крестьяномъ прибѣжище» [3]), т. е. рѣчь идетъ объ обращеніи той-же церкви въ монастырь, но не о самомъ ея основаніи; объ этомъ-же свидѣтельствуется и въ грамотѣ 1678 г. митрополита Корнилія, въ которой говорится, что — «та де церковь великомученика Георгія строеніе преосвященнаго Евѳимія архіепископа Великаго Новограда и Пскова» [4]). Затѣмъ древ-

---

[1]) В. Прохоровъ: Христіанскія древности и археологія, 1871 г., кн. I.

Названіе церкви здѣсь сопоставляется съ именемъ Мстислава въ крещеніи — Георгій; по другимъ свѣдѣніямъ (Д. Иловайскій: Исторія Россіи, т. I, ч. I, 199), онъ именовался не Георгій, а Ѳеодоръ.

[2]) Нынѣ извѣстны только четыре надписи (изъ числа бывшихъ въ олтарѣ), сохраненныхъ въ Исторіи россійск. іерархіи архимандрита Амвросія (IV, 138), а именно:

1) Г҃и помози рабоȣ своıемȣ Панкратоȣ дѧкȣ свѧтого Сергиѧ.

2) М҃сца Гьноварѧ въ осмыи день престависѧ Софиѧ Дроциловаѧ.

3) М҃сца Авгȣста день престависѧ ра Божи Петро Домажировицъ на ст҃аго Елеферия въ день.

4) М҃сца Октѧбрѧ въ осмы день престависѧ рабо Б҃жи Гюрги Нисцковіци.

Палеографическіе признаки этихъ надписей и собственныя имена здѣсь встрѣчающіяся, считаются не позднѣе XIII столѣтія.

[3]) Полн. собр. рус. лѣтоп., т. IV, 123. По другимъ спискамъ это было въ 1445 году.

[4]) См. прилож. XVI. Грамота эта извлечена нами изъ числа старинныхъ бумагъ, бережно сохраняемыхъ почтеннымъ жителемъ Старой Ладоги мѣщаниномъ В. Парфеновымъ.

ность послѣдней свидѣтельствуется и другими документами, напр., въ грамотѣ царя Михаила Ѳеодоровича 1631 г. говорится, что—«храмъ страстотерпца Христова Георгія въ Ладогѣ одинъ, строенье нашихъ прародителей давныхъ лѣтъ» [1]). причемъ поясняется, что—«Божіе милосердіе образы и книги и ризы и колокола данье наше-жъ, а до раззоренья де было въ тотъ монастырь наше жалованье годовая руга деньги и хлѣбъ и милостыня», т. е. что самая церковь издревле была ружная и строенія государева, а не приходскаго.

Такимъ образомъ, Георгіевскій храмъ является памятникомъ, вполнѣ гармонирующимъ съ окружающими его вѣкодавними развалинами городища, но историческихъ свѣдѣній о немъ сохранилось очень мало. Обращенный въ 1446 г., какъ уже сказано, въ монастырь, онъ съ этихъ поръ упоминается уже подъ названіемъ Георгіевскаго Застѣннаго монастыря [2]), которое удерживается за нимъ еще и въ 1775 г., т. е. въ теченіи болѣе 300 лѣтъ. Изъ скудныхъ о немъ свѣдѣній видно, что монастырь существовалъ въ бѣдности; такъ уже грамотою архіепископа Леонида 1572 г. [3]) онъ былъ освобожденъ отъ платежей разныхъ пошлинъ въ домовую казну преосвященнаго, въ началѣ-же XVII вѣка въ эпоху смутъ онъ подвергся вмѣстѣ съ Ладогой полному раззоренію, и только въ 1618 году послѣдовало его новое освященіе (2 Іюня) игуменомъ Медвѣдскаго монастыря Ѳеодоритомъ, причемъ по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, въ немъ въ 1628 г. состоялъ только одинъ іеромонахъ съ причтомъ [4]), по писцовымъ же книгамъ 1629 г.—«въ томъ монастырѣ игумена и братьи нѣтъ, а у Егорья великомученика служитъ попъ мірской, да дьячекъ, да пономарь, да проскурня и тѣмъ соборяномъ руга идетъ изъ Великого Новагорода изъ Дворцоваго приказу» [5]). Черезъ два года, однако, въ монастырѣ

---

[1]) См. Прилож. XV.

[2]) Такъ въ переписной книгѣ Вотской пятины 1500 года, уже значатся «поземщики Егорьевскаго монастыря изъ Ладоги изъ за стѣны». Самое названіе находится очевидно въ связи съ расположеніемъ монастыря внутри каменнаго городища.

[3]) Таковая существовала въ монастырѣ еще въ 1745 г., какъ видно изъ описи этого-же времени, найденной нами въ числѣ документовъ, хранящихся у ладожскаго мѣщанина В. Парфенова (См. прилож. XVII).

[4]) Матеріалы для стат. Рос. Имперіи, изд. Мин. внутр. дѣлъ, отд. I, 63. (Также Ист.—статистич. свѣд. о С.-Петер. епархіи, 1884 г., вып. IX, 133).

[5]) См. прилож. XV. О размѣрѣ руги здѣсь-же говорится: «Въ монастырь мученика Георгія въ Ладогу по окладу годового 16 гривенокъ, темьяну 8 алтынъ, да пудъ воску 40 алтынъ, да того-жъ монастыря проскурницѣ да старцомъ двемъ человѣкомъ и всего шти человѣкомъ годовые руги по окладу 4 рубли 6 алтынъ 4 деньги, и всего въ тотъ монастырь на церковный обиходъ и церковникомъ и старцомъ шти человѣкомъ по окладу годовые руги 5 руб. 21 алт. 4 деньги».

Подтвердительныя ружныя грамоты 1646 и 1680 г. тому-же монастырю, существовали въ послѣднемъ еще въ 1745 году.

снова упоминается общежитіе, покрайней мѣрѣ въ той-же вышеуказанной грамотѣ 1631 г. уже говорится, что—«билъ челомъ изъ Ладоги Егорьевскаго монастыря черной попъ Корнилей съ братьею и съ причетники...., вотчины де къ той церкви нѣтъ ни одной чети, а приходу-де у той церкви нѣтъ, а былъ-де у нихъ только одинъ бобыль на новочищенномъ починкѣ на поженкѣ и въ прошломъ 137 году того ихъ бобыля приписали къ нашимъ рядкамъ». Тотъ-же недостатокъ и нужда монастырская видны изъ грамоты митрополита Корнилія 1678 г., которою онъ вновь освобождаетъ монастырь отъ поставки подводъ, какъ было изстари—«потому что мѣсто убогое, земли и прихожанъ нѣтъ и кормятся своею работою..., и мы преосвященный Корнилій пожаловали, подводъ и кормовъ съ нихъ за ихъ скудость, и города Ладоги попомъ съ причетники въ подводы и въ кормы подмоги, имѣть не указали» [1]).

Затѣмъ имѣются свѣдѣнія, что къ 1764 г. Застѣнный монастырь былъ уже упраздненъ и Георгіевская церковь въ штатахъ того времени значится уже приходскою [2]), а въ 1837-мъ она утратила было даже свою самостоятельность, такъ какъ указомъ С.-Петербургской Духовной консисторіи была приписана къ Успенскому монастырю въ Ладогѣ; однако, по прошенію мѣстныхъ прихожанъ, обязавшихся даже давать денежное содержаніе причту церкви, указомъ той-же консисторіи 1839 г. древнему Георгіевскому храму снова было возвращено независимое положеніе [3]), въ какомъ онъ остается и по настоящее время [4]).

Вотъ все немногое, что извѣстно объ исторіи этого представителя древняго церковнаго зодчества Новгородской области. Относительно его сохранности нельзя не замѣтить, что если древній видъ храма и измѣнился уже во многомъ, то не столько подъ тяжестью вѣковъ, пережитыхъ самимъ памятникомъ, сколько отъ темнаго усердія своихъ-же почитателей. Можно напр. указать на судьбу

---

[1]) См. прилож. XVI.

[2]) Матеріалы для стат. Рос. имп., издан. Минист. Внутр. дѣлъ, отд. I, 63.

[3]) Изъ документовъ Георгіевской церкви. По указаніямъ Ист.-ст. свѣдѣній о С.-Петерб. епархіи, самостоятельность церкви возстановлена въ 1837 же году.

[4]) Изъ прежнихъ священнослужителей Георгіевской церкви, въ разныхъ документахъ и изданіяхъ, упоминаются: Въ 1592 г. (1572-мъ?)—Діонисій (строитель); въ 1618-мъ—Василій; въ 1646 и 1649-мъ—Нафанаилъ; въ 1669-мъ—Василій Васильевъ; въ 1670-мъ—Гавріилъ Өедоровъ; въ 1671-мъ—черный попъ Филаретъ; въ 1678—85 г. Левъ Ивановъ; въ 1685-мъ—Аникій Аристарховъ; въ 1701-мъ—Иванъ Харлампіевъ; въ 1717—26 г.—Никифоръ Михайловъ; въ 1730-мъ—Евстратій Никифоровъ; въ 1755—77 г.—Өедоръ Тимоөѣевъ; въ 1777—83-мъ—Иванъ Өедоровъ; въ 1783—1813-мъ—Николай Аөанасьевъ; въ 1817—48-мъ—Николай Өедоровъ; въ 1849—52-мъ Алексѣй Мудролюбовъ и въ 1852—70 г.—Іоаннъ Малоземовъ.

драгоцѣнной по своей глубокой древности фресковой живописи, покрывавшей когда-то всю внутренность Георгіевской церкви, существованіе которой впервые было обнаружено около 1780 года преосвященнымъ Гавріиломъ, митрополитомъ новгородскимъ [1]), и хотя въ то время она скрывалась подъ слоемъ неизвѣстно когда наведенной на нее штукатурки [2]), но находилась еще въ цѣлости. Были-ли освобождены тогда преосвященнымъ всѣ фрески, или-же только часть ихъ, свѣдѣній не имѣется, но безъ извѣстнаго поврежденія конечно не обошлось и въ то время, что можно видѣть хотя-бы изъ факта открытія нѣсколькихъ уже упоминавшихся древнѣйшихъ надписей, найденныхъ подъ фресковой живописью, да и вѣроятной неумѣлости лицъ, производившихъ тогда снятіе верхней штукатурки. Во всякомъ случаѣ, большая часть фресокъ осталась, однако, еще въ цѣлости и просуществовали до 1847 г. [3]), когда на нихъ наложили руки новѣйшіе ревнители храмоваго благолѣпія, рѣшившіе, по случаю производившагося ремонта церкви, отбить множество фресокъ и заштукатурить стѣны вновь, что и было осуществлено съ полнымъ успѣхомъ [4]), а немногія уцѣлѣвшія затѣмъ изображенія, были, какъ видно, забѣлены известкой.

Слухъ объ этомъ дошелъ однако до Духовной консисторіи, которая въ 1850 г. поручила члену новоладожскаго Духовнаго правленія іеромонаху Аполлосу распорядиться очисткой оставшихся фресокъ, что и было исполнено, а затѣмъ предписала, чтобы послѣднія были охранены отъ всякаго поврежденія, въ 1857-мъ же году Святѣйшимъ Синодомъ было поручено надворному совѣтнику Львову осмотрѣть остатки тѣхъ-же фресокъ, съ которыхъ частью и были

---

[1]) Матеріалы для стат. Рос. имперіи, издан. Мин. Вн. дѣлъ, отд. I, 63. Въ вопросѣ о древности сооруженія самого храма важно еще то обстоятельство, что подъ росписнымъ фресковымъ слоемъ была обнаружена тогда-же еще болѣе древняя стѣнная обмазка, весьма тонкая, на которой были найдены вышеупоминавшіяся надписи (см. стр. 233).

[2]) Быть можетъ, передъ освященіемъ церкви въ 1618 г. (П. Кеппенъ: Списокъ рус. памятникамъ, № 38). Во времена архіепископа Евѳимія (XV в.) фрески, видимо, оставались еще открытыми, ибо слова лѣтописи о ремонтѣ церкви въ 1446 г.—что владыко въ ней—«подписа идѣже отпало», по всей вѣроятности, относятся именно къ подправленію стѣнной живописи.

[3]) Такъ, еще П. Кеппенъ упоминаетъ о рисункѣ или копіи «образа св. Аверкія, корсунскаго письма, снятомъ 5 Іюня 1821 г. въ старой Ладогѣ, въ церкви св. великомученика Георгія» (Списокъ русскимъ памятникамъ, № 38).

[4]) Ист.-стат. свѣд. о С.-Петерб. епархіи, вып. IX, 133.

Повидимому слѣды этихъ-же дѣяній были встрѣчены и покойнымъ В. Прохоровымъ, который нашелъ въ сосѣдней съ церковью башнѣ городища (Роскатной) цѣлую груду обломковъ штукатурки, съ фрагментами фресковой на нихъ живописи (Христ. древн. и археологія, 1871 г., кн. II).

сняты имъ рисунки, но болѣе открыть въ церкви подобныхъ изображеній Львову не удалось [1]).

Въ 1858 г. уцѣлѣвшія еще фрески были срисованы покойнымъ В. Прохоровымъ и вмѣстѣ съ краткимъ описаніемъ самой церкви появились въ его изданіи [2]),

---

[1]) Указанія эти почерпнуты изъ донесенія причта Георгіевской церкви 1859 г. Считаемъ справедливымъ привести здѣсь нѣкоторыя объясненія того-же причта, по поводу гибели фресокъ: въ донесеніи говорится, что — существующія въ Георгіевской церкви фрески (т. е. остатки отъ 1847 г.?) были по неосторожности забрызганы (sic) известью, во время штукатуренія и отдѣлки церкви въ 1847 г. (объ отбивкѣ штукатурки и свалкѣ ея въ башню ничего не упоминается), въ связи съ чѣмъ и находится распоряженіе консисторіи 1850 г. объ ихъ очисткѣ. Далѣе въ донесеніи развивается, что имѣющіеся еще въ разныхъ мѣстахъ на стѣнахъ церкви остатки изображеній, большею частью не въ полномъ видѣ (напр. однѣ руки или ноги, головы и т. под.) и потому не представляютъ ничего историческаго цѣлаго, а между тѣмъ даютъ храму уродливость и безобразіе (sic); причтъ затрудняется вносить даже въ описи упоминаемыя изображенія, такъ какъ не знаетъ названій послѣднихъ, кромѣ нѣкоторыхъ лучше сохранившихся, а не только описывать ихъ на бумагѣ, и что всѣхъ вообще изображеній на стѣнахъ Георгіевской церкви можно считать до 20, а фигуръ въ нихъ до 80-ти.

Въ дополненіе къ тому-же не безъинтересно привести здѣсь найденную нами въ старыхъ бумагахъ Георгіевской церкви черновую опись тѣхъ-же фресокъ, составленную, повидимому, около 1854 года.

«Какъ въ самой церкви, такъ и въ олтарѣ имѣются на стѣнахъ изображенія святыхъ. Надъ входною западною дверью изображеніе Божіей Матери и шести апостоловъ, сидящихъ на двунадесяти отдѣльныхъ престолахъ, чтобы судить 12 колѣнъ израилевыхъ. За престолами судій предстоятъ лики вооруженныхъ ангеловъ, готовые исполнить приговоръ. По южной стѣнѣ (обращенные лицомъ къ судьямъ) подсудимыя толпы женъ, идущихъ на судъ робко, съ поникшими главами. На правой низкой аркѣ у праваго клироса имѣется изображеніе св. мученицы съ небольшимъ осьмиконечнымъ крестомъ въ лѣвой рукѣ; на лѣвой аркѣ у лѣваго клироса ликъ чудотворца Николая. По южной стѣнѣ къ иконостасу движется сонмъ святыхъ и блаженныхъ, провождаемый ко Святой Святыхъ ликомъ ангеловъ. Въ куполѣ церкви, значительно испорченномъ сыростью (сколько можно видѣть снизу) стоятъ между оконъ патріархи или пророки, а самый сводъ поддерживаютъ ангелы. Въ олтарѣ въ полукуполѣ жертвеника имѣется изображеніе архангела съ распростертыми крылами,—какъ бы преклонившись къ жертвеннику небесный стражъ охраняетъ святыню. Точно такое-же изображеніе и въ полукуполѣ діаконника; впадина діаконника вся занята весьма легко писаннымъ на ней изображеніемъ св. великомученика Георгія на бѣломъ чешуйчатомъ конѣ, съ красноватой гривой и хвостомъ, перетянутымъ на серединѣ въ узелъ; въ ногахъ коня лежитъ чудовище, на шею котораго накинута петля изъ убруса, другой конецъ коего держитъ въ рукѣ дѣвица, которая была обречена на снѣдь чудовищу. Съ изображенныхъ выше городскихъ стѣнъ взираютъ съ изумленіемъ царственныя и другія лица. Подъ изображеніемъ великомученика написаны три евангелиста (безъ символическихъ животныхъ). На горнемъ мѣстѣ въ серединѣ окно, вровень съ нимъ обращены къ нему съ правой стороны два святителя въ бѣлыхъ крестовыхъ ризахъ, подъ нимъ на отдѣльномъ антабламентѣ, въ кругахъ, обрамленныхъ и связанныхъ между собой орнаментными завитками прекраснаго стиля, изображенія двухъ евангелистовъ (также безъ символическихъ животныхъ)».

[2]) Христіанскія древности и археологія 1871 г.

но такъ какъ воспроизведеніе ихъ заставляетъ желать лучшаго, то нынѣ тѣ-же фрески, вновь скопированныя съ натуры подъ руководствомъ академика В. В. Суслова, помѣщаются и въ настоящемъ изданіи.

Много измѣненій потерпѣлъ и внѣшній видъ древняго храма, къ которому въ новѣйшее время пристроили съ западной стороны теплую церковь съ каменной колокольней, пробили новыя окна, передѣлали покрытія и проч., но подобныя-же измѣненія извѣстны и ранѣе. Такъ, въ 1683 — 1684 году игуменъ Лаврентій— «каменную вельми обвѣтшанную церковь Георгіеву обновилъ и вновь трапезу каменную-же придѣлалъ» [1]); въ 1745-мъ при храмѣ значилась каменная паперть и каменная колокольня «въ трехъ столпахъ», на которой было пять небольшихъ колоколовъ, но церковная глава еще сохраняла свой древній видъ, будучи обита какъ и въ XV вѣкѣ — «чешуею» (гонтомъ). Во всякомъ случаѣ и эти древнія пристройки нынѣ не существуютъ, такъ какъ вмѣсто каменной колокольни въ церковныхъ вѣдомостяхъ 1829 года уже значится колокольня деревянная, вѣроятно та-же самая, которая видна на изображеніяхъ Ладоги Бороздина 1809 г. (см. стр. 181, рис. 15), но до того ветхая, что угрожала паденіемъ (разобрана въ 1837 году), паперть-же была сломана въ послѣднее время, при пристройкѣ теплой церкви съ новой каменной-же колокольней, существующей въ настоящее время.

Почти ничего не сохранилось и изъ предметовъ древняго церковнаго обихода, на который въ такой степени мало обращалось вниманія даже въ половинѣ текущаго столѣтія, что по посѣщеніи въ 1858 г. Георгіевской церкви петербургскимъ вице-губернаторомъ, послѣдній заявляя Духовной консисторіи о существованіи въ этомъ древнемъ храмѣ стѣнной живописи, почти всей закрытой штукатуркой, прибавлялъ, что «церковныя древности въ немъ, какъ-то старинныя ризы замѣчательныя по своему покрою, матеріи и узорамъ, оловянные сосуды, дарохранительница, древняя купель и иконостасъ, сохраняются безъ особой бережливости и вообще замѣтно мало заботливости о сохраненіи этихъ замѣчательныхъ древностей». Впрочемъ, можно прибавить, что немногое уже, за исключеніемъ развѣ церковныхъ облаченій, находилось въ той-же церкви и полтораста лѣтъ назадъ, какъ можно видѣть изъ описи ея 1745 года [2]). Одинъ изъ любопытныхъ предметовъ, принадлежавшихъ когда-то Георгіевскому храму, хранится нынѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ, куда онъ

---

[1]) Извѣстія церковно-археологич. общества при Кіевской Духовной академіи, 1883 г., вып. VI, 28.

[2]) См. прилож. XVII.

поступилъ въ 1821 г. [1]): онъ представляетъ родъ небольшаго желѣзнаго ящичка, съ искривленнымъ прорѣзомъ на верху, привѣшенный на цѣпи къ размыкающемуся желѣзному-же кольцу, которое видимо надѣвалось на шею (табл. LXIII), причемъ весь приборъ, вѣроятно, предназначался служить чѣмъ-то въ родѣ церковной кружки для сбора подаянія, быть можетъ, налагавшагося въ видѣ наказанія или покаянной эпитеміи на провинившагося. Табл. LXIII.

Другой храмъ въ городищѣ — маленькая деревянная церковь во имя св. великомученика Димитрія Селунскаго (табл. LVI—LVIII), находящійся съ сѣверной стороны Георгіевскаго (въ разстояніи всего 5—6 саж.), служитъ нынѣ только напоминаніемъ о бывшей на мѣстѣ ея въ прежнія времена подобной-же деревянной церкви, съ тѣмъ-же престоломъ, такъ какъ сооруженъ лишь въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія. О времени построенія прежней церкви свѣдѣній не имѣется, но судя по тому, что о ней умалчивается въ переписной книгѣ 1500 г. и что въ 1730 г. ее принуждены были разобрать за ветхостью, можно заключать, что она сооружена, вѣроятно, въ началѣ XVII ст., однако, едва-ли ранѣе раззоренія Ладоги въ смутное время, такъ какъ при занятіи послѣдней непріятелемъ ей было-бы трудно спастись отъ истребленія. Во всякомъ случаѣ, старая Димитріевская церковь упоминается уже въ переписныхъ книгахъ 1646 г. [2]), причемъ о ней, вмѣстѣ съ Георгіевской, говорится, что въ обѣихъ—«образы и книги и ризы и колокола строенье государево». Въ 1730 г. священникъ Георгіевскаго Застѣннаго монастыря Евстратій, подалъ съ прихожанами челобитье, что «издревле въ томъ Застѣнномъ монастырѣ чрезъ многія лѣта была деревянная церковь во имя великомученика Димитрія построена, которая уже весьма нынѣ огнила и обветшала и служить въ ней невозможно», почему и просили о перестройкѣ ея, вслѣдствіе чего въ Декабрѣ мѣсяцѣ того-же года состоялся указъ, чтобы старую церковь разобрать и на томъ-же мѣстѣ построить вновь, а прежній церковный лѣсъ, что годно, употребить на то-же церковное или оградное строеніе, обветшавшій-же сжечь при рѣкѣ и пепелъ, завязавъ въ холстъ, опустить въ воду [3]). Въ 1731 г. она была уже перестроена и освящена, причемъ изъ свѣдѣній 1745 года видно, что церковь была крыта тесомъ, глава обита чешуею (гонтомъ) и на ней укрѣпленъ деревянный, окованный жестью крестъ. Табл. LVI—LVIII.

---

[1]) Н. П. Кондаковъ: Указатель отдѣленія среднихъ вѣковъ, стр. 130.

[2]) См. прилож. II.

[3]) Изъ старыхъ бумагъ Георг. церкви (см. также Ист.-стат. свѣд. о С.-Петерб. епархіи, вып. IX. 133).

Въ настоящее время Димитріевской храмъ находится уже въ состояніи полнаго разрушенія, такъ какъ, неподдерживаемый ремонтомъ, представляетъ только печальную руину, ежечасно грозящую окончательнымъ паденіемъ [1]).

Н. Е. Бранденбургъ.

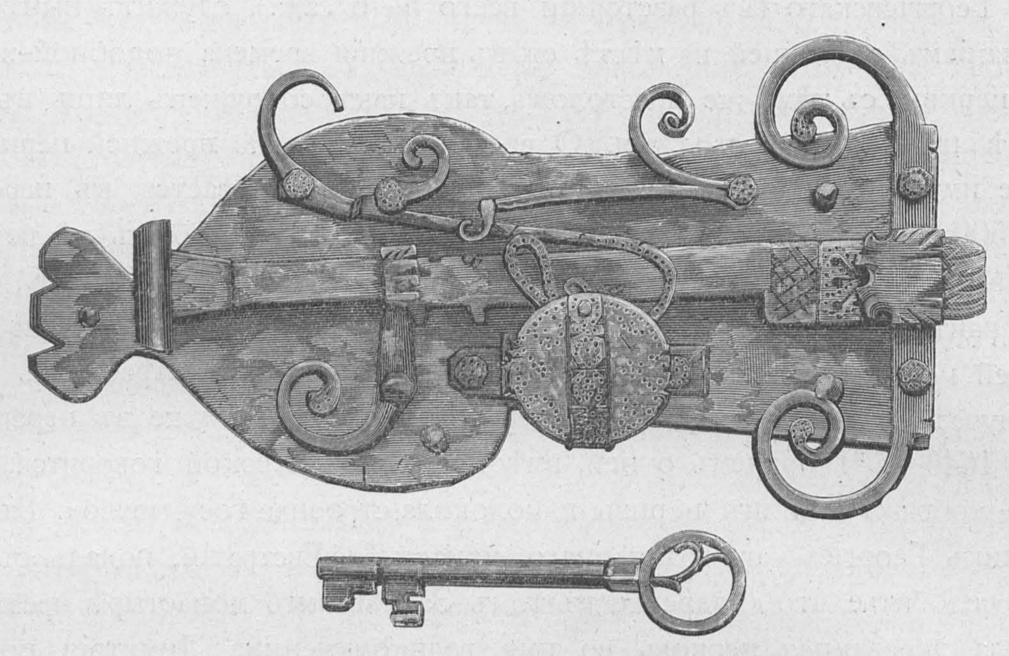

Рис. 27. Старинный дверной замокъ въ Димитріевской церкви.

[1]) Въ церковныхъ описяхъ 1854 г. онъ показанъ уже очень ветхимъ. Замѣчательно, однако, что когда въ 1865 г. валаамскій игуменъ Дамаскинъ сдѣлалъ предложеніе пріобрѣсти покупкою этотъ запущенный и разрушающійся памятникъ, для перенесенія его на Валаамъ, то прихожане и причтъ уклонились, ссылаясь на то, что онъ имъ дорогъ какъ мѣстная древность, что на Валаамѣ фасадъ его, вѣроятно, подвергнется измѣненіямъ и проч.!—Своеобразная привязанность къ старинѣ, если взять во вниманіе то состояніе храма, до котораго онъ дошелъ въ послѣднее время!

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе I.

Извлеченіе изъ переписной оброчной книги Вотской пятины 1500 г.

(Новгородскія писцовыя книги, т. III).

Въ Вотцкой пятинѣ городъ Ладога на рѣцѣ на Волховѣ.

На посадѣ люди лутчіе:

Въ Богородцкомъ концѣ—дворъ Данилко Труфановъ Муха, дѣти его Микулка да Маковѣйко, дв. Михалъ да Сенка Поповы дѣти Ивановы Стребуховы, дв. Тарасъ Евстратовъ, дв. Гриша Захаровъ, дв. Микиѳорко Аврамовъ, дв. Ѳедотко Гридинъ, дв. Ондронко Микитинъ, сынъ его Сидко да братъ Ондронковъ Ивашко, дв. Онашка Ѳедотовъ.

А въ Никольскомъ концѣ дворъ Аврамко Василевъ староста.

Дворовъ 9, а людей 14 человѣкъ.

На посадѣ-жъ въ Богородскомъ-же концѣ люди средніе: дворъ Данилко Микитинъ, дв. Олѳерко да Матюкъ Левоновы, дв. Захарко да Селиверстикъ Олексѣевы, дв. у попа Микулы, сынъ его Микитка, дв. Ивашко Палкинъ, дв. Ленка Захаровъ, дв. Ѳедко Юшковъ Воробинъ, дв. Палка Якимовъ.

А въ Никольскомъ концѣ: дворъ Митроха Першинъ, дѣти его Ивашко да Труфанко, дв. Ортемко Матѳѣевъ, дв. Онцифорко Ескинъ, дв. Микулка Яхновъ, сынъ его Юшко, дв. Яшко Ермолинъ, дв. Терешко Демьяновъ, дв. Костко Кировъ, дв. Гришка да Аврамко Степановы.

Дворовъ 15, людей 19 человѣкъ.

На посадѣ-жъ люди молодые:

Въ Богородскомъ концѣ — дворъ Еска Дороховъ, дв. Омелица Севастьяновъ, дв. Палка Селиверстовъ, дв. Юрка Грихновъ, дв. Калинка Кировъ, дв. Ивашко Карповъ, дѣти его Осташко да Васко, дв. Ондрѣйко Парѳѣевъ, дв. Тимошка Ермолинъ.

А въ Семеновскомъ концѣ—дворъ Олексѣйко Исаковъ кожевникъ, дв. Максимко Лукьяновъ, дв. Куземка Микулинъ, дв. Микитка Іевль, дв. Демешко Байко, дв. Алексѣйко Ивашковъ, дв. Дмитръ Селивановъ, дв. Семенъ Селиверстовъ, дв. Ивашко Карповъ портной мастеръ да Васко Палкинъ, дв. Онтонко Топорковъ, дв. Яшко да Онтушко Данилковы, дв. Мартынко Метюхинъ, дв. Палка Оѳимьяновъ, дв. Ивашко Щорко Ивашковъ-же.

А за рѣкою за Ладогою въ Климятцкомъ концѣ—дворъ Манушка Ивашковъ, дв. Гаврилко Якушовъ, дв. Гришка Малышъ Игнатовъ, дв. Онанка Щебениха, дв. Ѳилипко Оѳрѣмовъ, дв. Титко плотникъ, дв. Лукьянко Строй, дв. Оксенко Карповъ.

А въ Никольскомъ концѣ — дворъ Лучка Телячевъ, дв. Терешка Логиновъ, дв. Наумко Карповъ, дв. Онитка Проскурницинъ, дв. Давыдко Митроѳановъ, дв. Ореѳа Ондрѣяновъ скорнякъ, дв. Куземка Алексѣевъ, дв. Гришка Сенкинъ, дв. Оѳимьянко Васковъ, дв. Ондрѣйко Степанковъ, дв. Лучка Якушовъ, дв. Ларіонко Олексѣевъ, дв. Оѳимьянко Климовъ, дв. Климко Ортемовъ, сынъ его Яшко, дв. Власко Ондрѣйковъ, дв. Манко Кировъ, дв. Игнатъ Оксеновъ дѣти его Михалъ да Курьянко, дв. Ивашко Олуховъ, а мѣсто подъ нимъ Яковльское Тютихина, дв. Тараско Онаньинъ, дв. Гридка召 Мининъ, дв. Минка Олухновъ, дв. Ульянко Степанковъ, дв. Палка Кировъ.

Дворовъ 54, а людей 66 человѣкъ, да дворъ Демешкинской пустъ.

А се на посадѣ-жъ люди молодые на монастырскихъ мѣстехъ и на церковныхъ, а въ оброкъ съ городчаны тянутъ-же и во всѣ потуги.

На монастырскихъ мѣстехъ:

Николского монастыря изъ Ладоги, въ Николскомъ концѣ, поземщыки люди молодые— дворъ Ѳедко Гришинъ, дв. попъ Осѣй Рожественской, дв. Онашка Лукинъ, дв. Ивашка Тѳеритинъ, дв. Ивашко Ивановъ, дв. Осипко Красковъ.

Дворовъ 6, людей 6 человѣкъ и съ попомъ; а позему даютъ монастырю 8 денегъ да половье изъ хмелю.

Егорьевского монастыря изъ Ладоги изъ за стѣны, поземщыки люди молодые, въ Богородитцкомъ концѣ: дв. Куземка Олферовъ пасынокъ. А въ Семеновскомъ концѣ — дв. Титка Остахновъ, дв. Савка Василевъ да дьякъ Дмитръ Трофимовъ, дв. Ивашко да Куземка Онкудиновы, дв. Демешко Митрохинъ, дв. Ѳедко Ереминъ. А въ Спаскомъ концѣ — дв. Онашка Матюковъ. А въ Никольскомъ концѣ—дв. Петрокъ да Ивашко Ивашковы, дв. Ивашко Логиновъ.

Дворовъ 9, а людей 12 человѣкъ; а позема даютъ монастырю полдесяты деньги, да изъ хмелю половье.

А на церковныхъ мѣстехъ Богородитцкіе поземщыки люди молодые, въ Богородцкомъ концѣ — дворъ Микитка Мишутинъ, дв. Микитка Климовъ, дв. Микулка Василевъ, сынъ его Микитка, дв. Климко Яковль, сынъ его Демехъ, дв. Нестерко Ворона Сидоровъ, дв. Мосѣйко Семеновъ, дв. Васка да Ондрѣянко Матюковы, дв Ивашко да Онашко Кипреяновы.

Дворовъ 8, а людей 12 человѣкъ; а позему даютъ попомъ 16 денегъ.

Спаскіе поземщыки люди молодые, въ Спаскомъ концѣ — дворъ Нестерко Онтушовъ, дв. Савка Васковъ, дв. Ивашко Ѳоѳановъ, дв. Якушъ Ивашковъ, дворъ сторожъ Спаской Гришка Ѳатьяновъ, дв. Микиѳорко Деминъ да Васко Прокошовъ, да ихъ-же дворъ пустъ.

Дворовъ съ людьми 6, а людей 17; а позему даютъ попу 6 денегъ.

Воскресенскіе поземщыки въ Семеновскомъ концѣ — дворъ Васко Оксеновъ, а позему даетъ попу 2 деньги.

И всѣхъ дворовъ въ Ладозѣ на посадѣ по старому писму, лутчихъ и середнихъ и молодыхъ и поземщыковъ и съ монастырскими дворы съ поземными и съ церковными 80 дворовъ и 4 дворы, а людей въ нихъ лутчихъ людей и середнихъ и молодыхъ и съ поземщыки и съ тѣми что на монастырскихъ мѣстехъ и на церковныхъ, 174 человѣка. А великого князя оброку давали полчетверта рубля новгородцкіе.

А по новому писму всѣхъ дворовъ на посадѣ въ Ладозѣ лутчихъ людей и середнихъ и молодыхъ, и съ тѣми дворы что на монастырскихъ мѣстехъ и на церковныхъ, 108 дворовъ, а

людей въ нихъ лутчихъ людей и середнихъ и молодыхъ и съ тѣми людми что на монастырскихъ мѣстехъ и на церковныхъ, 137 человѣкъ. А великого князя оброку положено на нихъ 1$^1/_2$ рубля новогородцкая.

И при старомъ прибыло дворовъ 24, а людей убыло 37 человѣкъ, а оброка убыло 2 рубля.

А нетяглыхъ дворовъ въ Ладозѣ на посадѣ своеземцовъ въ Богородицкомъ концѣ—дворъ Андрѣйка Семенова, а въ немъ дворники Ефимко, Владка, да сынъ его Кондратка; а съ городчаны въ оброкъ тянутъ-же.

А се дворы нетяглые-жъ—дворъ попъ Өөонасей Спаской, дв. попъ Ульянъ Богородицкой, дв. попъ Микулъ Семеновской.

Да въ Николскомъ концѣ у Клемянта святого дворъ намѣстничь, да дворъ тіунь.

Да въ Ладозѣ-жъ велѣно давати мѣста на дворы городцкимъ людямъ ладожаномъ, Семену Порожскому Мартынову сыну Анаткина, а давати ему мѣста отъ рѣки отъ Ладоги отъ мельници отъ Егорьевскіе что за стѣною, да на Могилникъ къ Варяжской улицѣ, да прямо къ часовнѣ, да къ Пречистой. А ставити имъ дворы первой рядъ отъ Пречистые берегомъ по горѣ къ Семену Святому и ко Воскресенью и до Петра святого; а изставятъ тотъ рядъ, и Семену велѣти имъ ставити въ другой рядъ позади тѣхъ дворовъ до Варяжской улици; а мѣра двору поперегъ 10 саженъ, а въ длину 15 саженъ. А пашни имъ на тѣхъ мѣстехъ и хмелниковъ не метати и не пахати безъ дворовъ. А Семену давати мѣста на помѣщыковыхъ мѣстехъ и на своеземцовыхъ и на монастырскихъ и на городцкихъ людей полянахъ съ ряду.

Приложеніе II.

Переписная книга города Ладоги 1646 года.

Лѣта 7154 году по государеву цареву и великого князя Алексѣя Михаиловича всеа Русіи указу, стольникъ Григорей Даниловичъ Долгорукой да подъячей Иванъ Раковской изъ Помѣстного приказу по наказу за приписью дьяка Микиты Головнина, въ Новгородцкемъ уѣздѣ въ Вотцкой пятинѣ писали городъ Ладогу и въ городѣ церкви и поповъ и дьяконовъ и дьячковъ дворы и во дворѣхъ людей по имяномъ съ отцы и съ прозвищи и ихъ дѣтей и которые живутъ на церковныхъ земляхъ и на посадѣ церкви и попові и дьяконовы дворы и дьячковы и пономаревы и поповъ и дьяконовъ и дьячковъ, и пономарей и ихъ дѣтей и ладоженъ и посадскихъ людей дворы и во дворѣхъ людей по имяномъ съ отцы и съ прозвищи и ихъ братью и дѣтей и племянниковъ и бобылей и бобылокъ и бобыльскихъ дѣтей и сосѣдей и подсосѣдниковъ и захребетниковъ и бѣглыхъ посадскихъ людей и въ которомъ году кто сбѣжалъ и сколько въ городѣ Ладогѣ и на посадѣ церквей и поповыхъ и дьяконовыхъ и бобыльскихъ дворовъ которые живутъ на церковныхъ земляхъ и сколько посадскихъ и бобыльскихъ дворовъ и кто имяны во дворѣхъ людей съ отцы и съ прозвищи и что у нихъ братьи и дѣтей и племянниковъ и бобылей и бобыльскихъ дѣтей и сосѣдей и подсосѣдниковъ и кто имяны бѣглыхъ посадскихъ людей и въ которомъ году кто сбѣжалъ, и то писано въ сихъ книгахъ имянно порознь и по статьямъ.

Городъ Ладога каменной на рѣкѣ на Волховѣ, а въ немъ соборная церковь каменная во имя Георгія Страстотерпца, другая церковь древяна клетцки во имя Дмитрея Селунского, образы и книги и ризы и колокола строенье государево; на церковной землѣ келья соборного попа Наѳонаила, дворъ дьячокъ Янко Епиѳаньевъ сынъ Балавинской, келья проскурня Марицы, да на соборной землѣ живутъ на рѣкѣ на Ладожкѣ дворъ нищей Игнашко прозвище Княжевъ у него сынъ Минка, дворъ нищей Микитка Ивановъ у него сынъ Ероѳейко, дворъ нищей Максимко Ивановъ питаются Христовымъ именемъ, дворъ Родка Ларивоновъ сынъ кузнецъ, у него братъ Ларка. Да въ Земляномъ городѣ церковь древяная клетцки во имя Климонта папы римского, образы и книги и ризы и колокола строенье приходское; дворъ попа Ондрея Ѳедорова, у него дѣти Мосѣйко, Куземка трехъ лѣтъ, живетъ на Никольской землѣ; дворъ дьякона Еѳрема Тимофѣева, у него дѣти Поликарпикъ четырехъ лѣтъ, Васка по другому году, живетъ въ Пушкарской слободѣ у матери; дворъ дьячекъ Матюшка Демидовъ, у него дѣти Микифорко пяти лѣтъ, Ѳедка на первомъ году; дворъ пономарь Мишка Михайловъ, у него сынъ Родка четырехъ лѣтъ; дворъ проскурня Дарьица Мосѣева, у ней сынъ Олешка.

Посадъ Ладожской, а въ немъ посадскіе люди на рѣкѣ на Волховѣ: дворъ бобыль Ондрюшка Сысоевъ сынъ кожевникъ, у него сынъ Антошка; дворъ Матюшка Максимовъ, у него дѣти Захарка да Игнашко; дворъ Микифорко Ларіоновъ сынъ Жолуткинъ, у него племянникъ Анашко Ивановъ, въ томъ же дворѣ женился брата его родного на Иванова женѣ Желуткина на Ѳедосьѣ казакъ Тимошко Ортемьевъ сынъ Тотаркинъ; дворъ Кирилко Бѣляевъ; дворъ вдова Ѳедора Иванова дочь Угрева, у ней сынъ Ѳедка; дворъ бобыль Калинка Ѳедоровъ; дворъ вдова Обросимова жена Иванова Василиса, у ней сынъ Сенка; дворъ вдова Анница Мишкина жена Полянского, у ней сынъ Ивашко; дворъ бобыль Степашко Степановъ сынъ Барановъ; дворъ Ондрюшка Михайловъ сынъ Хорошевъ, у него дѣти Сенка, Матюшка, а тотъ Матюшка сбѣжалъ во 154 году; дворъ бобыль Янка Лукинъ, у него сынъ Овдокимко; дворъ Гаврилко да Ивановъ Алексѣевы дѣти Лешкина, у Иванка дѣти Микиѳорко да Миронко; дворъ Ѳедотко Гавриловъ сынъ Пастуховъ; дворъ Жданко Парфеньевъ сынъ Киселевъ, у него сынъ Оѳонка семи лѣтъ; дворъ Петрушка Ермолинъ сынъ Барсуковъ, дворъ бобыль Савко Дементьевъ; дворъ Ивашко Кириловъ сынъ Шваревъ, у него братъ Ларко; дворъ Ортюшка Оѳонасьевъ сынъ Немковъ, у него дѣти Ивашко, Парѳенко; дворъ Антипко Романовъ, у него братья Петрушко да Сенка Прокоѳьевы дѣти Гиблые; дворъ Сенка Елисеевъ сынъ Гагринъ, у него дѣти Осташко да Игнашко; дворъ Томилко Потапьевъ сынъ Борыгинъ, у него дѣти Якушко да Осташко; дворъ бобыль Костка Аристовъ; дворъ Демко Ѳоминъ сынъ Екушевъ, у него сынъ Микулко посадской человѣкъ Корнилко Степановъ сынъ Вепревской, а живетъ на подворьѣ у казака у служивого; дворъ Кирилко Исаковъ, у него сынъ Іевко; дворъ Максимко Микиѳоровъ сынъ Рюминъ, у него дѣти Іевко да Яшко осми лѣтъ; дворъ Жданко Ѳофановъ; дворъ Самошко Семеновъ сынъ Кулешевъ; дворъ Родка Васильевъ сынъ Летягинъ; дворъ бобыль Демка Ортемьевъ сынъ Лотоновъ, у него сынъ Патрекейко десяти лѣтъ; дворъ Мишка Оѳонасьевъ сынъ Тянутой; дворъ Дмитрейко Денисьевъ сынъ сапожникъ, у него сынъ Корнилко да бобыль Ивашко Ѳоминъ сынъ Паршинъ, живетъ въ Земляномъ городѣ на подворьѣ у сына боярского у Агѣя Петрова сына Увалова.

И всего въ городѣ Ладогѣ посадскихъ 24 двора, людей въ нихъ 52 человѣка, бобыльскихъ 7 дворовъ, а людей въ нихъ 10 человѣкъ, да на церковной землѣ живущихъ 3 двора, а людей

въ нихъ 6 человѣкъ. И всего въ городѣ въ Ладогѣ посадскихъ и бобыльскихъ и съ тѣми что живутъ на церковной землѣ 34 двора, а людей въ нихъ 68 человѣкъ.

(Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, № 8559, л. 30 и № 984, л. 51).

Приложеніе III.

Переписная книга Ладоги 1678 года.

Лѣта 7186 по государеву цареву и великого князя Ѳеодора Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Русіи самодержца указу и по наказу изъ Помѣстного приказу за приписью дьяка Ивана Рагозина, стольникъ князь Василій Ѳеодоровичъ Жирового-Засѣкинъ переписывалъ въ Новгородскомъ уѣздѣ въ городѣ Ладогѣ посадскихъ людей и въ Вотцкой пятинѣ въ Полуской и въ Корельской половинахъ въ погостѣхъ и въ волостѣхъ въ патріаршихъ и въ митрополихъ и во архіепископлихъ и епископлихъ и въ монастырскихъ вотчинахъ и на церковныхъ земляхъ и бояръ и окольничихъ и думныхъ людей и стольниковъ и стряпчихъ и дворянъ московскихъ и жильцовъ и иноземцевъ и городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и вдовъ и недорослей въ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ крестьянскіе и бобыльскіе дворы и въ дворѣхъ людей, крестьянъ и бобылей и ихъ дѣтей и братью и племянниковъ и сосѣдъ и подсосѣдниковъ и захребетниковъ и пріимышевъ и дѣтенышевъ и монастырскихъ служекъ и ихъ дѣтей и братью и племянниковъ.

Города Ладоги посадскихъ людей:

Дворъ староста Ларка Ѳеодоровъ сынъ Охряевъ, живетъ съ отцомъ своимъ съ Ѳедкою Тимоѳѣевымъ въ одномъ дворѣ, у него братъ Ондрюшка Ѳеодоровъ; дворъ Ивашко Петровъ; дворъ Еѳремко Семеновъ; дворъ Лозарко Семеновъ свѣчникъ, у него дѣти Ефимко 12 лѣтъ, Ротка 7 лѣтъ; дворъ Оѳонка Аверкіевъ прозвище Киселевъ, у него сынъ Гришка 12 лѣтъ; дворъ Микиѳорко да Мирошка Ивановы дѣти Лешкина, у Микиѳорко дѣти Андрюшка да Елисейко 8 лѣтъ, у Мирошка дѣти Ивашко да Ульяшко 5 лѣтъ; дворъ Сенка Андреевъ сынъ Харышевъ, у него дѣти Левка да Омоско 12 лѣтъ; дворъ Ѳедка Григорьевъ; дворъ Ларка Матѳѣевъ съ племянникомъ Назаркою Игнатьевымъ, у Ларки сынъ Гаврилко 13 лѣтъ; дворъ Петрушка Ѳедоровъ съ братомъ Ларкою Ивановымъ; дворъ Петрушка Микиѳоровъ съ братьею съ Онашкою да съ Васкою Желутковыми; дворъ Іевко да Тараска Андреевы и у Евка сынъ Гришка 14 лѣтъ, да племянникъ у нихъ Артюшка Силинъ; дворъ Богдашко Кондратьевъ, у него сынъ Аѳонка 7 лѣтъ; дворъ Титко Овдокимовъ сынъ Ѳининъ; дворъ Якушко да Юшка Конановы, у Якушка сынъ Степашко 10 лѣтъ, у Юшки сынъ Ѳедка 6 лѣтъ; дворъ Ивашко Петровъ; дворъ Гараска Яковлевъ; дворъ Коземка Андревъ, у него сынъ Ивашко 5 лѣтъ; дворъ Исачко Семеновъ, у него сынъ Гаврилка; дворъ Силка Омосовъ, у него сынъ Савка; дворъ Матюшка да Савка да Карпушка Васильевы дѣти Немковы; дворъ Емелка Елизарьевъ сынъ Помялинъ; дворъ Ивашко Амосовъ сынъ свѣшникъ, у него сынъ Антипко; дворъ Богдашко да Вавилка Семеновы дѣти Гагрины, у Богдашка сынъ Кирилка 5 лѣтъ; дворъ Якушка Парѳеньевъ сынъ Губаревъ, у него подсосѣдникъ Дорошка Григорьевъ, у Дорошки сынъ Ивашко; дворъ Ефимко Остаѳьевъ Гагринъ; дворъ Парѳенко Дементьевъ съ зятемъ съ Ѳилкою Аввакумовымъ; дворъ Ермолка Петровъ; дворъ Парѳенко Микиѳоровъ Мысовъ; дворъ Пентелейко Дементьевъ, у него дѣти Симошко да Сысойко

9 лѣтъ; дворъ Матюшка Андреевъ Хорышевъ, у него сынъ Ивашко 6 лѣтъ; дворъ Осташка Андреевъ сынъ Якушовъ, у него дѣти Оѳонка да Викулка; дворъ Гришка Оѳонасьевъ сынъ Немковъ, у него сынъ Трофимко 13 лѣтъ; дворъ Ерошка Тимоѳѣевъ сынъ Охряевъ, у него дѣти Еѳтюшка да Ортюшка; дворъ Сенка Ѳедоровъ Скорѣковъ, у него дѣти Ѳедка большой да Ѳедка 6 лѣтъ; дворъ Васка Яковлевъ; дворъ Ѳедка Лукинъ; дворъ Ѳомка да Степашко Ивановы дѣти Гутыревы; дворъ Васка Елизарьевъ сынъ Помялинъ, у него сынъ Гришка, да братъ Матюшка; дворъ Наумко да Тихашко Ивановы; дворъ Петрушка Ивановъ; дворъ Гришка Ларіоновъ кузнецъ; дворъ Сергушка Аристарховъ, у него пасынокъ Сенка; дворъ Ерошка Микитинъ; дворъ бобыль Андрюшка Ларіоновъ; дворъ бобыль Максимко Дмитреевъ, у него сынъ Конашко 13 лѣтъ; дворъ бобыль Сенка Ѳедоровъ съ зятемъ Степашкомъ Леонтьевымъ; дворъ бобыль Терешка Терентьевъ; дворъ бобыль Іевко Кириловъ съ братомъ Ивашкомъ, у Іевка сынъ Исачко 11 лѣтъ, у Ивашка сынъ Моска; дворъ бобыль Ѳедка Тимоѳѣевъ съ братомъ Мишкою; дворъ бобылка вдова Ириница посадского человѣка Антиповская жена Гиблова; дворъ бобылка вдова Анница посадского человѣка Парѳеньевская жена Губарева.

Всего города Ладоги посадскихъ людей 44 двора, людей въ нихъ 44 человѣка, братьи у нихъ которые тягло тянутъ 12 человѣкъ, дѣтей въ возрастѣ 15 человѣкъ, недорослей 17 человѣкъ, племянниковъ 2 человѣка, зять 1 человѣкъ, подсосѣдникъ съ сыномъ 1 человѣкъ. Бобыльскихъ 6 дворовъ, людей въ нихъ 6 человѣкъ, братьи у нихъ 2 человѣки, дѣтей 3 человѣки, зять 1 человѣкъ. Бобылкиныхъ 2 двора.

Обоего посадскихъ людей и бобыльскихъ и бобылкиныхъ 52 дворы. А въ переписныхъ книгахъ 154 году князь Григорія Долгорукова, посадскихъ людей 24 двора, 7 дворовъ бобылскихъ, да на церковной земли 3 двора; и сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ 154 году по переписки 186 году прибыло посадскихъ людей 17 дворовъ, бобылской 1 дворъ.

(Московс. Архивъ Мин. Юст., № 8571, л. 1).

Приложеніе IV.

Челобитная ладожскихъ посадскихъ людей, 1652 г.

Царю государю и великому князю Алексѣю Михаиловичу всея Русіи, бьютъ челомъ сироты твои государевы съ порубежного города изъ Ладоги ладожскихъ посадскихъ людей старостишка Иванъ Полянской, во всѣхъ посадскихъ людей мѣсто.

Въ прошлыхъ государь годѣхъ послѣ нѣмецкого раззоренья и мирного договору собралося насъ сиротъ твоихъ посадскихъ тяглыхъ людишекъ съ разныхъ городовъ Корельского и Орѣховского города на твое государево имя въ твою государеву отчину въ городъ Ладогу 49 семей и твои государевы всякіе подати и тягла городовые и посольскіе отпуски и въ подводы и въ цѣловальники и въ житничные цѣловальники и къ съѣзжей избѣ и къ тюрьмѣ въ сторожи и въ полача и въ бирича и черезъ рѣку Волховъ въ перевозчика, все тянули вмѣстѣ съ ладожскими уѣздными людьми съ твоими государевыми дворцовыми и съ помѣщицкими и съ монастырскими крестьяны въ седмую выть, а тѣ крестьяне всего Ладожскаго уѣзда тянули шесть вытей. И тѣ государь старинные посадскіе тяглые люди многіе померли, а иные розбрелися врознь, а насъ

бѣдныхъ достальныхъ посадскихъ людишекъ осталося въ тяглѣ всего 23 человѣка по нынѣшней по 160 годъ; а то городовое тягло и всякіе подати платимъ противо прежнихъ посадскихъ людей и тянемъ безъ переводу на всякой годъ, а торговаго промыслишка у насъ сиротъ твоихъ въ Ладогѣ онбаровъ и лавокъ въ ряду нѣтъ и въ лавкахъ у насъ сиротъ твоихъ никто не сидитъ, а сидятъ въ Ладогѣ въ ряду въ лавкахъ и въ онбарахъ по посадамъ и въ Стрѣлецкой слободѣ торгуютъ все стрѣльцы и козаки и пушкари и ихъ стрѣлецкіе и казацкіе и пушкарскіе дѣти и захребетники, которые ни въ стрѣльцахъ ни въ козакахъ ни въ пушкаряхъ не служатъ, а живутъ въ избылыхъ. А мы сироты твои посадскіе людишки отъ того обнищали и одолжали великими долги. А какъ по твоему государеву указу пріѣзжаютъ въ городъ въ Ладогу твои государевы послы и посланники и въ прошломъ государь во 159 году по твоему государеву указу были межевые судьи и подводы ставили все мы сироты твои и стояли у насъ въ посадѣ многое время и дрова и лучину у насъ держали, а того Ладожского уѣзду твои государевы дворцовые и помѣщицкіе и монастырскіе крестьне тѣхъ подводъ и становъ и ни въ чемъ намъ сиротамъ твоимъ не помогаютъ и волосного старосты со всего уѣзду по твоему государеву указу и по грамотѣ въ Ладогѣ для всякихъ твоихъ государевыхъ городовыхъ дѣлъ для счету и для подводъ не ставятъ чинятся сильны, только государь въ тѣхъ твоихъ государевыхъ во всякихъ городовыхъ расходѣхъ и въ подводахъ погибаемъ одни мы сироты твои посадскіе людишки. А нынѣ государь Ладожского уѣзду твои государевы дворцовые и помѣщицкіе и монастырскіе крестьяне, въ томъ во всемъ въ городовомъ тяглѣ и въ податяхъ въ Ладогѣ не судимы и ни въ чемъ съ нами сироты твоими не считаются; а Ладожского уѣзду Никольского Медвѣдицкого монастыря крестьяне прежъ сего и по нынѣшней 160 годъ были во всемъ въ городовомъ дѣлѣ и въ подводахъ въ счетѣ въ четвертой выти въ тяглѣ, а нынѣ государь тѣ-жъ Медвѣдицкого монастыря крестьяне отнимаются Звенигородскимъ Сторожевскимъ монастыремъ и хотятъ быть всѣ Ладожского уѣзду крестьяне въ избылыхъ, а твоего государева тягла и всякихъ податей въ Ладогу платить и службы служить не хотятъ, и намъ сиротамъ твоимъ въ томъ Ладожскомъ городовомъ тяглѣ и во всякихъ податяхъ и въ службахъ однимъ будетъ въ конецъ погибнуть и достальнымъ врознь розбрестися по твоей государевой отчинѣ.

Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ всея Русіи, пожалуй насъ бѣдныхъ сиротъ своихъ, вели государь тѣмъ Ладожского уѣзду своимъ государевымъ дворцовымъ и помѣщицкимъ и монастырскимъ крестьяномъ тянуть въ городъ Ладогу во всякіе твои государевы городовые тягла и въ подати и въ подводы и въ службы съ нами сироты твоими по прежнему поровну въ шесть вытей, а намъ сиротамъ твоимъ вели государь тянуть въ седмую выть по прежнему-жъ и вели государь о томъ дать намъ свою государеву грамоту и по своему государеву указу и по грамотѣ вели государь тѣмъ крестьяномъ всего Ладожского уѣзду для счету того городового тягла и всякихъ податей и для подводъ и служебъ поставить волосного старосту съ нами сироты твоими вмѣстѣ. А въ прошломъ государь въ 154 году били мы сироты челомъ тебѣ государю на тѣхъ твоихъ государевыхъ дворцовыхъ крестьянъ и на помѣщицкихъ и на монастырскихъ о томъ-же тяглѣ и о податяхъ и о подводахъ, и о всемъ нашемъ челобитьи изъ Новгородской Четверти дана намъ твоя государева счетная громота, что имъ съ нами во всемъ счестся и передъ нами во всякіе твои государевы доходы тянуть, а не изъ Дворца, а во Дворцу насъ сиротъ твоихъ Ладожского города и съ уѣзды ни въ чемъ не вѣдаютъ, а вѣдаютъ насъ въ Новгородской Четверти твои государевы дьяки думной Михайло

Валошаниновъ съ товарищи, чтобъ намъ бѣднымъ сиротамъ твоимъ однимъ въ конецъ не погибнуть и врознь не розбрестися и твоего государева тягла и податей впредь не отбыть. Великій государь смилуйся пожалуй.

(Изъ документовъ, принадлежащихъ староладожскому мѣщанину В. Парфенову).

Приложеніе V.

1649 г. Челобитная ладожанъ, чтобы ладожскую крѣпость устроивать и починивать не однимъ Ладожскимъ уѣздомъ.

Царю государю и великому князю Алексѣю Михаиловичу всея Русіи. Бьютъ челомъ холопи твои Новгородского присуду Ладожскаго уѣзду помѣщики, дворяне и дѣти боярскіе и твои государя ладожскіе посадскіе людишка и дворцовые и монастырскіе и помѣщицкіе крестьянишка. Въ нынѣшнемъ государь во 157 году по твоему государеву указу прислана съ Москвы твоя государева грамота въ городъ Ладогу къ воеводѣ Надежѣ Кулибакину, а велѣно государь въ Ладогѣ городъ дѣлать деревянной и въ Каменномъ городѣ башни мостить и крыть и плохія мѣста починивать и въ башняхъ подшвы и бои вычистить Ладожскимъ уѣздомъ. А прежъ сего государь изстари дѣлали тотъ городъ Ладогу всѣмъ Новгородскимъ присудомъ и иными многими городами, а подѣлывали государь въ Ладогѣ каменной городъ и деревянной не однимъ Ладожскимъ уѣздомъ, иными уѣзды и погосты, и воеводы государь ладожскіе о томъ писали къ тебѣ государю и смѣтные городовые росписи посылали въ Новгородскую Четверть. И въ прошломъ государь во 154 году прислана съ Москвы твоя государева грамота въ Ладогу, къ воеводѣ Василью Оничкову, а велѣно въ Каменномъ городѣ починить нужныхъ мѣстъ, и онъ Василей велѣлъ Ладожскимъ уѣздомъ по Каменному городу зарубить деревянную стѣну и мы государь по Каменному городу поставили деревянную стѣну, и отъ того государь городоваго дѣла наши крестьянишка холопей твоихъ и твои государевы ладожскіе посадскіе людишки и дворцовые и монастырскіе крестьянишка многіе отъ того сбрели за рубежъ и достальные бредутъ розно: уѣздъ государь малой и раззореной, по писцовымъ книгамъ и 20 четвертей нѣтъ; а тамъ государь въ Великомъ Новѣгородѣ городовое дѣло дѣлаемъ и всякіе подати платимъ вмѣстѣ съ пятинами и на нѣмецкомъ рубежѣ на Лавцѣ рѣки крестьянишка наши холопей твоихъ и твои государевы посадскія людишка и дворцовые и монастырскіе крестьянишка безпрестани стоятъ съ подводами подъ послы и подъ посланники и подъ гонцы и для всякихъ твоихъ государевыхъ дѣлъ; и мосты государь мостимъ отъ нѣмецкаго рубежа и до Ладоги по дорогѣ, а по твоему государеву указу въ Великомъ Новѣгородѣ велѣно городъ дѣлать твоей государевой казной.

Милосердый государь царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ всея Русіи, пожалуй насъ холопей твоихъ, насъ сиротъ своихъ, не вели государь однимъ Ладожскимъ уѣздишкомъ города въ Ладогѣ дѣлать, чтобы намъ холопемъ твоимъ и всему Ладожскому уѣздишку, твоимъ государевымъ посадскимъ людишкамъ и дворцовымъ и монастырскимъ и нашихъ холопей твоихъ крестьянишкамъ отъ того великаго городоваго дѣла въ конецъ не погибнуть и на рубежи живучи и достальнымъ-бы врознь уѣзднымъ людишкамъ не розбрестися, для того что уѣздишко малое и пустое, дѣлать такова великаго городоваго дѣла не кѣмъ. Царь государь смилуйся.

Къ сей челобитной Никольскаго Медвѣдскаго монастыря игуменъ Кипріянъ вмѣсто того монастыря крестьянъ по ихъ велѣнью руку приложилъ.

Къ сей челобитной ладожской посадской староста Артюшка Нѣмковъ и во всѣхъ посадскихъ людей мисто по ихъ велѣнью руку приложилъ.

Къ сей челобитной Успенской попъ Аристарище государевыхъ дворцовыхъ крестьянъ по ихъ велѣнью руку приложилъ.

Къ сей челобитной Иванского монастыря дьяконъ Ефремище вмѣсто того-жъ монастыря крестьянъ по ихъ велѣнью руку приложилъ.

Къ сей челобитной Егорьевской черной попъ Нафанаилище вмѣсто дворянскихъ и дѣтей боярскихъ крестьянъ по ихъ велѣнью руку приложилъ.

Къ сей челобитной вмѣсто Никольскихъ крестьянъ съ посаду съ Ладоги атаманъ казачей Стадненковъ по ихъ велѣнью руку приложилъ.

(Чтенія въ Общ. ист. и древн. 1886 г., кн. II, Смѣсь).

Приложеніе VI.

Наказъ Ладожскому воеводѣ Желтухину, 1671 г.

Лѣта 7179 года Февраля въ 28 день Великій государь и Великій князь Алексѣй Михаиловичъ, всея В. и М. и Б. Россіи самодержецъ, велѣлъ Симону Васильевичу Желтухину за службы и за раны быть въ новгородскомъ пригородѣ въ Ладогѣ на Иваново мѣсто Панафидина, а Ивану Панафидину по указу Великого государя съ того сроку велѣно ѣхать къ Москвѣ.

И Симону Желтухину пріѣхавъ въ Ладогу взять у Ивана Панафидина ключи городовые и нарядъ и въ казнѣ зелье и свинецъ и всякіе пушечные и въ житницахъ всякіе хлѣбные запасы и наказы прежнихъ воеводъ и приказныхъ людей и государевы указныя грамоты о всякихъ государевыхъ дѣлѣхъ и деньги что есть въ сборѣ и книги приходныя и расходныя деньгамъ и хлѣбу и списки ладожскихъ казаковъ и стрѣльцовъ и пушкарей и затинщиковъ и воротниковъ и всякихъ служивыхъ людей, и тому всему роспись за Ивановою рукою Панафидина и во всемъ съ нимъ росписаться и быть Симону Желтухину.

Въ Ладогѣ по городу и въ воротѣхъ караулы и сторожи держать попрежнему и къ городу и ко всякимъ городовымъ крѣпостямъ, къ наряду и къ зелейной и къ свинцовой казнѣ потому-жъ береженье держать великое, чтобы городу и всякимъ городовымъ крѣпостямъ, и наряду и зелейной и свинцовой казнѣ ни отъ кого порухи никакіе ее было. И Симону беречь того накрѣпко, чтобъ въ Ладогѣ на посадѣ и въ слободахъ и въ уѣздѣхъ воровства и корчемъ и б.. дни и зерни и табаку ни у кого не было, а которые люди учнутъ какимъ воровствомъ воровать, или корчму и б.. дню и зернь и табакъ держать, и Симону тѣхъ людей отъ воровства унимать и корчемное питье вынимая отдавать на кабакъ, и на корчемникѣхъ и на питухѣхъ имать заповѣди по прежнему государеву указу, а что кому и за какую вину наказанье учинитъ и ему о томъ писать въ Великій Новгородъ къ стольнику и воеводамъ къ Михаилу Ивановичу Морозову съ товарищи. А которые люди въ управныхъ дѣлѣхъ учнутъ на кого бить челомъ государю, и ему тѣхъ людей по челобитнымъ судить и сыски вся

кими сыскивать и по суду своему и по сыску межъ ими управа дѣлать безволокитно; а пошлины съ судныхъ дѣлъ имать по прежнему государеву указу съ рубля по гривнѣ, да пересуду и праваго десятка по 7 алтынъ по 2 деньги съ суда; и тѣ пошлинныя и заповѣдныя деньги записывать въ книги себѣ статьею и посылать тѣ деньги въ Великій Новгородъ съ иными денежными доходы вмѣстѣ; а спорныхъ судныхъ дѣлъ не вершить, а для вершенья всякія судныя дѣла отсылать въ Великій Новгородъ къ стольнику и воеводамъ къ Михаилу Морозову съ товарищи.

Да и того ему беречь накрѣпко и заказъ всякимъ людямъ о томъ учинить, чтобы въ Ладогѣ въ городѣ и на посадѣ и въ слободахъ въ лѣтніе жаркіе дни всякіе люди избъ и мыленъ не топили и въ вечеру поздно съ огнемъ не сидѣли и не ходили, а для хлѣбнаго печенья и гдѣ ѣсть варить велѣть подѣлать печи въ огородѣхъ и на полыхъ мѣстѣхъ въ землѣ не близко хоромъ и отъ вѣтру велѣть печи огородить, чтобъ однолично отъ огня было береженье великое. Да въ лѣтнюю-же пору велѣть въ городѣ на онбарѣхъ и въ рядѣхъ на всѣхъ лавкахъ и во дворѣхъ по всѣмъ хоромамъ держать мѣрники и кади съ водою и съ вѣники, для береженья отъ пожарнаго времени.

А котораго числа въ Ладогу пріѣдетъ и что въ Ладогѣ наряду и зелья и свинцу и всякихъ пушечныхъ запасовъ, и что въ Ладогѣ служилыхъ и жилецкихъ людей съ пищальми и со всякими бои, и каковъ въ Ладогѣ мѣрою городъ и всякія городовыя крѣпости, и каковы въ Ладогѣ тайники и колодези и какова въ нихъ вода и въ осадное время водою скудно не будетъ-ли, и ему о томъ о всемъ писать къ великому государю, а отписку велѣть подавать въ Розрядѣ дьякомъ думному Семену Титову да Василью Семенову да Петру Кавелину, и въ Новгородъ къ стольнику и воеводамъ къ Михаилу Морозову съ товарищи о томъ отписать-же. И о всякихъ государевыхъ дѣлѣхъ и о вѣстяхъ писать ему въ Великій Новгородъ, а мимо Великого Новгорода о вѣстяхъ и ни о какихъ государевыхъ дѣлѣхъ къ Москвѣ не писать и гонцовъ нарочныхъ къ великому государю къ Москвѣ изъ Ладоги никакими дѣлы не присылать, для того что Ладога новгородской пригородъ и всякія государевы дѣла велѣно вѣдать въ Новѣгородѣ боярамъ и воеводамъ.

А однолично Симону жить въ Ладогѣ съ великимъ береженьемъ неоплошно и государевымъ всякимъ дѣломъ промышлять по сему государеву наказу и по государевымъ указнымъ грамотамъ и смотря по тамошнему дѣлу и во всемъ государеву дѣлу искать прибыли и ладожскимъ служилымъ и посадскимъ и уѣзднымъ и проѣзжимъ всякимъ людямъ для своей корысти обидъ и иныхъ никакихъ налогъ не дѣлать и ладожскихъ служилыхъ и посадскихъ и всякихъ жилецкихъ людей отъ проѣзжихъ ото всякихъ людей оберегать, чтобы имъ обидъ и продажъ и иныхъ никакихъ налогъ ни отъ кого не было; а проѣзжихъ торговыхъ и всякихъ людей въ Ладогѣ не держать и напрасно на ладожскихъ на служилыхъ и на посадскихъ и на уѣздныхъ и на проѣзжихъ на всякихъ людей не наметываться и убытковъ никому никакихъ не дѣлать.

А только къ городу и ко всякимъ городовымъ крѣпостямъ и къ наряду, къ государевѣ къ зелейной и къ свинцовой казнѣ и ко всякимъ дѣламъ береженье держать не учнетъ, или учнетъ ладожскимъ служилымъ и посадскимъ и уѣзднымъ и проѣзжимъ всякимъ людемъ продажи и налоги дѣлать и въ Ладогѣ проѣзжихъ, торговыхъ всякихъ людей учнетъ держать и въ томъ имъ учинитъ убытки, или въ Ладогѣ учинится какое дурно его оплошкою и небе-

реженьемъ, а послѣ про то сыщется, и Симону за то отъ великого государя царя и великого князя Алексѣя Михаиловича всея В. и М. и Б. Россіи самодержца быть въ великой опалѣ.

(Московскій архивъ Министерства Юстиціи: Столбцы Новгородскаго Стола, св. 8024).

Приложеніе VII.

Росписной списокъ ок. 1628 г. (немного ранѣе).

Въ Новгородскихъ пригородѣхъ:

Въ Ладогѣ воевода князь Василей княжъ Петровъ сынъ Кропоткинъ. А съ нимъ по прежней росписи людей: дѣтей боярскихъ новгородцевъ 17 человѣкъ. Да съ сотникомъ ладожскимъ и орѣховскимъ стрѣльцовъ 100 человѣкъ. Съ головою съ Петромъ Обольяниновымъ: атамановъ 2 человѣка, ясауловъ 2 человѣка, казаковъ 120 человѣкъ, пушкарей 6 человѣкъ, воротниковъ 2 человѣка. Да ладожскихъ и орѣховскихъ посадскихъ людей 40 человѣкъ. И всего въ Ладогѣ всякихъ людей 289 человѣкъ.

А наряду въ Ладогѣ по князь Васильевѣ росписи Крапоткина:

На большомъ роскатѣ пищаль большая полуторная мѣдная въ станку на колесахъ, а къ ней 10 ядеръ, 6 гривенокъ ядро.

Пищаль полуторная мѣдная, а къ ней 250 ядеръ по 2 гривенки ядро.

Да на той же башнѣ тюфякъ мѣдной дробовой; дробу къ нему нѣтъ.

Пищаль мѣдная менши полуторной, а къ ней 300 ядеръ, вѣсомъ по 3 гривенки ядро.

2 пищали мѣдные менши полуторныхъ, одна русская, а другая нѣмецкая, на станкѣхъ, а къ нимъ 70 ядеръ по 2 гривенки ядро.

15 пищалей затинныхъ, да пищаль испорчена; станки худы; а къ нимъ 200 ядеръ желѣзныхъ.

Да въ воротѣхъ тюфякъ мѣдной, ядеръ къ нему и дроби нѣтъ.

Пищаль полуторная мѣдная, а въ ней 300 ядеръ по 3 гривенки ядро.

Пищаль нѣмецкая желѣзная долгая старинная, а къ ней 10 ядеръ, вѣсомъ въ четверть гривенки ядро.

Въ казнѣ 84 пуда 25 гривенокъ на голо зелья. Да 3 свиньи свинцу невѣшены. Да сѣчено свинцу съ пудъ.

(Московс. Архивъ Минист. Юстиціи: Дѣла Розрядныя, вязка I, № 12, л. 3. об.).

Приложеніе VIII.

Пріемная вѣдомость ладожскаго воеводы Василія Неплюева, 1628 г.

136 году іюля въ 9 день писалъ къ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Өеодоровичу всея Россіи изъ Ладоги воевода Василій Неплюевъ, что онъ взялъ у князя Василья Крапоткина на городѣ наряду и въ казнѣ зелья и свинецъ и всякіе пушечные запасы и списки дворянъ и дѣтей боярскихъ и атамановъ и казаковъ и стрѣльцовъ и пушкарей и затинщиковъ и всякихъ жилыхъ и жилецкихъ людей.

Дворянъ и дѣтей боярскихъ новгородцевъ 16 человѣкъ, стрѣльцовъ 100 человѣкъ, атамановъ 2 человѣка, есауловъ 2 человѣка, казаковъ 101 человѣкъ, пушкарей 6 человѣкъ, воротниковъ 2 человѣка, посадскихъ людей 33 человѣка; всего 336 (sic) человѣкъ.

На большомъ роскатѣ пищаль большая полуторная мѣдная, въ станку на колесахъ; къ ней 10 ядеръ, вѣсомъ полшесты гривенки ядро.

На той же башни другая пищаль поменши той, полуторная-жъ мѣдная, въ станку на колесахъ; къ ней 250 ядеръ, вѣсомъ въ 2 гривенки ядро; колеса у пищали худы.

На той же башни тюфякъ мѣдной дробовой, въ станку на колесахъ.

На Климецкой на проходной башни пищаль поменши полуторной мѣдная, въ станку на колесахъ; къ ней 300 ядеръ по 3 гривенки ядро.

На Воротной башни двѣ пищали, обѣ поменши полуторныхъ мѣдныя; одна русская въ станку на колесахъ, а другая пищаль нѣмецкая въ станку на колесахъ; къ нимъ 70 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривенки ядро.

На тѣхъ же воротѣхъ 15 пищалей затинныхъ, да 16-я пищаль ломаная; къ тѣмъ пищалямъ 200 ядеръ желѣзныхъ.

Въ воротѣхъ тюфякъ мѣдной; ядеръ и дроби нѣтъ.

Тюфякъ нѣмецкой желѣзной судовой.

На Стрѣлочной башни 2 пищали поменши полуторныхъ; одна русская мѣдная въ станку на колесахъ, къ ней 300 ядеръ, вѣсомъ по 3 гривенки ядро; другая пищаль нѣмецкая желѣзная въ станку-жъ на колесахъ, къ ней 40 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривенки ядро.

На Тайничномъ роскатѣ отъ Волхова пищаль полковая желѣзная долгая старинная, въ станку безъ колесъ; къ ней 10 ядеръ, вѣсомъ ядро въ четверть гривенки.

Въ государевѣ-жъ казнѣ зелья на голо 75 пудъ.

20 пудъ 5 гривенокъ свинцу, да 3 свиньи невѣшаны.

Да ядеръ всякихъ большихъ и среднихъ и мелкихъ къ тѣмъ пищалемъ 1160.

Въ государевыхъ житницахъ хлѣба: 170 чети ржи въ пріимочную мѣру, а въ отдаточную мѣру 340 чети ржи.

Десятинного снопового хлѣба въ пріимочную мѣру 13 чети безъ четверика и полчетверика и малой четверикъ ячменю, 8 чети съ осьминою и съ полуосьминою безъ получетверика овса. А въ отдаточную мѣру 26 чети безъ четверика и полчетверика и малой четверикъ ячменю, 17 чети съ осминою безъ получетверика овса.

Дворцового хлѣба Ладожскаго порогу Михайловского погоста и Силосарскіе волости въ пріимочную мѣру 315 чети съ осминою и съ четверикомъ ржи, 151 чети $1^1/_2$ четверика ячменю, 276 чети съ осминою и съ получетверикомъ овса; а въ отдаточную мѣру 631 чети съ полуосминою ржи, 302 чети съ полуосминою и съ четверикомъ ячменю, 553 чети съ четверикомъ овса.

(Московс. Архивъ Минист. Юстиціи: Дѣла Розрядныя, вязка I, № 12, л. 68. об.).

Приложеніе IX.

Роспись Великаго Новагорода пригорода города Ладоги, 1655 г.

Городъ Ладога каменный, другой городъ былъ деревянный; по валу подлѣ тѣхъ городовъ съ одной стороны рѣка Волховъ, а съ другую сторону подлѣ каменнаго города рѣка Ладожка, впала рѣка Ладожка у каменнаго-жъ города въ рѣку въ Волховъ; а около деревяннаго города, отъ рѣки Волхова до рѣчки Ладожки, ровъ, а около того рву надолобъ и честику нѣтъ, и ровъ вомногихъ мѣстѣхъ осыпался. А мѣрою каменный городъ отъ рѣки отъ Волхова, отъ большого каменнаго роскату, къ рѣкѣ къ Ладожкѣ до Климентовской проходной башни, межъ городовъ каменнаго и деревяннаго по валу, деревянной стѣны прясло въ длину 19 саженъ съ четью сажени, и та деревянная стѣна стоитъ безъ кровли и впредь непрочна; а прежъ сего то прясло было каменное и обрушилось безъ остатку до подшвы; отъ того прясла внизъ, подлѣ рѣчки Ладожки, Климентовская проходная каменная башня, отъ подшвы вверхъ 7 саженъ, въ длину и поперегъ по $8^1/_2$ саженъ и съ стѣною, стѣна толщиною 2 сажени. И та башня съ обѣихъ сторонъ пообвалилася 2 сажени по верхніе бои; а кровли на той башнѣ нѣтъ, огнила и обвалилась безъ остатку, и отъ мокроты, отъ дождя и отъ снѣгу, сыплется каменье и достальное розно. Да въ той же башнѣ стоитъ пищаль поменьше полуторной, мѣдная, въ станку на колесахъ, къ той пищали по кружалу 300 ядеръ, вѣсомъ по 3 гривенки ядро, станокъ и колеса у той пищали огнили безъ остатку.

Отъ тое отъ Климентовской башни до Воротной каменной башни прясло каменной стѣны, въ длину по стѣнѣ $18^1/_2$ саженъ, вышина стѣнъ съ подшвы до зубцовъ $4^1/_2$ саженъ, въ толщину стѣна въ 3 сажени безъ чети; а нынѣ по тому пряслу вмѣсто зубцовъ стоятъ тарасы деревянные; а то прясло стоитъ отъ приходу съ лица безъ кровли и во многихъ мѣстѣхъ то прясло отъ мокроты сыплется розно.

Да на томъ же пряслѣ пищаль больши полуторной мѣдная, на гниломъ станку безъ колесъ, къ той пищали по кружалу 29 ядеръ, вѣсомъ по 6 гривенокъ ядро; пищаль поменьше тое полуторной мѣдная, на гниломъ станку безъ колесъ, къ той пищали по кружалу 120 ядеръ, вѣсомъ по полтри гривенки ядро; тюфякъ мѣдный въ гниломъ станку на кошкахъ, ядеръ и дроби къ нему нѣтъ. На томъ же пряслѣ колоколъ сполошной мѣдный, вѣсомъ 50 гривенокъ и съ языкомъ.

Отъ того прясла каменная четвероугольная башня Воротная стоитъ безъ кровли и отъ мокроты та башня сверху поосыпалась во многихъ мѣстѣхъ; да подъ тою-жъ башней стоитъ въ полаткѣ государева зелейная казна и пушечныя ядра и свинецъ. И та полатка гораздо мала и государевѣ казнѣ стоять въ той полаткѣ тѣсно и отъ мократы каплетъ; и впредь въ той полаткѣ государевой казнѣ зелейной быть не мочно, потому что отъ мокроты и отъ капели чинится поруха, а надобно подъ ту зелейную казну устроить погребъ добрый; а кѣмъ тотъ погребъ устроить и о томъ что государь укажетъ. А мѣрою та Воротная башня и съ стѣною въ длину и поперегъ по 8 саженъ, стѣна толщиною въ 2 сажени, вверхъ отъ подшвы та башня 7 саженъ.

На той Воротной башнѣ въ окнахъ 2 пищали полуторныя мѣдныя въ станкахъ на колесахъ; къ тѣмъ пищалемъ 109 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривенки ядро; станки и колеса у тѣхъ

пищалей огнили; подъ тою-жъ башнею въ воротѣхъ тюфякъ мѣдный въ станку, колеса огнили ядеръ и дроби къ нему нѣтъ.

Отъ тое Воротной башни, до наугольной Стрѣлочной каменной башни, которая стоитъ межъ рѣкою Волхова и Ладожки, каменной стѣны прясло подлѣ рѣки Ладожки, въ длину по стѣнѣ 28 саженъ, вверхъ стѣна отъ подшвы къ зубцамъ 4 сажени, толщина стѣнъ 3 сажени безъ чети. И того прясла отъ Стрѣлочной башни въ длину на 20 саженъ половина толщины той каменной стѣны съ загородной стороны обвалилась въ рѣку въ Ладожку до подшвы, и которое цѣлое мѣсто того прясла 8 саженъ, и та стѣна стоитъ безъ кровли и отъ мокроты сыплется розно.

Большая каменная наугольная круглая Стрѣлочная; въ длину и поперегъ 8 саженъ, вверхъ отъ подшвы та башня 7 саженъ, кровля на той башнѣ огнила и сверху отъ мокроты та башня осыпается. На той башнѣ нарядъ: пищаль полуторная мѣдная въ станку на колесахъ, къ той пищали по кружалу 370 ядеръ, вѣсомъ по 3 гривенки ядро, колеса у той пищали гнилы; пищаль полуторная желѣзная въ станку на колесахъ, къ той пищали по кружалу 52 ядра, вѣсомъ по 2 гривенки ядро; пищаль полковая долгая, скорострѣльная желѣзная на козлѣ, къ той пищали 10 ядеръ вѣсомъ въ 1/4 гривенки ядро; тюфякъ нѣмецкой желѣзный судовой на козлѣ, ядеръ и дроби къ нему нѣтъ; 15 пищалей затинныхъ желѣзныхъ, да 16-я ломавая, къ тѣмъ пищалемъ 340 ядеръ желѣзныхъ.

Отъ той Стрѣлочной башни до Тайничной каменной башни подлѣ рѣки Волхова, прясло каменной стѣны, въ длину по стѣнѣ 23 сажени, вверхъ стѣна отъ подшвы и съ зубцами 5 1/4 саженъ; и та стѣна осыпалась во всю стѣну на 1/2 сажени; а стоитъ та стѣна безъ кровли, а нынѣ то достальное каменной стѣны прясло сыплется розно и валится въ рѣку Волховъ.

Башня Тайничная каменная, отъ подшвы вверхъ 4 сажени, въ длину 5 саженъ съ полусаженью, толщина 2 сажени; и та башня стоитъ безъ кровли, и вся до подшвы отъ каменной стѣны отсѣла больше сажени и отвисла. И только тое башни вскорѣ не разобрать и вновь не устроить, и та Тайничная башня вскорѣ вся безъ остатку до подшвы обвалится въ рѣку въ Волховъ, и колодезь въ той Тайничной башнѣ обрушится и вода каменьемъ и известью и пескомъ засыплется. А колодезь подъ той башней съ водою, а вода въ тотъ тайникъ и въ колодезь приведена была трубами изъ рѣки Волхова, и тѣ трубы не почищены и нынѣ засыпались и воды въ томъ тайничномъ колодезѣ нѣтъ. А надъ тѣмъ колодеземъ въ той башнѣ своды каменные, а около того колодезя мостъ намощенъ плитою. И отъ того колодезя въ каменный городъ въ палатку выведенъ тайникъ противъ стѣны, въ длину въ 3 сажени, а стѣны и своды и лѣстница у того тайника каменныя, а палатка, въ которую тотъ тайникъ приведенъ, въ длину 4 сажени, поперегъ въ сажень, вверхъ полъ двѣ сажени, а стѣна толщиною полсажни. А надъ тою полаткою были рубленые тарасы деревянные и покрыта была палатка тесомъ и дерномъ, и та кровля вся безъ остатку обвалилась и тайникъ и палатка отъ мокроты сыплется розно и вода въ колодезѣ землею засыпалась. А опричь того тайника воды въ каменномъ городѣ нигдѣ нѣтъ.

Отъ тое Тайничной башни до большого каменного роскату, подлѣ рѣки Волхова, по валу прясло деревянное, рубленыя стѣны, въ длину 28 саженъ, и та деревянная стѣна стоитъ безъ кровли. А прежъ сего потому мѣсту была каменная стѣна, и та каменная стѣна вся до подшвы обвалилась въ рѣку въ Волховъ безъ остатку, а каменная подшва у той стѣны цѣла, а съ

подшвы вверхъ та каменная стѣна была вышиною и съ зубцами $5^{1}/_{4}$ саженъ, а поперегъ тое стѣны была толщина полъдвѣ сажени.

Башня каменная Роскатная наугольная круглая, подлѣ рѣки Волхова, межъ городовъ каменного и земляного; вышина башни вверхъ подшвы до зубцовъ 6 саженъ, въ длину и поперегъ по 8 саженъ, толщина стѣны 2 сажени; а на верху тое Роскатной башни нынѣ вмѣсто зубцовъ стоятъ деревянные тарасы и тѣ тарасы огнили и развалились безъ остатку, вверхъ тѣ тарасы въ сажень; а стоитъ та Роскатная башня безъ кровли и отъ мокроты сыплется и валится розно.

И всего тотъ каменный городъ, башни и прясла, около всего города мѣрою по стѣнѣ и съ башнями $154^{1}/_{4}$ сажени.

Да у того-жъ у каменнаго города у цѣлаго у каменнаго прясла, да у пряселъ разсыпныхъ, подошевные бои землею засыпались и заросли, и нарядъ въ тѣхъ боѣхъ поставить не мошно. Да у каменнаго-жъ города отъ Воротной башни для городовыя крѣпости и воротнаго обереганья поставленъ острогъ да рѣшетка.

Да въ Ладогѣ другой городъ деревянный; поставленъ былъ по земляному валу, подлѣ каменнаго города; и тотъ деревянный городъ, башни и деревянныя городовыя прясла и отводные быки и у воротъ острогъ и рѣшетка, все огнило и развалилось безъ остатку и земляной валъ того деревяннаго города во многихъ мѣстѣхъ осыпался. А мѣрою тотъ земляной валъ, по которому былъ деревянный городъ, отъ каменнаго города, отъ Роскатныя башни, отъ каменныя по валу стѣнныя прясла и башенныя мѣста и быки около всего того деревяннаго города къ каменному городу, до Климентовской проходной башни каменной 209 сажень, а деревяннаго города стѣны съ тарасы и съ обламы рубленые были вверхъ 2 сажени. И тотъ деревянный городъ, будетъ государь укажетъ, весь надобно дѣлать вновь, а безъ того деревяннаго города быть отнюдь не мочно, что Ладога стала близко нѣмецкого рубежа. Да изъ того-жъ деревяннаго города выведенъ былъ подлазъ къ рѣкѣ къ Волхову, а въ томъ подлазѣ былъ колодезь съ водою, и тотъ подлазъ обрушился весь безъ остатку и колодезь засыпался и воды въ томъ деревянномъ городѣ въ осадное время, окромѣ того подлазу, не будетъ.

Да у того-жъ у деревяннаго города стоитъ нынѣ деревянная гнилая башня Воротная, а ворота въ тотъ деревянный городъ подъ тою башнею одни и иныхъ воротъ нѣтъ; и та башня вся безъ остатку огнила и ворота въ землю осѣли, и тѣми вороты пѣшіе люди ходятъ съ великою нужею, а на лошадяхъ тѣми вороты ѣздить отнюдь не мочно. Да у той же деревянной гнилой башни, около тѣхъ воротъ, для городовой и воротной крѣпости, стоялъ отводной деревянный тынъ съ рѣшеткой, и тотъ тынъ съ рѣшеткой все огнило и развалилось.

Да въ Ладогѣ-жъ обоихъ городовъ, каменнаго и деревяннаго, дву воротъ городовыхъ воротныхъ 7 ключей. Да въ государевѣ казнѣ въ съѣзжей избѣ, по росписному списку Григорья Карамышева, принято у него, Григорья, на лицо, что онъ Григорій объявилъ и отдалъ 14 рубл. 6 алт. съ деньгой.

Да приказныхъ дѣлъ: государевы грамоты и новгородскія и олонецкія отписки и судныя и приказныя всякія дѣла, по его Григорьеву росписному списку. Да въ государевѣ казнѣ зелья ручного и пушечнаго наголо безъ дерева 95 пудъ 22 гривенки; да ядеръ желѣзныхъ, которыя къ пищали не пригодились, большихъ и малыхъ 256 ядеръ: да три свиньи свинцу невзвѣшены, потому что такихъ вѣсовъ въ Ладогѣ нѣтъ; да свинцу 14 пудъ 10 гривенокъ. Да въ государевыхъ житницахъ: государева четвертного и дворцоваго хлѣба: дворцоваго 32 четьи ячменю

170 четьи овса, да четвертного хлѣба: 19 четьи съ осьминою ячменю въ государеву отдаточную мѣру.

Да въ прошломъ во 155 году, по государеву.... указу присыланъ былъ въ Ладогу съ Москвы изъ Новгородской Четверти при Васильѣ Оничковѣ каменныхъ дѣлъ подмастерье Ромашко Невѣровъ, для тое города Ладоги, каменнаго и деревяннаго, подлинной городовой смѣты. И тѣ городовыя всякія крѣпости и подѣлки смѣчалъ подлинно, и во что то городовое дѣло станетъ и въ колько мѣсяцевъ и сколькими людьми то городовое дѣло мочно дѣлать и на то все городовое дѣло надобно городовыхъ всякихъ запасовъ и камня и песку и извести и бутового камня и лѣсу и тесу и гвоздья и мастеровъ, и тому всему городовому дѣлу и крѣпостямъ подлинная смѣтная роспись за руками послана, и о всемъ о томъ Василій Оничковъ писалъ къ государю... къ Москвѣ въ Новгородскую Четверть съ тѣмъ-же каменныхъ дѣлъ подмастерьемъ съ Ромашкою Невѣровымъ. И по се время тѣ оба городы пе подѣланы и достальныя башни и каменныя прясла безъ кровлей нынѣ безъ остатку валятся, а безъ подѣлки въ тѣхъ городѣхъ въ осадное время отнюдь сидѣть будетъ нельзя и ни въ чемъ никоторыми дѣлы. А отъ нѣмецкого свейскаго рубежа городъ Ладога всего 30 верстъ, и ѣздятъ въ государеву сторону мимо Ладоги нѣмецкіе посланники и гонцы и торговые люди пріѣзжаютъ почасту и городовое нестроенье видятъ.

А осадныхъ запасовъ въ Ладогѣ въ государевѣ казнѣ: ломовъ и кирокъ и заступовъ и фитилей, и иныхъ никакихъ осадныхъ запасовъ, сверхъ сей росписи, нѣтъ; а хлѣба въ государевыхъ житницахъ гораздо мало и тотъ хлѣбъ весь лежалый и впредь непроченъ; а пороху и ядеръ не отъ велика-жъ, и безъ запасного хлѣба и безъ пороху и безъ ядеръ и безъ осадныхъ запасовъ, и наряду безъ станковъ и безъ колесъ въ осадное время быть отнюдь не мочно.

А хлѣбныхъ и денежныхъ доходовъ въ Ладогѣ въ государеву казну ни отколѣ ничего не приходитъ. Да въ Ладогѣ-жъ государевыхъ служилыхъ и всякихъ жилецкихъ людей: голова стрѣлецкій и козачій, а у него въ двухъ станицахъ 81 человѣкъ козаковъ съ самопалы, а самопалы у казаковъ свои; да у нихъ же 2 знамени и 2 барабана государевыхъ казенныхъ; и нынѣ тотъ голова на государевѣ службѣ въ Витебскѣ и съ козаки. Да у него-жъ въ приказѣ въ Ладогѣ 100 человѣкъ стрѣльцовъ съ самопалы, а самопалы у нихъ государевы орленые; да у нихъ же государевы два знамени и два барабана. Да посадскихъ людей 58 человѣкъ съ самопалы и съ топоры и съ копьи; да у наряду 6 человѣкъ пушкарей, да Ладожскаго яму охотниковъ 20 человѣкъ съ топоры и съ копьемъ.

(Н. Поповъ: Акты Московскаго Государства, т. II, № 777).

Приложеніе X.

Опись Ладоги 1668 года.

Новгородцкіе пригороды.

Въ городѣ Ладогѣ воевода Аѳанасей Матвѣевъ сынъ Арцыбашевъ, Іюня съ 7 числа 175 году.

А по отпискѣ и по книгамъ окольничего и воеводы князя Дмитрея Алексѣевича Долгорукого, да дьяковъ Дмитрея Шубина да Ивана Рубцова Марта 1 числа нынѣшняго 176 году:

Городъ каменной промежъ рѣкъ Волхова и Ладожки.

2 башни каменныхъ съ проѣзжими вороты и въ томъ числѣ одна башня безъ кровли, отъ дождю во многихъ мѣстѣхъ осыпалась.

3 башни глухихъ, тѣ башни во многихъ мѣстѣхъ осыпались; а Тайничная башня подъ которою колодезь и та башня отъ городовые стѣны до подошвы вся отсѣла, и только тое башни непочинить и воды въ каменномъ городѣ не будетъ.

По мѣрѣ города и съ башни 151 сажень.

Къ тому-жъ каменному городу сдѣланъ городъ деревянной рубленой: Башня съ проѣзжими вороты; 2 башни глухихъ. По мѣрѣ города съ башнями и съ выводы 221 сажень.

Людей: атаманъ казачей 1, есаулъ 1, рядовыхъ казаковъ 48, дѣтей ихъ и племянниковъ 3, стрѣльцовъ 100, дѣтей ихъ и племянниковъ 7, пушкарей 6, посадскихъ людей 37, дѣтей ихъ и братьи и племянниковъ 14, посадскихъ людей зарубежскихъ выходцовъ 17, дѣтей ихъ и братьи и племянниковъ 6, ямскихъ охотниковъ 24, дѣтей ихъ 2, захребетниковъ и бобылей 6; зарубежскихъ выходцовъ, которые порядились въ посадъ и взяли государево жалованье, а нынѣ живутъ за монастыри и за помѣщики,—30, дѣтей ихъ и братьи 14 человѣкъ. Всего въ городѣ въ Ладогѣ всякихъ чиновъ людей 271 человѣкъ.

По городу и въ проѣзжихъ воротахъ и въ глухихъ башняхъ наряду:

Пищаль мѣдная въ станку на колесахъ, къ ней 50 ядеръ, восемъ ядро по 6 гривенокъ.

2 пищали мѣдныхъ въ станкѣхъ на колесахъ, къ нимъ 486 ядеръ, вѣсомъ ядро по 3 гривенки.

Пищаль мѣдная въ станку на колесахъ, къ ней 400 ядеръ, вѣсомъ ядро по 3 гривенки безъ чети.

2 пищали мѣдные въ станкѣхъ на колесахъ, а къ нимъ 106 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривенки ядро.

Пищаль полуторная желѣзная, къ ней 52 ядра, вѣсомъ по полъ три гривенки ядро.

Пищаль желѣзная на козлѣ, къ ней 2 ядра, вѣсомъ по 2 гривенки ядро.

2 тюфяка мѣдныхъ, дроби къ нимъ и пушкаря нѣтъ.

Тюфякъ желѣзный на козлѣ, дроби и пушкаря къ нему нѣтъ.

15 пищалей затинныхъ желѣзныхъ на козлахъ, къ нимъ 340 пулекъ желѣзныхъ.

Въ казнѣ зелья 89 пудъ безъ дерева, до невѣшанного въ трехъ бочкахъ; невѣшенъ для того что слежался.

38 пудовъ свинцу, 9 пудовъ фитилю, 3 знамени киндячные ветхи, 102 мушкета съ жаграми, да порченыхъ 27 мушкетовъ, 30 топорковъ и бердышевъ.

Въ житницѣ четвериковаго хлѣба 44 чети безъ четверика ржи, 26 чети безъ полуосмины овса; а тотъ хлѣбъ въ пріимочную мѣру. Да стрѣлецкаго и четвериковаго хлѣба 10 чети съ четверикомъ и съ полъ полчетверика ржи. 8 четвертей съ полуосминою и съ четверикомъ безъ полъ полчетверика овса. И тотъ хлѣбъ въ пріимочную мѣру.

Въ Ладогѣ-жъ въ казнѣ прислано изъ Лавужского острогу: 3 пушки мѣдныхъ въ станкѣхъ на колесахъ, 6 знаменъ киндяшныхъ, 4 барабана, лукашко барабанное, 4 алебарда, 30 лядунокъ драгунскихъ, 50 бердышей цѣлыхъ и ломаныхъ, 7 топориковъ цѣлыхъ и ломаныхъ, 150 копей пичныхъ безъ древокъ, 98 пикъ долгихъ и короткихъ съ древками, 3 фурмы мѣдныхъ большихъ, 5 фурмъ желѣзныхъ малыхъ, трубка фитильная, горшокъ желѣзной, 3 уполни желѣзныхъ, уполовня ломаная, лейка желѣзная, безмѣнъ, 3 кожи барабанныхъ дѣланыхъ, 11 веревокъ барабанныхъ, 5 пудовъ зелья ручного, 95 пудовъ фитилю, 4 пуда 18 гривенокъ зелья пушечного,

2 пуда 2 чети зелья нарядного въ мѣшкахъ, 10 аршинъ холсту, 4 пуда 25 гривенокъ пеньки, 4 топора дровосѣчныхъ, 4 желѣза ножные, 8 мѣшковъ кожаныхъ пороховыхъ, 84 ядра пушечныхъ, прутъ да два обломка желѣза невѣшеного, 2 кирки, 2 скобели.

И изъ того числа на Лавужскую заставу дано знамя киндяшная цвѣтное, барабанъ; стрѣльцамъ и казакомъ 20 человѣкамъ по фунту зелья и свинцу.

Да въ государевѣ казнѣ денежные казны 2 алтына 4 деньги.

(Московс. Архивъ Минист. Юстиціи: Дѣла Московскаго Стола 1668г., кн. № 61, л. 444).

Приложеніе XI.

Опись Ладоги 1669 года.

Въ Новгородцкихъ пригородѣхъ.

Въ Ладогѣ новгородецъ Аѳанасей Матвѣевъ сынъ Арцыбашевъ, отпущенъ Іюня въ 7 числѣ 175 году, наказъ данъ съ вичомъ, росписался того-жъ году Іюня въ 28 числѣ.

Городъ Ладога, а въ ней два города.

Городъ каменной, въ немъ два ворота проѣзжіе, 3 башни глухихъ.

И подъ глухою башнею тайникъ, а въ немъ колодезь съ водою, а въ осадное время въ томъ колодезѣ воды не будетъ, потому что тайникъ осыпался, а иного колодезя въ каменномъ городѣ нѣтъ и водою будетъ скудно.

Всего каменного города съ стѣны и съ башнями по мѣрѣ 151 саженъ, а сажень въ 3 аршина; и того города стѣна во многихъ мѣстахъ осыпалась.

Городъ деревянной: Въ немъ проѣзжіе ворота да двѣ башни глухихъ, да три быка отводные; а по мѣрѣ того города съ башнями и съ быки 221 сажень въ трехаршинную сажень.

Обоего каменного и деревянного города по мѣрѣ кругомъ 372 сажени.

На городѣ колоколъ всполошной вѣсомъ 50 гривенокъ и съ языкомъ.

Людей: стрѣльцовъ 100 человѣкъ, казаковъ 52, пушкарей 6, казачьихъ дѣтей 4. И изъ тѣхъ стрѣльцовъ и казаковъ стоятъ на заставѣхъ въ Лавуйскомъ острошку отъ Ладоги 40 верстъ съ головою по 20 человѣкъ, перемѣняютца въ двѣ недѣли. На Волховскомъ устьѣ отъ Ладоги 15 верстъ, да на Сяскомъ устьѣ за 20 верстъ, съ головами по 10 человѣкъ.

Посадскихъ людей 46 человѣкъ, ямскихъ охотниковъ 26 человѣкъ, подсосѣдниковъ и бобылей 5, выходцовъ Орѣшковскаго уѣзду которые рядились въ посадъ 23 человѣка.

Всего служилыхъ и жилецкихъ всякихъ чиновъ людей 262 человѣка.

Наряду:

Пищаль мѣдная на колесахъ, въ длину полчетыре аршина съ вершкомъ, къ ней 167 ядеръ желѣзныхъ, по 3 гривенки ядро.

Пищаль мѣдная болши полуторной, длина 4 аршина съ четью, толстина 5 вершковъ; къ ней 50 ядеръ желѣзныхъ, по 6 гривенокъ безъ чети ядро.

Пищаль мѣдная-жъ, къ ней 400 ядеръ желѣзвыхъ, по 3 гривенки безъ чети ядро.

Пищаль верховая, а тюфякъ тожъ мѣдной.

Пищаль полуторная желѣзная въ станку на колесахъ, длина 3 аршина, въ казнѣ 6 вершковъ; къ ней 52 ядра желѣзныхъ въ полтри гривенки ядро.

Пищаль поменши полуторной мѣдная въ станку на колесахъ, къ ней 60 ядеръ желѣзныхъ въ полтри гривенки ядро.

Пищаль полковая желѣзная долгая на козлѣ, къ ней 2 ядра желѣзныхъ въ четь гривенки ядро, да въ тотъ-же вѣсъ 50 ядеръ повелики.

Пищаль мѣдная поменши полуторной въ станку на колесахъ, длина 3 аршина съ четью, толщина 5 вершковъ; къ ней 319 ядеръ желѣзныхъ по 3 гривенки ядро.

Пищаль верховая, а тюфякъ тожъ мѣдной; ядеръ и дроби къ нему нѣтъ.

Тюфякъ желѣзной нѣмецкой судовой на козлѣ, въ длину аршинъ, въ дулѣ четырехъ вершковъ; ядеръ и дроби нѣтъ.

По деревянному городу наряду:

Пищаль мѣдная въ станку на колесахъ, въ длину 3 аршина съ четью, въ казнѣ 5 вершковъ къ ней 46 ядеръ желѣзныхъ по 2 гривенки ядро.

3 пищали полковыхъ мѣдныхъ въ станкахъ на колесахъ.

Тюфякъ мѣдный въ станку на кошкахъ, длина аршинъ съ четью, талстина полъ аршина.

Да въ башняхъ на быкахъ 15 пищалей затинныхъ желѣзныхъ на козлахъ, а къ тѣмъ пищалемъ 340 пулекъ желѣзныхъ по 7 и по 8 пулекъ въ гривенку.

И того-жъ деревянного города къ рѣкѣ Волхову подлазъ, а въ подлазѣ колодезь съ водою.

Зелья ручного 17 пудъ съ четью, пушечного мокрого 23 пуда 18 гривенокъ, 2 пуда 2 чети въ мѣшкахъ нарядного зелья. Свинцу 3 свиньи, а въ нихъ 26 пудъ; свинцу-жъ въ 3 кусахъ 10 пудъ, свинцу-жъ сѣченого и въ пулкахъ 2 пуда, всего 38 пудъ. Фетилю 14 пудъ, 3 знамени киндяшныхъ ветчаныхъ, 102 мушкета съ жаграми, 27 мушкетовъ порченыхъ безъ жагръ, 37 топориковъ цѣлыхъ и ломаныхъ, 30 полицъ бѣлаго желѣза, ломъ, 4 буравца, 4 барабана, лукошко барабанное, 4 алебарда, 30 лядунокъ драгунскихъ, 50 бердышевъ цѣлыхъ и ломаныхъ, 150 копеецъ пичныхъ безъ древокъ, 98 пикъ долгихъ и короткихъ съ древками, 3 фурмы мѣдныхъ большихъ, 5 фурмъ желѣзныхъ малыхъ, трубка фетильная, горшокъ желѣзной, 3 уполовника желѣзныхъ, уполовня ломаная; лейка желѣзная, безмѣнъ, 3 кожи барабанныхъ, 11 концовъ веревокъ барабанныхъ, 10 аршинъ холсту, пенки 4 пуда 25 гривенокъ, 16 топоровъ дровосѣчныхъ, 4 желѣза ножные, 8 мѣшковъ кожаныхъ пороховыхъ; 84 ядра пушечныхъ, прутъ желѣза, 2 обломка невѣшеного, 2 кирки желѣзныхъ, 2 долота, 2 скобели. Соли запасной 12 пудъ безъ чети.

А денегъ и хлѣба въ казнѣ и въ житницахъ стрѣлецкаго и четверичного никакова нѣтъ.

(Московс. Архивъ Минист. Юстиціи: Дѣла Московского Стола 1669 г., кн. № 62, и 412).

Приложеніе XII.

«Переписная роспись новгородскому пригороду Ладогѣ башнямъ и стѣнамъ и всякимъ городовымъ крѣпостямъ и Великого Государя зелейной и свинцовой казнѣ и хлѣбу и запасной соли и наряду и ядрамъ и фитилю и всякимъ пушечнымъ запасомъ и служилымъ и посадскимъ и всякихъ чиновъ жилецкимъ людемъ и по колку человѣкъ стрѣльцовъ и иныхъ служилыхъ людей въ городѣ и по воротамъ и по стѣнамъ и у зелейной и у свинцовой казны на караулѣхъ и на сторожахъ и въ колко день перемѣняются и каковъ городъ и что по которому городу проѣзжихъ воротъ и глухихъ башенъ и иныхъ крѣпостей и которыя крѣпости въ цѣлѣ и какова которая башня мѣрою и что отъ башни до башни и всее городовые стѣны по мѣрѣ саженъ и сколко нынѣ по пересмотру и по спискамъ въ Ладогѣ на лицо Великого Государя служилыхъ людей и посадскихъ и всякихъ жилецкихъ людей». 1665—67 г.

Городовыхъ воротнихъ 4 ключи: Ладога городъ каменной промежъ Волхова и рѣки Ладожки.

Башня каменная круглая Климонтовская, проходная отъ приходу съ лица; а проходъ въ той башни изъ верхнего бою каменною лѣстницею въ середней и въ нижней бои и отъ того подошевного бою проходные небольшіе ворота въ деревянной городъ; а та башня стоитъ безъ кровли и отъ дожжу и отъ снѣгу отъ мокроты сверху та башня осыпалася съ обѣ стороны по верхней бой на сажень. Вышина башнѣ съ вонные стороны 6 саженъ съ третью сажени, въ длину и поперегъ во всѣ стороны по 8 саженъ съ третью сажени; толщина стѣнъ въ верхнихъ боехъ въ окнахъ по сажени, да около оконъ въ быки по сажени, въ середнемъ бою толстина башнѣ и съ окнами трехъ саженъ, а въ нижнемъ бою четырехъ саженъ.

Да на той-же башнѣ пищаль мѣдная въ станку на гнилыхъ колесахъ, въ длину та пищаль полчетверта аршина съ вершкомъ, въ дулѣ толстина четырехъ вершковъ, въ казнѣ толстина въ полшеста вершка; къ той пищали по кружалу 167 ядеръ желѣзныхъ, вѣсомъ по 3 гривенки ядро; пушкарь у той пищали Куземка Мининъ. И къ той пищали надобно колеса новые противъ прежнего вышиною два аршина безъ четверти, ступицы у колесъ въ отрубѣ по полуаршины, да ось дубовая длиною 3 аршина; а станокъ у той пищали не горазно поогнилъ. Да на той-же башнѣ въ середнемъ бою тюфякъ желѣзный нѣмецкой судовой на козлѣ, въ длину 1 аршинъ, въ казнѣ и въ дулѣ четырехъ вершковъ; ядеръ и дроби и пушкаря къ нему нѣтъ.

Отъ тое башни до Воротной каменной башни прясло каменныя стѣны съ приходу-жъ съ лица, въ длину по стѣнѣ 18 саженъ съ полусаженью; толстина стѣнъ 3 сажени; вышиною то прясло съ загородные стороны 4 сажени, а внутри города та стѣна вышиною въ 1½ сажени. А стоитъ та стѣна безъ кровли и отъ мокроты сыплетца розно. Да на томъ-же пряслѣ вмѣсто зубцовъ стоятъ деревянные тарасы и тѣ непокрыты и огнили.

Башня каменная Воротняя четвероугольная, въ длину и поперегъ по 8 саженъ, въ верхѣ съ потшвы и съ загородные стороны 7 саженъ. Толстина башнѣ въ верхнихъ и въ середнихъ и въ подошвеныхъ боехъ противъ Климонтовской приходной башни. А стоитъ та башня безъ кровли и отъ дожжу и отъ снѣгу и отъ мокроты сверху во многихъ мѣстехъ поосыпалось.

Да на той-же башнѣ въ верхнихъ боехъ пищаль больши полуторной мѣдная, длиною 4 аршина съ четвертью; въ дулѣ толстина 5 вершковъ, въ казнѣ 7 вершковъ. Къ той пищали по кружалу 50 ядеръ желѣзныхъ, вѣсомъ по шти гривенокъ ядро; пушкарь у той пищали Ортюшка Куделинъ. А станокъ и колеса у той пищали огнили и надобно къ той пищали станокъ противъ прежняго длиною въ 5 аршинъ, подъ колесами ширина станку 10 вершковъ, въ хвостѣ поларшина, толстина въ 1½ вершка, а колеса вышиною въ 2 аршина безъ четверти, ступицы въ отрубѣ по полуаршина; подъ станокъ въ колеса ось длиною въ сажень.

Да въ той же башнѣ другая пищаль мѣдная въ станку на гнилыхъ колесахъ, длиною въ 3 аршина съ четвертью, въ дулѣ толстина 4 вершка, въ казнѣ 5 вершковъ; къ той пищали по кружалу 400 ядеръ желѣзныхъ, вѣсомъ по три гривенки безъ четверти ядро, пушкарь у той пищали Ивашко Куделинъ. И къ той пищали надобны новые колеса противъ прежнего, вышиною 2 аршина безъ четверти, ступицы колесные въ отрубѣ въ поларшина, ось подъ станокъ въ колеса въ 3 аршина; станокъ у той пищали цѣлъ.

Да въ той-же башнѣ въ нижнемъ бою городовые проѣзжіе ворота, а въ тѣхъ проѣзжихъ воротехъ пищаль верховая, а тюфякъ тожъ мѣдная, въ станку на гнилыхъ колесахъ, въ длину въ аршинъ съ четвертью, въ казнѣ толстина въ поларшина, въ дулѣ девяти вершковъ; ядеръ

и дроби и пушкаря къ ней нѣтъ и не было. И къ той пищали надобно новые колеса вышиною 2 аршина, ступицы у колесъ въ отрубѣ девяти вершковъ, ось въ 3 аршина.

Да подъ тою-же Воротнею башнею въ полаткѣ стоитъ Великого Государя зелейная и свинцовая казна.

А иныхъ воротъ, опрочѣ тѣхъ проѣзжихъ воротъ, въ каменномъ городѣ нѣтъ, только есть проходные небольшіе ворота изъ каменного города въ деревянный городъ подъ Климентовскую каменную проходною башнею и тѣ писаны выше сего.

Да отъ тѣхъ-же проѣзжихъ воротъ отводной острогъ съ решеткою, въ длину 15 саженъ.

Отъ той Воротней башне до Стрѣлочной каменной башни прясло каменные стѣны возлѣ рѣки Ладожки, въ длину 28 саженъ съ полусаженью; и той каменной стѣны отъ Воротней башни 15 саженъ съ полусаженью цѣло, только стоитъ непокрыто и отъ мокроты каменье сыплется розно. Вышина стѣнъ съ загородные стороны 3 сажени съ третью сажени; толстина стѣнъ и съ зубцами трехъ саженъ, а безъ зубцовъ въ двѣ сажени, а зубцы вышиною и толстиною по сажени. Да того-же прясла къ Стрѣлочной башнѣ 13 саженъ каменные стѣны съ загородной стороны обвалилось за городъ по валу и въ рѣку Ладожку, а обвалилось той стѣны и съ зубцами толстины на 2 сажени съ третью сажени, а осталося цѣлые стѣны того-жъ прясла всего толстиною на сажень съ третью и надъ тѣмъ обрушеннымъ мѣстомъ поставлены были деревянные тарасы и тѣ огнили безъ остатку; а стоитъ то прясло все безъ кровли.

Башня глухая Стрѣлочная каменная круглая, межъ рѣкъ Волхова и Ладожки. Вышина башнѣ съ подошвы вверхъ полшесты сажени, въ длину и поперегъ та башня во всѣ стороны по полдесяты сажени: въ окнахъ толстина въ сажень, да отъ оконъ быки по сажени; и всего въ верхнемъ бою въ окнахъ и въ быкахъ толстина башни 2 сажени, а въ середнемъ бою 3 сажени, а въ нижнемъ бою 4 сажени. А стоитъ та башня безъ кровли и во многихъ мѣстехъ поосыпалось.

Да на той-же башнѣ пищаль полуторная желѣзная, въ станку на колесахъ, длиною 3 аршина, въ дулѣ четырехъ вершковъ, въ казнѣ шти вершковъ. Къ той пищали по кружалу 52 ядра желѣзныхъ, вѣсомъ по полтретьи гривенки ядро; пушкарь у той пищали Ефимко Устиновъ. Колеса и станокъ у той пищали цѣлы.

Пищаль поменши полуторной мѣдная, въ станку на колесахъ, въ длину 3 аршина, въ казнѣ четырехъ вершковъ, въ дулѣ трехъ вершковъ. Къ той пищали 60 ядеръ желѣзныхъ, вѣсомъ по 2 гривенки ядро, пушкаря у ней нѣтъ; колеса и станокъ у той пищали цѣлы.

Пищаль полковая желѣзная долгая, на козлѣ; въ длину 4 аршина безъ четверти, толстина въ дулѣ въ вершокъ, въ казнѣ въ полтора вершка. Къ той пищали два ядра желѣзныхъ вѣсомъ въ четверть гривенки ядро, да въ томъ-же вѣсѣ 8 ядеръ, толко къ той пищали тѣ ядра повелику.

Отъ той Стрѣлочной башнѣ до Тайничной каменной башнѣ, подлѣ рѣки Волхова прясло каменные стѣны, стоитъ непокрыто безъ кровли, въ длину по стѣнѣ 18 саженъ, вышина стѣнѣ отъ рѣкѣ отъ Волхова полчетверты сажени, толстина въ сажень съ четвертью; а подошевные бои у тое стѣнѣ землею засыпались заросли, и то прясло все обвисло въ рѣку въ Волховъ, а отъ мокроты каменье сыплется розно на обѣ стороны.

Тайничная круглая каменная глухая башня, отъ рѣки отъ Волхова вверхъ 3 сажени, въ длину и поперегъ 5 саженъ. И та башня вся до подошвы отъ каменные стѣны, стѣны осѣла сверху на полторы сажени, а у подошвы на полсажени, а стоитъ безъ кровли и отъ дожжу и

отъ снѣгу отъ мокроты съ обѣ стороны сыплется розно. А подъ тою башнею тайникъ, а въ немъ колодезь съ водою и сверху надъ колодеземъ своды каменные; а въ тотъ тайникъ изъ каменнаго города входъ полаткою и лѣстница каменная, и толко той башнѣ до подошвы не разобрать и вновь вскорѣ не сдѣлать и та башня вся безъ остатку до подошвы обвалится въ рѣку Волховъ и вода въ томъ тайникѣ въ колодезѣ каменемъ засыплется и въ осадное время въ Ладогѣ въ каменномъ городѣ воды не будетъ, потому что иного колодезя и воды въ каменномъ городѣ опрочѣ того тайничного колодезя нѣтъ.

Отъ Тайничной башни Роскатные каменные башни подлѣ рѣки-жъ Волхова городовые деревянные рубленые стѣны съ тарасы прясло въ длину 29 саженъ, а та деревянная стѣна стоитъ безъ кровли и огнила и развалилась; а прежъ сего по тому мѣсту была каменная стѣна и та стѣна вся обвалилась въ рѣку Волховъ безъ остатку.

Башня глухая каменная Роскатная круглая, вышиною въ полшесты сажени, вдоль и поперегъ во всѣ стороны по полдевяты сажени; толстина съ окнами въ верхнемъ бою въ 2 сажени, въ середнемъ бою въ 3 сажени, въ нижнемъ бою 4 сажени. А стоитъ та башня безъ кровли и отъ дожжу и отъ снѣгу отъ мокроты съ обоихъ сторонъ осыпалася на сажень по верхній бой.

Да въ той-же башнѣ въ середнемъ бою пищаль мѣдная поменши полуторной, въ станку на колесахъ, въ длину 3 аршина съ четвертью, въ казнѣ толстина 5 вершковъ, въ дулѣ четырехъ вершковъ. Станокъ и колеса у той пищали цѣлы; къ той пищали по кружалу 319 ядеръ желѣзныхъ, вѣсомъ по 3 гривенки ядро; пушкарь у той пищали Гришка Мининъ.

Отъ тое Роскатной башни до Климонтовской каменной проходной башни, межъ городовъ каменного и деревянного, земляной валъ съ Роскатною башнею наровно, вышиною полушестыхъ саженъ; а къ тому валу прясло городовые деревянные рубленые стѣны стоитъ безъ кровли и огнило, въ длину 18 саженъ.

Да промежъ каменного-жъ и деревянного городовъ.... (ровъ?) [1]) въ глубину въ 2 сажени и та ровъ оплыла во многихъ мѣстѣхъ.

И всего каменного города стѣны и съ башнями по мѣрѣ 151 саженъ, а саженъ въ 3 аршина.

Городъ деревянной.

Отъ каменного города отъ Климонтовской каменной проходной башни съ приходу съ лица, по валу деревянные рубленые крытые стѣны съ тарасы до деревянной Воротной башни 12 саженъ.

Башня Воротняя деревянная покрытая рубленая, съ облами (обламами), въ шесть угловъ; вышина башнѣ до шатра и съ обламами четырехъ саженъ, поперегъ во всѣ стороны по 3 сажени съ третью. Да подъ тою башнею въ городъ проѣзжіе ворота съ калиткою, а въ воротѣхъ пищаль верховая, тюфякъ тожъ, мѣдная, въ станку на кошкахъ; станокъ цѣлъ. Въ длину та пищаль въ аршинъ съ четвертью, въ казнѣ толстина поларшина, въ дулѣ 9 вершковъ.

Да около тѣхъ городовыхъ воротъ съ вонные стороны за городомъ обведенъ стоячій острогъ съ решеткою, мѣрою 15 саженъ. Отъ тое башне деревянные-жъ рубленые-жъ стѣны съ тарасы до перваго быка по валу 7 саженъ; вышина стѣнѣ по всему деревянному городу отъ валу вверхъ въ 2 сажени. Быкъ поперегъ отведенъ за городъ 5 саженъ безъ трети, а въ длину тотъ быкъ по валу 15 саженъ. Да того-жъ быка поперегъ въ городъ 5 саженъ, а по валу въ

[1]) Въ текстѣ оригинала пропускъ.

томъ быкѣ стоитъ деревянная рубленая стѣна съ тарасы и съ обламами и покрыта; вверхъ стѣна въ 2 сажени-жъ. Отъ того быку до другова быка прясла деревянные-жъ рубленые крытые стѣны по валу 28 саженъ безъ трети сажени.

Быкъ деревянные-жъ открытые стѣны поперегъ по валу за городъ отведено 6 саженъ, а въ длину до Наугольной башни по валу-жъ 11 саженъ безъ трети сажени.

Башня деревянная глухая, рублена въ шесть угловъ, стоитъ не покрыта, съ обламами. Вверхъ вышина башни 4 сажени безъ трети сажени, поперегъ во всѣ стороны по 4 сажени съ третью. Да въ той-же башнѣ въ середнемъ бою пищаль мѣдная въ станку на колесахъ, въ длину 3 аршина съ четвертью, въ дулѣ 3 вершка, въ казнѣ 5 вершковъ. Къ той пищали по кружалу 46 ядеръ желѣзныхъ, вѣсомъ по 2 гривенки ядро; пушкарь у той пищали Дмитрей Коросляковъ, а станокъ и колеса у той пищали въ цѣлѣ.

Отъ той башне къ рѣкѣ Волхову до быку деревянные-жъ рубленые крытые стѣны по валу 10 саженъ. Быкъ, по валу въ городъ отведено деревянные-жъ рубленые крытые стѣны поперегъ 7 саженъ, а вдоль того быка по валу 24 сажени, да за городъ по валу тогожъ быка отведено 5 саженъ; а по томъ быку стоитъ деревянная-жъ крытая рубленая стѣна. Отъ того быка до Бережной башни по валу городовые деревянные рубленые крытые-жъ стѣны 8 саженъ.

Башня Бережная глухая рубленая въ шесть угловъ, покрыта; вышина башнѣ съ обламами до шатра 3 сажени, поперегъ во всѣ стороны по 4 сажени безъ трети.

А тѣ всѣ деревянные три башни и быки и деревянная рубленая стѣна отъ каменного города, стоитъ въ цѣлѣ отъ приходу съ лица.

Отъ той Бережной башне по валу, подлѣ рѣки Волхова, деревянные городовые рубленые крытые стѣны 10 саженъ безъ трети сажени; и отъ того отведено быковъ въ городъ по валу 4 сажени стѣны, да отъ того быка до каменного города до Роскатной каменной башни подлѣ рѣки Волхова, по земляному валу, городовые деревянные рубленые простые стѣны прясло въ длину 57 саженъ.

А тотъ деревянный городъ весь въ цѣлѣ и покрытъ, опрочѣ одной Наугольной; а вышиною стѣна у всего деревянного города рублена съ тарасы въ двѣ сажени.

Да въ томъ-же деревянномъ городѣ по башнямъ и въ быкахъ 15 пищалей затинныхъ желѣзныхъ на козлахъ, длиною пищали по $1^1/_2$ и по 2 аршина; къ тѣмъ пищалямъ 340 пулекъ желѣзныхъ, вѣсомъ по 7 и по 8 пулекъ въ гривенку.

Да изъ того-же деревянного города подлазъ къ рѣкѣ къ Волхову, а въ подлазѣ колодезь съ водою.

А ровъ около деревянного города глубиною въ 3 и въ 4 сажени, и та ровъ во многихъ мѣстѣхъ оплыла и надобна та ровъ по прежнему чистить.

Всего деревянного города стѣны и башенъ съ быками по мѣрѣ 221 саженъ. А мѣряны тѣ городы и башни и стѣны государевою указною саженью, а сажень въ три аршина. А надолобъ и чесноку и частику около обоихъ городовъ каменного и деревянного и около рву нѣтъ.

Да въ Ладогѣ-же Великого Государя въ казнѣ подъ Воротнею каменною башнею въ полаткѣ, на лицо зелья ручного 40 пудъ, да пушечного 90 пудъ съ четвертью, на голо безъ дерева. И въ томъ числѣ мокрого пушечного зелья въ трехъ бочкахъ на голо-жъ безъ дерева 29 пудъ. А стоитъ та Воротняя башня безъ кровли и отъ дожжу каплетъ и государевѣ зелейной казнѣ чинится отъ того великая поруха.

Да въ той-же полаткѣ 3 свиньи свинцу, а въ нихъ по вѣсу 26 пудъ, да въ трехъ кусахъ свинцу-жъ 10 пудъ, да сѣченого свинцу въ пулкахъ 2 пуда; и всего свинцу 38 пудъ. Фитилю 9 пудъ; 3 знамени киндячные ветчаны; 102 мушкета съ жаграми, да порченыхъ безъ жагръ 27 мушкетовъ; 30 топориковъ и бердышевъ.

Да Великого Государя въ житницахъ стрѣлецкого хлѣба 72 четверти съ полуосьминою и съ четверикомъ ржи, 31 четверть съ полуосьминою овса въ отдаточную мѣру, да запасные соли 12 пудъ.

Да въ Приказной избѣ Великого Государя въ казнѣ денегъ по росписному списку Терентья Елагина восмь денегъ; да по росписному-жъ списку Терентья-жъ Елагина государевы приказные всякіе дѣла въ Приказной избѣ.

Да въ Ладогѣ-жъ Великого Государя служилыхъ людей 100 человѣкъ стрѣльцовъ съ ружьемъ съ самопалы, а иные съ мушкеты; да у нихъ-же въ сотнѣ 2 знамени, 2 барабана; а ружье у нихъ и знамена и барабаны государевы. Атаманъ, да есаулъ; да у нихъ въ станицѣ 50 человѣкъ пѣшихъ казаковъ съ ружьемъ съ самопалы; да у нихъ-же въ станицы знамя, да барабанъ государевы, а ружье у нихъ казаковъ свое.

Да въ Ладогѣ-жъ пушкарей 6 человѣкъ, а имена ихъ писаны выше сего у наряду.

И всего въ Ладогѣ Великого Государя служилыхъ людей стрѣльцовъ и казаковъ и пушкарей 158 человѣкъ. И тѣхъ стрѣльцовъ и казаковъ по указу Великого Государя стоятъ на заставѣ на нѣмецкомъ рубежѣ въ Лавуйскомъ острожкѣ и по нѣмецкому рубежу отъ Ладоге за 40 верстъ съ заставнымъ головою безпрестанно по 20 человѣкъ, да изъ пушкарей въ Лавуйскомъ острожкѣ у наряду по 2 человѣки, а перемѣняютца онѣ въ двѣ недѣли.

Да на заставѣ-жъ съ заставнымъ головою на Волховскомъ устьѣ отъ Ладоге за 15 верстъ, да на Сяскомъ устьѣ отъ Ладоги за 20 верстъ, изъ тѣхъ-же стрѣльцовъ и изъ казаковъ стоятъ безпрестанно по 5 человѣкъ, а перемѣняютца они въ три недѣли.

Да въ городѣ Ладогѣ въ каменномъ городѣ у городовыхъ воротъ и Великого Государя зелейной и свинцовой казны стоятъ на караулѣ безпрестанно-жъ стрѣльцовъ-же и казаковъ по 6 человѣкъ, да въ деревянномъ городѣ у городовыхъ воротъ по 4 человѣки, а перемѣняютца онѣ по денно въ сутки.

Да въ Ладогѣ-жъ казачьихъ дѣтей и племянниковъ 10 человѣкъ, а у стрѣльцовъ у которыхъ есть дѣти и племянники и тѣ не писаны, потому что малы.

Да посадскихъ людей и ихъ братьи и дѣтей и племянниковъ 48 человѣкъ, и въ томъ числѣ посадскихъ людей 7 человѣкъ съ ружьемъ съ самопалы и съ сабли, 24 человѣки съ самопалы, а 17 человѣкъ съ копьи, а иные съ топоры.

Да Ладожского яму охотниковъ 27 человѣко съ боемъ съ топоры; да подсосѣдниковъ и бобылей Ладожскаго-же яму 5 человѣкъ съ топоры-же.

А въ Приказной избѣ Великого Государя у дѣлъ подъячей Федотко Зеленинъ, сидитъ по государевѣ грамотѣ въ прошломъ во 173 году, а государева денежнаго жалованья окладъ неучиненъ.

Да зарубежскихъ выходцовъ, которые въ прошломъ во 167 году рядились за Великого Государя въ Ладогу въ посадъ на вѣчное житье, нынѣ на лицо 27 человѣкъ съ боемъ съ топоры.

И всего въ городѣ въ Ладогѣ по перепискѣ на лицо Великого Государя служилыхъ и посадскихъ и всякихъ жилецкихъ людей 277 человѣкъ.

Да зарубежскихъ выходцовъ, которые рядились за Великого Государя въ Ладогу въ посадъ на вѣчное житье въ прошлыхъ во 167 и во 168 годѣхъ и имали Великого Государя жалованье въ Великомъ Новѣгородѣ по рублю денегъ да по четверти ржи на семью, и тѣ зарубежскіе выходцы въ Ладогѣ нынѣ не живутъ и дворовъ себѣ не строятъ, а живутъ въ бѣгахъ въ новгородскомъ и въ ладожскомъ уѣздѣ въ государевыхъ дворцовыхъ селехъ и въ рядкахъ и за монастыри и за помѣщики, своимъ самовольствомъ безъ указу Великого Государя четыре семьи. И о тѣхъ о бѣглыхъ зарубежскихъ выходцахъ о сыску что Великій Государь укажетъ.

(По новѣйшему списку акад. А. А. Куника съ рукописи П. А. Муханова. На подлинникѣ скрѣпа по листамъ: «Діакъ Семенъ Углетцкой. Къ симъ переписнымъ книгамъ вмѣсто Ладоского воеводы Семена Кулубакина Ладоского города Егорьевской черной попъ Филаретъ, по его велѣнію, руку приложилъ»).

Приложеніе XIII.

Описи Ладоги 1676 и 1677 г. [1]).

Городъ Ладога каменной и по городу нарядъ:

На Климантовской проходной круглой каменной башни пищаль полуторная мѣдная въ станку на колесахъ; къ той пищали по кружалу 162 ядра, вѣсомъ по 3 гривенки ядро, пушкарь Куземка Микинъ (* Мининъ). А та башня мѣрою въ ширину девяти саженъ безъ четверти, отъ подошвы вверхъ 7 саженъ 2 аршина; и сверху та башня по верхніе бои безъ кровли сыплетца.

Отъ тое башни прясло каменное въ длину до Воротной каменной башни мѣрою 18 саженъ съ полусаженью, въ ширину 2 сажени 2 аршина, въ вышину отъ подошвы 4 сажени 2 четверти; а вмѣсто зубцовъ на томъ пряслѣ поставлены были деревянные тарасы и тѣ огнили (* и та стѣна безъ кровли отъ мокроты сыплетца и валитца врознь).

На Воротной каменной четвероугольной башни пищаль поболши полуторной, мѣдная, въ станку на колесахъ; къ той пищали по кружалу 47 ядеръ, вѣсомъ по 6 гривенокъ ядро, пушкарь Ефимко Устиновъ. А та башня мѣрою въ ширину 8 саженъ, въ вышину 7 саженъ 2 чети, и сверху та башня по верхніе бои безъ кровли (* отъ мокроты) сыплетца. Да на той-же башни пищаль поменши полуторной мѣдная въ станку на колесахъ, къ той пищали по кружалу 311 ядеръ вѣсомъ по 3 гривенки ядро безъ четверти (* чети); пушкарь Давыдко Росляковъ. Да на той-же башни пищаль поменши полуторной мѣдная въ станку на колесахъ, къ той пищали по кружалу 55 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривенки ядро; пушкарь Карпушка Ефремовъ.

И отъ тое башни прясло каменное до Стрѣлочной каменной (* круглой) башни (* къ рѣки Ладожки), въ длину 29 саженъ, въ вышину (* то прясло) 4 сажени съ четвертью (* четью) и съ зубцами, въ ширину 2 сажени 2 аршина; да того-жъ прясла половина обвалилась въ рѣку Ладожку въ длину 13 саженъ и съ зубцами, и вмѣсто зубцовъ на томъ пряслѣ поставлены были деревянные тарасы и тѣ огнили (* и отъ мокроты то прясло сыплетця и валитца врознь), а то прясло съ приходу съ лица отъ нѣмецкого рубежа.

---

[1]) Списокъ 1677 года, какъ почти тожественный съ первымъ (1676 г.), здѣсь не приводится, встрѣчающіеся же въ немъ варіанты помѣщены въ скобкахъ и отмѣчены *.

Башня каменная Стрѣлочная круглая, въ ширину 9 саженъ безъ четверти (* чети), въ вышину 6 саженъ съ полусаженью; и сверху та башня безъ кровли (* отъ мокроты) сыплетца по верхніе бои.

И отъ тое каменной (* *нѣтъ*) башни къ (* до) Тайничной каменной-же башни подлѣ рѣки Волхова (* прясло каменное-жъ къ рѣки Волхову) въ длину 23 сажени съ полусаженью, въ вышину 5 саженъ съ полусаженью (* и съ зубцами), въ ширину полъ двѣ сажени, и то прясло (* отъ мокроты безъ кровли) сыплеця въ рѣку Волховъ и въ городъ.

Тайничная каменная башня въ ширину 6 саженъ и та башня по указу Великого Государя разобрана сверху по нижней сводъ, для того что начала валитца и сыпатца въ рѣку Волховъ, а то полое мѣсто зарублено вновь деревянною стѣною, и та стѣна въ вышину 5 саженъ съ полусаженью; да подъ той башней колодезь и вода проведена съ рѣки Волхова и тотъ колодезь землею и каменьемъ засыпало, только надобно вычистить, въ нужное время въ городѣ водою будетъ скудно.

И отъ тое Тайничной каменной башни до Роскатной каменной башни прясло подлѣ рѣки Волхова (* къ рѣки Волхову) въ длину 38 саженъ съ полусаженью, а на томъ пряслѣ бывала каменная стѣна и та стѣна въ прошлыхъ годѣхъ обвалилась въ рѣку Волховъ безъ остатку, а въ то мѣсто поставлена была деревянная рубленая стѣна и вся огнила и развалилась (* валитца врознь).

Башня каменная Роскатная круглая надъ рѣкою Волховомъ, въ ширину 8 саженъ съ полусаженью, въ вышину 6 саженъ безъ полуаршина, и та башня сверху (* отъ мокроты) сыплетца. А въ той башни пищаль поменши полуторной, мѣдная въ станку на колесахъ; къ той пищали по кружалу 314 ядеръ, вѣсомъ по 3 гривенки ядро; пушкарь Гришка Mининъ.

И отъ тое башни промежъ городовъ каменного и деревянного къ Климентовской проходной каменной башни валъ земляной и по тому валу бывала каменная стѣна, а нынѣ стоятъ рубленые деревянные тарасы и тѣ тарасы всѣ огнили и валятца врознь; а въ длину то прясло 19 саженъ съ полусаженью.

А тотъ каменный городъ весь стоитъ безъ кровли и безъ починки многія лѣта и въ башняхъ мосты отъ мокроты отъ дождю и отъ снѣгу всѣ огнили и провалились, а нарядъ пушки стоятъ въ башенныхъ окнахъ на каменной стѣны.

Да въ томъ же каменномъ городѣ у проходныхъ воротъ пищаль верховая а тюфякъ тожъ мѣдной, въ станку на колесахъ; ядеръ и дроби и гранатъ и пушкаря нѣтъ.

Три пушки полковыхъ мѣдныхъ, въ станкѣхъ на колесахъ; къ тѣмъ пушкамъ (* пищалемъ) по кружалу 84 ядра.

Да у того-жъ каменного города (* съ приходу) съ лица у воротъ былъ острогъ стоячей отводной и у тово острогу были решетки запорныя и тотъ острогъ весь огнилъ и развалился до остатку и рѣшетки огнили и припору къ городовымъ воротамъ нѣтъ и запускная решетка сверху у (* приходной каменной) башни огнила-жъ (* вся).

Городъ деревянной:

Отъ каменной Климантовской проходной башни до Воротной деревянной (* проходной) башни, прясло (* деревянная стѣна) въ длину 13 саженъ, въ вышину полъ двѣ сажени, въ въ ширину сажень съ аршиномъ.

Башня Воротная круглая деревянная (* проходная), въ ширину 3 сажени съ аршиномъ,

въ вышину полчетыре сажени; подъ тое башнею въ воротѣхъ пищаль верховая тюфякъ тожъ мѣдной, на кошкахъ (* въ стану на колесахъ); ядеръ и дроби и гранатъ и пушкаря нѣтъ. И у тѣхъ воротъ съ приходу съ лица поставленъ острогъ стоячей и у того острогу решетки запорныя и то все огнило и валитца врознь и решетки не запираютца.

И отъ тое башни до Наугольной круглой деревянной башни прясло по земляному валу и съ отводными быками мѣрою въ длину 77 саженъ съ полусаженью (* 76); въ вышину прясла и быки по 2 сажени, въ ширину сажень съ аршиномъ.

Башня Наугольная круглая деревянная, у пруда, въ ширину 4 сажени 2 четверти (* чети), въ вышину 4 сажени; и въ тое башни пищаль поменши полуторной мѣдная въ станку на колесахъ, къ той пищали по кружалу 42 ядра, вѣсомъ по 2 гривенки ядро; пушкарь Михалка Мининъ.

Отъ тое башни до Наугольной круглой деревянной башни, къ Никольской слободѣ, въ длину прясло по земляному валу и съ (* отводными) быками 59 саж., въ вышину прясло и съ (* *нѣтъ*) быки полъдвѣ сажени безъ четверти въ ширину 1 сажень съ аршиномъ.

Башня Наугольная круглая деревянная къ рѣки Волхову, въ ширину 4 сажени безъ четверти, въ вышину 3 сажени.

И отъ тое башни до Роскатной каменной башни прясло подлѣ (* къ) рѣки Волхова (* Волхову) въ длину и съ отводными быки 73 сажени съ полусаженью, въ вышину 2 сажени безъ четверти, въ ширину 1 сажень съ аршиномъ.

Да въ томъ городѣ тайникъ къ рѣкѣ Волхову, а вода проведена съ рѣки Волхова, а въ томъ тайникѣ обрубленъ (* *нѣтъ*) колодезь (* и на томъ тайникѣ мостъ обвалился) и тотъ колодезь сверху землею засыпало и мостъ обвалился и въ нужное время въ городѣ водою будетъ скудно только надобно вычистить (* будетъ не вычистить и труба которая выведена изъ города для воды въ рѣку Волховъ и та труба огнила).

А тотъ городъ деревянный во многихъ мѣстѣхъ стоитъ безъ кровли и отъ мокроты гніетъ и валитца врознь (* а около тово города ровъ и та ровъ осыпалась и заросла, только надобно вычистить).

Да Великого Государя въ казны (* въ анбарѣ): пищаль полуторная желѣзная, къ той пищали по кружалу 47 ядеръ, пушкаря нѣтъ, а вѣсомъ ядро по 2 гривенки. Пищаль полковая желѣзная долгая, къ той пищали 2 ядра, вѣсомъ въ четверть (* чети) гривенки ядро, да въ тотъ-же вѣсъ 45 ядеръ, только къ той пищали повелики. Тюфякъ нѣмецкой желѣзной судовой; ядеръ и дроби и пушкаря нѣтъ. 15 пищалей затинныхъ безъ станковъ и тѣ пищали лежатъ въ анбарѣ у цѣловальника, для того что поставить на городовой стѣны и въ башняхъ негдѣ.

Да Великого Государя въ казнѣ (* зелейная казна) зелья ручного на голо безъ дерева 40 пудъ, да пушечного зелья 50 пудъ съ четвертью (* четью). Да въ томъ же числѣ мокрово пушечново и ручного зелья на голо-жъ безъ дерева 29 пудъ, 3 свиньи свинцу цѣлыхъ, да въ дву кусахъ и въ пулкахъ свинцу-же по вѣсу 12 пудъ; фитилю 12 пудъ.

У тое Великого Государя казны городничей Матѳѣй Быковъ.

Да запасной соли 11 пудъ 2 чети, да сухарей 14 чети съ полуосминой (* за пріемомъ цѣловальника).

(Московск. Архивъ Минист. Юстиціи: Дѣла Розрядныя—Десятни 1676 г. кн. 280, л. 79 об.; 1677 г. кн. 295 л. 97).

Приложеніе XIV.

Описи Ладоги 1685—1697 г.

(Сохранившіеся списки 1685, 1692, 1693 и 1697 г. весьма близки между собою по содержанію, почему здѣсь помѣщается полностью только первый изъ нихъ, изъ остальныхъ же приводятся въ выноскахъ лишь дополненія, которыя означены буквами А* (1692 г.), Б* (1693 г.) и В* (1697 г.).

193 году книги великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ, всякія казны города Ладоги [1]).

Городъ Ладога каменной и по городу наряду:

На Климонтовской проходной круглой каменной башни пищаль полуторная [2]) мѣдная въ станку на колесахъ; къ той пищали по кружалу 162 ядра желѣзныхъ, вѣсомъ по 3 гривенки ядро; пушкарь Куземка Мининъ. А та башня мѣрою отъ подошвы вверхъ въ длину 7 саженъ 2 аршина, поперегъ 9 саженъ безъ четверти, и та башня по верхніе бои до подошвы вся осыпаетца [3]); да въ той же башни проходъ былъ въ земляной городъ тайникъ и тотъ [4]) засыпался камнемъ и проходу нѣтъ.

И отъ тое башни прясло каменная стѣна до Воротней каменной четвероугольной башни; въ длину то прясло мѣрою 18 саженъ съ полусаженью, поперегъ 2 сажени 2 аршина, въ верхъ отъ подошвы 4 сажени 2 чети; а вмѣсто зубцовъ на томъ пряслѣ поставлены были деревянные рубленые тарасы и тѣ огнили и развалились, и та стѣна отъ мокроты каменье сыплетца врознь и нижніе бои каменьемъ и землею засыпало.

Надъ Воротней башней каменной проходной пищаль побольше полуторной мѣдная, въ станку на колесахъ; къ той пищали по кружалу 47 ядеръ, вѣсомъ по 6 гривенокъ ядро,

---

[1]) Списокъ А* (1692 г.) носитъ названіе: «Годовая смѣта Новугороду и другимъ городамъ городовому строенію и военному наряду 200 году»; такъ же озаглавленъ и списокъ 1693 года, причемъ начало обоихъ слѣдующее:

«Городъ Ладога, а въ немъ воевода Иванъ Тихановъ сынъ Бестужевъ (Б* воевода Данила Григорьевъ сынъ Бачмановъ); городничей Федоръ Абрамовъ сынъ Быковъ; Приказные избы подьячей Иванъ Алексѣевъ (Б* Андрей Григорьевъ); пушкарей 6, пушкарскихъ дѣтей 2; конныхъ козаковъ 101, у нихъ дѣтей 38 (Б* 102, у нихъ дѣтей 35); стрѣльцовъ 100, у нихъ дѣтей 23 (Б* дѣтей 24); посадскихъ людей 49 человѣкъ (Б* 41). И въ томъ числѣ 3 человѣка съ пищалми и съ саблями, 19 съ пищалми, 14 съ бердыши (Б* 10), 5 съ копьи (Б* 4), 8 съ топорки (Б* 5). Церковныхъ причетниковъ 6; ямскихъ охотниковъ 16 (Б* 18), отставныхъ ямщиковъ 17 (Б* 14); ямскихъ дѣтей 14 (Б* 12); ямскихъ бобылей и пришлыхъ людей 9 человѣкъ (Б* 8 человѣкъ). Всего въ городѣ въ Ладогѣ всякихъ чиновъ людей 383 человѣка (Б* 369 человѣкъ)».

Списокъ В* (1697 г.) начинается такъ:

«Городъ Ладога, а въ немъ воевода Семенъ Михайловъ сынъ Лисицкой; Приказные избы подьячей Андрей Недорѣзовъ.

Ладожскихъ конныхъ казаковъ атаманы Григорей Сноповской, Перфилей Гостюхинъ; рядовыхъ казаковъ 99, у нихъ дѣтей 33; стрѣльцовъ 100, у нихъ дѣтей 26; пушкарей 6; посадскихъ людей 79; церковныхъ причетниковъ 6; ямскихъ охотниковъ и отставныхъ 28; ямскихъ дѣтей и бобылей 17; площадныхъ дьячковъ 4; Застѣннаго монастыря бобылей 6.

И всего въ городѣ Ладогѣ всякихъ чиновъ жителей 407 человѣкъ.

[2]) В* . По мѣрѣ полчетыре аршина.

[3]) А* и Б* — И та башня отъ мокроты сверху до подошвы вся осыплетца, кровли на башни нѣтъ и мосты всѣ сгнили.

[4]) А* и Б* — Тайникъ и нижней бой засыпался.

пушкарь Ефимъ Устиновъ. А та башня мѣрою отъ подошвы вверхъ 7 саженъ 2 чети, поперегъ 8 саженъ, и сверху та башня и до подошвы отъ мокроты каменье сыплетца врознь. Да въ той же башни пищаль поменши полуторной мѣдная въ станку на колесахъ, къ той пищали по кружалу 311 ядеръ, вѣсомъ по 3 гривенки ядро безъ чети, пушкарь Довыдко Росляковъ. Да въ той же башни пищаль поменши полуторной мѣдная въ станку на колесахъ, къ той пищали по кружалу 55 ядеръ вѣсомъ по 2 гривенки ядро, пушкарь Карпушка Ефремовъ. Да отъ тое проходной каменной башни съ приходу съ лица отъ воротъ былъ стоячей острогъ отводной и у того острогу были решетки запорныя и тотъ острогъ и решетки огнили и развалились до остатку и припору къ городовымъ воротамъ нѣтъ; и у тое Воротной башни [1]) запускная решетка сверху и та решетка огнила и отъ башни отвалилась [2]).

А отъ тое башни прясло каменная стѣна до Стрѣлочной круглой каменной башни къ рѣки Ладошки, мѣрою въ длину 29 саженъ, въ верхъ отъ подошвы 4 сажени съ четью и съ зубцами, поперегъ [3]) 2 сажени 2 аршина; да того-жъ прясла обвалилось въ рѣку Ладожку въ длину 13 саженъ и съ зубцами, а вмѣсто зубцовъ на томъ пряслѣ поставлены были деревянные тарасы и тѣ огнили, и отъ мокроты то прясло сверху до подошвы каменье сыплется и валится врознь [4]). А то прясло каменное съ приходу съ лица отъ нѣмецкого рубежа и нижніе бои въ томъ пряслѣ каменьемъ засыпало.

Башня Стрѣлочная каменная круглая, мѣрою отъ подошвы вверхъ 6 саженъ съ полусаженью, поперегъ 9 саженъ безъ четверти, и та башня [5]) сверху до подошвы отъ мокроты каменье сыплетця врознь [6]).

И отъ тое башни до Тайничной каменной башни прясло каменная стѣна къ рѣки Волхову, мѣрою въ длину 23 сажени съ полусаженью, отъ подошвы вверхъ 5 саженъ съ полусаженью и съ зубцами, поперегъ 1½ сажени; и то прясло отъ мокроты и до подошвы половины стѣны осыпаетца въ рѣку Волховъ и въ городъ [7]) и верхніе бои землею и каменьемъ засыпало и заросли [8]).

Тайничная каменная круглая башня, стоитъ передъ рѣкою Волховомъ, мѣрою поперегъ 6 саженъ, и та башня [9]) сверху по нижней сводъ разобрана, для того что начала валитца и нынѣ сыплетца въ рѣку Волховъ [10]), а то полое мѣсто зарублено деревяною стѣною, а та стѣна въ вышину 5 саженъ съ полусаженью. Да въ той же башни колодезь, вода проведена съ рѣки

---

[1]) А* и Б* — Въ проѣзжихъ воротѣхъ.

[2]) А* и Б* — Башня проѣзжая четвероугольная . . . . . А на той башни въ верхнемъ бою пищаль мѣдная болше полуторной (В* по мѣрѣ 4 аршина съ четвертью) въ станку на колесахъ, а къ ней 47 ядеръ; двѣ пищали мѣдные-жъ на колесахъ, а къ тѣмъ пищалемъ 311 ядеръ; да въ нижнемъ бою 2 пищали мѣдные полковые (В* по полъдва аршина полъдва вершка) въ станкахъ на колесахъ. Да подъ тою-жъ проѣзжею башнею учинена въ сторонѣ полатка и въ той полатки стоитъ великихъ государей зелейная и свинцовая казна. (В* — И на тое башни кровли нѣтъ и мосты всѣ сгнили и провалились, а пищали стоятъ въ башенныхъ окнахъ и въ нужное время къ тѣмъ пищалемъ придти нельзя).

[3]) А* и Б* — И съ зубцами.

[4]) А* и Б* — И городовая стѣна сверху и до подошвы вся розсыпалась въ рѣку Ладошку.

[5]) А* и Б* — Безъ кровли.

[6]) В* — Та башня безъ кровли сыплетца и валитца врознь и мосты всѣ огнили и провалились.

[7]) А* Б* и В* — И то прясло отвалилось въ рѣку Волховъ и въ городъ. В* и стоитъ безъ кровли.

[8]) А* Б* и В* — И то полое мѣсто зарублено было тарасами и тѣ тарасы огнили и обвалились въ рѣку Волховъ.

[9]) А* Б* и В* — въ прошломъ во 180 году.

[10]) В* — И осталой нижней сводъ тое башни сыплетца и валитца въ рѣку Волховъ.

Волхова и тотъ колодезь землею и каменьемъ засыпало, только надобно вычистить и обрубить, а въ нужное время въ городѣ водою будетъ скудно; а подъ ту башню къ колодезю выкладено было по обѣ стороны стѣна каменная и та стѣна тожъ обвалилась и окна каменьемъ и землею засыпало и заросли и подошва у тое башни отсѣла и валитца въ рѣку Волховъ.

Отъ тое Тайничной башни до Роскатной круглой каменной же башни прясло [1]) къ рѣки Волхову, мѣрою въ длину 38 саженъ съ полусаженью; а на томъ пряслѣ бывала каменная стѣна и та стѣна въ прошлыхъ годѣхъ обвалилась въ рѣку Волховъ безъ остатку, а вмѣсто тое стѣны поставлена была деревянная рубленая стѣна и та вся огнила и развалилась врознь [2]).

Башня Роскатная каменная круглая надъ рѣкою Волховомъ, а въ той башни [3]) пищаль поменши полуторной мѣдная [4]) въ станку на колесахъ, къ той пищали по кружалу 314 ядеръ, вѣсомъ по 3 гривенки ядро; пушкарь Гришка Мининъ. А та башня мѣрою вверхъ отъ подошвы 6 саженъ безъ полуаршина [5]), поперегъ въ ширину 8 саженъ безъ полуаршина [6]). И та башня отъ мокроты сверху до подошвы каменье сыплетца и валитца врознь.

И отъ тое башни, промежъ городовъ каменного и деревянного, къ Климентовской проходной каменой башни земляной валъ и по тому валу была каменная стѣна, а нынѣ стоятъ рубленые деревянные тарасы и тѣ огнили и развалились [7]); а въ длину то прясло мѣрою 19 саженъ съ полусаженью.

А тотъ каменный городъ башни и прясла весь стоитъ безъ кровли и безъ починки многія лѣта, въ башняхъ мосты отъ мокроты отъ дожжу и отъ снѣгу всѣ огнили и провалились, а нарядъ пушки стоятъ въ башенныхъ окнахъ на каменной стѣны съ великою нуждою [8]) и въ нужное время къ тѣмъ пищалемъ придти будетъ немочно, что мостовъ въ башни нѣтъ.

Да въ томъ же городѣ у проходныхъ воротъ [9]) пищаль верховая тюфякъ тожъ мѣдной [10]), въ станку на колесахъ; ядеръ и гранатъ и пушкаря нѣтъ. Три [11]) пушки полковыя мѣдныя въ станкахъ на колесахъ; къ тѣмъ пищалемъ по кружалу 84 ядра [12]).

Городъ деревянной:

Отъ каменной Климентовской проходной башни до [13]) Воротней деревянной башни прясло [14]) деревянная стѣна по земляному валу, мѣрою въ длину 13 саженъ, вверхъ 1½ сажени, поперегъ [15]) сажень съ аршиномъ [16]).

---

[1]) А* и Б* — Городовые стѣны.
[2]) А* и Б* — безъ остатку.
[3]) А* Б* и В* — Въ среднемъ бою.
[4]) В* — По мѣрѣ 3 аршина 3 вершка.
[5]) А* и Б* — 6 саженъ.
[6]) А* и Б* — На башни кровли и въ ней мостовъ нѣтъ.
[7]) А* и Б* — Безъ остатку.
[8]) А* и Б* — И подъ тѣми пушками станки и колеса всѣ сгнили.
[9]) А* Б* и В* — У Приказной избы подъ навѣсомъ.
[10]) В* — По мѣрѣ аршинъ съ четью.
[11]) А* и Б* — Двѣ пищали.
[12]) А* и Б* — Ядеръ и дроби къ тѣмъ пушкамъ нѣтъ.
[13]) А* Б* и В* — Проѣзжей.
[14]) А* Б* и В* — Городовые стѣны.
[15]) А* и Б* — Въ ширину.
[16]) А* Б* и В* — И то прясло (В* въ прошломъ въ 194 году) починено вновь и покрыто.

Башня Воротняя [1]) круглая деревянная проходная, мѣрою отъ подошвы вверхъ въ вышину полчетыре сажени, поперегъ 3 сажени съ аршиномъ; подъ тое башней въ воротѣхъ [2]) пищаль верховая тюфякъ тожъ мѣдной на кошкахъ; ядеръ и дроби, гранатъ и пушкаря нѣтъ. И отъ тѣхъ воротъ съ приходу съ лица поставлены были острогъ стоячей деревянной и решетка у того острогу была запорная и то все огнило и развалилось [3]), а къ башеннымъ воротамъ никакова припору нѣтъ и воротней щитъ въ тое проходной башни не запираетца, все огнило.

Отъ тое башни со Наугольной круглой деревянной башни по земляному валу прясло деревянная стѣна и съ отводными быки мѣрою въ длину 76 саженъ съ полусаженью [4]), въ вышину то прясло и быки $1^1/_2$ сажени, поперегъ сажень съ аршиномъ [5]).

Башня Наугольная круглая деревянная у пруда, поперегъ 4 сажени 2 чети [6]), въ вышину 4 сажени [7]); въ тое башни пищаль поменше полуторной мѣдная въ станку на колесахъ, къ той пищали по кружалу 42 ядра, вѣсомъ по 2 гривенки ядро; пушкарь Михалка Мининъ. А подъ тое башнею въ прошлыхъ годѣхъ была вода выпущена за городъ въ ровъ и у тое башни колодезь, только надобно вычистить, а вода выпущена трубою за городъ [8]).

Отъ тое башни до Наугольной круглой деревянной башни къ Никольской слободѣ прясло [9]) деревянная стѣна 59 саженъ, въ вышину прясло и съ быки [10]) по $1^1/_2$ сажени безъ чети, поперегъ сажень съ аршиномъ.

Башня круглая Наугольная деревянная къ рѣкѣ Волхову, на быку, поперегъ мѣрою 4 сажени безъ чети, въ вышину [11]) 3 сажени.

И отъ тое башни до Роскатной каменной башни прясло [12]) по земляному валу [13]), мѣрою то прясло и съ отводными быки [14]) въ длину 73 сажени съ полусаженью, въ вышину [15]) 2 сажени, безъ чети [16]), поперегъ сажень съ аршиномъ.

Да въ томъ деревянномъ городѣ тайникъ къ рѣки Волхову и въ томъ тайникѣ колодезь, вода приведена трубою съ рѣки Волхова, и та труба вся огнила и въ нужное время въ городѣ водою будетъ скудно и мостъ надъ тѣмъ колодеземъ верхней огнилъ и провалился, а обрубъ въ томъ тайникѣ деревянные тарасы [17]) и тѣ всѣ огнили и обвалились, только надобно тотъ колодезь вычистить [18]).

---

[1]) А* и Б* — Проѣзжая.
[2]) А* и Б* — Тюфякъ мѣдной верховой.
[3]) А* и Б* — Безъ остатку.
[4]) А* и Б* — 77 саженъ съ полусаженью.
[5]) А* и Б* — И то прясло починено не все.
[6]) А* Б* и В* — 2 сажени.
[7]) В* — И та башня подгнила и шатнулась за городъ и городовая стѣна отъ тое башни отстала и тѣ мѣста просты и валитца врознь.
[8]) В* — А у тое башни въ городѣ прудъ и изъ того пруда прежъ сего была пропущена вода за городъ въ ровъ трубами и тѣ трубы огнили и заросли и вода стоитъ въ городѣ и прудъ травою заросъ и засорился.
[9]) А* и Б* — Городовые стѣны.
[10]) В* — И быки.
[11]) В* — Поперегъ.
[12]) А* Б* и В* — Городовые (В* деревянные) стѣны.
[13]) А* Б* и В* — Подлѣ рѣки Волхова.
[14]) А* Б* и В* — *Нѣтъ.*
[15]) А* Б* и В* — Стѣна.
[16]) А* Б* и В* — 2 сажени съ аршиномъ.
[17]) А* Б* и В* — Въ колодези обрубъ и мостъ надъ колодеземъ и тарасы около тайника.
[18]) А* Б* и В* — Все огнило безъ остатку.

А тотъ городъ деревянной весь стоитъ безъ кровли и въ многихъ мѣстахъ на вонную сторону стѣна валитца за городъ и отъ мокроты гніетъ [1]).

А около того [2]) города Ладоги ровъ и та ровъ осыпалась и заросла травою, только надобно вычистить для водяного проходу и всякого времени.

Да Великихъ Государей въ казнѣ въ онбарѣ пищаль полуторная желѣзная, къ той пищали по кружалу 47 ядеръ, вѣсомъ по 2 гривенки ядро; пушкаря нѣтъ.

Пищаль полковая желѣзная долгая, къ той пищали 2 ядра вѣсомъ въ чети гривенки ядро, да въ тотъ же вѣсъ 45 ядеръ, толко повелики [3]).

Тюфякъ нѣмецкой желѣзный судовой, ядеръ и дроби и пушкаря нѣтъ.

15 пищалей затинныхъ безъ станковъ и тѣ пищали въ онбарѣ у цѣловальника посадского человѣка у Іевка Андреева, а на городовой стѣны поставить и въ башняхъ нигдѣ и не на чемъ [4]).

Да Великихъ Государей зелейные казны ручного зелья на лицо 100 пудъ съ деревомъ, да пушечново мокрова зелья 52 пуда 2 чети. Свинцовые казны въ трехъ [5]) свиньяхъ цѣлыхъ да въ дву кусахъ и въ пулкахъ по перевѣсу 41 пудъ [6]); и у тое казнѣ городничей Матѳей Быковъ [7]), да цѣловальникъ [8]) посадской человѣкъ Іевко Андреевъ [9]).

Да [10]) въ казнѣ Великихъ Государей за пріемомъ цѣловальника Іевка Андреева:

Мушкетовъ 111 цѣлыхъ, да ломаныхъ съ плохими станками 18 мушкетовъ [11]); 8 топориковъ, бердышевъ цѣлыхъ 40 да ломаныхъ 30, 3 барабаны ветчаныхъ, 30 лядунокъ драгунскихъ ветчаныхъ [12]), 90 копеецъ пичныхъ безъ древокъ, 40 долгихъ древокъ съ копейцами, 32 пики съ копейцами, 27 копеецъ короткихъ [13]), 3 фурмы мѣдныхъ, одна ломаная въ томъ-же числѣ, 4 фурмы желѣзныхъ малыхъ, трубка фитильная, горшокъ желѣзной въ чемъ свинецъ таютъ, 4 уполовника желѣзныхъ цѣлыхъ и ломаныхъ, двои желѣза ножные, 4 кокота желѣзныхъ для пожарнаго времени, безмѣнъ чѣмъ фитиль вѣсятъ, веревокъ барабанныхъ 6 концовъ, 3 мѣшка кожаныхъ пороховымъ, 2 скобели малыхъ [14]), 2 долота, 4 кирки да 2 малыхъ, буравецъ судовой, 5 ломиковъ желѣзныхъ, 2 заступа желѣзныхъ, желѣза бѣлого 22 листа, 4 прута желѣза, да прутъ желѣза-жъ. А что фитилю и пенки и тотъ фитиль и пенка сгнили. 3 круга желѣзныхъ [15])…. 2 паруса для просушки зелейные казны [16]).

---

[1]) А* и Б* — На томъ деревянномъ городѣ и на башняхъ и по городу мостовъ нѣтъ и отъ мокроты все гніетъ и башни городовая стѣна валитца врознь.

[2]) А* Б* и В* — Деревянного.

[3]) А* и Б* — Пищаль полковая желѣзная а къ ней 49 ядеръ вѣсомъ по кружалу по 4 гривенки.

[4]) А* и Б* — 15 пищалей желѣзныхъ затинныхъ безъ станковъ, 1090 ядеръ тѣхъ всѣхъ пищалей, которые написаны выше сего съ ядрами.

[5]) А* и Б* — Въ двухъ.

[6]) А* и Б* — 39 пудъ.

[7]) А* и Б* — Ѳедоръ Аврамовъ сынъ Быковъ.

[8]) А* и Б* — Ладожанинъ.

[9]) А* — Ѳедка Абакумовъ. Б* — Филка Абакумовъ. А* , Б* и В* — И та зелейная и свинцовая казна стоитъ въ каменномъ городѣ подъ проѣзжею каменною башнею въ полаткѣ (В* — за печатью).

[10]) А* и Б* — Въ каменномъ-же городѣ у караульни 3 кокота да соха для пожарнаго времени.

[11]) А* и Б* — 12 пудъ фетилю.

[12]) А* и Б* — 2 лукошка барабанныхъ.

[13]) А* и Б* — 7 древокъ долгихъ безъ копеецъ, 30 пикъ на однѣхъ концахъ копейца.

[14]) А* и Б* —3 пуда пеньки.

[15]) А* и Б* — 6 круговъ пушечныхъ желѣзныхъ.

[16]) А* — 6 колесъ пушечныхъ. Хлѣбныхъ запасовъ Великихъ Государей въ житницахъ и вѣсовъ большихъ на

Да въ Ладогѣ Великихъ Государей служилыхъ людей конныхъ казаковъ: атаманъ Семенъ Матвѣевъ сынъ Ростигаевъ; помѣстные—есаулъ П. А. Лосовиковъ, Я. Г. Овчинниковъ; рядовые казаки: Митрофанъ Вейковъ... (перечисляется 45 чел.).

Ружье у нихъ карабины и пистолеты и сабли.

Ихъ дѣти и братья и племянники... (перечисляется 14 чел.).

Стрѣльцы: пятидесятники К. Быковъ, С. Горчаковъ... (кромѣ ихъ перечисляется еще стрѣльцовъ 99 человѣкъ).

Ружье у нихъ стрѣльцовъ самопалы и знамена и барабаны и алебарды Великихъ Государей.

Ихъ дѣти, братья и племянники... (перечисл. 28 чел.).

П... казаки:

Атаманъ Е. М. Лосовиковъ, есаулъ Молинъ... (перечисл. 50 чел.).

Ружье у нихъ казаковъ самопалы свои, зная Великихъ Государей.

Ихъ дѣти и братья и племянники... (перечисл. 21 чел.).

Ладожскаго яму охотники... (перечисл. 20 чел.).

Ихъ дѣти и братья и племянники (13 чел.).

Два человѣка воротники.

Ладожскіе посадскіе люди: Ѳ. Охряевъ, Е. Охряевъ... (19 чел.).

(Московск. Архивъ Минист. Юстиціи: Дѣла разныхъ городовъ кн. № 44, л. 904; кн. № 80, л. 733 и 1420; кн. № 86, л. 762).

Приложеніе XV.

Грамота Приказа Большаго Дворца ладожскому воеводѣ Василію Ѳедоровичу Неплюеву: о возвращеніи Георгіевскому Старо-Ладожскому монастырю починка и бобыльскаго двора. 1631 года Іюня 26-го.

Отъ царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича всея Руси въ Ладогу воеводѣ нашему Василію Ѳедоровичу Неплюеву. Билъ намъ челомъ и отцу нашему великому государю святѣйшему патріарху Ѳиларету Никитичу Московскому и всея Руси изъ Ладоги Егорьевскаго монастыря черной попъ Корнилей съ братьею и съ причетники: наше де богомолье храмъ страстотерпца Христова Георгія въ Ладогѣ одинъ строенье нашихъ прародителей давныхъ лѣтъ, а вотчины де къ той церкви нѣтъ ни одной чети, а Божіе милосердье образы и книги и ризы и колокола данье наше-жъ, а до раззоренья де было въ тотъ монастырь наше жалованье годовая руга деньги и хлѣбъ и милостыня и тѣмъ питались и свѣчи и темьянъ и вино служебное строили тѣмъ-же нашимъ жалованьемъ, а послѣ-де раззоренья даютъ имъ ругу въ треть и то съ оскудѣньемъ; а приходу де у той церкви нѣтъ, а былъ де у нихъ только одинъ бобыль Кононко

чемъ нарядъ вѣсятъ, въ городѣ Ладогѣ нѣтъ. Б* — А съ судныхъ дѣлъ пошлинъ въ Приказной избѣ нѣтъ. А которые судные дѣла были при воеводѣ Данилѣ Бачмановѣ у стрѣльцовъ и у казаковъ въ малыхъ искѣхъ и съ тѣхъ судныхъ дѣлъ пошлины искать не указано, а которые деньги взяты съ мировыхъ челобитенъ и съ приставныхъ памятей и на тѣ деньги въ Приказную избу куплена бумага и свѣчи сальные и дрова. В* Да въ каменномъ городѣ на проѣзжей каменной башни колоколъ вѣстовой одинъ, вѣсомъ 50 гривенокъ и съ языкомъ.

съ дѣтьми и съ племянники на новоочищенномъ починкѣ на поженкѣ и жилъ по книгамъ за тѣмъ монастыремъ лѣтъ съ тридцать и больши. И въ прошломъ во 137 году писецъ Ѳедоръ Мавринъ да подьячей Кононовъ того ихъ бобыля приписали къ нашимъ рядкомъ мимо приправочныхъ книгъ, и намъ бы ихъ пожаловать, того починка и бобыля отнимать не велѣть.

А въ приказѣ Большаго Дворца въ писцовыхъ книгахъ Ѳедора Маврина 37 году написано: Въ Новгородскомъ уѣздѣ въ Богоявленскомъ погостѣ у озера Ладожского наша дворцовая деревня Лопатицы у рѣки Лопатицы, что поставлена на монастырской прежняго Егорьевскаго монастыря землѣ изъ Ладоги, а нынѣ та пожня отписана на насъ во Дворецъ, потому что въ томъ монастырѣ игумена и братьи нѣтъ а у Егорья Великомученика служитъ попъ мірской да дьячекъ, да пономарь да проскурня, и тѣмъ саборяномъ руга идетъ наша изъ Великого Новагорода изъ Дворцоваго приказу. А въ новгородскомъ смѣтномъ спискѣ прошлаго 137 году написано: Въ монастырь мученика Георгія въ Ладогу по окладу годового 16 гривенокъ, темьяну 8 алтынъ, да пудъ воску 40 алтынъ, да того-жъ монастыря проскурницѣ да старцомъ двемъ человѣкомъ и всего шти человѣкомъ годовые руги по окладу 4 рубли 6 алтынъ 4 деньги, и всего въ тотъ монастырь на церковный обиходъ и церковникомъ и старцомъ шти человѣкомъ по окладу годовые руги 5 рублей 21 алтынъ 2 деньги. . . . . (Слѣдуетъ распоряженіе о возвращеніи починка и бобыля монастырю).

(Документы Новгородской Казенной Палаты въ Археографической Коммиссіи, № 102).

Приложеніе XVI.

Грамота митрополита Корнилія Георгіевскому Застѣнному монастырю, 1678 г.

Божіею милостью великій господинъ преосвященный Корнилій митрополитъ Великого Новаграда и Великихъ Лукъ. Въ нынѣшнемъ во 186 году Генваря въ 16 день билъ челомъ намъ преосвященному митрополиту изъ Ладоги Георгіевскаго Застѣннаго монастыря попъ Левъ Ивановъ съ причетники, а въ челобитной ихъ написано: Въ прошлыхъ-де годахъ изстари по жалованной грамотѣ преосвященного Леонида архіепископа Великого Новаграда и Пскова и которые... были архіепископы и по подписнымъ челобитнымъ преосвященныхъ Аѳонія и Никона митрополитовъ Великого Новаграда и Великихъ Лукъ, для ихъ бѣдности съ нихъ подводъ не имать, а та де церковь Великомученика Георгія строеніе преосвященного Евѳимія архіепископа Великого Новограда и Пскова; а нынѣ подводы съ нихъ емлютъ противъ иныхъ вотчинныхъ монастырей и приходскихъ церквей и имъ-де подводъ ставить противъ вотчинныхъ монастырей и приходскихъ церквей нѣтъ мочь, потому что мѣсто убогое, земли п прихожанъ нѣтъ и кормятся свею работою, и намъ преосвященному митрополиту пожаловати его попа Льва съ причетники противъ прежнихъ жалованныхъ грамотъ и подписныхъ челобитенъ, не велѣть съ нихъ подводъ имать для ихъ бѣдности и о томъ дать имъ нашу преосвященного митрополита грамоту. И мы великій господинъ преосвященный Корнилій митрополитъ Великого Новграда и Великихъ Лукъ слушавъ челобитья попа Льва съ причетники пожаловалъ: подводъ и кормовъ съ нихъ послан... за ихъ скудость и по прежнимъ жалованнымъ грамотамъ и города

Ладоги попомъ съ причетники въ подводы и въ кормы съ него попа Льва съ причетники подмоги имать не указали. А у подлинной грамоте написано: къ сей жалованной грамотѣ великій господинъ преосвященный Корнилій митрополитъ Новаграда и Великихъ Лукъ велѣлъ печать свою приложить.

(Изъ документовъ, принадлежащихъ староладожскому мѣщанину В. И. Парфенову).

Приложеніе XVII.

Опись Георгіевскаго Застѣннаго монастыря 1745 г.

Въ Георгіевскомъ Застѣнномъ монастырѣ:

Церковь во имя Великомученика Георгія съ папертью, каменная, крыта тесомъ; глава на церкви обита чешуей; крестъ деревянный, обложенъ бѣлымъ желѣзомъ.

Въ серединѣ церкви:

Двери царскія и сѣнь писаны краски, у царскихъ дверей столпы рѣзные, по мѣстамъ высеребряны; надъ царскими дверьми образъ Распятія писанъ краски.

По правую сторону царскихъ дверей мѣстныхъ образовъ:

Образъ Спасителя писанъ краски, на немъ вѣнецъ серебряный гладкій позлащенъ; предъ тѣмъ образомъ лампада мѣдна, подъ ней кисть нитяная.

Образъ Великомученика Георгія въ Чудесѣхъ, писанъ краски, на немъ вѣнецъ и гривенка и малыхъ два вѣнца серебряныя гладкіе; на ономъ образѣ покровецъ желтаго атласу съ плетенкомъ золотнымъ; предъ тѣмъ образомъ лампада мѣдна, подъ ней кисть нитяная.

Образъ Пресвятыя Богородицы всѣмъ скорбящимъ, писанъ краски, на немъ вѣнецъ съ короною и гривенка сребряныя гладкія; на немъ-же подзоръ жемчужный, серьги жемчужны, четыре креста серебряныхъ, покровецъ малой камки красной; у того-же образа поля сребряны и позлащены чеканнаго дѣла. Предъ тѣмъ образомъ лампада мѣдна небольшая, подъ ней кисть шелковая съ золотомъ.

По лѣвую сторону царскихъ дверей:

Образъ Пресвятыя Богородицы Смоленскія писанъ краски, на немъ покровецъ пестряди бумажной; подъ тѣмъ образомъ пелена выбойки бумажной красной; предъ тѣмъ образомъ лампада мѣдна луженая, подъ ней кисть черного шелку.

Образъ Николая Чудотворца въ Чудесѣхъ, писанъ краски; на немъ три вѣнца чеканные сребряные позлащены рѣзные; предъ тѣмъ образомъ лампада мѣдна лужена, подъ ней кисть нитяная; около того образа кіотъ древяной столпы витые. На сѣверныхъ дверяхъ образъ пророка Даніила писанъ краски.

Въ верху Деисусъ апостоловъ пророковъ праздниковъ, писанъ краски.

У праваго крилоса образъ Живоначальныя Троицы писанъ краски; предъ тѣмъ образомъ лампада мѣдна небольшая, подъ ней кисть нитяная; на немъ вѣнецъ сребряный позлащенъ гладкой.

У лѣваго крилоса образъ Великомученика Ѳеодора Стратилата писанъ краски; весьма ветхъ.

Въ олтарѣ:

Престолъ облаченъ выбойкой бумажной, на немъ антиминсъ бѣлаго холста, литонъ шелковый, покровъ тафты зеленой ветхой.

На престолѣ евангеліе печатное въ десть обложено бархатомъ зеленымъ, евангелисты сребряные позлащены ветхіе; крестъ благословляюшій древяный писанъ краски. За престоломъ выносныхъ образъ Пресвятыя Богородицы писанъ краски, крестъ рѣзной писанъ краски, ветхіе.

На жертвенникѣ одежда крашенинная ветхая, на немъ сосуды оловянные, дарохранительница оловянная, лжица сребряная ветхая, укропникъ, два ковша мѣдные небольшіе, блюдо оловянное вѣсомъ 6 фунтовъ, другая чаша оловянная вѣсомъ 2 фунта.

Разнаго облаченія:

Ризы камки красной, оплечье атласу травчатаго по мѣстамъ травы золотыя, наподольникъ камки желтой, подложены крашениной.

Ризы тафты красной, оплечье штофу бѣлаго, наподольникъ тафты зеленой, весьма ветхія.

Ризы выбойки бумажной, оплечье бархату чернаго.

Ризы бѣлаго изарбата, травы съ золотомъ разныхъ шелковъ, оплечье золотное, наподольникъ двоеличной камки.

Ризы штофу зеленаго травчатыя, оплечье штофу голубаго, обложены лентою, наподольникъ отласу синяго.

Ризы желтыя жаркія съ оплечье красное съ травами, наподольникъ полосатый бѣлый.

Ризы отласу чернаго съ оплечье полосатое, наподольникъ отласу синяго.

Ризы бѣлыя полотняныя ветхія.

Ризы выбойки крашенинной.

Подризникъ стамеду травчатаго краснаго, оплечье бархату алаго.

Подризникъ выбойки бумажной красной.

Епитрахиль штофовая, опушена лентомъ чернымъ, пуговицы оловянныя. Епитрахиль голи красной, опушена лентомъ чернымъ, пуговицы мѣдныя. Епитрахиль желтая съ лентами зелеными. Епитрахиль отласу краснаго, опушена синей камкою.

Орарь лентовой по красной земли. Орарь бумажный тровчатый ветхой. Поясъ нитяной. Поручи штофу тровчатаго красные.

Поручи мишурные трои. Поручи выбойки бумажной ветхіе.

Воздухи тафты алой, обложены тафтою зеленою. Воздухи камки васильковой, обложены платомъ полушелковымъ. Воздухи камки красной. Двѣ пелены выбойки буможной. Пелена отласу полосатаго, обложена камкою вишневою. Платъ полотняный малый съ подкистью шелковой красною.

Подсвѣщникъ выносной жестяной. Два кадила мѣдныхъ.

У Царскихъ дверей завѣса крашенинная.

Въ оной церкви паникадило мѣдное небольшое, подъ нимъ кисть нитяная; въ верху лампада оловянная, подъ ней кисть шелковая.

Хоругвіи, на ней образъ Великомученика Георгія писанъ краски.

Евангеліе толковое воскресное; апостолъ; псалтирь съ возслѣдованіемъ двѣ тріоди постная и цвѣтная; уставъ, двѣ минеи общихъ, прологъ полугодовой.

Въ полдесть: псалтирь ермологій, служебникъ, служба о благодарственномъ молебствіи.

Въ четверть: часословъ, требникъ ветхой.

На оной церкви колокольня въ трехъ столпахъ каменная, въ ней пять колоколовъ небольшихъ, изъ нихъ одинъ разбитой.

Вторая церковь Великомученика Димитрія древяная, крытая тесомъ, глава обита чешуей, крестъ древяной, обложенъ бѣлымъ желѣзомъ.

Двери царскія, сѣнь и столопцы писаны краски. По правую сторону Царскихъ дверей мѣстныхъ образовъ:

Образъ Спасителевъ писанъ краски, на немъ вѣнецъ чеканной сребряный позлащенъ; предъ тѣмъ образомъ двѣ лампады невелики мѣдныя луженыя, одна кисть нитяная, другая шелковая.

По лѣвую сторону Царскихъ дверей образъ Пресвятыя Богородицы писанъ краски, около того образа кіотъ столярнаго мастерства, предъ тѣмъ образомъ пелена выбойки бумажной. Въ верху Деисусъ апостоловъ праздниковъ пророковъ писанъ краски.

За правымъ крилосомъ образъ Распятія Господня писанъ краски.

Въ олтарѣ престолъ обложенъ выбойки бумажной.

На престолѣ евангеліе печатное въ десть, обложено зеленымъ бархатомъ, безъ евангелистовъ.

На жертвенникѣ одинъ потиръ, дискосъ оловянные.

При вышеозначенныхъ двухъ церквахъ въ окнахъ 15 окончинъ простаго стекла. Церковныхъ денегъ 33 копѣйки.

Въ томъ монастырѣ государевыхъ грамотъ и крѣпостей и прочихъ писемъ значится:

Грамота В. Г. Ц. и В. К. Алексѣя Михайловича всея Россіи 7154 г., за приписью дьяка Ивана Ѳедорова, за черною восковою печатью, о дачѣ въ Георгіевской монастырь изъ государевой казны денежнаго и хлѣбнаго жалованья; на дву столпцахъ.

Грамота В. Г. Ц. и В. К. Ѳеодора Алексѣевича всея Россіи 7188 года, за приписью дьяка Семена Комнина, о выдачѣ въ Георгіевской монастырь изъ государевой казны денежнаго и хлѣбнаго жалованья; на пяти столпцахъ.

Списокъ съ жалованной грамоты преосвященнаго Леонида архіепископа Великого Новаграда и Пскова 7080 г., о неплатежѣ въ домовую его преосвященства казну никаковыхъ пошлинъ; на столпцахъ.

Грамота В. Г. Ц. и В. К. Михаила Ѳеодоровича всея Россіи 7139 г., за приписью дьяка Максима Чиркова, за восковой черной печатью, объ отдачѣ въ Георгіевскій монастырь новоочищеннаго починка поженки и крестьянина Конона съ дѣтьми и племянниками; на четырехъ столпцахъ.

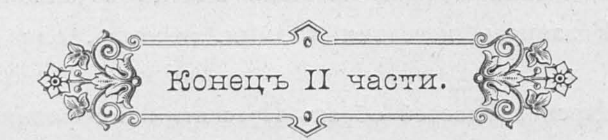
Память В. Г. Ц. и В. К. Алексѣя Михайловича всея Россіи 7160 г., за приписью дьяка Ивана Димитріева, о досмотрѣ и мѣры церковной того монастыря земли, отъ Ладожскаго посаду и отъ прочихъ слободъ; на трехъ столпцахъ.

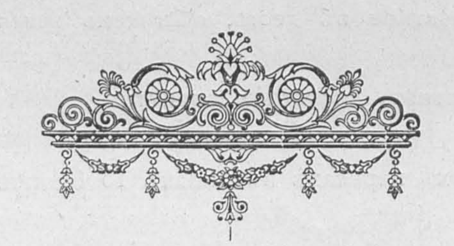
Списокъ съ жалованныя грамоты великого господина преосвященнаго Корнилія, митрополита Великаго Новограда и Великихъ Лукъ, чтобы съ Георгіевскаго монастыря подводъ не спрашивать; 186 году, на одномъ столпцѣ.

Въ платежѣ въ Новгородскую архіерейскую казну церковной дани, отписей имѣется разныхъ годовъ.

А болѣе вышеписаннаго при томъ Георгіевскомъ Застѣнномъ монастырѣ, потребнаго къ описи быть не находится.

(Изъ документовъ, принадлежащихъ староладожскому мѣщанину В. И. Парфенову).

В. В. Сусловъ.

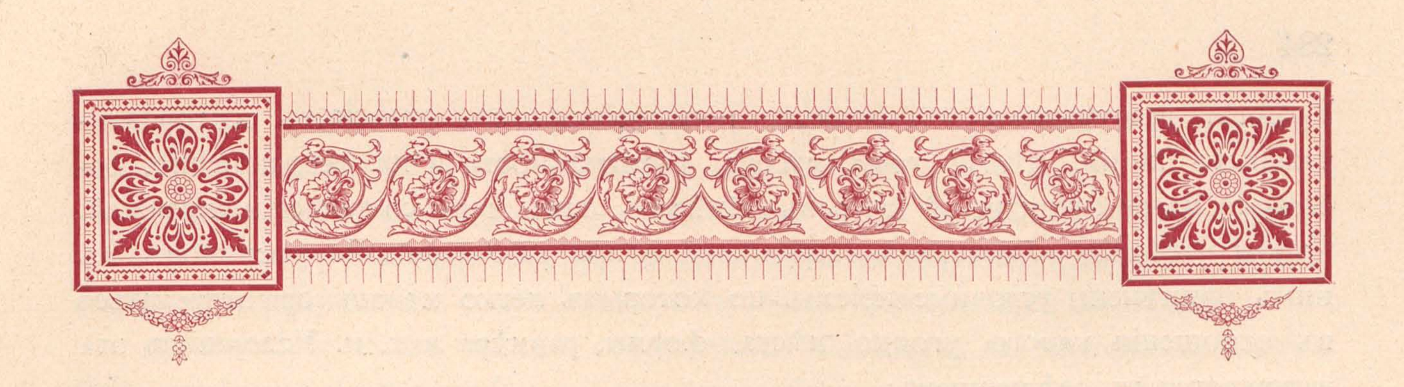
ТЕХНИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

АРХИТЕКТУРНЫХЪ ПАМЯТНИКОВЪ

СТАРОЙ ЛАДОГИ.

(Пояснительный текстъ къ таблицамъ).

Староладожское городище, слывущее въ мѣстномъ преданіи подъ именемъ «Рюриковой крѣпости», весьма любопытный памятникъ военной архитектуры, относящійся къ XII столѣтію [1]). Не мѣнѣе интересна и церковь, въ немъ находящаяся, во имя Св. Георгія. Сооруженія городища изучались и зарисовывались разными лицами уже давно и нѣсколько разъ. Рисунки съ нѣкоторыхъ древностей изданы Прохоровымъ, тѣмъ не менѣе вполнѣ спеціальныхъ и подробныхъ рисунковъ сдѣлано не было. Императорское русское археологическое общество, рѣшивъ опубликовать памятники полностью, удостоило меня порученіемъ сдѣлать техническое изслѣдованіе, обмѣры, надлежащіе чертежи, копіи съ фресокъ и нѣкоторыя фотографіи всѣхъ архитектурныхъ памятниковъ Старой Ладоги.

Для точнаго опредѣленія всѣхъ болѣе или менѣе сохранившихся архитектурныхъ формъ сооруженія городища, а равно для уясненія границъ стѣнъ, мною дѣлались, во время обмѣровъ, различныя раскопки, расчистки стѣнъ отъ мусора и растительности и разныя другія развѣдки. Такой ходъ дѣла далъ возможность уяснить границы облицовочныхъ частей построекъ городища, обнаружить нѣкоторыя затерянныя отъ разрушенія стѣнъ архитектурныя формы, опредѣлить основаніе фундаментовъ и наконецъ обмѣрить все въ подробномъ видѣ.

---

[1]) Новгородская лѣтопись (П. С. Л. III стр. 4) повѣствуетъ «въ томъ же лѣтѣ (6624) Павлъ Посадникъ Ладожскій заложи Ладогу городъ камянъ».

Крайняя разрушенность городища, неопредѣленность отвѣсныхъ и горизонтальныхъ линій, цѣлыя горы мусора, растительности и пр. все, конечно, доставило массу затрудненій какъ въ обмѣрахъ, такъ и въ составленіи чертежей. Чтобы избѣжать нѣкоторыхъ затрудненій и при разсматриваніи рисунковъ, къ нимъ примѣнены условные пріемы, по которымъ легко можно оріентироваться въ отношеніи какого угодно мѣста, формы, размѣра и т. п. Условность эта выражается въ слѣдующемъ:

Условные пріемы въ чертежахъ каменнаго городища.

а) Почти на всѣхъ общихъ и детальныхъ рисункахъ показанъ уровень рѣки Волхова, такъ что всѣ высоты извѣстныхъ частей городища легко можно измѣрить отъ указанной линіи.

б) Въ нѣкоторыхъ чертежахъ, гдѣ уровень Волхова приходится очень низко, взята линія *XX* существующаго нынѣ пола церкви св. Георгія. Эта линія, въ тоже время, показана въ зависимости отъ уровня рѣки Волхова (на четыре сажени выше послѣдняго).

в) Всѣ планы башенъ выражены въ опредѣленныхъ горизонтальныхъ сѣченіяхъ, на извѣстной высотѣ отъ рѣки Волхова.

г) Каждый планъ выражается, по-этажно, отъ одной линіи сѣченія до другой, причемъ въ первыхъ этажахъ показаны разрѣзныя части стѣнъ (съ границами ихъ основанія) и окружающихъ ихъ насыпей, во вторыхъ этажахъ, разрѣзныя части и уклоны разрушенныхъ стѣнъ до линіи сѣченія 1-го этажа (съ обозначеніемъ границъ послѣдняго); въ третьихъ этажахъ разрѣзныя части и уклоны разрушенныхъ стѣнъ до второго этажа (съ границами первыхъ двухъ этажей).

д) Разрѣзныя части каменной кладки стѣнъ обозначены штриховкой изъ цѣльныхъ линій. Штриховка изъ разрывныхъ линій означаетъ разрѣзы насыпей и подфундаментнаго грунта.

е) На общихъ и детальныхъ планахъ нивелирныя линіи подписаны и выражены пунктиромъ, состоящимъ изъ черточекъ съ точкою между ними.

ж) Линіи вертикальныхъ сѣченій (разрѣзовъ) показаны на планахъ подъ буквами, а линіи горизонтальныхъ сѣченій (плановъ) подписаны на разрѣзахъ по-этажно.

з) Для нагляднаго соотношенія одного этажа къ другому, въ планахъ верхнихъ этажей показаны одновременно нижніе этажи; одинъ линіями (въ разрѣзѣ), а другой пунктиромъ.

и) При изслѣдованіи глубины подошвы стѣнъ, раскопки дѣлались главнымъ образомъ по линіямъ разрѣзовъ. Другія раскопки производились для провѣрокъ

и выясненія архитектурныхъ формъ и границъ ихъ. Положеніе всѣхъ фундаментовъ и глубина ихъ ясно показаны на чертежахъ.

і) Границы существующихъ облицовокъ (хотя бы одного ряда), обрисовывающія какую либо форму, въ планахъ показаны прямыми линіями. Изветшалыя или осыпавшіяся части стѣнъ обозначены извилистыми линіями.

к) Размѣры всѣхъ частей сооруженія, видимыхъ на чертежахъ, могутъ быть измѣрены по масштабамъ, а потому отдѣльныя поясненія, по этому пункту, при описаніи городища, исключены.

Общее расположеніе башенъ и стѣнъ Старо-Ладожскаго каменнаго городища.
Таблица IV.

По общему виду въ планѣ городище имѣетъ форму утюга. Пространство, обнесенное стѣнами, распространяется въ ширину до 35 саж., а въ длину до 73 саж. Городище расположено на возвышенномъ мысѣ при впаденіи рѣчки Ладожки въ р. Волховъ Съ восточной стороны оно круто подходитъ къ рѣкѣ Волхову, а съ сѣверо-западной стороны спускается къ рѣчкѣ Ладожкѣ.

Въ срединѣ западнаго фаса городища находится Воротная башня (лит. II). Отъ нея идутъ толстыя стѣны къ двумъ угловымъ башнямъ; на сѣверъ къ Стрѣлочной (лит. I), а на югъ къ Климентовской (лит. III). Общій видъ показанъ на табл. IX. Отъ Стрѣлочной башни по восточному фасу крѣпости стѣна идетъ къ лѣстницѣ бывшей Тайничной башни (лит. V), приходящейся почти противъ Воротной башни. Отъ лѣстницы стѣна направляется къ юго-восточной Раскатной (лит. IV), угловой башнѣ городища (табл. XIII). Между этой башней и Климентовской возвышается сплошной валъ (табл. XX).

Въ южной части двора городища находятся двѣ церкви Св. Георгія и Св. Димитрія Солунскаго.

Разрѣзы каменнаго городища по спеціальнымъ нивелировкамъ.
Табл. V—VIII.

Во время нивелированія двора городища и внѣшнихъ уровней его, а также при общихъ промѣрахъ стѣнъ и башенъ, производились всевозможныя раскопки и оголялись подошвы основанія стѣнъ. Чтобы оріентироваться въ высотахъ различныхъ частей сооруженій и въ соотношеніи ихъ другъ къ другу, въ разрѣзахъ показанъ уровень рѣки Волхова, отъ котораго и можно брать всѣ высоты по масштабу.

Разрѣзы по линіямъ A B C D E F и F W (табл. IV и V). Поверхность двора довольно неровная. Наибольшее пониженіе двора замѣчается противъ бывшей Тайничной башни. Наибольшее повышеніе мѣстности около южнаго вала городища. Въ лѣвой части перваго разрѣза, представлена Стрѣлочная башня, затѣмъ рядъ вновь открытыхъ амбразуръ P′ O′ N′ M′ L′ и K′, расположенныхъ въ восточной стѣнѣ городища; въ серединѣ—раскопка A′ и осыпь *y* надъ лѣстницей,

идущей со двора городища къ р. Волхову. Въ разрѣзѣ по линіи F W показанъ общій силуэтъ церкви Св. Георгія и разрѣзъ южнаго вала городища съ западнымъ фасомъ Раскатной башни [1]). Высоты главныхъ пунктовъ отъ уровня р. Волхова, выражены въ цифрахъ на самыхъ разрѣзахъ. *Разрѣзъ по линіи GHJ* (табл. IV и VI). Въ лѣвой части чертежа изображена Воротная башня; вблизи послѣдней — сторожка и службы (показаны на общемъ планѣ подъ лит. VIII и IX). Въ право идетъ спускъ къ рѣкѣ Волхову, покрытый растительностью (надъ спускомъ показанъ бугоръ, приходящійся надъ лѣстницей). Главнѣйшія повышенія и пониженія уровня двора крѣпости показаны въ соотвѣтствующихъ мѣрахъ отъ уровня р. Волхова.

Разрѣзъ по линіи KLM (табл. IV и VII). Съ лѣвой стороны представленъ профиль спуска, идущаго отъ алтаря церкви Св. Георгія къ р. Волхову [2]). Въ серединѣ спуска обозначена дорожка, ведущая со двора городища къ основанію Раскатной башни, часть которой показана на чертежѣ. Разрѣзъ церкви выраженъ силуэтомъ, такъ какъ спеціальные разрѣзы представлены на особыхъ таблицахъ. Въ правой части чертежа изображенъ разрѣзъ амбразуры E' (западной крѣпостной стѣны). Влѣво отъ нея видѣнъ южный валъ городища, вправо Климентовская башня (съ основаніемъ амбразуръ III-го этажа).

Разрѣзъ по линіямъ NOP и PQR (табл. IV и VIII). На чертежѣ представлены собственно два разрѣза въ соединенномъ видѣ. Съ лѣвой стороны показанъ разрѣзъ Климентовской башни съ частью крѣпостной стѣны и колокольни, а съ правой—алтарная часть церкви Св. Георгія и разрѣзъ Раскатной башни. Внѣшнія и внутреннія границы основанія стѣнъ въ башняхъ (какъ и въ предъидущихъ разрѣзахъ) представлены на основаніи раскопокъ и обмѣровъ. Уклоны подошвъ основанія стѣнъ, обозначены пунктиромъ, такъ какъ глубокихъ подкоповъ подъ стѣны не дѣлалось и, можетъ быть, подошвы стѣнъ идутъ уступами по уклонамъ городища.

Земляное городище, гдѣ былъ деревянный городъ (Крѣпость).
Табл. XLVIII и XLIX.

Земляное городище расположено въ нѣсколькихъ саженяхъ къ югу отъ каменнаго и отдѣляется отъ послѣдняго дорожкой, идущей изъ селенія Старой Ладоги (около подошвы южнаго вала каменнаго городища) къ рѣкѣ Волхову.

Земляное городище по характеру общихъ возвышеній имѣетъ въ планѣ фигуру квадрата съ нѣсколько заостренными углами.

---

[1]) Въ разрѣзѣ церкви и справа отъ нея, обозначены буквами встрѣчныя линіи другихъ разрѣзовъ и нивелировокъ.

[2]) Выставленныя цифры на общемъ чертежѣ обозначаютъ обмѣры главныхъ повышеній и пониженій вала; въ верху таблицы представленъ детальный чертежъ окопки стѣны вала.

Восточная часть городища выходитъ къ р. Волхову, южная ограничивается ручьемъ и прилегающимъ къ нему болотомъ. Съ западной стороны городище оканчивается валомъ, у подошвы котораго существовалъ ровъ; на мѣстѣ послѣдняго въ настоящее время группируются маленькія болота, за которыми идетъ большая дорога изъ С. Ладоги въ Никольскій мужской монастырь.

Руины церквей въ селеніи Старой Ладоги.
Табл. LIX и LX.

Близь каменнаго городища (къ сѣверу отъ него) у берега рѣки Волхова сохраняются остатки древней каменной церкви. Отъ нихъ уцѣлѣлъ только низъ стѣнъ, дающихъ, однако же, опредѣленный планъ церкви. Подобныя же развалины находятся также не далеко отъ крѣпости, къ сѣверо-западу отъ нея.

Переходя къ подробному описанію поименованныхъ древнихъ сооруженій, я считаю долгомъ оговориться, что задача, возложенная на меня Императорскимъ русскимъ археологическимъ обществомъ, заключалась лишь въ техническомъ разсмотрѣніи современнаго состоянія вышеозначенныхъ памятниковъ — историческая же и археологическая стороны описанія ихъ, равно какъ и геологическое опредѣленіе мѣстности, на которой возвышается каменное городище и разсмотрѣніе послѣдняго съ военной точки зрѣнія—всецѣло принадлежатъ Н. Е. Бранденбургу, уже давно и всесторонне потрудившемуся надъ раскопками каменнаго городища и изученіемъ древностей Старой Ладоги.

Описаніе Каменнаго Городища.

Воротная башня.
Табл. XXIV—XXIX.

Для опредѣленія внутреннихъ границъ Воротной башни, оставшихся не выясненными, была сдѣлана вокругъ стѣнъ сплошная окопка; при этомъ, внутреннія стѣны, идущія ниже существующаго уровня двора, оказались вполнѣ сохранившимися (съ наружною облицовкой); очертаніе ихъ показано на планѣ 1-го этажа (табл. XXIV). Съ окопкою основанія стѣнъ, обнаружены и полныя границы амбразуръ. Воротная арка (табл. XXIX разрѣзъ по линіи CDEF) идетъ въ глубь земли до 1 арш. 6 верш. На этой глубинѣ обнаруженъ булыжный камень, настланный въ видѣ мостовой.

При раскопкѣ б′ (планъ 1-го эт.) около внѣшнихъ воротъ башни и амбразуры г′ также былъ обнаруженъ булыжный камень, настланный довольно ровно; по этимъ даннымъ ясно, что на указанной глубинѣ шелъ первоначальный уровень двора крѣпости, при этомъ замѣчается уклонъ его къ внѣшнимъ воротамъ. Мѣста раскопокъ и части мостовой показаны въ планѣ 1-го этажа и въ разрѣзахъ. Въ стѣнахъ башни сохранились круглые каналы, показанные на чертежахъ подъ

буквой *б*. Въ этихъ каналахъ, видимо, проходили деревянныя связи, которыя съ теченіемъ времени сгнили.

Первый этажъ. Табл. XXIV.

Первый этажъ болѣе или менѣе сохранился въ первобытныхъ формахъ; общее состояніе амбразуръ слѣдующее:

Амбразура г'—наружная облицовка амбразуры не сохранилась. Облицовочные ряды кладки самаго свода и сѣверной опорной стѣны уцѣлѣли. Вся амбразура еще довольно прочная; боевое отверстіе *е* внутри сохранилось, но съ наружной стороны разрушилось.

Амбразура г''—облицовка начала отверстія не сохранилась. Своды и обѣ опорныя стѣны уцѣлѣли хорошо. Отверстіе *е'* сохранилось на половину (осыпались внѣшніе откосы).

Амбразура г'''—въ такомъ-же состояніи, но только сводъ ея со двора башни обветшалъ.

Поверхности сводовъ амбразуръ не особенно правильныя. Своды, толщиною отъ 10 до 12-ти вершковъ, сдѣланы изъ плитняка толщиною отъ 2-хъ до 3-хъ вершковъ. Кладка стѣнъ довольно правильная, хотя постели ея не вездѣ одинаковой высоты, т. е. одни ряды кладки толще, другіе тоньше. Плиты разной длины; толщина же ихъ отъ 2-хъ до 4-хъ вершк. Облицовка внутреннихъ стѣнъ башни почти вся утратилась, уцѣлѣла лишь незначительная часть ея около лѣсенки, ведущей изъ палатки *д*.

Длина облицовочныхъ плитъ отъ 8-ми до 18-ти вершк. Средняя толщина 2½ вершк.; плиты входятъ въ стѣну, примѣрно на 8 вершк. Палатка *д* (табл. XXIV и XXVII) перекрыта коробовымъ сводомъ. Облицовка стѣнъ и свода сохранилась хорошо. Лѣсенка, идущая изъ палатки во второй ярусъ башни, сохранилась лишь частью. Отверстіе полукруглой двери на лѣсенку заключалось въ прямоугольной впадинкѣ; перемычки надъ дверью не сохранилось. Въ двухъ стѣнахъ палатки находятся каналы *бб*. Плитнаго пола въ помѣщеніи не сохранилось.

Наружныя ворота въ южной стѣнѣ башни позднѣйшія (кирпичныя). Отъ внутреннихъ восточныхъ воротъ сохранилась лишь одна арка надъ проѣздомъ [1]). Судя по тому, что подъ нею уцѣлѣли остатки другой перемычки *з*, нѣсколько эллиптической формы (разрѣзъ по линіи ABIH), надо думать, что все пространство *ж. ж. ж. ж.* (табл. XXIV) было перекрыто сводомъ, на которомъ и была частью обоснована лѣстница, ведущая изъ палатки *д* во второй этажъ башни.

---

[1]) Облицовка арки хотя сохранилась, но сильно вывѣтрилась — круглое очертаніе арки получило неправильный видъ. Толщина перемычки 11 вершк. Арка въ общемъ очень ветхая. Въ пятахъ Воротной арки сохранились желѣзные дверные крюки.

Такое-же устройство было, вѣроятно, и надъ внѣшними воротами, такъ что внутреннее пространство собственно башни было квадратное и перекрывалось очевидно деревяннымъ потолкомъ.

Второй этажъ. Табл. XXV.

Амбразура *и* была окопана извнѣ для обмѣровъ ея. Свода надъ нею не существуетъ. Наружная стѣнка, замыкающая амбразуру, уцѣлѣла въ высоту на 1 арш. 3 вершк. отъ пола. Въ серединѣ амбразуры растетъ дерево и насыпанъ мусоръ. Начало свода замѣтно по облицовочнымъ наклоннымъ рядамъ кладки. Восточная стѣна амбразуры очень ветхая.

Въ амбразурѣ и' сводъ уцѣлѣлъ въ шалыгѣ всего на 1 арш. Облицовка замѣтна незначительными частями; видна главнымъ образомъ булыжная кладка и иструхлявившіяся плиты. Надъ остаткомъ свода возвышается кладка до 1 1/2 арш. Середина амбразуры засыпана мусоромъ и камнями. Наружная стѣнка почти разрушилась—замѣтно лишь основаніе ея.

Амбразура и'' въ подобномъ-же состояніи. Бойничныхъ отверстій въ означенныхъ амбразурахъ совсѣмъ не уцѣлѣло.

Третій этажъ. Табл. XXVI.

При расчисткѣ гребня стѣнъ Юго-Восточнаго угла башни, обнаруженъ проходъ *к*. Въ основаніи его сохранилась облицовка, нѣсколько вывѣтрившаяся. Проходъ этотъ, вѣроятно, принадлежалъ къ внутренней лѣстницѣ въ III-й эт.

При расчисткѣ верхней части стѣнъ сѣверо-восточнаго угла башни, открыты границы широкого прохода *л*. Границы эти выражаются въ остаткахъ облицовочныхъ рядовъ кладки (табл. XXVII — XXVIII). Указанный проходъ съ означенными на рисункахъ очертаніями, очевидно, принадлежалъ *III-му этажу башни* и велъ на гребень крѣпостной стѣны, расположенной между Воротной и Стрѣлочной башнями. Въ проходѣ этомъ, видимо, находилась дверь, такъ какъ въ западномъ заплечикѣ сохранился желѣзный крюкъ. Проходъ замощенъ булыжнымъ камнемъ довольно ровно. Самый спускъ на стѣну состоитъ изъ неровной булыжной кладки. Здѣсь кстати можно высказать слѣдующее предположеніе: Проходъ *л* при означенной ширинѣ, очевидно, не могъ продолжаться въ толщѣ восточной стѣны башни, такъ какъ западная стѣнка прохода была-бы на вѣсу. Очень вѣроятно, что указанный проходъ выходилъ на широкій уступъ стѣнъ II-го этажа, какъ это наблюдается и въ другихъ башняхъ.

Наружный видъ башни. Табл. IX, X и XXI.

Съ южнаго фаса башни видны позднѣйшія кирпичныя ворота. Отъ этихъ воротъ идетъ дорожка около крѣпостной стѣны и уклонъ насыпи, облегающей основаніе башни.

Облицовка стѣнъ сохранилась только по юго-западному углу, причемъ нѣкоторые ряды уцѣлѣли вполнѣ, остальная масса стѣны въ разрушенномъ состояніи Съ западнаго фасада основаніе башни покрыто мусоромъ. Около амбразуры *і'*

(табл. XIV) была сдѣлана раскопка *в* для опредѣленія глубины фундамента. Граница его обозначена на разрѣзѣ FEDC. Внѣшняя поверхность стѣны надъ насыпью, состоитъ изъ плитной кладки съ прослойкою мелкихъ булыжныхъ камней. Сохраняются, между прочимъ, и остатки сильно вывѣтрившейся облицовки. Боевыя отверстія амбразуръ 1-го этажа снаружи нѣсколько разрушены; перекрыты онѣ плитами. Надъ означенными амбразурами плитная кладка пропадаетъ и выступаютъ булыги (къ сѣверу съ остатками раствора, а къ югу оголенныя).

Стѣны къ вершинѣ значительно съуживаются и оканчиваются тонкимъ гребешкомъ. Булыжная кладка правильныхъ постелей не имѣетъ; среди мелкихъ камней встрѣчается болѣе правильная кладка и это наблюдается въ мѣстахъ соединенія булыжной кладки съ облицовочными плитами. Вполнѣ уцѣлѣвшая облицовка видна въ нѣсколькихъ рядахъ кладки на углахъ башни (въ ширину до 2-хъ арш. 8 вершк.), причемъ менѣе вывѣтрившаяся поверхность находится на самыхъ углахъ.

Сѣверный фасадъ въ основаніи покрытъ насыпью, идущей почти съ хребта стѣны. Этой насыпью даже закрыто боевое отверстіе сѣверной амбразуры *i'''* (I-го этажа башни). Облицовки въ массѣ стѣны почти не сохранилось—она видна лишь на углу башни. На восточномъ фасѣ (со двора) поверхности стѣнъ около воротъ и двери, ведущей въ полатку, состоятъ изъ плитной кладки, большей частью вывѣтрившейся. Дверь въ полатку съ полукруглой перемычкой заключена въ прямоугольную впадину (глубиною въ 3 вершка), въ послѣдней сохранился дверной желѣзный крюкъ. Среди выкрошившейся облицовки встрѣчаются въ восточно-сѣверномъ углу башни гладкіе облицовочные ряды плитъ. Въ верхней половинѣ стѣны видны лишь оголенныя булыги.

Говоря о технической сторонѣ постройки башни, приходится добавить нѣсколько словъ о самой кладкѣ стѣнъ и сводовъ. Стѣны собственно сложены изъ большихъ булыгъ (средняго размѣра въ 10 вершк.), проложенныхъ мѣстами для устойчивости мелкимъ булыжнымъ камнемъ и въ рѣдкихъ случаяхъ плитою. Пространство между камнями сплошь залито известковымъ растворомъ. Облицовочныя плиты стѣнъ соединяются съ булыжною кладкою, до извѣстной степени, штрабами (уступами).

Облицовочные ряды плитъ въ амбразурахъ, въ большинствѣ случаевъ, различной мѣры; въ 10-ти рядахъ кладки, примѣрно до 2-хъ арш. высоты, плиты толщиною отъ 5-ти вершк. до 1 ½ вершка. Длина ихъ отъ 6-ти вершк. до 1 арш. 1 ½ вершка. Швы облицовочной кладки толщиною отъ ⅛ вершка до 1 вершка, частью притерты.

Въ мѣстахъ, гдѣ кромки плитъ сбиты, растворъ заходитъ на камень и выровненъ подъ общую поверхность стѣны.

Своды и арки имѣютъ надлежащія полукруглыя покрытія, при этомъ, гдѣ швы сильно расширялись по радіусу, тамъ вставляли маленькія плиты, имѣвшія значеніе клина. Бойничныя отверстія перекрыты горизонтально большими плитами. Къ сѣверо-восточному углу Воротной башни примыкаетъ крѣпостная стѣна, идущая къ Стрѣлочной башнѣ.

Примѣчаніе. Очертаніе *м м*..., показанное въ планѣ 2-го этажа Воротной башни, означаетъ границы горизонтальнаго сѣченія 1-го этажа. Очертаніе *н. н*... въ третьемъ этажѣ башни, означаетъ сѣченіе 2-го этажа.

Стѣна между Воротной и Стрѣлочной башнями.
Табл. IV.

Стѣна закрыта осыпями, обросшими травой и деревьями, такъ что она представляется почти сплошнымъ валомъ. Для уясненія границы и измѣренія стѣны (со стороны двора) была сдѣлана окопка ея. Облицовка стѣны обнаружена нѣсколько ниже уровня земли двора; она хорошо сохранилась и дала возможность опредѣлить ея внутреннее очертаніе. Лицевая поверхность восточной стѣны Воротной башни сначала даетъ направленіе и стѣнѣ крѣпости, но затѣмъ стѣна послѣдней дѣлаетъ четыре перелома, образуя общую выпучину стѣны, между указанными башнями (очертаніе ея показано на общемъ планѣ (табл. IV). Между означенными башнями, въ стѣнѣ сохранились три амбразуры.

Амбразура g' (табл. XXIX). Внутреннія стѣны ея до пятъ свода уцѣлѣли, но облицовка ихъ сильно пострадала. Сводъ со двора крѣпости, почти на половину разрушился. Остальная часть его нѣсколько искривилась. Надъ сводомъ возвышается булыжная кладка до 2½ арш. Отъ внѣшней стѣнки, замыкающей амбразуру, сохранилась только нижняя ея часть (до бойничнаго отверстія).

Амбразура R' (табл. IV). Отъ этой амбразуры уцѣлѣли только внутреннія стѣнки (ниже пятъ свода) съ облицовкой до пяти рядовъ плитной кладки; наружной поперечной стѣнки совсѣмъ не сохранилось. Полъ амбразуры засыпанъ мусоромъ.

Амбразура T'. Сводъ ея провалился. Внутреннія стѣнки частью уцѣлѣли; подъ мусоромъ видны облицованные ряды кладки.

Толщина крѣпостной стѣны, между означенными башнями, достигаетъ четырехъ саженей. Внѣшняя и внутренняя границы подошвы стѣны, опредѣлены раскопками противъ амбразуры g'.

Видъ стѣны со двора.
Табл. XII.

Въ соединеніи вершины крѣпостной стѣны съ Воротною башней идетъ (аршина на 2) замощеный спускъ изъ башни на стѣну, а затѣмъ гребень

послѣдней представляется, въ видѣ дорожки, заросшей травой. По бокамъ упомянутаго спуска, идетъ оголенная осыпь булыжной кладки стѣны.

До средней амбразуры R′ стѣна покрыта волнистыми насыпями, заросшими травою и деревьями. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вала выступаютъ разрушенныя части кладки. Гребень стѣны постепенно понижается отъ Воротной башни къ амбразурѣ R′. Къ сѣверу отъ послѣдней стѣна менѣе закрывается насыпями. Около стрѣлочной башни она представляется оголенною и въ основанiи ея видна облицовка. Гребень стѣны отъ средней амбразуры снова поднимается и идетъ къ вершинѣ стѣнъ стрѣлочной башни.

Видъ стѣны съ наружнаго фасада.
Табл. IX и X.

Булыжная кладка видна лишь въ вершинѣ стѣны, а плитная около очертанiя разрушенныхъ амбразурныхъ отверстiй.

Въ общемъ, стѣна имѣетъ скорѣе видъ вала, покрытаго травою и деревьями. Насыпь, состоящая изъ обвалившейся кладки стѣны и образующая валъ около нея, идетъ отъ линiи шалыгъ амбразурныхъ сводовъ. Между Воротной башней и абразурой R′ насыпь спускается довольно ровнымъ уклономъ, но далѣе, къ сѣверу, она кое-гдѣ выпучивается. Въ этихъ мѣстахъ видны огромные массивы обрушившихся частей стѣны, съ облицовочными и перемычечными рядами кладки.

Лицевая поверхность крѣпостной стѣны наиболѣе пострадала у амбразуръ R′ и T′. Самыя амбразуры представляются въ слѣдующемъ видѣ: боеваго отверстiя амбразуры F не сохранилось; существующая нижняя часть внѣшней поперечной стѣнки, замыкающей амбразуру, осыпалась. Отъ амбразуры R′ сохранились границы внутреннихъ стѣнъ ея до пятъ свода. Наружной облицовки стѣны въ этомъ мѣстѣ совсѣмъ не замѣчается. Въ амбразурѣ T′ видны внутреннiя стѣнки ея, оканчивающiяся къ внѣшнему фасу крѣпости уступами. Въ стѣнкахъ видны начальные ряды свода амбразуры. При расчисткѣ мусора ниже этой амбразуры, обнаружилась наклонная плитная кладка; при этомъ плиты идутъ сначала опускаясь внѣшними концами, а затѣмъ концы ихъ постепенно поднимаются. Вся кладка имѣетъ вогнутое очертанiе и тянется на 4 саж. Ниже продолжается насыпь до рѣчки Ладожки. Положенiе описанной кладки и др. наблюденiя надъ процесомъ разрушенiя стѣны даютъ поводъ думать, что внѣшняя часть толщи стѣны отдѣлилась отъ общей массы и сползла по направленiю общаго уклона грунта (отъ двора крѣпости къ рѣчкѣ Ладожкѣ).

Стрѣлочная башня.
Табл. XXXI—XXXII.

Для обмѣровъ башни и опредѣленiя глубины фундаментовъ, были расчищены нѣкоторыя границы стѣнъ, верхнiя амбразуры и сдѣланы надлежащiя раскопки. Границы всѣхъ стѣнъ и фундаментовъ показаны на чертежахъ.

Входъ въ башню (со двора) почти разрушенъ; сохранилась однако облицовка прохода и наружная четверть двернаго проема. Здѣсь видѣнъ остатокъ двернаго желѣзнаго крюка. Въ нижнiй этажъ спускаются по лѣстницѣ, устроенной въ толщѣ стѣны.

Первый этажъ. Табл. XXX.

Амбразура 6 въ полной сохранности. Облицовка выкрошилась лишь незначительными частями. Южная половина свода опирается на самостоятельную стѣнку, приложенную къ общей массѣ стѣны. Полъ состоитъ изъ мелкаго, довольно ровнаго булыжника. Амбразурное отверстiе на половину въ прочномъ состоянiи; отслоилась только часть перемычечной плиты.

Амбразура 6'—кромка свода нѣсколько обветшала. Сводъ и опорныя стѣны вполнѣ сохранились. Плиты подъ амбразурнымъ отверстiемъ разрушились, полъ неровный, съ углубленiемъ въ серединѣ. Сводъ кончается по направленiю указанному пунктиромъ. Плиты въ сводѣ амбразуры нѣсколько толще, чѣмъ въ опорныхъ стѣнахъ. Углы амбразуръ *6* и *6'* изветшали.

Амбразура 6'' въ полной сохранности. Облицовочныя плиты довольно крупныя (въ 9 рядахъ 2 арш. 3 вершк.).

Амбразура 6''' внутри вполнѣ уцѣлѣла. Плиты въ стѣнахъ и въ сводѣ до 6 вершк. толщиною и до 1 арш. 6 вершк. длиною. Вся кладка представляется очень монументальною.

Въ пятахъ сводовъ нѣкоторыхъ амбразуръ проложены длинныя плиты. Толщина сводовъ 9 вершк. Облицовка стѣнъ также очень хорошо сохранилась. Швы кладки довольно тонкiе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда кромки облицовочныхъ плитъ отбиты и выровнены растворомъ, швы кажутся толстыми. Въ амбразурахъ I-го этажа Стрѣлочной башни и вообще въ болѣе уцѣлѣвшихъ частяхъ крѣпости замѣчается случайная притирка растворомъ цѣлыхъ плоскостей (плитъ грубой тески и сводовъ, гдѣ по отнятiи опалубника оставался затвердѣлый прыскъ). Встрѣчающаяся притирка неровныхъ плоскостей сдѣлана заподлицо болѣе гладкихъ поверхностей плитъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ неровности плитъ выступаютъ изъ-за плоскости притирки растворомъ. Изъ всего видно, что стѣны крѣпости не были оштукатурены надлежащимъ образомъ.

Нѣкоторая обветшалость внутренней облицовки замѣчается въ юго-западномъ углу башни и въ выступѣ лѣстницы. Въ серединѣ башни навалены булыги и мусоръ.

Второй этажъ. Табл. XXXI.

Второй этажъ находится на уровнѣ двора крѣпости. Внутренняя форма башни представляется съ сѣвера полукруглою, а съ юга прямоугольною. У входа въ башню устроена площадка. Полъ послѣдней застланъ плитою. Въ восточной стѣнѣ находится дверь на лѣстницу, ведущую въ нижнiй и третiй этажи. Пере-

мычки надъ дверью не сохранилось, но границы ея, вмѣстѣ съ заплечикомъ и облицовкою, уцѣлѣли. Направо изъ двери ступени поднимаются до вершины разрушенной стѣны. Налѣво, лѣстница идетъ тремя поворотами внизъ. Ступени и облицовка стѣнъ лѣстничной клѣтки хорошо сохранились. Ступени состоятъ изъ одной и двухъ плитъ. На табл. XXXIII представленъ спеціальный разрѣзъ лѣстницы (въ развернутомъ видѣ). Послѣдняя перекрыта уступами, состоящими изъ маленькихъ сводиковъ *i i* и горизонтальныхъ плитъ *к. к*...

Амбразура з. Сводъ разрушенъ ниже пятъ. Облицовка уцѣлѣла только внизу, но и та осыпалась. Боевого отверстія совсѣмъ не сохранилось. Поперечная стѣнка уцѣлѣла лишь въ основаніи. Надъ амбразурой выступаютъ крупныя булыги.

Амбразура з'. Сводъ сохранился въ шалыгѣ до 2 арш. ширины ближе къ внѣшней сторонѣ. Надъ сводомъ поднимается булыжная кладка высотою до 3 арш., которая кончается тонкимъ гребешкомъ; на послѣднемъ, между прочимъ, виденъ кусокъ правильной плитной кладки (табл. XXXIII чертежъ надъ верхнимъ разрѣзомъ); вѣроятно, это остатокъ амбразуры **III-го этажа башни**. Въ опорныхъ стѣнахъ амбразуры прочная облицовка замѣтна только по низу—полъ амбразуры заваленъ камнями и мусоромъ. Поперечная наружная стѣнка амбразуры уцѣлѣла меньше, чѣмъ до половины высоты. Наружное боевое отверстіе совершенно изчезло.

Амбразура з'' въ подобномъ-же состояніи какъ и предъидущая. Въ булыжной кладкѣ замѣчается забутка ея мелкой плитою и щебнемъ. Заливка стѣнъ растворомъ очень толстая.

Амбразура з'''. Сводъ ея сохранился въ шалыгѣ до 1½ арш. ближе ко внѣшней сторонѣ башни. Надъ сводомъ поднимается кладка изъ булыгъ до 3-хъ арш. Ровная облицовка сохранилась въ южной опорной стѣнѣ выше пола, остальная осыпалась. Поперечная наружная стѣнка уцѣлѣла до 1½ арш.; боевое отверстіе разрушилось. Надъ массивами стѣнъ башни вершины булыжной кладки шире, чѣмъ надъ сводами. Наибольшая осыпь стѣнъ замѣчается изъ внутренности башни. Облицовка между амбразурами встрѣчается только въ основаніи II-го этажа, и то лишь въ немногихъ мѣстахъ.

Внѣшній видъ башни,
Табл. X—XII и XV

Съ фасада башни облицовка замѣтна лишь въ немногихъ мѣстахъ. Часть ея наблюдается около боевого отверстія восточной амбразуры *б'''* (планъ I-го этажа). Затѣмъ встрѣчается на южной стѣнѣ при входѣ въ башню со двора крѣпости (*ж* планъ II-го этажа). Въ юго-восточномъ углу башни (планъ II-го эт.), выходящемъ во дворъ, обнаруженъ заплечикъ *J* съ правильной облицовкой. При раскопкѣ къ сѣверу отъ угла *J* опредѣлился массивъ булыжной кладки *к*,

выходящій изъ башни. Совершенно ровная облицовка его находится по линіи *л* и здѣсь-же проходитъ горизонтальный выступной полувалъ въ видѣ пояса стѣны. Отъ послѣдней идетъ облицовка самой башни съ крутымъ закругленіемъ. Признаки облицовки находятся также въ плоскости *Т*. По расчисткѣ мусора около амбразурнаго отверстія *г* (планъ I-го этажа) выяснились ряды плитной кладки *р* нѣсколько вздернутой вверхъ. Кладка эта по плану имѣетъ закругленное очертаніе и идетъ уступами ниже отверстія амбразуры. Можно думать, что она принадлежала къ облицовкѣ сѣверо-восточной части крѣпостной стѣны, но почему кладка имѣетъ закругленное очертаніе—сказать трудно. При разборкѣ указанной выпучившейся кладки обнаружился у стѣны башни (выше отверстія амбразуры) выступъ съ валикомъ. Онъ сливается съ общей круглотою башни и идетъ по направленію, какъ показано на планѣ I-го эт. пунктиромъ (табл. XXX). Изъ всѣхъ наблюденій видно, что валикъ проходилъ надъ отверстіями амбразуръ I-го эт. по всему фасу башни въ видѣ пояса. Стѣны башни выше валика идутъ вертикально, а ниже вала съ сильнымъ уклономъ (разрѣзъ по линіи *т-п*, табл. XXX).

При дальнѣйшемъ изслѣдованіи насыпи къ востоку отъ башни открылись массивы стѣны *с* и *с'*, съ облицовочными рядами кладки. Очевидно это боковыя стѣнки амбразуры. Постели плитной кладки нѣсколько наклонены въ сторону двора крѣпости. Между стѣнами *с с'* сохранился полъ (неровный). Высота его отъ основанія амбразурнаго отверстія *г* на 3 арш. 6 вершк. Изъ всѣхъ указанныхъ раскопокъ и наблюденій надъ оставшимися массивами кладки видно, что сѣверо-восточная часть крѣпости стѣны, отдѣлившись отъ башни, сползла внизъ по наклону общаго пониженія грунта (отъ двора крѣпости къ рѣкѣ Волхову).

Вся южная стѣна *ж* башни (планъ II эт.), выходящая во дворъ и прилегающая къ ней крѣпостная стѣна *м*, также были окопаны для точнаго опредѣленія ихъ границъ и угла соединенія. Подъ существующимъ нынѣ уровнемъ двора, въ означенныхъ стѣнахъ сохранилась, болѣе или менѣе, вся облицовка. Общій видъ башни со двора представленъ на табл. XII. Сѣверо-западный и сѣверо - восточный фасады башни видны на табл. X и XI; Стѣна башни южнаго фаса, со двора, уцѣлѣла на высоту до 4-хъ аршинъ. Направо отъ входа видны ступени внутренней лѣстницы, выходящія на самый хребетъ стѣны.

Съ внѣшней стороны стѣны башни сильно осыпались. Осыпь стѣнъ даетъ башнѣ форму усѣченнаго конуса. Основаніе башни засыпано камнями и мусоромъ. Въ нижнихъ частяхъ стѣнъ встрѣчается плитная кладка (остатки обли-

цовки), верхніяже части стѣны состоятъ изъ оголенныхъ булыгъ. Ровная облицовка стѣнъ видна съ восточнаго фаса въ соединеніи стѣны *л* съ башней, около нижней амбразуры *г* и въ другихъ мѣстахъ подъ насыпью. Откосы амбразурныхъ отверстій нижняго этажа полуразрушены и частью засыпаны. Противъ амбразуры *б'* была произведена окопка стѣны для опредѣленія глубины ея основанія. Всѣ размѣры башни и ея частей выражены на чертежахъ.

Примѣчаніе. Линія *о* на планѣ II-го этажа означаетъ границы сѣченія плана 1-го этажа, линія *п* III-го этажа означаетъ границы сѣченія плана II-го этажа.

Стѣна между Стрѣлочной башней и лѣстницей, ведущей къ колодцу.
Табл. IV и V.

Къ восточной сторонѣ Стрѣлочной башни примыкаетъ описанная полуразрушенная сѣверо-восточная часть крѣпостной стѣны. Она пропадаетъ подъ небольшимъ повышеніемъ общаго уровня двора городища. Съ наружной стороны, стѣна имѣетъ видъ вала (идущаго къ рѣкѣ Волхову), покрытаго густой растительностью, среди которой виднѣется и кладка стѣнъ. При раскопкахъ и по удаленіи земли со щебнемъ, довелось открыть направленіе стѣны и цѣлый рядъ амбразурныхъ отверстій безъ сводовъ.

Амбразура P' (табл. IV). Какъ было указано выше, имѣетъ какое-то случайное положеніе, ибо между остаткомъ стѣны, прилегающей къ башнѣ, и западной стѣнкой амбразуры замѣчается разрывъ. Вертикальная поверхность стѣны между амбразурой *P'* и *O'*, выходящей во дворъ, хотя сложена изъ плитъ, но довольно грубой тески.

Амбразура O'. Сохранились части внутреннихъ стѣнъ ея, высотою до 1 арш. 8 вершк. (по пяти рядовъ плитной кладки отъ пола). Въ рядахъ кладки замѣчаются булыжные камни и плиты съ неровными поверхностями; постели кладки имѣютъ нѣсколько наклонное положеніе, вмѣстѣ съ этимъ и стѣна, выходящая во дворъ, идетъ не въ отвѣсъ. Въ верхней части сѣверной стѣнки амбразуры виденъ рядъ наклонной плиты—начало свода. Отъ амбразуры *O'* до амбразуры N', стѣна имѣетъ сравнительно ровную поверхность; но она не облицована плитой, а сложена довольно правильно изъ булыжнаго камня; стѣна въ вершинѣ кончается въ одинъ рядъ камня, отъ котораго идетъ внѣшняя осыпь стѣны къ Волхову.

Амбразура N'. Уцѣлѣла часть внутреннихъ стѣнъ амбразуры съ восемью рядами сводчатаго покрытія (до $2^1/_2$ арш. высотою отъ пола). Въ кладкѣ встрѣчаются булыжные камни и плита (по преимуществу тонкая). Съ внѣшней стороны стѣны амбразуры, сильно осыпались, опорныя стѣнки свода амбра-

зуры нѣсколько наклонены въ сторону двора городища, вслѣдствіе чего и ряды кладки имѣютъ наклонное положеніе. Въ стѣнѣ между Стрѣлочной башней и амбразурой M′, наблюдается не только крайняя разрушенность кладки, но и какіе-то слѣды переломовъ стѣны по вертикальному направленію. Между амбразурами N′ и M′ стѣна болѣе или менѣе прочная.

Отъ *амбразуры M′* сохранилась часть внутреннихъ стѣнъ ея, высотою и шириною до 1½ арш. Облицовка довольно ветхая и неровная. Швы сѣверной стѣнки нѣсколько наклонены въ сторону двора, тогда какъ въ южной стѣнѣ кладка имѣетъ почти горизонтальные ряды.

Линіи угловъ, составляющихъ направленіе амбразуры и стѣны, довольно ясны въ кладѣ. Верхушки массивовъ, между амбразурами, закрываются наносным слоемъ земли, немного повышающимся противъ уровня двора крѣпости. Стѣны между описанными остатками амбразуръ въ вершинахъ очень тонкія, къ основанію же значительно расширяются и съ внѣшней стороны даютъ общій уклонъ осыпи стѣны. Такимъ образомъ, внутреннія поверхности стѣнъ амбразуръ P′ O′ N′ и M′ имѣютъ видъ треугольника, нѣсколько наклоненнаго вершиною въ сторону двора. Кладка стѣны между амбразурой M′ и L′ снаружи оголена (сплошь виденъ булыжникъ).

Амбразура L′. Южная внутренняя стѣнка ея сохранилась въ высоту до 2 арш. 6 вершк. Въ вершинѣ стѣны замѣтны пятниковые ряды свода. У пола амбразуры кладка расширяется до 2 арш. Ряды облицовочныхъ плитъ имѣютъ горизонтальное положеніе. Углы стѣнъ амбразуры, выходящіе во дворъ, довольно правильные и отчасти даютъ направленіе какъ самой стѣнѣ, такъ и амбразурному проёму въ ней. Отверстіе амбразуры къ внѣшнему фасу стѣны съуживается. Въ другихъ амбразурахъ точно прослѣдить форму отверстія являлось затруднительнымъ, ходя довольно замѣтно, что стѣнки въ другихъ амбразурахъ также не параллельны. Снаружи общая поверхность стѣны имѣетъ видъ оголенной булыжной кладки.

Амбразура K′. Стѣнки сохранились высотою отъ пола амбразуры до 2-хъ арш. Облицовка ихъ несовсѣмъ ровная.—Углы массивовъ, составляющихъ отверстіе амбразуры и выходящіе во дворъ, имѣютъ отвѣсное положеніе.

Полы всѣхъ амбразуръ ровной застилки не имѣютъ. Уровень ихъ по направленію къ Стрѣлочной башнѣ постепенно понижается. Полъ амбразуръ P′ и O′, не показанныхъ на продольномъ разрѣзѣ городища (по линіи ABCDEF) понижается въ каждой на 0,25 саж.

Стѣны, ограничивающія всѣ шесть амбразуръ, въ ветхомъ состояніи. Въ лицевыхъ поверхностяхъ кладки ихъ встрѣчаются плита и булыжный камень.

Обдѣлка стѣнъ, въ смыслѣ правильности и чистоты кладки, значительно грубѣе во вниманіе обдѣлки стѣнъ во всѣхъ остальныхъ частяхъ сооруженія городища. Принимая наклонное положеніе рядовъ кладки въ поверхностяхъ, составляющихъ амбразуры P′ O′ N′ и M′, и горизонтальные ряды кладки въ амбразурахъ M′ L′ и K′, а также случайное положеніе амбразуры P′, разломы стѣны, выпученность кладки въ основаніи Стрѣлочной башни и общій характеръ разрушенія стѣны,—приходится заключить, что сѣверо-восточная часть крѣпостной стѣны до амбразуры M′, сползла съ своего мѣста всей своей массою по уклону грунта, идущаго отъ двора крѣпости къ рѣкѣ Волхову. Движеніе это коснулось, видимо, главнымъ образомъ сѣверной части стѣны, а затѣмъ постепенно уменьшалось до амбразуры M′. Съ этого мѣста стѣна оставалась почти на своемъ мѣстѣ. Здѣсь можно допускать только частичное отдѣленіе внѣшней толщи стѣны. Въ этомъ случаѣ пласты кладки могли сползать или прямо обваливаться.

Изъ всѣхъ наблюденій надъ процессомъ разрушенія разсматриваемой стѣны, можно предположить, что первоначальное направленіе ея (со двора крѣпости) подходило къ южному фасу Стрѣлочной башни, какъ показано на общемъ планѣ пунктиромъ Z′.

Табл. IV и XXXVI. *Раскопка* A′. Для уясненія дальнѣйшаго направленія крѣпостной стѣны, произведена спеціальная раскопка и расчистка виднѣвшейся кладки, около амбразуры K, (планъ и разрѣзъ раскопки представленъ на таблицѣ XXXVI-й).

Со стороны двора стѣна облицована на высоту 1 арш. 14 вершк.; въ основаніи ея проложенъ рядъ булыжной кладки и сдѣланъ выступъ, состоящій изъ двухъ рядовъ кладки (вверху плита, а внизу булыжный камень). Направленіе этой части стѣны совпадаетъ съ направленіемъ части стѣны, идущей уже около лѣстницы. При дальнѣйшей окопкѣ выступа обнаружено еще два уступа *б* и *в*, ниже которыхъ находится довольно ровная поверхность *г*. Указанные уступы, видимо, не случайнаго происхожденія; можетъ быть, они служили всходомъ на амбразуры стѣны. Поверхность-же *г* не есть-ли уровень первоначальнаго двора крѣпости? Съ внѣшняго фаса расчищенная часть стѣны представляется совершенно разрушенною и видна исключительно булыжная кладка, въ которой, между прочимъ, находятся круглые горизонтальные каналы *д д*.

На одну сажень дальше раскопки A′ была сдѣлана вторая раскопка въ глубину до 6 арш. отъ хребта стѣны. Здѣсь былъ открытъ одинъ уступъ (обдѣланный плитою) на глубинѣ 3 арш. 6 вершк. Уступъ этотъ выступаетъ на 2 арш. и

углубляется на 2 арш. 10 вершк. На аршинъ выше подошвы уступа замѣчается щебень и на немъ рядъ плиты, нѣсколько наклонно прикасающійся къ стѣнѣ. Вѣроятно, это остатокъ мостовой первоначальнаго двора.

Къ югу хребетъ стѣны значительно поднимается и оканчивается крутымъ уклономъ къ лѣстницѣ бывшей Тайничной башни. По снятіи наноснаго слоя земли съ вершины уклона обнаружилась облицовочная кладка *У* (табл. IV и V—общій планъ городища и разрѣзъ по линіи ABCDEF). Направленіе облицовки стѣны со двора крѣпости, почти совпадаетъ съ направленіемъ стѣны, идущей до амбразуры M′.

Къ выше приведенному описанію внѣшняго фаса крѣпостной стѣны между руинами Тайничной башни и Стрѣлочной слѣдуетъ добавить: отъ амбразуры P′, O′ и N′ уклонъ стѣны (къ рѣкѣ) идетъ сплошной и, вмѣстѣ съ мусоромъ на ней, обросъ травой и кустами; по уклону торчатъ булыжные камни. Вся эта внѣшняя часть осыпи, до абразуры M′, при раскопкахъ не дала никакихъ опредѣленныхъ формъ кладки. Далѣе идетъ оголенная осыпь булыжной кладки. Внѣшнія стѣны около амбразуры M′, L′ и K′ и раскопки *А*, почти до самой лѣстницы, имѣютъ видъ оголенной булыжной (почти отвѣсной) кладки. У подошвы ея противъ амбразуры K′, среди булыжной кладки, встрѣтилась какая-то задѣлка стѣны плитою; по выборкѣ послѣдней—ничего особеннаго не открыто. Аршинъ на восемь ниже хребта стѣны начинается пологій уклонъ къ рѣкѣ Волхову, покрытый растительностію (Общій видъ показанъ на табл. XI и XIII). Въ такомъ видѣ стѣна входитъ въ руины бывшей Тайничной башни.

Остатки разрушившейся Тай-ничной башни.
Табл. XIV, XXXIV и XXXV

Почти въ серединѣ восточнаго фаса городища сохранилась широкая каменная лѣстница, идущая со двора къ рѣкѣ Волхову. Послѣ окопки сохранившихся стѣнъ, очистки мусора и растительности на нихъ, выемки земли изъ колодца и развѣдки облицовочныхъ поверхностей въ остаткахъ кладки, выяснилось:

Клѣтка перваго марша лѣстницы окаймляется лишь облицовочною кладкою *a*, *a*, *a*... (Табл. XXXIV). За облицовочными плитами обнаружился щебень. Означенная кладка *a*, *a*.., довольно ветхая, особенно кругомъ верхней площадки *a*′. Ступенныя плиты всей лѣстницы, грубой тески; онѣ болѣе или менѣе сохранились, но нѣкоторыя изъ нихъ сдвинуты со своихъ мѣстъ.

Часть свода, существовавшая надъ серединой главнаго марша, еще въ недавнее время обрушилась; выше пятъ свода, однако-же, сохранилось до 5-ти рядовъ наклонной кдадки. Надъ остатками свода находится забутка и масса мусора. Сводъ надъ лѣстницей былъ коробовой-ползучій. Онъ начинается въ разстояніи отъ угла *a*″ на 3 арш. 13 в. (табл. XXXV разрѣзъ по линіи AB.), до

этого-же мѣста облицовка стѣны идетъ выше свода. Пяты послѣдняго устроены на высотѣ 1 арш. 7 в. отъ ступеней и имѣютъ наклонныя постели, которыя переходятъ къ основанію лѣстницы въ горизонтальные ряды; вслѣдствіе этого кладка является неправильной. Въ нижнемъ концѣ марша, по бокамъ его, обнаружены остатки массивовъ, совершенно потерявшихъ опредѣленныя формы, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наблюдаются облицовочные ряды кладки. Такъ напр. въ выступающей части массива *б* (табл. XXXIV) сохранились пяты арки и нѣсколько рядовъ наклонной кладки. Тоже встрѣчается въ кладкѣ *г'*. Направляющія арокъ въ этихъ массивахъ идутъ черезъ маршъ лѣстницы, но не совпадаютъ въ одно общее направленіе. Получили-ли эти массивы передвиженіе во время разрушенія башни, или они служили опорою различныхъ арокъ, сказать трудно. Въ кладкѣ *в* сохранилась облицовка по вертикальному направленію.—Вѣроятно, это остатокъ амбразурной стѣнки.

Надъ средней и надъ нижней частями главнаго марша возвышаются крутыя осыпи стѣнъ. Глубокихъ окопокъ около всѣхъ каменныхъ массивовъ сдѣлать было невозможно, ибо они оказались весьма разрушенными и грозили паденіемъ. Возстановить какія-либо общія архитектурныя формы башни, по обнаруженнымъ остаткамъ кладки, не представлялось никакой возможности. Положеніе каждыхъ массивовъ и ихъ облицовокъ показано на планѣ и разрѣзѣ лѣстницы. При окопкѣ внѣшней кладки *е* и *д* въ юго-восточной части лѣстницы, гдѣ являлась возможность допустить соединеніе стѣны башни со стѣною крѣпости, обнаруженъ уголъ кладки съ облицовкой. Послѣдняя идетъ къ югу на 4 арш. 13 в. (табл. XXXIV) и, вѣроятно, выражаетъ собою внѣшнюю облицовку крѣпостной стѣны. Другое же направленіе облицовки означаетъ, повидимому, внѣшнее очертаніе бывшей башни.

Сохранившаяся облицовка въ остаткахъ Тайничной башни вообще вывѣтрилась, камни разслоились и выкрошились.—Болѣе сохранившіяся части находятся въ мѣстахъ, защищенныхъ отъ вѣтровъ. Совершенно разрушенныя части стѣнъ покрыты мусоромъ. Растворъ въ наружной кладкѣ потерялъ свое сцѣпленіе (крошится). Въ мѣстахъ болѣе уцѣлѣвшихъ, растворъ довольно твердый и иногда вязкій.

Колодезь, находящійся въ концѣ главнаго марша лѣстницы—до 2-хъ арш. глубиною и окруженъ дубовымъ срубомъ. Общій видъ лѣстницы съ восточной стороны показанъ на таб. XIV.

Стѣна между лѣстницей и Раскатной башней.
[т]абл. IV, VII, XIII, XV и XXXV.

Эта часть крѣпости съ внѣшняго фаса представлялась въ видѣ двухъ уклоновъ, раздѣленныхъ дорожкою, идущей почти отъ середины двора городища къ восточному фасу Раскатной башни. Въ верхнемъ уклонѣ противъ церкви замѣча-

лась правильная облицовочная кладка и разрушенныя части ея. Въ нижнемъ уклонѣ, поднимающемся довольно круто отъ рѣки Волхова до дорожки къ уровню двора, опредѣленныхъ формъ кладки совершенно не встрѣчалось, за исключеніемъ облицовки около развалинъ Колодезной башни. Въ общемъ оба уклона представляются скорѣе всего землянымъ валомъ. Отъ основанія нижняго уклона идетъ отмель рѣки Волхова. Вершина верхняго уклона почти не поднимается надъ уровнемъ двора городища. Вся стѣна между лѣстницей и Стрѣлочной башней представлялась совершенно утратившеюся или скорѣе скрытою сплошнымъ валомъ. (Общій видъ на табл. XIII). Для вскрытія остатковъ стѣны по верхней части вала были сдѣланы значительныя раскопки. Въ окопкахъ хребта вала, на разстояніи 7 и 10 саж. отъ колодца, обнаружены крайне ветхія и незначительныя части плитной и булыжной кладки; при этомъ плиты имѣютъ нѣсколько наклонное положеніе. Около кладки находится щебень и мусоръ.

Раскопка В' (табл. IV и XXXV) дала опредѣленные результаты. Подъ глубокимъ слоемъ земли и щебня, обнаружена плитная кладка невысокихъ и тонкихъ стѣнокъ *а* и *б*. Лицевыя поверхности стѣнокъ болѣе или менѣе ровныя. Между стѣнками и подъ основаніемъ ихъ находится мелкій щебень и земля.

Около раскопки В' начинается дорожка, идущая къ рѣкѣ Волхову. Вся насыпь отъ уровня двора до линіи уклона дорожки была срыта и при этомъ открылась слѣдующая картина: Противъ алтаря церкви св. Димитрія Солунскаго (таб. VII) начинается обветшалая плитная кладка *а*, (табл. IV)—часть стѣны которая идетъ къ раскатной башнѣ на протяженіи до 5 саж. Горизонтальная поверхность кладки неровная. Толщина кладки въ вершинѣ около 1 аршина Внутренняя поверхность стѣны, выходящая во дворъ, болѣе или менѣе ровная. Приходится думать, что стѣна эта есть остатокъ внутренней облицовки крѣпостной стѣны, булыжная же масса кладки отдѣлилась и разрушилась. По направленію сѣверной стѣны каменной церкви св. Георгія (таб. VI)—указанную часть стѣны закрываетъ новая плитная кладка *б*, выступающая на 1½ арш., (табл. IV и VII, разрѣзъ по линіи *XУ*). Внѣшняя поверхность ея простирается къ югу на 3 саж. и состоитъ изъ 21 ряда ровныхъ облицовочныхъ плитъ, на высоту болѣе 2½ арш. Направленіе ея идетъ на 1 арш. 6 вершк. восточнѣе сѣверныхъ амбразурныхъ отверстій I-го и II-го этажей Раскатной башни. Въ верхней части стѣны видны каналы, идущіе въ глубь кладки. Надъ описанной стѣною, почти противъ средины алтаря ц. св. Георгія, сохранились незначительные остатки стѣнъ *в в*, опредѣляющіе проходъ шириною 1 арш. 10 в. Между указанными остатками кладки идетъ спускъ *г*, во внутрь крѣ-

пости вымощенный плитою. Въ основанiи описанной ровной поверхности стѣны *б*, сохранилось четыре уступа *д*, имѣющiе видъ ступеней (табл. XV). Съ боку этихъ уступовъ, въ одну линiю съ нижнимъ изъ нихъ поднимается еще новая осыпавшаяся плитная кладка *е*, идущая къ югу на разстоянiе 11 арш. 4 верш., которая затѣмъ нѣсколько загибается. Съ внѣшняго фасада ея видны каналы, проходящiе въ глубь стѣны, въ разстоянiи одинъ отъ другаго на 2 аршина. Вышеозначенные ступенчатые уступы и прилегающая къ нимъ кладка выступаютъ отъ поверхности гладкой стѣны *б* на 1 арш. 5 вершк. Въ виду того, что ступени упираются прямо въ стѣну, то значенiе ихъ становится загадочнымъ. Кладка, простирающаяся къ югу отъ этихъ ступеней, представляется въ разрушенномъ видѣ и ряды плитъ ея при загибѣ имѣютъ нѣсколько вздернутое положенiе. Внутренное очертанiе этой части стѣны имѣетъ перегибъ *ж* (табл. IV), идущiй къ юго-западу. Дальше кладка имѣетъ совершенно разрушенный видъ. Часть ея *з* снова выгибается къ внѣшнему фасу крѣпости. Между этимъ выгибомъ и частью стѣнки *а'*, примыкающей къ сѣверному фасу Раскатной башни (табл. IV и XXXVII) идетъ разрывъ кладки, заполненный землею.

Изъ общаго наблюденiя надъ остатками указанныхъ облицовочныхъ поверхностей стѣнъ можно предполагать, что вся часть стѣны, противъ алтаря церкви св. Георгiя сползла со своего мѣста внизъ, при этомъ направленiе стѣны *ж*, можетъ быть, совпадало съ линiей кладки *г* прилегающей къ Раскатной башнѣ со двора городища (табл. XXXVIII), а облицовка кладки *е* (табл. VII), съ поверхностью стѣны *а'*, примыкающей къ Раскатной башнѣ. Общее же направленiе стѣны отъ Раскатной башни къ разрушившейся Тайничной башнѣ, во всякомъ случаѣ, имѣло извнѣ выпуклое очертанiе.

Раскатная башня.
Табл. XVI—XX и XXXVII—XL.
Первый этажъ.
Табл. XXXVII.

Форма башни видна по планамъ.

Амбразура а. Сводъ совершенно прочный. Щековая облицовка вывѣтрилась. Стѣна, замыкающая амбразуру, полуразрушена; наружное отверстiе въ ней также сильно пострадало (перемычная плита уцѣлѣла, но самыя стѣнки пролета осыпались); отверстiе на половину закрывается извнѣ насыпью (табл. XVII).

Амбразура а'. Сводъ сохранился очень хорошо, но облицовочная поверхность его нѣсколько изветшала. Опорныя стѣны находятся въ прочномъ видѣ. Амбразурное отверстiе (на 10 вершк. отъ пола) въ достаточной сохранности. Отъ основанiя отверстiя, снаружи идетъ не высокая насыпь, спускающаяся къ р. Волхову.

Амбразура а''. Сводъ, опорныя стѣны и амбразурное отверстіе сохранились очень хорошо (табл. XVI). Облицовка пострадала незначительными частями. Поверхности стѣны между амбразурами и лѣстницей находятся въ прочномъ состояніи; въ основаніи башни (изъ нутра) встрѣчаются ряды облицовочной кладки, совершенно ровные и ясно опредѣляющіе грушевидную форму внутренняго очертанія башни. Верхняя часть стѣны 1-го этажа осыпалась. Полъ башни, вѣроятно, выбранъ и въ настоящее время заваленъ камнями.

Входъ на лѣстницу идетъ черезъ высокій приступокъ. Ступени перваго марша отлично сохранились. Лѣстничная клѣтка покрыта уступчатыми сводиками (табл. XL; разрѣзъ по линіи *ABCD*). Облицовка стѣны лѣстницы довольно прочная; осыпались лишь кромки внутреннихъ угловъ. Тремя маршами лѣстница поднимается во второй этажъ башни.

Второй этажъ. Табл. XXXVIII.

Второй этажъ приходится почти на уровнѣ двора городища; опредѣленной формы внутреннихъ стѣнъ не сохранилось, хотя признаки облицовки встрѣчаются.

Проходъ въ башню i. Сводъ надъ проходомъ почти весь разрушился, незначительная часть его (въ шалыгѣ въ одинъ камень, и въ пятахъ до $2^1/_4$ арш.) поддерживается временными деревянными подставками. Боковыя стѣнки частью сохранились, но облицовка сильно выкрошилась. При входѣ въ башню сохранились заплечики самого входа; въ одномъ изъ нихъ уцѣлѣлъ желѣзный дверной крюкъ (на 13 вершк. ниже линіи пятъ свода).

Въ юго-западной внутренней части башни обнаружена площадка II-го этажа, приходящаяся на уступѣ стѣны I-го этажа; отъ нея идутъ двѣ лѣстницы: одна *з*, какъ было указано выше, спускается въ I-й этажъ, а вторая *и* поднимается къ вершинѣ стѣны западной части башни.

Лѣстница *и* состоитъ изъ одного марша въ 15 ступеней; она была открыта подъ мусоромъ и растительностью. Ступени вполнѣ сохранились, подъемъ ихъ доходитъ до 8 вершк. Стѣна, спускающаяся отъ ступеней, осыпалась. Въ другой же стѣнѣ надъ ступенями видны остатки облицовочныхъ плитъ Означенная лѣстница, очевидно, шла въ третій этажъ башни. Боковой видъ ея показанъ на разрѣзѣ по линіи *ABCD* (табл. XL).

Амбразура ж. Внутренняя часть ея съ наружнымъ боевымъ отверстіемъ сохранилась довольно хорошо (табл. XVI). Фасадная же сторона амбразуры (изъ нутра башни) разрушилась.

Амбразура ж' сохранилась въ такомъ-же родѣ, какъ и предъидущая.

Амбразура ж'' разрушилась съ внѣшней (табл. XVII) и съ внутренней сторонъ. Отъ свода уцѣлѣла только средняя его часть и то крайне ветхая (нынѣ

поддерживается деревянными лежнями и подпорами). Стѣнка амбразурнаго наружнаго отверстія сохранилась очень мало.

Лицевыя поверхности амбразурныхъ отверстій и устоевъ между ними разрушились; въ стѣнахъ видна оголенная булыжная кладка. Осыпь стѣнъ идетъ наклонно до I-го этажа, а потому прослѣдить точно внутреннія границы стѣнъ II-го этажа не представлялось возможнымъ.

Въ юго-восточной сторонѣ башни, ниже пола амбразуръ (на 1 арш. 6 вершк.), видны круглыя отверстія (гнѣзда) и часть бревенчатой обвязки (надъ дверью лѣстницы и амбразурами *а* и *а'* перваго этажа). Очевидно, что въ этомъ мѣстѣ обосновывался деревянный полъ II-го этажа башни.

Третій этажъ.
Табл. XXXIX.

По расчисткѣ вершины стѣнъ башни былъ обнаруженъ цѣлый рядъ амбразурныхъ проемовъ III-го этажа. Уцѣлѣли собственно только нижнія части массивовъ кладки между амбразурами, высотою до $1^3/_4$ арш.

Отъ амбразуры р (планъ и разрѣзъ по линіи *ABCD*) сохранились внутреннія части амбразурныхъ стѣнъ (на высоту 1 арш.) и замощенный полъ.

Отъ амбразуры о уцѣлѣла часть только западной облицовочной стѣны. Границы другой стѣны, находившейся надъ ветхимъ остаткомъ свода амбразуры *ж* (II-го этажа), утратились.

Къ амбразурамъ *о*, *р*, и устою между ними, примыкаетъ часть уцѣлевшаго каменнаго пола *п* или, скорѣе, уступа стѣны I-го этажа. Собственно полъ былъ, очевидно, деревянный, въ уровень замощенія уступа *п*. Облицовочная поверхность устоя и маленькій уступъ между полами амбразуръ и башни даютъ общую форму внутренности III-го этажа.

Амбразура н сохранилась полнѣе; она замыкается невысокой (12 вершк.) поперечной стѣнкой (табл. XL разрѣзъ по линіямъ *EF* и *E'F'*). Амбразурнаго отверстія не уцѣлѣло, ровная облицовка стѣнъ амбразуры замѣчается лишь около пола ея.

Амбразура м находится въ подобномъ-же видѣ, но только стѣны ея болѣе осыпались. Въ полахъ амбразуръ *н* и *м* видны наклонные каналы, показанные на планѣ пунктиромъ.

Проемъ л.—Въ сѣверной части башни обнаружена одна облицовочная стѣна, облицовка второй стѣны разрушалась. Въ виду того, что поперечной стѣны, замыкающей проемъ, не замѣчено на извѣстномъ разстояніи, можно думать, что данное мѣсто служило проходомъ изъ башни на восточную стѣну крѣпости.

На внутреннихъ стѣнахъ башни между амбразурами видны, среди булыжныхъ камней, остатки плитной кладки. Отъ заштрихованныхъ на чертежахъ границъ стѣнъ и отъ очертанія сохранившихся половъ въ амбразурахъ показана

осыпь кладки. Общій видъ остатковъ амбразуръ III-го этажа башни представленъ особо на табл. XIX.

Наружный видъ башни.

Къ западной сторонѣ послѣдней примыкаетъ южный валъ крѣпости. Стѣна башни въ этомъ мѣстѣ была окопана; при этомъ обнаружилась хорошо сохранившаяся облицовка всей западной стороны башни, ясно опредѣлившая наружную форму ея.

Въ началѣ внѣшняго спуска вала открытъ загибъ *д* (табл. XXXIX) стѣны башни съ облицовочными поверхностями (примѣрно, на линіи сѣченія плана III-го этажа).—Въ этомъ загибѣ оказалась площадка *е*, застланная плитою; она замыкается невысокой стѣной *к*, обнаруженной внутри вала; подъ площадкой и стѣнкой насыпана земля со щебнемъ. Назначеніе этого загиба становится непонятнымъ. Внѣшній уклонъ вала, частью засыпанный камнями и мусоромъ, обнимаетъ башню до восточнаго ея фаса. Облицовка южной стороны башни почти совсѣмъ не сохранилась; видна исключительно булыжная кладка и кое-гдѣ прослойка плитъ.

Амбразура *ж''* (II-го этажа) представляется въ безформенномъ видѣ. Облицовка восточной части башни болѣе или менѣе сохранилась въ прочномъ видѣ. Поверхности облицовочныхъ плитъ, однако-же, вывѣтрились. Лучше всего сохранился сѣверо-восточный фасъ башни (табл. XVI): здѣсь видны почти вполнѣ уцѣлѣвшія боевыя отверстія амбразуръ *а''* (I-го этажа) и *ж* (II-го этажа). Къ перемычечному камню первой амбразуры примыкаетъ выступной валъ *б* (поясъ башни).

Къ западу отъ амбразуры *а''*, на разстояніи 1 арш. 4 в., изъ кладки стѣны башни (почти подъ прямымъ угломъ) выступаетъ на 1 арш. часть стѣны съ облицовкой въ 4 ряда. Подъ основаніемъ стѣнки замѣчены булыжные камни. Отъ основанія амбразуры *а''* идетъ крутой подъемъ къ уровню двора городища, вслѣдствіе чего продолженіе стѣны башни, до сѣверо-западнаго угла ея пропадаетъ въ насыпи.

Въ разстояніи одного аршина отъ амбразуры *ж*, къ западу, видна уступчатая кладка въ видѣ штрабы; затѣмъ идетъ вертикальная щель въ девяти рядахъ плитной кладки. Дальше отъ щели, аршина на два, кладка неровная, а затѣмъ опять встрѣчаются ряды облицовки (на 4 арш. 4 вершк. отъ амбразуры). Въ общемъ вся сѣверная часть башни облицована плитою, грубой тески; булыгъ видно очень мало; въ стѣнѣ попадаются круглые каналы. При окопкѣ разсматриваемой части стѣны, въ основаніи ея встрѣтилась булыжная кладка, повышающаяся ко двору крѣпости, что опредѣляетъ наклонную линію фундамента. Въ сѣверо-западномъ углу башни (планъ II-го эт.), ниже уровня двора крѣпости

аршина на два, оказался выступъ башни *в* (вѣроятно цоколь ея) и часть облицовочной кладки *г*, примыкающей (почти перпендикулярно) къ башнѣ. Выступъ *в* и стѣнка *г* идутъ въ глубь насыпи на нѣсколько рядовъ. За облицовкой г, находится земля и мусоръ. Нижнія вертикальныя поверхности угла около входной амбразуры і, довольно ровныя.

Валъ между Раскатной и Климентовской башнями.
Табл. IV, XX, и XLI.

Южный валъ городища идетъ почти въ одинъ уровень съ вершинами стѣнъ, примыкающихъ къ нему башенъ. Съ внѣшней и внутренней сторонъ онъ покрытъ довольно ровнымъ сплошнымъ слоемъ земли, поросшимъ травою. Уклоны вала идутъ примѣрно подъ 45°. Основаніе его съ внѣшняго фаса крѣпости достигаетъ нижнихъ этажей башенъ и далѣе спускается къ дорожкѣ, идущей между каменнымъ и деревяннымъ городищами, къ рѣкѣ Волхову. Со стороны двора валъ значительно ниже. Общая форма его по плану имѣетъ двояко выпуклое очертаніе. По хребту вала замѣтны остатки плитной кладки. При раскопкѣ вала, въ соединеніи его съ внѣшнимъ загибомъ стѣны Раскатной башни, была обнаружена тонкая стѣнка. Она приходится на высотѣ III-го этажа и идетъ въ глубь вала аршина на 1½. Подъ стѣной и позади ея—щебень и земля. Въ пяти саженяхъ отъ башни, по внутренней чертѣ хребта вала, выпучивается плитная кладка съ крутымъ откосомъ во дворъ; ряды кладки нѣсколько наклонены въ глубь вала (табл. IV) При окопкѣ этой кладки, опредѣленныхъ формъ ея не обнаружилось.—Далѣе къ Западу идетъ сплошной (извилистый) гребешекъ кладки по направленію къ Климентовской башнѣ.

При сплошной поперечной раскопкѣ с' вала (табл. XLI) обнаружились остатки стѣнокъ въ видѣ нѣсколькихъ уступовъ. Вышеупомянутый гребешекъ оказался верхней границей сплошной стѣнки *в* (сложенной изъ плитъ) толщиною до 2½ арш. и глубиною около одного аршина. По склону вала, идущаго ко двору городища, встрѣчались лишь отдѣльные безформенные куски кладки. Въ основаніи вала обнаруженъ уступъ *б*, ограниченный двумя рядами кладки, ниже котораго идетъ какъ-бы уровень (*а*) первоначальнаго двора крѣпости. Съ внѣшней стороны вала сильно понижаются два уступа *г* и *д*, обложенные съ угловъ плотными рядами кладки. Дальше означенныхъ уступовъ идетъ по линіи уклона вала сплошная кладка *е*, состоящая изъ наклонныхъ рядовъ плитъ. Вздернутое положеніе послѣднихъ даетъ поводъ предполагать, что вся указанная кладка сползла съ болѣе возвышенной части вала, но въ какомъ мѣстѣ она находилась и имѣла-ли вертикальное положеніе—сказать трудно. Всего вѣроятнѣе, она, въ существующемъ видѣ, имѣетъ значеніе облицовки вала.

По раскопкѣ послѣдняго въ другихъ мѣстахъ также наблюдались остатки тонкихъ стѣнъ, съ болѣе или менѣе общимъ направленіемъ лицевыхъ поверхностей.

Общій видъ вала представленъ на табл. XX. Въ соединеніи его съ Климентовской башней видны остатки крѣпостной стѣны, непосредственно соединенной съ кладкою самой башни. Со стороны двора городища облицовочная поверхность этой стѣны *э* (табл. XLIII) обнаружена частью въ насыпи вала. Направленіе стѣны отклоняется къ сѣверу отъ общей линіи вала и идетъ ко входу въ Климентовскую башню. Съ внѣшней стороны вала также замѣчается граница указанной стѣны съ незначительнымъ изломомъ очертанія ея (табл. XLIV). Стѣна отъ входа въ Климентовскую башню уцѣлѣла на разстояніе 8 арш., а затѣмъ идетъ щебень. Съ внѣшней стороны обнаружены уступы стѣны. Направленіе послѣдней, повидимому, давало извнѣ выпуклое очертаніе валу.

Климентовская башня.
Табл. XIX—XXIII и XLII—XLVI.
Первый этажъ.

Полъ перваго этажа Климентовской башни видимо, былъ вынутъ, такъ какъ оголена часть подошвы стѣны.

Амбразура а'. Сводъ довольно прочный, стѣны въ нижней части ихъ перелицованы кирпичемъ. Бойничное отверстіе амбразуры и углубленіе *з*, въ видѣ втораго добавочнаго отверстія, также исправлены. Перемычечныя и нижнія плиты внутри отверстій древнія. Полъ амбразуры замощенъ булыжнымъ камнемъ. Щековая поверхность свода, выходящая во внутрь башни, вывѣтрилась (табл. XLVI разрѣзъ по линіямъ *FE* и *DE*).

Амбразура а'' — почти въ такомъ-же состояніи, но только перемычечная плита надъ отверстіемъ разрушилась.

Амбразура а'''.—Сводъ сохранился хорошо. Западная поверхность стѣны немного исправлена. Облицовочныя плиты очень толстыя. Внѣшнее амбразурное отверстіе разрушено; въ бокахъ его видна починка кладки кирпичемъ до пятъ свода амбразуры. Снаружи отверстіе полузасыпано насыпью, прилегающей къ башнѣ.

Между амбразурами а'' и а''' вверху видны гнѣзда въ стѣнѣ, которыя, вѣроятно служили для задѣлки въ нихъ потолочныхъ бревенчатыхъ прогоновъ.

Амбразура б' перекрыта двумя коробовыми сводами, изъ которыхъ одинъ на высотѣ амбразурныхъ сводовъ, а другой въ томъ-же направленіи, но значительно повышается надъ первымъ (разрѣзъ по линіи АВС (табл. XLV). Въ одной изъ стѣнъ находится дверь, ведущая на лѣстницу. Своды амбразуры или скорѣе прохода, древніе, довольно прочные, но стѣны сильно исправлены; вся облицовка двери, ведущей на лѣстницу, и стѣна около нея кирпичныя.

Такая-же поправка видна на обѣихъ стѣнахъ всей повышенной части амбразуры. Сплошная кирпичная кладка находится также надъ нижнимъ сводомъ амбразуры до очертанія верхняго свода.

Амбразура замыкается стѣнкой, въ которой устроена полукруглая дверь. Перемычка надъ дверью древняя, но выше перемычки облицовка стѣны идетъ сплошь кирпичная. Верхней части этой стѣны не сохранилось, граница разрушенія ея около пятъ свода въ видѣ прогнутой линіи (табл. XXI). Съ внѣшней стороны облицовка двери не сохранилась. Надъ перемычкою ея идутъ сначала ряды древней плитной кладки, а затѣмъ кирпичной. На высотѣ 1 арш. 6 вершк. отъ пола амбразуры находится въ одной изъ стѣнъ каналъ *е* (разрѣзъ по линіи ABC), очевидно, сдѣланный для двернаго деревяннаго засова. Подъ каналомъ (на 10 вершк. отъ пола) выступаетъ изъ угла желѣзный дверной крюкъ. Въ толщѣ самой арки виднѣется желѣзная пластина, устроенная вѣроятно для двернаго замка.

Лѣстница (направленіе ея показано на планахъ, а самый всходъ въ разрѣзѣ по линіямъ ab, cd, ef gh и fk.; Табл. XLVI. Отъ амбразуры *б*, лѣстница поднимается сначала во второй, а затѣмъ въ третій этажъ башни. Облицовка стѣнъ лѣстничной клѣтки до II-го этажа почти сплошь кирпичная (позднѣйшая). Ступени сложены изъ плитъ. Покрытіе лѣстницы состоитъ изъ ряда уступовъ въ видѣ отдѣльныхъ сводиковъ. Первые два свода внизу лѣстницы *ю*, *ю* кирпичные, а верхніе три изъ плиты. Уступы между указанными сводами покрыты горизонтально цѣлыми плитами. Площадка лѣстницы находится на высотѣ II-го этажа башни. На площадку выходитъ свѣтовое отверстіе *л* (табл. XLIII) поверхности котораго сильно обветшали. Облицовка двери *к'* вывѣтрилась. Надъ продолженіемъ лѣстницы (въ III-й этажъ) внутренняго покрытія ея не сохранилось. Верхнія ступени изветшали.

Внѣшнія границы стѣнъ башни, а равно и линія основанія ихъ были опредѣлены нѣсколькими раскопками и показаны на планахъ и разрѣзахъ подъ буквою *ф*. Ряды плитной кладки, означенные на разрѣзѣ по линіямъ *FE* и *DE* подъ буквою *ф*, выражаютъ облицовку стѣнъ. Она изветшала и осыпалась.

Второй этажъ. Табл. XLIII.

Въ сѣверо-восточномъ углу башни со двора находится проходъ *и* во II-й этажъ ея (съ небольшимъ поворотомъ къ югу). Полъ прохода нѣсколько ниже современнаго уровня двора крѣпости. Облицовка свода и стѣнъ амбразуры сильно обветшали. Надъ сводомъ идетъ полуразрушенная кладка выше основанія III-го этажа. Въ лучшемъ состояніи облицовка находится въ стѣнахъ прохода около пола. На этой-же высотѣ сохранились заплечики при внѣшнемъ дверномъ проемѣ. Облицовочныя фасадныя поверхности прохода совершенно разрушились.

Внутреннія границы стѣнъ башни II-го этажа расширяются противъ стѣнъ 1-го этажа, образуя съ одной стороны уступъ стѣны, а съ другой обширную площадку, на которую выходитъ лѣстничная дверь *к'* и амбразура *ж*.

Амбразура ж. Сводъ и стѣны послѣдней сохранились, хотя облицовочные ряды кладки разслоились. Отъ амбразурнаго отверстія уцѣлѣла только одна его сторона. Перемычка вмѣстѣ съ верхней частью поперечной амбразурной стѣнки, совершенно разрушилась.

Амбразура ж'. Сводъ и опорныя стѣны ея, ближе къ внѣшней сторонѣ башни, болѣе или менѣе сохранились. Фасадная облицовка амбразуры съ частью свода осыпалась. Внѣшняя стѣнка, замыкающая амбразуру, а равно и боевое отверстіе въ ней—полуразрушены. Въ откосѣ отверстія замѣтна починка его кирпичемъ.

Амбразура ж''. Сводъ довольно прочный, восточная часть его нѣсколько разрушилась. Сѣверная стѣна пострадала мало. Въ южной стѣнѣ облицовка частями выпала. Внутренніе откосы боевого отверстія и перекрытіе его сохранились. Наружные откосы разрушились. Полъ амбразуры нѣсколько выше горизонтальнаго уступа стѣны нижняго этажа. (Разрѣзъ по линіямъ *FE* и *DE*, табл. XLVI).

Амбразура ж''',—въ подобномъ-же состояніи, какъ и предъидущая, но отъ боевого отверстія уцѣлѣлъ только одинъ внутренній откосъ. Границы амбразуръ *ж'*, *ж''*, *ж'''* и прохода *и*, а также и устоевъ между ними — уцѣлѣли лишь въ самомъ основаніи II-го этажа. Выше идетъ осыпь облицовки, а затѣмъ и самой кладки стѣнъ и сводовъ.

Третій этажъ. Табл. XLIV.

Внутренняя лѣстница въ башнѣ достигаетъ основанія III-го этажа. Съ боковъ верхней площадки ея идетъ осыпь стѣнъ. (По направленію лѣстницы видна крупная булыжная кладка, идущая подъ уровень хребта южнаго вала крѣпости). По удаленіи всего мусора съ гребня стѣнъ башни, обнаружился цѣлый рядъ остатковъ амбразуръ III-го этажа. Остатки эти выражаются лишь въ основаніяхъ амбразурныхъ стѣнъ и пола около нихъ.

Амбразура т. Отъ нея сохранилась часть только одной облицовочной стѣнки и незначительная площадь пола.

Проходъ М. Означенный проемъ сохранился во всю толщину стѣнки башни Въ восточной части его уцѣлѣло пять рядовъ плитной облицовочной кладки, а въ западной семь рядовъ. Поверхность облицовки изветшала. По линіи *ч* сохранился маленькій уступъ въ полу; такой-же уступъ замѣчается съ внѣшней стороны прохода, откуда идетъ лещадная настилка *ш* по гребню крѣпостной стѣны. Въ остаткахъ стѣнъ прохода находятся каналы *ы*. Описываемый проемъ *М*,

очевидно, служилъ проходомъ на западную стѣну крѣпости, причемъ каналы *ы*, были сдѣланы для дверного засова, а настилка *ш*—для схода на крѣпостную стѣну.

Амбразура н. Восточная стѣнка возвышается на шесть рядовъ облицовочныхъ плитъ, а противоположная на три ряда. Съ внѣшней стороны амбразуры уцѣлѣла часть поперечной стѣнки.

Амбразуры о, п, р и *с* уцѣлѣли также лишь въ своемъ основаніи. Облицовка попадается съ ровными поверхностями и вывѣтрившимися; отъ амбразуры *с* уцѣлѣла часть лишь одной стѣнки. Ребро уступа стѣнки II-го этажа все осыпалось. Площадка уступа доходила до 4 арш. 6 вершк. шириною. Часть ея, *у* прилегающая къ основанію стѣны III-го этажа, сохранилась и замощена плитою.

Полъ амбразуръ повышается надъ указанной площадкой *у* до 12 вершк. Ниже пола амбразуръ облицовочная поверхность основанія стѣны III-го этажа вполнѣ сохранилась и дала возможность опредѣлить его общую внутреннюю форму.

Видъ на остатки амбразурныхъ стѣнъ съ южнаго вала городища показанъ на табл. XIX.

Наружный видъ башни.

Стѣна башни со двора имѣетъ форму входящаго угла. Ровная облицовка сторонъ его замѣчается подъ насыпями. Верхъ стѣны *ѣ* представляется въ полуразрушенномъ видѣ. Основаніе южнаго фаса башни закрывается уклономъ южнаго вала городища, при этомъ засыпана амбразура а''' (I-го этажа). Облицовка стѣны выше насыпи встрѣчается рѣдко. Остатки ея замѣчаются у внѣшняго отверстія амбразуры ж (II-го этажа табл. XX) и въ немногихъ другихъ мѣстахъ. Съ фасада видна собственно внутренняя (булыжная) кладка стѣнъ съ незначительною прослойкой плитами.

Внѣшній проходъ изъ башни *б*, съ фасада наполовину закрытъ насыпью, послѣдняя, однако-же, была вынута до основанія прохода (разрѣзъ по линіи АВС табл. XLV). На фасадѣ виднѣется лишь подсводное (надъ дверью) отверстіе, причемъ видна и кладка свода амбразуры съ поправками кирпичемъ (табл. XXI). Съ западной стороны башни наружная насыпь почти изчезаетъ. Внѣшнее отверстіе амбразуры *а'* (I-го этажа) съ боковъ оправлено кирпичемъ. Ниже указаннаго отверстія идетъ плитная кладка уступами. Выше отверстія, почти до II-го этажа, видна изветшалая плитная кладка, а затѣмъ до хребта стѣны оголенная булыжная кладка (табл. IX). Углы отверстія амбразуры ж' (II-го эт.) разрушены. Съ западнаго фаса башни вообще видны кирпичныя поправки стѣнъ.

Отверстіе амбразуры *ж''* (II-го этажа) сохранилось лучше, чѣмъ предъидущее. По бокамъ его видна полуразрушившаяся плитная кладка, а выше отверстія булыжная. У основанія III-го этажа башни проходитъ кольцо плитной кладки. Отверстія остальныхъ амбразуръ и состояніе стѣнъ въ такомъ-же родѣ. Около амбразуръ *ж'''* и *а''* проходитъ въ стѣнѣ глубокая наклонная щель, почти во всю высоту башни.

Остатки амбразурныхъ стѣнъ III-го этажа представляются снаружи, въ видѣ невысокихъ зубцовъ. Наибольшая осыпь стѣнъ башни произошла у вершины ея. Нижняя граница подошвы стѣнъ опредѣлилась раскопками и показана на планахъ и разрѣзахъ подъ буквою *ф*. Судя по остаткамъ облицовокъ стѣнъ, имѣющихъ нѣсколько наклонную поверхность, и устройству III-го этажа башни приходится заключить, что общая форма башни имѣла видъ усѣченно-коническій. Въ подтвержденіе этому служитъ внѣшняя граница стѣны прохода *М* въ III-мъ этажѣ ясно опредѣляющая форму башни.

Общій видъ Климентовской башни со двора городища представленъ на табл. XXIII. Таковой же видъ башни до раскопокъ, произведенныхъ Н. Е. Бранндѣнбургомъ, показанъ на табл. XXII.

Примѣчаніе. Граничная линія башни *ц. ц...* (Табл. XLIII) соотвѣтствуетъ сѣченію стѣнъ 1-го этажа. Линія *х. х..* (Табл .XLIV) совпадаетъ съ сѣченіемъ стѣнъ втораго этажа. Стѣна *ъ* (планъ II-го эт.)—начало западной крѣпостной стѣны; стѣна *э* сохранилась лишь до показанныхъ границъ и скрывалась подъ южнымъ валомъ.

Стѣна между Климентовской и Воротной башнями.
Табл. IV, VI, IX и XLVII.

Сѣверная часть Климентовской башни переходитъ въ крѣпостную стѣну съ тремя амбразурами *D' E'* и *F'*. Гребень стѣны довольно узкій и идетъ почти въ одну линію съ гребнемъ прилегающихъ къ ней башенъ. Стѣна съ наружнаго фаса сильно разрушена, особенно верхняя ея часть, гдѣ виденъ почти исключительно оголенный крупный булыжникъ (табл. IX), среди котораго въ забуткѣ попадаются плиты и мелкій камень. Заливка растворомъ очень толстая. Въ булыжной кладкѣ замѣтны постели и даже перевязь. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видна прослойка кладки плитою. Облицовочная плита замѣтна только около амбразурныхъ отверстій.

Съ середины высоты стѣны къ низу наблюдается обветшалая плитная кладка, остатки облицовочныхъ плитъ. Наружные откосы амбразурныхъ отверстій вмѣстѣ съ прилегавшею къ нимъ наружною кладкою стѣны разрушились.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны амбразурные своды. Послѣдніе вообще ограничивались внѣшней стѣной, замыкающей амбразуру. Помѣщенія послѣднихъ съуживаются къ внѣшней поверхности крѣпостной стѣны. Пяты сводовъ идутъ

горизонтально, въ сторону двора своды расширяются, вслѣдствіе чего шалыги ихъ имѣютъ наклонное положеніе.

Амбразура D' (табл. XXIII и XLVII). Вертикальная поверхность сѣверной стѣны Климентовской башни (со двора), идетъ до ближайшей стѣны амбразуры *D'* и затѣмъ, дѣлая уголъ *а*, понижается и продолжается по другому направленію *аб*. Облицовка стѣны у означеннаго угла *а* возвышается до 2-хъ арш. 4 вершк. отъ пола амбразуры и около послѣдняго расширается въ видѣ неопредѣленнаго выступа (плитной кладки), подъ которымъ видны булыжные камни (XLVII разрѣзъ по линіи АВ). На другой сторонѣ амбразуры облицовка крѣпостной стѣны отступаетъ въ глубь и принимаетъ новое направленіе *гд*, по которому устроенъ и сводъ амбразуры.—Линіи стѣнъ *гд* и *бе* встрѣчаются около второй амбразуры (табл. IV). Такимъ образомъ, оказываются незащищенными какіе-то неправильные выступы крѣпостной стѣны и части (*абгв*) пола амбразуры. Сводъ послѣдней толщиною 12 вершк.; внѣшняя часть свода амбразуры до 3 арш. разрушилась; на остальной части свода возвышается булыжная кладка. Облицовка внутреннихъ стѣнъ амбразуры до пятъ свода хорошо сохранилась. Толщина плитъ отъ 2-хъ до 5-ти вершк., длина доходитъ до 1 арш. 2-хъ вершк., Внѣшняя стѣнка, замыкающая амбразуру, полуразрушена. Отъ нея сохранилось только основаніе и верхъ боевого отверстія. Общій видъ амбразуры со двора представленъ на табл. XXIII.

Амбразура E', табл. XLVII. Линія основанія крѣпостной стѣны, на уровнѣ пола разсматриваемой амбразуры, дѣлаетъ какой-то случайный выгибъ *ж*. Выше этого выступа стѣна и сводъ амбразуры идутъ по общему прямому направленію къ воротной башнѣ. Сводъ амбразуры нѣсколько провисъ. Общее состояніе ея хуже предъидущей амбразуры.

Амбразура F' приходится рядомъ съ Воротной башней. Внутреннія стѣны ея довольно прочныя. Отъ свода не уцѣлѣла лишь щековая поверхность его. Внѣшняя стѣнка полуразрушена, боевое отверстіе сохранилось только въ нижней своей части. Облицовка самой стѣны крѣпости (около амбразуры) довольно прочная.

Всѣ три амбразуры имѣютъ нѣсколько различный размѣръ. Самая глубокая амбразура *D'*, меньшая изъ трехъ *F'*. Полъ послѣдней амбразуры значительно ниже пола другихъ двухъ амбразуръ. (Табл. VI). Основаніе стѣны со двора закрыто насыпями. Вмѣстѣ съ этимъ, частью засыпанъ полъ амбразуръ *E'* и *F'*.

Основаніе стѣны извнѣ крѣпости почти не закрывается насыпью; около стѣны проходитъ дорожка въ крѣпость, и потому осыпь стѣнъ всегда отбрасы-

валась къ рѣчкѣ Ладожкѣ. Наружный фасъ стѣны показанъ на табл. IX-й. Глубина подошвы основанія крѣпостной стѣны опредѣлялась при каждой амбразурѣ особою раскопкою и на основаніи сдѣланныхъ обмѣровъ показана на всѣхъ разрѣзахъ амбразуръ. Также выражены и всѣ главныя нивелирныя линіи и обмѣры нынѣ существующаго уклона двора городища (табл. VI). Разсмотрѣнная стѣна крѣпости сходится съ направленіемъ восточной стѣны Воротной башни (Табл. IV).

Земляное городище въ селеніи Старой Ладогѣ, гдѣ былъ «деревянный городъ» (Крѣпость)
Табл. XLVIII и XLIX.

Земляное городище находится въ нѣсколькихъ саженяхъ къ югу отъ каменнаго городища и отдѣляется отъ послѣдняго лишь дорожкой, идущей изъ селенія Старой Ладоги къ рѣкѣ Волхову. Сѣверо-восточная часть городища поднимается отъ дорожки холмами и, въ общемъ, наиболѣе возвышенная; она представляетъ собою цѣлые ряды бугровъ и проваловъ, идущихъ къ югу до деревянной часовни [1]) (поставленной на мѣстѣ существовавшаго храма во имя св. Климента). Въ провалахъ наблюдаются разрушенныя части стѣнъ, арокъ и сводовъ. Массы эти покрыты наноснымъ слоемъ земли и частью покрыты растительностію такъ что осмотръ ихъ представляется, безъ предварительныхъ раскопокъ, крайне затруднительнымъ (разрѣзъ по линіи *KMNO*).

Далѣе къ югу, по хребту берега рѣки Волхова, глубокіе провалы изчезаютъ и мѣстность представляется въ мелкихъ буграхъ и рытвинахъ.

Профиль мѣстности (относительно рѣки Волхова) по линіи *KMNO* показанъ на табл. XLIX. Общій уклонъ отъ городища къ рѣкѣ идетъ довольно значительный (примѣрно въ 45). Отъ часовни къ югу мѣстность до 30 саж. довольно ровная, а затѣмъ идутъ уклоны, у подошвы которыхъ проходитъ ручей, обнесенный изгородью. Послѣдняя и ограничиваетъ городище съ южной стороны. На сѣверо-западъ отъ часовни группируются провалы вплоть до построекъ церковнаго причта (лит. 5—6). Далѣе мѣстность спускается до уровня дороги, пролегающей черезъ селеніе Ладогу въ сосѣдній Никольскій монастырь. Вся сѣверо-западная часть городища замыкается частными постройками (Лит. 1. 2. 3). Къ западу отъ часовни мѣстность сначала идетъ ровная, а затѣмъ (саж. въ 25) возвышаются два продолговатые кургана *aa*, (разрѣзъ по линіи *PQR*) имѣющіе въ основаніи около 10 саж. шир. и 13 саж. длины. Курганы имѣютъ по четыре ската, южный изъ нихъ болѣе правильной формы. Высота ихъ около 6 арш. У западной

---

[1]) Часовня показана на генеральномъ планѣ городища около буквы *Q*.

подошвы кургановъ идетъ неширокая площадка *б*, а за нею оврагъ *в*. Надъ оврагомъ мѣстность снова повышается и идетъ къ дорогѣ съ небольшими возвышенностями. Юго-западная часть городища оканчивается небольшими уклонами различныхъ направленій, которые ограничиваются съ запада болотами, а съ юга ручьемъ (разрѣзъ по линіи *QSF*).

Церковные памятники Старой Ладоги.

ерковь Св. Георгія въ каменномъ городищѣ. Табл. L—LV.

Въ южной сторонѣ двора городища сохранилась весьма интересная въ археологическомъ отношеніи каменная церковь во имя св. Георгія, построенная въ XII ст. Новгородскимъ посадникомъ Павломъ. Къ церкви примыкаетъ одноэтажная пристройка, въ которой находятся два придѣла [1]). Съ западной стороны этой пристройки возвышается каменная колокольня. Та и другая части церкви построены въ 50-хъ годахъ настоящаго столѣтія. Общій видъ церкви представленъ на табл. L. Самая церковь въ планѣ почти квадратная, въ общемъ обыкновеннаго типа постройки древне-русскихъ храмовъ XI—XIII столѣтій. Построеніе ея, въ смыслѣ параллельности стѣнъ, крайне неправильное, что видно на прилагаемыхъ планахъ (табл. LI). Подобная-же неправильность наблюдается въ вертикальныхъ плоскостяхъ стѣнъ и пилястръ. Западные пилоны имѣютъ форму невысокихъ столбовъ, съ которыхъ идутъ арки и своды, приходящіеся подъ хорами церкви. Къ пилонамъ приставлены клиросы. Восточное дѣленіе храма составляетъ алтарь съ тремя полукружіями. Иконостасъ поздній и поставленъ значительно отступя отъ восточныхъ пилоновъ. Среднія дѣленія церкви покрыты коробовыми сводами, причемъ восточный сводъ сливается съ полукупольнымъ покрытіемъ главной абсиды. Боковыя части алтаря покрыты самостоятельно плоскими полукупольными сводами. Въ центральной части церкви возвышается барабанъ, поставленный на четырехъ подпружныхъ аркахъ, пяты которыхъ сливаются съ плоскостями стѣнъ.

Въ толщѣ западной стѣны устроена каменная лѣстница *е*, ведущая на хоры (табл. LI). Она покрыта горизонтальными плитами въ видѣ цѣлаго ряда уступовъ. Положеніе ступеней и самаго перекрытія показано пунктиромъ на разрѣзѣ по линіи *CD*. Табл. LV. Хоры состоятъ изъ двухъ угловыхъ помѣщеній *к* и *л* (покрытыхъ коробовыми сводами), соединенныхъ деревяннымъ переходомъ *м*.

---

[1]) На мѣстѣ этой пристройки находилась болѣе древняя пристройка (XVII ст.) безъ колокольни. Видъ ея вмѣстѣ съ церковью помѣщенъ въ изданіи В. Прохорова «Христіанскія древности».

Въ восточныхъ стѣнкахъ означенныхъ помѣщеній *к* и *л* устроены ниши н н. Кромѣ того въ помѣщеніи *л* находятся маленькія камеры *п*, *п'* въ толщѣ западной стѣны.

На хорахъ въ помѣщеніяхъ *к* и *л*, вѣроятно, находились особые придѣлы церкви, причемъ ниши *н н* могли служить мѣстами для престоловъ.

Окна въ церкви, за исключеніемъ оконъ на хорахъ (сѣвернаго и южнаго), всѣ не первоначальнаго устройства; многія изъ нихъ перекрыты деревянными досками вмѣсто каменныхъ перемычекъ. Пилястры *и и* въ малыхъ абсидахъ частью срублены (табл. LIV, поперечный разрѣзъ). Вообще, церковь не мало утратила своихъ первоначальныхъ архитектурныхъ формъ. Для разслѣдованія нѣкоторыхъ древнихъ частей храма были сдѣланы кое гдѣ развѣдки, давшія довольно существенные результаты.

Во время изслѣдованія подпольнаго пространства въ главной абсидѣ алтаря выяснилось слѣдующее:

Подъ современнымъ деревяннымъ поломъ церкви и плитами подъ нимъ находится слой мусора и песку до глубины 1 ар. 4 в. На этомъ уровнѣ обнаруженъ первобытный полъ церкви, состоящій изъ бетонной заливки (разрѣзъ по линіи АВ). Къ стѣнѣ абсиды примыкаетъ каменное сидѣнье *а* (длиною 1 ар. 1 вершк., шир. 11$^{3}/_{4}$ вершка и высотою 9$^{1}/_{2}$ вершк.). На глубинѣ 8 вершк. отъ уровня деревяннаго пола сохраняется древнее фресковое украшеніе стѣны абсиды—разводами (въ видѣ волнъ, расписанныхъ зелеными и красными полосами).

Въ разстояніи 1 арш. 6$^{1}/_{2}$ вершк. отъ сидѣнья находится древній каменный престолъ *в*; онъ приходится подъ нынѣ существующимъ престоломъ.

Вторая раскопка была сдѣлана въ сѣверо-западномъ углу церкви; здѣсь также была обнаружена подъ деревяннымъ поломъ позднѣйшая насыпь, въ которой, между прочимъ, открылась масса кусковъ штукатурки съ древнею живописью, совершенно однохарактерной съ нынѣ существующими фресками въ храмѣ. Означенные куски фресокъ, несомнѣнно, принадлежатъ древней стѣнной росписи храма, которая почему-то была отбита и, съ повышеніемъ пола, смѣшана съ мусоромъ. На сѣверной стѣнѣ до глубины 15 в. отъ современнаго пола обнаружена древняя штукатурка съ остатками фресковаго украшенія въ видѣ пояса, состоящаго изъ треугольниковъ. Опредѣленнаго уровня древняго пола въ раскопкѣ не оказалось, но слѣды его замѣчались на глубинѣ до 1 арш. 7 в. Въ западной стѣнѣ церкви открыта кирпичная задѣлка (планъ 1-го этажа и разрѣзъ по линіи *ЕЖ*) прямоугольнаго проема *г*. Задѣлка была частью выбрана, и въ толщѣ стѣны обнаружилось продолговатое помѣщеніе, перекрытое коро-

коробовымъ сводомъ (длиною 2 арш. 14 верш., высота 3 арш. и ширина 14 вершк.).

Въ соотвѣтствіи къ задѣланному проему находится въ юго-западномъ углу храма входъ, ведущій на лѣстницу *е*, но съ повышеніемъ пола въ церкви дверь эта очевидно повышена.

При окопкѣ наружной стѣны церкви, приходящейся противъ внутренней раскопки сѣверо-западнаго угла, оказалось слѣдущее: тотчасъ подъ современнымъ уровнемъ земли въ стѣнѣ открылась булыжная кладка; — затѣмъ на глубинѣ 1 арш. 5 вершк. около пилястры замѣчена наклонная плита 2 вершка толщиною (табл. LV разрѣзъ по линіи *СД*). Она закрываетъ выступъ кладки (на 8 вершк. глубины и на $1^1/_4$ арш. ширины) въ самомъ основаніи церкви. Такой-же уступъ наблюдается около стѣны дальше къ востоку, но въ разрушенномъ видѣ. Около покрытія уступа плитами встрѣтились другія плиты и булыги; можно предположить, что означенный уступъ есть начало фундамента или цоколя стѣнъ, отъ котораго шелъ замощеный дворъ крѣпости.

Изъ раскопокъ видно, что уровень древняго пола церкви, а равно и наружный уровень земли повысились до настоящаго времени примѣрно на $1^1/_2$ арш.

Съ внѣшней стороны церковь св. Георгія имѣетъ совершенно простыя формы. Фасады ея представлены на табл. LII и LIII. Архитектурныя украшенія видны лишь въ главномъ карнизѣ, но и тотъ позднѣйшаго происхожденія [1]); ибо при отбивкѣ штукатурки на западномъ фасадѣ подъ карнизомъ, была обнаружена задѣлка полукружій *ж ж* (табл. LII); эта задѣлка отвѣчаетъ положенію внутреннихъ сводовъ, и очень вѣроятно, что древнѣйшее покрытіе церкви было по сводамъ, причемъ въ означенныхъ задѣлкахъ ж ж могли начинаться выступныя полукружія, сливающіяся съ плоскостями пилястровъ. Подтвержденіемъ посводнаго покрытія церкви можетъ также служить то обстоятельство, что нижнія части оконъ барабана заложены (табл. LIV) до скатовъ существующей крыши.

Въ барабанѣ находится восемь оконъ, но четыре изъ нихъ задѣланы наглухо. Древняя нижняя граница оконъ показана на разрѣзахъ пунктиромъ. Кладка надъ парусами (на чердакѣ) разломана. Съ повышеніемъ крыши вѣроятно, былъ надложенъ и барабанъ, такъ какъ выше линіи, означенной на фасадахъ пунктиромъ, идетъ иная облицовка стѣны, чѣмъ въ остальныхъ мѣстахъ церкви. Съ повышеніемъ барабана, вѣроятно, уничтоженъ и древній карнизъ

[1]) Въ изданіи В. Прохорова «Христіанскія древности» на рисункѣ ц. Св. Георгія карниза совсѣмъ невидно, профиля его дѣйствительно поздніе, фризъ же, имѣющій болѣе древній характеръ, вѣроятно заимствованъ отъ старинныхъ построекъ.

его. Что касается существующаго наружнаго коническаго покрытія самого барабана, увѣнчаннаго деревянной шейкой и восьмигранной главою, то приходится сказать, что такихъ формъ въ древнѣйшихъ церквахъ не встрѣчается. Судя по восьми-гранной обдѣлкѣ главы и деревянной конструкціи шейки, устройство разсматриваемаго покрытія можно отнести не ранѣе, какъ къ XVIII ст.

Всѣ существующія окна церкви, а равно и двери, судя по формѣ устройства тѣхъ и другихъ, несомнѣнно сдѣланы и затѣмъ частью расширены, сравнительно, въ позднее время. Сохранившіяся первоначальныя окна находятся въ настоящее время въ задѣланномъ видѣ и скрываются подъ штукатуркою. При отбивкѣ послѣдней, въ верхней части алтарной стѣны было обнаружено три древнихъ окна. Такія-же полукруглыя окна, и примѣрно на той-же высотѣ открыты въ среднихъ дѣленіяхъ церкви на сѣверномъ и южномъ фасадахъ. Положеніе и величина древнихъ оконъ показаны на фасадахъ пунктиромъ (Табл. LII и LIII). Первоначальная форма оконъ имѣетъ видъ прямого полукруглаго проема безъ всякихъ откосовъ и впадинокъ.

При осмотрѣ чердачнаго помѣщенія западной пристройки церкви, усмотрѣна въ древней стѣнѣ задѣлка наружнаго окна *з* (разрѣзъ по линіи АВ табл. LIV). По отбитіи штукатурки, выше означеннаго окна оказалась вторая болѣе древняя перемычка. Эти открытія опредѣлили, что въ проемѣ древняго окна, было когда то (вѣроятно въ XVII ст.) устроено окно меньшаго размѣра, которое уже и было задѣлано на-глухо. Границы указанныхъ древнихъ оконъ показаны на западномъ фасадѣ. При отбивкѣ штукатурки на внѣшнихъ стѣнахъ церкви, для обнаруженія задѣланныхъ древнихъ оконъ, кладка стѣнъ оказалась не вполнѣ правильною. Она состоитъ изъ плитныхъ и кирпичныхъ рядовъ; въ общемъ наблюдается, что черезъ одинъ рядъ плиты идутъ два ряда кирпича. Въ 10 рядахъ кладки примѣрно до 1¾ арш. Перемычки надъ древними окнами кирпичныя, въ 4 вершка толщиною.

Остается сказать нѣсколько словъ о состояніи церкви въ смыслѣ ея прочности. Въ стѣнахъ наблюдается масса крупныхъ и мелкихъ трещинъ. Онѣ произошли главнымъ образомъ отъ устройства новыхъ оконъ въ церкви безъ надлежащихъ перемычекъ и отъ повышенія дверей. Наиболѣе замѣтныя трещины видны: въ замкахъ подпружныхъ арокъ (изъ нихъ въ сѣверной и южной трещины поднимаются въ барабанъ), въ стѣнахъ противъ подпружныхъ арокъ (трещины идутъ отъ сводовъ и проходятъ около оконъ почти до пола церкви), затѣмъ замѣтны щели во многихъ мѣстахъ надъ перемычками оконъ и дверей. Куполъ въ барабанѣ также очень обветшалъ и черезъ него даже просачивается вода во время дождей. Снаружи церковь представляется ветхою. Въ нѣкоторыхъ

мѣстахъ видны плохія починки стѣнъ и пилястровъ. Штукатурка частями отстала отъ стѣнъ и изветшала.

Помимо архитектурной стороны, церковь св. Георгія представляетъ большой интересъ благодаря сохранившимся частямъ стѣнной фресковой живописи. Всѣ изображенія, нанесенныя на прилагаемые разрѣзы (табл. LIV и LV) и приведенныя въ деталяхъ были сняты на прозрачный коленкоръ въ натуральную величину (двумя тонами и частью въ краскахъ, соотвѣтствующихъ оригиналамъ). Описаніе фресокъ изложено ниже.

Церковь во имя Св. Димитрія Солунскаго
Табл. LVI—LVIII.

Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ ц. св. Георгія находится весьма интересная деревянная церковь, построеная въ самомъ началѣ XVIII ст. Она имѣла значеніе вѣроятно *теплой церкви*. По крайней мѣрѣ, такой типъ постройки «клецки» на сѣверѣ россіи предназначался для зимнихъ богослуженій. Входъ въ церковь находится въ юго-западномъ углу ея [1]). Передъ входомъ устроенъ навѣсъ *в* на колонкахъ (рундукъ) съ бочечнымъ перекрытіемъ; онъ примыкаетъ къ паперти *г*, въ которой сдѣлана лѣсенка на чердакъ. Изъ паперти входятъ въ продолговатое помѣщеніе для молящихся. Оно несомнѣнно раздѣлялось въ серединѣ стѣною на два помѣщенія—*Трапезную* и собственно *церковь*. Стѣна эта была вырублена, что подтверждаетъ наружный видъ церкви самостоятельностью каждаго помѣщенія. Кромѣ того, какъ изнутри, такъ и снаружи видны концы поперечной стѣны. Въ трапезной находится печь *е* позднято устройства. Въ серединѣ самой церкви около стѣнъ поставлены клиросы *дд* (разрѣзъ по линіи *АВ*). Солея возвышается на одну ступень. Стѣнка, отдѣляющая алтарь, отъ церкви устроена съ широкимъ проемомъ для Царскихъ Вратъ и сѣверной двери. Алтарное помѣщеніе ограничено пятью стѣнами. Иконостасъ разоренъ и нѣкоторыхъ иконъ не достаетъ. Между прочимъ, уцѣлѣли старинныя Царскія Врата.

Полъ въ церкви за исключеніемъ солеи и алтаря засланъ плитою (очевидно поздній). Въ окнахъ вдѣланы желѣзныя рѣшетки. Въ колодахъ оконъ устроены скобы, для засововъ, которыми запирали оконныя ставни, нынѣ не сохранившіяся. Высота потолка въ алтарѣ 2 арш. 15 вершк.—въ трапезной 2 арш. 10 вершк. Внутри церкви у сѣверной стѣны стоитъ весьма любопытный деревянный крестъ во всю высоту помѣщенія; онъ весь покрытъ надписями, съ клеймами вырѣзанными въ деревѣ. Такой крестъ представленъ на табл. L.

[1]) Съ внутренней стороны двери существуетъ весьма любопытный дверной желѣзный замокъ; рисунокъ его помѣщенъ въ концѣ текста Н. Е. Бронденбурга. Конструкція замка совершенно открыта.

Подобные кресты встрѣчаются изрѣдка въ деревянныхъ церквахъ Архангельской и Вологодской губерніи.

Церковь св. Димитрія покрыта двухскатными крышами, причемъ тесъ послѣднихъ оканчивается вырѣзками въ видѣ стрѣлъ. Алтарь перекрытъ на пять скатовъ и обшитъ тесомъ. Торцы срубовъ зашиты досками. Надъ церковью возвышается шейка съ крестомъ безъ главки. Послѣдняя въ недавнее время, за ветхостью, упала. Она сохраняется по настоящее время, и на рисункѣ восточнаго фасада размѣръ и форма ея показаны пунктиромъ (Табл. LVIII).

Середина церкви (вслѣдствіи вырубки стѣны) сильно осѣла и продольные фасады покривились. Самые срубы также весьма ветхи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны сквозныя щели. Детальное устройство церкви видно на прилагаемыхъ чертежахъ и въ перспективныхъ видахъ.

Руины двухъ древнихъ каменныхъ церквей.
Табл. LIX и LX.

Отъ двухъ другихъ древнихъ церквей старой Ладоги уцѣлѣло только основаніе стѣнъ и пилоновъ на высоту до 3 арш. Планы церквей сходны между собой и представляютъ обычный типъ нашихъ древнѣйшихъ церковныхъ построекъ. На табл. LIX представленъ планъ основанія церкви, находящейся вблизи каменнаго городища, къ сѣверу отъ него около рѣки Волхова. Высота сохранившихся стѣнъ и столбовъ показана на продольномъ разрѣзѣ. Кладка стѣнъ правильныхъ постелей не имѣетъ. Она состоитъ изъ плитняка различной мѣры (отъ 2-хъ до 4-хъ вершк.) съ прослойкою кирпича. Въ болѣе правильныхъ частяхъ кладки девять рядовъ ея равняются 1 арш. 4 вершк. Швы кладки отъ 1/2 в. до 1 вершк. Кирпичъ по преимуществу встрѣчается неполныхъ размѣровъ (половнякъ); настоящій размѣръ его 7 вершк. длины, 4 вершк. ширины, 1 верш. толщины. Кирпичъ довольно плотный и ровной массы. Растворъ смѣшанъ съ кирпичнымъ порошкомъ и имѣетъ желтоватый оттѣнокъ.

Неправильныя кромки плитъ въ кладкѣ задѣланы растворомъ подъ общую поверхность стѣны, одновременно съ возведеніемъ зданія. Въ главной абсидѣ сохранилось сѣдалище *а*, въ серединѣ котораго отдѣлено каменными плитами (стоймя) особое сидѣнье. Въ южной абсидѣ существуетъ часть стѣнки съ дверью *е* и сидѣнье *б*, расположенное по полукруглой стѣнѣ. Въ Сѣверной абсидѣ уцѣлѣла часть кладки *с* (вѣроятно основаніе жертвенника) и угольникъ *в*, огражденный плитами. Въ церкви размѣщено четыре столба. Съ сѣверной и южной сторонъ сохранились части дверей *г г*. Съ западной стороны выступаетъ пристройка съ большимъ входнымъ проемомъ; очевидно, эта пристройка имѣла значеніе паперти. Въ сѣверной части западной стѣны устроена ниша *ж*. Съ противоположной стороны уцѣлѣли слѣды входа на лѣстницу, которая, повиди-

мому вела на хоры. Внутри церкви, около сѣверной и южной стѣнъ, существуютъ каменныя скамьи *д д*. Въ западномъ концѣ означенныхъ стѣнъ находятся ниши (аркасоли) въ стѣнахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранилась древняя штукатурка съ признаками фресковой живописи и съ изображеніями четырехконечныхъ крестовъ (вдавленными контурами).

На табл. LX изображенъ планъ сохранившихся стѣнъ второй церкви. Алтарь ея обращенъ на юго-востокъ. Развалины находятся собственно около селенія Старой Ладоги, на берегу рѣчки Ладожки. Устройство и состояніе стѣнъ, а равно и характеръ матеріала, почти одинаковы съ вышеописанными руинами.

Въ главной абсидѣ алтаря также сохранилось сидѣніе *а*, но безъ средняго мѣста. Діаконникъ отдѣляется низенькою каменною стѣнкою *б*. Съ сѣверо-восточной стороны къ церкви примыкаетъ пристройка *в*, въ которую ведетъ дверь изъ церкви. Внутри храма сохраняются остатки четырехъ пилоновъ. Въ юго-западной стѣнѣ уцѣлѣла нижняя часть двери въ церковь, передъ которой извнѣ лежатъ большія плиты. Въ серединѣ сѣверо-западной стѣны устроенъ главный входъ въ церковь. По бокамъ видны, въ толщѣ стѣны, входы на лѣстницы; ступени частью сохранились и очевидно вели на хоры. Около стѣнъ, внутри церкви, находятся каменныя скамьи *г*. Видъ стѣнъ и столбовъ показанъ на продольномъ разрѣзѣ.

Стѣнопись въ церкви Св. Георгія.

Въ прошломъ столѣтіи вся роспись храма находилась подъ слоемъ окрасокъ и штукатурки. При Новгородскомъ митрополитѣ Гавріилѣ, около 1780 г. древняя роспись была вскрыта, причемъ обнаружены и нѣкоторыя надписи, выцарапанныя въ штукатуркѣ, относящіяся къ XII—XIII ст. При исправленіи церкви въ 1849 г., фрески были отбиты и въ настоящее время сохранились лишь незначительныя части ихъ [1]). Общее расположеніе уцѣлѣвшихъ изображеній помѣщено на разрѣзахъ церкви табл. LIV и LV. Въ отдѣльности они представлены на табл. LXV—XC.

Въ центрѣ купола изображенъ сидящимъ на радугѣ Господь Вседержитель (табл. LXV) съ благословляющею десницею; въ лѣвой рукѣ Онъ держитъ свитокъ. Изображеніе Вседержителя окружено радужнымъ ореоломъ (сіяніемъ славы), который поддерживаютъ поднятыми руками восемь ангеловъ, обращенныхъ попарно другъ къ другу и взирающихъ на Вседержителя (табл. LXVI—LXIX).

Ниже ангеловъ идетъ второй рядъ изображеній: здѣсь, съ восточной стороны, представлена Божія Матерь съ воздѣтыми молитвенно дланями. По бокамъ

[1]) В. Прохоровъ «Христіанскія древности».

Ея—два ангела съ красными крыльями. Въ одной рукѣ у нихъ жезлы, а другой они показываютъ на Спасителя, изображеннаго въ куполѣ (табл. LXX). Далѣе, въ ряду этихъ изображенiй, по кругу барабана, идутъ двѣнадцать апостоловъ. Большинство изъ нихъ съ приподнятой къ изображенiю Вседержителя головой. Въ рисункѣ фигуръ выражены различныя движенiя, отвѣчающiя основной мысли изображенiй въ куполѣ—Вознесенiю [1]). Между апостолами изображены стилизованныя деревья (табл. LXXI — LXXIII). Къ сожалѣнiю, краски и контура изображенiя Вседержителя, нѣкоторыхъ ангеловъ и апостоловъ сохранились въ плохомъ видѣ. Надписи надъ апостолами исчезли.

Ниже описанныхъ изображенiй, въ восьми простѣнкахъ оконъ барабана, находятся изображенiя пророковъ съ развернутыми свитками въ рукахъ (табл. LXXIV—LXXVI, LXXVIII и LXXIX). Среди пророковъ представлены царь Давидъ и царь Соломонъ (табл. LXXIV), Михей (табл. LXXV) и др. (надписи которыхъ плохо сохранились или совсѣмъ исчезли). Надъ изображенiями пророковъ написаны арочки съ растительнымъ орнаментомъ въ видѣ завитковъ.

Откосы оконъ расписаны весьма интересными орнаментами (табл. LXXVII). Средины ихъ, приходящiяся надъ центромъ полукружiя оконъ, показаны на таблицѣ черточками. Порядокъ ихъ означенъ нумерами 1—8, причемъ орнаментъ подъ № 1 находится въ откосѣ западнаго окна барабана. Орнаменты, къ сожалѣнiю, сохранились плохо.

Въ полукуполѣ сѣверной абсиды церкви находится колоссальное поясное изображенiе Архангела Гавріила въ княжеской одеждѣ (табл. LXXX). Въ правой рукѣ архангелъ держитъ жезлъ; лѣвой части изображенiя не сохранилось. Въ сводѣ южной абсиды представлено также поясное изображенiе Архангела Михаила со строгимъ выраженiемъ лица. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ сферу (табл. LXXXI).

Отъ изображенiя Евхаристiи въ главной абсидѣ сохранилась лишь часть престола и двѣ ноги (одна Спасителя, а другая апостола). Ниже Евхаристiи уцѣлѣли изображенiя двухъ святителей во весь ростъ (табл. LXXXII). Святители въ бѣлыхъ кресчатыхъ фелоняхъ и омофорахъ. На хитонахъ видны красноватыя полоски, идущiя до подоловъ. Святители держатъ въ рукахъ свитки со славянскимъ текстомъ (буквы сильно стерлись). Подъ указанными изображенiями представлены въ кругахъ, обрамленныхъ орнаментами, также святители; надъ однимъ изъ нихъ сохранилась надпись Іоаннъ Милостивый (табл. LXXXIV, рис. 3).

[1]) Изображенiя пророковъ показаны на таблицахъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ идутъ въ барабанѣ (справа ближайшее къ ангелу изображенiе подъ № 1, слѣва — подъ № 12, табл. LXXI—LXXIII).

Въ діаконникѣ, на полукруглой стѣнѣ его, представлено изображеніе патрона церкви, Св. Георгія на сѣромъ конѣ (табл. LXXXIII). Онъ поражаетъ змія въ видѣ крокодила съ рогомъ на головѣ и съ прижатыми къ бокамъ крыльями. Царевна, обреченная на съѣденіе змію и спасенная Святымъ воиномъ, въ бѣломъ одѣяніи. Изъ-за горы видна башня, съ которой смотрятъ на совершающееся чудо царь, царица и придворные. Изображеніе св. Георгія *на конѣ* является для насъ по своей древности и композиціи единственнымъ памятникомъ до настоящаго времени. Подъ изображеніемъ св. Георгія, въ кругахъ обрамленныхъ орнаментами, представлены въ поясномъ видѣ святители (табл. LXXXIV № 1—2) [1]), надъ однимъ изъ нихъ уцѣлѣла подпись Анѳимъ.

Въ жертвенникѣ, на сѣверной стѣнѣ, изображена очистительная жертва Іоакима и Анны, принесшихъ по овну. Передъ ними во храмѣ представленъ первосвященникъ, принимающій жертву (табл. LXXXV).

При входѣ изъ церкви въ діаконникъ, на пилястрахъ видны изображенія отдѣльныхъ святыхъ, изъ которыхъ одинъ воинъ, другой, какъ видно изъ надписи, св. Севастіанъ, третій мученикъ. Одежда на нихъ украшена шитыми оплечьями. Сверху накинутъ плащъ съ четвероугольнымъ украшеніемъ на полахъ (табл. LXXXVI).

На южной стѣнѣ самой церкви, около діаконника, изображенъ пророкъ Даніилъ (табл. LXXVIII, рисунокъ 3); надъ нимъ, въ кругу, поясное изображеніе мученика Агафона. Подъ изображеніемъ пророка уцѣлѣла часть какой то картины, гдѣ видны гора и группа лицъ, вѣроятно праведниковъ (рисунокъ № 2). Надъ южнымъ прямоугольнымъ окномъ справа (табл. LV разрѣзъ по линіи ВГ) видна группа ангеловъ, относящихся, повидимому, къ цѣлой картинѣ, которая, къ сожалѣнію, не сохранилась (табл. XC).

На южной аркѣ подъ хорами, находится поясное изображеніе мученицы (св. Маріи). Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ на сѣверной аркѣ представленъ Св. Николай Чудотворецъ въ бѣломъ омофорѣ. Изображенія эти заключены въ росписныя рамки въ видѣ арочекъ и пилястръ съ капителями (табл. LXXXVII).

Въ юго-западномъ углу церкви (между окномъ и западной стѣной) представлена группа грѣшниковъ (табл. LXXIX рисунокъ № 2), обращенныхъ лицами къ западу и, очевидно, имѣющихъ прямое отношеніе къ сюжету Страшнаго Суда, часть котораго сохранилась на западной стѣнѣ церкви. Подъ группой этихъ фигуръ, находится отдѣльно изображеніе мученика (табл. LXXIX, рисунокъ № 3).

---

[1]) Изображеніе № 1-й соединяется съ изображеніемъ № 2.

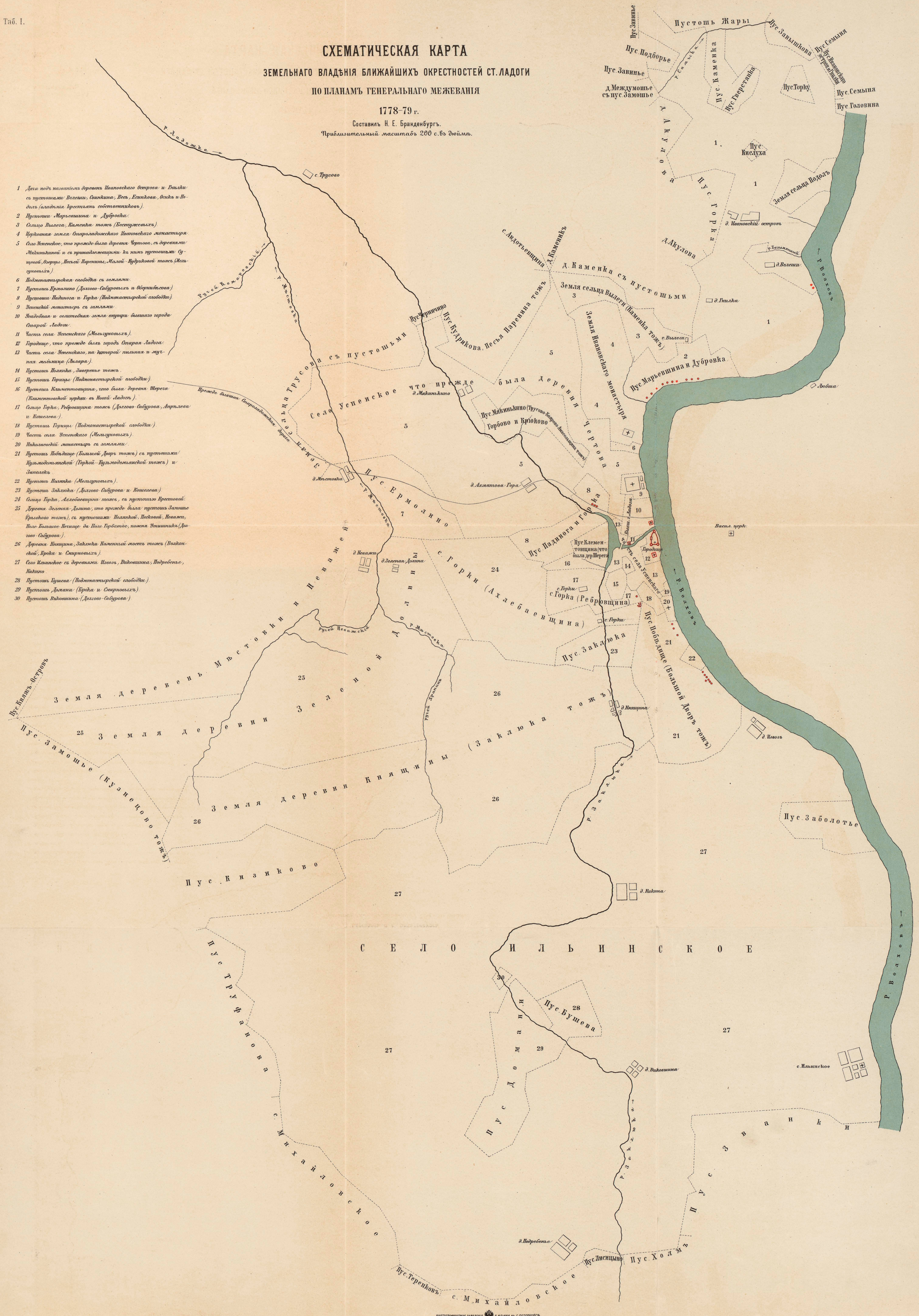
На западной стѣнѣ находятся остатки картины Страшнаго Суда. Отъ всего изображенія сохранились собственно только апостолы, сидящіе на престолахъ (табл. LXXXVIII—XC). Позади ихъ ангельскія силы, которыя держатъ въ одной рукѣ жезлы, а въ другой сферы съ изображеніемъ креста Господня.

Средняя часть картины ограничивается росписной трехлопастной арочкой съ орнаментами надъ ней. Центральное изображеніе Спасителя совсѣмъ не уцѣлѣло. Изъ предстоящихъ сохранились, и то неполностью, изображенія Божіей Матери и задняя часть фигуры Іоанна Предтечи. Съ сѣверной стороны, уцѣлѣли только два апостола и два ангела (табл. XC). Съ южной (въ болѣе сохранномъ видѣ) два апостола, Божія Матерь и пять ангеловъ (табл. LXXXVIII). Четыре апостола, изображенные на южномъ сводѣ (подъ хорами) очень плохой сохранности (табл. LXXXIX).

На таблицѣ XC, кромѣ указанныхъ изображеній, представленъ рисунокъ двухъ драконовъ, обращенныхъ къ цвѣтку. Этотъ сюжетъ находится среди надписей на каемкѣ, подъ изображеніемъ мученицы Маріи (табл. LXXXVII).

Таб. I.

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА
ЗЕМЕЛЬНАГО ВЛАДѢНІЯ БЛИЖАЙШИХЪ ОКРЕСТНОСТЕЙ СТ. ЛАДОГИ
ПО ПЛАНАМЪ ГЕНЕРАЛЬНАГО МЕЖЕВАНІЯ
1778–79 г.
Составилъ Н. Е. Бранденбургъ.
Приблизительный масштабъ 200 с. въ дюймѣ.
1 Дача подъ названіемъ деревень Ивановскаго Острова и Гнилки съ пустошами Велеши, Свинкина, Весь, Есипкова, Осикъ и Подолъ (владѣнія крестьянъ собственниковъ).
2 Пустоши Марьевшина и Дубровка.
3 Сельцо Вылега, Каменка тожъ (Бестужевыхъ).
4 Церковная земля Староладожскаго Ивановскаго монастыря.
5 Село Успенское, что прежде была деревня Чертова, съ деревнями Мякинькиной и съ принадлежащими къ нимъ пустошами Сущевой, Озерцы, Песьей Парениной, Малой-Кудриковой тожъ (Мельгуновыхъ).
6 Подмонастырская слободка съ землями.
7 Пустошь Ермолино (Долгово-Сабуровыхъ и Оберніобѣсова).
8 Пустоши Падинога и Горка (Подмонастырской слободки).
9 Успенскій монастырь съ землями.
10 Усадебная и селитебная земля внутри бывшаго города Старой Ладоги.
11 Часть села Успенскаго (Мельгуновыхъ).
12 Городище, что прежде былъ городъ Старая Ладога.
13 Часть села Успенскаго, на которой пильная и мучная мельница (Лилара).
14 Пустошь Полянка, Заверепье тожъ.
15 Пустошь Горицы (Подмонастырской слободки).
16 Пустошь Климентовщина, что была деревня Шерега (Климентовской церкви въ Новой Ладогѣ).
17 Сельцо Горка, Ребровщина тожъ (Долгово-Сабурова, Апрѣлева и Кошелева).
18 Пустошь Горицы (Подмонастырской слободки).
19 Часть села Успенскаго (Мельгуновыхъ).
20 Николаевскій монастырь съ землями.
21 Пустошь Побѣдище (Большой Дворъ тожъ) съ пустошами Кузьмодемьянской (Горкой-Кузьмодемьянской тожъ) и Заполекъ.
22 Пустошь Полянка (Мельгуновыхъ).
23 Пустошь Заклюка (Долгово-Сабурова и Кошелева).
24 Сельцо Горка, Ахлебаевщина тожъ, съ пустошью Крестовой.
25 Деревня Зеленая-Долина, что прежде была пустошь Замошье (Срыєково тожъ), съ пустошами Полянкой, Песковой, Неважи, Поле Большое Печище да Поле Горбатое, пожня Утишникъ (Долгово-Сабурова).
26 Деревня Княщина, Заклюка Каменный мостъ тожъ (Волконской, Брока и Смирновыхъ).
27 Село Ильинское съ деревнями Извозъ, Виковшина, Подребенье, Кикино.
28 Пустошь Бушева (Подмонастырской слободки).
29 Пустошь Домани (Брока и Смирновыхъ).
30 Пустошь Виковшина (Долгово-Сабурова).
р. Ладожка
с. Трусово
Пустошь Жары
Пус. Завинье
Пус. Подборье
Пус. Завинье
д. Междумошье съ пус. Замошье
Пус. Каменка
Пус. Торку
Пус. Семыня
Пус. Головина
Пус. Кислуха
Пус. Горка
д. Акулова
Земля сельца Подоль
д. Ивановскій островъ
д. Велеши
р. Волховъ
с. Авдотьевщина
д. Каменка съ пустошьми
Земля сельца Вылеги (Каменка тожъ)
Земля Ивановскаго монастыря
д. Гнилка
с. Вылеги
Пус. Марьешина и Дубровка
Любша
Пус. Кудрикова, Песья Паренина тожъ
Земля сельца Трусова съ пустошьми
Село Успенское что прежде была деревня Чертова
д. Мякинькино
Горбово и Крюково
д. Ахматова-Гора
д. Мѣстовка
Пус. Ермолино
р. Мѣстовка
Пус. Падинога и Горка
с. Горки (Ахлебаевщина)
с. Горка (Ребровщина)
Городище
Васил. церк.
д. Неважи
д. Зеленая Долина
Пус. Заклюка
д. Княщина
д. Извозъ
Земля деревень Мѣстовки и Неважей
Земля деревни Зеленой Долины
Земля деревни Княщины (Заклюка тожъ)
Пус. Князь-Островъ
Пус. Замошье (Кузнецово тожъ)
Пус. Кизиково
р. Заклюка
Пус. Заболотье
д. Кикина
СЕЛО ИЛЬИНСКОЕ
Пус. Бушева
Пус. Домани
д. Виковшина
с. Ильинское
Пус. Труфанова
с. Михайловское
Пус. Званки
д. Подребенье
Пус. Лисицына
Пус. Холмъ
Пус. Терепковъ
с. Михайловское
КАРТОГРАФИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ А. ИЛЬИНА въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

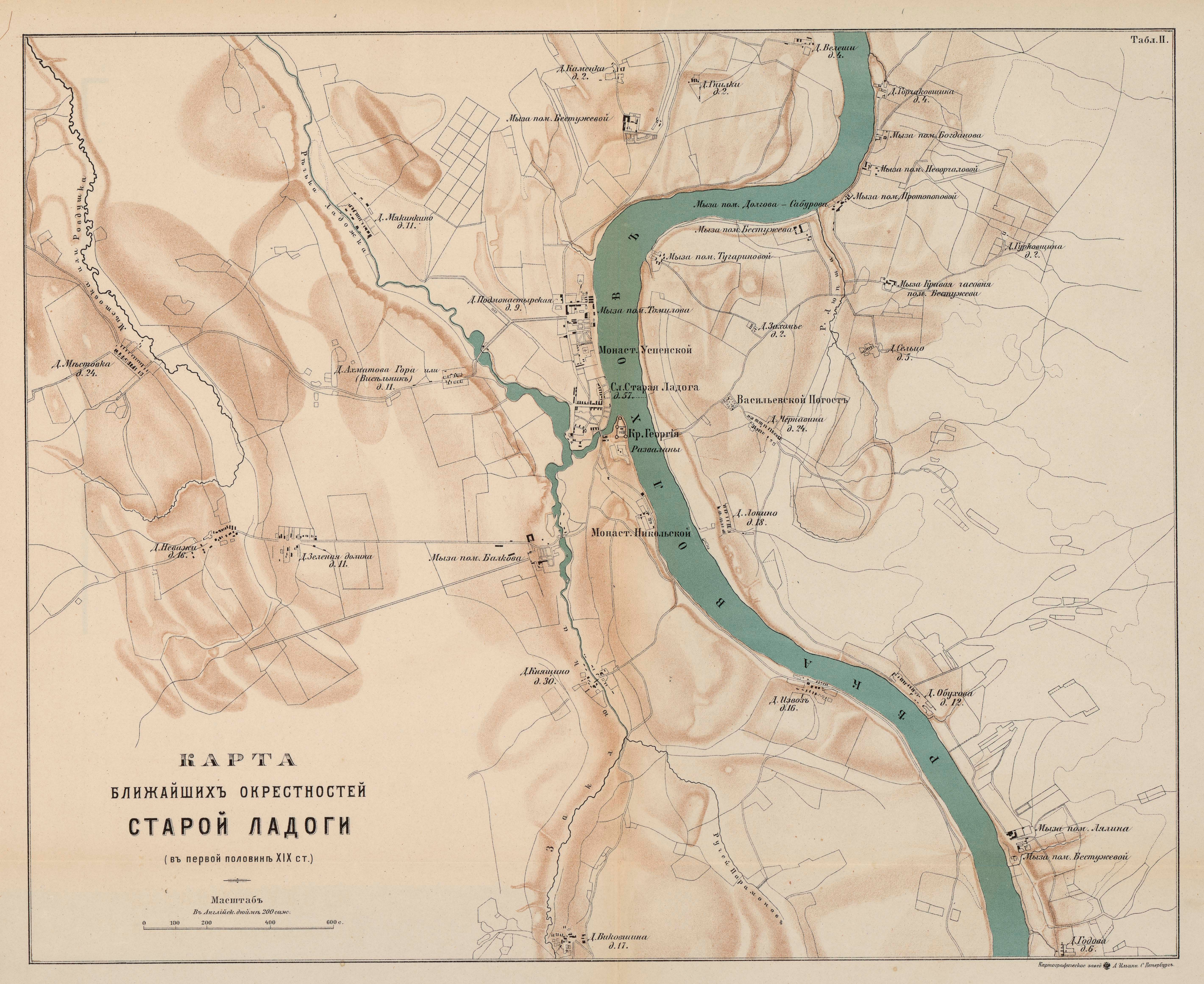
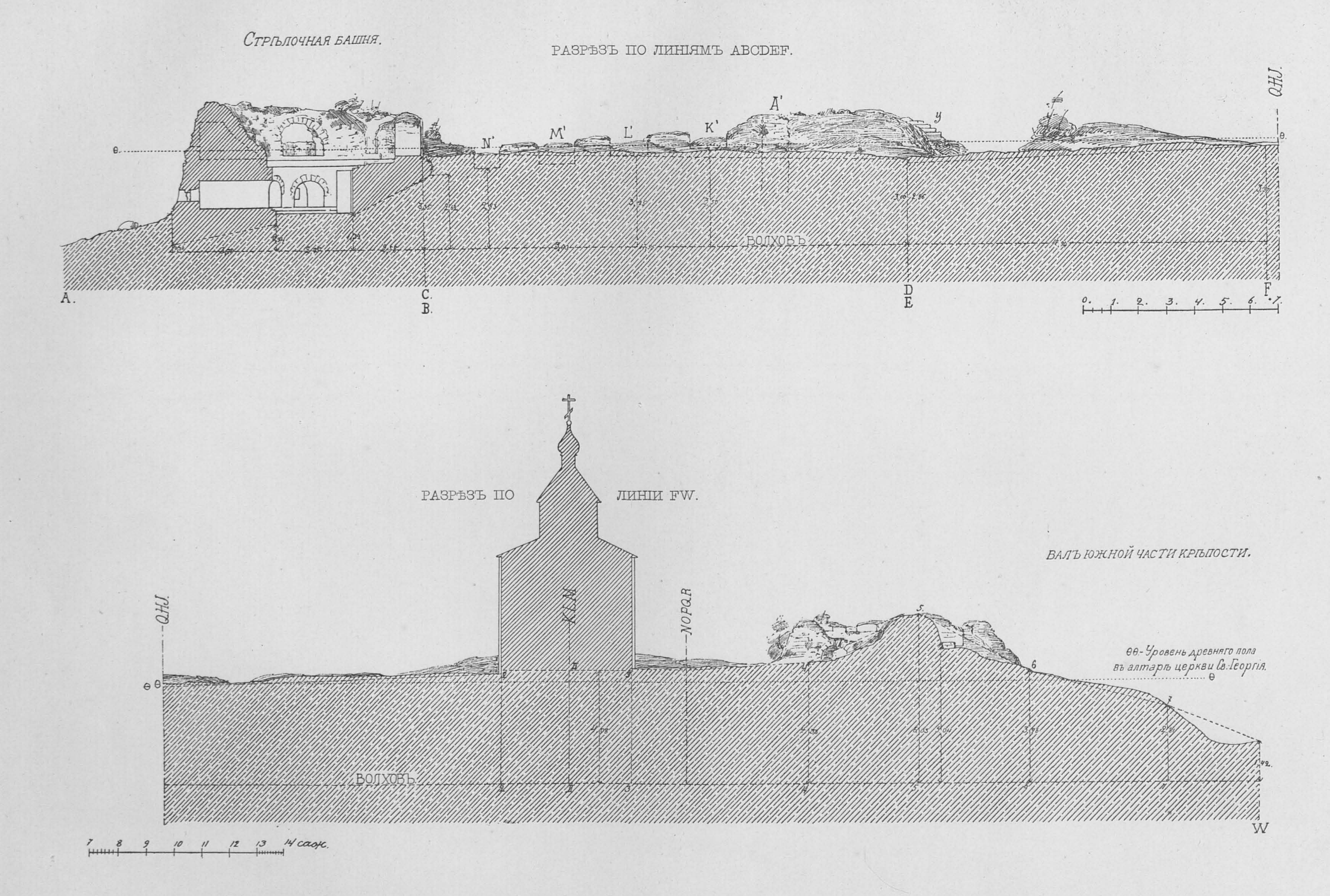
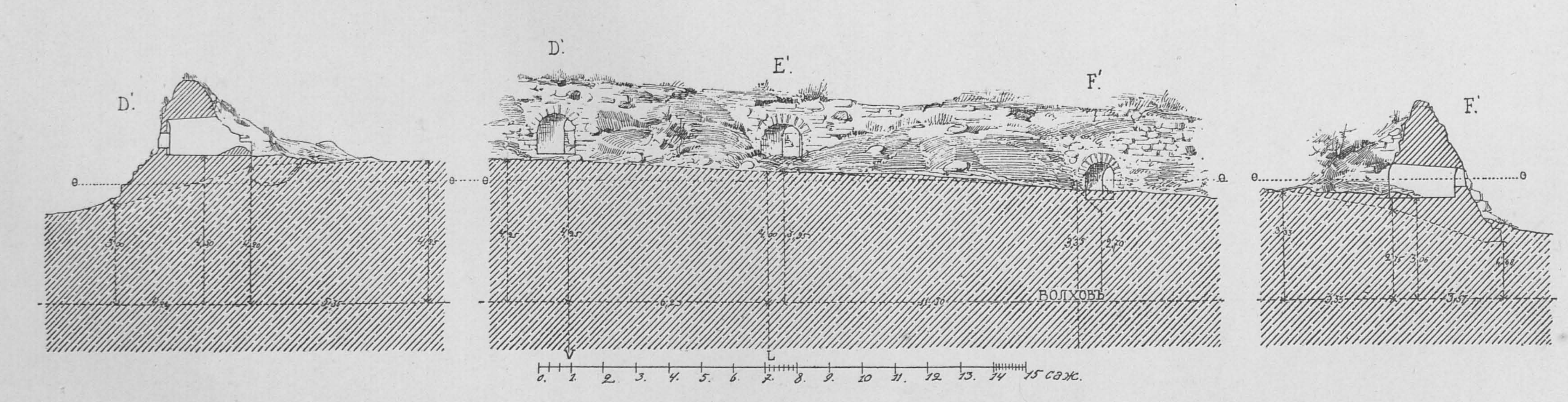

Табл. II.
КАРТА
БЛИЖАЙШИХЪ ОКРЕСТНОСТЕЙ
СТАРОЙ ЛАДОГИ
(въ первой половинѣ XIX ст.)
Масштабъ
Въ Англійск. дюймѣ 200 саж.
0 100 200 400 600 с.
Д. Каменка д. 2.
Д. Велеши д. 4.
Д. Гнилки д. 2.
Мыза пом. Бестужевой
Д. Горчаковщина д. 4.
Мыза пом. Богданова
Мыза пом. Неворчаловой
Мыза пом. Протопоповой
Мыза пом. Долгова – Сабурова
Мыза пом. Бестужева
Мыза пом. Тугариновой
Д. Гурковщина д. 2.
Мыза Кривая часовня пом. Бестужеви
Д. Макинкино д. 11.
Рѣчка Ладожка
Р. Мѣстовка или Роздушка
Д. Подмонастырская д. 9.
Мыза пом. Томилова
Монаст. Успенской
Д. Захонье д. 2.
Р. Любша
Д. Сельцо д. 5.
Д. Мѣстовка д. 24.
Д. Ахматова Гора или (Висельникъ) д. 11.
Сл. Старая Ладога д. 57.
Васильевской Погостъ
Д. Чернавина д. 24.
Кр. Георгія
Развалины
Д. Лопино д. 18.
Монаст. Никольской
Д. Невижи д. 16.
Д. Зеленая домика д. 11.
Мыза пом. Балкова
Д. Княщино д. 30.
Д. Изводъ д. 16.
Д. Обухова д. 12.
Рѣка Волховъ
Рѣка Заклюка
Ручей Парамоновъ
Мыза пом. Ляпина
Мыза пом. Бестужевой
Д. Виковшина д. 17.
Д. Гордова д. 6.
Картографическое завед. А. Ильина С. Петербургъ.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАНЪ КАМЕННАГО ГОРОДИЩА ВЪ СТАРОЙ ЛАДОГѢ.

I. — Стрѣлочная башня.
II. — Воротная башня.
III. — Климентовская башня.
IV. — Раскатная башня.
V. — Лѣстница Тайничной башни.
VI. — Церковь св. Георгія.
VII. — Ц. св. Димитрія Солунскаго.
VIII. — Сторожка.
IX. — Хозяйственныя постройки.

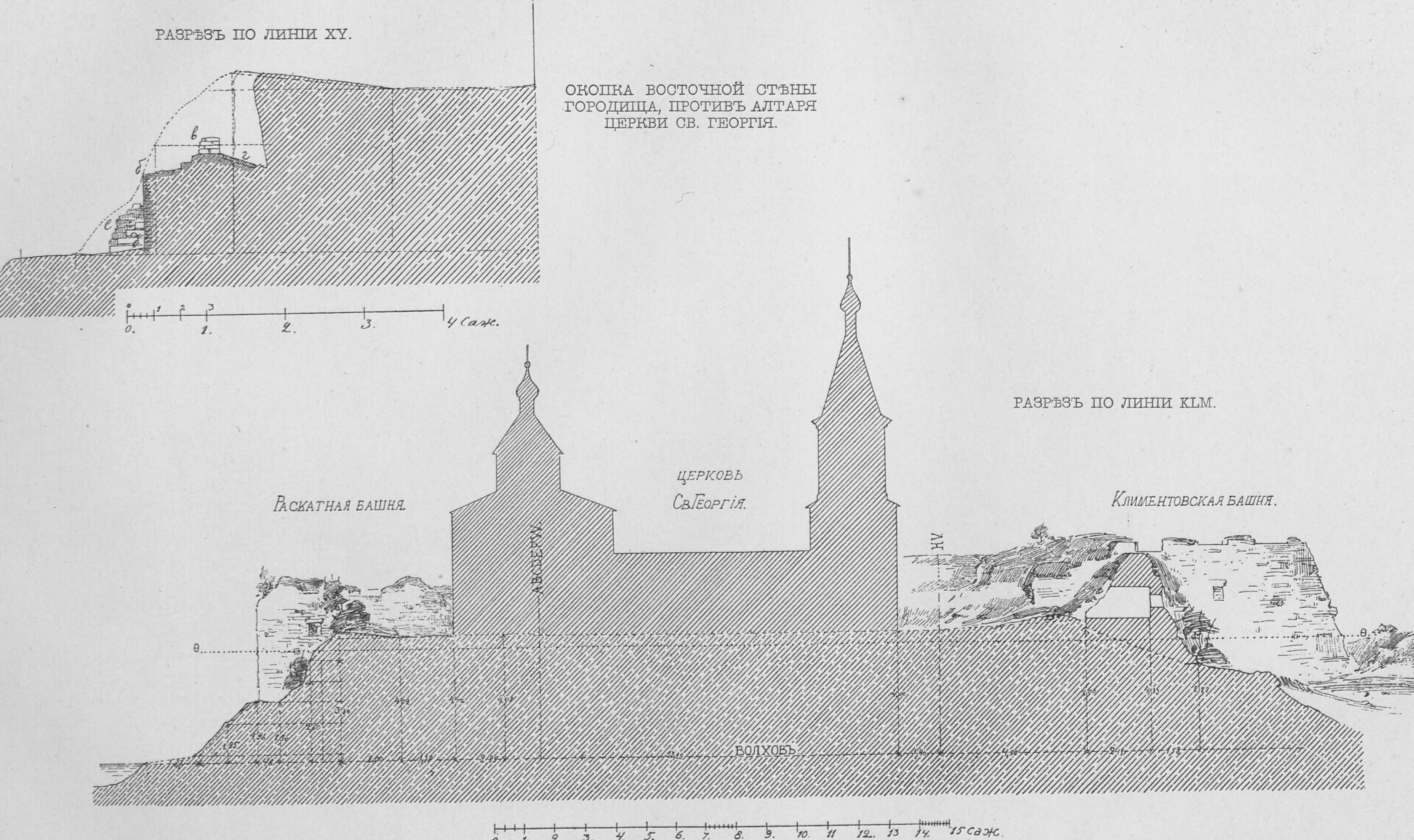

РАЗРѢЗЫ КАМЕННАГО ГОРОДИЩА ПО СПЕЦІАЛЬНОЙ НИВЕЛЛИРОВКѢ.
Стрѣлочная башня.
РАЗРѢЗЪ ПО ЛИНІЯМЪ ABCDEF.
QHJ.
A'
K'
L'
M'
N'
y
ВОЛХОВЪ
A.
C.
B.
D
E
F.
0. 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7.
РАЗРѢЗЪ ПО ЛИНИИ FW.
ВАЛЪ ЮЖНОЙ ЧАСТИ КРѢПОСТИ.
QHJ.
KLM
NOPQR
θθ-Уровень древняго пола въ алтарѣ церкви Св. Георгія.
ВОЛХОВЪ
W
7 8 9 10 11 12 13 14 саж.

РАЗРѢЗЪ ПО ЛИНІИ GHJ.

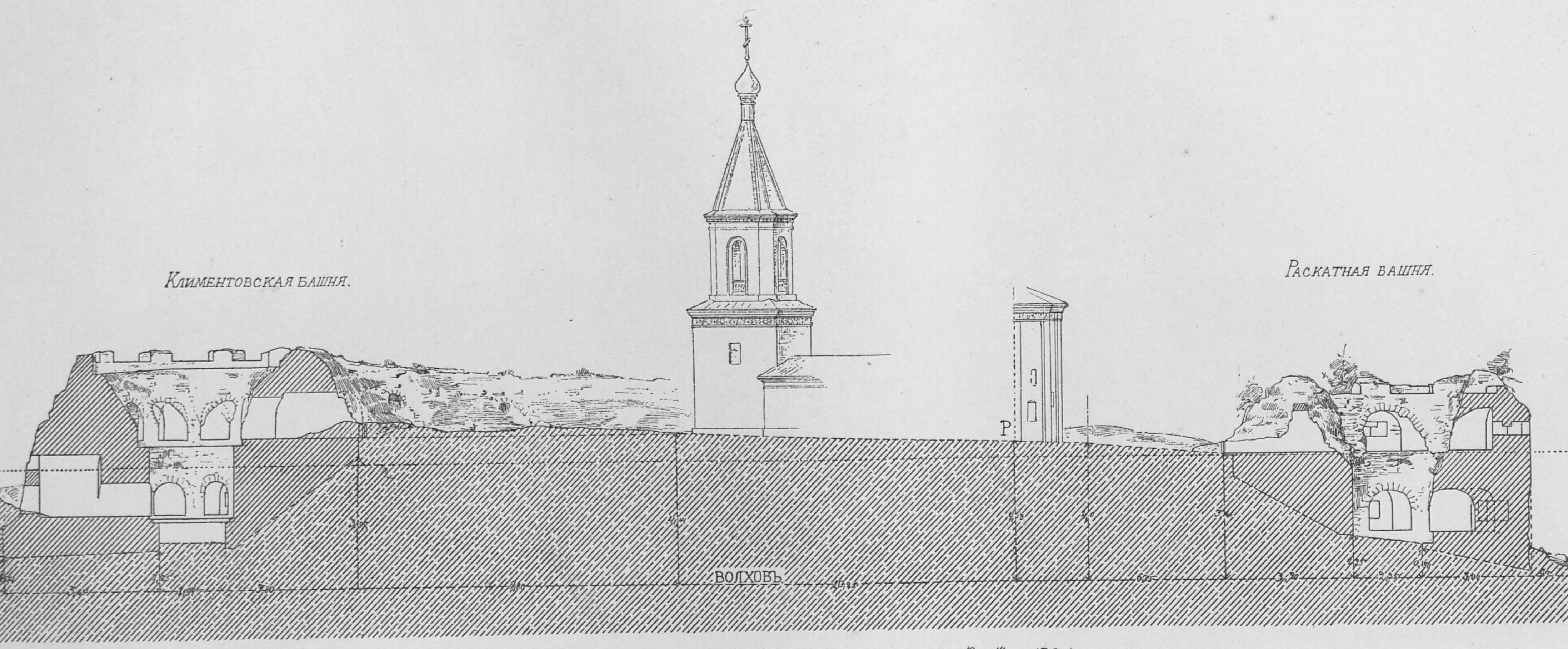
РАЗРѢЗЫ КАМЕННАГО ГОРОДИЩА ПО СПЕЦІАЛЬНОЙ НИВЕЛЛИРОВКѢ.

АМБРАЗУРЫ ЗАПАДНОЙ СТѢНЫ ГОРОДИЩА (ВИДЪ СО ДВОРА).

РАЗРѢЗЫ КАМЕННАГО ГОРОДИЩА ПО СПЕЦІАЛЬНОЙ НИВЕЛЛИРОВКѢ.
РАЗРѢЗЪ ПО ЛИНІИ XY.
ОКОПКА ВОСТОЧНОЙ СТѢНЫ ГОРОДИЩА, ПРОТИВЪ АЛТАРЯ ЦЕРКВИ СВ. ГЕОРГІЯ.
4 Саж.
РАЗРѢЗЪ ПО ЛИНІИ KLM.
ЦЕРКОВЬ Св. Георгія.
Раскатная башня.
Климентовская башня.
ABCDEFW
HV
ВОЛХОВЪ
15 саж.

Разрѣзъ Каменнаго Городища по специальной нивеллировкѣ

по линіямъ NOP и PQR (въ развернутомъ видѣ).

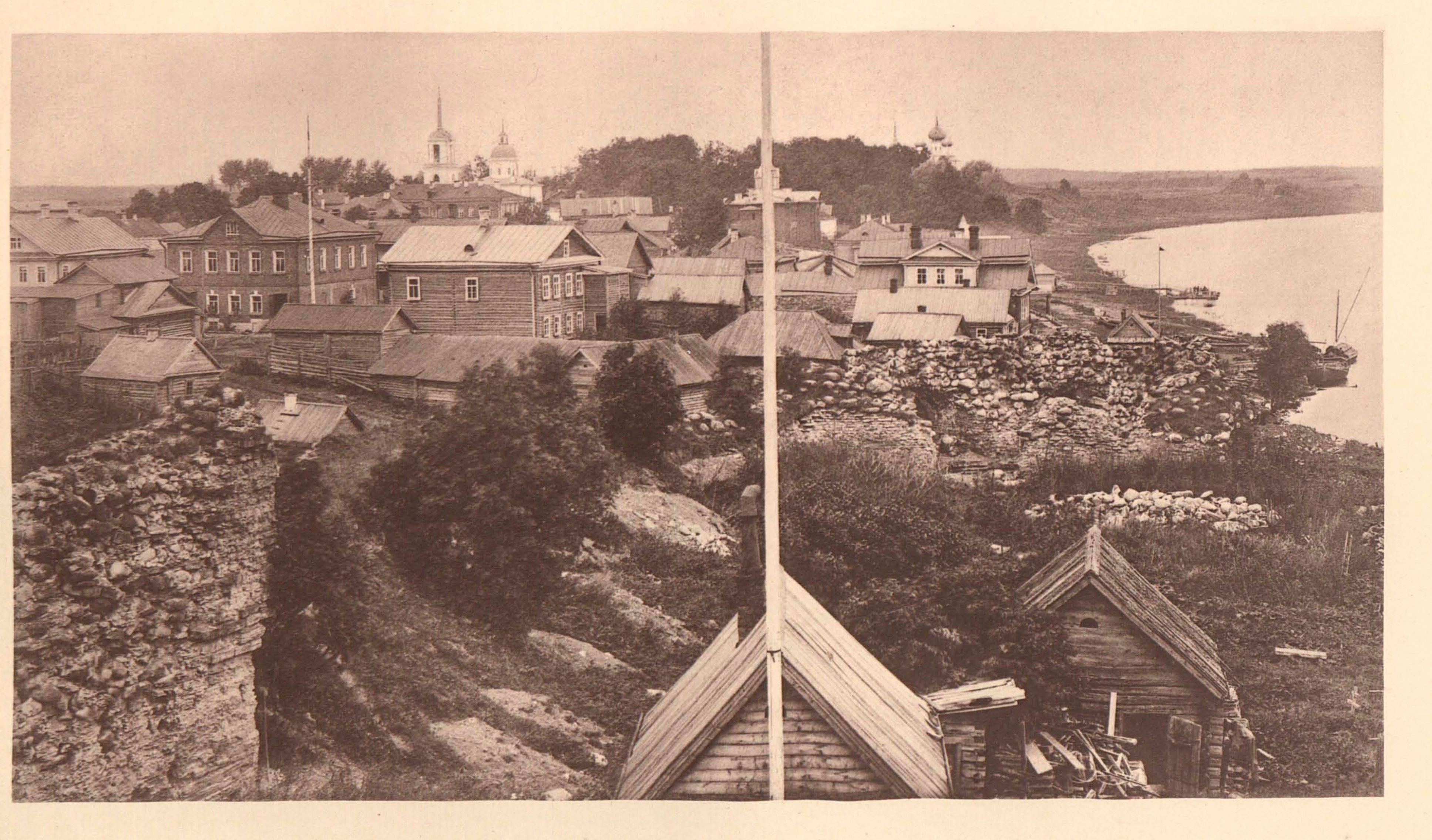
ОБЩІЙ ВИДЪ КАМЕННАГО ГОРОДИЩА СЪ ЗАПАДНОЙ СТОРОНЫ.

ВИДЪ ГОРОДИЩА СЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ СТОРОНЫ.

ВИДЪ ГОРОДИЩА СЪ СѢВЕРНОЙ СТОРОНЫ.

ВИДЪ СѢВЕРНОЙ ВНУТРЕННЕЙ ЧАСТИ ГОРОДИЩА

(СЪ КОЛОКОЛЬНИ ЦЕРКВИ СВ. ГЕОРГІЯ).

ВЕРХНЯЯ ЧАСТЬ ВОРОТНОЙ БАШНИ. СТРѢЛОЧНАЯ БАШНЯ.

Общій видъ Каменнаго городища съ восточной стороны.

ЛѢСТНИЦА КЪ КОЛОДЦУ ПОДЪ БЫВШЕЮ ТАЙНИЧНОЮ БАШНЕЮ
НА ВОСТОЧНОМЪ ФАСѢ ГОРОДИЩА.

ВОСТОЧНЫЯ АМБРАЗУРЫ ВЪ СТРѢЛОЧНОЙ БАШНѢ.

ОБНАЖЕНІЕ ОСТАТКОВЪ СТѢНЫ ВОСТОЧНАГО ФАСА ГОРОДИЩА

Раскатная башня съ сѣверо-восточной стороны.

Раскатная башня съ юго-восточной стороны.

ВИДЪ РАСКАТНОЙ БАШНИ (ДО РАСКОПОКЪ) СО СТОРОНЫ ДВОРА ГОРОДИЩА.

Видъ остатковъ амбразуръ III-го этажа Раскатной башни.

ОБЩІЙ ВИДЪ ГОРОДИЩА СЪ ЮЖНОЙ СТОРОНЫ.

ВИДЪ КЛИМЕНТОВСКОЙ БАШНИ СЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ СТОРОНЫ.

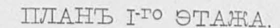

ВИДЪ ВНУТРЕННОСТИ КЛИМЕНТОВСКОЙ БАШНИ (ДО РАСКОПОКЪ).

Климентовская башня (видъ съ колокольни церкви Св. Георгія).

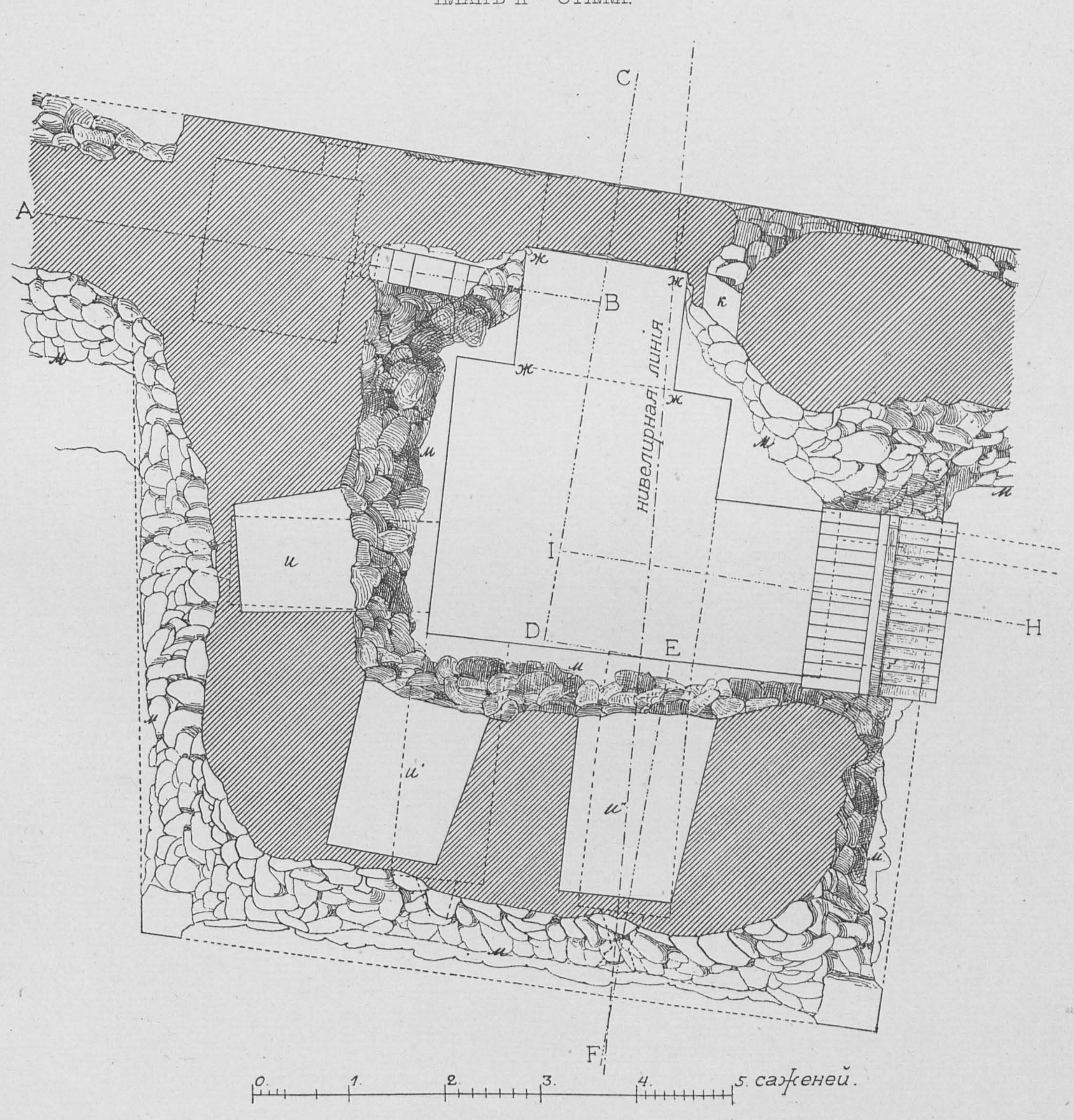
ВОРОТНАЯ БАШНЯ.

ПЛАНЪ I-го ЭТАЖА.

ВОРОТНАЯ БАШНЯ.

ПЛАНЪ II-го ЭТАЖА.

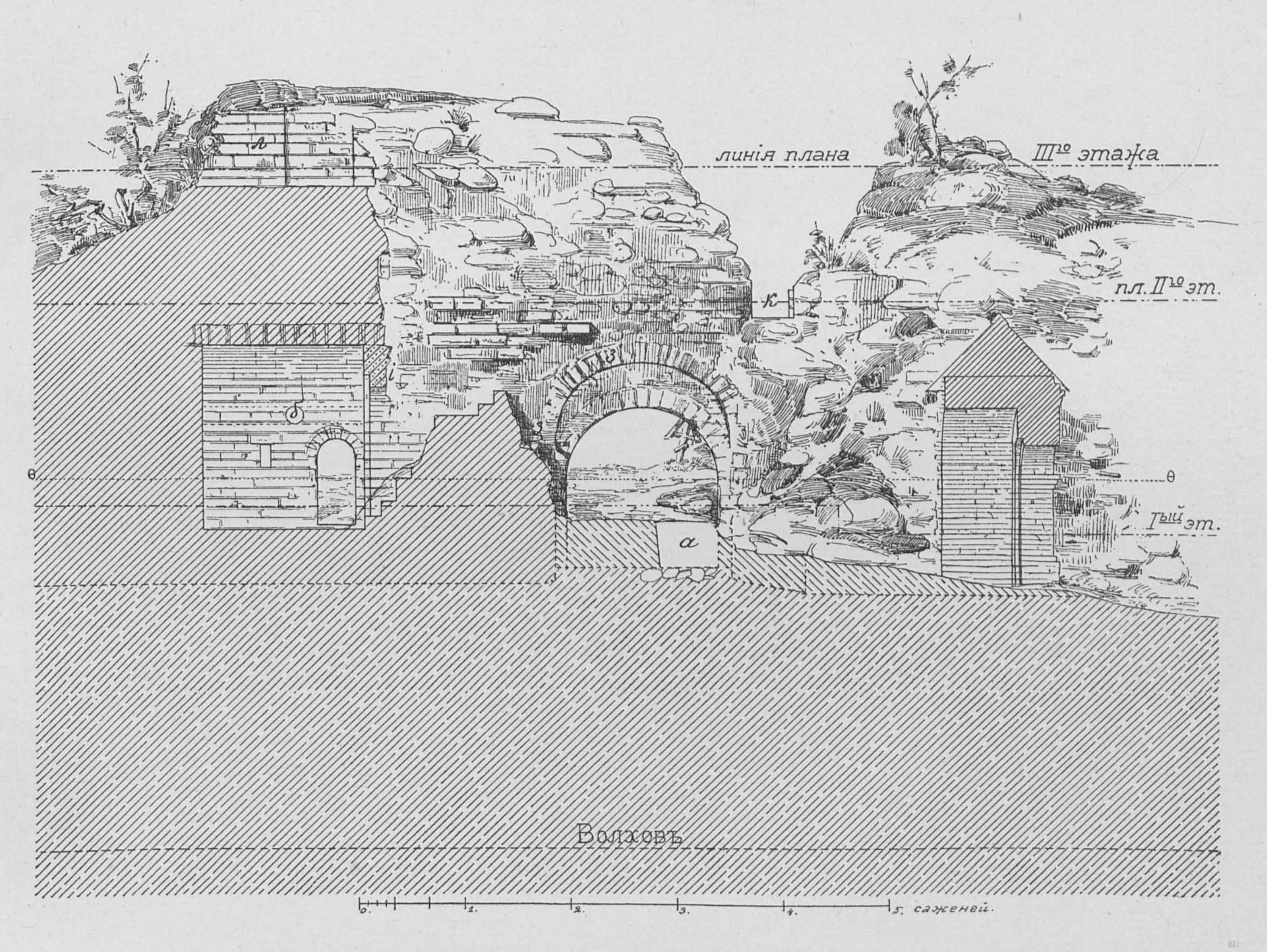
ВОРОТНАЯ БАШНЯ.

ПЛАНЪ III-го ЭТАЖА.

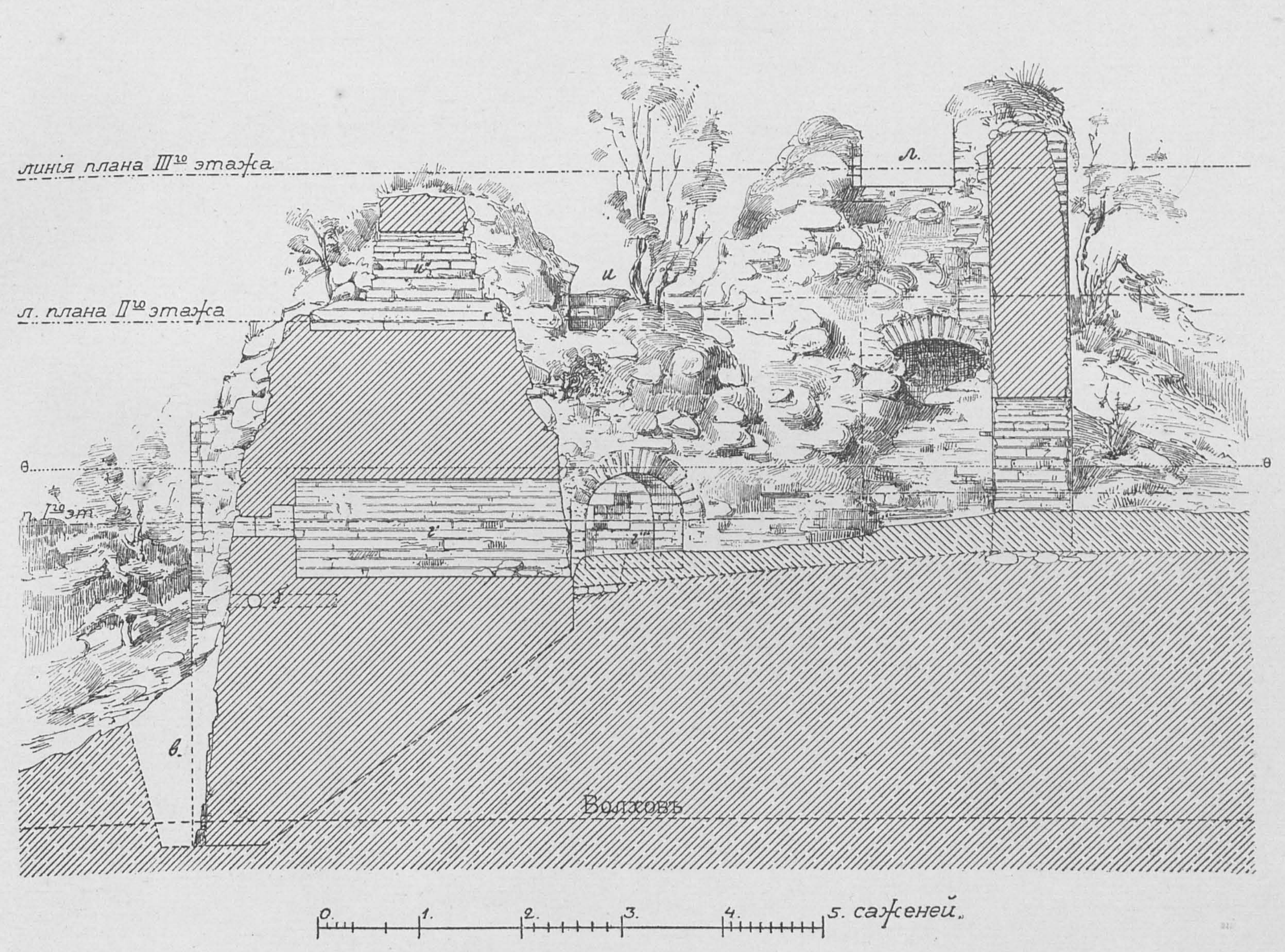
ВОРОТНАЯ БАШНЯ.

РАЗРѢЗЪ ПО ЛИНІИ АВІН.

ВОРОТНАЯ БАШНЯ.

РАЗРѢЗЪ ПО ЛИНІИ FEDC.

ВОРОТНАЯ БАШНЯ.

РАЗРѢЗЪ ПО ЛИНІИ CDEF.

линія плана III-го этажа.

линія плана II-го этажа.

к

е — е

а

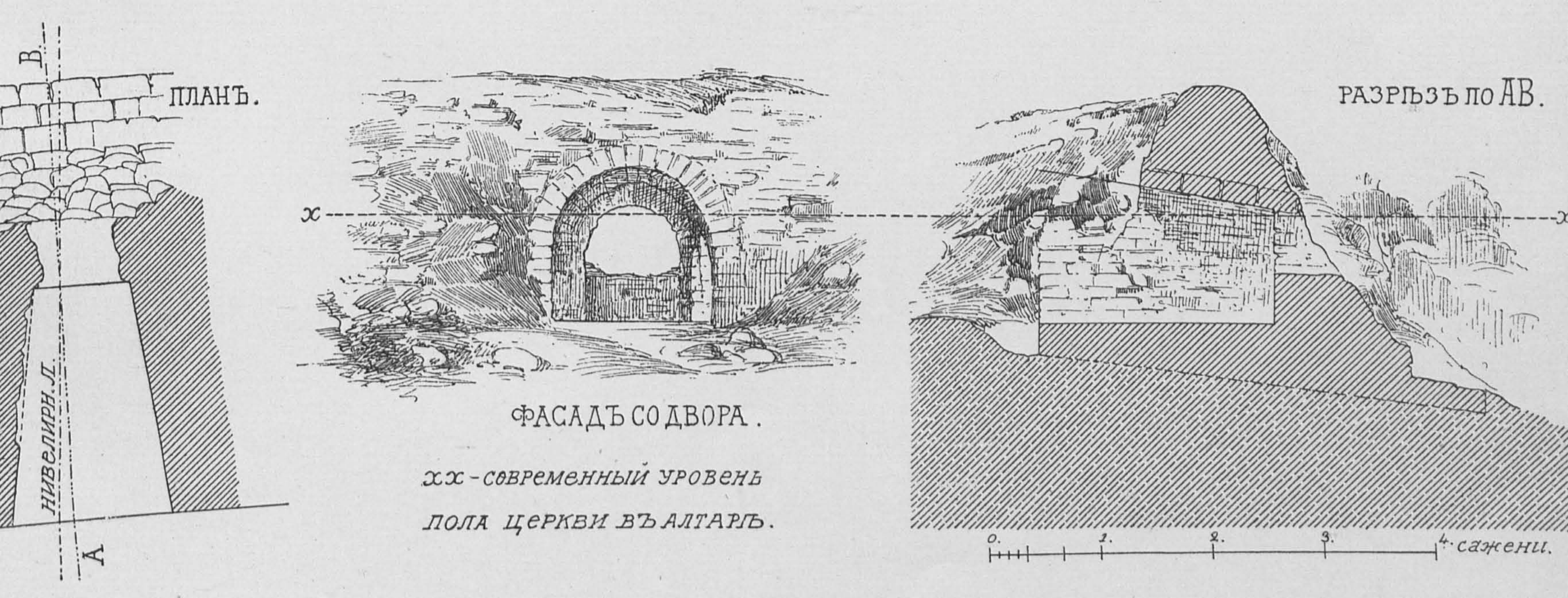
I-ый эт.

1.

Волховъ

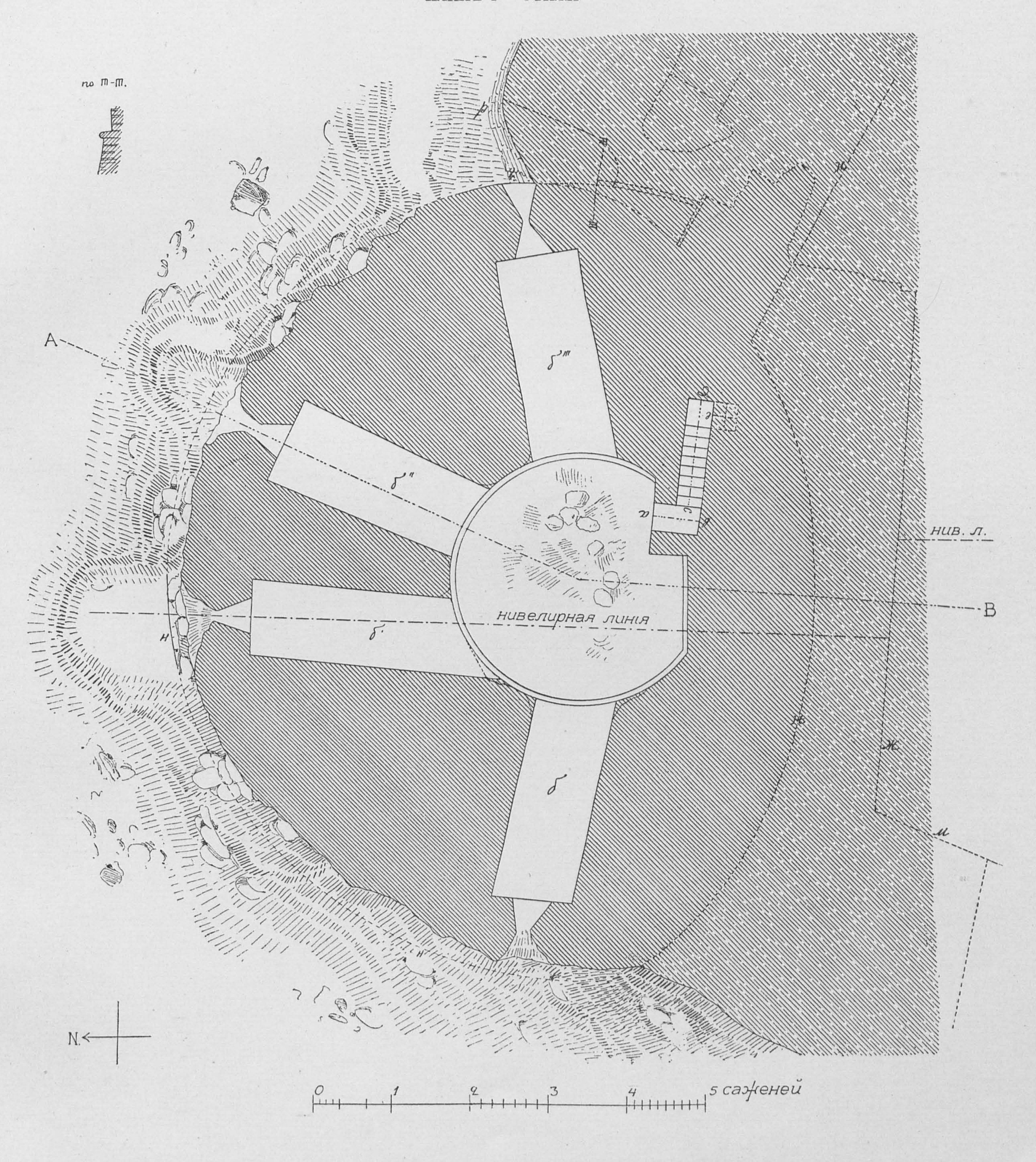
0. 1. 2. 3. 4. 5 саженей.

ЮЖНАЯ АМБРАЗУРА g' ВЪ СТѢНѢ МЕЖДУ ВОРОТНОЙ И СТРѢЛОЧНОЙ БАШНЯМИ (ЗАПАДНЫЙ ФАСЪ ГОРОДИЩА).

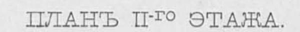

СТРѢЛОЧНАЯ БАШНЯ.

ПЛАНЪ I-го ЭТАЖА.

СТРѢЛОЧНАЯ БАШНЯ.

A

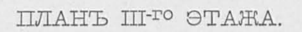
B

нив. линія

нивелирная линія

0. 1. 2. 3. 4. 5. саженей.

СТРѢЛОЧНАЯ БАШНЯ.

р

с

л

к

п

о

3'''

A

3''

ф

нив. линія

B

нивелирная линія

й

3'

3

0. 1. 2. 3. 4 5. саженей.

СТРѢЛОЧНАЯ БАШНЯ.

РАЗРѢЗЪ ПО ЛИНІИ АВ.

θ IIой эт. θ

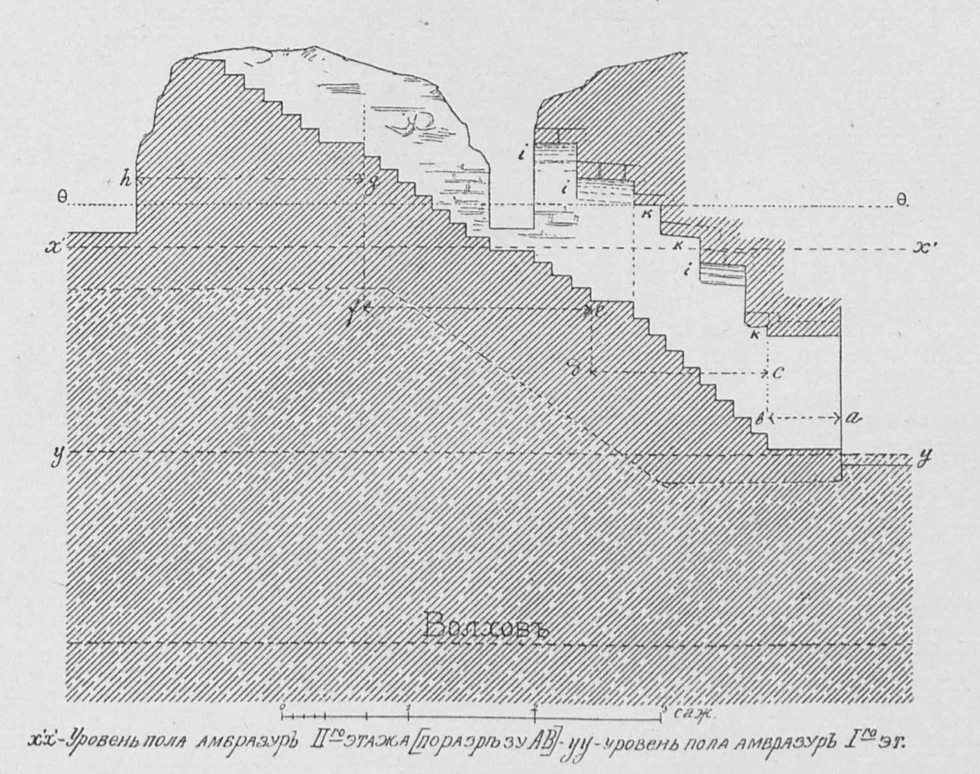
3' 3'' u

Iый этажъ

Волховъ

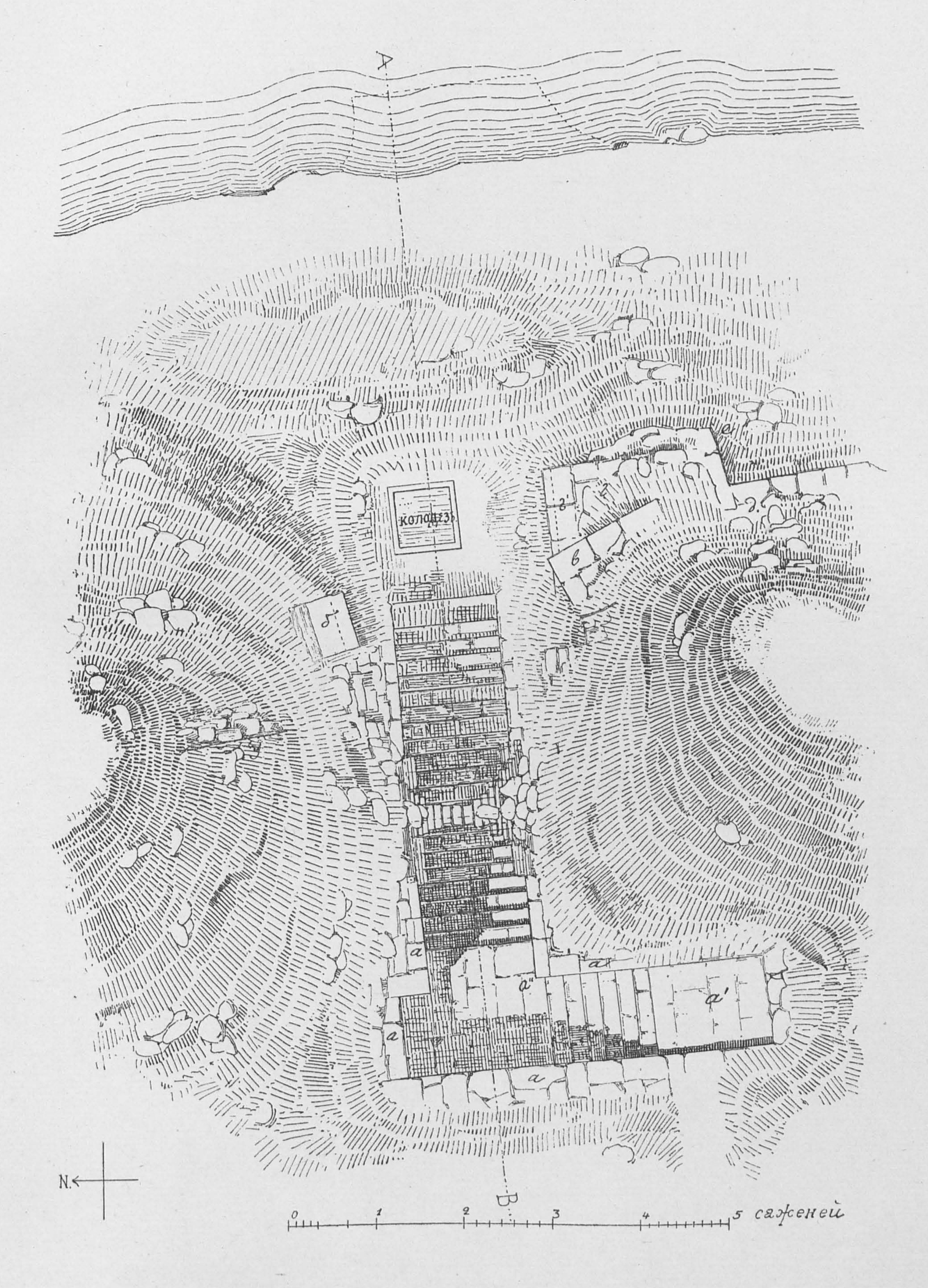
0. 1. 2. 3. 4. 5. саженей.

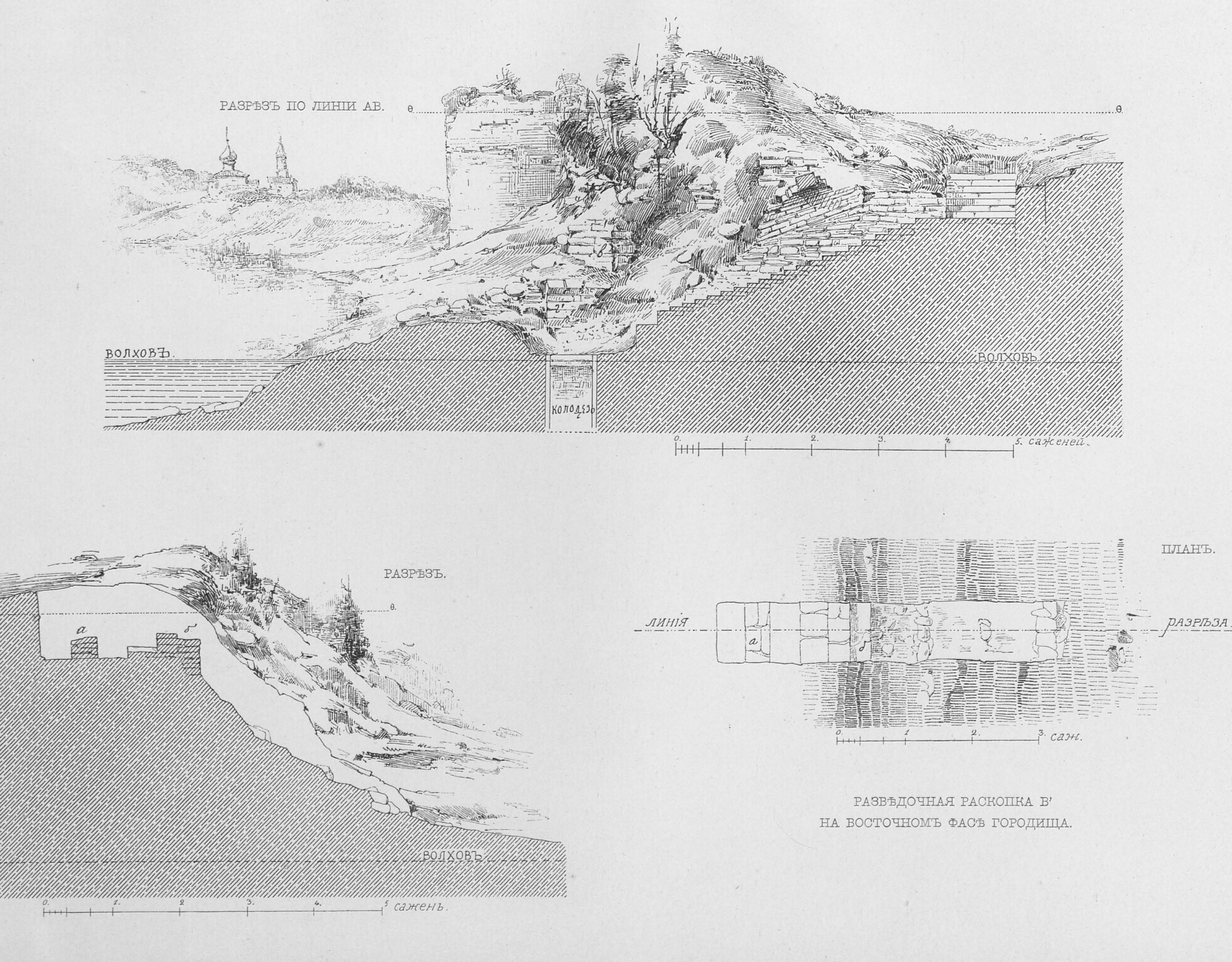
РАЗРѢЗЪ ЛѢСТНИЦЫ ПО ЛИНІЯМЪ ab, cd, ef и gh
(ВЪ РАЗВЕРНУТОМЪ ВИДѢ).

xx'-Уровень пола амбразуръ IIго этажа [по разрѣзу АВ] - yy - уровень пола амбразуръ Iго эт.

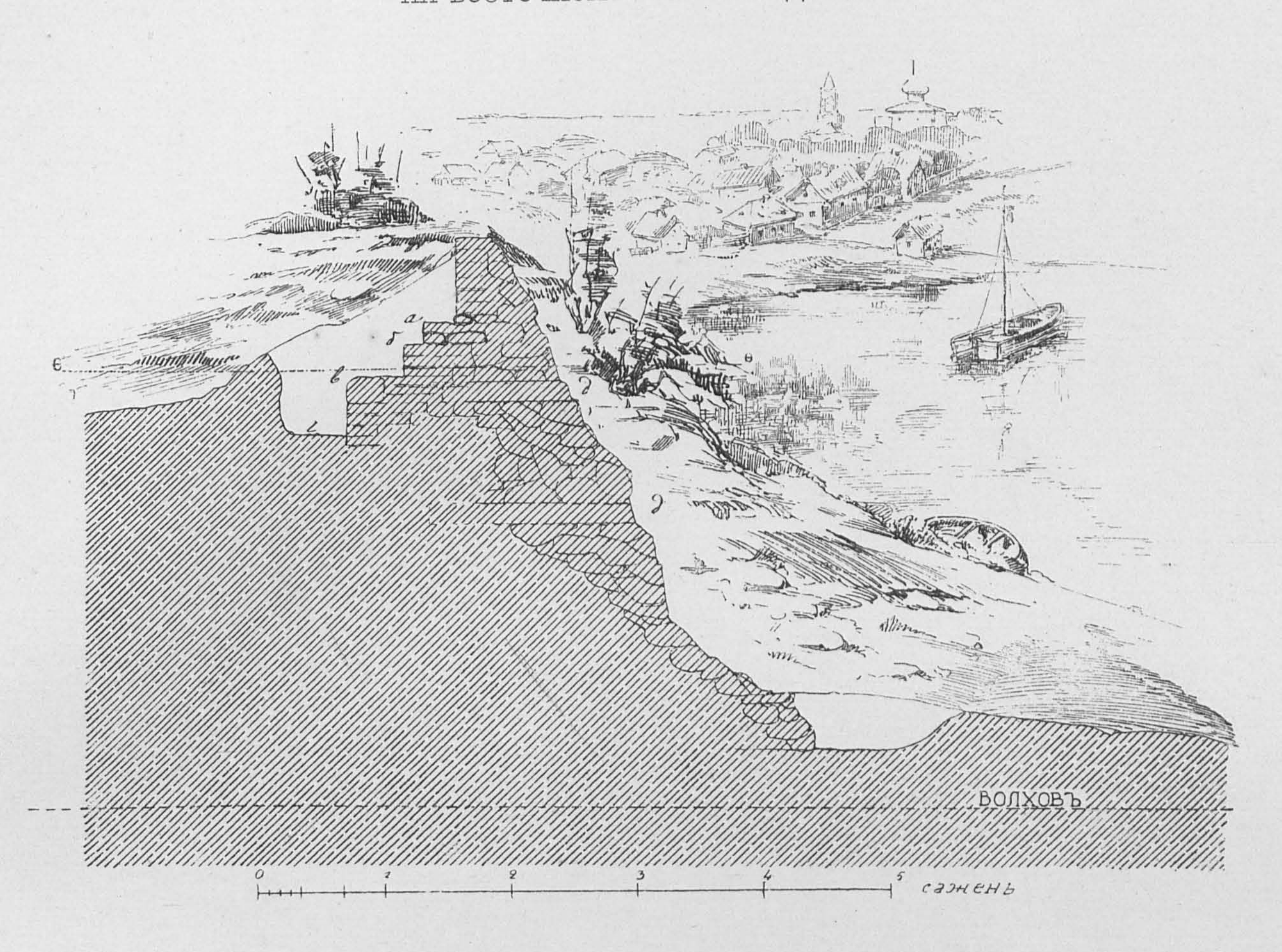
ПЛАНЪ ЛѢСТНИЦЫ КЪ КОЛОДЦУ ПОДЪ БЫВШЕЙ ТАЙНИЧНОЙ БАШНЕЙ
НА ВОСТОЧНОМЪ ФАСѢ ГОРОДИЩА.

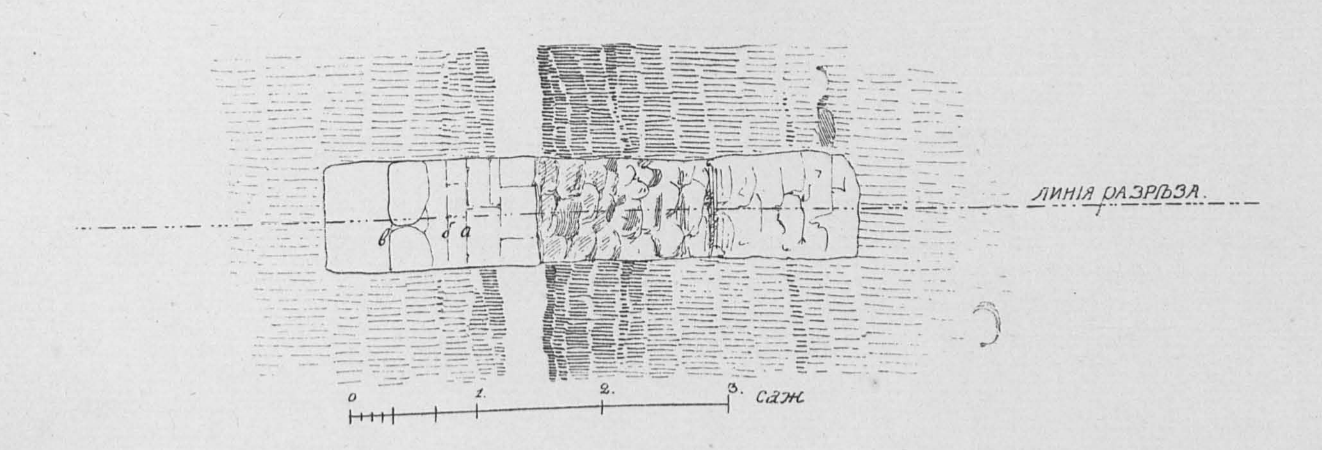

РАЗВѢДОЧНАЯ РАСКОПКА В'
НА ВОСТОЧНОМЪ ФАСѢ ГОРОДИЩА.

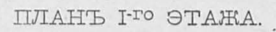
РАЗВѢДОЧНАЯ РАСКОПКА А'
НА ВОСТОЧНОМЪ ФАСѢ ГОРОДИЩА.

ПЛАНЪ РАСКОПКИ.

РАСКАТНАЯ БАШНЯ.

N.

Е

а'

а"

а.

В

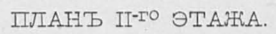
Г

нивеллирная линия

Д

0. 1. 2. 3. 4. 5. саженей.

РАСКАТНАЯ БАШНЯ.

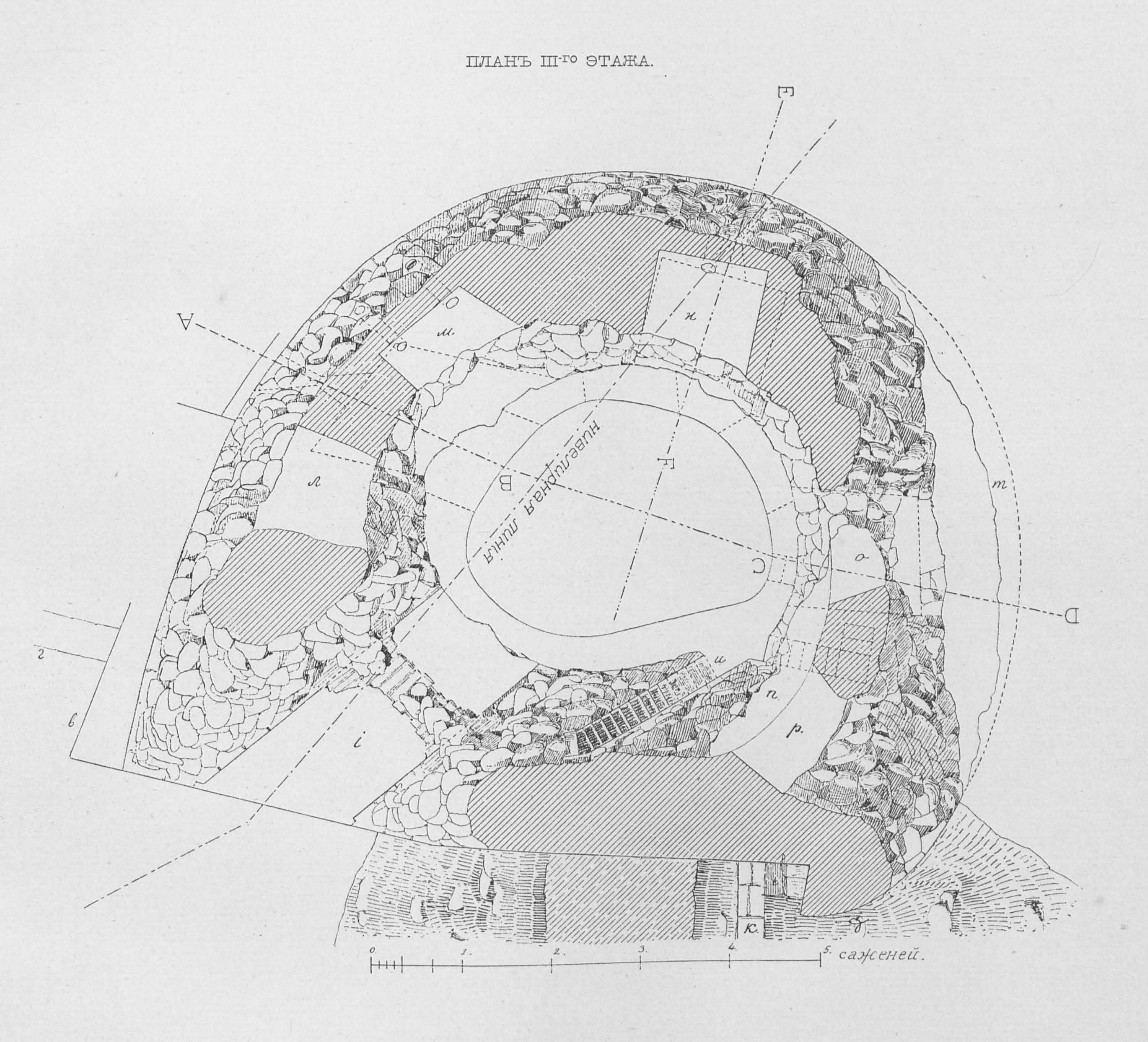

E
A
ж
ж'
B
F
C
ж''
D
т
г.
в.
нивелирная линия
и
з.

0 1 2 3 4 5 саженей

РАСКАТНАЯ БАШНЯ.

ПЛАНЪ III-ГО ЭТАЖА.

РАСКАТНАЯ БАШНЯ.

РАЗРѢЗЪ ПО ЛИНІИ ABCD.

ЛИНІЯ ПЛАНА III-го ЭТАЖА

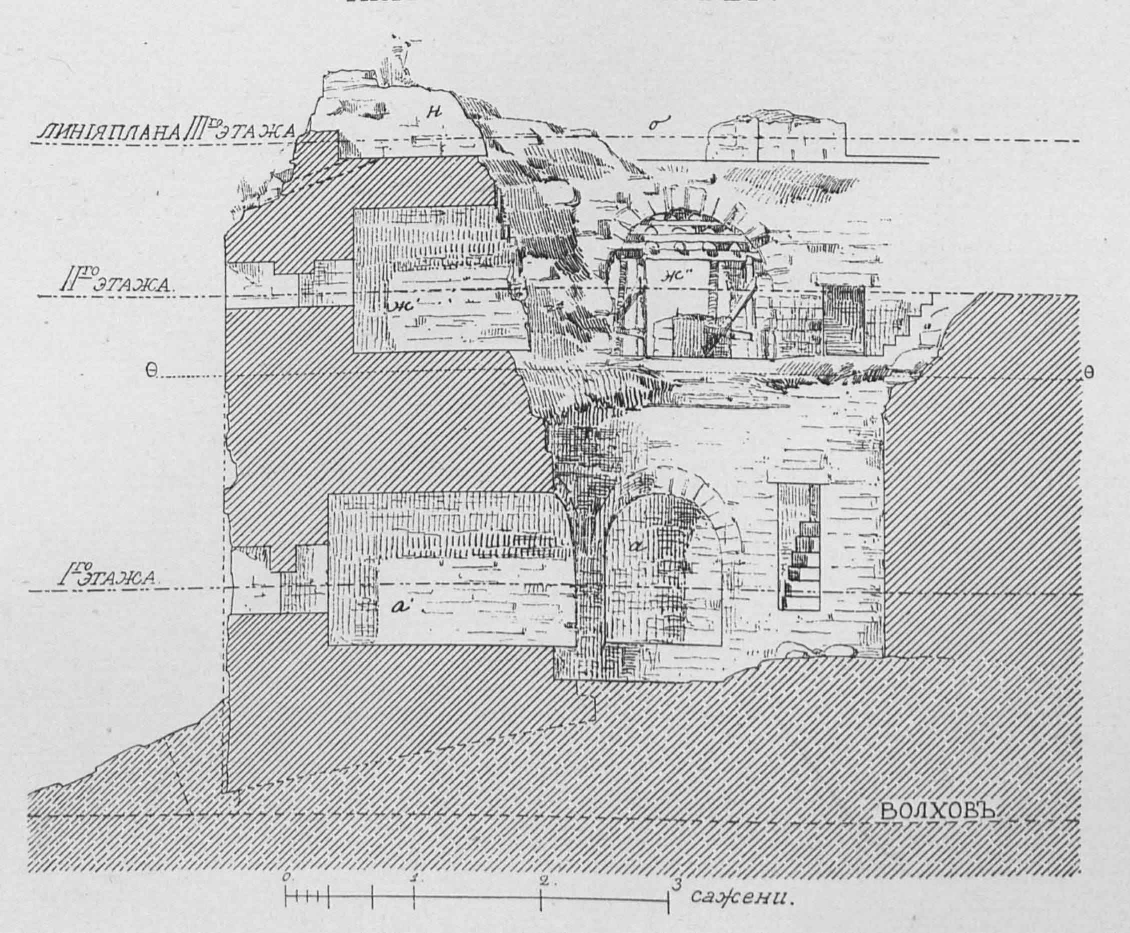
II-го ЭТ.

I-го ЭТАЖА

ВОЛХОВЪ

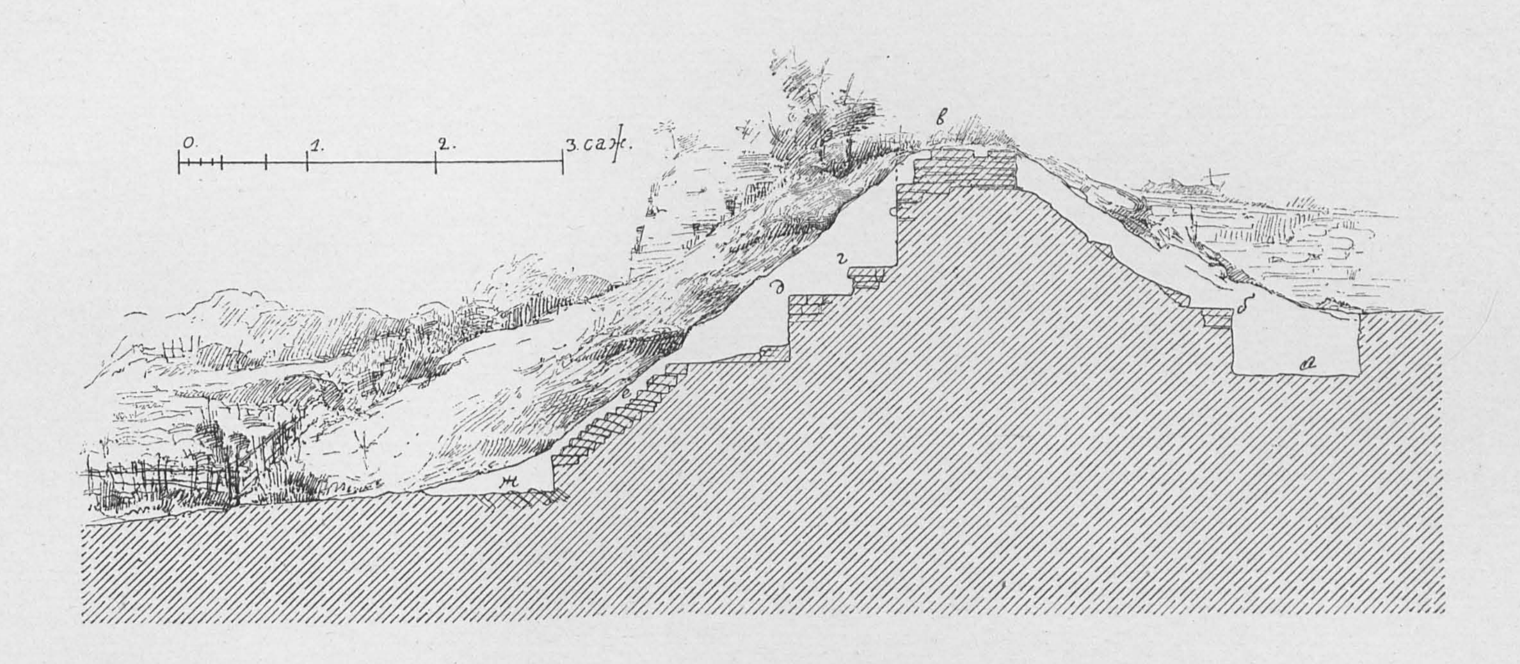
0. 1. 2. 3. 4. 5. саженей.

РАЗРѢЗЪ ПО ЛИНІЯМЪ EF и E'F'.

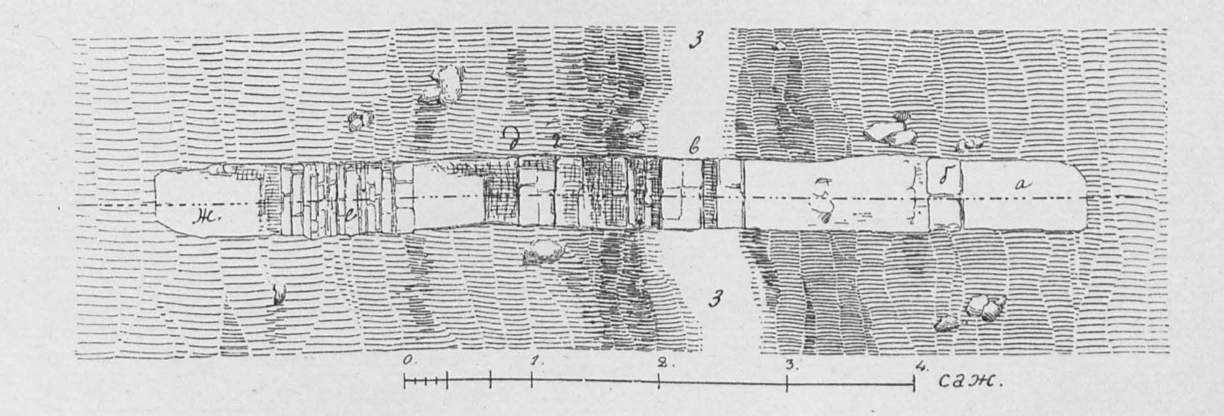

РАЗВѢДОЧНАЯ РАСКОПКА С'

НА ЮЖНОМЪ ФАСѢ ГОРОДИЩА.

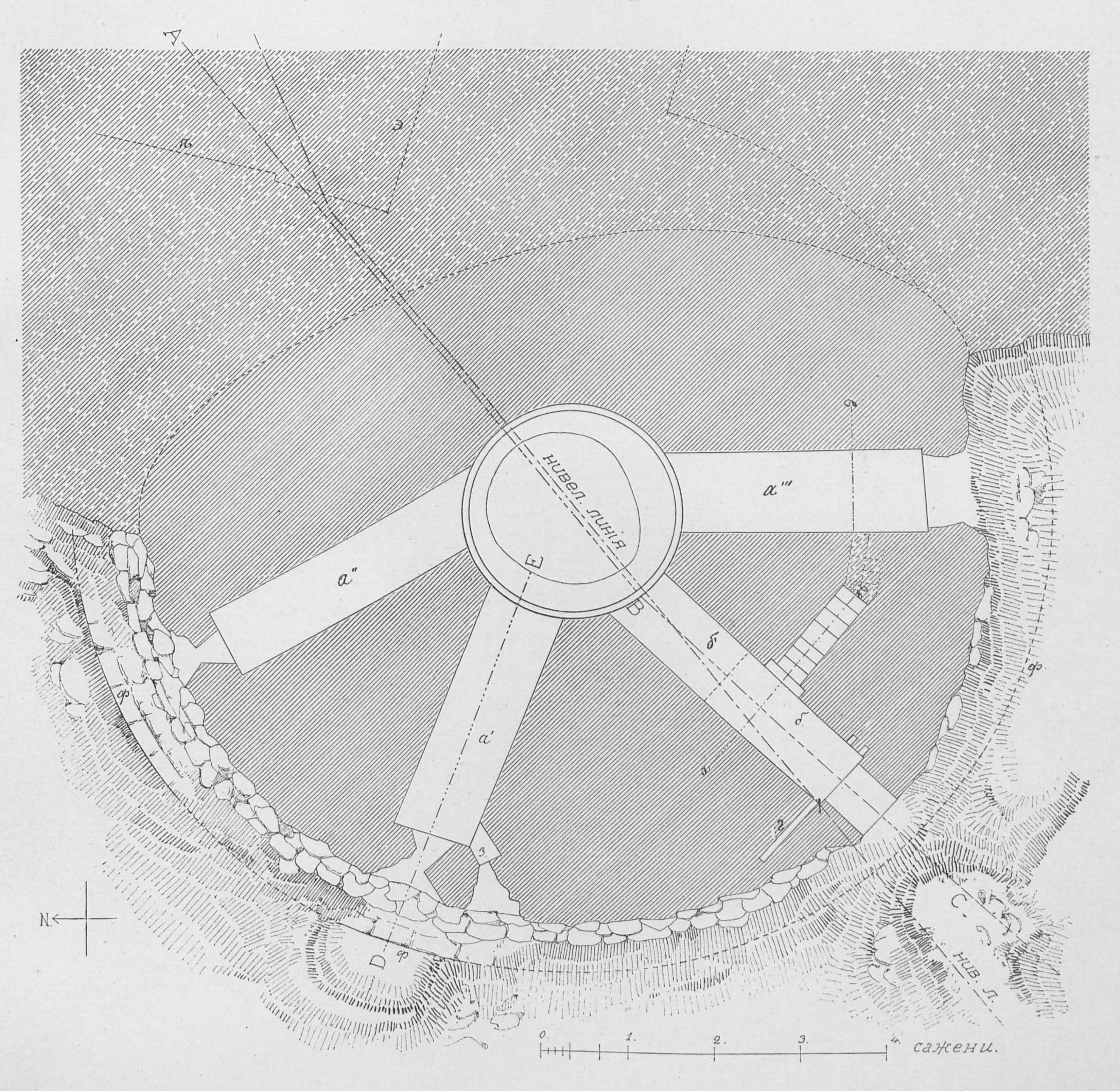

ПЛАНЪ РАСКОПКИ.

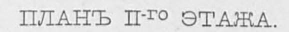

КЛИМЕНТОВСКАЯ БАШНЯ.

ПЛАНЪ I-го ЭТАЖА.

КЛИМЕНТОВСКАЯ БАШНЯ.

ПЛАНЪ II-го ЭТАЖА.

нивелирная линія

A.

B.

C.

D.

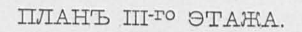
E

F.

нив. л.

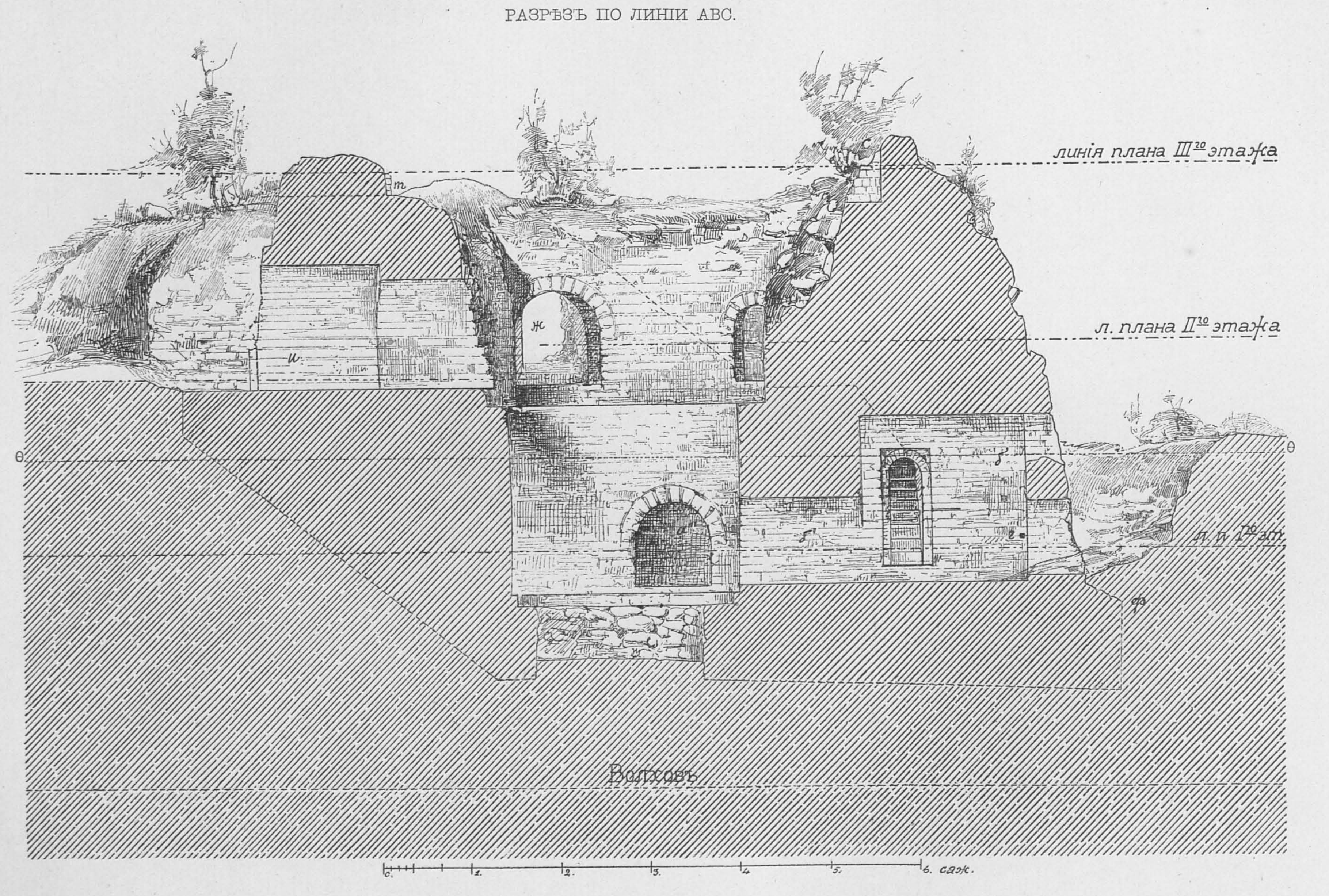
0 1 2 3 4 5 саженей

КЛИМЕНТОВСКАЯ БАШНЯ.

КЛИМЕНТОВСКАЯ БАШНЯ.

РАЗРѢЗЪ ПО ЛИНІИ АВС.

КЛИМЕНТОВСКАЯ БАШНЯ.

РАЗРѢЗЪ ЛѢСТНИЦЫ (ВЪ РАЗВЕРНУТОМЪ ВИДѢ)
ПО ЛИНІЯМЪ ab, cd, ef, gh и fk.

РАЗРѢЗЪ ПО ЛИНІЯМЪ FE и DE.

АМБРАЗУРЫ ВЪ СТѢНѢ МЕЖДУ КЛИМЕНТОВСКОЙ И ВОРОТНОЙ БАШНЯМИ.

(ЗАПАДНЫЙ ФАСЪ ГОРОДИЩА).

ЮЖНАЯ АМБРАЗУРА D'.

1.

ФАСАДЪ СО ДВОРА.

РАЗРѢЗЪ ПО ЛИНІИ АВ.

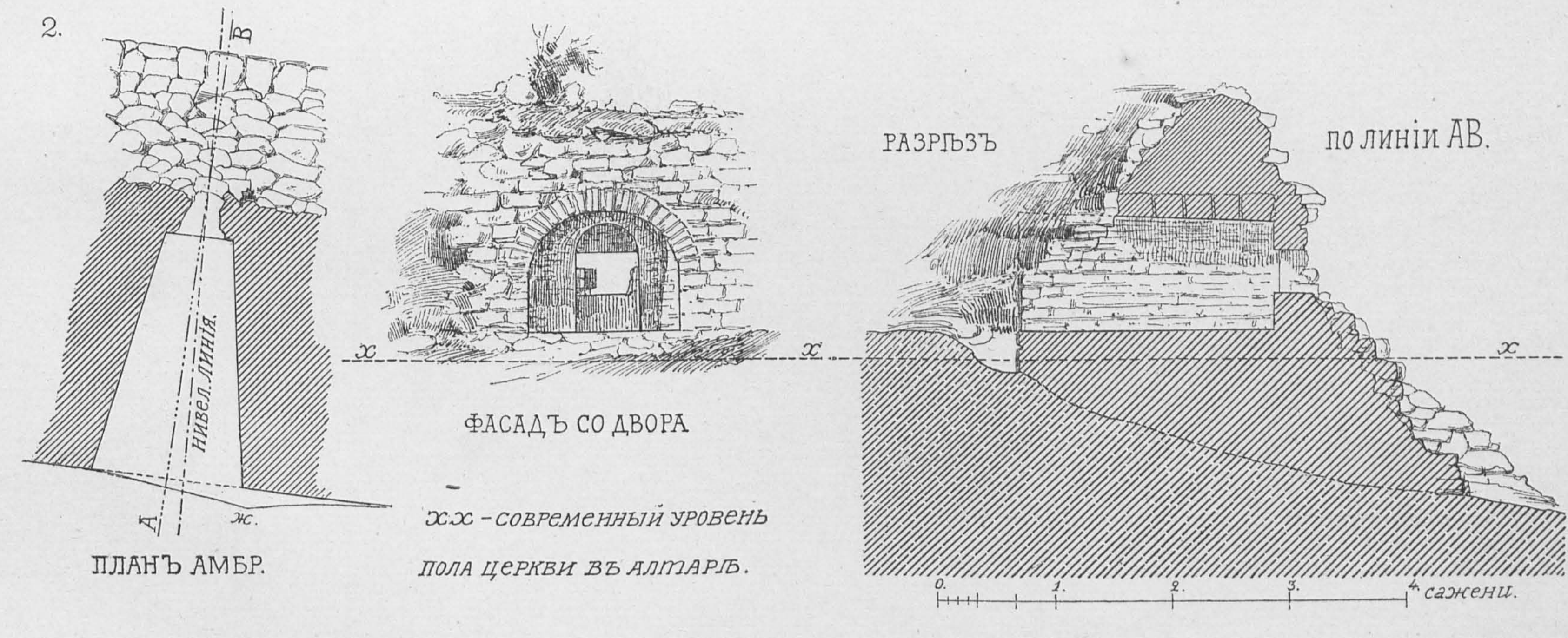
нивелирная линія.

хх - современый уровень пола церкви въ алтарѣ.

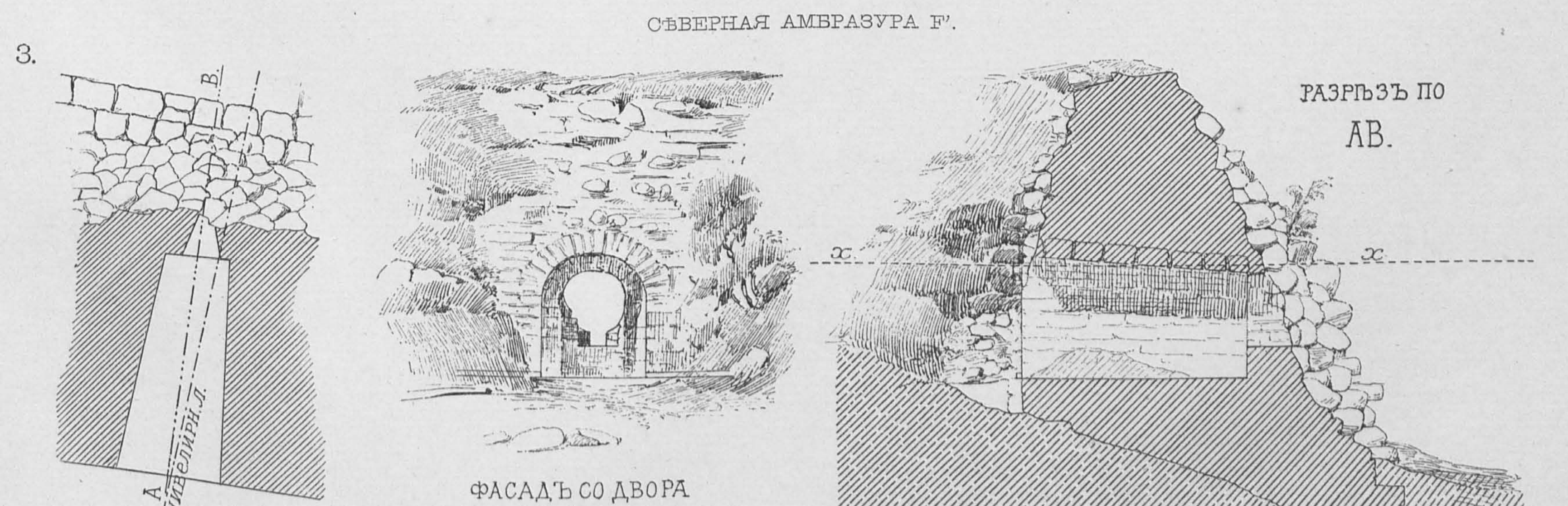
ПЛАНЪ АМБРАЗУРЫ.

0 1 2 3. 4. сажени.

СРЕДНЯЯ АМБРАЗУРА E'.

СѢВЕРНАЯ АМБРАЗУРА F'.

ПЛАНЪ ЗЕМЛЯНОГО ГОРОДИЩА ВЪ СТАРОЙ ЛАДОГѢ, ГДѢ БЫЛЪ „ДЕРЕВЯННЫЙ ГОРОДЪ“ (КРѢПОСТЬ).

рѣка Волховъ.

огородъ свящ.

огородъ

дорога изъ старой ладоги въ никольскій монастырь

провалы.

болото съ ключами.

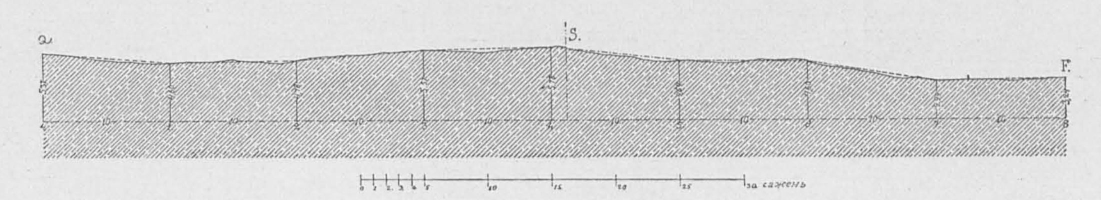
1. домъ купца Масленникова.
2. училище.
3. службы.
4. домъ священника.
5. домъ псаломщика.
6. службы.
7. часовня [мѣсто ц. св. Климента].
8. бойня.
9. кирп. обжигат. печь.

25 саженъ.

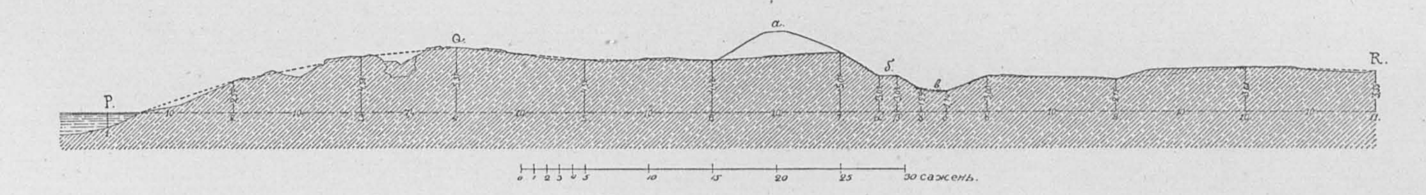
РАЗРѢЗЫ ЗЕМЛЯНОГО ГОРОДИЩА, ГДѢ БЫЛЪ „ДЕРЕВЯННЫЙ ГОРОДЪ" (КРѢПОСТЬ),

ПО СПЕЦІАЛЬНОЙ НИВЕЛЛИРОВКѢ.

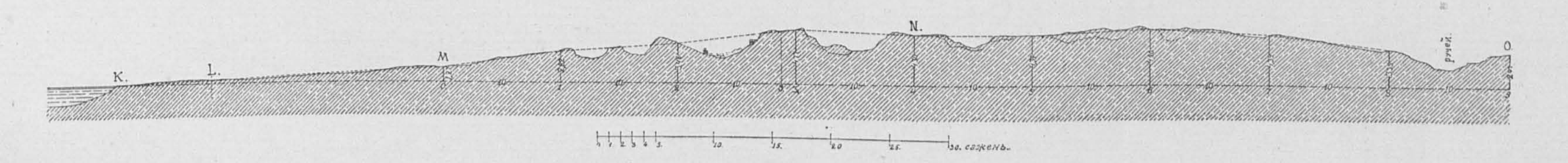
РАЗРѢЗЪ ПО ЛИНІИ QSF.

РАЗРѢЗЪ ПО ЛИНІИ PQR.

РАЗРѢЗЪ ПО ЛИНІИ KMNO.

1.

ВИДЪ ЦЕРКВИ СВ. ГЕОРГІЯ ВЪ КАМЕННОМЪ ГОРОДИЩѢ.

(СЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ СТОРОНЫ).

2.

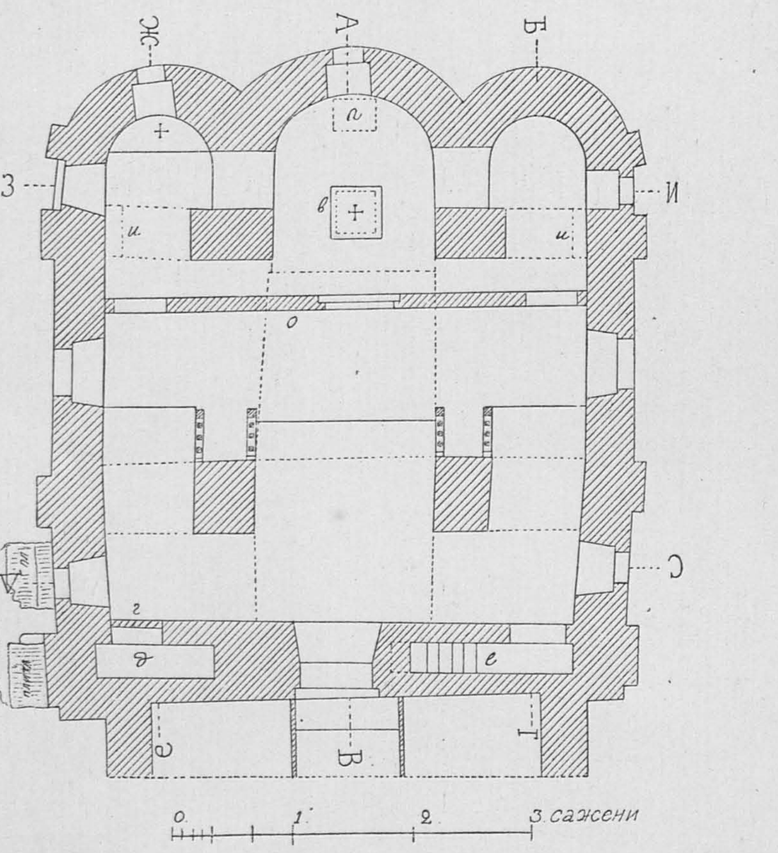
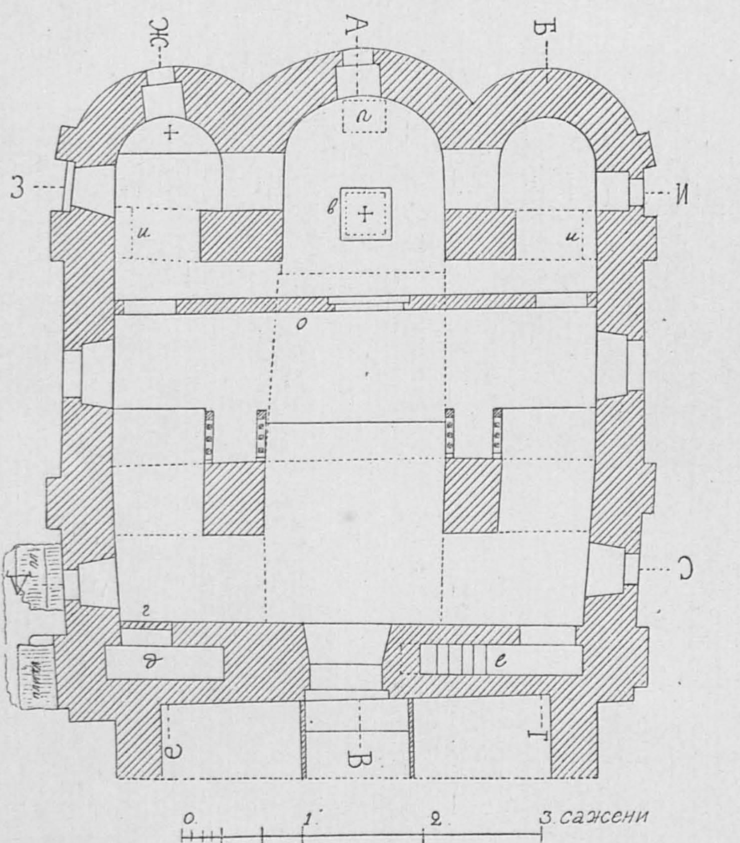
ДЕРЕВЯННЫЙ КРЕСТЪ (1711 г.)

ВЪ ПАМЯТЬ СУЩЕСТВОВАВШЕЙ ВЪ ЛАДОГѢ ЦЕРКВИ ВО ИМЯ СИМЕОНА БОГОПРИИМЦА.

ЦЕРКОВЬ СВ. ГЕОРГІЯ ВЪ КАМЕННОМЪ ГОРОДИЩѢ ВЪ СТАРОЙ ЛАДОГѢ.

ПЛАНЪ I-ГО ЭТАЖА.

1.

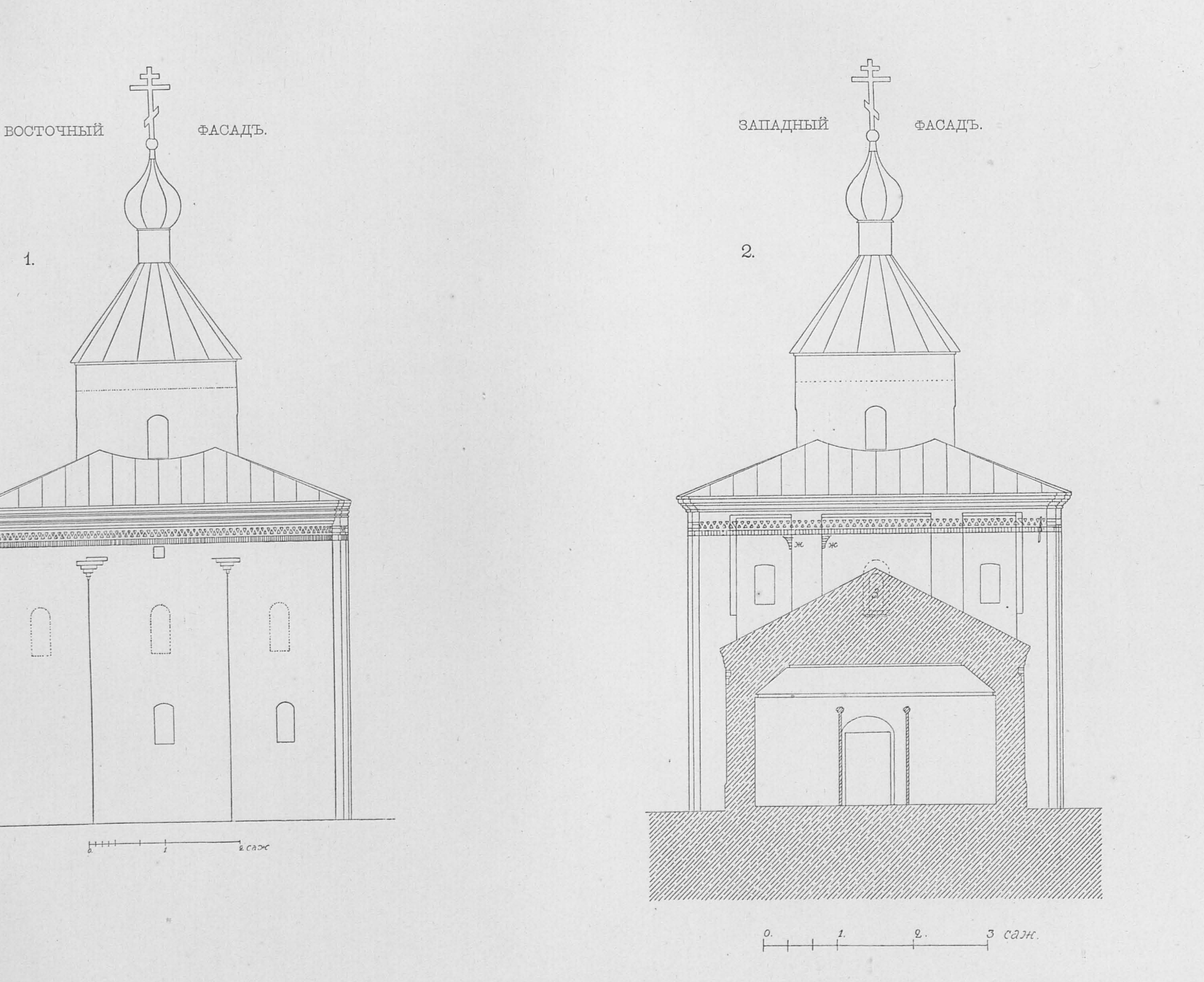

ПЛАНЪ II-ГО ЭТАЖА (ХОРЪ).

2.

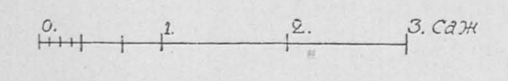
Ж
А
Б
З
И
С
В
Г
0.
1.
2.
3. саж.

ЦЕРКОВЬ СВ. ГЕОРГІЯ ВЪ КАМЕННОМЪ ГОРОДИЩѢ.

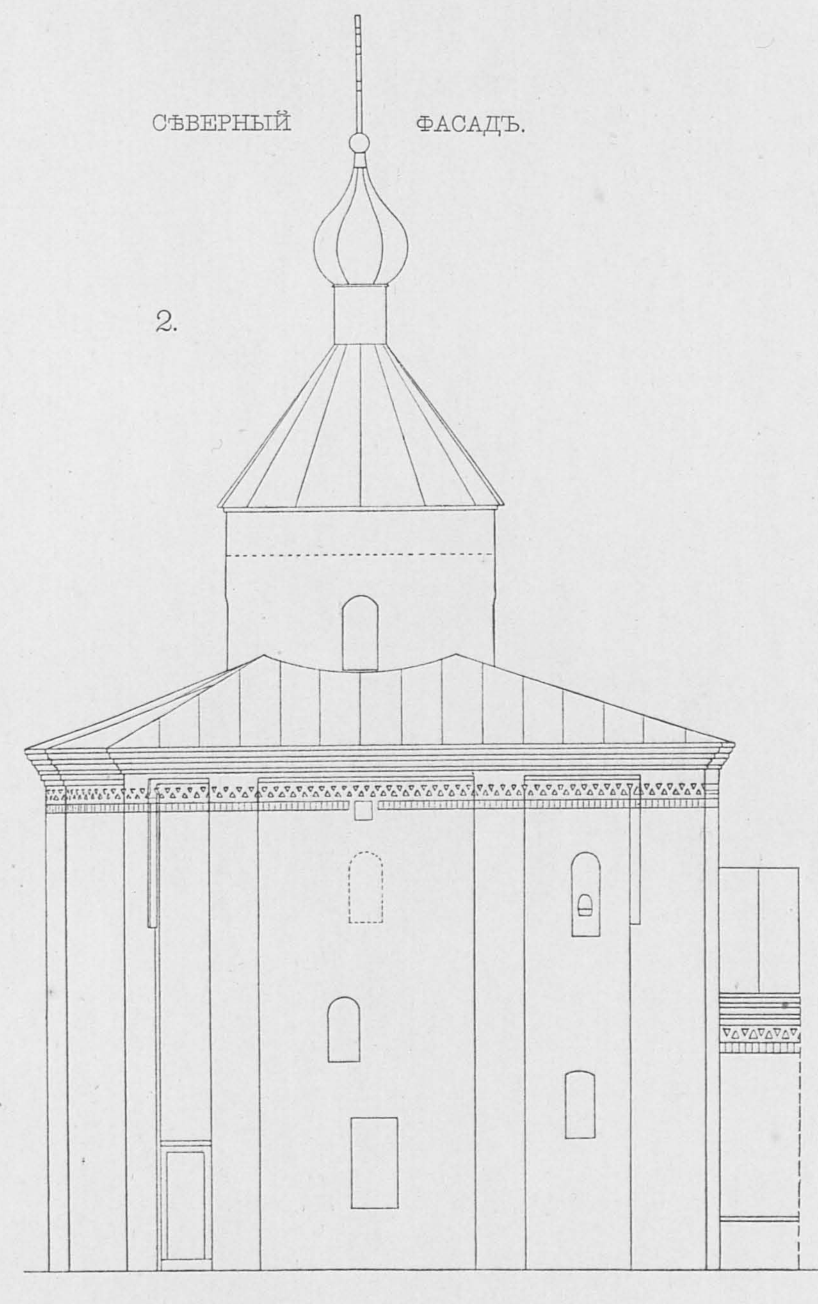

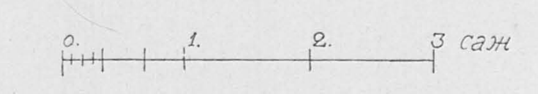
ЦЕРКОВЬ СВ. ГЕОРГІЯ ВЪ КАМЕННОМЪ ГОРОДИЩѢ.

1. ЮЖНЫЙ ФАСАДЪ.

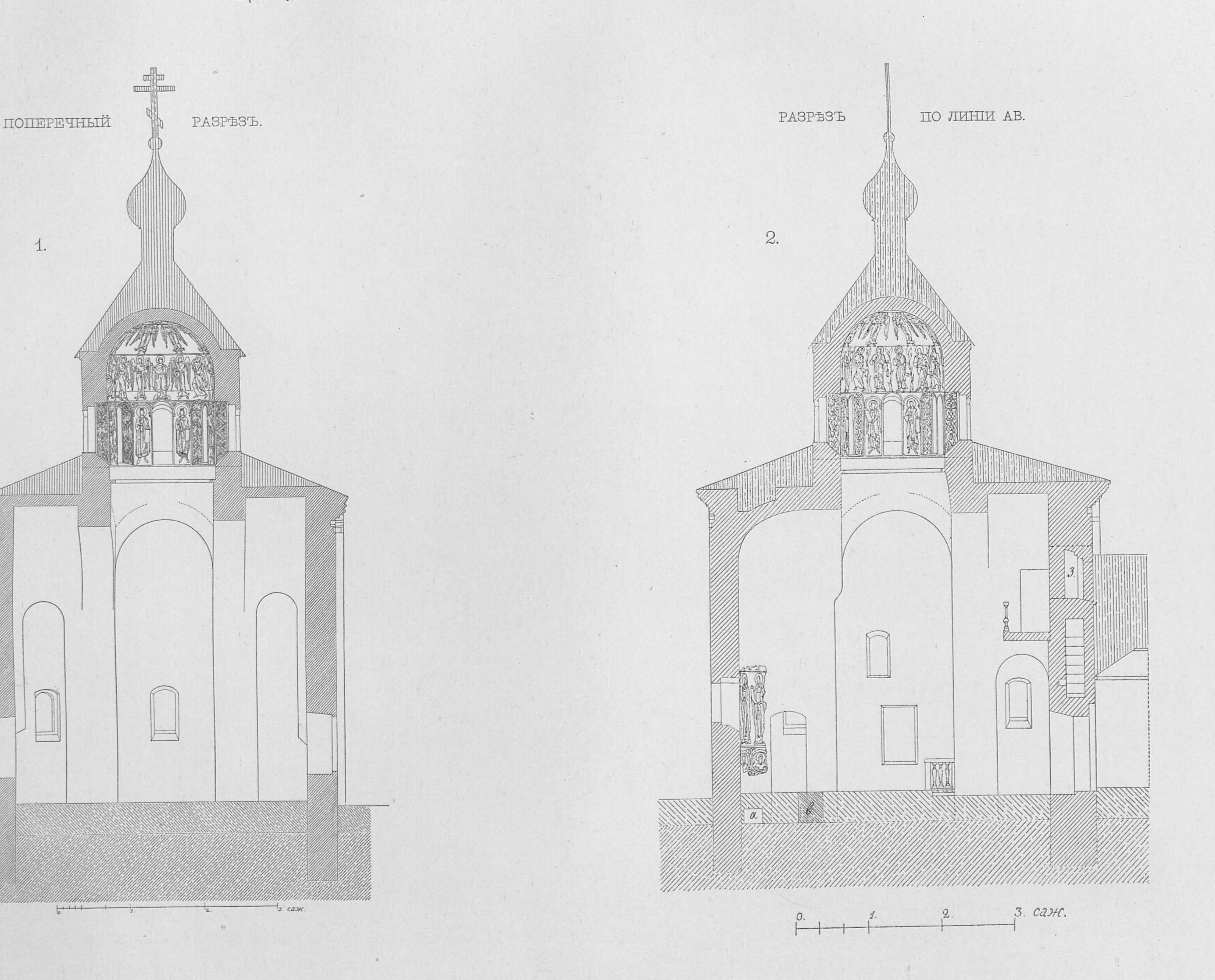

2. СѢВЕРНЫЙ ФАСАДЪ.

ЦЕРКОВЬ СВ. ГЕОРГІЯ ВЪ КАМЕННОМЪ ГОРОДИЩѢ.

ЦЕРКОВЬ СВ. ГЕОРГІЯ ВЪ КАМЕННОМЪ ГОРОДИЩѢ.

1.

РАЗРѢЗЪ ПО ЛИНІИ ЕЖ.

0. 1 2 3. саж

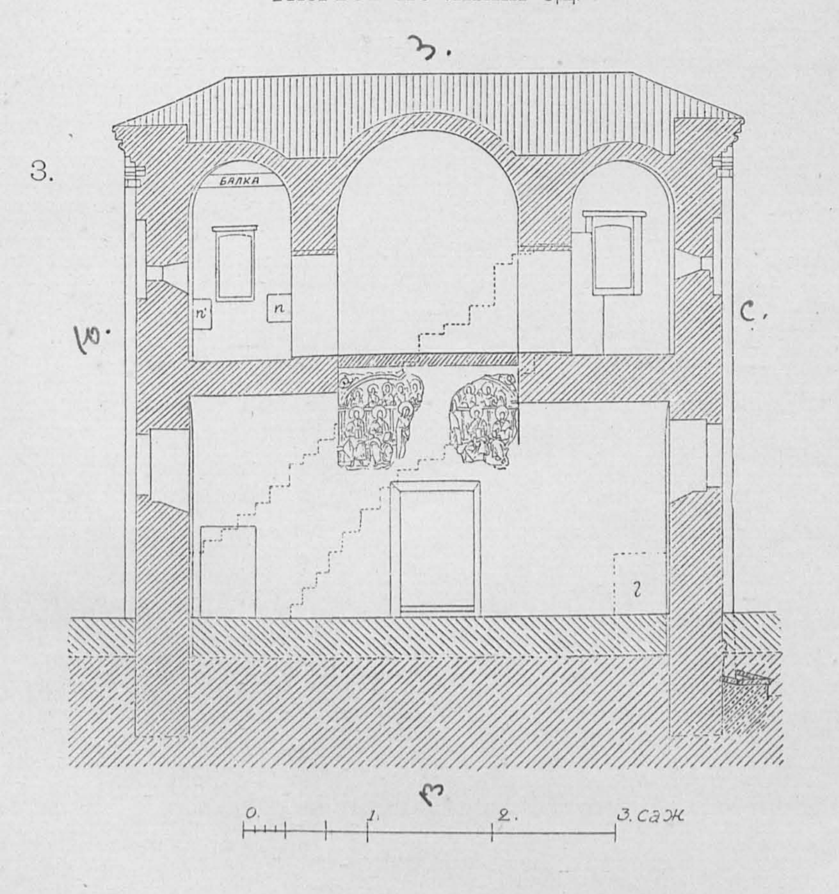
2.

РАЗРѢЗЪ ПО ЛИНІИ ЗИ.

0 1. 2. 3. саж.

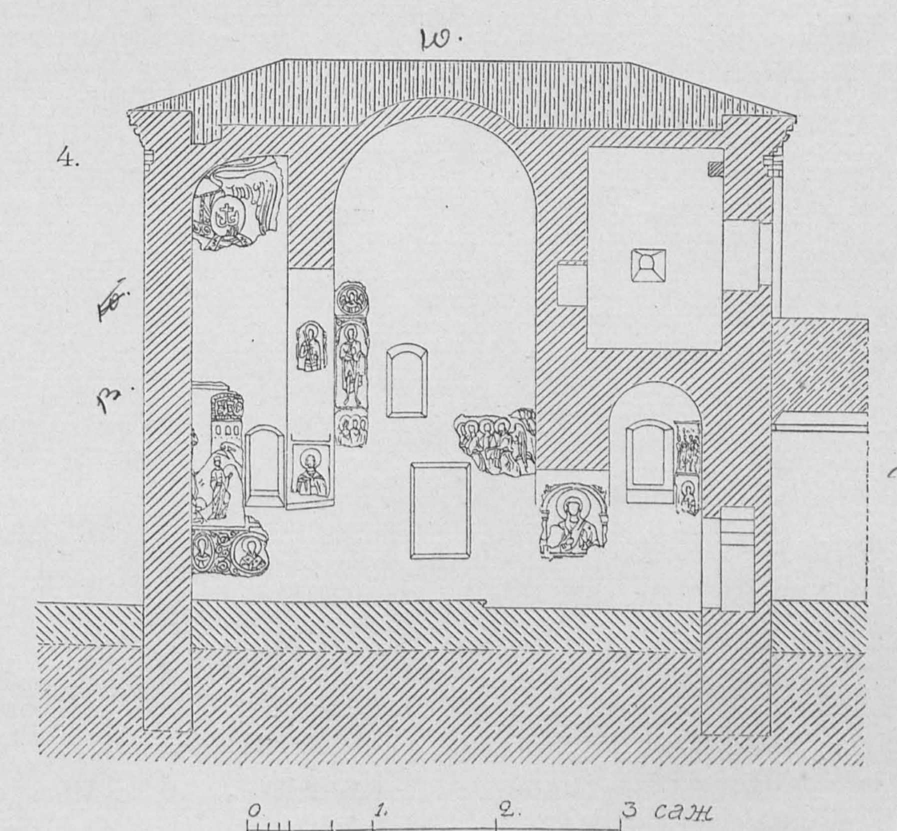
3.

РАЗРѢЗЪ ПО ЛИНІИ СД.

4.

РАЗРѢЗЪ ПО ЛИНІИ БГ.

1 ВИДЪ СЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ СТОРОНЫ.

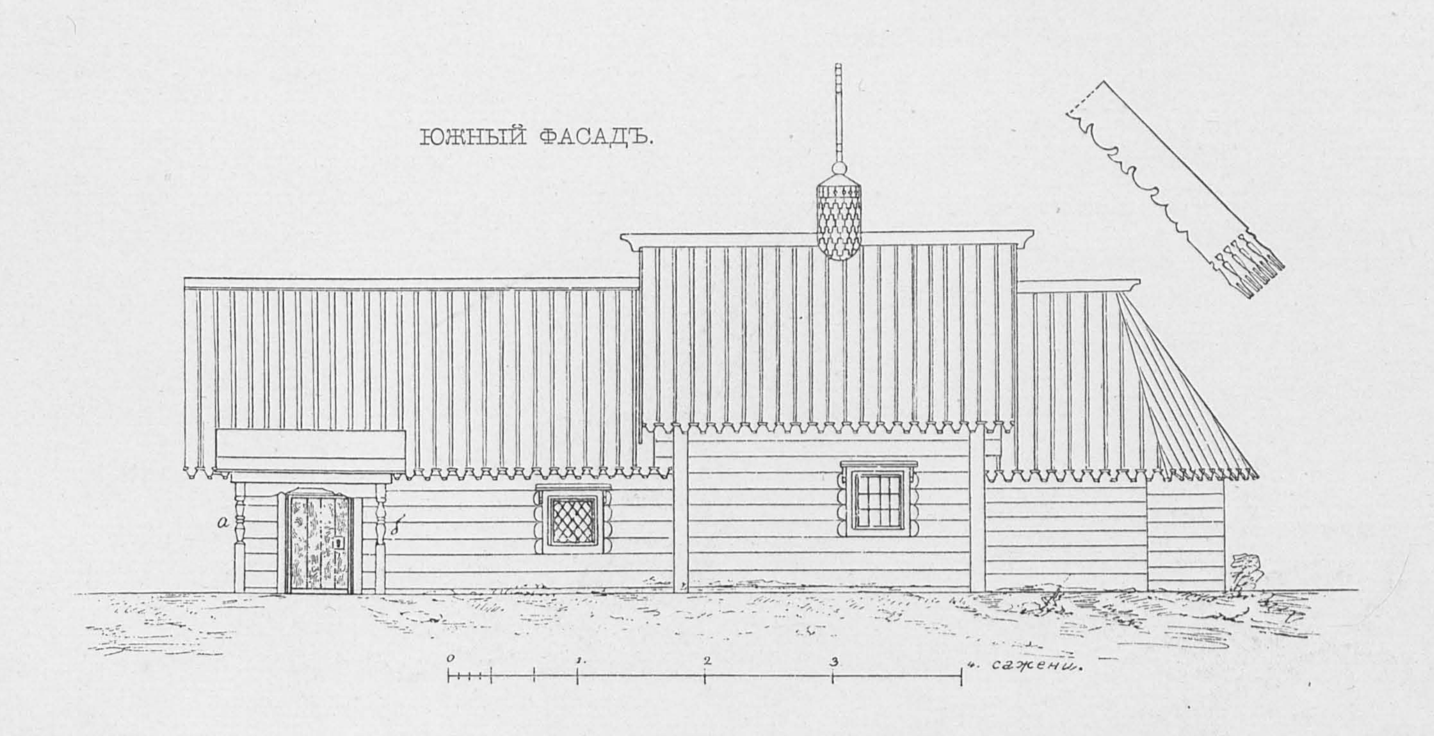

ЦЕРКОВЬ СВ. ДИМИТРІЯ СОЛУНСКАГО ВЪ КАМЕННОМЪ ГОРОДИЩѢ.

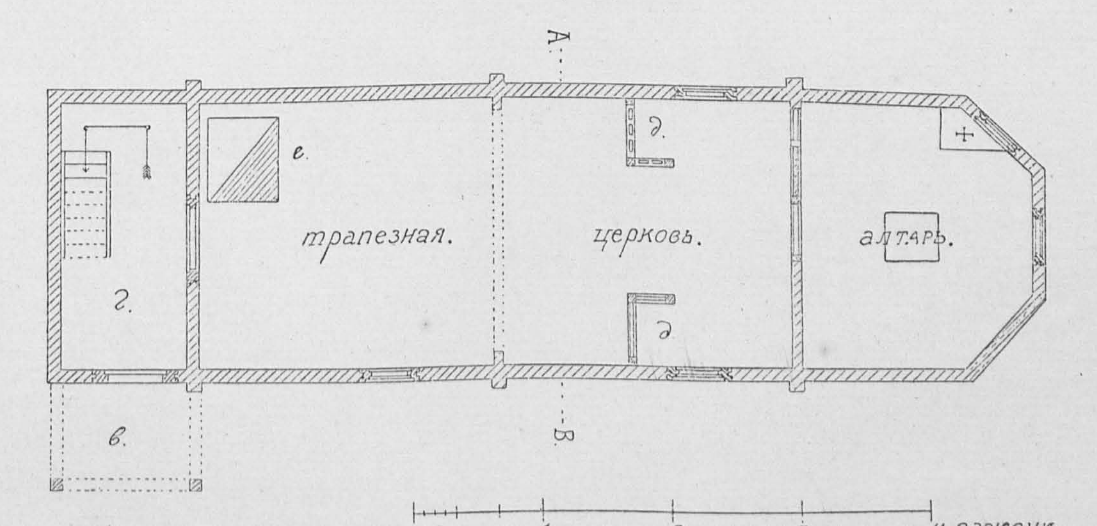
2. ВИДЪ СЪ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ СТОРОНЫ.

ЦЕРКОВЬ СВ. ДИМИТРІЯ СОЛУНСКАГО
ВЪ КАМЕННОМЪ ГОРОДИЩѢ.

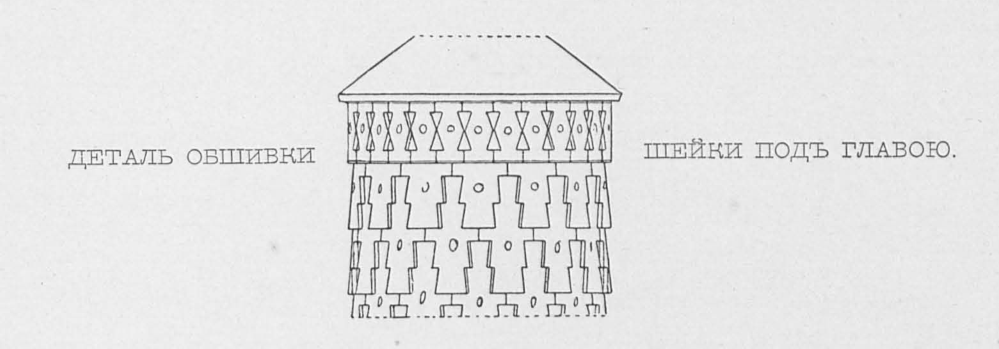

ПЛАНЪ ЦЕРКВИ.

ЦЕРКОВЬ СВ. ДИМИТРІЯ СОЛУНСКАГО ВЪ КАМЕННОМЪ ГОРОДИЩѢ.

ДЕТАЛЬ ОБШИВКИ ШЕЙКИ ПОДЪ ГЛАВОЮ.

ДЕТАЛЬ КОЛОНКИ КРЫЛЬЦА.

ДЕТАЛЬ КОЛОНКИ КРЫЛЬЦА.

ВОСТОЧНЫЙ ФАСАДЪ.

б.

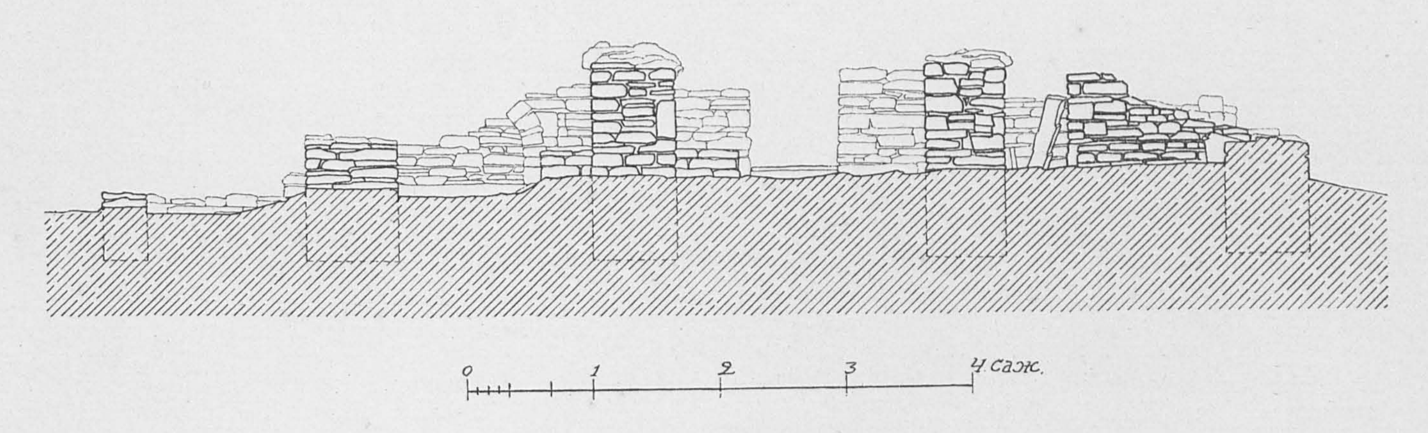
а.

0. 1. 2. 3 сажени.

РАЗВАЛИНЫ ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ НА БЕРЕГУ Р. ВОЛХОВА

ВЪ СЕЛЕНІИ СТАРОЙ ЛАДОГѢ.

РАЗРѢЗЪ ПО ЛИНІИ АВ.

В

а.
б.
с.
в.
е.
г.
г.
д.
д
ж.
з.

ПЛАНЪ СОХРАНИВШИХСЯ СТѢНЪ ЦЕРКВИ.

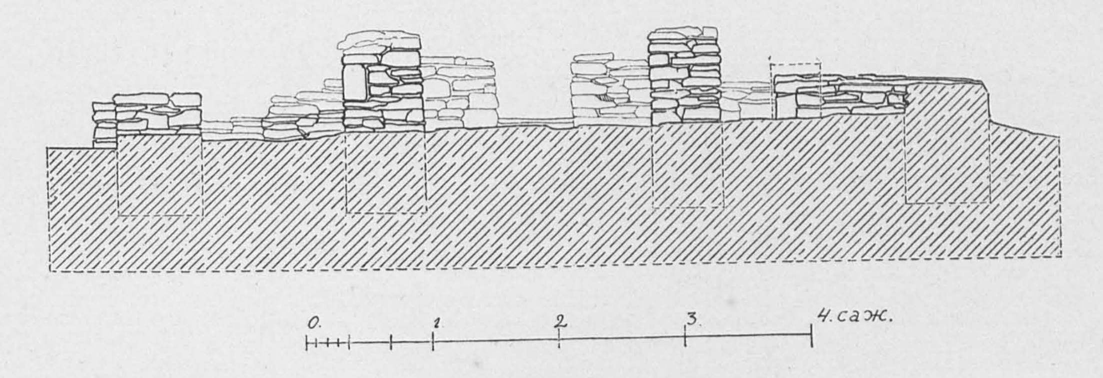
А

0. 1. 2 3. 4. саж.

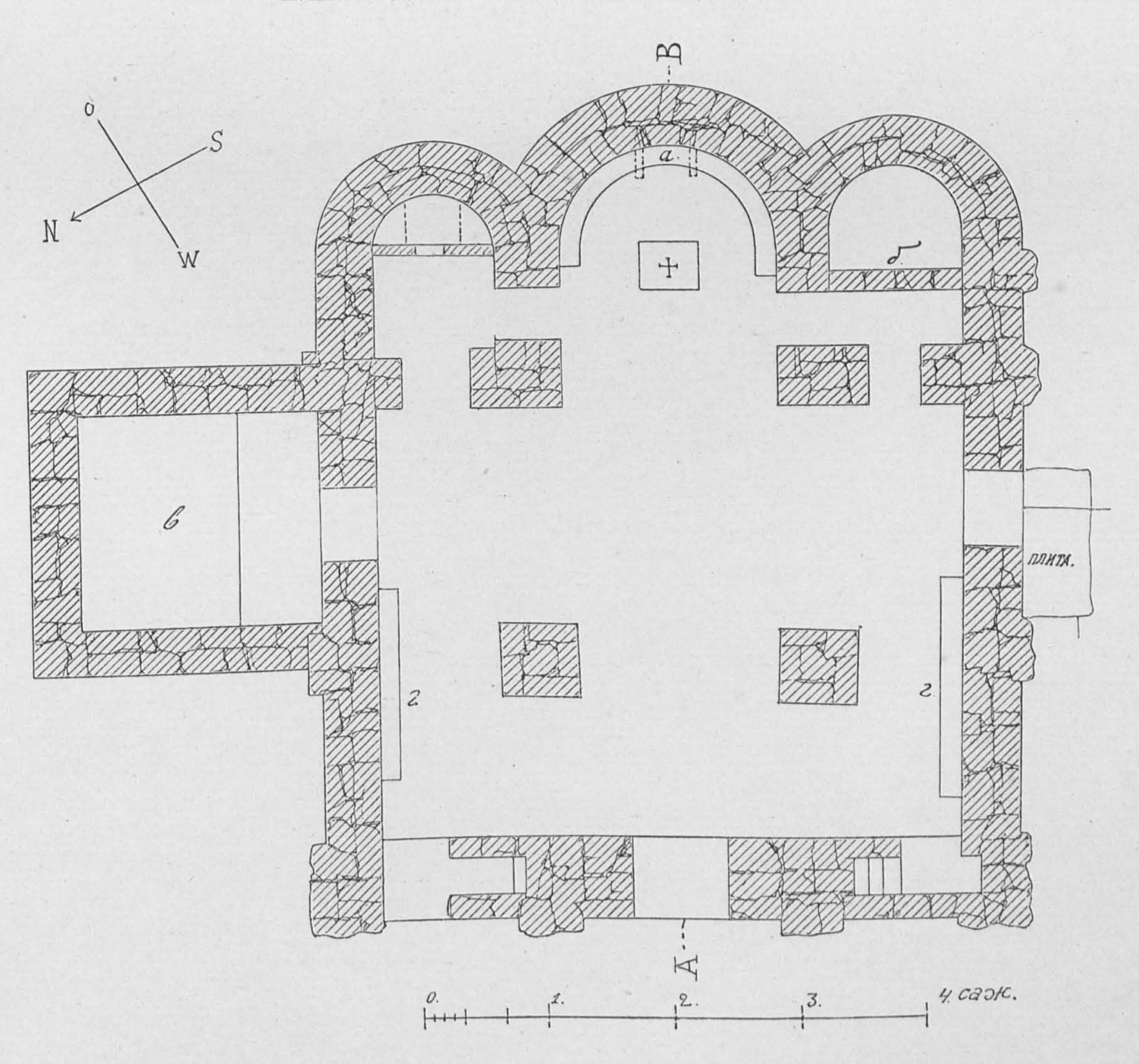
ОСТАТКИ ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ НА БЕРЕГУ Р. ЛАДОЖКИ,

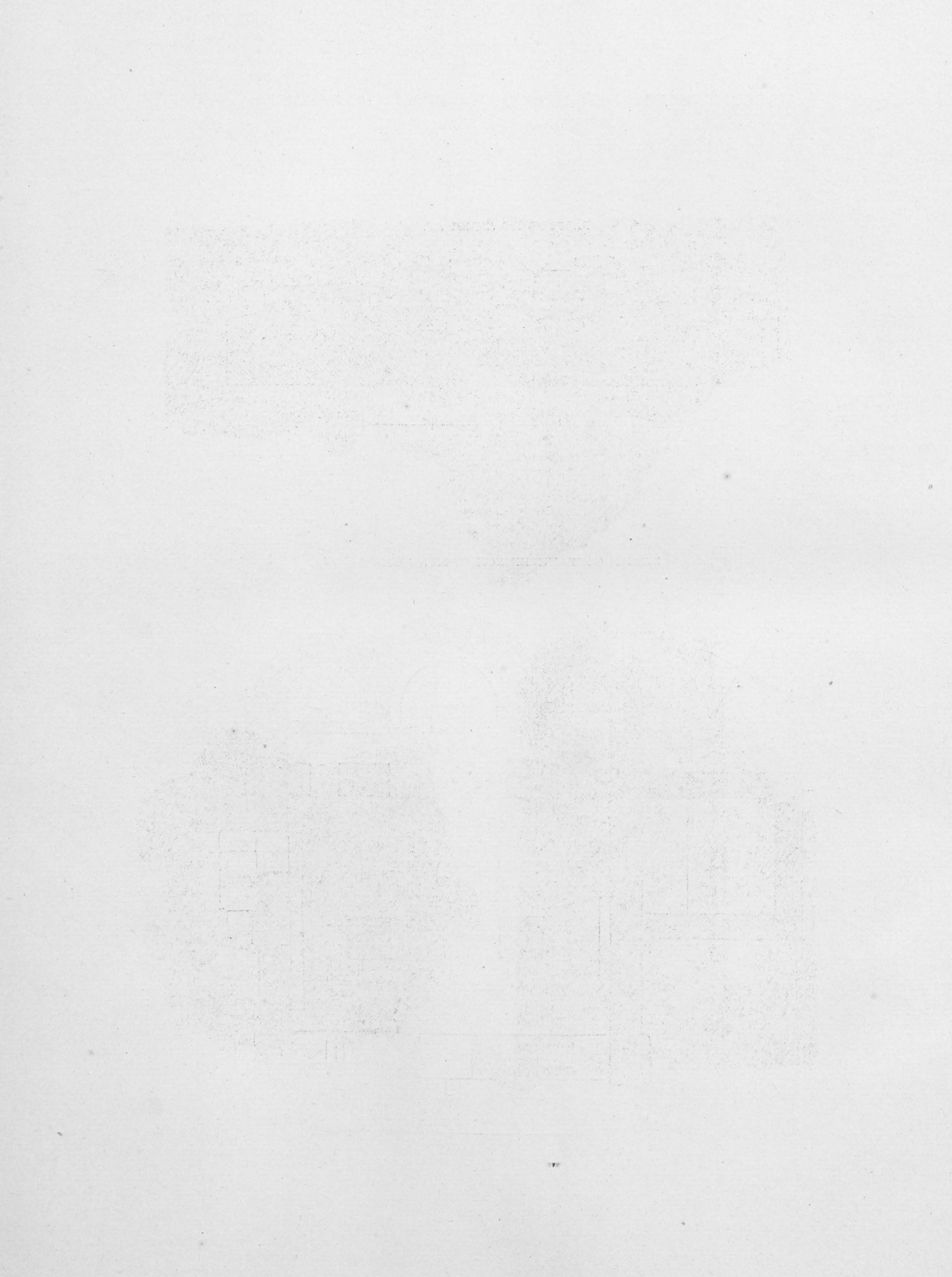
ВЪ СЕЛЕНІИ СТАРОЙ ЛАДОГѢ.

РАЗРѢЗЪ ПО ЛИНІИ АВ.

ПЛАНЪ СОХРАНИВШИХСЯ СТѢНЪ ЦЕРКВИ.

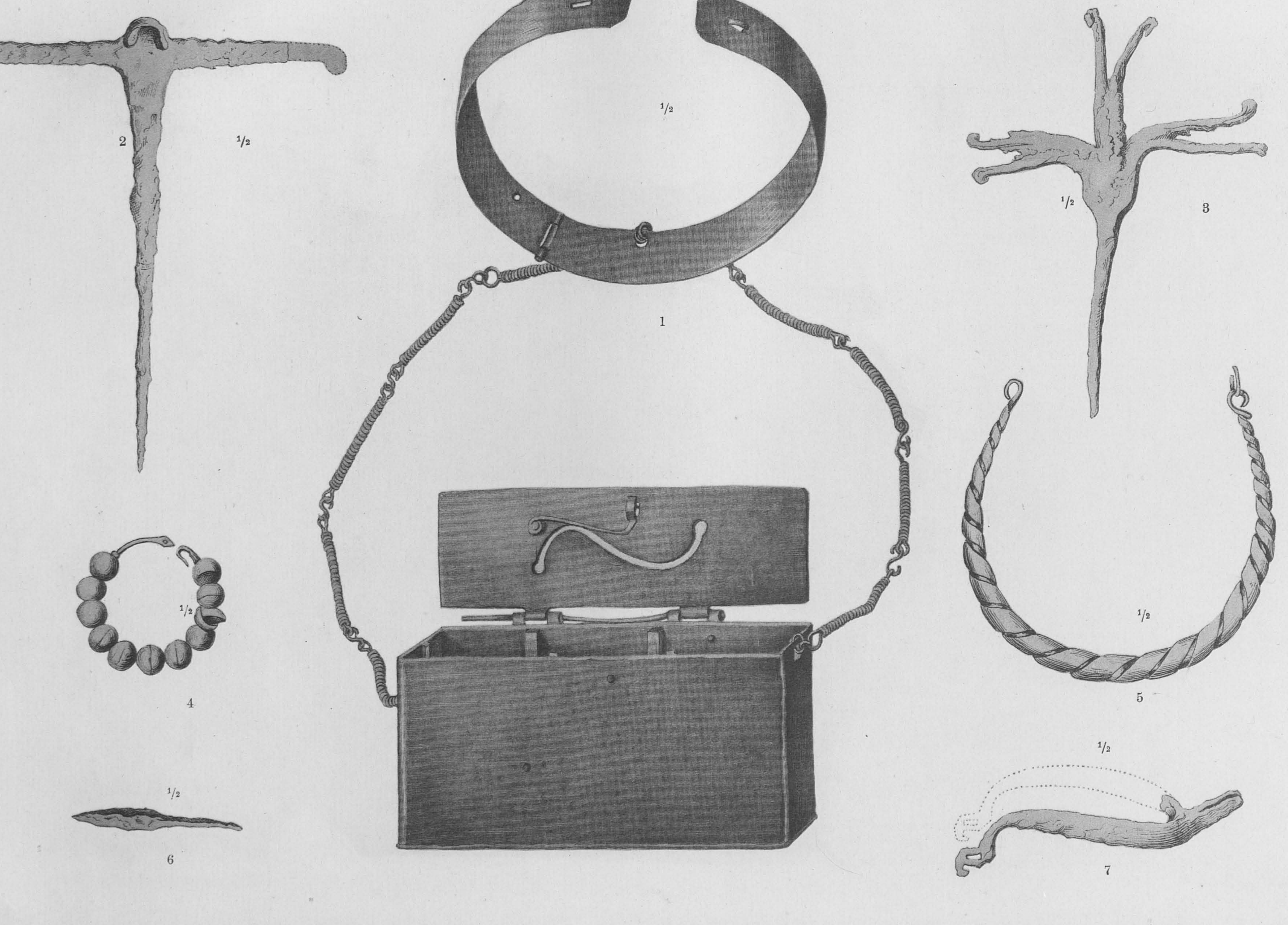
Фрагменты штукатурки съ вырѣзанными надписями и изображеніями.

(Изъ развалинъ храмовъ таб. LIX и LX.)

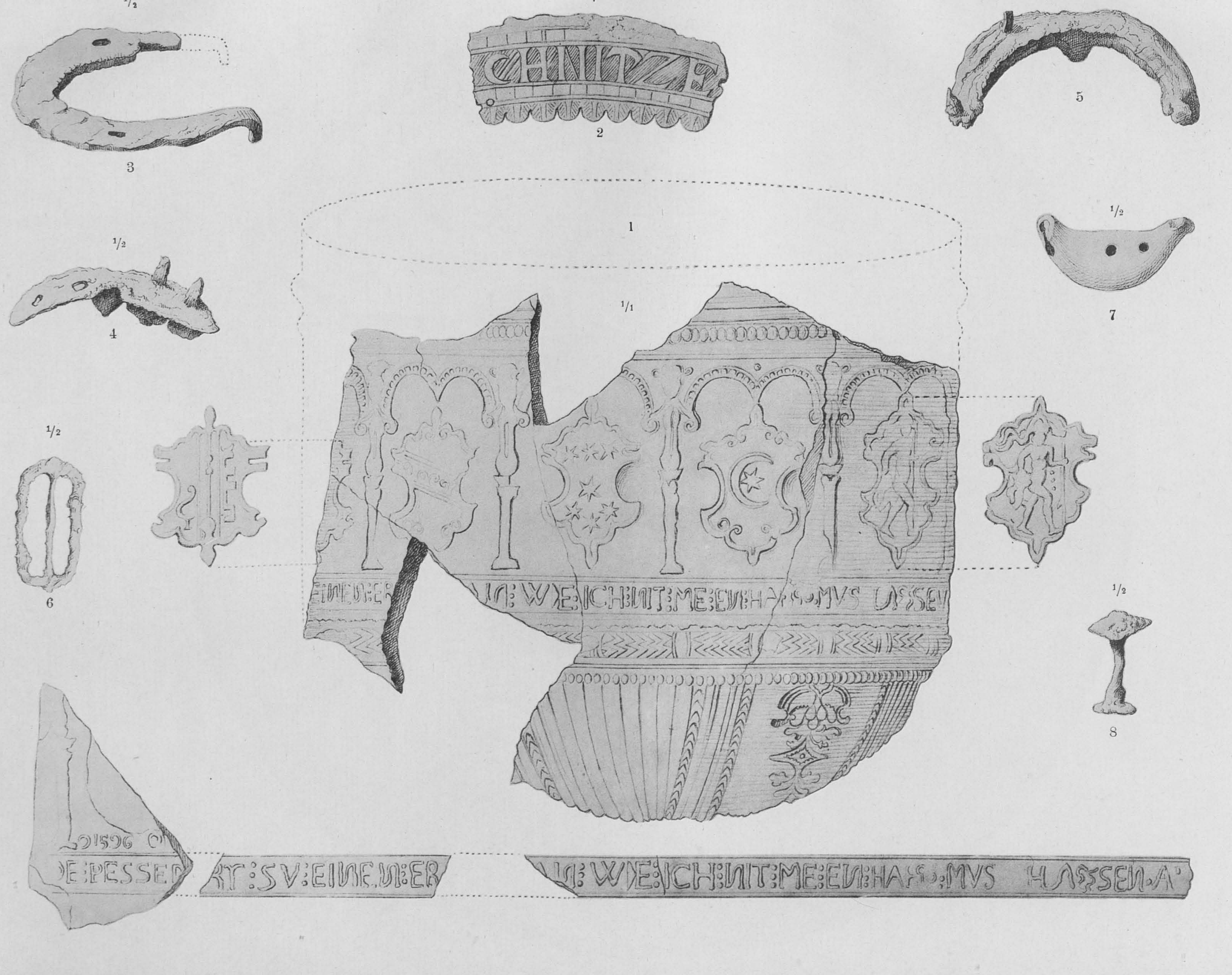

Фрагменты штукатурки съ вырѣзанными надписями и изображеніями.

(Изъ развалинъ храмовъ таб. LIX и LX.)

Находки въ каменномъ городищѣ: 1.-Желѣзный ящичекъ на ошейникѣ (б. м. покаянная сборная кружка для подаяній), найденная въ Георгіевс. церкви въ 1821 г.; 2-3. Желѣзные свѣтцы для свѣчекъ и лучины. (въ грунтѣ двора городища); 4-5. серебряныя серьга и шейная гривна, изъ развалинъ храма таб. LIX; 6 - желѣзн. наконечникъ стрѣлы (въ завалѣ Климент. [illegible]

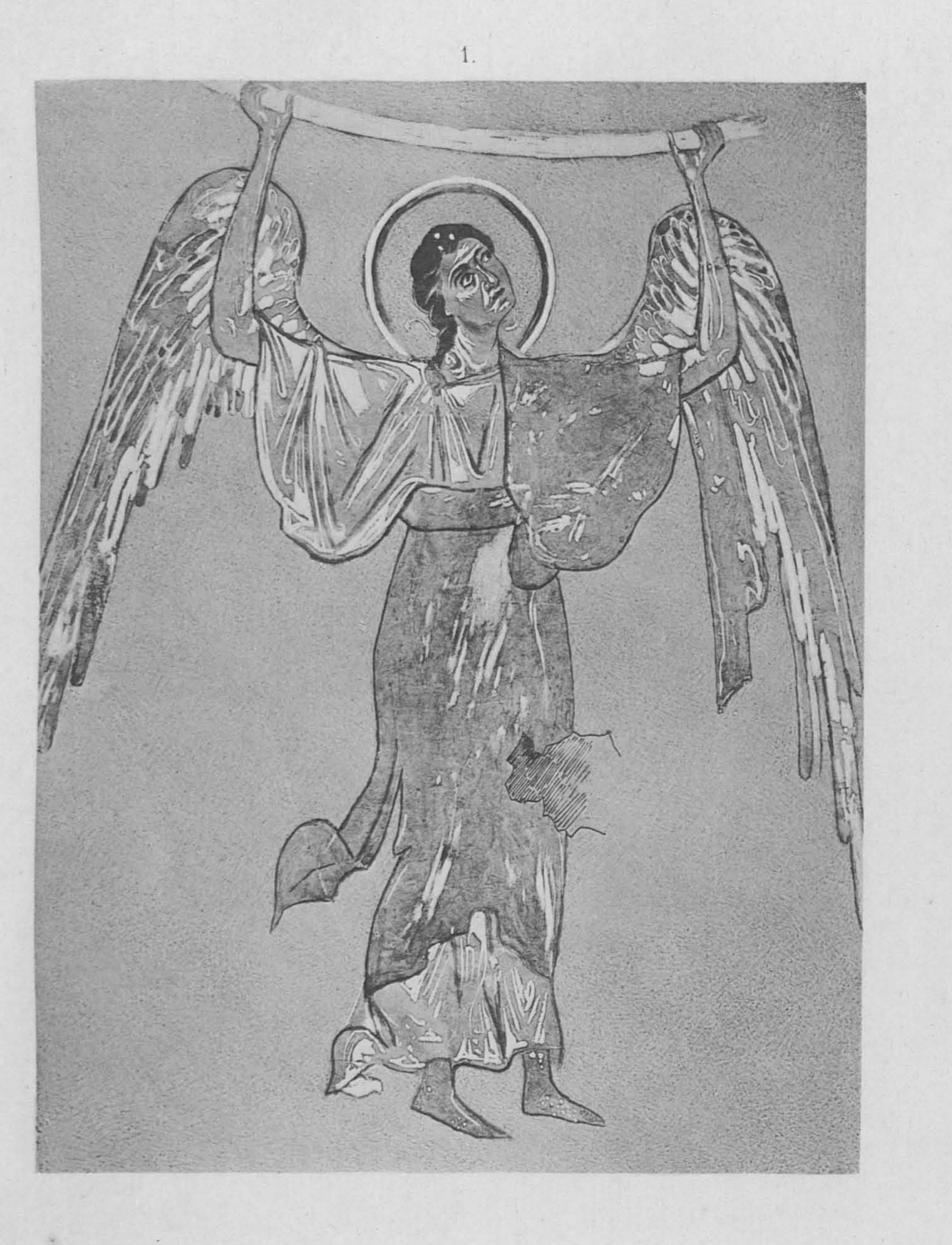

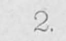
Находки въ каменномъ городищѣ: 1-4. Часть фаянсовой чаши 1596 г. фрагментъ металлич. обложки съ надписью, конскія подковы (всѣ въ амбразурѣ западн. стѣны); 5 и 7 — конская подкова и глин. свистулька (обѣ въ завалѣ Стрѣлочной башни); 6 и 8 — желѣзн. пряжка и заклепка (въ грунтѣ двора городища).

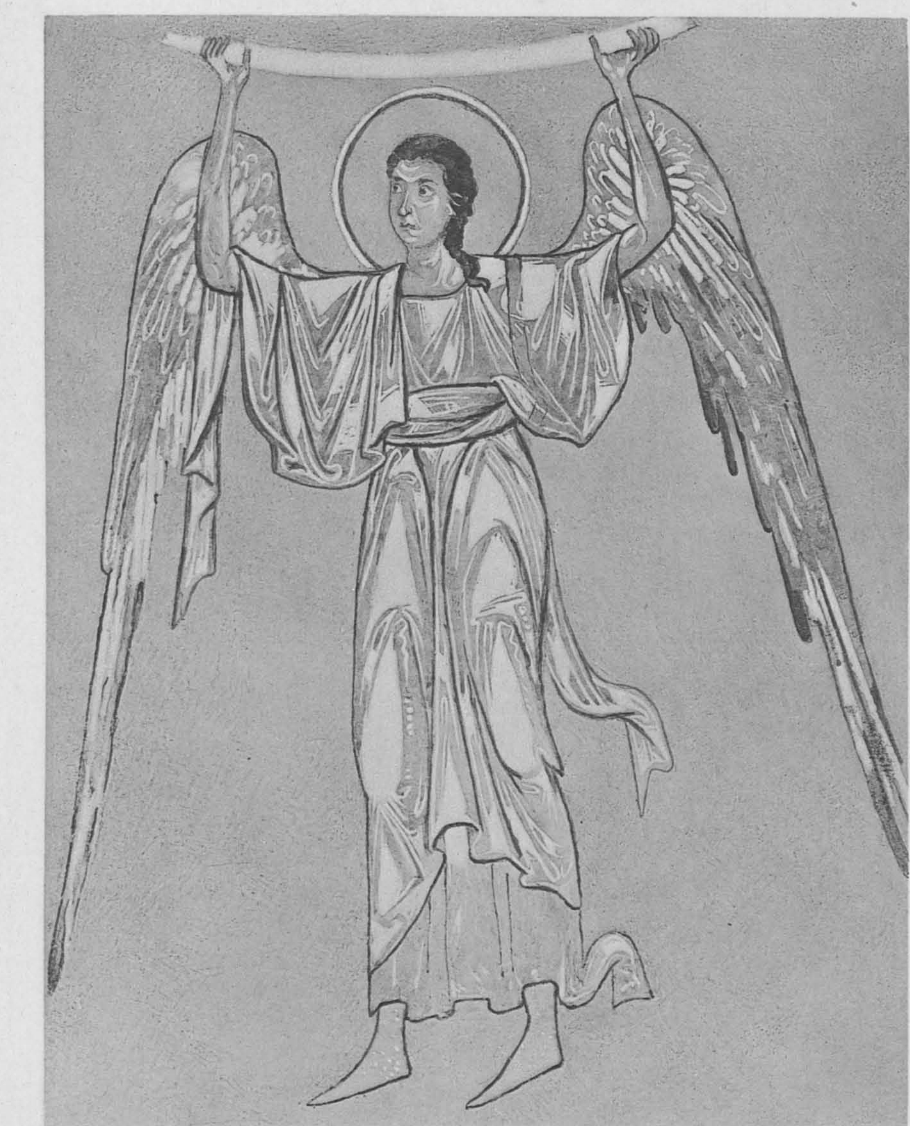

Изображеніе Вседержителя въ центрѣ купола церкви св. Георгія.

1.

ИЗОБРАЖЕНІЯ АНГЕЛОВЪ ВЪ КУПОЛѢ ЦЕРКВИ СВ. ГЕОРГІЯ (НА ЗАПАДНОЙ СТОРОНѢ).

Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.

3.

4.

ИЗОБРАЖЕНІЯ АНГЕЛОВЪ ВЪ КУПОЛѢ ЦЕРКВИ СВ. ГЕОРГІЯ (НА ЮЖНОЙ СТОРОНѢ).

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

5.

6.

Изображенія ангеловъ въ куполѣ церкви св. Георгія (на восточной сторонѣ).

7.

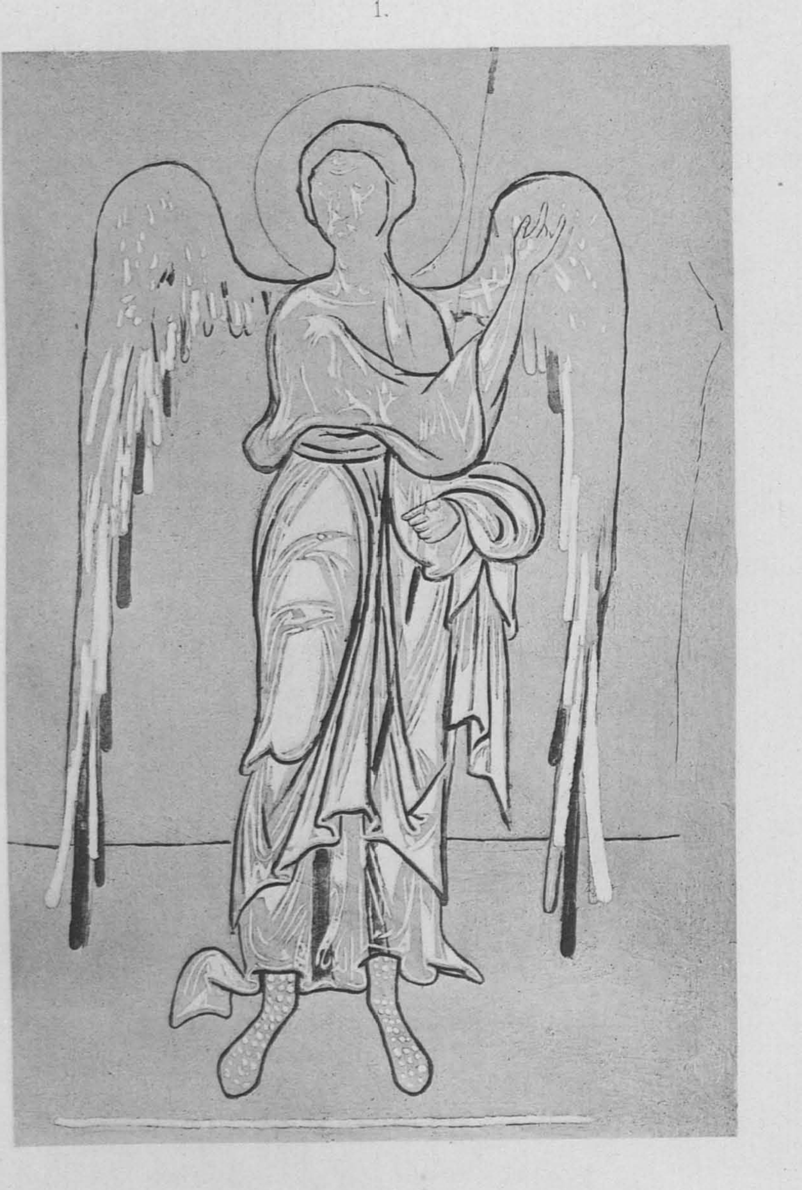

8.

ИЗОБРАЖЕНІЯ АНГЕЛОВЪ ВЪ КУПОЛѢ ЦЕРКВИ СВ. ГЕОРГІЯ (НА СѢВЕРНОЙ СТОРОНѢ).

1.

2.

3.

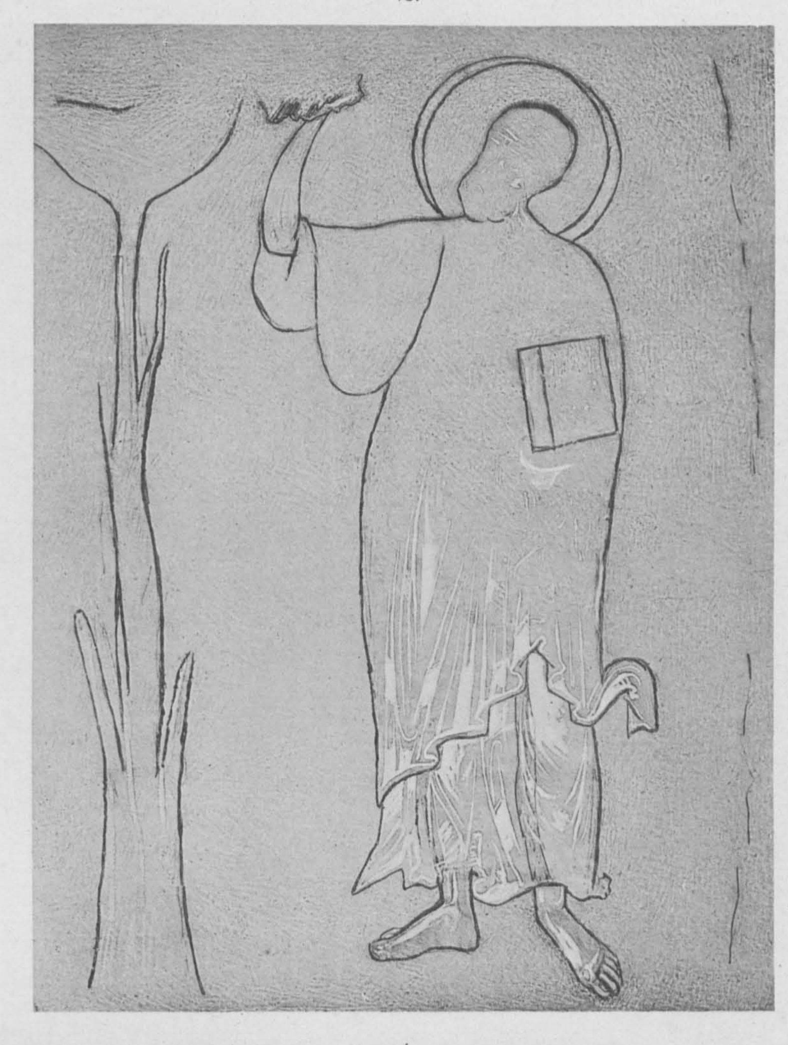
ИЗОБРАЖЕНІЯ БОГОМАТЕРИ И АНГЕЛОВЪ НА ВОСТОЧНОЙ СТОРОНѢ БАРАБАНА ЦЕРКВИ СВ. ГЕОРГІЯ.

1.

2.

3.

4.

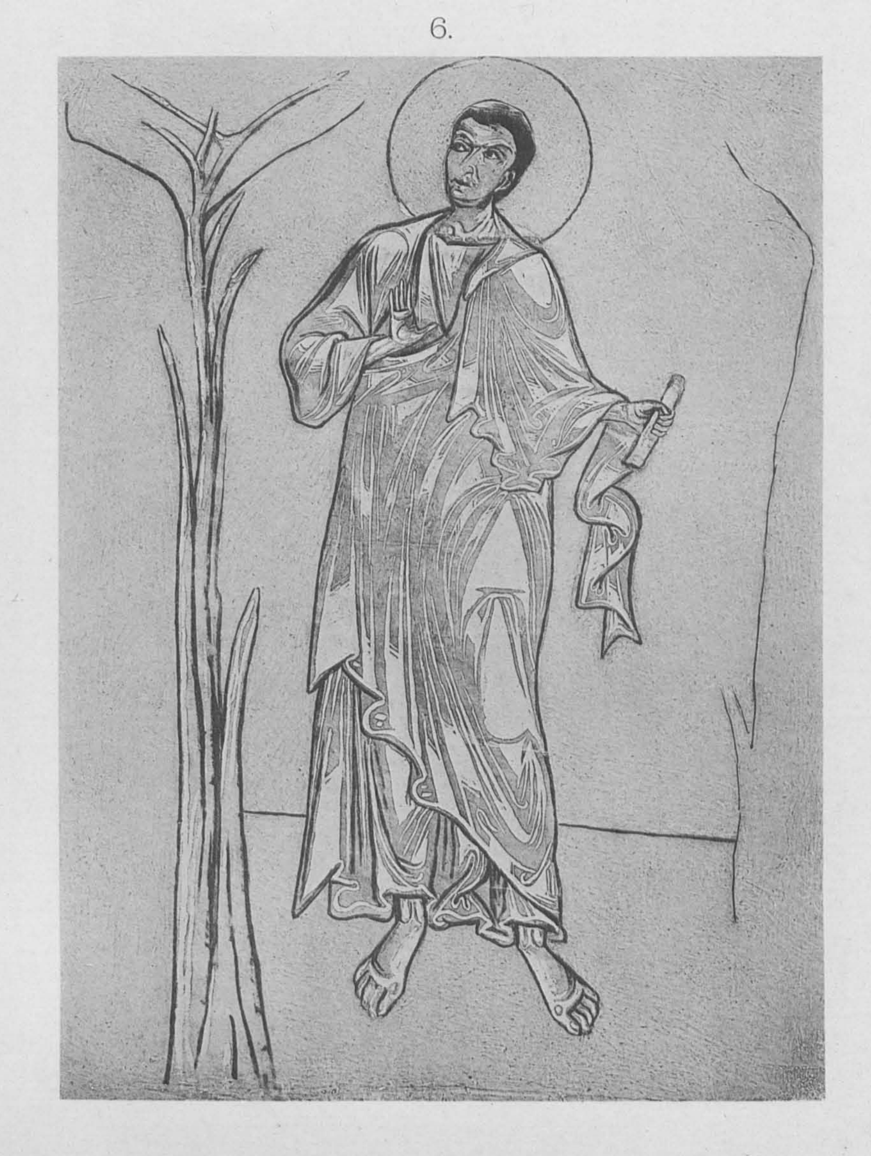

ИЗОБРАЖЕНІЯ АПОСТОЛОВЪ ВЪ БАРАБАНѢ ЦЕРКВИ СВ. ГЕОРГІЯ.

5.

6.

7.

8.

ИЗОБРАЖЕНІЯ АПОСТОЛОВЪ ВЪ БАРАБАНѢ ЦЕРКВИ СВ. ГЕОРГІЯ.

9

10.

11.

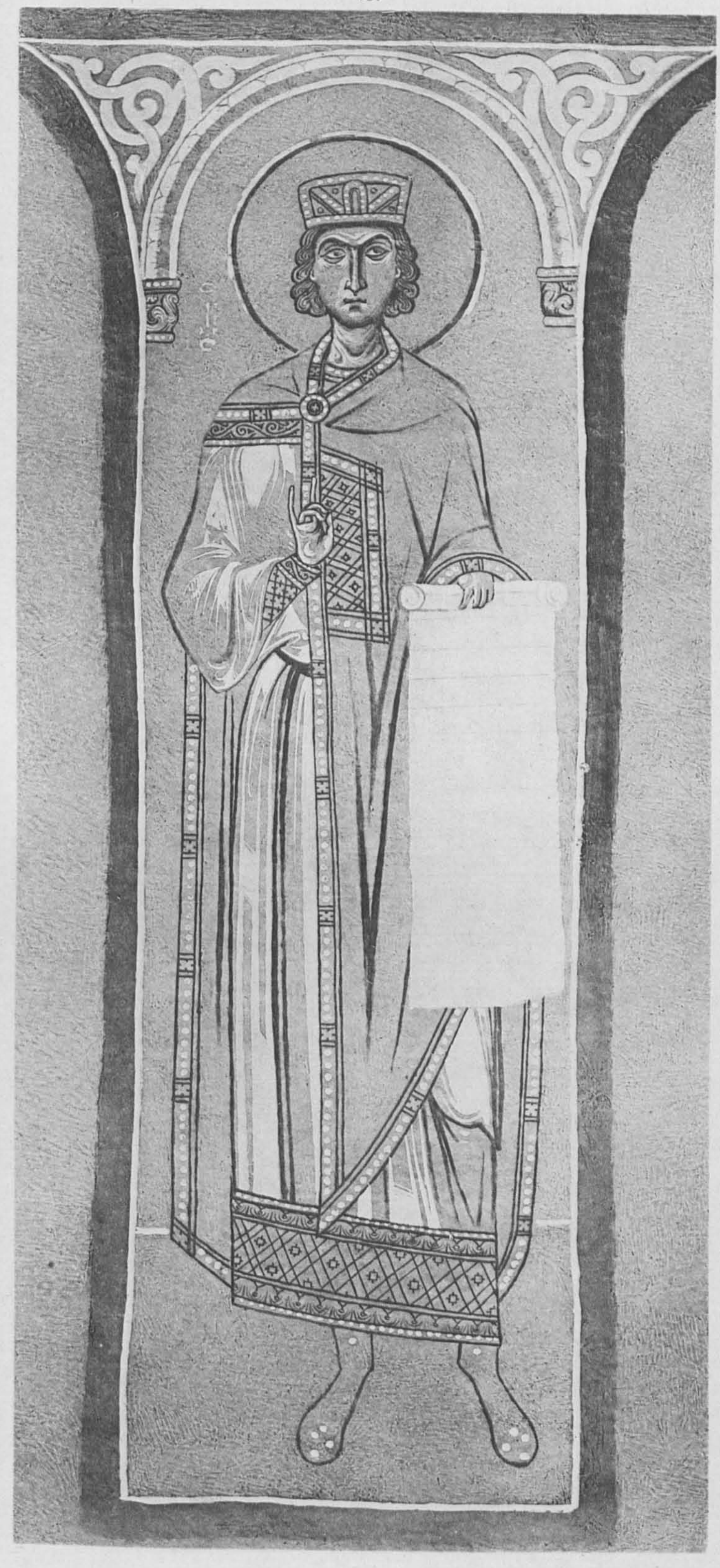
12.

ИЗОБРАЖЕНІЯ АПОСТОЛОВЪ ВЪ БАРАБАНѢ ЦЕРКВИ СВ. ГЕОРГІЯ.

1.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ПРОРОКОВЪ ВЪ ПРОСТѢНКАХЪ ОКОНЪ БАРАБАНА ЦЕРКВИ СВ. ГЕОРГІЯ.

3.

4.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ПРОРОКОВЪ ВЪ ПРОСТѢНКАХЪ ОКОНЪ БАРАБАНА ЦЕРКВИ СВ. ГЕОРГІЯ.

5.

6.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ПРОРОКОВЪ ВЪ ПРОСТѢНКАХЪ ОКОНЪ БАРАБАНА ЦЕРКВИ СВ. ГЕОРГІЯ.

ОРНАМЕНТЫ
НА ОТКОСАХЪ
ОКОНЪ БАРАБАНА
въ церкви
Св. Георгія
(въ Старо-Ладожской Крѣпости.)

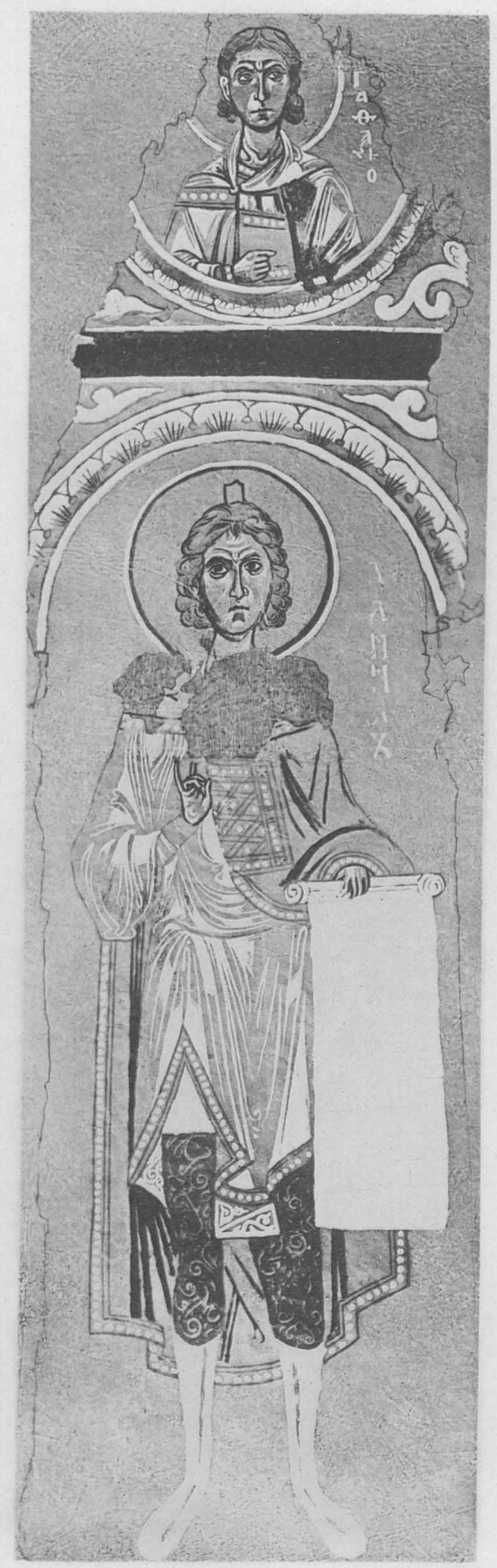
1.

1. ИЗОБРАЖЕНІЕ ПРОРОКА
ВЪ ПРОСТѢНКѢ БАРАБАНА
ЦЕРКВИ СВ. ГЕОРГІЯ.

2.

2.3. ИЗОБРАЖЕНІЯ НА ЮЖНОЙ
СТѢНѢ ЦЕРКВИ СВ. ГЕОРГІЯ
(ОКОЛО ИКОНОСТАСА).

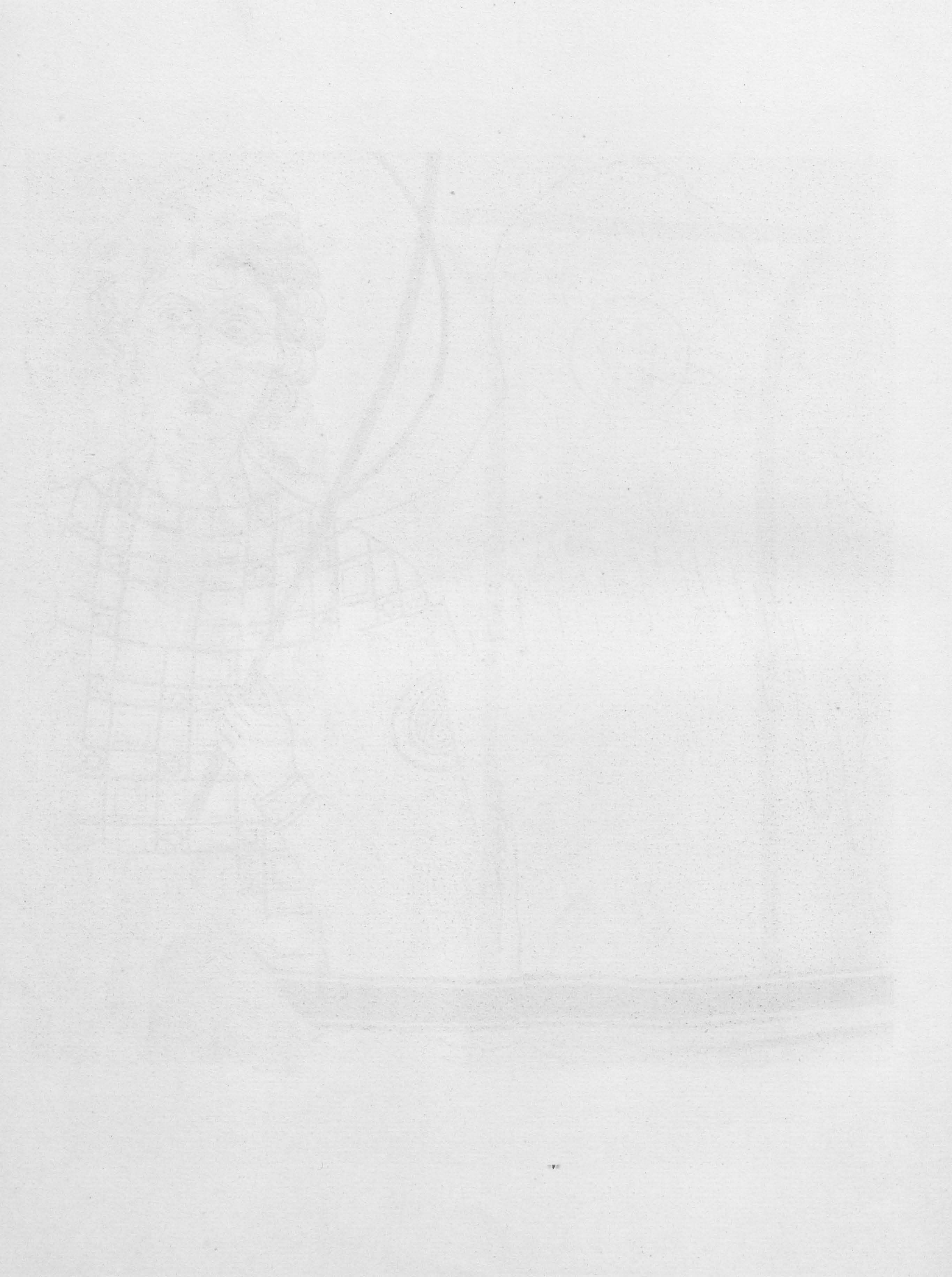

3.

ИЗОБРАЖЕНІЕ ПРОРОКА ВЪ ПРОСТѢНКѢ БАРАБАНА.

ИЗОБРАЖЕНІЯ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ХРАМА.

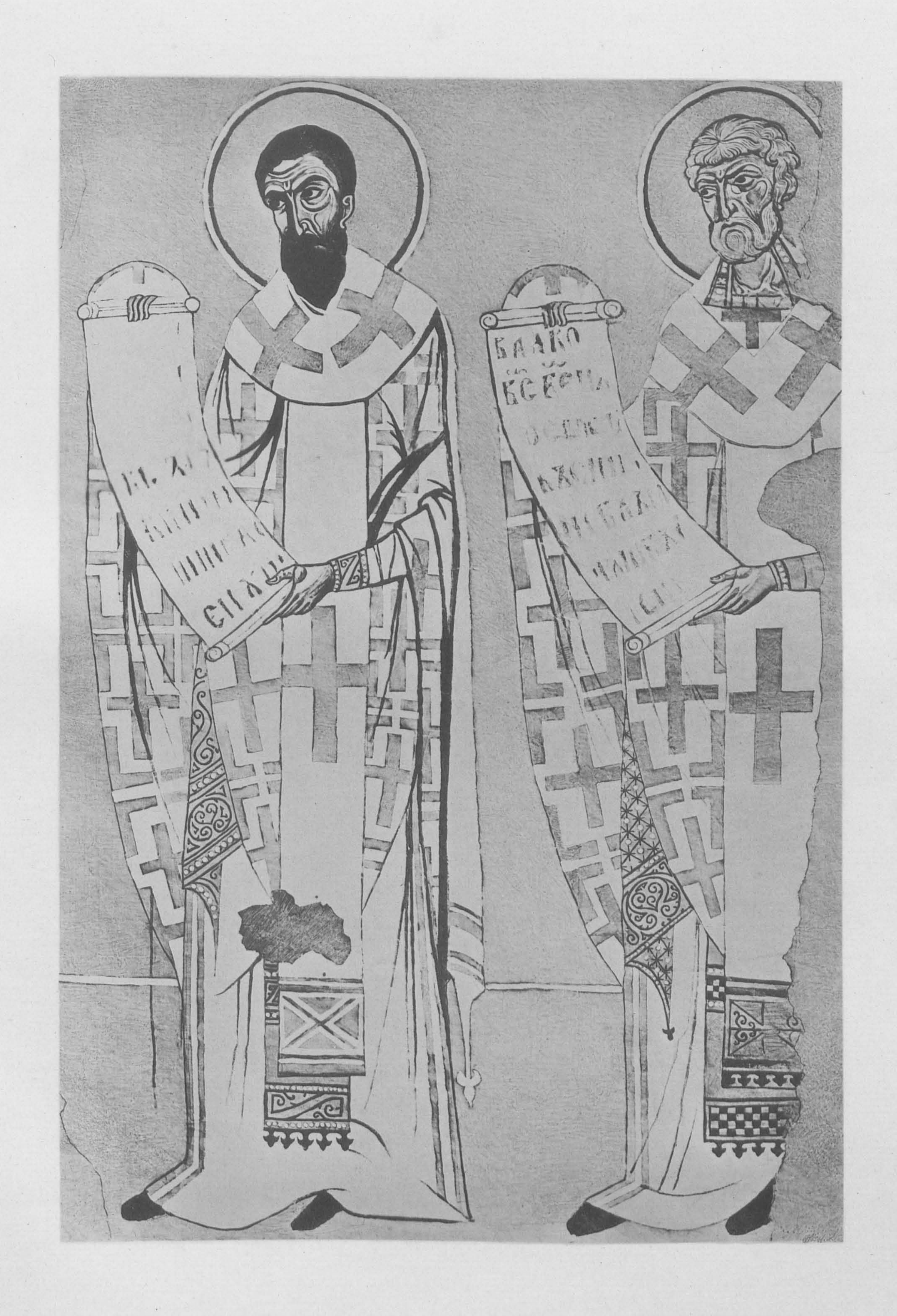

ЗОБР. АРХАНГЕЛА ГАВРІИЛА ВЪ ПОЛУКУПОЛѢ СѢВЕРНОЙ ОБСИДЫ (ЖЕРТВЕННИКА) Ц. СВ. ГЕОРГ

ИЗОБРАЖЕНІЕ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА ВЪ ПОЛУКУПОЛѢ ЮЖНОЙ ОБСИДЫ (ДІАКОННИКА) ЦЕРКВИ СВ. ГЕОРГІЯ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ СВЯТИТЕЛЕЙ ВЪ ГЛАВНОЙ ОБСИДѢ ЦЕРКВИ СВ. ГЕОРГІЯ.

ИЗОБРАЖЕНІЕ СВ. ГЕОРГІЯ НА СТѢНѢ ДІАКОННИКА.

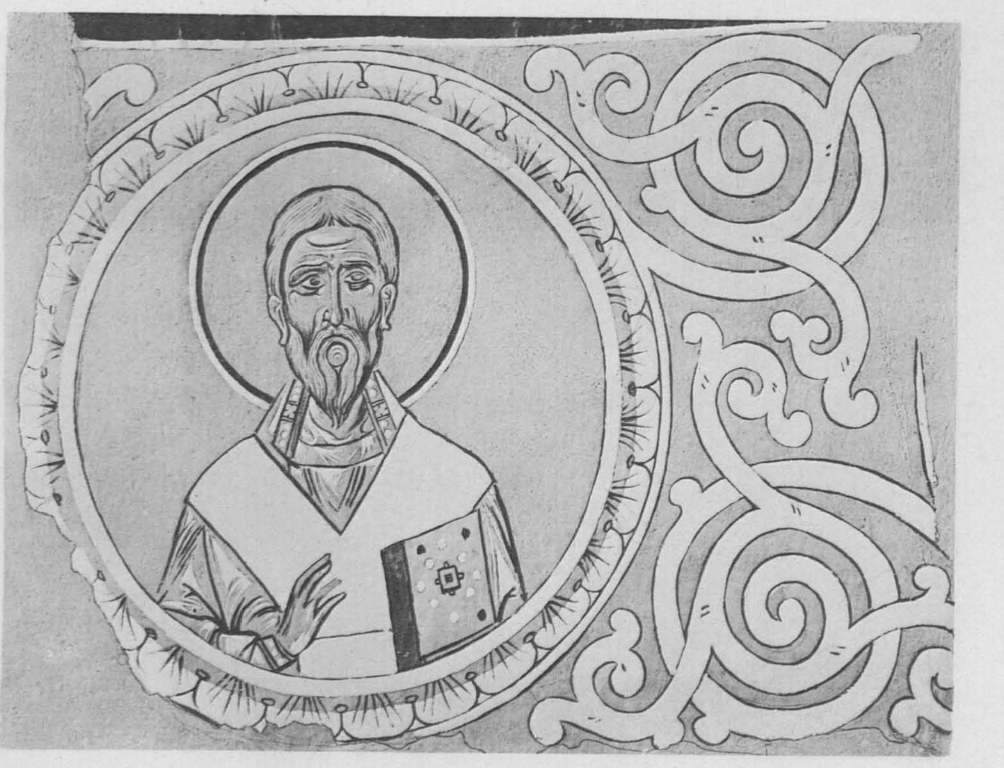
0. 1 арш.

0. 1. 2. 3. 4. 8. 16 верш.

1. 2. ИЗОБРАЖЕНІЯ СВЯТИТЕЛЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ ОБСИДѢ.   3. ИЗОБРАЖЕНІЯ СВЯТИТЕЛЕЙ ВЪ ГЛАВНОЙ ОБСИДѢ.

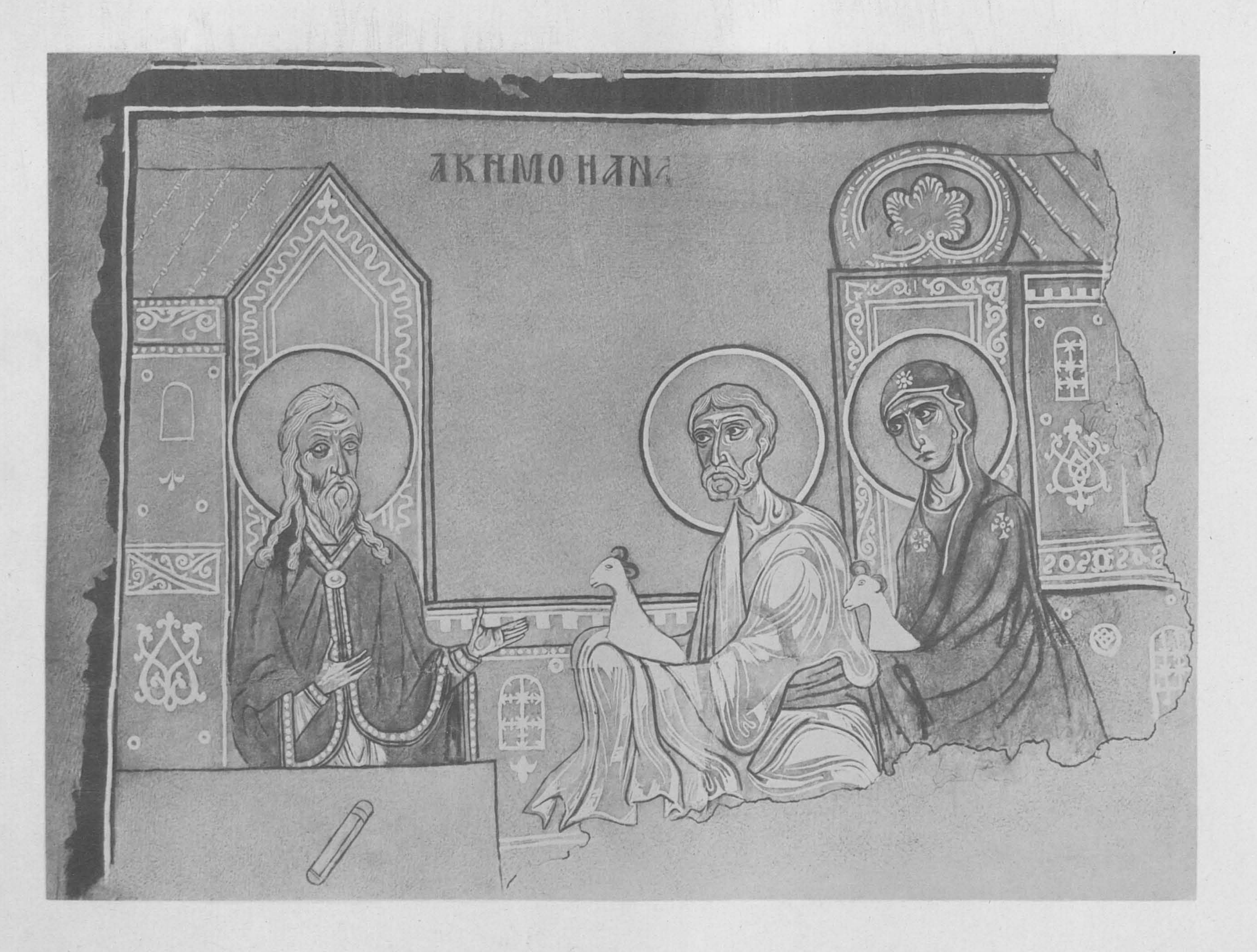

3.

1.

2.

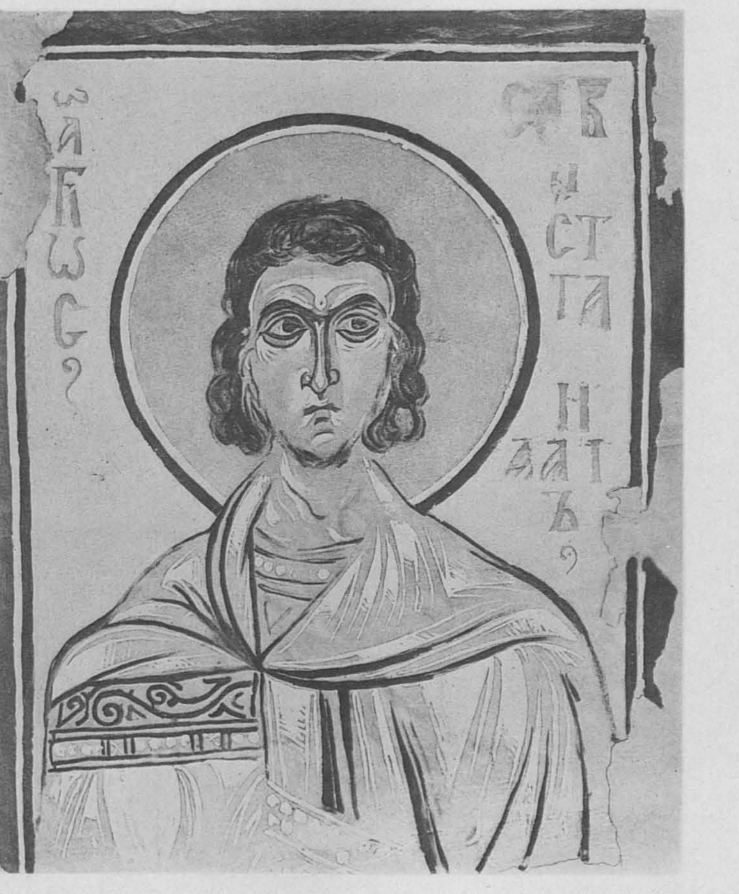

ИЗОБРАЖЕНІЕ ОЧИСТИТЕЛЬНОЙ ЖЕРТВЫ ІОАКИМА И АННЫ НА СѢВЕРНОЙ СТѢНѢ ЖЕРТВЕННИКА.

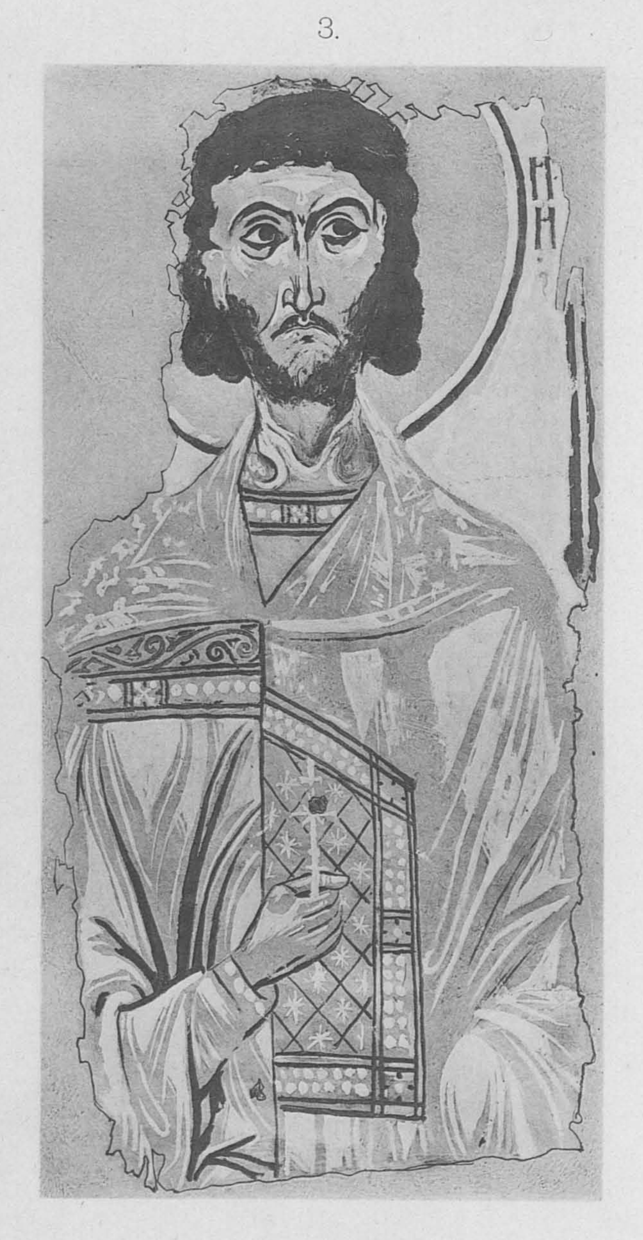
1.

2.

3.

1. 2. 3. ОДИНОЧНЫЯ ИЗОБРАЖЕНІЯ СВЯТЫХЪ ВЪ ДІАКОННИКѢ ЦЕРКВИ СВ. ГЕОРГІЯ.

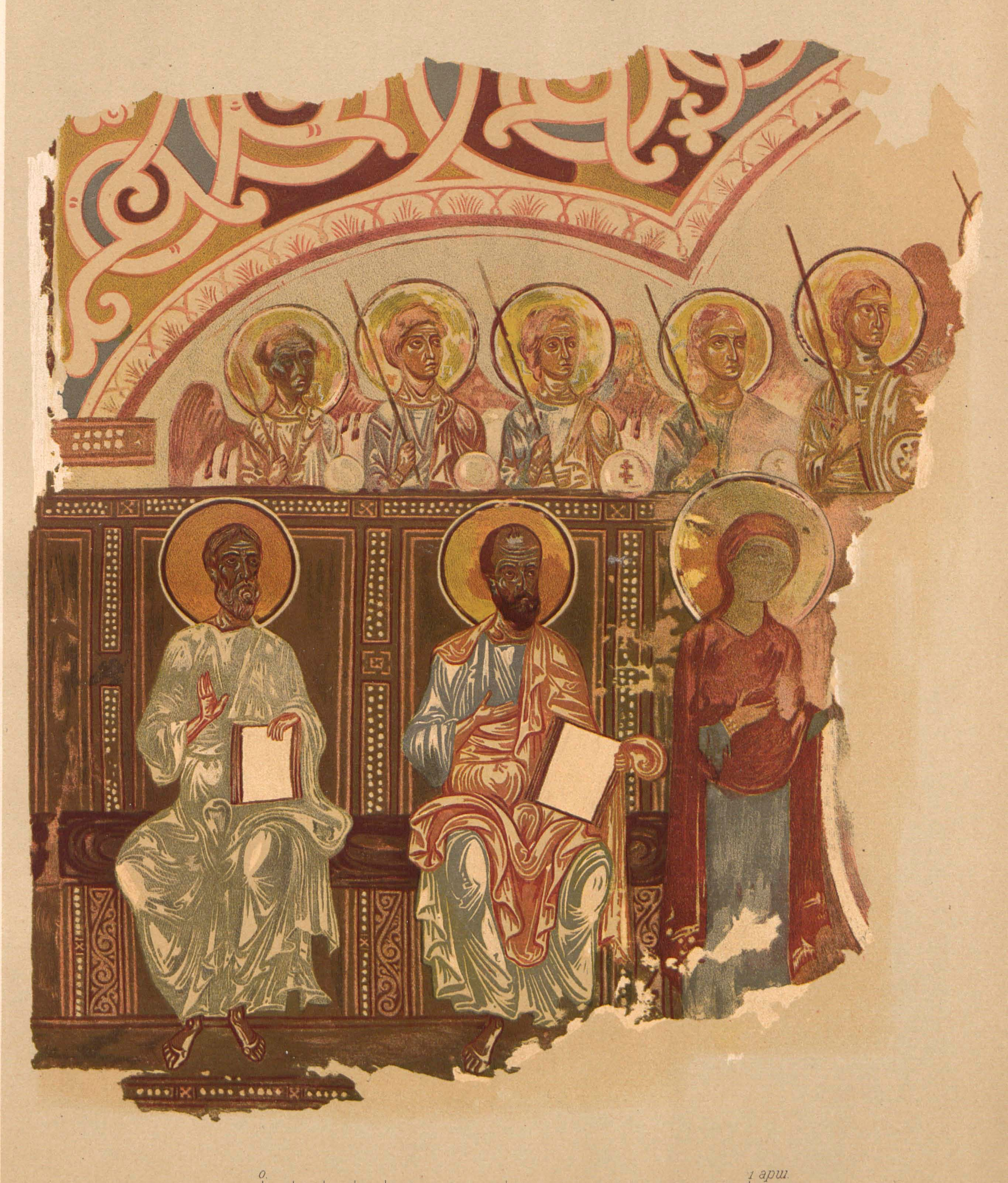
ИЗОБРАЖЕНІЯ НА АРКАХЪ ПОДЪ ХОРАМИ

Хромолитографія Экспед. Заготов. Государ. Бумагъ.

ЧАСТЬ КАРТИНЫ СТРАШНАГО СУДА

на западной стѣнѣ церкви.

ЧАСТЬ КАРТИНЫ СТРАШНАГО СУДА НА ЗАПАДНОЙ СТѢНѢ ЦЕРКВИ (АПОСТОЛЫ).

ю. свод на хорах.

ИЗОБРАЖЕНІЕ АНГЕЛОВЪ НА ЮЖНОЙ СТѢНѢ Ц. СВ. ГЕОРГІЯ.

ДРАКОНЫ ПОДЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ МУЧЕНИЦЫ МАРІИ.

ПРАВАЯ ЧАСТЬ КАРТИНЫ СТРАШНАГО СУДА.

